

5557

ЗНАНИЕ—СИЛА.

Самойло М. Исаковичъ.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА.

Шкафъ 1 полка 3 рядъ кр.

Книга всегда должна быть поставлена на место соответствующее указаніямъ предыдущей строки.

Фундаментальнаго каталога.

№

427^{1/2}

Inv. № 5058.

3898

8P
П12

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

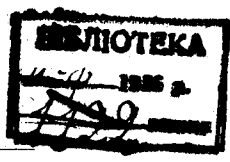
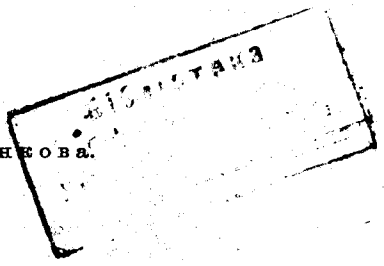
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Издание Ф. Павленкова.

Цена за каждую часть 1 р.

7-555

X

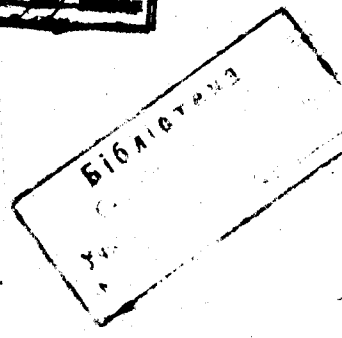
16
1104
1941

НБ ПНУС

5557

Етнолог. Кабин.
Учв. № 217.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ГОЛОВАЧОВА.
(Вознесенскій пр., д. ММ 23 и 81).

1866.

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ

МЕТТЕРНИХЪ.

«Мои мемуары, говоритъ князь Меттернихъ, составили бы исторію моего времени; мнѣ не нужно писать ихъ, онѣ уже написаны и лежатъ въ архивахъ». Въ этихъ словахъ, насквозь пропитанныхъ наивнѣйшимъ самообожаніемъ, много правды. Съ 1809 года Меттернихъ становится главою австрійской дипломатіи, и до 1848 года ни одно обще-европейское событіе не обходится безъ его участія. Впродолженіе сорока лѣтъ, Меттернихъ завязываетъ и распутываетъ дипломатическіе вопросы, сзываетъ конгрессы, обсуживаетъ важнѣйшіе интересы націй и правительствъ, умѣряетъ по-своему воодушевленіе народовъ, постоянно борется противъ требованій духа времени, и наконецъ падаетъ отъ неудержимаго напора новыхъ идей и стремленій. Характеристика этой многосторонней дѣятельности можетъ подать поводъ къ плодотворнымъ размышленіямъ въ области новѣйшей исторіи и психологіи. Писать біографію Меттерниха значить обсуживать тѣ идеи, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, отдѣлять въ этихъ идеяхъ то, что принадлежитъ самому Меттерниху, отъ того, что приписано ему ошибочно, и, объясняя дѣйствія отдѣльной личности влияніемъ времени и обстоятельствъ, произносить сужденіе надъ цѣлымъ типомъ политическихъ дѣятелей, надъ цѣлымъ направленіемъ, надъ цѣлою системою административныхъ учреждений. Въ полномъ объемѣ разрѣшить такую огромную задачу въ предѣлахъ журнальной статьи — невозможно; поэтому необходимо изъ многолѣтней дѣятельности Меттерниха выбрать болѣе яркіе факты, замѣчательные моменты, и, освѣтивъ ихъ какъ слѣдуетъ, показать читателямъ, что за человѣкъ былъ князь Климентъ Венцеславъ Лотарій Непомукъ Меттернихъ, и что такое его знаменитая система, передъ которою многіе благоговѣли, которую многіе осуждали, и которой изобрѣтеніе не совсѣмъ основательно приписывали австрійскому государственному канцлеру.

I.

Отец австрійскаго министра, графъ Францъ Георгъ фонъ-Меттернихъ принадлежалъ къ старинной нѣмецкой аристократіи; предки его владѣли обширными помѣстьями на Рейнѣ и отличались особенной приверженностію къ интересамъ католической церкви; имена многихъ Меттерниховъ встрѣчаются въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ, и Лотарь Меттернихъ въ началѣ XVIII столѣтія является даже владѣтельнымъ курфирстомъ Трирскимъ. Впрочемъ на этой высотѣ родъ Меттерниховъ не удержался, и графъ Францъ Георгъ въ 1768 году является посланникомъ Трирскаго курфирста при вѣнскомъ дворѣ, а въ 1774 году переходитъ въ австрійскую службу. Состояніе графа по числу помѣстievъ было блестящее, но онъ жилъ такъ роскошно, что доходовъ не доставало; долги росли ежегодно, и сыну графа, князю Клименту Меттерниху пришлось удовлетворять старыхъ кредиторовъ своего отца, тогда, когда онъ самъ уже находился на высшей степени своего могущества. Разоряя такимъ образомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, Францъ Меттернихъ умѣлъ хорошо поставить себя при вѣнскомъ дворѣ, и составивъ себѣ значительныя связи, далъ своему сыну возможность сразу выдти на блестящую дорогу, не тратя силъ на черную работу, и не засиживаясь въ низшихъ инстанціяхъ. Воспитаніе молодаго графа Климента было ввѣрено его матери, женщиной умной, серьезно смотрѣвшей на свои обязанности, но, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, не свободной отъ кастическихъ предрассудковъ.

Климентъ Меттернихъ родился въ 1773 году, въ концѣ XVIII столѣтія, въ то время, когда выростало поколѣніе первой французской революціи. Идеи, опрокинувшія старый престолъ Бурбоновъ, прокрались въ аристократическій графскій домъ; первымъ наставникомъ Климента былъ эльзасскій уроженецъ Симонъ, горячо сочувствовавшій мнѣніямъ и поступкамъ позднѣйшихъ Якобинцевъ. Онъ говорилъ ребенку о силѣ и значеніи этихъ мнѣній, носившихся въ воздухѣ эпохи, онъ предсказывалъ ихъ торжество, и ребенокъ запоминалъ эти рѣчи; онъ не сдѣлался революціонеромъ, потому что обстоятельства повели его въ другую сторону; но, отстаивая всѣми силами абсолютизмъ, Меттернихъ считалъ необходимымъ поддерживать его искусственными средствами. Это стремленіе къ поддержанію принципа, за который онъ боролся въ продолженіи 40 лѣтъ, эта постоянная, тревожная боязнь революціи происходила въ Меттернихѣ именно оттого, что онъ былъ близко знакомъ съ идеями либераловъ и въ молодости самъ испыталъ на себѣ силу этихъ идей. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, молодой графъ отправился

въ Страсбургѣ слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Онъ вынесъ оттуда свободное отношеніе къ вопросамъ религіи, усвоилъ способность послѣдовательно мыслить и привыкъ внимательно вглядываться въ окружающіе предметы; онъ развилъ формальную сторону ума, не обогативши его значительнымъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній. Онъ учился шутя, не переставая быть дилетантомъ науки, и обходя всѣ ея непривлекательныя и на первый взглядъ сухія стороны; оно и понятно; ему было 16 лѣтъ; онъ былъ уменъ и хорошъ собою; у него была возможность жить весело и роскошно; онъ пользовался жизнью, и когда приходила фантазія, обращался къ лекціямъ профессоровъ, какъ къ новому источнику пріятныхъ ощущеній; счастливыя способности давали ему средства воспользоваться всѣмъ, что онъ слышалъ мелькомъ, и легко пополнять тѣ пробѣлы, которые оставляли въ его умѣ эти отрывочныя занятія.— Товарищами его были молодые люди аристократическихъ семействъ и различныхъ національностей; со многими изъ нихъ ему пришлось встрѣтиться на дипломатическомъ поприщѣ; вмѣстѣ съ нимъ учились въ Страсбургѣ Разумовскій, Штакельбергъ, Толстой, Голицынъ, Анштетень, Нарбоннъ и другіе. Между тѣмъ разыгралась французская революція и заботливая маменька вызвала Климента изъ Страсбурга, гдѣ онъ успѣлъ пробыть около двухъ лѣтъ; протекція отца доставила молодому Меттерниху возможность въ качествѣ церемоніймейстера присутствовать при коронаціи императора Леопольда II; потомъ молодой человекъ еще четыре года слушалъ лекціи въ майнцкомъ университетѣ, потомъ отправился путешествовать, побывалъ въ Англии, и наконецъ 23 лѣтъ отъ роду, въ 1795 году женился на княжнѣ Элеонорѣ Кауницъ, внучкѣ покойнаго министра Маріи Терезіи. Легко и весело жилось счастливому юношѣ; его съ удовольствіемъ принимали въ высшемъ кругу; старый Кауницъ незадолго передъ своею смертію назвалъ его «образцовымъ кавалеромъ»; его любили и ласкали вѣнскія красавицы; узы брака, заключеннаго по расчету, не стѣсняли его эротическихъ наклонностей; словомъ, свѣтскій блескъ и нѣга жизни наполняли всѣ минуты и владѣли, повидимому, всѣми помышленіями молодого графа. Между тѣмъ, это время не пропадало даромъ; Меттернихъ всматривался въ людей и пріобрѣталъ то умѣніе держаться въ обществѣ и обращаться съ разнообразными личностями, которое было причиною его позднѣйшихъ дипломатическихъ успѣховъ, и главнымъ основаніемъ его карьеры и, слѣдовательно, исторической извѣстности.

У Меттерниха были всѣ условія, необходимыя въ то время для дипломата: знатное происхожденіе, значительное богатство, красивая наружность, непринужденное обращеніе; чего же больше? онъ могъ вполнѣ успѣшно быть представителемъ своего кабинета при какомъ нибудь иностранномъ дворѣ, и дѣйствительно въ 1801 году его назначили по

сланникомъ въ Дрезденъ. Важныхъ дѣлъ у него тамъ не было, тѣмъ болѣе, что политика саксонскаго правительства зависѣла тогда отъ Пруссіи, а въ Берлинѣ австрійскимъ посланникомъ былъ опытный дипломатъ Стадіонъ, указывавшій Меттерниху своимъ примѣромъ, какъ поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ. Жизнь въ Дрезденѣ была такъ же весела, какъ въ Вѣнѣ; изъ связей Меттерниха можно отмѣтить связи его съ княгинею Б—въ и герцогинею Саганъ, съ которою онъ поддерживалъ постоянныя сношенія до самаго вѣнскаго конгресса. Въ Дрезденѣ же онъ сблизился съ Фридрихомъ Генцомъ, который впоследствии сдѣлался его помощникомъ и секретаремъ, безусловнымъ исполнителемъ его воли. Въ 1803 году Меттерниха перевели въ Берлинъ; дѣла сдѣлались серьезнѣе; Австрія въ это время нуждалась въ союзникахъ, и Стадіонъ былъ посланъ въ Петербургъ, а Меттерниху поручено было склонять къ войнѣ съ Наполеономъ прусское правительство, чтобы составить такимъ образомъ противъ французской имперіи тройственный союзъ между Австріею, Россіею и Пруссіею. Аустерлицкое сраженіе разстроило весь этотъ планъ, и Меттернихъ, собиравшій грозу противъ Наполеона, въ 1806 году самъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ. Положеніе его было очень затруднительно; ладить съ Наполеономъ было мудрено; послѣ побѣды при Аустерлицѣ, Наполеонъ не зналъ границъ своему высокомерию, распекалъ представителей иностранныхъ державъ, безъ церемоніи бранилъ при посланникахъ ихъ государей, и особенно гнѣвался на австрійскаго императора, котораго онъ громко называлъ «мятежнымъ вассаломъ». Меттерниху надо было поддерживать достоинство своего двора, не раздражая гордаго побѣдителя; тутъ-то въ Парижѣ и пригодилось ему его поверхностное образованіе и обращеніе; онъ умѣлъ льстить, не возбуждая къ себѣ презрѣнія, и это замѣчательное искусство понадобилось ему въ полномъ своемъ объемѣ. Сверхъ того, Меттернихъ и въ Парижѣ пустилъ въ ходъ еще одно искусство: пользоваться любовными связями для политическихъ цѣлей. Онъ завязалъ интригу съ сестрою Наполеона, Каролиною Мюратъ, и черезъ нее узнавалъ намѣренія императора и вкрадывался до известной степени въ его политическія планы. Наполеонъ зналъ о существованіи этой интриги, думалъ даже, что она можетъ быть ему полезна, и конечно жестоко ошибался въ своихъ ожиданіяхъ; Меттернихъ не проговаривался, и кромѣ того, Каролина дѣйствительно любила его, и для него охотно жертвовала интересами своего брата. На какомъ-то придворномъ собраніи, Наполеонъ громко сказалъ своей сестрѣ: «Amusez se niais là; nous en avons besoin à present!» Первая часть этого приказанія исполнялась какъ нельзя лучше, но положительно известно, что интересы французской имперіи оставались въ этомъ случаѣ въ сторонѣ, и французскіе дипломаты того времени находятъ даже, что было бы

гораздо лучше, если бы сестра императора вовсе не забавляла австрийского посланника. Се пiаіs начиналъ быть нуженъ Наполеону потому, что въ это время, т. е. около 1808 года война въ Испаніи приняла самыя серьезныя размѣры; отношенія Франціи къ Пруссіи и Россіи также были ненадежны; ссориться съ Австріею было, стало быть, опасно, потому что война могла объять всю Европу, а между тѣмъ австрийское правительство усиливало свое войско; всѣ дипломатическія сношенія Наполеона и его министровъ съ австрийскимъ дворомъ не могли остановить этихъ зловѣщихъ приготовленій. 15-го августа 1808 года, въ день своего рожденія, Наполеонъ, наканунѣ возвратившійся изъ Испаніи, принималъ посланниковъ всѣхъ европейскихъ державъ; онъ былъ раздраженъ неудачами своихъ армій на Пиринейскомъ полуостровѣ и рѣшился залугать Австрію угрозами и страшными взрывами своего диктаторскаго гнѣва. Въ самомъ началѣ аудіенціи онъ нападалъ на неаполитанскую королеву, потомъ, отыскавъ Меттерниха, пошелъ прямо на него, взявъ его за грудь и спросилъ громовымъ голосомъ:

— Чего хочеть вашъ императоръ?

Меттернихъ не тронулся съ мѣста, не перемѣнился въ лицѣ и отвѣчалъ спокойно и твердо:

— Онъ хочеть, чтобы вы уважали его посланника.

Наполеонъ принялъ руку и остановился на минуту, но раздраженіе его было слишкомъ сильно и онъ продолжалъ, громко, и постепенно разгораясь, выговаривать австрийскому правительству неискренность его политики. Меттернихъ слушалъ спокойно, сохраняя почтительное выраженіе лица, не обнаруживая ни волненія, ни робости. Слѣдствіемъ этой геройски выдержанной аудіенціи было то, что молодой дипломатъ значительно повысился въ мнѣніи Наполеона; уже въ то время многіе при парижскомъ дворѣ замѣтили, что Меттернихъ отлично владѣеть собою и во всякую данную минуту располагаетъ своими словами, тономъ голоса и мускулами лица. Маршалъ Ланнъ, первый герой наполеоновской арміи, бывшій на *ты* съ императоромъ, громко расхохотался однажды, послѣ ухода Меттерниха и Талейрана, имѣвшихъ при немъ довольно оживленный разговоръ съ Наполеономъ.

— Хорошъ вкусъ у Каролины, сказалъ откровенный маршалъ; какво смиреніе! Въ то время, какъ онъ (Меттернихъ) говорилъ съ тобою, и бы могъ дать ему сзади пинька и ты бы навѣрное не замѣтилъ на его сладкихъ губахъ ни малѣйшаго движенія.

Доходило ли *смиреніе* Меттерниха до такихъ баснословныхъ предѣловъ — не знаю; положительно извѣстно то, что онъ своею непроницаемостью выводилъ изъ терпѣнія пылкаго Наполеона; кончилось тѣмъ, что императоръ, видя, что отъ Меттерниха никогда нельзя добиться истины, махнулъ на него рукою и пересталъ спрашивать его о намѣреніяхъ

австрійскаго правительства. Роль Меттерниха была дѣйствительно тяжела и невыгодна; приходилось до послѣдней минуты, до окончательнаго разрыва хитрить съ Наполеономъ, зная, что никто этими хитростями не обманывается. Война 1809 года прекратила на время дипломатическую игру Меттерниха; но война эта, какъ извѣстно, продолжалась всего четыре мѣсяца, кончилась поражениемъ Австрійцевъ при Ваграмѣ, и принудила Австрію исполнить всѣ требованія побѣдителя. Меттерниху поручено было вести переговоры, но никакое умѣніе владѣть собою, никакая діалектика, никакая дипломатическая изворотливость не могли доставить Австріи перевѣса. Сила была на сторонѣ побѣдителя, и ваграмское дѣло было слишкомъ энергическимъ аргументомъ для австрійскихъ уполномоченныхъ. Условія мира были тяжелы, и попытка Австріи отомстить за Аустерлицъ обрушилась на ея же голову. Во всемъ этомъ дѣлѣ всѣхъ больше выигралъ Меттернихъ; дипломатическія дѣянія его были не блестящи; внѣшняя его представительность, какъ мы видѣли, не приносила Австріи существенной пользы; роль его въ Дрезденѣ была ничтожна, въ Берлинѣ бесплодна, въ Парижѣ—положительно вредна; дѣло въ томъ, что Меттернихъ ошибался самъ насчетъ положенія Наполеона; въ своихъ донесеніяхъ и посольскихъ депешахъ онъ представлялъ его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; этими донесеніями онъ поддерживалъ воинственные намѣренія своего правительства; война вышла неудачная; повидимому часть отвѣтственности должна была пасть на заблуждавшагося посланника; мало того, этотъ самый посланникъ, уполномоченный вести переговоры, не успѣлъ ничего выторговать у побѣдителя, стало быть и тутъ оказался если не виноватымъ, то, по крайней мѣрѣ, несчастливымъ.

Начало карьеры было очевидно не блистательно, а между тѣмъ дѣло повернулось такъ, что, тотчасъ по заключеніи мира съ Наполеономъ, Меттернихъ былъ слѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Стадіона, стоявшаго въ головѣ военной партіи. Почему такъ случилось, сказать трудно. Одни думаютъ, что назначеніе Меттерниха было сдѣлано въ угоду Наполеону, который, несмотря на парижскія размолвки съ бывшимъ посланникомъ, видѣлъ въ немъ больше сочувствія къ-себѣ, чѣмъ въ Стадіонѣ; другіе объясняютъ это дѣло гораздо проще, придворными интригами враговъ Стадіона и доброжелателей Меттерниха.

Съ минуты своего назначенія въ министры иностранныхъ дѣлъ, графъ Климентъ Меттернихъ весь принадлежитъ исторіи до самой эпохи своего паденія въ 1848 году; его частная нравственность, его личныя добродѣтели и недостатки отходятъ на задній планъ; онъ становится важенъ, какъ дѣятель, какъ проводникъ принципа, какъ поборникъ извѣстнаго направленія.

II.

Принимая портфель министра, Меттернихъ опирался на партію, противоположную чисто-нѣмецкой, патриотической партіи, желавшей войны съ Наполеономъ и находившейся подъ предводительствомъ Стадіона.— Первые дѣйствія Меттерниха показали, что онъ находитъ безразсудною и невозможною дальнѣйшую борьбу съ Французскою имперіею; въ покорности передъ Наполеономъ, и въ союзѣ съ нимъ онъ видѣлъ единственный путь къ спасенію. Какія слѣдствія будетъ имѣть этотъ союзъ — этого нельзя было предвидѣть, да Меттернихъ и не смотрѣлъ вдаль; потребность настоящей минуты обращала на себя все его вниманіе, и онъ шелъ по извѣстному пути, если такъ было выгодно, а потомъ сворачивалъ въ другую сторону, если того требовали обстоятельства. Теперь, сила была на сторонѣ Наполеона, ссориться съ нимъ было неудобно, стало быть, надо было съ нимъ сблизиться, вопреки всѣмъ преданіямъ австрійской политики, вопреки всѣмъ недавнимъ оскорбленіямъ, и даже несмотря на то, что всякій союзъ съ Наполеономъ непременно долженъ былъ принять видъ вассальныхъ отношеній. Средствомъ къ сближенію было между прочимъ бракосочетаніе Наполеона съ дочерью императора Франца, эрцгерцогинею Маріею Луизою. Переговоры объ этомъ бракѣ были завязаны по идеѣ Меттерниха, и самъ Меттернихъ, весною 1810 года, проводилъ въ Царизѣ молодую французскую императрицу. Союзъ съ Франціею состоялся однако гораздо позднѣе, передъ самымъ началомъ похода 1812 года; Меттернихъ умѣлъ затянуть переговоры, такъ что Наполеону, торопившемуся разгромить Россію, пришлось купить союзъ съ Австріею цѣною такихъ уступокъ, о которыхъ онъ не думалъ прежде. Какъ только обозначились недружелюбныя отношенія между Россіею и Франціею, такъ Меттернихъ принялъ на себя роль хладнокровнаго зрителя, присутствующаго при горячемъ спорѣ двухъ противниковъ, несочувствующаго ни тому, ни другому, и готоваго склониться на ту или другую сторону, смотря потому, кто больше дастъ, и кто сильнѣе. Такіе люди всегда должны выиграть въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ; они ничѣмъ не рискуютъ; внимательно слѣдя за ходомъ борьбы, они стараются только уловить ту минуту, въ которую одна изъ борющихся сторонъ начинаетъ одолевать, но еще не увѣрена въ своемъ торжествѣ; тогда они присоединяются къ этой торжествующей партіи, ускоряютъ пораженіе противоположной стороны, и дѣлаютъ добычу, не принимавши участія въ серьезныхъ опасностяхъ борьбы. Это называется по-русски: въ мутной водѣ рыбу ловить, и эта формула дѣйствительно подходитъ, какъ нельзя лучше, къ

той политикѣ Меттерниха, за которую его произвели чуть не въ гени. Наполеонъ идетъ на Россію; Австрія присоединяетъ къ его арміи вспомогательный корпусъ; начинаются неудачи Наполеона; и австрійскій корпусъ, слѣдующій приказаніямъ своего правительства, начинаетъ дѣйствовать вяло и медленно; наконецъ Наполеонъ бѣжитъ изъ Россіи и австрійскій генераль Шварценбергъ, вмѣсто того, чтобы прикрыть его отступление, выводитъ свои войска изъ Польши, и безъ сопротивленія отдаетъ ее русской арміи. Благодаря этимъ маневрамъ, Австрія, къ концу кампаніи 1812 года, поставила себя въ совершенно-нейтральное положеніе, и дала понять воюющимъ сторонамъ, что она, смотря по обстоятельствамъ, можетъ повернуть свои пушки противъ Французовъ или противъ Русскихъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ французскими дипломатами, Меттернихъ далъ замѣтить, что война слишкомъ тяжела для Австріи, что Австрія желаетъ мира, и что австрійскому правительству было бы пріятно знать требованія Наполеона, чтобы, сообразуясь съ ними, начать за себя и за Францію переговоры съ Россією и Пруссією. Между тѣмъ, не дожидаясь положительныхъ отвѣтовъ Наполеона, Меттернихъ послалъ Вессенберга въ Лондонъ, а Лебцелтерна въ русскую главную квартиру, чтобы на всякій случай завязать сношенія съ врагами Франціи.

Союзъ съ Наполеономъ оказался фактически разрушеннымъ, хотя на словахъ Меттернихъ и продолжалъ увѣрять его въ неизмѣнной дружбѣ своего правительства. — Роль посредника между воюющими сторонами постепенно смѣнила собою роль союзника; Наполеонъ давно пересталъ вѣрить искренности Австріи, но онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что не могъ круто повернуть дѣло и по неволѣ долженъ былъ мириться съ двуличною политикою Меттерниха, чтобы не превратить ее въ открытую вражду. А между тѣмъ дошло дѣло и до вражды. Являясь примирительницею воюющихъ сторонъ, навязывая Наполеону свое непрошенное посредничество, Австрія стала склоняться на сторону Пруссіи и Россіи, и поставила Наполеону такія условія мира, на которыя онъ не могъ согласиться; тогда Наполеонъ попробовалъ заключить отдѣльный миръ съ Россією; еслибы эта попытка была удачна, то Австрія конечно потеряла бы всѣ выгоды своего положенія и испытала бы еще разъ слѣдствія наполеоновскаго гнѣва. Меттернихъ предвидѣлъ это и понималъ, что подобнаго соглашенія между Россією и Францією допускать ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ; онъ обѣщалъ союзникамъ, что Австрія объявитъ войну Наполеону, если онъ не согласится на предлагаемыя условія и не заключить общаго мира. Между воюющими сторонами было заключено перемиріе на шесть недѣль; Меттернихъ поѣхалъ къ союзникамъ въ главную квартиру, потомъ къ Наполеону въ Дрезденъ; заявилъ первымъ готовность Австріи поднять оружіе противъ Французовъ, и принудилъ втораго принять посредничество Австріи и

открыть въ Прагѣ конгрессъ, на которомъ должны были опредѣлиться условія мира. Конгрессъ состоялся, но не привелъ къ заключенію мира. Наполеонъ постоянно дѣлалъ уступки слишкомъ поздно, и началъ соглашаться тогда, когда конгрессъ былъ уже закрытъ, и перемиріе прекращено. Въ полночь 10-го августа 1813 года переговоры были прерваны и на другой день Австрія приступила къ коалиціи противъ Наполеона. Въ полгода произошелъ такимъ образомъ, безъ шума и скандала, совершенный поворотъ въ положеніи Австріи и въ ея политикѣ; отъ союза съ Наполеономъ она перешла къ открытой враждѣ; неудачи Наполеона не повредили Австріи; союзники слишкомъ дорожили ея содѣйствіемъ, чтобы ставить ей въ вину то обстоятельство, что она такъ недавно стояла на сторонѣ общаго врага; они мирились даже съ тѣмъ, что австрійское правительство, не желая окончательной гибели Наполеона, во многихъ случаяхъ умышленно ослабляло энергію военныхъ дѣйствій.

Вліяніе австрійской политики на дѣйствія союзниковъ выразилось прежде всего въ томъ, что война измѣнила свой колоритъ; интересы народовъ, выдвинутые впередъ въ прокламаціи короля прусскаго, отошли на задній планъ; Францъ I и Меттернихъ вовсе не хотѣли быть вождями народа, стремящагося къ самоосвобожденію; первый заботился о территоріальномъ приращеніи и о личномъ вліяніи на дѣла Европы; второй хотѣлъ быть первымъ министромъ своего государя, исполнителемъ его воли, ревностнымъ защитникомъ интересовъ своего правительства. Народъ, по мнѣнію того и другаго, долженъ былъ играть роль послушнаго орудія. Патріотическое воодушевленіе было, но ихъ мнѣнію, ненужно, и могло при случаѣ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ. Превратить войну противъ Наполеона въ дѣло народа, значило дать этому народу возможность почувствовать свою силу, значило внушить ему ошибочную идею о томъ, что инициатива принадлежитъ ему, и что правительство нуждается въ его сочувствіи. Эта ошибочная идея могла повести къ цѣлому ряду заблужденій, и отъ этихъ-то заблужденій Францъ I и Меттернихъ старались предохранить Австрію.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ освобожденію въ Германіи проснулась идея о національномъ единствѣ. Эта идея также была не по вкусу австрійскаго правительства. Составленная изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, нѣмецкихъ, славянскихъ, мадьярскихъ, Австрія не могла сочувствовать никакимъ національнымъ стремленіямъ, потому что во всякомъ случаѣ эти стремленія должны были разорвать ее на составныя части и прекратить ея существованіе. Еслибы идея германскаго единства осуществилась, то въ положеніи Австріи произошло бы во всякомъ случаѣ значительное измѣненіе. Императору Францу пришлось бы отказаться или отъ нѣмецкихъ, или отъ славянскихъ и мадьярскихъ владѣ-

ній; ему было бы необходимо или сдѣлаться императоромъ германскимъ, или, отказавшись отъ германской имперіи, остаться владѣтелемъ восточныхъ своихъ земель, и уступить нѣмецкому правительству своихъ Нѣмцевъ. Сдѣлаться германскимъ императоромъ было, конечно, лестно; но кто же могъ сказать навѣрное, что освободившаяся Германія пожелаетъ имѣть императоромъ именно Франца, а не кого нибудь другаго, напримѣръ, не короля прусскаго? Еслибы случилось такъ, то австрійскій императоръ оказался бы въ чистомъ убыткѣ; ему пришлось бы пожертвовать значительною частью своихъ владѣній и кромѣ того допустить образованіе новаго, сильнаго и притомъ сопредѣльнаго государства. Ни Францъ I, ни Меттернихъ не могли, слѣдовательно, сочувствовать идеѣ соединенія Германіи; ни тотъ, ни другой не любили рискованныхъ мѣръ и значительныхъ переворотовъ; оба рѣшились по возможности поддержать существующее положеніе дѣлъ, образовать германскій союзъ, и, пользуясь обстоятельствами, примешивать къ наслѣдственнымъ австрійскимъ владѣніямъ тѣ клочки земли, которые можно будетъ выторговать на конгрессахъ.

Первымъ дѣйствіемъ этой политики была тайная статья теплицкаго договора между союзниками, въ которой говорилось, что рейнскій союзъ, основанный Наполеономъ, будетъ разрушенъ и что отдѣльнымъ германскимъ государямъ, которыхъ владѣнія входили въ его составъ, будетъ предоставлена полная и безусловная независимость. Далѣе, привлекая Баварію къ коалиціи противъ Наполеона, Меттернихъ тайною статьею договора обѣщаль королю баварскому полную самостоятельность; точно такъ же поступилъ онъ въ отношеніи къ другимъ членамъ рейнскаго союза, такъ что его идеи нашли себѣ полное сочувствіе во всѣхъ второстепенныхъ государяхъ Германіи; приверженцамъ германскаго единства пришлось поневолѣ покориться, потому что въ противномъ случаѣ они могли возбудить въ союзномъ лагерѣ раздоры, которыми воспользовался бы Наполеонъ. Безъ шума, совѣщаясь съ каждымъ правительствомъ отдѣльно, Меттернихъ навербоваль такъ много приверженцевъ своихъ идей, что германское единство оказалось невозможнымъ и что его невозможность начали сознавать еще въ то время, когда война съ Наполеономъ была въ полномъ разгарѣ.

Въ отношеніи къ Наполеону, Меттернихъ держаль себя болѣе чѣмъ умѣренно; личное сочувствіе къ императору Французовъ и отвращеніе къ крутымъ переворотамъ не позволяло ему желать низверженія Наполеона; ему казалось совершенно достаточнымъ оттѣснить Францію въ ея естественныя границы, т. е. за Рейнь; уже въ Франкфуртѣ на Майнѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Наполеона при Лейпцигѣ, Меттернихъ заговорилъ о мирѣ, и если миръ не состоялся, то въ этомъ виновато только безразсудное упорство Наполеона, который, разгорячившись, какъ

азартный игрокъ, ставилъ на послѣднюю карту судьбу своей династїи и не умѣлъ забастовать во-время. Крестовый походъ освободившихся національностей на Парижъ возбуждалъ въ Меттернихѣ самое непрїязненное чувство; онъ видѣлъ въ этомъ походѣ неминуемое усиленіе Россїи, которой онъ начиналъ бояться чуть-ли не сильнѣе, чѣмъ Наполеона; кромѣ того, ему было совершенно непонятно яростное воодушевленіе Пруссаковъ и онъ нисколько не хотѣлъ придавать войнѣ противъ Наполеона того торжественнаго, священнаго и популярнаго характера, который сообщали ей прокламаціи Александра и Фридриха Вильгельма. Сносясь постоянно съ княземъ Шварценбергомъ, главнокомандующимъ союзныхъ армій, переписываясь съ дипломатами Наполеона, Меттернихъ старался по возможности затануть военныя дѣйствія, отсрочить рѣшительный ударъ, чтобы дать Наполеону время одуматься и согласиться на благоразумныя условія мира. Благодаря его маневрамъ, корпусъ Блюхера былъ почти уничтоженъ; по его стараніямъ открылся въ началѣ 1814 года конгрессъ въ Шатильонѣ, который, какъ извѣстно, не имѣлъ никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. Наполеонъ хитрилъ съ союзниками, торговался, чтобы выиграть время, старался разсорить Австрію съ Пруссїею и Россїею, и между тѣмъ собиралъ послѣднія усилія, чтобы продолжать войну; союзникамъ надобли всѣ эти продѣлки; партія войны восторжествовала окончательно; Меттернихъ принужденъ былъ замолчать и военныя дѣйствія кончились только взятіемъ Парижа и отрѣченіемъ Наполеона.

Политика Меттерниха, или, вѣрнѣе, его личный характеръ, какъ мы видѣли, обозначился въ его отношеніяхъ къ Наполеону.— Не плыть противъ теченія, не прать противъ рожна, выжидать удобную минуту, не давать ходу чувствамъ и страстямъ нации, смотрѣть на политическія событія глазами придворнаго, жить со дня на день и принимать тѣ мѣры, которыхъ требуетъ данная минута, хотя бы въ слѣдующую минуту пришлось прямо противорѣчить себѣ, не управлять обстоятельствами, а подчиняться имъ — вотъ формула той политики, которая въ продолженіе сорока лѣтъ господствовала на материкѣ Европы, и которой оракуломъ былъ князь Меттернихъ *). Эта политика была естественнымъ слѣдствіемъ личнаго характера австрійскаго министра. Мягкій и гибкій по природѣ, воспитанный въ идеяхъ политическаго скептицизма, приученный съ молодыхъ лѣтъ къ ароматической атмосферѣ блестящихъ дворовъ и аристократическихъ салоновъ, Меттернихъ не могъ выработать себѣ общихъ началъ, крѣпкихъ убѣжденій и горячихъ политическихъ вѣрованій. Какъ исполнительный чиновникъ, онъ съ полнымъ усердіемъ повиновался импульсу, сообщаемому сверху, и, какъ чинов-

*) Княжеское достоинство было дано Меттерниху послѣ сраженія при Лейпцигѣ.

никъ, онъ не понималъ тѣхъ живыхъ силъ и живыхъ личностей, на которыя падали его распоряженія. Я приступаю теперь къ описанію роли Меттерниха на вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ котораго начинается уже общеевропейское значеніе его личности и политики.

III.

Вѣнскому конгрессу нужно было, во-первыхъ, разобрать и привести въ ясность границы европейскихъ государствъ, перепутанныя войнами и самовластіемъ Наполеона; во-вторыхъ, необходимо было обновить бытовья формы, опрокинутыя движеніемъ французской революціи. Меттернихъ считалъ первое дѣло гораздо болѣе важнымъ и интереснымъ; онъ говорилъ, что вопросъ о внутреннемъ устройствѣ Германіи разрѣшится самъ собою, какъ только будутъ приведены къ концу «важныя совѣщанія о внѣшнихъ дѣлахъ и территориальныхъ отношеніяхъ».

Въ этомъ равнодушіи, въ этой легкости воззрѣній видно, какъ нельзя яснѣе, недостаточное знакомство съ дѣломъ. Меттернихъ еще не приходилъ въ соприкосновеніе съ законодательными и административными вопросами, не понималъ и не хотѣлъ понимать требованій народной жизни, и потому относился къ этимъ интересамъ съ небрежностью. Главное дѣло было, по его мнѣнію, подѣлить на вѣнскомъ конгрессѣ 32,000,000 душъ, жившихъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были вырваны у Наполеона и его союзниковъ*); подѣлить ихъ надо было такъ, чтобы Австріи досталось какъ можно больше, а другимъ великимъ державамъ, которыхъ усиленіе могло быть опаснымъ для Австріи, какъ можно меньше. Всего неприятнѣе было для Меттерниха территориальное увеличеніе Россіи и Пруссіи, и потому всѣ его усилія на конгрессѣ были направлены на то, чтобы не дать первой Польши, а второй Саксоніи. Чтобы разстроить намѣренія этихъ двухъ державъ, онъ пустилъ въ ходъ самыя разнообразныя средства, не отличающіяся ни строгимъ нравственнымъ достоинствомъ, ни даже приличіемъ внѣшней формы. Желая поссорить русское правительство съ прусскимъ, онъ написалъ прусскому министру Гарденбергу ноту, въ которой приглашалъ его заодно съ Австріею сопротивляться притязаніямъ Россіи и за это обѣщалъ со стороны Австріи полную поддержку всѣмъ требованіямъ Пруссіи. Гарденбергъ, человѣкъ слабый и впечатлительный, отвѣчалъ на эту ноту, и въ своемъ отвѣтѣ выразился очень недоброжелательно на счетъ притязаній

*) Vulabelle. Histoire des deux restaurations. II, 161.

русскаго кабинета. Меттернихъ вздумалъ эту бумагу употребить какъ орудіе противъ Гарденберга; онъ пошелъ къ императору Александру и показалъ ему, какъ о немъ отзывается его союзникъ. Продѣлка эта однако не удалась. Императору Александру она показалась въ высшей степени грязною, и онъ объявилъ Францу I, что не хочетъ имѣть дѣла съ министромъ, подобнымъ Меттерниху. Когда Меттерниху не удалось посорить Пруссію съ Россіею интригами, онъ рѣшился противоdѣйствовать ихъ требованіямъ другими окольными путями. При содѣйствіи знаменитаго Талейрана, готоваго участвовать во всякой интригѣ изъ любви къ искусству, былъ заключенъ тайный союзъ между Австріею, Англіею и Франціею противъ Пруссіи и Россіи; до войны не дошло дѣло только потому, что обѣ спорящія стороны были утомлены, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ начали мириться на взаимныхъ уступкахъ.

Конгрессъ тянулся уже больше четырехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Наполеонъ скрылся съ острова Эльбы; вслѣдъ за тѣмъ узнали о его высадкѣ на берега Франціи и о бѣгствѣ Людовика XVIII изъ Парижа; тутъ уже, передъ общею опасностью, некогда было разбирать частныя вопросы и помнить мелкія неприятности, испытанныя на конгрессѣ. Александръ помирился съ Меттернихомъ, несмотря на то, что Наполеонъ прислалъ ему подлинный актъ тайнаго союза, найденный имъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, на столѣ Людовика X III. Работы вѣнскаго конгресса, тянувшіяся медленно и бесплодно, пошли живѣе; вопросъ объ устройствѣ Германіи былъ выдвинутъ впередъ; и Меттернихъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать это устройство по возможности сложнымъ и неворотливымъ, а связь между отдѣльными частями по возможности слабою и неопредѣленною. Онъ остался вѣренъ роли австрійскаго министра и считалъ самое слово «Германія» простымъ географическимъ терминомъ. Предложенный имъ прозектъ дѣлить всю Германію на семь округовъ; по два округа приходится на Австрію и на Пруссію и по одному на Баварію, Ганноверъ и Виртембергъ. Австрійскій императоръ, и короли прусскій, баварскій, ганноверскій и виртембергскій должны составить совѣтъ, въ которомъ первымъ двумъ членамъ, какъ представителямъ двухъ округовъ, принадлежитъ по два голоса, а остальнымъ тремъ членамъ по одному; этотъ совѣтъ долженъ завѣдывать иностранными дѣлами и рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ. Рядомъ съ этимъ совѣтомъ долженъ существовать другой совѣтъ съ законодательною властью, составленный изъ мелкихъ владѣтелей, изъ представителей вольныхъ городовъ и изъ членовъ перваго собранія. При такомъ устройствѣ Германіи, Австрія и Пруссія, рѣшившись дѣйствовать согласно, могли бы вести за собою весь союзъ и распоряжаться войсками мелкихъ владѣтелей, какъ своими собственными. Изъ семи головъ четыре принадлежали Австріи и Пруссіи, стало быть большинство

было всегда на сторонѣ ихъ мнѣнія; мелкіе владѣтели испугались за свою самостоятельность, и проэктъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ непреодолимую оппозицію. Дѣло осталось нерѣшеннымъ. Когда за него снова принялись въ 1815 г., въ концѣ мая, его окончили въ одиннадцать послѣднихъ засѣданій, и Германія получила свою теперешнюю фیزیономію. Усилія Меттерниха увѣнчались успѣхомъ; у Германіи отнято единство, отнята возможность энергическаго, дружнаго дѣйствія; ея политическое значеніе ничтожно, потому что раздробленность ея доходитъ до крайнихъ предѣловъ; она представляетъ собою не федеративное государство, а союзъ изъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ государствъ, безъ общаго правительства, безъ инициативы.

Всѣ благомыслящіе Нѣмцы стремятся, какъ извѣстно, къ тому, чтобы отдѣлаться отъ подарка Меттерниха, но, какъ кажется, слишкомъ скорокалѣтняя давность имѣетъ свое значеніе, и энергія націи надломлена тѣмъ неестественнымъ положеніемъ, въ которое ее поставили дипломаты вѣнскаго конгресса. За то самому Меттерниху вѣнскій конгрессъ принесъ чрезвычайно много пользы. Благодаря посредственности прочихъ дѣятелей знаменитаго конгресса, австрійскій министръ сталъ во главѣ европейской дипломатіи, и притомъ въ такую рѣшительную минуту, которая навсегда должна была остаться въ памяти современниковъ и потомства. Передъ мудростью князя Меттерниха стали благоговѣть даже многіе изъ тѣхъ людей, которые не могли уважать его, какъ человѣка; на него посыпались знаки отличія, титулы, денежные награжденія, пенсіоны и подарки землями и помѣстьями. Семейныя дѣла Меттерниховъ значительно поправились и огромные долги отца и сына стали погашаться. Князю Меттерниху досталась доля изъ той контрибуціи, которую Австрія взыскала съ Франціи; неаполитанскій король, возстановленный послѣ изгнанія Мюрата, при содѣйствіи Меттерниха, пожаловалъ ему титулъ герцога Портелла, съ которымъ былъ связанъ ежегодный доходъ въ 60,000 франковъ; союзники подарили Меттерниху землю бывшаго бенедиктинскаго монастыря Іоганнисберга въ рейнскомъ округѣ; императоръ Александръ, возвращаясь въ Россію, просилъ Меттерниха поддерживать съ нимъ дружескую, неполитическую переписку, и опредѣлилъ ему на издержки 50,000 червонцевъ ежегоднаго пенсіона.

Всѣ эти факты должны были служить для австрійскаго министра неопровержимыми доказательствами несомнѣннаго превосходства его личныхъ дарованій и политическихъ убѣжденій. Тонъ его послѣ вѣнскаго конгресса значительно измѣняется; онъ становится опекуномъ континентальной Европы, блюстителемъ народной нравственности и менторомъ владѣтельныхъ особъ. Онъ начинаетъ говорить всѣмъ и каждому о своей системѣ, онъ угадываетъ будущее, и своею предусмотритель-

ностью предотвращает такіа бѣдствія, которыхъ никто кромѣ него не видитъ. Словомъ, овладѣвши довѣренностью императора Франца I, ловкій придворный чиновникъ дѣлается всемогущимъ министромъ, законодателемъ и администраторомъ Австріи; какъ это часто случается съ людьми внезапно или по крайней мѣрѣ очень быстро дошедшими до «степеней извѣстныхъ», онъ начинаетъ приписывать своимъ собственнымъ заслугамъ то, что относится къ случайностямъ; вслѣдствіе этого является слѣпая вѣра въ самого себя, безпричинная самонадѣянность, и непреодолимое стремленіе рисоваться передъ собою и передъ другими. Это случилось даже съ геніальнымъ человѣкомъ, съ Наполеономъ I; то же самое, въ меньшихъ размѣрахъ случилось съ ловкимъ придворнымъ чиновникомъ, Меттернихомъ. Не имѣя никакого понятія о соціальной наукѣ, не зная характера тѣхъ народовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не справляясь даже съ статистическими данными, не имѣя даже общаго гуманно-философскаго развитія, князь Меттернихъ вообразилъ себя государственнымъ человѣкомъ, и что всего удивительнѣе, Европа повѣрила ему на слово, продолжала вѣрить въ теченіи сорока лѣтъ, и подъ рубрикою государственнаго человѣка зачислила его имя въ свои историческіе архивы. Съ высоты своего чиновческаго величія, *soi disant* государственный человѣкъ сталъ предписывать законы челоѳческой природѣ и челоѳческому разуму. Германія, говоритъ онъ, географическій терминъ; Италія — географическій терминъ; требованія народовъ—якобинскія бредни.

Согласитесь, любезный читатель, что, при помощи шести, семи готовыхъ названій, подобныхъ вышеприведеннымъ, не трудно будетъ управлять половиною вселенной, и распутывать, или, вѣрнѣе, разрубать самыя сложныя вопросы общественной и экономической жизни. Для этого нужно только имѣть въ рукахъ мечъ Александра Македонскаго, и тогда васъ не остановитъ никакой Гордіевъ узелъ. Впрочемъ, нужно еще одно драгоценное свойство: способность рубить направо и налево, зажимывая глаза, и не обращая вниманія на стоны и крики. Этою способностью обладалъ до извѣстной степени австрійскій министръ; не-то, чтобы онъ былъ особенно жестокъ, этого объ немъ нельзя сказать; онъ былъ только мало чувствителенъ, и потому былъ въ состояніи подписать безъ особеннаго волненія какой нибудь суровый приговоръ, или разорить цѣлую область налогами, или убить лучшія проявленія челоѳческой мысли, хотя въ то же время онъ ненавидѣлъ всякое кровопролитіе, всякое грубое насиліе и даже всякую рѣзкую мѣру. Въ немъ не было любви къ челоѳку и не было уваженія къ челоѳческому достоинству; поэтому всѣ его распоряженія клонятся къ тому, чтобы безопасно эксплуатировать живыя силы народа, не становясь къ этому на-

роду ни въ какія задушевные отношенія, и нисколько не сочувствуя его развитію.

IV.

Какъ ни ссорились, какъ ни интриговали дипломаты вѣнскаго конгресса, а наконецъ генеральное размежеваніе Европы совершилось любовно; за Австрію была упрочена значительная часть сѣверной Италіи, именно, все Ломбардо-Венеціанское королевство; кромѣ того, австрійскій императорскій домъ находился въ родственныхъ связяхъ съ владѣтелями Тосканы, Модены и Пармы и, вслѣдствіе этого, могъ имѣть сильное вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю политику этихъ второстепенныхъ государствъ. Такимъ образомъ, можно было сказать заранѣе, что Австрія будетъ добиваться и дѣйствительно добьется преобладанія въ Италіи. Какъ только бурбонская династія была восстановлена въ Неаполѣ, Меттернихъ заключилъ съ неаполитанскимъ королемъ тайный союзный договоръ и обязалъ его не давать Неаполю такихъ законовъ, которые въ какомъ бы то ни было отношеніи будутъ отличаться отъ австрійскихъ законовъ, господствующихъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Въ то же время былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ съ великимъ герцогомъ тосканскимъ, съ цѣлью обоюдной защиты, для поддержанія въ Италіи спокойствія и порядка; точно также поступилъ Меттернихъ въ отношеніи къ Моденѣ. Но Шемонтъ на подобный союзъ не согласился; папа также пожелалъ сохранить свою самостоятельность; планъ Меттерниха, старавшагося отгородить австрійскія владѣнія въ Италіи отъ всякаго доступа зловредныхъ яacobинскихъ идей, расстроился, потому что ближайшій сосѣдь Ломбардіи, сардинскій король не захотѣлъ подчиниться австрійскому уставу. Если бы вся Италія управлялась по одной нормѣ, тогда жителямъ Ломбардіи не представлялось бы искушенія; на это рассчитывалъ Меттернихъ; когда этотъ расчетъ лопнулъ, тогда онъ счелъ нужнымъ отрѣзать австрійскихъ подданныхъ отъ остальной Италіи и заставить ихъ забыть, что они Итальянцы. Меттернихъ самъ сказалъ маркизу Ст. Марцано: «Императоръ, желая подавить духъ итальянскаго единства, не принялъ и не приметь титула итальянскаго короля; поэтому онъ распустилъ итальянское войско и уничтожилъ всѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ приготовить образованіе большаго національнаго королевства. Онъ хочетъ убить духъ итальянскаго яacobинства и обезпечить такимъ образомъ спокойствіе Италіи».

Соблюдая такую дипломатическую осторожность въ совѣщаніяхъ съ

итальянскими патриотами, обращаясь такъ бережно на словахъ съ ихъ національнымъ чувствомъ, Меттернихъ такъ же деликатно обращался на дѣлѣ съ лучшими вѣроваіями и стремленіями австрійскихъ Итальянцевъ; онъ ввелъ ненавистную для нихъ конскрипцію, навизалъ имъ непривычные для нихъ австрійскіе законы, австрійское судопроизводство, австрійскую методу воспитанія. Въ короткое время эти мудрыя и своевременныя распоряженія сдѣлали то, что Итальянцы, поступившіе подъ управленіе Австріи безъ особеннаго отвращенія, возненавидѣли ея господство тою пламенною ненавистью, которая свойственна южнымъ народамъ романскаго племени. Интригамъ и насилію правительства народъ сталъ противопоставлять заговоры, тайныя общества и возмущенія; правительство еще ту же стало стягивать оковы; Меттернихъ опуталъ всю сторону сѣтью полицейскихъ сыщиковъ и шпионовъ; глухое раздраженіе Итальянцевъ сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ и замкнутымъ. Правительство и народъ не довѣряли другъ-другу, боялись другъ-друга, и это взаимное недовѣріе, вызывая съ одной стороны новыя полицейскія мѣры, съ другой—новыя попытки къ возстанію, должно было увеличиваться съ каждымъ годомъ.

Рѣшившись идти по этому направленію, Меттернихъ уже не могъ ни остановиться, ни повернуть назадъ. Сдѣлать то, или другое, значило поставить на карту Ломбардо-Венеціанское королевство, а рисковать имъ не желали ни Францъ I, ни его исполнительный чиновникъ Меттернихъ. Стремленія Меттерниха происходили въ этомъ случаѣ исключительно отъ его незнанія; онъ думалъ, что можно перевоспитать народъ въ два-три года, что можно приучить его къ какимъ угодно учрежденіямъ, что стоитъ только подписать тотъ или другой законъ, и что онъ сейчасъ же получитъ полную силу и произведетъ желанное дѣйствіе. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ оно пожалуй-что и такъ; если трактатъ подписанъ, значитъ представитель государства согласенъ,—и дѣло съ концомъ; остается только привести въ исполненіе, отмежевать уступленную землю, взыскать условленную контрибуцію, срыть означенное укрѣпленіе, и т. п. Привыкнуши къ такого рода дѣятельности, Меттернихъ вздумалъ съ живыми народными интересами обращаться такъ же безцеремонно, какъ онъ обращался съ интересами различныхъ правительствъ. Такая безцеремонность сначала озадачила націю, а потомъ привела ее въ негодованіе. Распоряженія Меттерниха повели къ результату, діаметрально противоположному той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ хотѣлъ германизировать Италію, и вмѣсто того итализировалъ ее, потому что чужеземный гнетъ пробудилъ въ народѣ чувство національной гордости и стремленіе къ политической самостоятельности. Онъ боялся революціи и всѣми силами старался отклонить или по крайней мѣрѣ отсрочить ее, и въ то же время своими распоряженіями заготовилъ поря-

555

5557
2

чаго матеріала на цілѣе десятки революцій и вулканизироваль всю почву новопріобрѣтенныхъ австрійскихъ владѣній. «Система налоговъ и полиція, говоритъ Монтанелли, составляли всю административную науку австрійскаго правительства.»

Экономическое положеніе Ломбардіи было такъ же тяжело, какъ общественное и нравственное; налоги были почти вдвое больше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи; цѣны австрійскихъ таможенъ не пропускала въ Ломбардію англійскихъ и французскихъ продуктовъ и принуждала жителей пробавляться произведеніями нѣмецкихъ фабрикъ, не отличавшимися ни дешевизною, ни хорошимъ достоинствомъ. Эти таможни точно также затрудняли вывозъ ломбардскихъ произведеній въ Пиемонтъ, въ Швейцарію, во Францію, въ Англію. Устройство банковъ, экономическихъ обществъ, промышленныхъ ассоціацій встрѣчало со стороны австрійскаго правительства непреодолимое сопротивленіе. Въ полицейскомъ отношеніи Ломбардія была отгорожена отъ образованнаго міра какою-то китайскою стѣною, только отнюдь не фарфоровою. Въѣздъ въ Ломбардію и выѣздъ изъ нея затруднялся безчисленными формальностями; случалось часто, что человѣку, просившему паспортъ въ Лондонъ или въ Парижъ, предлагали паспортъ въ Вѣну. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, ни одно сословіе не могло быть довольно. Дворянство было оскорблено невниманіемъ вѣнскаго двора; духовенство было озлоблено индифферентизмомъ Меттерниха въ дѣлахъ церкви; простой народъ былъ приведенъ въ отчаяніе налогами и наборами; купцы жаловались на уродливыя таможенныя распоряженія; литераторы были выведены изъ терпѣнія гнетомъ цензуры; наконецъ вся нація въ одинаковой степени страдала отъ произвола въ судахъ, отъ неспособности администраторовъ, отъ всемогущества полиціи и отъ нахальства военнаго сословія.

Нашъ дипломатъ оказывается такимъ образомъ великимъ человѣкомъ на малыя дѣла; онъ умѣетъ подольщаться къ отдѣльнымъ личностямъ, но не умѣетъ пріобрѣтать довѣріе и любовь цѣлаго народа; онъ самъ говоритъ даже, что и не ищетъ популярности; эти слова показываютъ всю его недалковидность; онъ не понимаетъ того, что постоянно держать націю въ повиновеніи силою полиціи и войска — невозможно, и кромѣ того невыгодно, потому что деньги, употребляемыя для содержанія лишняго войска, тратятся даромъ и не приносятъ ни пользы странѣ, ни удовольствія правительству. Впрочемъ, нужно ли еще опровергать политику Меттерниха? она уже осуждена исторією; ея несостоятельность обнаружили итальянскія событія послѣднихъ годовъ.

V.

Политика Меттерниха въ Германіи нисколько не отличается отъ его политики въ Италіи; та же боязнь національныхъ стремленій, та же ненависть ко всякому усовершенствованію существующихъ учреждений, та же обширная система шпионства. Чувствуя полнѣйшее отвращеніе къ яркимъ и крутымъ мѣрамъ, Меттернихъ не рѣшился идти напроломъ противъ тѣхъ идей и тенденцій, которыя возбудила въ нѣмецкомъ народѣ война за освобожденіе Германіи. Дѣйствуя окольными путями противъ германскаго единства, онъ точно также хитро и осторожно повелъ интриги противъ конституціонныхъ идей, пользовавшихся сочувствіемъ націи и начинавшихъ укореняться въ умахъ владѣтельныхъ особъ и министровъ. Надъ проэктомъ прусской конституціи работали въ то время Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, о конституціи говорили и писали въ Баваріи и Виртембергѣ, и всѣ эти толки, собранія, произносимыя рѣчи чрезвычайно не нравились Меттерниху; во-первыхъ, они нарушали то спокойствіе, которое онъ считалъ высшимъ благоденствіемъ; во-вторыхъ, они увеличивали значеніе Пруссіи, на которую вся Германія начинала смотрѣть съ любовью и надеждою.

Какъ представительница чистаго абсолютизма, и какъ соперница Пруссіи, Австрія должна была относиться враждебно къ конституціонному движенію, и противодѣйствовать ему всѣми мѣрами своей изобрѣтательной дипломатіи. Меттернихъ разослалъ ко всѣмъ посланникамъ своего двора инструкціи и приказанія всячески противодѣйствовать осуществленію этихъ тенденцій; въ то же самое время, представитель Австріи на германскомъ сеймѣ, по инструкціи того же Меттерниха, говорилъ языкомъ болѣе приличнымъ и не являлся отъявленнымъ противникомъ тѣхъ началъ, въ которыя горячо вѣровала вся живая Германія. Здѣсь, какъ и вездѣ, Меттернихъ велъ параллельно двѣ политики, официальную и неофициальную, явную и тайную, которыя сближались или расходились между собою, смотря по обстоятельствамъ. Официальный представитель Австріи говорилъ одно, а тайныя инструкціи, сообщаемыя посланникамъ, тайныя и конфиденціальныя письма къ государямъ и министрамъ говорили совершенно другое. Вступить въ открытый и честный бой съ опасными идеями вѣка Меттернихъ не рѣшался; онъ подкапывалъ ихъ потихоньку, и результаты его подземныхъ работъ не оставались безплодными; конфиденціальныя письма его тревожили впечатлительныя умы тогдашнихъ государей, и парализировали ихъ честныя намѣренія. Гарденбергъ, безхарактерный прусскій министръ, повѣрилъ внушеніямъ Меттерниха, оттолкнулъ отъ себя своего помощника Гум-

больдта и отшатнулся отъ дѣла конституціи; окончательное рѣшеніе вопросовъ затянулось на неопредѣленное время.

Интригуя такимъ образомъ противъ того, что дѣлѣй германскій народъ считалъ своею потребностью, Меттернихъ, конечно, не могъ чувствовать особаго расположенія къ печатной гласности. Журналистика, обращавшая вниманіе общества на тѣ вымышленныя препятствія и пустыя отговорки, которыми затягивались совѣщанія о важныхъ вопросахъ, журналистика, напоминая обществу его нужды, — возбуждала въ Меттернихѣ самыя серьезныя опасенія; въ ней видѣлъ онъ самое страшное орудіе агитаціи, и противъ нея началъ онъ принимать постепенно усиливающіяся мѣры. Сначала онъ выдвинулъ противъ органовъ либеральной партіи свои органы, проводившіе въ возможно-приличной формѣ идеи и симпатіи австрійскаго правительства. Главнымъ бойцомъ Меттерниховскаго лагеря былъ извѣстный публицистъ Генцъ, человекъ умный и ловкій. — — — Блестящія статьи этого политическаго писателя помѣщались въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ», котораго официальнымъ редакторомъ былъ Юсіфъ Пилать, домашній секретарь князя Меттерниха; ожесточенная полемика этого журнала съ «Рейнскимъ Меркуріемъ», издававшимся подъ редакціею талантливаго и честнаго писателя, Гёрреса, обратила на себя вниманіе всей читающей Германіи, и Меттернихъ увидалъ, что спорить съ либералами значитъ распространять и популяризировать ихъ идеи; онъ повелъ дѣло правительственнымъ путемъ и упросилъ Гарденберга запретить ненавистный журналъ; но Гёрресъ не унялся и началъ издавать брошюры и летучіе листки, которые покупались и читались нарасхватъ; тогда Меттернихъ задумалъ устроить въ обширныхъ размѣрахъ полицейское управленіе Германіи, и, по возможности, всей континентальной Европы.

Опираясь на трактатъ священнаго союза, въ которомъ подписавшіеся государи обязывались совокупными силами поддерживать въ Европѣ общественное спокойствіе и наблюдать за народною нравственностью, Меттернихъ осенью 1818 года устроилъ въ Ахенѣ конгрессъ, и членамъ этого конгресса представилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ необходимость дружно дѣйствовать противъ общаго врага, т. е. противъ того духа якобинства, который, если дать ему волю, опрокинетъ весь соціальныи порядокъ. Увѣщанія Меттерниха, указавшаго на грядущія бѣдствія съ воодушевленіемъ истиннаго пророка, подѣйствовали какъ нельзя лучше; члены конгресса воротились во-свои си съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ пагубныхъ идей вѣка, и съ тою спасительною боязнью революціи, изъ которой не трудно было развить современемъ самыя крутыя мѣры реакціи. Меттернихъ сталъ ковать желѣзо, пока оно было горячо, и черезъ годъ послѣ ахенскаго конгресса пригласилъ нѣмецкихъ министровъ въ Карлсбадъ для совѣщаній «о тѣхъ мѣрахъ, которыя долж-

но принять противъ демагогическихъ неурядиць.» Неурядицы эти, требовавшія обще-германскаго конгресса, состояли въ нѣсколькихъ рѣчахъ, произнесенныхъ на студенческихъ сходкахъ, да еще въ томъ, что молодой патриотъ Зандъ убилъ извѣстнаго писателя Коцебу, поддерживавшаго подозрительныя сношенія съ однимъ иностраннымъ правительствомъ. Подымать изъ-за этого тревогу было почти смѣшно, но правители Германіи на все смотрѣли глазами Меттерниха, а Меттернихъ старался преувеличивать опасность, чтобы показать необходимость систематическаго преслѣдованія извѣстныхъ идей и стремленій. Карлсбадскія конференціи состоялись и система Меттерниха восторжествовала. Двѣ статьи союзнаго акта, статья 13-я, общавшая отдѣльнымъ государствамъ Германіи представительное правленіе, и 18-я, объявлявшая свободу печати, были истолкованы такъ ловко, что потеряли все свое значеніе. Черезъ мѣсяць послѣ карлсбадскихъ конференцій, союзный сеймъ объявилъ, что, желая уберечь Германію отъ бѣдствій анархіи, онъ самъ дастъ общую норму, по которой должны быть выработаны конституціи отдѣльныхъ государствъ; что сейму, какъ верховной правительственной и законодательной инстанціи, должно имѣть въ своемъ распоряженіи вооруженную силу для исполненія рѣшеній; что вредное направленіе университетскаго преподаванія требуетъ строгаго надзора за студентами и профессорами; что вредное направленіе литературы должно быть обуздано цензурою; и что въ Майнцѣ должно устроить центральную слѣдственную комиссію для того, чтобы разузнавать и разрушать революціонныя замыслы. — Князь Меттернихъ поступалъ такимъ образомъ по мелкому, трусливому чувству самосохраненія; его личная судьба была тѣсно связана съ участью Франца I, и потому онъ, во что бы то ни стало, старался упрочить могущество Австріи и ея преобладаніе въ Германіи. —

Геніальные люди не становятся въ оппозицію съ требованіями времени, потому что они въ состояніи все-цѣло понять эти требованія и вынести ихъ на своихъ плечахъ. Меттернихъ сознательно принимается за преслѣдованіе прогрессивныхъ идей; это доказываетъ съ одной стороны, что онъ не въ состояніи быть проводникомъ этихъ идей, съ другой стороны, что честность не можетъ быть поставлена въ число его человѣческихъ добродѣтелей. Умъ его не выходитъ изъ размѣровъ мелкой изворотливости; честность останавливается на той степени, которая мѣшаетъ человѣку залѣзть въ чужой карманъ, но не доходитъ до искренности и стойкости убѣжденій. Меттернихъ сходенъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ съ Талейраномъ, съ тою только разницею, что Талейранъ еще болѣе Меттерниха пусть и мелочевъ, и еще менѣе Меттерниха способенъ отъ отдѣльныхъ фактовъ возвышаться до общихъ идей.

VI.

Обезпечивъ себя со стороны Германіи, Меттернихъ поставилъ себѣ за правило рѣшительно сопротивляться всякому измѣненію существующаго порядка вещей во всей Европѣ; всякая попытка націи улучшить свое положеніе считалась уголовнымъ преступленіемъ, которое должны были преслѣдовать всѣми мѣрами всѣ европейскія правительства. Когда въ Неаполѣ въ 1820 году вспыхнула революція, вынудившая конституцію у короля Фердинанда, Меттернихъ поставилъ австрійскую армію въ Италиі на военное положеніе и отправилъ къ итальянскимъ государямъ циркулярную ноту, въ которой объявлялось, что Австрія ручается за неприкосновенность ихъ владѣній и даже, въ случаѣ надобности, отправить свои войска для усмиренія мятежниковъ. Неаполитанское правительство отправило посланника къ вѣнскому двору; посланника этого не приняли и не признали въ его должности; послѣ частнаго разговора съ Меттернихомъ, онъ получилъ приказаніе немедленно оставить австрійскія владѣнія. — — — Этимъ конечно дѣло не кончилось; Меттернихъ, заботливый блюститель порядка, обратился къ своему любимому средству, къ конгрессу. Въ Тропавѣ, осенью 1820 года, собрались представители великихъ державъ и начались совѣщанія о томъ, какія мѣры пустить въ ходъ для вразумленія заблуждающихся грѣшниковъ. Меттернихъ собственноручно написалъ проэктъ новаго союза, въ которомъ принципъ вмѣшательства во внутреннія распоряженія государствъ былъ развитъ до послѣднихъ предѣловъ.

«Тѣ же идеи, говоритъ этотъ проэктъ, во имя которыхъ соединились великія державы, чтобы опрокинуть военный деспотизмъ человѣка, вышедшаго изъ революціи, должны быть примѣнены къ дѣлу въ отношеніи къ революціоннымъ движеніямъ, частью — путемъ посредничества, частью — силою оружія.» Къ этому вновь скрѣпленному союзу приступили Россія и Пруссія. Вооруженное вмѣшательство Австріи въ дѣла Неаполя было такимъ образомъ оправдано въ глазахъ Европы, и цѣль Меттерниха была достигнута. Протестъ Англіи не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія, потому что онъ не придавалъ особеннаго значенія ея вліянію на дѣла континента, и не думалъ, чтобы протестъ этотъ выразился въ осязательной формѣ.

На тропавскомъ конгрессѣ было рѣшено пригласить неаполитанскаго короля въ Лайбахъ, и тамъ, вмѣстѣ съ нимъ, фундаментально обсудить положеніе его королевства. Король пріѣхалъ, съ радостью согласился, по приглашенію Меттерниха, взять назадъ ту конституцію, въ ненарушимости которой онъ полгода тому назадъ клялся передъ ли-

цомъ своего народа, и съ восторгомъ принялъ отъ Австріи 50,000-ное вспомогательное войско. Сопrotивленіе неаполитанскаго парламента было задавлено безъ труда; конституція—уничтожена.... Въ началѣ 1821 года произошло движеніе въ Пиемонтѣ; австрійскій корпусъ задавилъ это движеніе, и торжественный циркуляръ, подписанный тремя великими державами, объявилъ всѣмъ правительствамъ о рѣшительной побѣдѣ священнаго союза надъ пагубными стремленіями злоумышленниковъ, якобинцевъ и карбонаріевъ. Но еще не успѣли закрыть лайбахскаго конгресса, какъ пришло извѣстіе о возстаніи Грековъ; Меттернихъ хотѣлъ и въ этомъ случаѣ пустить въ ходъ принципъ вооруженнаго вмѣшательства, но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны Франціи, Англии и Россіи и согласился отложить разсмотрѣніе греческаго вопроса до будущаго года.

До сихъ поръ Меттернихъ послѣ вѣнскаго конгресса не встрѣчалъ серьезной оппозиціи на дипломатическомъ поприщѣ; система его находила себѣ всеобщее сочувствіе среди правителей и министровъ; Австрія пользовалась самымъ обширнымъ вліяніемъ на дѣла Европы; императоръ Францъ, видя ревность своего министра и оцѣнивая его заслуги, награждалъ его послѣ лайбахскаго конгресса званіемъ государственнаго канцлера Австрійской имперіи; послѣ этого Меттерниху нельзя было идти далѣе; онъ стоялъ на высшей ступени іерархической лѣстницы, на той ступени, на которую послѣ Кауница не становился ни одинъ австрійскій подданный; онъ фактически былъ законодателемъ Европы; онъ управлялъ, повидимому историческими событіями; кажется, ему больше ничего не оставалось желать, и дѣйствительно, вся его дѣятельность въ послѣднее десятилѣтіе, т. е. послѣ окончательнаго низложенія Наполеона, была, по его собственному выраженію, чисто консервативная; мы ее назовемъ узкоконсервативною, потому что истинный консерватизмъ возможенъ только при благоразумныхъ уступкахъ требованіямъ времени; кто хочетъ поддержать всю машину въ состояніи общей годности, тотъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не стирались и не ржавѣли отдѣльные колеса, и заблаговременно замѣнять попорченныя части новыми, крѣпкими и свѣжими элементами; но для такой дѣятельности надо быть ученымъ или по крайней мѣрѣ практически опытнымъ механикомъ, надо знать назначеніе каждаго колеса, надо понимать общій строй машины, а ни что не даетъ намъ права думать, чтобы Меттернихъ былъ глубокимъ знатокомъ своего дѣла; продержатъ лѣтъ тридцать запретительную систему съумѣетъ всякій, если вы отдадите въ его распоряженіе полицію и войско; но гдѣ же прочные результаты такой системы? да и возможны ли тутъ прочные результаты? Развѣ Меттернихъ успѣлъ перевоспитать ту націю, которою онъ управлялъ? Развѣ онъ убѣдилъ ее въ законности своей системы? Развѣ онъ отклонилъ въ какую-нибудь другую

сторону тѣ силы и стремленія, которыхъ порывы были ему такъ ненавистны? Развѣ онъ создалъ для этихъ безпокойныхъ силъ какое нибудь поприще дѣятельности?

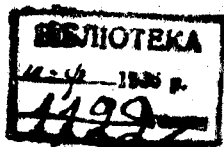
Нѣтъ, такая задача была слишкомъ головоломна для нашего салоннаго дипломата. Онъ дрессировалъ націю, какъ плохія гувернантки дрессируютъ своихъ воспитанницъ, повторяя имъ на каждомъ шагѣ: не говорите громко, не гримасничайте, не трогайте этихъ вещей, не смотрите въ эту сторону. Такая дрессировка скоро надоѣдаетъ воспитаннику, и скоро внушаетъ ему презрѣніе къ своему педагогу. Приложенная къ дѣльмъ народамъ, эта система политическаго воспитанія подѣйствовала точно такъ же; раздраженіе націй выразилось довольно поздно, но за то взрывъ былъ очень силенъ и разстроилъ планы государственнаго канцлера раньше, чѣмъ онъ думалъ; старой консервативной системы достало на вѣкъ Генца, умершаго въ 1835 году, но на вѣкъ Меттерниха ея оказалось мало, и событія 1848 года явились наказаніемъ за грѣхи 20-хъ и 30-хъ годовъ.

Неудачи системы начались гораздо раньше, тотчасъ послѣ того торжественнаго циркуляра, который возвѣстилъ народамъ Европы побѣду священнаго союза надъ нарушителями общественнаго порядка. Греческій вопросъ былъ первымъ яблокомъ раздора между членами священнаго союза. Меттернихъ, какъ сухой дипломатъ, видѣлъ въ возмутившихся Грекахъ такихъ же мятежниковъ, каковы были Неаполитанцы и Пиемонтцы; у императора Александра, напротивъ того, пылкое религиозное чувство говорило громче всѣхъ остальныхъ соображеній; онъ хотѣлъ помочь своимъ единовѣрцамъ; кромѣ того, война съ Турціею могла усилить вліяніе Россіи на дѣла Востока, и потому императоръ Александръ показалъ самое серьезное расположеніе вступить за Грековъ вооруженною силою. Меттернихъ давно уже боялся Россіи, и потому, наскоро сговорившись съ англійскимъ министромъ лордомъ Кастльригомъ, для отвращенія угрожавшей войны предложилъ русскому правительству посредничество Австріи и Англии. Посредничество это было принято и Порта очистила Молдавію и Валахію, которыя она, въ ожиданіи войны, уже успѣла занять своими войсками. Что же касается до Грековъ, то члены священнаго союза согласились въ отношеніи къ нимъ оставаться на время нейтральными; со стороны Меттерниха это уже была важная уступка; онъ соглашался смотрѣть на возмущеніе подданныхъ противъ своего законнаго государя, не посылая войска для усмиренія мятежниковъ. Это, какъ вы видите, составляетъ ужь отступленіе отъ системы, провозглашенной въ Ахенѣ, въ Тропавѣ и въ Лайбахѣ. Въ этомъ отступленіи нѣтъ ничего удивительнаго; мы уже настолько знаемъ личный характеръ князя Меттерниха, чтобы понимать, какъ мало онъ былъ способенъ бороться съ серьезнымъ препятствіемъ во имя своей идеи; какъ

встрѣчается такое препятствіе, такъ нашъ дипломатъ уклоняется въ сторону, и только потому, изъ личнаго тщеславія, старается показать, что его уступка не что иное, какъ результатъ глубокихъ политическихъ соображеній, не что иное, какъ естественный и необходимый выводъ его знаменитой системы. Чѣмъ дальше отступаетъ онъ отъ этой системы въ жизни, тѣмъ упорнѣе держится за нее въ теоріи, чтобы посредствомъ запутанной діалектики замаскировать свои политическія неудачи и пораженія.

Чувствуя что-то неладное въ отношеніяхъ между главными членами священнаго союза, Меттернихъ считалъ необходимымъ скрѣпить этотъ союзъ новымъ конгрессомъ, и на этомъ предполагаемомъ конгрессѣ еще разъ самымъ ревностнымъ образомъ втолковать присутствующимъ лицамъ тѣ догматы политической вѣры, безъ которыхъ нѣтъ ни спасенія, ни порядка. Благодаря его стараніямъ состоялся конгрессъ въ Веронѣ. Въ четыре года—четыре европейскіе конгресса, и всегда составителемъ, разсылающимъ пригласительные билеты, является Меттернихъ. Въ этихъ постоянно повторяющихся совѣщаніяхъ объ одномъ и томъ же, въ этомъ постоянно повторяющемся обращеніи къ союзникамъ, въ этихъ періодическихъ увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ и взаимной помощи, видна тревожная боязливость, происходящая отъ тайнаго, инстинктивнаго, невысказаннаго чувства собственной безпомощности. Меттернихъ очевидно боялся остаться глазъ-на-глазъ съ своимъ народомъ; онъ очевидно боялся, что его захватить врасплохъ какое-нибудь энергическое движеніе массы; на этомъ основаніи, при малѣйшемъ волненіи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, послѣ малѣйшей размолвки съ кѣмъ-нибудь изъ союзниковъ, онъ тотчасъ разсылаетъ во всѣ концы Европы приглашенія собраться для совѣщаній; онъ съ тревожною заботливостью освѣдомляется о настроеніи разныхъ правительствъ, и, собравши ихъ представителей, начинаетъ опять толковать съ ними объ общей опасности, о необходимости прочнаго союза, о неоплатимыхъ достоинствахъ своей системы. Эта вѣчная тревога служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ мало князь Меттернихъ былъ убѣжденъ въ прочности своихъ собственныхъ дѣйствій.

VII.

Каждый конгрессъ созывался Меттернихомъ съ тою цѣлью, чтобы отнять у народовъ какія-нибудь права, чтобы въ чемъ-нибудь стѣснить ихъ законную свободу, чтобы безнаказанно нарушить данныя имъ обѣ-

щанія, чтобы напустить на нихъ войска священнаго союза. Веронскій конгрессъ въ своихъ результатахъ нисколько не отличается отъ трехъ предъидущихъ. Революція въ Испаніи обратила на себя все вниманіе австрійскаго канцлера; король испанскій, Фердинандъ VII былъ принужденъ дать своему народу конституцію, но потомъ, введя эту конституцію, онъ своею двуличною политикою въ отношеніи къ конституціоннымъ властямъ самъ поддерживалъ въ своемъ королевствѣ волненія и беспорядки. Противъ конституціоннаго порядка бунтовали нисшіе слои народа. Они вооружались противъ конституціи и объявляли, что идутъ защищать религію и короля. Монашество, терявшее, по опредѣленію кортесовъ, значительную долю своихъ помѣстьевъ и доходовъ, было недовольно конституціоннымъ порядкомъ. На сторонѣ конституціи стояло все мыслящее населеніе Испаніи; Фердинандъ VII, насколько это было возможно, замедлялъ и парализировалъ дѣйствія кортесовъ противъ бунтовщиковъ. Могъ ли Меттернихъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ испанскихъ событій? Всѣ усилія австрійскаго министра на веронскомъ конгрессѣ были направлены къ тому, чтобы убѣдить Францію въ необходимости пойти на помощь испанскимъ роялистамъ, осуществить желанія самой испанской націи, требующей возстановленія стараго порядка, и низложить ту партію мятежниковъ, которая овладѣла правленіемъ. Вслѣдствіе этого, представители Франціи обязались, отъ имени своего правительства, представить мадритскому кабинету энергическую ноту, и, если это не поможетъ, рѣшить дѣло французскими штыками, къ полному удовольствію Меттерниха, Фердинанда VII и испанскихъ роялистовъ.

Греческій вопросъ не могъ быть рѣшенъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Императоръ Александръ, при всей своей привязанности къ принципу священнаго союза, не могъ никакъ убѣдиться въ необходимости предпринимать крестовый походъ въ пользу турецкаго султана; онъ попрежнему сочувствовалъ возмущившимся Грекамъ и потому Меттернихъ, вывѣдавъ стороною о его настроеніи, заблагодарасудилъ не поднимать этого щекотливаго вопроса, и употребилъ все свое искусство на то, чтобы на конгрессѣ обойти дѣло Грековъ молчаніемъ. Самимъ Грекамъ это казалось невыгоднымъ; они прислали отъ себя депутацію, чтобы просить помощи у великихъ державъ; Меттерниха это нисколько не затруднило; по его приказанію этихъ Грековъ задержали въ Анконскомъ карантинѣ до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не разошелся. Австрійскій министръ, какъ видите, не долго задумывался въ выборѣ средствъ; цѣли его были такъ обширны, такъ возвышенно-благородны, что ими оправдывались и прикрывались невзящныя средства. Да и передъ кѣмъ было ихъ оправдывать? До мнѣнія народовъ Меттерниху не было дѣла, а правители и министры большею частью смотрѣли на вещи его гла-

зами, и къ тому же ихъ было такъ легко отуманить софизмами и запугать мрачными прорицаніями.

Видя огромное вліяніе, которымъ несомнѣнно пользовался Меттернихъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и зная тѣ дешевыя, домашнія средства, которыми приобрѣталось это вліяніе, историкъ останавливается въ недоумѣніи и ищетъ причины этому явленію. Неужели современники не понимали Меттерниха? Неужели они, зная его личность, могли слѣпо вѣрить его политическимъ теоріямъ? Неужели никто изъ тогдашнихъ дѣятелей не видѣлъ поверхностности, двуличности, безхарактерности и политической неразвитости австрійскаго государственнаго канцлера?—Да кто же изъ тогдашнихъ официальныхъ дипломатовъ былъ лучше Меттерниха? Кто изъ нихъ не былъ ему сродни по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ?—Сродство тогдашнихъ государственныхъ людей съ княземъ Меттернихомъ заключалось въ томъ, что большая часть изъ нихъ раздѣляла всѣ его недостатки, не обладая его мелкою изворотливостью и изобрѣтательностью. Никто изъ тогдашнихъ дипломатовъ не былъ специально приготовленъ къ своему дѣлу; всѣ они поступили на свои мѣста или по праву рожденія, или по придворнымъ заслугамъ; всѣ они держались на своихъ высокихъ мѣстахъ закулисными средствами, не имѣющими ничего общаго съ государственною мудростью; живя со дня на день, не зная и не предвидя того, что принесетъ завтрашній день, они постоянно сомнѣвались и трусили, постоянно ненавидѣли все новое, потому что во всякомъ непривычномъ, необыденномъ предметѣ или движеніи думали прочесть осужденіе и неминуюмую гибель; имѣя дѣло съ неизвѣстными имъ силами, которыхъ взрывы могли быть страшно-разрушительны, эти доморощенные политики тоскливо оглядывались по сторонамъ, отыскивая себѣ союзниковъ. Меттернихъ душой и тѣломъ принадлежалъ къ ихъ лагерю, стоялъ съ ними подъ однимъ знаменемъ, и обнаруживалъ притомъ такую пронипательность, догадливость и усердную предусмотрительность, которою не могли не дорожить всѣ остальные дѣятели. О великихъ народныхъ и человѣческихъ интересахъ никто изъ нихъ не думалъ; поэтому, всѣ они старались только отсрочить рѣшительную минуту; а придумывать разныя отговорки, пускать въ ходъ разныя полумѣры—Меттернихъ былъ великій мастеръ, собственно потому, что такое мастерство доступно всякому человѣку, стоящему въ положеніи австрійскаго министра. Давить движеніе мысли—не трудно, была бы только сила да добрая воля, т. е. совершенная нечувствительность къ тому, что волнуетъ, печалитъ или радуетъ другихъ людей. А въ этомъ отношеніи у Меттерниха были развязаны руки; онъ былъ свободенъ отъ всякихъ предрасудковъ; справедливость, развитіе мысли, литература, наука, народность были для него пустыя слова, на которыя жадно бросается неопытная молодежь, но къ которымъ разсудительный

человѣкъ относится съ снисходительною улыбкою. Улыбка эта оставалась на губахъ разсудительнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока дѣло не выходило изъ предѣловъ шутки, препровожденія времени; какъ только неопытная молодежь, внимая злонамѣреннымъ толкамъ, ослѣпленная громкими словами, принимала дѣло серьезно, такъ князь Меттернихъ нахмуривалъ брови, входилъ въ роль заботливаго отца семейства, съликалъ европейскій педагогическій совѣтъ и представлялъ ему необходимость вразумлять увлекающееся юношество. И развитіе этого юношества дѣйствительно задерживалось распоряженіями педагогическаго совѣта; и почти два поколѣнія изжили свой вѣкъ и потеряли свои силы въ шпильбергскихъ карцерахъ, въ ссылкѣ, въ глухой, бесплодной оппозиціи противъ австрійской государственной тактики.

Читая мартирологію итальянскихъ патріотовъ, каждый по человѣчески чувствующій читатель можетъ быть почувствовалъ бы ненависть къ Меттерниху, душѣ австрійской политики, автору и проводнику всѣхъ жестокихъ мѣръ. Читатель этотъ поступитъ такимъ образомъ не совсѣмъ справедливо, или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ логично. Въ личности Меттерниха нѣтъ того мрачнаго величія, которое можно замѣтить въ историческихъ фигурахъ Людовика XI французскаго, Филиппа II испанскаго, Генриха VIII англійскаго, нашего Ивана IV; у Меттерниха нѣтъ тѣхъ смѣлыхъ и обширныхъ идей, которыя проводилъ въ своей дѣятельности Людовикъ XI, централизаторъ феодальной Франціи; у него нѣтъ того дикаго фанатизма, который одушевлялъ собою тирана Испаніи; въ его оправданіе нельзя привести того болѣзненнаго разстройства, которымъ до нѣкоторой степени объясняются кровавыя эксцентричности Генриха и Ивана. Острый умъ Людовика XI, строившаго для будущихъ поколѣній, не можетъ примирить насъ съ его жестокостями, но во всякомъ случаѣ выдвигаетъ его личность изъ ряда дюжинныхъ явленій; односторонняя религіозность Филиппа II не можетъ вызвать къ себѣ нашего сочувствія, но во всякомъ случаѣ заставляеть насъ смотрѣть на его громадныя преступленія, какъ на результатъ горячаго убѣжденія; болѣзненное состояніе Генриха VIII и Ивана IV не можетъ показаться намъ привлекательнымъ, но оно почти снимаетъ съ нихъ отвѣтственность за пролитую кровь. Скажите на милость, можно ли въ пользу Меттерниха привести хоть одно подобное оправданіе? Созидалъ ли онъ прочное зданіе для будущихъ вѣковъ? Дѣйствовалъ ли онъ подъ увлеченіемъ страсти? Страдалъ ли онъ умопомѣшательствомъ? — Ничуть не бывало; все дѣлалось у него хладнокровно, прилично, чуть-чуть не кротко: онъ безъ малѣйшаго раздраженія и безъ малѣйшей надобности, исполняя чужую волю, принималъ на себя роль главнаго тюремщика Австрійской имперіи; какъ услужливый исполнитель, онъ съ полнымъ усердіемъ принималъ на себя всякія должности: нужно быть первымъ министромъ—онъ

готовъ; нужно распечатать и прочесть чужое письмо—извольте; нужно подослать шпиона—и это можно; нужно выведать через свою любовницу секретъ—будетъ исполнено; нужно присмотрѣть за арестантами—и тутъ князь Меттернихъ не ударить лицомъ въ грязь. Въ его характерѣ нѣтъ крупныхъ чертъ, и вслѣдствіе этого, ни что въ немъ насъ не шевелить, ни что не приводитъ въ негодованіе. Смотри на судьбу и личность Меттерниха, только и можно подумать: бѣдный *petit-maitre!* Рядъ случайныхъ обстоятельствъ поставилъ его такъ высоко, такъ высоко, что ему самому сдѣлалось и весело и страшно; сойдти внизъ ему не хочется, а упасть онъ боится; его маленькая фигура исчезаетъ на необозримо-высокомъ пьедесталѣ, и новый столпникъ забываетъ, что онъ человѣкъ; онъ не смотритъ на то, что дѣлается внизу; ему лишь бы удержаться на своемъ пьедесталѣ; ему нѣтъ дѣла до тѣхъ ничтожныхъ людей, которые не могутъ слѣдовать за нимъ на высоту. Онъ жалокъ въ своемъ неестественномъ положеніи; смѣшныя стороны его мизерной фигурки видны со всѣхъ сторонъ, всей толпѣ, стоящей вокругъ пьедестала..... Что же тутъ ненавидѣть? Онъ мелокъ, и оцѣнивать его личный характеръ значить только хладнокровно отмѣтить эти выдающіяся черты его фizioноміи.

VIII.

Дряблость князя Меттерниха начинаетъ обозначаться въ тѣхъ неудачахъ, которыя въ половинѣ двадцатыхъ годовъ испытываетъ его система.

Случалось ли вамъ, любезный читатель встрѣчаться съ такими людьми, которые на словахъ готовы совершить чудеса геройской храбрости, а на дѣлѣ оказываются трусливѣе самаго обыкновеннаго смертнаго? Такіе господа при спорѣ говорятъ очень громко и постепенно возвышаютъ голосъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ противникъ становится скромнѣе; если они могутъ запугать васъ, они начинаютъ самовластно распорядиться вами; если же, напротивъ того, вы крикните громче ихъ, или выкажете сопротивленіе, они дѣлаются мягкими, уступчивыми и понижаютъ тонъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ государственный канцлеръ Австрійской имперіи; пока онъ не встрѣчалъ себѣ оппозиціи, претензіи его росли не по днямъ, а по часамъ; система съ каждымъ годомъ проводилась настойчивѣе; вмѣшательство Австріи въ дѣла другихъ государствъ становилось нахальнѣе; дипломатическія ноты писались рѣзче и внушительнѣе; вся Германія была взята въ опеку; вмѣстѣ съ правами націй

нарушалась и самостоятельность правителей. Король виртембергскій и великій герцогъ баденскій сами были расположены къ конституціонной системѣ управленія и дорожили любовью своихъ подданныхъ; австрійское правительство не обратило вниманія на ихъ личныя мнѣнія и симпатіи и разными полунасильственными мѣрами заставило ихъ подчиниться политикѣ священнаго союзу и ввести въ своихъ владѣніяхъ ту систему гнета, которую испытывала въ это время почти вся континентальная Европа.

Принципъ законности, провозглашенный Меттернихомъ послѣ вѣнскаго конгресса, превратился рѣшительно въ принципъ чистаго султанизма. Меттернихъ поддерживалъ только тѣхъ законныхъ государей, которые соглашались подчиниться его инструкціямъ; кто возставалъ противъ этихъ инструкцій, тотъ былъ врагомъ Австріи и ея министра, какъ бы ни были законны его права на престолъ; еслибы произошло столкновение между законнымъ государемъ, поддерживающимъ конституціонныя идеи, и партією, стремящеюся водворить абсолютизмъ, Меттернихъ не задумался бы протянуть руку партіи вопреки желанію правителя. Тяжело приходилось континентальной Европѣ подъ ферулою австрійской политики; пора было остановить зазнавагося придворнаго чиновника и положить конецъ его диктаторскому самовластію, тяготѣвшему надъ націями такимъ же страшнымъ гнетомъ, какимъ деспотизмъ Наполеона тяготѣлъ надъ государями. Англійскій министръ Каннингъ нанесъ первый рѣшительный ударъ австрійской гегемоніи.

Нанести этотъ ударъ было вовсе не трудно. Меттернихъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ слабъ и трусливъ. Встрѣчая серьезный отпоръ, онъ сначала пробовалъ запугать противника, но стоило только прикрикнуть, и нашъ дипломатъ, не рѣшаясь вступить въ борьбу, начиналъ заботиться только о томъ, чтобы прилично устроить себѣ отступленіе и не признать себя разбитымъ въ глазахъ европейскихъ правительствъ. Споръ между Каннингомъ и Меттернихомъ завязался по поводу вопроса объ испанскихъ колоніяхъ въ южной Америкѣ. Колоніи эти, Колумбія, Буэносъ Айресъ и Чили отложились отъ метрополи, объявили себя независимыми и ввели у себя республиканское устройство. Меттернихъ на веронскомъ конгрессѣ объявилъ тономъ диктатора, что великія державы никогда не признаютъ существованія этихъ республикъ, и, въ случаѣ надобности, пошлютъ свое войско въ Америку, чтобы возстановить нарушенные интересы монархическаго принципа. Внимая изрѣченіямъ своего оракула, европейскіе дипломаты благоговѣли, и мысль о крестовомъ походѣ въ Новый Свѣтъ серьезно занимала ихъ умы, возбуждала въ однихъ дѣятеляхъ тревожныя опасенія, въ другихъ—гордое чувство радости. Но явился невѣрующій скептикъ, и европейская пиѳія была уличена въ грубомъ заблужденіи. Джорджъ Каннингъ объявилъ ясно и

просто, что Англія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла американскихъ колоній. Меттернихъ попробовалъ устроить конгрессъ, надѣясь какимъ нибудь образомъ уломать Каннинга; Каннингъ наотрѣзъ отказался участвовать въ конгрессѣ и еще разъ замѣтилъ, что въ отношеніи къ бывшимъ испанскимъ колоніямъ Англія будетъ поступать по собственному благоусмотрѣнію, не обращая вниманія ни на конгрессъ, ни на священный союзъ. Что тутъ было дѣлать? Меттернихъ видѣлъ, что нашла коса на камень, и что придется отступить; онъ сталъ просить Каннинга, не дѣлать по крайней мѣрѣ ничего такого, что могло бы уронить въ общественномъ мнѣніи Европы систему священнаго союза; Каннингъ и на это не согласился; онъ отвѣчалъ, что Англія признаетъ независимость возмущившихся колоній; всѣ доводы Меттерниха были истощены, всѣ его заискиванія разбились объ непоколебимую волю Англичанина, и, къ довершенію скандала, французскій кабинетъ, подчиняясь вліянію Англіи, также обнаруживалъ расположеніе признать самостоятельность южно-американскихъ республикъ. Меттернихъ не былъ способенъ стоять за свою идею до послѣдней возможности; на гордую ноту англійскаго министра онъ отвѣчалъ очень скромно, что священный союзъ не будетъ сопротивляться тому, чтобы бывшія испанскія колоніи были объявлены независимыми, лишь бы только монархическій принципъ оставался неприкосновеннымъ, лишь бы только отложившіяся земли выбрали себѣ въ правители законныхъ государей. Каннингъ не сдѣлалъ никакой уступки, и, рѣшительно отказавши Меттерниху во всѣхъ его требованіяхъ, вслѣдъ затѣмъ официально, безъ всякихъ условій и ограниченій, призналъ независимость новыхъ республикъ. Меттернихъ, какъ и слѣдовало ожидать, покорился необходимости и торжественныя обѣщанія его о крестовомъ походѣ великихъ державъ за море остались громкими фразами.

Еще чувствительнѣе было пораженіе, нанесенное политикѣ Меттерниха въ Португаліи; виновникомъ этого пораженія былъ тотъ же Каннингъ. Въ Португаліи королева Марія да-Глорія, дочь бразильскаго императора Педро, ввела бразильскую конституцію, представлявшую націи значительныя льготы и политическія права; дядя королевы, Мигуэль, призванный сдѣлаться ея мужемъ и соправителемъ, сталъ во главѣ абсолютистовъ и пытался уничтожить конституцію и опрокинуть существующее правительство, чтобы сдѣлаться неограниченнымъ государемъ; всѣ законныя права были на сторонѣ королевы Маріи, но вѣнскій кабинетъ, сочувствуя стремленіямъ Мигуэля, ободрялъ его приверженцевъ и даже убѣждалъ французское и испанское правительства поддерживать своими войсками замышляющуюся революцію абсолютистовъ. Меттернихъ *soi-disant* легитимистъ и консерваторъ, становился нарушителемъ общественнаго спокойствія, изподтишка раздувалъ междоусобную войну, и,

по своему обыкновению, поддерживалъ ту сторону, противъ которой говорили и божественное право, и голосъ націи, и здравый смыслъ, и нравственное чувство. Каннингъ замѣтилъ австрійскія интриги и въ дребзги разбилъ планы государственнаго канцлера. Онъ самъ поѣхалъ въ Парижъ и отклонилъ французское правительство отъ внимательства въ португальскія дѣла; когда же Мигуэль, опираясь на испанскія войска, произвелъ революцію, то подъ стѣнами Лиссабона показалось десять англійскихъ военныхъ кораблей, и партія Мигуэля оставила свои замыслы. На другой день послѣ отправления этой эскадры, Каннингъ произнесъ въ парламентѣ нѣсколько многозначительныхъ словъ, надъ которыми пришлось позадуматься Меттерниху. «Я не боюсь войны за хорошее дѣло, сказалъ англійскій министръ. Но я боюсь ея потому, что знаю, какимъ образомъ Великобританія можетъ довести борьбу до такихъ послѣдствій, о которыхъ страшно подумать. Можно возбудить войну; въ которой будутъ сражаться между собою не арміи, а идеи, и тогда подъ знамена Великобританіи станутъ всѣ граждане, недовольные современнымъ положеніемъ своихъ земель. Въ настоящее время существуетъ такая сила, которая, подъ руководствомъ Англии, можетъ сдѣлаться страшнѣе всѣхъ силъ, когда-либо боровшихся во всемірной исторіи.» Каннингъ былъ человѣкъ дѣла, а не фразы; онъ не отступилъ бы отъ европейской войны, если бы ему пришлось отстаивать свои политическія убѣжденія; но Меттернихъ боялся шума и скандала; узнавъ о появленіи англійскихъ кораблей подъ Лиссабономъ и о громовой рѣчи Каннинга въ парламентѣ, онъ отступился отъ Мигуэля и объявилъ, что никогда не сочувствовалъ его революціи.

Да, еслибы Каннингъ не умеръ въ 1827 году, многое на европейскомъ континентѣ могло бы сложиться не такъ, какъ оно сложилось. Благодаря его энергіи, кредитъ Меттерниха началъ слабѣть и его система стала постепенно терять своихъ поклонниковъ. Между тѣмъ и греческій вопросъ, котораго рѣшеніе государственный канцлеръ отсрочивалъ разными дипломатическими фокусами, неожиданно разыгрался въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. 6-го іюля 1827 года, Россія, Англія и Франція заключили между собою въ Лондонѣ союзъ, и обязались, въ случаѣ надобности, силою оружія принудить Порту къ освобожденію Грековъ; союзъ этотъ былъ заключенъ безъ вѣдома Меттерниха; союзъ этотъ былъ заключенъ противъ одного изъ законныхъ государей Европы, и притомъ противъ одного изъ самыхъ самовластныхъ, слѣдовательно наиболѣе достойныхъ просвѣщеннаго сочувствія австрійскаго министра; союзъ этотъ усиливалъ значеніе Англии и Россіи, и слѣдовательно парализировалъ вліяніе Австріи; какъ дипломатъ, какъ защитникъ абсолютизма, и какъ тайный врагъ Англии и Россіи, Меттернихъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ заключеніемъ этого союза.

Онъ вмѣстѣ съ императоромъ Францомъ разразился въ ругательствахъ и проклятіяхъ противъ Каннинга. «Чортъ въ него поселился!» кричалъ Францъ I, и министръ, по обыкновенію, былъ одного мнѣнія съ своимъ государемъ; но ругательства эти не перешли въ дѣло, не перешли конечно на бумагу дипломатическихъ нотъ, и только частная корреспонденція Меттерниха съ однимъ нѣмецкимъ государемъ сберегла для потомства свидѣтельства этого безсильнаго гнѣва; въ этихъ письмахъ австрійскій министръ отзывался о Каннингѣ, какъ «о безмозгомъ сумасбродѣ, корчащемъ либерала, и неимѣющемъ понятія о политическихъ интересахъ Англій». Въ этихъ отзывахъ выражается то комическое изступленіе, которое невольно обнаруживаютъ люди, пережившіе свою славу, и замѣчающіе, что жизнь идетъ мимо нихъ, далеко обгоняя ихъ, и не обращая вниманія на ихъ безсильныя старанія пріостановить ея теченіе; по этимъ отзывамъ становится замѣтно, что Меттернихъ, постоявши лѣтъ 12 въ первыхъ рядахъ европейской дипломатіи, въ значительной степени потерялъ способность владѣть собою.

Время Ахена, Тропавы, Лайбаха и Вероны прошло невозвратно; выдвинулись новыя дѣятели — и подавленные интересы націй понемногу поднимаютъ голову. Вскорѣ послѣ заключенія лондонскаго договора, Каннингъ умеръ, но отъ этого Меттерниху легче не сдѣлалось. Преемникъ Каннинга, лордъ Веллингтонъ, гордый и упрямый, какъ истый Англичанинъ, не склонялся ни на какія представленія австрійскаго правительства, держался въ союзѣ съ Россією и защищалъ дѣло Грековъ. Въ августѣ 1827 года союзныя державы представили турецкому правительству свои требованія и, не получивши удовлетворенія, послали свои эскадры въ Архипелагъ; Меттернихъ рѣшился на отчаянную продѣлку, на дипломатическій подлогъ; желая во что бы то ни стало предупредить столкновеніе между Портою и союзными державами, боясь нарушенія всего политическаго равновѣсія, Меттернихъ написалъ отъ имени Грековъ изъявленіе раскаянія и покорности; какіе-то подкупленные Греки подписали эту бумагу, и 18-го сентября константинопольскій патріархъ торжественно передалъ этотъ подложный актъ турецкому правительству. Плоская и безчестная комедія эта упала; публика, передъ которою она разыгрывалась, ей не повѣрила; союзныя державы, которыхъ Меттернихъ этимъ страннымъ способомъ надѣялся принудить къ прекращенію военныхъ дѣйствій, не обратили на всю эту штуку никакого вниманія. Извѣстіе о наваринскомъ сраженіи, уничтожившемъ турецкій флотъ, убѣдило австрійскаго министра въ томъ, что, имѣя дѣло съ людьми рѣшительными, нельзя остановить ихъ дипломатическою дилектикою и поддѣльными подписями. Меттернихъ узналъ о наваринскомъ дѣлѣ въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, чтобы ѣхать вѣнчаться; можно сказать положительно, что это извѣстіе испортило

ему этотъ торжественный для него день; свадьба не была, правда, отложена, но женихъ оказался не въ блестящемъ расположеніи духа. Этотъ второй бракъ Меттерниха отличается отъ перваго тѣмъ, что на этотъ разъ нашъ герой женился по любви, на дѣвушкѣ, отличавшейся замѣчательною красотою, но не представлявшей для него блестящей партіи. Противъ этого брака возставали всѣ его ближайшіе родственники, особенно гордая аристократка, старуха мать его, которой въ то время было слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, и которая изъ прошлаго столѣтія принесла свои предрассудки и антипатіи. Впрочемъ, если самъ Меттернихъ наперекоръ этимъ предрассудкамъ рѣшился на женитьбу, то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть проявленія истиннаго и глубокаго чувства. Когда государственный канцлеръ былъ еще юношей, онъ и тогда не отличался сердечною нѣжностью; на внучкѣ Кауница онъ женился по расчету; связью съ Каролиною Мюратъ онъ пользовался для политическихъ цѣлей, или, вѣрнѣе, для того, чтобы пробить себѣ дорогу къ почестямъ и повышенію; любовь всегда была для него развлеченіемъ, а иногда полезнымъ, хоть и неблагообразнымъ средствомъ; онъ былъ слишкомъ сухъ и холоденъ, слишкомъ тщеславенъ и мелокъ, чтобы выносить въ груди прочное чувство, и, хоть разъ въ жизни, принести ему въ жертву какую нибудь существенную выгоду, какую нибудь частицу своего самолюбія. Онъ женился во второй разъ, когда ему было 54 года; въ этихъ лѣтахъ мужчины бываютъ особенно чувствительны къ красотѣ молодыхъ женщинъ; капризъ увядающей чувственности бываетъ такъ силенъ, что онъ можетъ показаться дѣйствительнымъ чувствомъ; такого рода капризъ рѣшилъ судьбу государственнаго канцлера; выгодъ ему искать нечего было; богатства у него было довольно; въ связяхъ онъ не нуждался; стало быть, онъ женился на красавицѣ именно потому, что только красота и могла доставить ему наслажденіе; что чувство его къ своей избранной не было глубоко и прочно, это можно заключить по общему характеру разбираемой нами личности; кромѣ того, княгиня Меттернихъ умерла черезъ два года послѣ своей свадьбы, а супругъ ея безъ всякой горести перенесъ свою утрату, и вслѣдъ затѣмъ женился на третьей женѣ.

Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о семейной жизни Меттерниха для того, чтобы предостеречь читателя отъ ошибки; приписать этому человѣку способность глубоко чувствовать и сильно любить значило бы совершенно не понять его характера; Меттернихъ былъ мелокъ въ своихъ человѣческихъ чувствахъ, на столько же, на сколько онъ былъ мелокъ и близорукъ въ своихъ политическихъ идеяхъ и административныхъ соображеніяхъ. Офиціальная, постоянно салонная жизнь, которою онъ прожилъ больше пятидесяти лѣтъ, удовлетворяла его потребностямъ, наполняла всѣ его минуты, составляла для него источникъ силь-

ныхъ ощущеній, горя и радости, надеждъ и опасеній. У него не было внутренняго міра, и эта холодная официальность, проникавшая насквозь всю его личность и таившаяся подъ простотою и изысканною неприужденностью виѣшняго обращенія, — отразилась конечно на его гражданской дѣятельности, отъ которой вѣтъ ледянымъ холодомъ и сухою безучастностію къ дѣйствительно живымъ сторонамъ дѣла.

Когда наваринское сраженіе подало сигналъ къ серьезной войнѣ между Россією и Турцією, Меттернихъ, испытавшій такимъ образомъ совершенное дипломатическое пораженіе, сталъ опасаться за существованіе Оттоманской Порты, и старался возстановить противъ Россіи французское правительство. Когда его убѣжденія не подѣйствовали, онъ взялся за угрозы. Сынъ Наполеона, воспитывавшійся при вѣнскомъ дворѣ въ качествѣ герцога Рейхштадтскаго, внука императора Франца, послужилъ темою этихъ угрозъ. Со стороны Меттерниха эти угрозы были довольно оригинальны и безтактны; ему, защитнику законности, было просто неприлично, противъ династіи Бурбоновъ, признанной великими державами, и посаженной на престолъ при его же содѣйствіи, — выставить претендентомъ на французскую корону сына корсиканскаго демократа, вышедшаго изъ рядовъ революціи и перевернушаго по-своему поземельныя отношенія Европы. Но Меттернихъ уже давно пересталъ заботиться о послѣдовательности своихъ поступковъ; для него дѣло шло о самосохраненіи Австріи, стало быть тутъ уже поздно было толковать о проведеніи принципа; нашъ дипломатъ не подумалъ и о томъ, что его косвенныя угрозы окажутся мыльнымъ пузыремъ, если только французское правительство не испугается ихъ съ перваго разу. Дѣйствительно, у Меттерниха не было въ рукахъ никакихъ средствъ сдѣлать герцога Рейхштадтскаго опаснымъ для Франціи. Императоръ Францъ никогда не согласился бы отпустить изъ Вѣны своего внука, и это было хорошо извѣстно государственному канцлеру. Французское правительство поняло ничтожество этихъ угрозъ, отвѣчало на нихъ очень рѣзко, и австрійскій министръ принужденъ былъ замолчать.

Когда русское правительство спросило у австрійскаго кабинета отчета въ его интригахъ противъ Россіи, Меттерниху пришлось отказываться отъ своихъ словъ и поступковъ, пришлось извиняться и лстить, а императоръ Францъ собственноручно написалъ къ императору Николаю дружеское письмо. Куда же дѣвалось прежнее могущество Австріи, ея недавнее первенство на европейскихъ конгрессахъ? Рядъ дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ государственнымъ канцлеромъ, разрушилъ то фантастическое обаяніе, которое политика Австріи со времени низложенія Наполеона оказывала на умы европейскихъ дипломатовъ. Адріанопольскій миръ между Россією и Турцією упрочилъ русское вліяніе на дѣла Порты и еще больнѣе далъ почувствовать Меттерниху

его безсиліе; Греческое королевство возникло помимо желанія Австріи; при выборѣ греческаго короля Австрія оставалась безъ голоса и дѣло было рѣшено Англіею и Россіею. Словомъ, съ легкой руки Каннинга, униженія слѣдовали за униженіями, и бывший законодатель Европы навсегда потерялъ свое громадное вліяніе; онъ пробовалъ завязать сношенія съ Россіею, снова втянуть ее въ священный союзъ, но дѣло не шло на ладъ; многое измѣнилось въ обстоятельствахъ и въ личностяхъ, много воды утекло, и воротить начало 20-хъ годовъ было невозможно; идеи ненавистныя Меттерниху окрѣпли во время гоненія и готовы были, при первомъ удобномъ случаѣ, вспыхнуть во всей своей яркости и освѣтить кропотливо выстроенное зданіе австрійской государственной мудрости.

IX.

Въ 1830 году настроеніе умовъ въ Парижѣ сильно тревожило князя Меттерниха. Оппозиціонная партія въ палатѣ депутатовъ вела упорную борьбу съ министерствомъ Полиньяка, и за успѣхами этой борьбы слѣдили съ тревожнымъ вниманіемъ люди всѣхъ партій во всѣхъ странахъ континентальной Европы; одни надѣялись, другіе боялись; къ числу послѣднихъ принадлежалъ, конечно, австрійскій министръ; онъ видѣлъ, что въ Парижѣ волнуются, постепенно сближаясь между собою, республиканцы и бонапартисты; онъ зналъ, что ихъ идеи и стремленія находятъ себѣ сочувствіе и въ Испаніи, и въ Италіи, и въ Германіи, и даже въ наслѣдственныхъ земляхъ Австрійской имперіи; онъ видѣлъ кромѣ того, что Карлъ X и министръ его Полиньякъ вполнѣ увѣрены въ силѣ своего правительства, и эта легкомысленная самоувѣренность, основанная на незнаніи настоящаго положенія дѣлъ, еще болѣе безпокоила князя Меттерниха; онъ боялся, чтобы какой нибудь самовластный поступокъ французскаго правительства не повелъ къ страшной катастрофѣ; онъ постоянно упрашивалъ князя Полиньяка дѣйствовать осторожно и мало по малу стѣснять дѣятельность оппозиціонной партіи; Полиньякъ успокаивалъ его самыми положительными обѣщаніями, а между тѣмъ въ глубокой тайнѣ работалъ вмѣстѣ съ королемъ надъ составленіемъ новыхъ ордонансовъ, измѣняющихъ конституцію 1815 года. Въ концѣ іюля 1830 года князь Меттернихъ получилъ отъ своего посланника въ Парижѣ самыя успокоительныя извѣстія; ему писали, что ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думаютъ предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, и что оппозиціонная партія съ своей стороны не обнаруживаетъ ника-

кихъ враждебныхъ намѣреній. Но, вслѣдъ за этими утѣшительными извѣстіями, явились депеши совершенно другаго свойства. Оказалось, что Карль X и Полиньякъ въ послѣднихъ числахъ іюля попытались ввести новые ордонансы и что въ Парижѣ тотчасъ же вспыхнуло страшное возстаніе; Меттернихъ разразился проклятіями противъ безразсудныхъ посягательствъ французскаго правительства; когда же онъ узналъ о томъ, что Бурбоновъ выгоняютъ изъ Франціи, онъ пришелъ въ совершенное уныніе. «Теперь все пропало, говорилъ онъ, теперь вездѣ загорится!»

Дѣйствительно, приверженцы либеральной партіи подняли голову; въ Бельгіи вспыхнула революція, окончившаяся распаденіемъ Нидерландскаго королевства; въ Германіи обнаружилось броженіе; въ Гессенѣ, въ Саксоніи и въ Брауншвейгѣ произошли отдѣльныя возстанія; при такомъ положеніи дѣлъ, Меттерниху и думать нечего было о томъ, чтобы вести съ революціею наступательную войну, и бороться съ ея результатами во Франціи; ему надо было употребить всѣ усилія, чтобы уцѣлѣть въ Вѣнѣ и сохранить спокойствіе въ разнородныхъ лоскуткахъ австрійской монархіи. Поэтому, онъ показалъ себя готовымъ на всякаго рода уступки и началъ съ того, что первый призналъ Людовика-Филиппа, получившаго корону изъ рукъ торжествующей революціи, законнымъ королемъ Франціи; точно также было признано существованіе отдѣльнаго бельгійскаго королевства; точно также были фактически признаны результаты брауншвейгской революціи, низвергнувшей съ престола герцога Карла, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ князя Меттерниха.

Осторожно и уступчиво повелъ себя австрійскій министръ въ отношеніи къ оппозиціи, начинавшей возникать въ мадьярской націи. Вниманіе народа, по распоряженіямъ правительства, было отвлечено на блестящія празднества, сопровождавшія собою коронацію эрцгерцога Фердинанда, объявленнаго Венгерскимъ королемъ при жизни отца своего, Франца I. Когда въ сеймѣ произошли пренія насчетъ рекрутскихъ наборовъ и взиманія податей, правительство на всѣхъ пунктахъ уступило настоятельнымъ требованіямъ оппозиціи. Эта неожиданная уступчивость смягчила воинственное настроеніе умовъ, и всеобщее воодушевленіе венгерской націи не пошло ей въ прокъ, благодаря уклончивой робости князя Меттерниха.

Уступая въ Венгріи, Меттернихъ не хотѣлъ уступать въ Италіи; это былъ послѣдній уголокъ, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ держалась его отжившая система; мелкіе итальянскіе владѣтели боялись своихъ собственныхъ подданныхъ, и съ величайшею радостью принимали отъ Австріи вооруженныхъ блюстителей порядка; Италіи недоставало единодушія; смѣлыхъ патріотовъ было довольно, но они были раз-

сѣяны и дѣйствовали врознь. То въ Моденѣ, то въ папской области, то въ Неаполѣ обнаруживались волненія, но приходили австрійскіе солдаты и тушили огонь, прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ разгорѣться. Европейскія державы обыкновенно не мѣшали этимъ упражненіямъ австрійскихъ отрядовъ и смотрѣли на вмѣшательство Австріи какъ на дѣло очень естественное и вполне законное. Но послѣ іюльской революціи, новое французское правительство, чувствуя настоятельную потребность поддерживать свою популярность въ глазахъ тѣхъ людей, которымъ оно обязано было своимъ возвышеніемъ, — рѣшилось защищать національные интересы Италіи противъ посягательства Австріи.

Въ мартѣ 1831 года французскій кабинетъ объявилъ Меттерниху, что вступленіе австрійской арміи въ итальянскія земли можетъ подать поводъ къ войнѣ съ Франціею, что война эта возможна, если Австрійцы займутъ Модену, правдоподобна, если они войдутъ въ папскую область, и неизбежна, если они перешагнутъ черезъ границу Пиемонта. Когда Меттернихъ, не смотря на это объявленіе, двинулъ войска въ Болонью, въ которой обнаружилось возстаніе, то французское правительство отъ словъ перешло къ дѣлу: Людовикъ Филиппъ послалъ сильную эскадру и захватилъ приморскую крѣпость Анкону, чтобы, въ случаѣ дальнѣйшихъ предпріятій со стороны Австріи, имѣть противъ нея точку опоры въ папской области. Въ это самое время, французскій посланникъ при папскомъ дворѣ убѣждалъ Пія VIII уступить желанію недовольнаго народа и отнять такимъ образомъ у Австріи поводъ ко вмѣшательству. Требованія Франціи поддерживала Англія; на сторонѣ Австріи находилась Пруссія. Меттернихъ боялся войны, и потому, съ своею обыкновенною, техническою ловкостью отступилъ, поддерживая только внѣшнее благообразіе; но самъ передъ собою, въ тиши своего рабочаго кабинета, австрійскій министръ не могъ не сознаться въ томъ, что даже въ Италіи, на которую постоянно было обращено его бдительное вниманіе, выражавшееся въ многочисленныхъ арестахъ и въ постоянномъ движеніи военныхъ отрядовъ, даже въ Италіи, повторяю я, преобладаніе австрійской политики колеблется и становится сомнительнымъ.

Тоскливо оглядываясь вокругъ себя, отыскивая испуганнымъ взоромъ друзей и единомышленниковъ, князь Меттернихъ попробовалъ пустить въ ходъ старое средство, приносившее такіе блестящіе результаты въ Ахенѣ, въ Тропавѣ, въ Лайбахѣ и въ Веронѣ; онъ попробовалъ освѣжить идею священнаго союза и пригласилъ короля Прусскаго пріѣхать въ одинъ изъ городовъ Австріи для совѣщанія съ императоромъ Францомъ о дѣлахъ Европы. Свиданіе между вѣнценосцами произошло въ Мюнхенѣ - Грецѣ въ Богеміи, но не принесло тѣхъ послѣдствій, которыхъ такъ усердно добивался Меттернихъ. Тѣсный оборонительный и наступательный союзъ, котораго желалъ Меттернихъ, не состоялся, по-

тому что Пруссія не обнаружила того консервативнаго рвенія, которымъ пылалъ австрійскій министръ. Не одобряя дѣйствій французскаго правительства въ папской области, Пруссія ограничилась однако тѣмъ, что выразила это неодобреніе очень миролюбивымъ тономъ, въ очень умѣренныхъ дипломатическихъ нотахъ. Нота австрійскаго правительства, напротивъ того, была написана рѣзко, она обвиняла французскій кабинетъ въ поощреніи безпорядковъ и объявляла торжественно, что Австрія, Пруссія и Россія готовы съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать спокойствіе въ тѣхъ странахъ, которыя Франція волнуешь своимъ вліяніемъ. Ни Пруссія, ни Россія не уполномочивали Меттерниха пользоваться ими; грозя Франціи вооруженнымъ вмѣшательствомъ трехъ великихъ державъ, нашъ дипломатъ обѣщалъ больше, чѣмъ онъ могъ выполнить; французское правительство поняло это, и отвѣчало очень рѣшительно, что Франція никогда не потерпитъ ничего вмѣшательства въ Бельгіи, въ Швейцаріи и въ Пиемонтѣ. Въ Бельгіи и въ Швейцаріи—это еще ничего! Но *въ Пиемонтѣ*, лежащемъ на границѣ Ломбардо-Венеціанскаго Королевства! Въ Пиемонтѣ не имѣтъ права возстановлять порядокъ—это, по мнѣнію Меттерниха, значило отказаться отъ итальянскихъ владѣній, значило признать себя побѣжденнымъ до начала сраженія. А между тѣмъ, какъ ни страдало сердце государственнаго канцлера, пришлось покориться и этому тягостному ограниченію. Находясь въ крайне затруднительномъ положеніи, Меттернихъ попробовалъ пропустить мимо ушей то, что было сказано о Пиемонтѣ; онъ отвѣчалъ французскому посланнику, что требованія Франціи касательно Бельгіи и Швейцаріи совершенно законны; французскій посланникъ замѣтилъ ему, что онъ забываетъ Пиемонтъ; Меттернихъ выразилъ притворное удивленіе, потомъ благородное негодованіе, но французскій дипломатъ продолжалъ настаивать; Англія также поддержала это послѣднее требованіе, и Меттерниху пришлось уступить, потому что ни Пруссія, ни Россія не изъявляли желанія проливать кровь своихъ гражданъ за неприкосновенность австрійскихъ владѣній въ Италіи, и за торжество меттерниховой системы въ континентальной Европѣ.

Тайная ненависть Меттерниха къ королю, Людовику Филиппу, возвысившемуся путемъ революціи, постепенно возрастала по мѣрѣ того, какъ политика новаго французскаго правительства парализировала его вліяніе на европейскія событія. Въ рукахъ Меттерниха находилось вѣрное средство надѣлать этому ненавистному правительству множество хлопотъ; при австрійскомъ дворѣ жилъ герцогъ Рейхштадтскій, о которомъ я уже упоминалъ прежде, и этимъ именемъ можно было бы отъ времени до времени грозить орлеанской династіи точно также, какъ, до ея вступленія на престоль, грозили династіи Бурбоновъ. Но угрозы Меттерниха выполнялись такъ рѣдко, и въ этомъ случаѣ выполненіе ихъ было такъ

ненадежно, что правительство Людовика Филиппа выслушало ихъ съ полнымъ равнодушіемъ, зная, какъ нельзя лучше, что императоръ Францъ I никогда не выпуститъ своего внука изъ Вѣны и не позволитъ ему отвѣдать заманчиво-тревожной жизни политическаго авантюриста. Герцогъ Рейхштадтскій хорошо понималъ свое положеніе и не могъ съ нимъ помириться. Ему пошелъ двадцать второй годъ; онъ былъ уменъ и честолюбивъ; подвиги его отца рисовались ему какими то баснословными дѣяніями сказочнаго героя; они раскаляли его молодое воображеніе; онъ чувствовалъ въ себѣ силы идти путемъ своего отца, онъ рвался къ шумной дѣятельности, онъ задыхался въ атмосферѣ вѣнскихъ салоновъ; его не пускали на волю, а между тѣмъ онъ зналъ, что многочисленная партія требуетъ его присутствія во Франціи; постоянная тревога, постоянно сдерживаемыя нравственныя страданія разбили его здоровье, онъ истомился, зачахъ и въ 1832 году умеръ въ той самой комнатѣ Шенбрунскаго замка, въ которой отецъ его въ былые годы диктовалъ Австріи условія унижительнаго мира.

Смерть герцога Рейхштадтскаго разстроила на время надежды бонапартистовъ во Франціи, но надежды эти сосредоточились скоро съ новою силою на одномъ изъ племянниковъ «великаго императора», на томъ самомъ, которому удалось совершить переворотъ 2 декабря 1851 года.

Чисто германскія дѣла требовали со стороны Меттерниха самаго неуклоннаго вниманія; подъ влияніемъ іюльскихъ событій 1830 года, въ германской націи просыпались тѣ опасныя стремленія къ національному единству и къ самоуправленію, которыя австрійскій министръ успѣлъ задуть послѣ войны съ Наполеономъ I. Симптомы болѣзни были тѣ же; стало быть, надо было, по мнѣнію Меттерниха, пустить въ ходъ тѣ лекарства, которыхъ дѣйствіе уже было испытано въ прошедшемъ кризисѣ. Опять началась дѣятельная переписка вѣнскаго кабинета съ различными дворами Германіи; однихъ упрашивали, другихъ увѣщевали, третьихъ усовѣщивали; всѣмъ грозили ужасами революціи, отъ всѣхъ требовали энергическихъ мѣръ. Энергическія мѣры, которыхъ требовалъ Меттернихъ, состояли въ усиленіи полицейскаго надзора, проявляющагося въ самыхъ разнообразныхъ и замысловатыхъ формахъ; во Франкфуртѣ на Майнѣ была учреждена центральная слѣдственная коммисія, что то въ родѣ комитета общественной безопасности; эта коммисія должна была преслѣдовать и отыскивать либерализмъ во всемъ,..... Прежде всего упала, конечно, гроза на литературу, на журналистику и на книжную торговлю; посыпались аресты, денежные штрафы и запрещенія; всякія политическія сходки и народные праздники были запрещены; политическія рѣчи считались преступленіемъ; коварда на шляпѣ

или цвѣтная лента въ костюмѣ считались нарушеніемъ общественнаго спокойствія.

Имя Меттерниха, которому совершенно основательно приписывалась инициатива реакціонныхъ мѣръ, сдѣлалось предметомъ ненависти..... Сеймъ, служившій Меттерниху послушнымъ орудіемъ, потерялъ всякое значеніе въ глазахъ націи; его узаконенія и декреты, издававшіеся цѣлыми десятками по поводу самыхъ ничтожныхъ происшествій, надѣли всѣмъ и возбуждали презрительный смѣхъ; слабость и робость центрального правительства, душою котораго былъ Меттернихъ, выражалась самымъ нагляднымъ образомъ въ этомъ ни на что не нужномъ обилии указовъ и постановленій, постоянно повторявшихся и постоянно нарушавшихся. Между тѣмъ, неудовольствіе народа прорывалось въ частныхъ демонстраціяхъ; старыя бытовья формы, подправленныя въ 1815 году, не удовлетворяли молодаго поколѣнія, на глазахъ котораго совершились іюльскія событія. Меттернихъ все-таки не понималъ и не хотѣлъ понять, того, что нація стремится къ новой политической жизни, и что ни полумѣры, ни уступки, не заставятъ ее помириться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ думалъ, что разогнать представительное собраніе значитъ уничтожить въ народѣ стремленіе къ самоуправленію; запретить книгу или газету значило, по его мнѣнію, искоренить тотъ вредный образъ мыслей, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Словомъ, вдавливая внутрь проявленіе какого нибудь принципа, Меттернихъ думалъ уничтожить самый принципъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду радикальное успокоеніе Германіи, стремившейся, по его мнѣнію, къ губительной анархіи, Меттернихъ въ началѣ 1834 года собралъ въ Вѣнѣ посланниковъ отъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, для того, чтобы, по общему соглашенію совокупными силами раздавить революціонную партію въ Германіи. Изъ рѣчи, которую Меттернихъ произнесъ передъ началомъ перваго засѣданія, видно, какое огромное значеніе онъ придавалъ этой партіи:

«Волненія нашей эпохи, говорилъ между прочимъ австрійскій министръ, породили партію, которой смѣлость, поощряемая нашею уступчивостью, дошла до непозволительной дерзости. Вражду съ властями и авторитетами, считая себя призванною къ господству, эта партія среди общаго политическаго мира поддерживаетъ внутреннюю войну, отравляетъ духъ и настроеніе народа, соблазняетъ юношество, отуманиваетъ даже людей зрѣлаго возраста, путаетъ и искажаетъ всѣ общественныя и частныя отношенія, сознательно подстрекаетъ подданныхъ къ систематическому недовѣрію противъ законныхъ государей, и проповѣдуетъ разрушеніе и уничтоженіе всего существующаго. Эта партія успѣла вселиться въ представительныя собранія, учрежденныя въ германскихъ государствахъ. Дѣйствуя по строго обдуманному плану, она сначала

довольствовалась тѣмъ, что въ палатахъ депутатовъ составила противувѣсъ влиянію правительства. На этомъ ея стремленія не остановились; она старалась усилить свое значеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключить правительственную власть въ возможно тѣсныя границы; наконецъ она пожелала, чтобы дѣйствительная власть изъ рукъ вѣнценосца была перенесена въ представительныя собранія... И, должно сознаться, партія эта, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, достигаетъ своей цѣли; если высококатящіяся волны этого направленія не встрѣтять на пути своемъ крѣпкой плотины, если успѣхамъ этой партіи не будетъ положенъ конецъ, то, въ скоромъ времени, изъ рукъ многихъ правителей ускользнетъ послѣдняя тѣнь монархической власти».

Открывшись рѣчью государственнаго канцлера, вѣнскія конференціи повели къ слѣдующимъ результатамъ: протоколъ 12 іюня 1834 года отнялъ у представительныхъ собраній Германскихъ государствъ все ихъ дѣйствительное значеніе; эти собранія лишились права отказывать правительствамъ въ податяхъ и налогахъ и обсуживать государственный бюджетъ. Университеты и вся система народнаго образованія были подчинены строгому полицейскому надзору; значеніе суда присяжныхъ въ дѣлѣ литературныхъ преступленій было стѣснено вмѣшательствомъ администрации; представительныя собранія, школы и литература—словомъ, всё проявленія народной мысли были систематически сдавлены; большая часть статей этого протокола, по рѣшенію совѣщавшихся лицъ, была оставлена въ тайнѣ; примѣръ Карла X и его ордонансовъ былъ еще слишкомъ свѣжъ въ памяти Меттерниха; рѣшаясь подражать дѣйствіямъ неосторожнаго французскаго короля, Меттернихъ не рѣшался подражать его отважной откровенности. Должно замѣтить, что нѣкоторые изъ германскихъ государей съ неудовольствіемъ исполняли рѣшенія вѣнскихъ конференцій; они понимали, что подобныя распоряженія отнимаютъ у правительства всякую нравственную опору, подрываютъ и губятъ его популярность, ставятъ его въ открытую оппозицію съ разумными стремленіями націи. «Намъ, пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ государей, слѣдовало бы огорчаться результатами вѣнскихъ конференцій; онѣ отняли у насъ любовь и довѣріе нашихъ подданныхъ; мы лишились ихъ по милости Меттерниха. Если мы когда нибудь снова достигнемъ сочувствія нашего народа, то это будетъ, съ нашей стороны, великая заслуга; но говоря откровенно, я не знаю, какимъ образомъ можно будетъ засыпать бездну, отдѣляющую теперь престолъ отъ хижинъ простыхъ гражданъ, государя отъ народа».

Государи, лично заинтересованные въ поддержаніи монархическаго принципа, были такимъ образомъ недовольны излишнею услужливостью и безтолковымъ усердіемъ Меттерниха, громко величавшаго себя са-

мою надежною опорою европейских престоловъ. Государя упрекали его въ томъ, что онъ вредилъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ и компрометировалъ ихъ имена въ общественномъ мнѣніи. Меттернихъ не могъ не знать ихъ мнѣнія; онъ самъ, разными дипломатическими маневрами, угрозами и притѣсненіями навязывалъ свою политику тѣмъ государямъ Германіи, которые не хотѣли отнимать назадъ предоставленныя права; такъ поступилъ онъ съ Баденскимъ великимъ герцогомъ, а поступая такимъ образомъ, онъ уже не могъ говорить, что отстаиваетъ права монарховъ; и дѣйствительно, Меттернихъ не былъ чистосердечнымъ монархистомъ; онъ былъ бюрократомъ и, какъ бюрократъ, тѣснилъ и преслѣдовалъ выборное начало.

X.

2-го марта 1835 года умеръ императоръ Францъ I, и политическій міръ Европы задалъ себѣ интересный вопросъ: какимъ образомъ, и въ какомъ отношеніи измѣнится положеніе князя Меттерниха? Императоръ и его первый министръ, дѣйствовавшіе за-одно въ продолженіи 25 лѣтъ, сжились между собою, коротко узнали другъ друга и не разстались бы ни въ какомъ случаѣ, хотя бы императоръ Францъ прожилъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Гибкость и уступчивость князя Меттерниха уже давно расположила въ его пользу Франца I, нетерпѣливаго ни въ комъ изъ своихъ приближенныхъ присутствія собственной воли и самостоятельныхъ убѣжденій; между императоромъ и министромъ существовало различіе, но это различіе исчезало въ практической дѣятельности, благодаря драгоценному свойству Меттерниха безъ малѣйшей боли отступать отъ идей и принциповъ. Францъ I былъ вѣрующій католикъ, Меттернихъ былъ скептикъ и индифферентистъ; Францъ I былъ злопамятенъ и мстительнъ; Меттернихъ легко забывалъ обиды и никогда никого не преслѣдовалъ своею ненавистью; Францъ въ своемъ отвращеніи къ нововведеніямъ доходилъ до слѣпаго фанатизма; Меттернихъ былъ не прочь отъ мелкихъ улучшеній, лишь бы только прозрѣть подобныхъ улучшеній былъ выработанъ правительственнымъ лицомъ и облеченъ въ канцелярскія формы. Меттернихъ очень часто не сочувствовалъ распоряженіямъ своего государя, но всегда являлся его послушнымъ орудіемъ; Францъ I намѣчалъ общее направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести дѣло, а Меттернихъ, сохраняя про себя свое сочувствіе или несочувствіе, придумывалъ, какимъ образомъ провести это направленіе въ отдѣльныя отрасли администраціи. При жизни императора Франца, Меттер-

нихъ составилъ проэктъ амнистіи для политическихъ преступниковъ Ломбардіи; императоръ не утвердилъ этого проэкта, Меттернихъ немедленно отложилъ его въ сторону и съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ поддерживать тѣ мелкія притѣсненія, на которыя жалуются въ своихъ мемуарахъ Сильвіо Пеллико, Паллавичино и другіе шпильбергскіе арестанты. Францъ I нуженъ былъ расторопный исполнитель, и Меттернихъ, изучившій своего государя, былъ незамѣнимъ для императора Франца, какъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Какъ посмотритъ на этого чиновника новый государь, и съумѣетъ ли шестидесятилѣтній министръ съ надлежащею быстротою пріиспоровиться къ новымъ требованіямъ, — вотъ какъ формулировался вопросъ, занимавшій умы европейскихъ дипломатовъ въ первое время послѣ смерти стараго императора. Новый государь, тридцатилѣтній Фердинандъ I, носившій титулъ короля венгерскаго со времени своей коронаціи въ Пресбургѣ въ сентябрѣ 1830 г., почти ни въ чемъ не былъ похожъ на своего отца; онъ былъ человѣкъ очень болѣзненный, съ трудомъ могъ сосредоточить свои мысли на обсужденіи серьезнаго предмета и не выдерживалъ двухчасоваго засѣданія въ государственномъ совѣтѣ; всѣ люди, знавшіе его въ то время, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, любили его за кроткій нравъ и отъ души жалѣли о томъ, что болѣзнь, ослабляющая умственные способности, мѣшаетъ новому государю провести въ жизнь съ должною энергіею свои человѣколюбивыя стремленія. Первымъ дѣломъ Фердинанда по вступленіи на престолъ было облегченіе участи Итальянцевъ, заключенныхъ въ Шпильбергѣ и въ Мункачѣ; узникамъ этимъ позволено было выселиться въ Америку. Фердинандъ могъ сдѣлать много частичнаго добра, но измѣнить господствующее направленіе политики онъ не былъ въ состояніи; съ благоговѣніемъ почтительнаго сына принялъ онъ изъ рукъ отца санъ императора, а вмѣстѣ съ этимъ саномъ получилъ инструкціи, въ непреложность которыхъ онъ безусловно вѣрилъ. Всѣ старыя слуги Франца I были оставлены на прежнихъ мѣстахъ и князь Меттернихъ, вскорѣ послѣ смерти стараго императора, получилъ отъ Фердинанда собственноручное, ласковое письмо, въ которомъ новый государь благодарилъ министра за услуги, оказанныя имъ габсбургскому дому и австрійской имперіи, и просилъ по прежнему отправлять обязанности государственнаго канцлера. Несмотря на это любезное обращеніе Фердинанда къ старому слугѣ покойнаго отца, положеніе Меттерниха при новомъ правительствѣ чувствительно измѣнялось. При Францѣ государственный канцлеръ былъ исполнителемъ монаршей воли, и представителемъ высочайшей особы, и потому все безропотно и безпрекословно склонялось предъ его могуществомъ. При Фердинандѣ этого не могло быть, потому что, во 1-хъ, у императора не было опредѣленной воли, и потому что,

во 2-хъ, князь Меттернихъ вовсе не пользовался его исключительнымъ или даже преобладающимъ расположеніемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, природный Чехъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій, послѣ смерти Франца явился соперникомъ государственнаго канцлера, и несогласія между этими важнѣйшими правительственными лицами стали часто нарушать ходъ административныхъ распоряженій. Коловратъ, какъ государственный человѣкъ, былъ даровитѣе, смѣлѣе и популярнѣе Меттерниха, но главною причиною размолвокъ между обоими министрами было не столько существенное различіе въ коренныхъ убѣжденіяхъ, сколько мелочное желаніе каждаго изъ нихъ поставить на своемъ и подчинить соперника своему влиянію.

Несогласія начались съ того, что Коловратъ составилъ проэктъ о новомъ устройствѣ государственнаго совѣта, а Меттернихъ изъявилъ желаніе учредить конференціонный совѣтъ, какъ высшую административную инстанцію. Государственный совѣтъ въ то время фактически не существовалъ; онъ никогда не собирался въ полномъ своемъ составѣ и только отдѣльные департаменты его имѣли дѣйствительное значеніе; между тѣмъ Коловратъ пользовался титуломъ предсѣдателя государственнаго совѣта, и ему хотѣлось придать этому титулу фактическую силу; для этого надо было по его мнѣнію превратить государственный совѣтъ въ высшее государственное мѣсто, предоставить предсѣдателямъ его отдѣльныхъ департаментовъ право дѣлать словесные доклады самому императору, и учредить общія собранія всѣхъ департаментовъ. Предсѣдателемъ этого общаго собранія государственнаго совѣта былъ бы конечно графъ Коловратъ, и черезъ это его влияніе могло бы даже перевѣсить значеніе князя Меттерниха.

Но Меттернихъ также не оставался въ бездѣйствіи; его сторону держалъ эрцгерцогъ Людовикъ, братъ покойнаго Франца I, и оба совокупными силами противоудѣйствовали проэктору Коловрата; они считали исполненіе этого проэкта опаснымъ, они боялись, чтобы государственный совѣтъ, соединившись въ одно административное цѣлое, не составилъ сильной оппозиціи намѣреніямъ и стремленіямъ самодержавнаго правительства; со стороны Меттерниха къ этимъ опасеніямъ примѣшивалось конечно въ значительной степени невысказанное, чисто личное и очень мелкое чувство зависти къ возрастающему влиянію Коловрата. Что бы ни въ какомъ случаѣ не предоставитъ послѣднему рѣшительнаго перевѣса, Меттернихъ предложилъ оставить государственный совѣтъ въ покоѣ, и дать новое устройство конференціонному совѣту, въ которомъ окончательно обсуживались и рѣшались важные государственные вопросы. Членами этого совѣта были только Меттернихъ и Коловратъ. Когда они не соглашались между собою, тогда не было ни какой возможности рѣшить предложенный вопросъ, и государственная машина

принуждена была остановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока не уступитъ ктонибудь изъ обоихъ членовъ конференціи. Обыкновенно примирителемъ и посредникомъ являлся эрцгерцогъ Людовикъ. Чтобы положить конецъ этимъ неудобствамъ, Меттернихъ предложилъ принять эрцгерцоговъ Людовика и Франца въ число постоянныхъ членовъ конференціоннаго совѣта. Въ конференціи оказалось бы такимъ образомъ четыре члена, и перевѣсъ голосовъ постоянно находился бы на сторонѣ государственнаго канцлера, потому что оба эрцгерцога вѣрили въ непогрѣшимость его политическихъ мнѣній. Планъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ императорской фамиліи, а Коловратъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, удалился отъ государственныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ свои помѣстья. Безъ него не сумѣли управиться; эрцгерцоги старались помирить его съ Меттернихомъ и кончилось тѣмъ, что Коловратъ возвратился въ Вѣну, принявъ на себя управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ финансовъ; отказался отъ перестройки государственнаго совѣта и согласился вмѣстѣ съ Меттернихомъ и двумя эрцгерцогами засѣдать въ государственной конференціи. Государственные дѣла пошли своимъ обычнымъ ходомъ, еще вялѣе, еще медленнѣе, чѣмъ они шли при Францѣ I; всѣ важные чиновники чувствовали необходимость переменъ, но никто изъ нихъ не зналъ, какъ приступить къ дѣлу, что измѣнить, что оставить по старому. Громадность задачи пугала ихъ тѣмъ болѣе, что ни на одномъ пунктѣ они не могли между собою согласиться. Всѣ они чего-то ожидали, чего-то боялись, и не смѣли притронуться къ существующимъ учрежденіямъ.

Смерть Франца I лишила австрійское правительство того начала инициативы, которымъ оно отличалось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія; Меттернихъ, являвшійся услужливымъ исполнителемъ предначертаній, не былъ способенъ дѣйствовать въ духѣ покойнаго императора съ тою твердостью и послѣдовательностью, какою отличался Францъ I. При жизни Франца, Меттернихъ могъ опереться на него и поставить себя подъ его защиту; онъ дѣйствовалъ по приказанію государя и зналъ, что его не дадутъ въ обиду; при Фердинандѣ надо было держать себя иначе: возбуждать неудовольствіе подданныхъ непопулярными мѣрами было опасно, потому что добродушный и слабохарактерный императоръ не рѣшился и не сумѣлъ бы наперекоръ общественному мнѣнію защищать даже своего любимца, а Меттернихъ пользовался только официальнымъ уваженіемъ государя, и не внушалъ ему особенной симпатіи. Еслибы Меттернихъ деспотическими распоряженіями разбудилъ бы противъ себя въ австрійскихъ подданныхъ ту ненависть, которую уже давно чувствовали къ нему иностранцы, то онъ упалъ бы съ своего высокаго мѣста; онъ это зналъ и потому, угнетая Нѣмцевъ и Итальянцевъ сѣтью дипломатическихъ интригъ, держалъ себя очень

осторожно въ отношеніи къ ближайшимъ подданнымъ своего государя. Онъ постоянно уступалъ требованіямъ венгерской оппозиціи, и уступалъ изъ личнаго чувства самосохраненія въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, съ точки зрѣнія монархическаго принципа, слѣдовало пустить въ ходъ энергическія мѣры. Въ 1836 году Кошутъ въ первый разъ обнаружилъ засѣданія венгерскаго сейма, распустивъ по всей Венгріи литографированные отчеты. Правительство сдѣлало попытку остановить обращеніе этихъ листовъ, но встрѣтило сильное сопротивленіе, и, не смѣя раздражать энергическую націю, сдѣлало важную уступку: съ 1839 года въ венгерскихъ газетахъ стали печататься подробные отчеты о засѣданіяхъ сейма, и нѣмецкій языкъ былъ вытѣсненъ изъ официальныхъ актовъ.

Чувство національности, подавленное системою Франца I и его предшественниковъ, стало расправлять свои крылья, и почти мгновенно выросло на глазахъ самого Меттерниха, который конечно не сочувствовалъ ея проявленіямъ и между тѣмъ не смѣлъ прикоснуться къ тому, за что народъ готовъ былъ поднять оружіе. Уступки, которыя Меттернихъ дѣлалъ требованіямъ массъ, не возбуждали къ нему сочувствія, и не оправдываютъ его личности въ глазахъ исторіи. Уступки эти были чисто вынужденныя; народности, обращающія ихъ въ свою пользу, презирали министра за его слабость. Проявленіемъ слабости, слѣдствіемъ малодушнаго страха объяснялись и объясняются до сихъ поръ всѣ уклоненія Меттерниха отъ системы Франца I. Если Меттернихъ не сочувствовалъ мѣрамъ своего покойнаго государя, то стало быть онъ служилъ при немъ изъ-за жалованья и изъ-за вышшняго почета; если онъ сочувствовалъ этимъ мѣрамъ, то стало быть онъ теперь отступилъ отъ нихъ вслѣдствіе мелкой трусости. Поинякъ въ сравненіи съ Меттернихомъ является героемъ и мученикомъ. Чѣмъ ближе всматриваемся мы въ человѣческую личность Меттерниха, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что въ ней нельзя найти ни одной выкупающей черты. Все въ этомъ чловѣкѣ мелко, посредственно. Ни дальновидности, ни великодушія, ни даже мужественной твердости. Неумѣніе обсуживать государственные вопросы и неспособность твердо держаться принятаго рѣшенія кладутъ на всю дѣятельность Меттерниха послѣ смерти Франца I печать жалкаго безсилія и совершенной безхарактерности. Онъ постоянно идетъ ощупью, постоянно боится споткнуться на какомъ нибудь препятствіи; ему совѣстно стоять на одномъ мѣстѣ и страшно идти впередъ; народныя силы ему попрежнему неизвѣстны и попрежнему пугаютъ разными небывалыми признаками болѣзненно-настроенное воображеніе; ему вездѣ мерещится революція и онъ не знаетъ, въ какую сторону бѣжать отъ нея. Пруссія предлагаетъ, на примѣръ, очень простой проэктъ: уничтожить заставы и таможи между германскими государствами и составить для всей Германіи общій таможенный уставъ: выгода очевидная; тор-

говля оживится, потому что товары не будут задерживаться, общеніе между мелкими германскими государствами сдѣлается тѣснѣе и торговля сношенія ихъ съ иностранцами будутъ удобнѣе; но Меттернихъ эту очевидную выгоду не принимаетъ въ соображеніе; онъ не понимаетъ того, что Австрія, взявши на себя устройство дѣла, выгоднаго для Германіи, можетъ усилить свое значеніе и увеличить политическое вліяніе. Проектъ Пруссіи тотчасъ возбуждаетъ въ немъ недовѣріе; онъ дипломатическимъ путемъ начинаетъ противоудѣйствовать осуществленію, потомъ понемногу мирится съ нимъ, потомъ наконецъ становится покровителемъ той самой идеи, противъ которой онъ интриговалъ; но эту идею онъ не въ силахъ привести въ исполненіе; ее осуществляетъ уже послѣ паденія Меттерниха баронъ фонъ Брукъ, присоединившій Австрію къ германскому таможенному союзу въ 1853 году; между тѣмъ, толки о возможности подобнаго торговаго договора между Австріею и Германіею происходили еще въ 1834 году; спрашивается, по чьей милости девятнадцать лѣтъ прошло въ пустыхъ переговорахъ? Положимъ даже, что Меттернихъ чистосердечно желалъ успѣха этой реформѣ, положимъ онъ даже работалъ въ ея пользу. это нисколько не снимаетъ съ него вины и отвѣтственности. Возникаетъ вопросъ, на который не сумѣютъ отвѣтить самые ревностные защитники государственнаго канцлера: отчего этотъ человѣкъ, собиравшій конгрессы и конференціи, въ родѣ карлсбадскихъ и вѣнскихъ, отчего этотъ самый человѣкъ былъ такъ слабъ, когда надо было и когда можно было принести управляемому народу существенную пользу? Въ этомъ вопросѣ заключается полное осужденіе Меттерниха.

XI.

Внѣшняя политика Меттерниха послѣ 1830 года и особенно послѣ смерти Франца I сдѣлалась совершенно робкою и нерѣшительною. Англія, Франція и даже Пруссія постоянно стремились къ расширенію своего политическаго вліянія, а между тѣмъ Австрія постоянно заботилась только о томъ, чтобы сохранить внѣшнюю представительность и удержать за собою блѣдную тѣнь того могущества, которымъ она пользовалась послѣ 1815 года. Князь Меттернихъ терпѣлъ постоянныя пораженія на дипломатическомъ поприщѣ и только крайнею уступчивостію умѣлъ маскировать чувствительность этихъ неудачъ. Уступчивость эта, происходившая отъ безсилія и отъ робости, называлась благоразуміемъ и оправдывалась желаніемъ поддержать въ Европѣ миръ и спокойствіе.

Греческое королевство, возникшее помимо воли и даже вопреки желанію Меттерниха, рѣшительно не подчинялось вліянію Австріи; Бельгійское королевство отложило отъ Нидерландовъ и, благодаря содѣйствію Франціи и Англии, рѣшительно отстаило свою независимость, несмотря на пассивное сопротивленіе Австріи; Донъ Мигуэль, любимецъ Меттерниха и ревностный послѣдователь его политическихъ теорій, былъ изгнанъ изъ Португаліи, и Австрія не дѣлала въ его пользу ни малѣйшаго распоряженія; въ Испаніи вспыхнула революція, сбросившая съ престола Дона Карлоса, и Меттернихъ не рѣшился поддерживать изгнаннаго инфанта; всѣ политическіе вопросы рѣшались совершенно противно желанію австрійскаго министра, и онъ оставался безгласнымъ, иногда слабо возражалъ, иногда пускалъ въ ходъ мелкую интрижку, но никогда не заявлялъ рѣшительнаго протеста, боясь пораженія, и не надѣясь на свои силы. Съ тѣхъ поръ, какъ Каннингъ разрушилъ вѣру въ непогрѣшимость Меттерниха, ни одно дипломатическое предпріятіе не кленлось въ рукахъ австрійскаго министра, всѣ его попытки создать что нибудь подобное священному союзу не шли въ прокъ и вели только къ усилію полицейскаго элемента въ управленіи Германіи, или къ изобрѣтенію какой нибудь новой стѣснительной мѣры въ отношеніи къ Италіи.

Въ 1832 году вся Европа обратила вниманіе на Турцію; египетскій паша Мегеметь-Али, усилившійся въ своихъ владѣніяхъ, потребовалъ себѣ отъ султана сирійскій пашалыкъ. Султанъ отказалъ, и тогда сынъ Мегемета, Ибрагимъ вступилъ въ Сирію съ сильною арміею, разбивъ турецкое войско и черезъ Малую Азію грозилъ пройти къ Константинополю. Султанъ обратился съ просьбою о помощи къ Россіи; Русскій флотъ отправился изъ Чернаго моря къ берегамъ Сиріи, и сильная армія вступила въ турецкія владѣнія; Меттернихъ пришелъ въ сильное безпокойство; онъ особенно боялся усилія ближайшихъ сосѣдей Австріи, онъ предвидѣлъ, что русская армія рано или поздно одержитъ побѣду надъ Ибрагимомъ и что тогда русское правительство, выручившее султана изъ крайне опаснаго положенія, приобрѣтетъ вліяніе на Турцію. Требовать отъ Россіи, чтобы она не вмѣшивалась въ турецкія дѣла значило вызвать съ ея стороны рѣзкій отвѣтъ, нарушить дружескія отношенія съ русскимъ кабинетомъ и поставить себя въ необходимость или молча перенести дерзость или объявить войну Россіи. Войны Меттернихъ не желалъ ни въ какомъ случаѣ; перспектива дипломатическаго пораженія также не имѣла для него ничего привлекательнаго; поэтому онъ, не говоря ни слова русскому посланнику, рѣшился окольнымъ путемъ разстроить планы русскаго правительства. Чтобы сдѣлать вмѣшательство Россіи бесполезнымъ и даже невозможнымъ, надо было помирить воюющія стороны. Мирить бунтующаго подданнаго съ законнымъ

государемъ было конечно мудрено для такого усерднаго защитника легитимизма, какимъ любилъ себя выказывать передъ лицомъ Европы князь Меттернихъ. Съ точки зрѣнія системы, господствовавшей надъ континентальною Европою послѣ сверженія Наполеона I, съ точки зрѣнія той системы, которую Меттернихъ съ гордостью называлъ *своею*, слѣдовало, конечно, усмирить мятежника, возбудить въ немъ чистосердечное раскаяніе, и потомъ, смотря по желанію властелина, простить дерзкаго нарушителя общественнаго спокойствія или накинуть ему на шею шелковую петлю. Но, что дѣлать, легче составлять политическія теоріи, чѣмъ примѣнять ихъ къ дѣлу. Въ настоящемъ случаѣ, для Меттерниха было гораздо важнѣе устранить вмѣшательство Россіи, чѣмъ спасти достоинство законнаго государя Турецкой имперіи. Дерзкій мятежникъ Мегеметь-Али не хотѣлъ идти съ повинною головою къ своему законному повелителю; считая себя побѣдителемъ, онъ очень настоятельно требовалъ себѣ Сирію и Меттернихъ, повидимому; нашелъ его требованіе законнымъ; по крайней мѣрѣ, австрійскій интернунцій при турецкомъ дворѣ поддерживалъ домогательства египетскаго паши и доказывалъ Портѣ необходимость уступить силѣ обстоятельствъ. Австрійская логика убѣдила султана и его совѣтниковъ; сирійскій пашалыкъ былъ отданъ Мегемету-Али и въ Кутаѣ былъ подписанъ договоръ, въ которомъ такимъ образомъ законный государь, по совѣту легитимиста Меттерниха, во всѣхъ отношеніяхъ исполнялъ требованія своего возмущившагося подданнаго.

Но въ то самое время, какъ Меттернихъ подавлялъ въ себѣ голосъ легитимизма для того, чтобы уничтожить вліяніе Россіи на Турцію, это вліяніе упрочивалось и облекалось въ законную форму. Въ мѣстечкѣ Ункяръ-Скелесси былъ заключенъ въ это время оборонительный союзъ между Турціею и Россіею. Меттерниха сильно встревожило извѣстіе объ этомъ договорѣ, который, по его мнѣнію, могъ повести къ обще-европейской войнѣ; въ этой войнѣ Австріи пришлось бы непременно принять сторону того или другаго лагеря; можетъ быть, оказалась бы необходимость рѣшиться тогда, когда результатъ борьбы будетъ еще неизвѣстенъ; война на границахъ славянскихъ и мадьярскихъ владѣній Австріи могла надѣлать множество хлопотъ австрійскому правительству; усиленіе Россіи было конечно не пріятно для патріотическаго сердца князя Меттерниха, но лучше было стерпѣть молча это усиленіе, чѣмъ изъ за него подвергать себя опасностямъ великой войны. Поэтому Меттернихъ, пожертвовавшій принципомъ легитимизма ради политическаго расчета, пожертвовалъ политическими расчетами ради самосохраненія; онъ боролся съ преобладаніемъ Россіи въ Турціи, пока оно еще устоявалось и пока можно было подорвать его дипломатическими интригами; какъ только оно явилось узаконеннымъ фактомъ, такъ Меттер-

нихъ тотчасъ же покорился необходимости, и сталъ убѣждать представителей Франціи и Англій послѣдовать его примѣру. Дѣйствительно, Франція и Англія успокоились, а Меттернихъ сблизился съ Россією, и заключилъ съ нею договоръ, въ силу котораго Австрія и Россія гарантировали неприкосновенность турецкихъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если вымретъ царствующая династія.

Конечно, всѣ эти дѣйствія Меттерниха не разрѣшали и не могли разрѣшить восточнаго вопроса—онѣ только отсрочивали смуты и раздоры на неопредѣленное время. Внутренняя слабость Оттоманской имперіи не позволила ей существовать самостоятельно; великія европейскія державы постоянно сосредоточивали свое вниманіе на Константинополѣ, чтобы не допустить до рѣшительнаго преобладанія котораго нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей Турціи. Англія, Франція и Австрія постоянно упражнялись въ дипломатическихъ состязаніяхъ, и можно было предвидѣть, не будучи ни пророкомъ, ни великимъ политикомъ, что эти оберегатели Оттоманской Порты рано или поздно передерутся между собою, не сойдясь въ обсужденіи какого нибудь спорнаго пункта. Знали или не знали Меттернихъ, что это такъ случится—все равно. Во всякомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ дѣйствуютъ люди, рѣшительно не заботящіеся о томъ, что будетъ впереди, лѣтъ черезъ десять или черезъ пятнадцать. Надо было кое-какъ вернуться отъ войны, и если это удавалось, Меттернихъ оказывался совершенно довольнымъ, не замѣчая того, что количество горючаго матеріала постоянно увеличивалось, и что, отсрочивая взрывъ, можно было увеличить его потрясающую силу.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Мегеметь-Али опять обезпokoилъ султана; онъ потребовалъ, чтобы его пашалыкъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ его родѣ; когда ему отказали, онъ захватилъ въ плѣнъ весь турецкій флотъ и разбилъ армію султана при Низибѣ въ іюнѣ 1839 года; въ это самое время умеръ султанъ Махмудъ II и весь дипломатическій міръ Европы пришелъ въ волненіе; всѣ государственные люди ожидали, что Россія, поручившаяся въ неприкосновенности турецкихъ владѣній, введетъ свои войска въ Турцію, чтобы охранять ее отъ притязаній египетскаго пашы; если бы это случилось, то столкновеніе между Россією съ одной стороны и Англією и Францією съ другой было бы неизбѣжно. Франція уже выказала свое сочувствіе Мегемету-Али; Англія держала сторону Порты и въ этомъ отношеніи сходилась съ Россією; но если бы Россія захотѣла взять въ опеку султана Абдуль-Меджида и занять турецкія области своими войсками, тогда, по всей вѣроятности, Англія и Франція совокунными силами вступили бы въ борьбу съ Россією. Чтобы еще разъ отклонить предстоящую войну, Меттернихъ убѣдилъ Порту просить посредничества пяти великихъ дер-

жавъ въ дѣлѣ съ Мегеметомъ-Али. Порта послѣдовала его совѣту и въ августѣ 1839 года обратилась къ представителямъ пяти державъ съ формальною просьбою усмирить бунтующаго пашу. Когда бы такимъ образомъ всѣ великія державы принялись за это дѣло, тогда конечно вліяніе Россіи на турецкія дѣла оказалось бы значительно ослабленнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшій поводъ къ войнѣ былъ бы устраненъ.

Россія не сопротивлялась плану Меттерниха; въ Лондонѣ шли даже переговоры между Россією и Англією о томъ, чтобы составить союзъ для защиты Турціи; но Франція, поддерживавшая пашу, рѣшительно не соглашалась принимать участія въ предлагаемомъ посредничествѣ и старалась найти себѣ союзника въ Австріи. Можно было сказать навѣрное, что эти старанія будутъ совершенно безуспѣшны; кто сколько нибудь зналъ Меттерниха, тотъ могъ себѣ легко представить, какъ онъ посмотритъ на предложеніе Франціи; если бы Австрія присоединилась къ Франціи, тогда оказалось бы, что двѣ великія державы идутъ противъ двухъ другихъ великихъ державъ; обѣ враждующія партіи оказались бы почти равносильными и слѣдовательно исходъ борьбы между кабинетами или между войсками былъ бы крайне сомнителенъ; если бы напротивъ того, Австрія стала на сторону Россіи и Англіи, тогда пошли бы три державы противъ одной; въ первомъ случаѣ можно было предполагать, что дѣло дойдетъ до войны; во второмъ случаѣ трудно было себѣ представить, чтобы одна Франція, и притомъ Франція Людовика-Филиппа, рѣшилась за египетскаго пашу вызывать на бой почти всю Европу; миролюбивыя наклонности князя Меттерниха побуждали его сблизиться съ Россією и Англією, чтобы такимъ образомъ показать Франціи, что ея оппозиція будетъ бесполезна; кромѣ того, примыкая къ Англіи и Россіи, Меттернихъ доставлялъ имъ рѣшительный перевѣсъ въ случаѣ войны. Тутъ не за чѣмъ было болѣе колебаться, и Меттернихъ, въ совѣщаніи съ французскимъ посланникомъ Сент-Олеромъ, посоветовалъ ему передать своему правительству, чтобы оно не сопротивлялось единодушному желанію европейскихъ державъ. «Я всѣмъ подаю совѣты, говорилъ государственный канцлеръ, я выслушиваю, умѣряю страсти; но я не могу и не хочу сдѣлаться рѣшительнымъ приверженцемъ той или другой партіи. Я желаю сохраненія мира, согласія между державами; такъ какъ въ Лондонѣ происходятъ совѣщанія, то я не понимаю, почему Франція, по необъяснимой любви къ пашѣ, держится въ сторонѣ отъ обще-европейскаго дѣла. Если вы хотите знать мое мнѣніе, то, по моему, лучше всего согласиться съ тѣмъ, что будетъ рѣшено сообща, потому что это рѣшеніе вѣроятно будетъ основательно и дѣльно. Мы не хотимъ исключать Францію, но мы также вовсе не желаемъ, чтобы Франція взяла насъ на буксиръ.»

Эти слова, произнесенныя Меттернихомъ осенью 1839 года, показывали ясно, что онъ рѣшился дѣйствовать за одно съ Англіею и Россіею, предоставляя впрочемъ своимъ союзникамъ полное право драться за общее дѣло и безъ его содѣйствія проливать кровь и пожинать лавры. Впрочемъ, дѣло тянулось еще болѣе полугода; только лѣтомъ 1840 года, 15 іюля былъ подписанъ союзный договоръ между Россіею, Англіею, Пруссіею и Австріею; этимъ договоромъ четыре державы обязывались противодѣйствовать неумѣреннымъ требованіямъ Мегемета-Али, и поставить его въ прежнія отношенія къ султану. Сообразно съ условіями дипломатической вѣжливости, подписавшіяся державы черезъ своихъ представителей предложили и Франціи приступить къ союзу, но Франція на это любезное предложеніе отвѣчала сухимъ отказомъ и даже встревожила князя Меттерниха, принявъ воинственную осанку; во главѣ французскаго министерства стоялъ въ то время историкъ Тьеръ, восторженный поклонникъ Наполеона I, человѣкъ честолюбивый, энергическій, мечтавшій о военной славѣ и вполнѣ способный затѣять обще-европейскую войну изъ тщеславія, изъ любви къ блеску и треску оружія. Конечно, воинственные порывы Тьера умѣрялись холодною расчетливостію короля Людовика-Филиппа, но тѣмъ не менѣе, Франція стала вооружаться, и Меттернихъ съ безпокойствомъ обратился за объясненіями къ Ст-Олеру. «Къ чему эти поспѣшныя приготовленія, говорилъ онъ. Неужели вы хотите войны? Мы такъ миролюбивы, а вы намъ грозите. Неужели вамъ хочется, чтобы Германія поднялась такъ, какъ она поднималась въ 1813 году? Если это случится, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ и тогда ни за что нельзя поручиться».

Это совершенно справедливо; если бы Германія въ 1840 году поднялась бы съ тѣмъ энтузіазмомъ, который она обнаружила въ войнѣ съ Наполеономъ I, тогда конечно нельзя было бы поручиться за неприкосновенность Австріи и за министерство Меттерниха. Государственный канцлеръ очень хорошо понималъ, что ему самому воодушевленіе Германіи можетъ повредить гораздо сильнѣе, чѣмъ Людовику-Филиппу и Франціи. Это обстоятельство было, конечно, одною изъ важнѣйшихъ причинъ его миролюбивой политики.

Подписавши союзный договоръ, Меттернихъ, несмотря на всю свою дипломатическую осторожность, рѣшился даже послать къ берегамъ Сиріи небольшую флотилію, которая вмѣстѣ съ англійскою эскадрою Стопфорда взяла нѣсколько приморскихъ крѣпостей и такимъ образомъ значительно поколебала настойчивость египетскаго пашши. Это распоряженіе Меттерниха объясняется тѣмъ, что, поступая такимъ образомъ, Австрія ничѣмъ не рисковала и между тѣмъ доказывала свою энергію, являясь въ числѣ самыхъ ревностныхъ исполнителей подписаннаго договора. Порты захотѣла выместить на Мегеметѣ-Али тотъ страхъ, который еги-

петскій паша не разъ нагонялъ на нее своими побѣдами; она объявила его отставленнымъ отъ управленія Египтомъ; англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, сочувствовало этому распоряженію и желало продолжать военные подвиги противъ Сиріи и Египта. Франція значительно понизила свои требованія и желала только, чтобы Мегеметь-Али остался наслѣдственнымъ правителемъ Египта; о Сиріи же не было рѣчи, потому что она, благодаря дѣйствіямъ англо-австрійскаго флота, была предоставлена въ полное распоряженіе султана. Тьеръ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ нимъ исчезло воинственное настроеніе французскаго правительства. Меттернихъ былъ очень радъ помириться съ Франціею и съ удовольствіемъ согласился отстоять пашу отъ Порты и отъ Англій; продолжать обстрѣливаніе сирійскихъ береговъ значило работать въ пользу Англій и дать ей возможность захватить два три приморскихъ пункта—этого Меттерниху конечно не хотѣлось; онъ отозвалъ австрійскую эскадру, и говорилъ, что считаетъ египетское дѣло оконченнымъ; о воинственныхъ стремленіяхъ Англій онъ сталъ отзываться съ неудовольствіемъ. «Это сумасшедшій, говорилъ онъ о лордѣ Понсонби, англійскомъ посланникѣ въ Константинополѣ; онъ способенъ заключить миръ или объявить войну, не обращая вниманія на положительныя приказанія своего двора; онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ прекрасный, но сумасшедшій. Впрочемъ, теперь онъ можетъ дѣлать, что ему угодно; исторія эта кончена».

Дѣйствительно, ни одна изъ великихъ державъ, кромѣ Англій, не была заинтересована въ продолженіи войны, и потому всѣ согласились съ предложеніемъ Меттерниха оставить Мегемета-Али въ покоѣ, предоставляя ему владѣть Египтомъ и завѣщать его своему сыну. Мегеметь-Али, рисковавшій потерять все, съ радостью согласился на предложенныя условія и вопросъ оказался такимъ образомъ рѣшеннымъ, не смотря на усилія Пальмерстона запутать дѣло и затянуть войну. Австрія вышла съ честью изъ этого дѣла и вынесла изъ него много существенныхъ выгодъ; поддержавши въ рѣшительную минуту Мегемета-Али, и остановившись во-время, она упрочила и скрѣпила дружескія отношенія съ Франціею. Впрочемъ весь этотъ вопросъ представлялъ такъ мало затрудненій, что изъ него вовсе не мудрено было выдти съ достоинствомъ и съ прибылью, особенно для Австрій, которая, не имѣя въ этомъ дѣлѣ примаго, личнаго интереса, могла обсуживать его совершенно спокойно и хладнокровно, и кромѣ того, во всякую данную минуту могла отойти въ сторону и, въ случаѣ надобности, ограничиться ролью безпристрастнаго зрителя. Кромѣ того, Меттерниху благопріятствовало счастье; когда Франція возвысила голосъ и начала вооружаться, дѣло могло сильно запутаться; если бы Франція объявила войну, если бы французская армія вступила на германскую землю, тогда многіе расчеты государственнаго канцлера могли бы ока-

заться невѣрными; изъ домашняго дѣла турецкаго султана съ своимъ вассаломъ могла выдти обще-европейская коллизія, которая разыгралась бы въ огромныхъ размѣрахъ и повела бы къ неисчислимымъ послѣдствіямъ; французскія войска могли бы вступить въ Италію и въ 1840 году могло бы случиться то, что произошло въ 1859 году. Паденіе министерства Тьера спасло Австрію и Меттерниха; причина этого кризиса заключалась въ самой Франціи; Меттернихъ нисколько не содѣйствовалъ паденію Тьера и даже не предвидѣлъ его; такъ случилось, и изъ этой случайности для Меттерниха вышли хорошія послѣдствія; если бы случилось иначе, Меттерниху и Австріи пришлось бы нехорошо. Стало быть, государственнаго канцлера выручила не дипломатическая опытность, не предусмотрительная мудрость, а просто счастливое стеченіе обстоятельствъ.

ХІІ.

Въ сентябрѣ 1843 года въ Греціи произошла революція и король Оттонъ былъ принужденъ даровать конституцію. Хотя преданія политики конгрессовъ и священнаго союза уже давно были сданы въ архивъ исторіи, но Меттернихъ не утерпѣлъ; въ немъ заговорило ретивое, и желаніе вспомнить подвиги молодости, когда, по его мановенію, полки ходили усмирять Пьемонтъ, Неаполь и Испанію, шевельнулось въ душѣ ветерана-легитимиста, такъ часто измѣнявшаго принципу легитимизма. Въ настоящемъ случаѣ Меттернихъ осенью 1844 года обратился въ Парижъ съ дипломатическимъ вопросомъ: не будетъ ли удобно, для поддержанія престола короля Оттона, пяти великимъ державамъ сообща принять участіе въ дѣлахъ Греціи. Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ тогдашнему министру Гизо, считавшему себя великимъ прогрессистомъ и ex officio чувствовавшему ко всякой конституціи величайшую нѣжность. Гизо отвѣчалъ Меттерниху, что ни Пруссія, ни Англія не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла Греціи: отъ себя же французскій министръ выразилъ то мнѣніе, что лучше всего представитъ Грецію ея собственнымъ силамъ и стремленіямъ, ограничиваясь только тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое можно оказывать на личности отдѣльныхъ дѣятелей посредствомъ письменныхъ и изустныхъ совѣтовъ. Изъ этого отвѣта князь Меттернихъ могъ заключить съ глубокою грустью, что времена перемѣнились. Онъ печально махнулъ на Грецію, понялъ невозвратимость милаго прошедшаго и сталъ смотрѣть въ другую сторону.

Въ 1846 году онъ высмотрѣлъ и присоединилъ къ Австріи вольный городъ Краковъ. Не буду обсуживать нравственной стороны этого событія. Замѣчу только мимоходомъ, что въ 1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, самъ князь Меттернихъ составилъ и подписалъ актъ, въ которомъ четыре статьи (отъ VI-ой до X-ой) освящали и обезпечивали на вѣчныя времена независимое существованіе вольнаго города Кракова; въ 1846 году тотъ же самый князь Меттернихъ объявилъ, что Австрія считаетъ должнымъ, повинувся политической необходимости, прекратить независимое существованіе города Кракова и присоединить его къ австрійскимъ владѣніямъ. Есть обстоятельства, объясняющія до нѣкоторой степени оригинальный поступокъ Меттерниха и до нѣкоторой степени снимающія съ него отвѣтственность, но во всякомъ случаѣ онъ уничтожилъ то, что самъ создалъ; онъ разбилъ свое дѣло; онъ самъ затопталъ въ грязь преданія той политики, къ которой онъ питалъ такое нѣжное чувство.

Италія попрежнему была предметомъ неусыпныхъ заботъ австрійскаго министра, и попрежнему показывала себя неблагодарною и недостойною его попеченій. Итальянцы попрежнему продолжали ненавидѣть Австрійцевъ и начинали даже придумывать средство совсѣмъ выгнать ихъ изъ Италіи; уже Маццини и партія «Юной Италіи» начали свою агитаторскую дѣятельность; Пьемонтъ сдѣлался центромъ итальянскаго движенія; мысль о свободѣ и единствѣ Италіи по немногу стала облекаться въ образы, способные возбудить энтузіазмъ народной массы. Сардинскій король, Карль Альбертъ, отецъ нынѣшняго итальянскаго короля, Виктора Эммануила, личный врагъ князя Меттерниха, сталъ опираться на патріотическую партію и въ рѣзкихъ нотахъ выражать австрійскому правительству свои враждебныя чувства и намѣренія. Въ это самое время, 1 іюня 1846 года умеръ папа Григорій XVI, поддерживавшій политику Меттерниха въ Италіи, и черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти на папскій престолъ вступилъ Матаи-Феррети подъ именемъ Пія IX. Первымъ дѣломъ новаго преемника Св. Петра была всеобщая амнистія. Этого было достаточно, чтобы привести въ восторгъ Итальянцевъ и возбудить въ австрійскомъ правительствѣ самыя серьезныя опасенія. Пій IX съ первой минуты сдѣлался героемъ патріотическихъ надеждъ Италіи; первые поступки его были приняты взрывомъ національнаго энтузіазма, и ропоть одобренія, способный съ минуты на минуту превратиться въ призывъ къ оружію противъ враговъ и угнетателей родины, пробѣжалъ по всему апеннинскому полуострову. Меттернихъ далъ замѣтить папѣ, что считаетъ амнистію несвоевременною, и просилъ Пія IX не выходить въ предполагаемыхъ реформахъ изъ тѣхъ границъ, которыя были установлены въ маѣ 1831 года. Амнистія тревожила Меттерниха потому, что, пользуясь ею, множество итальянскихъ патріотовъ

или политических преступников со всех концов земли стеклись в Церковную область, откуда им очень удобно было завязать сношения с недовольными гражданами Ломбардии, Неаполя, Тосканы, Модены и Пармы. Предчувствуя, что папа не обратитъ особеннаго вниманія на его совѣты, Меттернихъ принялъ серьезныя мѣры противъ ожидаемаго движенія въ Италіи вообще и въ Церковной области въ особенности. Онъ началъ съ того, что усилилъ въ Феррарѣ австрійскій гарнизонъ, занимавшій эту крѣпость со времени вѣнскаго конгресса. Папское правительство, боясь, чтобы его не заподозрили въ тайномъ сообщничествѣ съ Австріею, протестовало противъ этой мѣры, и протестовало такъ громко, что въ это дѣло вмѣшались Франція и Англія.

Итальянскіе патріоты потребовали учрежденія національной гвардіи; раздраженіе противъ Австріи усилилось и приняло опредѣленную форму. Въ это самое время въ Римѣ произошли волненія, возбужденныя партіею реакціи, желавшей насильно обратить папу къ политикѣ прежняго правительства; общественное мнѣніе приписало эти волненія интригамъ австрійскаго правительства, и гласный протестъ Меттерниха противъ этого обвиненія нисколько не поколебалъ этого слуха. Когда Меттернихъ, желая энергическими мѣрами задавить возрастающее броженіе, предложилъ папскому правительству успокоить народъ австрійскими отрядами, ему отвѣчали на это предложеніе громкимъ и гордымъ отказомъ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что Итальянцы сами умѣютъ защищать себя. Вслѣдъ за тѣмъ папское правительство смѣлѣе прежняго стало поддерживать идею итальянскаго единства и завязало съ Сардиніею и Тосканю переговоры насчетъ устройства итальянскаго таможеннаго союза. Меттернихъ понялъ тогда, что Пій IX стоитъ на ложной дорогѣ, съ которой невозможно будетъ своротить его кроткими увѣщаніями; онъ понялъ также, что начинающееся итальянское движеніе можетъ повести за собою важныя послѣдствія; онъ назвалъ это движеніе революціею, объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ этого движенія, и, по своему обыкновенію, сталъ собирать союзниковъ, сталъ совѣщаться чаще обыкновеннаго съ посланниками и переписываться съ министрами. «Я вѣрю, писалъ онъ около этого времени къ Гизо, въ торжество умѣренныхъ идей въ такихъ странахъ, которыя, подобно Франціи, пережили нѣсколько революцій. Тогда возможенъ компромиссъ, ведущій къ благодѣтельнымъ результатамъ. Но я не думаю, чтобы могъ водвориться порядокъ *juste milieu* въ той фазѣ, въ какой находятся итальянскія государства; тамъ революція не подходитъ къ концу, а только что начинается; если въ государствѣ власть переходитъ изъ рукъ существующихъ правительствъ въ руки другой, какой бы то ни было партіи, тогда можно сказать, что государство находится въ состояніи революціи. Меня несправедливо считаютъ приверженцемъ абсолютнаго сопротивле-

нія; нѣтъ ничего абсолютнаго, кромѣ истины. Политика имѣетъ дѣло съ результатами и не знаетъ ничего абсолютнаго. Ни въ теоріи, ни въ практикѣ не было создаваемо ничего абсолютнаго. Мое сопротивленіе революціонному духу было иногда дѣятельное, какъ въ 1820 году, часто оборонительное, какъ въ 1831. Теперь я выжидаю. То, что происходитъ въ Италіи, скорѣе можно назвать мятежомъ (*révolte*), чѣмъ революціею (*révolution*). Мятежи осязательнѣе революціи; у нихъ есть тѣло, за которое можно ухватиться. Революціи похожи на призраки; чтобы расчитать свои дѣйствія въ отношеніи къ нимъ, надо выждать, пока эти призраки не облукуются въ тѣла.»

Отрывокъ этотъ даетъ нѣкоторое понятіе о замѣчательномъ искусствѣ Меттерниха сообразоваться съ характеромъ и наклонностями того человѣка, съ которымъ онъ говоритъ. Онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ историкомъ, отыскивающимъ общіе законы, подводящимъ явленія жизни подъ разныя искусственныя построенія собственнаго мозга, и распредѣляющимъ въ придуманныя рубрики неопредѣлившіяся и невыяснившіяся стремленія и движенія настоящаго; кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, любящимъ опираться на хартію, но чувствующимъ нѣкоторую, весьма естественную робость передъ толпою пролетаріевъ, шумящихъ на площади и требующихъ себѣ хлѣба и работы; кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ французомъ, постоянно выражавшимъ съ высоты профессорской кафедры и министерской трибуны свое благоговѣніе и умиленіе передъ доблестями и геніальностью французской націи. Чтобы понравиться Гизо, какъ ученому, Меттернихъ пускается въ бесплоднѣйшія, діалектическія розысканія о различіи между *révolte* и *révolution*; чтобы польстить его псевдо-либерализму, онъ хвалитъ *juste milieu* и обнаруживаетъ добродѣтельное отвращеніе, какъ къ слѣпому пристрастію къ реакціи, такъ и къ рьяному демократизму; чтобы поглядить по шерсти фразистый патріотизмъ французскаго министра, Меттернихъ самымъ утонченнымъ образомъ намекаетъ на превосходство французской цивилизаціи надъ зарождающеюся итальянскою гражданственностью. Меттернихъ, скептикъ, практикъ, неразборчивый въ средствахъ, начинаетъ толковать о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ компромисса, о разумности историческаго теченія событій! Что можно подуматъ о подобномъ превращеніи? Да ничего. Это маска, очень искусно прилаженная къ лицу. Меттернихъ, сочиняя это письмо къ Гизо, въ душѣ навѣрное посылалъ ко всѣмъ чертямъ и доктрину, и *juste milieu*, и развитіе Франціи, и въ особенности папу, забравшаго себѣ въ голову неприличныя его лѣтамъ и званію патріотическія тенденціи. Ему надо было только отстоять плодородныя равнины Ломбардіи, а для этого было необходимо устранить вмѣшательство Франціи и Англій въ итальянское движеніе. И вотъ Меттернихъ становится доктринеромъ съ доктринера-

ми и напрягаетъ свои мыслительныя способности, чтобы поддѣлаться подъ складъ ихъ идей.

Дѣйствительно циркулярная нота, посланная 2 августа 1847 къ четыремъ великимъ державамъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчii съ идеями, выраженными въ письмѣ Меттерниха къ Гизо. Эта нота отвергаетъ существованіе итальянскаго народа. «Италія, пишетъ въ ней Меттернихъ, географическій терминъ. Итальянскій полуостровъ составленъ изъ самостоятельныхъ и независящихъ другъ отъ друга государствъ. Существованіе и территоріальныя границы этихъ государствъ основаны на принципахъ всеобщаго международнаго права и скрѣплены ненарушимыми политическими трактатами. Императоръ съ своей стѣроны рѣшился уважать эти трактаты и всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи, содѣйствовать ихъ поддержанію.»

Цѣль этой ноты, въ которой уже не было рѣчи о *jusle-milieu* и о компромиссахъ, состояла въ томъ, чтобы узнать мнѣніе великихъ державъ объ итальянскомъ движеніи и о тѣхъ гарантіяхъ, которыми обезпечивалось независимое существованіе отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ. Россія и Пруссія обратили на эту ноту мало вниманія и не обнаружили желанія посылать въ Италію войска для охраненія австрійскихъ владѣній и итальянскихъ вѣнценосцевъ. Франція приняла двусмысленное положеніе; она стала ободрять итальянскихъ патріотовъ и въ то же время продолжала увѣрять Австрію въ неизмѣнной прочности своего дружескаго расположенія; Меттернихъ нуждался въ политическихъ друзьяхъ и потому не имѣлъ возможности быть разборчивымъ и подвергать строгой критикѣ поступки своего мнимаго друга, который легко могъ превратиться въ дѣйствительнаго врага; онъ чувствовалъ себя одинокимъ и дружба Франціи связывала ему руки; какъ только онъ заводилъ рѣчь о вооруженномъ вмѣшательствѣ Австріи, такъ начинался немедленно громъ французской прессы; общественное мнѣніе возмущалось противъ Австріи, и французское правительство, побуждаемое броженіемъ умовъ въ обществѣ, заявляло свой officialный протестъ противъ намѣреній князя Меттерниха. Въ это время Англія гораздо яснѣе выказывала Италиі свое сочувствіе; Пальмерстонъ послалъ въ Туринъ лорда Минто съ порученіемъ обѣщать Сардиніи содѣйствіе Англіи и поддерживать враждебное настроеніе Итальянцевъ противъ австрійскаго правительства. Въ officialныхъ своихъ денешахъ Пальмерстонъ объявилъ рѣшительно, что англійское правительство считаетъ реформы необходимыми для Италиі, и намѣревается поддерживать и защищать своимъ вліяніемъ тѣ попытки, въ которыхъ выразится стремленіе измѣнить къ лучшему существующія въ этой націи бытовья формы. Меттернихъ все еще надѣялся на то, что, когда вспыхнетъ рѣшительное возстаніе, великія державы позволятъ Австріи ввести свои войска въ Ита-

лію; имѣя въ виду эту надежду, онъ спѣшилъ заключить съ отдѣльными государями Италіи договоры, въ силу которыхъ австрійскимъ войскамъ дано было бы разрѣшеніе пройти черезъ ихъ владѣнія. Парма и Модена изъявили согласіе, но папа отказался отъ подобнаго договора, и тогда государственный канцлеръ, видя, что его благія идеи находятъ себѣ очень мало сочувствія, рѣшился предоставить Италію ея горькой участи, лишитъ ее покровительства Австріи и сосредоточитъ всю свою заботливость на сохраненіи спокойствія въ Ломбардіи.

Ломбардія начинала волноваться; въ Миланѣ происходили частые беспорядки; сосѣдство съ Пиемонтомъ и надежда на содѣйствіе Англіи начинали оказывать свое ядовитое вліяніе; наконецъ все это страшно натянутое положеніе разразилось возстаніемъ и вступленіемъ Сардинцевъ въ предѣлы Ломбардіи; сигналомъ къ этимъ роковымъ событіямъ послужила февральская революція, низвергнувшая престолъ Людовика-Филиппа и отозвавшаяся электрическимъ сотрясеніемъ во всѣхъ концахъ континентальной Европы. Эта революція вмѣстѣ съ престоломъ Людовика Филиппа опрокинула и министерство Меттерниха; государственный канцлеръ принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны такъ поспѣшно, что не успѣлъ даже, какъ слѣдуетъ, сдать своимъ преемникамъ дѣла и бумаги. Но, не забывая впередъ событий, я теперь снова обращаюсь къ внутреннимъ распоряженіямъ князя Меттерниха. Обзоръ его иностранной политики я считаю оконченнѣмъ; онъ конечно неполонъ и отрывоченъ, но, такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы представить систематическій перечень событий, а о томъ, чтобы охарактеризовать человѣческую личность министра, занимавшаго въ теченіи сорока лѣтъ высшую государственную должность въ одной изъ великихъ державъ, то я полагаю, что достаточно будетъ и тѣхъ немногихъ фактовъ, которые приведены и очерчены въ этихъ главахъ. Представлять въ сжатой формѣ выводы изъ тѣхъ фактовъ я считаю неудобнымъ и, кромѣ того, бесполезнымъ; если изъ всего разсказа читатель не вынесъ никакого общаго, живаго впечатлѣнія, то онъ не вынесетъ его изъ краткаго *résumé*. Если же мнѣ удалось сгруппировать событія такъ, что читатель составилъ себѣ сколько нибудь цѣлостное понятіе о личности и дѣятельности Меттерниха, тогда всего лучше предоставить самому же читателю охарактеризовать эту личность и эту дѣятельность какимъ угодно хвалебнымъ словомъ или эпитетомъ.

ХІІІ.

Уже со временъ возстанія Германіи противъ Наполеона, въ отдѣльных частяхъ австрійской имперіи начали обозначаться такіа стремленія,

которыя до того времени были совершенно неизвѣстны. Почувствовалась потребность реформъ; потребность эта выразилась, и въ однихъ мѣстахъ, на примѣръ въ Италіи, была подавлена, въ другихъ, на примѣръ въ Венгріи, была потихоньку замята или усилена частичными уступками. Французская революція 1830 года оживила надежды той партіи, которая сознавала необходимость и пользу фундаментальныхъ измѣненій; смерть императора Франца, заклятаго, упрямаго врага всякой новизны, дала новую пищу этимъ надеждамъ; примѣръ Пруссіи, работавшей надъ учрежденіемъ таможеннаго союза, былъ живымъ укоромъ для реакціонной партіи и постоянно побуждалъ умѣренныхъ друзей реформы къ дѣятельной борьбѣ съ тѣми людьми и обстоятельствами, которые хотѣли китайскою стѣною отгородить Австрію отъ живаго, развивающагося и мыслящаго міра.

Въ 1840 году на прусскій престолъ вступилъ король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Первые поступки и рѣчи этого короля вызвали сочувствіе лучшихъ гражданъ Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпокоили мнительнаго старца князя Меттерниха почти также сильно, какъ въ 1846 году его встревожилъ первый дебютъ папы Пія IX. Новый король обѣхалъ свои владѣнія, произнесъ нѣсколько рѣчей, изумившихъ современниковъ смѣлою честностью выраженныхъ стремленій, и потомъ, возвратись въ столицу, началъ постепенно приводить въ дѣйствіе свои либеральныя планы. Пруссія повеселѣла; литература и журналистика заговорила смѣлѣе; въ 1842 году былъ изданъ указъ короля объ учрежденіи сословныхъ собраній, изъ которыхъ современемъ должны были выработаться парламентскія учрежденія. Въ сентябрѣ того же 1842 года Меттернихъ, съ недоумѣніемъ смотрѣвшій на обозначившіяся тенденціи новаго правительства, свидѣлся съ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ Кобленцѣ и пустилъ въ ходъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобы самыми яркими красками расписать заблуждающемуся монарху ту опасность, къ которой онъ своими распоряженіями ведетъ Пруссію. Краснорѣчіе государственнаго канцлера пропало даромъ; прусскій король выслушалъ его доводы, не повѣрилъ ни одному изъ нихъ и дѣльнѣе прежняго повелѣлъ приготовить работы по конституціонному вопросу. Тогда Меттернихъ пришелъ въ крайнее замѣшательство; противъ Пруссіи невозможно было пустить въ ходъ знаменитое средство вооруженнаго вмѣшательства; король самъ становился въ ряды той партіи, которую Меттернихъ называлъ революціонною; не за кого было поднимать оружіе, а дипломатическіе приемы, въ родѣ личныхъ свиданій и словесныхъ уговариваній, не дѣйствовали на упрямаго паціента. Поневолѣ приходилось оставить Пруссію въ покоѣ, и князь Меттернихъ конечно съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы на это условіе, но этого нельзя было сдѣлать. Пруссія не оставляла его въ покоѣ; видя начинающееся движеніе со-

сѣдей и единоплеменниковъ, читая книги, брошюры и журналы, появляющіеся въ Пруссіи, австрійскіе подданные чувствовали живѣе прежняго значеніе новаго порядка вещей, котораго они не сознавали еще во всѣхъ подробностяхъ. Высшіе и средніе классы общества, слѣдовавшіе въ жизни совѣтамъ Эпкура и долго остававшіеся равнодушными къ политическимъ событіямъ, стали съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за движеніемъ идей и за ходомъ реформы въ Пруссіи; люди, спеціально знакомые съ технической частью австрійской администраціи, стали за границею печатать сочиненія, въ которыхъ существующія учрежденія подвергались самой строгой, безпристрастной, и, вслѣдствіе этого, разрушительной критикѣ. Собранія сословій въ разныхъ областяхъ имперіи заговорили рѣшительнѣе, чѣмъ когда либо, и выдвинули впередъ такія требованія, которыя и въ голову не приходили князю Меттерниху. Венгерскій сеймъ съ 1843 на 1844 годъ обнаружилъ сильнѣйшую оппозицію противъ намѣреній и распоряженій австрійскаго правительства; ненависть къ нѣмецкому элементу въ языкѣ и въ учрежденіяхъ и желаніе оторвать Венгрію отъ австрійской имперіи и дать ей самостоятельное политическое существованіе выразились съ такою силою, что государственная конференція въ Вѣнѣ пришла въ смятеніе. Нашлись люди, которые посовѣтовали произвести въ Венгріи государственный переворотъ и указомъ императора уничтожить всѣ представительныя учрежденія. Меттернихъ не могъ рѣшиться на такую крутую мѣру; для него это значило поставить на карту существованіе австрійской имперіи, и, вмѣстѣ съ нею, свое канцлерство, онъ зналъ, что подобный *coup d'Etat* доставитъ подъ оружіе всю Венгрію; вмѣстѣ съ Венгріею могли, опасаясь за свои права и учрежденія, подняться Чехи и другіе Славяне; пользуясь этою удобною минутою, вооружилась бы Ломбардія и такимъ образомъ, Фердинанду II и Меттерниху пришлось бы завоевывать всю австрійскую имперію. Но государственному канцлеру на старости лѣтъ не хотѣлось садиться на боеваго коня и потому онъ въ государственной конференціи выразилъ ту мысль, что правительство должно уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія и само начать необходимыя реформы. Идея Меттерниха получила перевѣсъ, и, въ теченіи 1846 года, австрійское правительство приготовило цѣлый рядъ проектовъ, которые, въ 1847 году, должны были разсматриваться и обсуживаться въ предстоящемъ венгерскомъ сеймѣ. Чешскіе чины не уступали венгерскимъ въ силѣ оппозиціи; національныя стремленія съ необываюю силою охватили Богемію и выразились въ наукѣ, въ литературѣ и политической жизни. Даже нижнеавстрійскіе чины, засѣдавшіе въ Вѣнѣ и отличавшіеся въ былое время примѣрнымъ благонравіемъ, каждый годъ стали требовать отъ правительства уступокъ; и правительство постоянно уступало, потому что представительныя собранія были сильны сочувствіемъ своихъ избирате-

лей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили слухи и печатцыя извѣстія. Дѣло дошло до того, что нижне-австрійскіе чины потребовали обнародованія государственнаго бюджета, права обсуживать всѣ важныя дѣла, касающіяся ихъ области, учрежденія земскаго банка и радикальныхъ реформъ въ общинномъ устройствѣ.

Меттернихъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, и всѣ эти неожиданныя событія, валлившіяся, какъ снѣгъ на голову, вызывали въ его умѣ печальныя размышленія; слишкомъ тридцатилѣтнія старанія оказывались разрушенными; если, не смотря на всѣ затворы и запоры зараза вѣка проникла въ послѣдственныя владѣнія австрійскаго императора и въ короткое время усилилась въ нихъ до такой степени, то чего же можно ожидать впереди? На чемъ же остановится эта язва? Что она пощадитъ? Дѣйствительно язва ничего не пощадила; и князь Меттернихъ, несмотря на всю свою безпримѣрную уступчивость, не могъ удержаться во главѣ правительства. Но сначала я попрошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что уступчивость князя Меттерниха въ послѣдніе два года его правительственной дѣятельности доходить до невѣроятныхъ предѣловъ. Тотъ же страхъ передъ революціею, который въ двадцатыхъ годахъ побуждалъ Меттерниха разрушать насильственнымъ образомъ малѣйшія проявленія національнаго чувства и невиннѣйшія стремленія человѣческой мысли, тотъ же страхъ передъ революціею, повторяю я, заставлялъ Меттерниха въ концѣ сороковыхъ годовъ, предлагать самыя разнородныя либеральныя мѣры и произносить такія рѣчи, которыя конечно очень странно было слышать отъ бывшаго министра и испытаннаго друга Франца I. Люди, неумѣренно пользующіеся силою тогда, когда сила находится въ ихъ рукахъ, обыкновенно являются очень трусливыми тогда, когда сила переходитъ въ руки ихъ противниковъ. Меттернихъ подходитъ подъ это общее правило. Въ мартѣ 1847 года онъ обратился къ Пруссіи съ предложеніемъ подать на союзномъ сеймѣ голосъ въ пользу свободы печати; въ этомъ же году онъ выразилъ государственной конференціи ту идею, что нора создать для Австрій конституцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ два проекта, имѣвшіе цѣлю расширить конституціонныя права отдѣльныхъ провинцій и потомъ составить обще-австрійское, государственное представительное собраніе, которому предоставлялось право обсуживать и утверждать бюджетъ, разсматривать и рѣшать важнѣйшіе правительственные вопросы, словомъ, отъ лица всей націи принимать дѣятельное и постоянное участіе въ администраціи.

Но не всѣ члены правительства умѣли, подобно Меттерниху, безъ сожалѣнія и безъ борьбы расставаться съ своими политическими идеями и стремленіями. Новые проекты Меттерниха встрѣтили себѣ сопротивление при дворѣ; эрдегерцогъ Людовикъ не понималъ необходимости

такихъ капитальныхъ уступокъ и во всякомъ случаѣ не хотѣлъ торопиться; съ недоувѣрiемъ, свойственнымъ старику, онъ хотѣлъ сначала всмотрѣться въ предлагаемыя реформы, попривыкнуть къ нимъ, протянуть нѣсколько лѣтъ пренiя и совѣщанiя о частностяхъ и подробностяхъ и потомъ уже вводить новыя порядки понемногу, не спѣша, безъ шума и эффекта. Влiянiе эрцгерцога, находившаго себѣ единомышленниковъ въ старыхъ подвижникахъ своего покойнаго брата Франца, остановило проекты Меттерниха; начались толки, разсужденiя, назначенiя комиссiй для разсмотрѣнiя разныхъ предметовъ и вопросовъ, и всѣ реформы остановились на одномъ разсмотрѣнiи.

1 января 1848 года было учреждено высшее управленiе цензуры (Censur-Oberdirection), а 1 февраля, еще кромѣ того появилось высшее цензурное судилище (Oberstes Censurgericht); оказалось впрочемъ, что реформы эти не подвинули дѣла впередъ. Тогда вѣнскiе книгопродавцы и вѣнскiе литераторы подали прошенiе, которое не принесло никакой существенной пользы.

2 февраля 1848 года была открыта вѣнская академiя наукъ, но это торжество не произвело на общество того благодѣтельнаго впечатлѣнiя, котораго ожидало правительство. Множество замѣчательныхъ ученыхъ и писателей получили званiе дѣйствительныхъ академиковъ; множество важныхъ лицъ были назначены почетными членами; въ числѣ послѣднихъ находился самъ князь Меттернихъ, вельможный покровитель просвѣщенiя въ Германiи и въ Европѣ; словомъ все было чинно, важно и официально, а между тѣмъ многiя характерныя подробности не укрылись отъ бдительнаго вниманiя публики. Не укрылось, напримѣръ, то обстоятельство, что люди, подобные Араго, Шлоссеру, Ранке, Гервинусу не были приняты въ число академиковъ, потому, что ихъ политическiя мнѣнiя не нравятся правительству. Не укрылось и то обстоятельство, что рѣчь Гаммера, произнесенная имъ при открытiи академiи, была помѣщена въ вѣнской газетѣ съ пропусками. Все это были конечно мелочи, на которыя не стоило обращать вниманiя, но эти мелочи хватали за сердце и кипятили желчь.

Вечеромъ 28 февраля къ князю Меттерниху прискакалъ курьеръ съ первымъ извѣстiемъ о февральской революцiи; государственный канцлеръ узналъ только, что Людовикъ Филиппъ отказался отъ престола и что герцогиня Орлеанская приняла на себя регентство; это извѣстiе не произвело особеннаго впечатлѣнiя, потому что вѣнскiй кабинетъ никогда не питалъ особеннаго сочувствiя къ личности и къ политикѣ короля, возведеннаго на престолъ революцiею. Но на другой день утромъ пришло новое извѣстiе: Францiя объявила себя республикою. Это извѣстiе сильно поразило Меттерниха; прочитавъ депешу, онъ нѣсколько минутъ съ смертною блѣдностью на лицѣ неподвижно просидѣлъ въ креслѣ. Съ

замираніемъ сердца сталъ онъ ожидать новыхъ извѣстій изъ Франціи; у него оставалась слабая надежда на то, что произойдетъ контръ-революція, которая положитъ конецъ существованію юной республики. Послѣдующія событія разбили эту надежду и князь Меттернихъ съ нѣмымъ отчаяніемъ сталъ ожидать грядущихъ бѣдствій; съ именемъ французской республики ему казались неразлучными картины дикаго насилія и безотрадная перспектива нескончаемыхъ войнъ и повсемѣстныхъ волненій. Меттернихъ, всегда любившій вооруженное вмѣшательство, на этотъ разъ считалъ его примѣненіе рѣшительно невозможнымъ. Послѣдній ударъ, нанесенный политикѣ государственнаго канцлера переворотомъ во Франціи, былъ такъ силенъ и такъ внезапенъ, что Меттернихъ растерялся, пришелъ въ уныніе и потерялъ всякую вѣру въ дѣйствительность какого бы то ни было средства. Онъ очевидно не могъ собраться съ мыслями, и на предложенія идти во Францію и разсѣять мятежниковъ, отвѣчалъ нерѣшительно: «надо подождать, надо высмотрѣть, какъ и куда станетъ распространяться революція». Какъ доводъ противъ наступательной войны съ Франціею, Меттернихъ приводитъ даже то обстоятельство, что подобная война можетъ возбудить противъ себя негодованіе націи. Меттернихъ началъ обращать вниманіе на то, что говоритъ, и даже на то, что думаетъ нація; по одному этому аргументу, приведенному государственнымъ канцлеромъ въ официальныхъ дипломатическихъ нотахъ, можно составить себѣ довольно яркое понятіе о томъ, какъ неизмѣримо великъ былъ страхъ его передъ ожидаемымъ движеніемъ. Распоряженія по внутренней администраціи замерли въ такомъ положеніи, въ какомъ ихъ захватили роковыя извѣстія изъ Парижа. Проекты реформъ не пошли въ дѣло; дворъ и конференція раздѣлились на двѣ партіи, неравныя по числу своихъ приверженцевъ; эрцгерцогъ Людовикъ и Меттернихъ стали доказывать, что производить реформы несвоевременно и опасно, что всякая уступка со стороны правительства покажется обществу и народу поблажкою, признакомъ слабости, поощреніемъ къ дальнѣйшимъ требованіямъ и, въ случаѣ крайности, къ возстанію. Всѣ остальные члены императорской фамиліи и государственной конференціи считали быстрыя реформы совершенно необходимыми; они хотѣли упрочивать за собою расположеніе народа; для Меттерниха любовь общества и націи была невозвратно потеряна; для Фердинанда, извѣстнаго своимъ кроткимъ характеромъ, и для тѣхъ членовъ его семейства, которые не принимали дѣятельнаго участія въ правительственныхъ распоряженіяхъ Франца I, было очень не трудно сохранить или даже вновь пріобрѣсти популярность. Надо было только вычеркнуть изъ списка австрійскихъ чиновниковъ то громкое имя, съ которымъ связывалось такъ много роковыхъ воспоминаній, то имя, которое въ продолженіе сорока лѣтъ постоянно тяготѣло подъ правительственными

распоряженіями. Имя Меттерниха уже успѣло приобрести себѣ такую печальную извѣстность, что его одного было достаточно, чтобы возбудить полное недовѣріе противъ правительства; члены правительства понимали это и, конечно, не желая раздѣлять съ Меттернихомъ тѣхъ опасностей, которыя являлись для него, съ удовольствіемъ готовы были исключить его изъ списковъ, чтобы помприться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Во главѣ этой партіи, желавшей искренняго примиренія съ обществомъ, стояла эрцгерцогиня Софія, жена эрцгерцога Франца, брата императора, женщина умная, энергическая, постоянно слѣдившая за ходомъ событій и понимавшая довольно вѣрно ихъ истинный смыслъ; она ожидала сильныхъ волненій и совѣтовала болѣзненному Фердинанду отказаться отъ престола въ пользу ея сына, Франца-Иосифа; сверхъ того, она считала необходимымъ, чтобы эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ совершенно устранили свое вліяніе на государственныя дѣла, и чтобы Австрія, получивши общую конституцію, вступила въ новую эру исторической жизни. Софія считала подобныя мѣры рѣшительно необходимыми для спасенія австрійской династіи отъ той участи, которая два раза постигала Бурбоновъ, и такъ недавно обрушилась на Орлеановъ. Эти мысли часто выражались эрцгерцогинею въ семейныхъ совѣщаніяхъ; при этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ иногда князь Меттернихъ и тутъ-то ему нерѣдко приходилось выслушивать горькія истины; эрцгерцогъ Іоаннъ, личный врагъ государственнаго канцлера, разбивалъ по пунктамъ его политическія теоріи и прямо, не церемонясь, говорилъ при немъ, что его удаленіе отъ дѣлъ необходимо для блага государства и для спокойствія царствующей династіи. Меттернихъ на подобныя любезности отвѣчалъ холодно и почтительно, что онъ удалится отъ дѣлъ только въ такомъ случаѣ, когда самъ императоръ выразитъ ему такого рода желаніе. Государственный канцлеръ даже не останавливался на той идеѣ, что ему могутъ серьезно предложить отставку; онъ твердо вѣрилъ въ неразлучность своей судьбы съ судьбою австрійской имперіи; онъ полагалъ, что можетъ пасть подъ развалинами всего государственнаго зданія, какъ послѣдній надежный защитникъ погибающаго принципа; подобная катастрофа представлялась ему чѣмъ-то возможнымъ, но далекимъ и неопредѣленнымъ, за этою катастрофою по его убѣжденію неминуемо должны были слѣдовать анархія, терроръ и хаосъ. Представить себѣ, чтобы ему, какъ всякому другому министру, дали отставку, — представить себѣ все это князь Меттернихъ былъ рѣшительно не въ силахъ. Между тѣмъ его противники не дремали; придворная партія, желавшая реформъ и переменъ министерства, завела сношенія съ предводителями оппозиціи на ниже-австрійскомъ сеймѣ, котораго засѣданія должны были открыться 13 марта. Имъ дали понять,

что паденія государственнаго канцлера желаютъ многіе члены высшаго правительства, и что слѣдовательно прошеніе сейма объ удаленіи Меттерниха будетъ принято благосклонно и можетъ повести за собою плодотворныя послѣдствія.

6-го марта въ присутствіи графа Коловрата и эрцгерцога Франца, общество промышленности (Gewerbeverein) составило и одобрило на имя императора адрессъ, въ которомъ выражалось ясно то убѣжденіе, что взаимное довѣріе между управляющими и управляемыми можетъ быть восстановлено только послѣ удаленія Меттерниха. Этотъ адрессъ былъ врученъ эрцгерцогу Францу, наслѣднику престола, и эрцгерцогъ поблагодарилъ подателей и составителей за честность ихъ стремленій. Это обстоятельство конечно ободрило публику и въ первый разъ показало народу, что даже императорская фамилія не довольна управленіемъ государственнаго канцлера.

..... составили прошеніе объ отставкѣ Меттерниха, и два профессора Ге и Эндлихеръ официально подали это прошеніе эрцгерцогу Людовику. Эрцгерцогъ принялъ депутацію и прочиталъ прошеніе съ видимыми знаками неудовольствія; онъ не далъ депутатамъ положительнаго отвѣта, но въ тотъ же день, въ два часа пополудни, созвалъ государственную конференцію и пригласилъ для совѣщаній нѣкоторыхъ членовъ императорской фамиліи. Въ этомъ собраніи Людовикъ разсказалъ исторію прошенія и рѣшилъ, что на основаніи такой причины невозможно удалить отъ должности человѣка, оказавшаго такія великія услуги государству и царствующей династіи. Государственный канцлеръ очень кротко и спокойно замѣтилъ, что онъ тотчасъ готовъ отказаться отъ своей должности, если таково будетъ желаніе императора, но что, не искавши никогда популярности, онъ не можетъ удалиться отъ исправленія своихъ обязанностей. Послѣ засѣданія конференціи, въ тотъ же день, вечеромъ, могущественные недоброжелатели Меттерниха нашли средства провести въ комнату самого императора тѣхъ профессоровъ, которые утромъ подавали прошеніе эрцгерцогу Людовику. Императоръ принялъ ихъ съ обычною своею привѣтливостію и даже общалъ обдумать представленное ему прошеніе; но никакихъ опредѣленныхъ надеждъ или общаній онъ имъ не далъ.

Меттернихъ изъ конференціи поѣхалъ домой, грустный и озабоченный: онъ чувствовалъ, что ему придется или выйти въ отставку, или уступить той партіи, которая требовала реформъ и уступокъ общественному мнѣнію. Ему представлялась такая дилемма, хотя въ сущности ея не было: никакія реформы и уступки уже не могли спасти его отъ паденія; онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ удалиться, но отъ него зависѣло допить или не допивать до дна чашу огорченій и оскорбленій; отъ него зависѣло сказать: «я выхожу въ отставку, потому что мой

образъ мыслей не находить себѣ сочувствія ни въ обществѣ, ни въ моихъ товарищахъ по управленію», или же дожидаться, пока ему скажутъ: «ступайте, ваше вліяніе вредитъ государству и обществу». Нѣтъ сомнѣнія, что Меттернихъ, какъ человѣкъ практическаго ума, и какъ «образцовый кавалеръ», дорожащій соблюденіемъ внѣшняго благообразія, выбралъ бы первый исходъ, если бы онъ зналъ, что изъ его положенія дѣйствительно только два выхода; но, къ несчастію для государственнаго канцлера, онъ былъ совершенно ослѣпленъ вѣрою въ самого себя; онъ все-таки считалъ свое положеніе непоколебимымъ и, главное, неразлучно связаннымъ съ судьбою Австріи. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло идетъ только объ уступкахъ, а уступить онъ былъ не прочь, потому что упорная борьба съ людьми, находящимися съ нимъ въ непосредственныхъ всѣдневныхъ отношеніяхъ, вообще была ему не по силамъ и рѣшительно не соответствовала его мягкому и слабому характеру. Теперь же въ особенности, думая уступками утвердиться въ своемъ положеніи и зажать ротъ своимъ врагамъ при дворѣ и въ обществѣ, Меттернихъ оказался въ высшей степени гибкимъ и стоворчивымъ; онъ постоянно говорилъ до того времени, что уступки несвоевременны, потому что онѣ покажутся вынужденными; теперь и эта послѣдняя отговорка была отложена въ сторону; разграниченіе между добровольными и вынужденными уступками исчезло. Вечеромъ въ тотъ же день, Меттернихъ пригласилъ къ себѣ предводителя дворянства (Landesmarschall) графа Монтекукули, пользовавшагося популярностью и расположеніемъ ниже-австрійскихъ чиновъ; онъ сталъ совѣтоваться съ нимъ о предполагаемыхъ уступкахъ и обѣщаль ему, что въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ созваны депутаты отъ областныхъ представительныхъ собраній. Въ заключеніе бесѣды, онъ попросилъ графа Монтекукули позаботиться о томъ, чтобы засѣданія сейма были, по возможности, спокойны и не увеличивали бы своими шумными преніями глухого раздраженія, проявлявшагося уже въ народѣ.

13-го марта, члены конференціи съ ранняго утра собрались во дворецъ императора; не далеко отъ конференціонной залы, въ комнатѣ Фердинанда, находилась вся императорская фамилія; этотъ день былъ назначенъ для открытія сейма; въ ночь были получены очень неуспокоительныя извѣстія о положеніи города; улицы, прилегающія къ дому сейма, къ университету, и даже къ императорскому дворцу наполнялись людьми. Эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ приказали стануть войска ко дворцу и разставить по улицамъ многочисленные патрули, чтобы разгонять народъ при малѣйшемъ шумѣ. Ни Людовикъ, ни Меттернихъ не думали, что дѣло можетъ дойти до свалки между войсками и народомъ. Между тѣмъ, толпы народа запрудили улицы; громко проносимыя рѣчи принимались криками одобренія; съ этими криками смѣ-

шивались возгласы: «долой Меттерниха!» и эти зловѣщіе возгласы подхватывались сотнями голосовъ. Въ это время, во дворцѣ къ императору приступали съ двухъ сторонъ двѣ противоположныя партіи: эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ требовали немедленныхъ, радикальныхъ уступокъ: Съ другой стороны Людовикъ и Меттернихъ совѣтовали пустить въ ходъ энергическія мѣры. Почему совѣтоваль сдѣлать это Людовикъ—я не знаю, да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Почему добивался этого Меттернихъ—понятно. Онъ слышалъ нелестныя для себя крики и начиналъ понимать, что ему нельзя помириться съ этимъ народомъ, что надо или побѣдить его, или бѣжать безъ оглядки изъ Вѣны, изъ Австріи, быть можетъ, даже изъ континентальной Европы; кромѣ того, онъ начиналъ понимать, что Фердинандъ, не рѣшившійся оттолкнуть его отъ себя, можетъ, въ минуту крайней опасности, оставить его, отшатнуться отъ него, и, такимъ образомъ, поставить его въ самое затруднительное положеніе; поэтому, совѣтуя императору пустить въ ходъ самыя энергическія мѣры, Меттернихъ, сознательно или инстинктивно, дѣлалъ послѣднюю, отчаянную попытку связать неразрывными узами судьбу своей личности съ участью Австріи.

Если бы императоръ Фердинандъ, слѣдуя совѣту Меттерниха, приказалъ подавить возстаніе силою, то правительству необходимо было бы или побѣдить, или упасть; если бы правительство побѣдило, то навѣрное вліяніе Меттерниха перевѣсило бы значеніе всѣхъ противниковъ его личности и его политики. Если бы правительство упало, то съ нимъ вмѣстѣ упалъ бы Меттернихъ, но онъ начиналъ думать, что онъ можетъ упасть даже и въ томъ случаѣ, когда правительство удержится, и потому увлечь правительство вмѣстѣ съ собою ему не казалось особенно страшнымъ. Ухватываясь всѣми силами за императорскую мантию Фердинанда прячась за эту мантию отъ ярости народа, Меттернихъ увеличивалъ для себя шансы спасенія. Если бы ему удалось склонить Фердинанда, сломить возстаніе военною силою, то, можетъ быть, Меттерниху удалось бы до самой смерти своей остаться государственнымъ канцлеромъ. Но Фердинандъ не рѣшился на крайнія мѣры. Онъ находился въ недоумѣніи, а между тѣмъ каждую минуту приходили съ улицы новыя вѣсти: уступки правительства не приняты... домъ сейма занятъ толпою народа... патруль далъ залпъ по толпѣ... нѣсколько человекъ убито... народъ остервенился: долой Меттерниха! кричатъ въ одинъ голосъ всѣ недовольные.... Въ это время пришла во дворецъ депутація, состоящая изъ членовъ сейма. Эрцгерцогъ Людовикъ принялъ депутатовъ, выслушалъ ихъ разсказъ объ уличныхъ событіяхъ, распросилъ о желаніяхъ народа и отвѣчалъ имъ твердо и спокойно, что «комитетъ разбереть эти желанія и тогда императоръ рѣшитъ дѣло, какъ слѣдуетъ».

Меттернихъ въ это время прошелъ къ себѣ домой; вѣроятно его

не замѣтилъ или не узналъ толпящійся народъ, иначе жизнь его могла бы подвергнуться самой серьезной опасности; подойдя къ окну своего кабинета, онъ слышалъ, какъ одинъ ораторъ разбиралъ его систему передъ народомъ, и какъ народъ, увлеченный живыми доводами оратора, кричалъ съ возрастающею яростью: Прочь, прочь Меттерниха! Эти крики не производили на Меттерниха особеннаго впечатлѣнія; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что терпѣніе Фердинанда лопнетъ, что полиція и войско разметутъ улицы и площади, что ораторъ насидится гдѣ нибудь въ острогѣ и что тѣмъ дѣло покончится. А между тѣмъ, онъ уже сдѣлалъ еще одну вынужденную уступку; передъ уходомъ своимъ изъ дворца онъ, сообразно съ требованіемъ депутаціи, убѣдилъ императора немедленно назначить комитетъ для составленія конституціи и для произведенія другихъ реформъ, не терпящихъ дальнѣйшаго отлагательства. Но когда Меттернихъ снова отправился во дворецъ, тогда онъ началъ убѣждаться въ томъ, что полиція и войско не задавятъ движенія.

Когда появился государственный канцлеръ, неблаговолившіе къ нему члены императорской фамиліи окружили его со всѣхъ сторонъ и стали просить его подать въ отставку и такимъ образомъ положить конецъ уличнымъ волненіямъ, разразившимся уже сценами насилія и кровопролитія; одни указывали ему на жертвы возстанія, другіе говорили, что изъ-за одного человѣка нельзя подвергать опасности цѣлую династію.

Меттернихъ обвелъ глазами вокругъ себя. Всѣ окружающіе молчали, послѣ того, какъ прошелъ первый приступъ увѣщаній, направленный на Меттерниха его врагами; ни одного слова сочувствія не послышалось ни откуда; ни одного ободрительнаго взгляда не встрѣтилъ вопрошающій взоръ Меттерниха. Даже императоръ, даже эрцгерцогъ Людовикъ не говорили ни слова; Меттернихъ почувствовалъ себя очень одинокимъ; легкая краска пробѣжала по его лицу; онъ едва совладѣлъ съ внутреннимъ волненіемъ, внезапно разыгравшимся въ его груди и быстрыми шагами прошелъ въ комнату государственной конференціи.

Между тѣмъ, депутація приходитъ за депутаціею; въ предмѣстіяхъ Вѣны свирѣпствуетъ разгуливающаяся чернь; депутаты настоятельно требуютъ, чтобы ихъ выслушали и говорятъ, что они не ручаются ни за что, если до наступленія ночи не будетъ восстановлено спокойствіе.

Эрцгерцогъ Людовикъ призываетъ къ себѣ депутатовъ и узнаетъ отъ нихъ, что народъ попрежнему требуетъ отставки Меттерниха и отступления солдатъ, пустившихся въ рукопашный бой безъ особеннаго приказанія изъ дворца. Выслушавъ эти требованія, Людовикъ отвѣчалъ сухо, что онъ ничего не можетъ сдѣлать и, отправившись въ комнату конференціи, предложилъ Меттерниху выдти «къ этимъ людямъ» и сдѣлать имъ тѣ уступки которыя онъ признаетъ удобными.

Меттернихъ вышелъ къ депутатамъ отъ вѣнской милиціи; за нимъ послѣдовали почти всѣ члены императорской фамиліи; всѣ интересовались знать, что скажетъ и на что согласится государственный канцлеръ. Меттернихъ подошелъ къ одному изъ офицеровъ, положилъ ему руку на плечо и произнесъ слѣдующія слова:

— Вы гражданинъ; вѣнскіе граждане отличались всегда и во всѣхъ случаяхъ; имъ было бы стыдно, еслибы они, въ соединеніи съ войскомъ, не были въ состояніи разогнать уличныхъ буяновъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ офицеръ, тутъ дѣло не въ буянахъ, въ городѣ происходитъ революція, въ которой принимаютъ участіе всѣ сословія.

— Это неправда, перебилъ Меттернихъ поспѣшно, Итальянцы, Поляки и Швейцарцы возмущаютъ народъ.

— Ваша свѣтлость, представленныя прошенія подписаны тысячами именъ, вы встрѣтите тутъ и важнаго государственнаго чиновника и простаго ремесленника; если бы вашей свѣтлости угодно было взглянуть на улицу, то вы убѣдились бы въ правдивости моихъ словъ.

Меттернихъ больше не сказалъ ни слова; аудіенція окончилась, но депутацию задержали, боясь, чтобъ она не увеличила раздраженія народа рассказомъ о происходившемъ свиданіи съ властями. Между тѣмъ, крики уличной толпы съ каждою минутою становились явственнѣе и громче; и все то же самое слышалось въ этихъ крикахъ; и все такъ же часто Меттернихъ слышалъ свое имя, и все такъ же мало лестнаго и утѣшительнаго заключалось въ этихъ непрерывныхъ поминаніяхъ; у бѣднаго старика начинала кружиться голова и звенѣть въ ушахъ; не зная что дѣлать, онъ объявилъ наконецъ свою готовность уступить всѣмъ требованіямъ народа. Національная гвардія, свобода печати, конституція, все было отдано разомъ; но между тѣмъ, и тутъ, уступая во всемъ, уступая безславно, передъ открытою силою, Меттернихъ захотѣлъ сохранить виѣшнее благообразіе; исполняя всѣ требованія волнующагося народа, онъ придумалъ другія названія требуемымъ предметамъ, чтобы хоть этимъ заявить инициативу и самостоятельность своего правительства. Въмѣсто «національной гвардіи» онъ далъ «гражданскую милицію» (Bürgerwehr); вмѣсто свободы печати — уничтоженіе цензуры; наконецъ вмѣсто «Constitution» — «Constituierung des Vaterlandes». Меттернихъ отправился въ свой рабочій кабинетъ писать объ этихъ предметахъ указы, которые немедленно должны были быть представлены на подпись императору; дѣлая всѣ эти уступки, онъ забывалъ объ четвертомъ требованіи народа, онъ пропускалъ умыленно мимо ушей тотъ крикъ, который повторялся громче и чаще всѣхъ остальныхъ: «Меттерниха, Меттерниха долой!» Въ то время, какъ падающій министръ сидѣлъ за столомъ, — служебная участь его окончательно рѣшалась въ кабинетѣ

императора. Эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ доказывали Фердинанду, что если министръ останется первенствующимъ министромъ, то всѣ уступки, сдѣланныя правительствомъ, окажутся бесполезными и даже не укротятъ народнаго волненія. Императоръ былъ утомленъ шумомъ и сильными ощущеніями, пережитыми имъ съ утра этого дня; ему хотѣлось спокойствія и мира; его ужасали и огорчали до глубины души кровавыя сцены, разыгрывавшіяся на улицахъ его столицы; онъ уступилъ доводамъ своихъ родственниковъ и удаленіе князя Меттерниха отъ должности государственнаго канцлера почислилось дѣломъ рѣшеннымъ. Пользуясь позволеніемъ императора, эрцгерцогъ Іоаннъ тотчасъ отправился въ кабинетъ Меттерниха и передалъ ему просьбу Фердинанда отказать отъ занимаемаго мѣста для успокоенія націи и для устраненія тѣхъ опасностей, которымъ подвергается царствующая династія. Меттернихъ получилъ такимъ образомъ фактическое доказательство того, что его дѣятельность положительно вредна. Слова эрцгерцога были произнесены сухо, рѣзко, и не допускали возраженій. Государственный канцлеръ выслушалъ ихъ молча. Онъ былъ блѣденъ, сосредоточенно серьезенъ и глубоко опечаленъ. Внутреннія страданія его выразились въ проницательской улыбкѣ, которая какъ-то неестественно искривила его блѣдныя губы. Онъ вышелъ въ комнату аудіенціи, въ которой депутаціи просили свиданія съ императоромъ, чтобы лично просить его объ увольненіи канцлера. Спокойнымъ, ровнымъ, медленно-торжественнымъ шагомъ вышелъ съдой министръ на середину залы и сказалъ предводителямъ депутаціи:

— Милостивые государи, если вы полагаете, что отказываясь отъ моей должности, я могу принести пользу государству, то я съ радостью соглашаюсь на это.

Всѣ эти слова были сказаны для благообразія. Меттернихъ не могъ придавать никакого значенія приговору тѣхъ людей, которыхъ онъ за полчаса предъ тѣмъ называлъ уличными буйнами. Меттернихъ не могъ съ радостью согласиться на такую жертву, для избѣжанія которой онъ за пять минутъ передъ тѣмъ, за своимъ письменнымъ столомъ собирався отречься отъ политическихъ тенденцій, составлявшихъ сущность всей его долготѣней дѣятельности. Умирающему гладиатору необходимо было принять граціозную позу, и онъ умиралъ, насильственно придавая всей своей фигурѣ выраженіе величаваго и неестественнаго спокойствія.

Предводитель депутаціи отвѣчалъ на слова Меттерниха:

— Ваша свѣтлость, мы не имѣемъ ничего противъ вашей личности, но все — противъ вашей системы, и поэтому мы должны принять съ радостью извѣстіе о вашемъ выходѣ въ отставку.

— «Задачею всей моей жизни, заговорилъ снова старый канцлеръ, было дѣйствовать для блага Австріи всѣми силами, находившимися въ

моем распоряженіи; если думаютъ, что дальнѣйшее пребываніе мое на этомъ мѣстѣ подвергаетъ это благо какимъ бы то ни было опасностямъ, то для меня не можетъ быть жертвою сойти съ этого мѣста. Я слагаю въ руки императора отправленіе моихъ обязанностей. Поздравляю васъ съ новымъ правительствомъ. Желаю Австріи счастья.»

Всѣ эти слова пропадали даромъ: депутатамъ не было никакого дѣла до той задачи, которую Меттернихъ поставилъ себѣ въ жизни; имъ не было дѣла и до того, съ какими чувствами удалялся государственный канцлеръ съ арены правительственной дѣятельности; ихъ интересовалъ только фактъ удаленія и они, не заявивъ ему своего сочувствія ни однимъ словомъ, отвѣчали на фразы Меттерниха громкимъ крикомъ торжествующей радости и возгласами: да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!

Меттернихъ не рѣшился уйти, не заявивъ еще разъ своего присутствія передъ толпою, собравшеюся въ залѣ. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ его людей спокойнымъ, испытующимъ взоромъ и опять заговорилъ:

— Я предвижу, что распространится ложное убѣжденіе, будто я унесъ съ собою монархію. Противъ подобнаго убѣжденія я торжественно заявляю свой протестъ. Ни у меня, ни у кого другого нѣтъ такихъ широкихъ плечей, на которыхъ можно было бы унести государство. Если державы исчезаютъ, то это происходитъ только тогда, когда онѣ сами отрекаются отъ себя.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ Меттернихомъ въ санѣ первенствующаго министра, сказалось то самообожаніе, которое подъ конецъ политической карьеры составляло его преобладающій недостатокъ; онъ воображалъ себѣ, что всѣ смотрятъ на него такими же глазами, какими онъ самъ смотрѣлъ на себя; онъ воображалъ себѣ, что всѣ видятъ въ немъ воплощеніе монархическаго принципа, и думаютъ, что съ его удаленіемъ отъ государственныхъ дѣлъ исчезнетъ та идея, которую онъ олицетворялъ въ своей особѣ.

Вѣнская революція не возставала противъ монархическаго принципа; она просто требовала, чтобы правительство посвѣжѣло, обновилось и дѣятельно принялось за пересмотръ и переборку старой административной машины. Она выбросила Меттерниха не какъ представителя принципа, а просто какъ бесполезнаго, одряхлѣвшаго старика. Но принять свое паденіе такъ просто было не по силамъ государственному канцлеру; онъ сталъ на ходули, накинулъ на себя драпировку и сошелъ со сцены, какъ герой какой нибудь ложно-классической трагедіи Расина или Корнеля; а дѣйствительно, вѣнская революція едва не кончилась для него трагически. Народъ, узнавшій объ его удаленіи на другой день утромъ, въ ночь съ 13-го на 14-ое марта, раззорилъ его загородную виллу и искалъ

его съ твердымъ намѣреніемъ убить. Бывшему министру пришлось бѣжать изъ Вѣны въ наемной каретѣ, въ чужомъ платьѣ, почти безъ денегъ; пришлось бѣжать изъ австрійскихъ владѣній, черезъ всю Германію, въ Англію, въ которой онъ нашель себѣ безопасное убѣжище вмѣстѣ съ Людовикомъ Филиппомъ.

О послѣдующихъ годахъ жизни Меттерниха говорить не стоитъ. Къ политической дѣятельности онъ не возвращался, а человѣческая его личность не настолько интересна, чтобы занимать насъ въ психологическомъ или въ какомъ бы то ни было другомъ отношеніи. Какъ и что онъ читалъ, какъ принималъ гостей и посѣтителей, какъ смотрѣлъ онъ самъ на политическія событія, совершавшіяся безъ его содѣйствія, какъ онъ, можетъ быть, дивился тому, что міръ не сдѣлался жертвою анархіи послѣ его выхода въ отставку—намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Князь Меттернихъ умеръ въ 1859 году, 11 іюня, въ тотъ день, когда Французы и Сардинцы входили въ Миланъ и когда дѣло Меттерниха въ Италіи окончательно разрушилось. Его похоронили послѣ торжественной процессіи, 15 іюня. Впередѣ его гроба несли на четырехъ черныхъ бархатныхъ подушкахъ его ордена, принадлежавшіе всѣмъ европейскимъ государствамъ, кромѣ Англіи.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ТРУДА.

I.

Исторія человѣчества представляетъ намъ безконечное разнообразіе лицъ и событій, идей и стремленій, политическихъ системъ и нравственныхъ переворотовъ. Подъ этимъ разнообразіемъ формъ кроются и медленно развиваются двѣ основныя потребности человѣка, двѣ такія потребности, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не могъ бы ни улучшать свое матеріальное и интеллектуальное положеніе, ни даже поддерживать брэнное существованіе личности и породы. Первая изъ этихъ потребностей заключается въ томъ, что человѣкъ, подобно всѣмъ другимъ животнымъ, долженъ предохранять свое тѣло отъ разрушительныхъ вліяній окружающей природы; ему надо принимать пищу для того, чтобы вознаграждать неизбѣжную убыль своего организма; надо покрывать тѣло, чтобы сохранять въ немъ необходимое количество животной теплоты; надо оберегать это тѣло отъ слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ температуры и отъ вреднаго дѣйствія сырости, зноя и холода; словомъ, человѣку необходимо завоевать себѣ на землѣ квартиру, столъ, одежду и разныя другія матеріальныя обезпеченія жизни. Но эта первая потребность можетъ быть удовлетворена только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы такъ или иначе удовлетворялась другая потребность также чрезвычайно важная, хотя и не такъ рѣзко бросающаяся въ глаза. Эта вторая потребность состоитъ въ томъ, что человѣкъ долженъ сближаться

съ человѣкомъ, помогать ему въ его предпріятіяхъ, и въ свою очередь находить въ немъ естественнаго помощника и союзника. Двѣ основныя потребности человѣка удовлетворялись въ различной степени въ теченіи тѣхъ тысячелѣтій, о которыхъ сохранились лѣтописи или преданія; чѣмъ полнѣе удовлетворялись онѣ, тѣмъ удобнѣе жилось человѣку; чѣмъ сильнѣе, напротивъ того, увлекались люди посторонними цѣлями и искусственными интересами, тѣмъ мрачнѣе и тягостнѣе становилась участь огромнаго, трудящагося большинства.

Лѣтописи и легенды наполнены разсказами о великихъ подвигахъ завоевателей. На равнинахъ Египта возвышаются до сихъ поръ колоссальныя пирамиды. Въ первомъ случаѣ мы видимъ, что густыя массы людей встрѣчаются съ другими густыми массами такихъ же людей, и что естественные союзники и помощники истребляютъ другъ друга съ особеннымъ удовольствіемъ. Во второмъ случаѣ мы видимъ, что люди борются съ внѣшнею природою и побѣждаютъ страшныя трудности и препятствія для того, чтобы обтесать и сложить кучу камней, которая не даетъ имъ ни пищи, ни одежды, ни жилища.

Въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣятельность людей, очевидно, идетъ въ разрѣзъ съ ихъ основными потребностями; но, не смотря на то, эти самыя потребности, основанныя на великихъ и неизблемыхъ законахъ природы, даютъ себя чувствовать тѣмъ самымъ людямъ, которые дѣйствуютъ имъ наперекорь. Во первыхъ, идея завоевателя и идея строителя пирамиды осуществляется не иначе, какъ при содѣйствіи многихъ людей, соединяющихъ свои усилія для достиженія одной общей цѣли. Стало быть, потребность человѣка сблизаться съ другимъ человѣкомъ, остается въ полной силѣ. Во вторыхъ, воины завоевателя и каменщики строителя, не имѣя возможности добывать себѣ пищу собственнымъ трудомъ, должны получать пищу, добытую другими людьми. Такимъ образомъ, другая потребность человѣка, потребность бороться съ окружающею природою и оспаривать у ней тѣ матеріалы, которые необходимы для поддержанія жизни, остается точно также въ полной силѣ. Ни военный геній Александра Македонскаго, ни суровая воля египетскаго фараона Хеопса не могутъ ни на одно мгновеніе пріостановить дѣйствіе великихъ законовъ природы. Цѣли того и другаго, составляющія ихъ личную собственность, достигаются только въ томъ случаѣ, если соблюдаются законы природы; но такъ какъ эти цѣли сами по себѣ лежатъ внѣ естественныхъ потребностей человѣка, то преслѣдованіе и достиженіе этихъ и подобныхъ цѣлей несетъ съ собою неизбѣжное историческое возмездіе. Здоровыя силы людей, отвлеченныя отъ тѣхъ занятій, которыя доставляютъ имъ пищу, одежду и другія удобства жизни, силы, употребленныя на разореніе чужихъ земель или на сооруженіе бесполезныхъ громадъ, оказываются потерянными въ общей экономіи человѣ-

чества. Сооруженіе, произведенное этими силами, бесплодно; раззореніе не вознаграждается никакимъ положительнымъ благомъ; работники, которые должны кормить воина и каменщика, трудятся много и получаютъ лично для себя мало. Воины и каменщики съ своей стороны получаютъ только необходимое. Стало быть, всѣ работаютъ до изнеможения, всѣ сближаются между собою безъ собственнаго желанія, всѣ бѣдятъ плохо, одѣваются грязно и съ каждымъ годомъ становятся бѣднѣе и тупѣе.

Цѣлые ряды неопровержимыхъ историческихъ фактовъ доказываютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, что войны всегда оказывали гибельное вліяніе на побѣдителей и побѣжденныхъ; наружное могущество завоевательной державы покупалось цѣною внутренней бѣдности, цѣною страданій и невѣжества народа - завоевателя; это могущество, основанное на неестественномъ напряженіи силъ, продолжалось обыкновенно не долго и оканчивалось такимъ паденіемъ, которое было тѣмъ глубже и тѣмъ полнѣе, чѣмъ значительнѣе было сдѣланное напряженіе, и слѣдовательно чѣмъ величественнѣе было мимолетное проявленіе могущества. Что касается до пирамидъ, то будетъ достаточно сказать, что онѣ воздвигались трудами рабовъ и что жизнь этихъ рабовъ расточалась такъ же щедро, какъ расточался ихъ дешевый трудъ.

Различныя видоизмѣненія войны и различныя проявленія рабства наполняютъ собою всѣ страницы всемірной исторіи. Переходъ отъ одного вида войны къ другому и отъ одной формы рабства къ другой называется благозвучнымъ именемъ историческаго прогресса. И война, и рабство существуютъ до нашихъ временъ; война до сихъ поръ называется своимъ настоящимъ именемъ, а рабство въ большей части образованныхъ государствъ скрывается подъ другими формами и названіями менѣе оскорбительными для просвѣщенныхъ и сострадательныхъ глазъ и ушей. Отчего произошли на свѣтъ война и рабство и отчего они благоденствуютъ до нашихъ временъ—это такіе вопросы, которые не придется рѣшать между прочимъ; поэтому, для нашей цѣли будетъ достаточно обратить вниманіе читателя на то, что историческое развитіе чело-вѣчества, находящееся до сихъ поръ подъ вліяніемъ войны и рабства, никогда не удовлетворяло вполнѣ тѣмъ двумъ основнымъ потребностямъ, отъ которыхъ зависитъ счастье и совершенствованіе отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Разныя постороннія вліянія постоянно мѣшали чело-вѣку посвятить всѣ свои силы мирной и послѣдовательной борьбѣ съ окружающею природою; эти вліянія, происходившія отъ неправильныхъ отношеній чело-вѣку къ чело-вѣку, самымъ фактомъ своего происхожденія и существованія, не позволяли людямъ сближаться между собою такъ, чтобы во всякое время находить другъ въ другѣ помощниковъ, сотрудниковъ и союзниковъ. Эти постороннія вліянія, не имѣющія

ничего общаго съ законами природы, очень многочисленны и разнообразны въ каждомъ изъ новѣйшихъ обществъ. Ихъ такъ много, и они такъ перепутаны между собой, что совершенно закрываютъ отъ глазъ изслѣдователя дѣйствительную природу человѣка и настоящей смыслъ его необходимой борьбы съ предметами и силами окружающаго міра.

Находясь въ такомъ положеніи, изслѣдователь долженъ поступить такъ, какъ поступаетъ естествоиспытатель, замѣтившій, что изучаемое имъ явленіе подвергается вліянію нѣсколькихъ силъ, дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ. Естествоиспытатель устраняетъ всѣ постороннія вліянія и наблюдаетъ явленіе въ его непосредственной чистотѣ; потомъ онъ даетъ въ своемъ опытѣ мѣсто одному изъ дѣйствовавшихъ прежде вліяній и замѣчаетъ видоизмѣненія, совершающіяся въ предметѣ изслѣдованія; затѣмъ изучаются поодиночкѣ второе, третье вліяніе, и такъ далѣе, до послѣдняго; и такимъ образомъ получается наконецъ общій выводъ, въ которомъ каждому вліянію отводится принадлежащее ему мѣсто. Конечно, естествоиспытатель имѣетъ передъ историкомъ то огромное преимущество, что онъ можетъ брать въ руки предметъ своего изслѣдованія и доказывать непосредственнымъ опытомъ свои положенія; онъ можетъ дѣйствительно изолировать изучаемое явленіе, между тѣмъ какъ историкъ принужденъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ограничиваться разсужденіями, гипотезами и теоретическими выкладками. Но какъ ни плохи орудія историка въ сравненіи съ тѣми сложными снарядами, которыми располагаетъ натуралистъ, какъ ни гадательны выводы перваго въ сравненіи съ положительными знаніями послѣдняго, все-таки желаніе человѣка узнать что нибудь о прошедшей жизни своей породы, или обсудить какъ нибудь существующія бытовья формы, такъ сильно, что оно всегда заставляетъ его забывать о несовершенствѣ орудій и о шаткости получаемыхъ выводовъ.

Я увѣренъ, что мои читатели интересуются общечеловѣческими вопросами, и потому надѣюсь, что они безъ особеннаго неудовольствія прочтутъ слѣдующіе очерки, излагающіе идеи извѣстнаго американскаго мыслителя Кэри (Carey) о значеніи и историческомъ развитіи человѣческаго труда. Чтобы не запутаться въ существующихъ бытовыхъ формахъ, составляющихъ болѣе или менѣе патологическія явленія, чтобы не принять этихъ явленій за естественныя отправления здоровой жизни, мы начнемъ съ чисто теоретическихъ разсужденій, а потомъ уже, принимая въ соображеніе одно вліяніе за другимъ, доберемся постепенно до дѣйствительныхъ фактовъ и до такихъ величественныхъ хроническихъ болѣзней, какова на примѣръ, колоніальная политика, мануфактурная система и экономическая доктрина просвѣщенной и могущественной Англіи.

II.

Исслѣдованія геологовъ надъ различными формациями земной коры и надъ остатками органическихъ тѣлъ, превратившихся въ окаменѣлости, доказываютъ неопровержимымъ образомъ, что человѣкъ появился на землѣ въ позднѣйшій періодъ ея образованія. Тысячи и, можетъ быть, миллионы лѣтъ прошли надъ нашею планетою прежде, чѣмъ органическая жизнь достигла того разнообразія, той сложности и того совершенства, которыя проявляются въ высшихъ породахъ млекопитающихъ, т. е. въ обезьянахъ и въ человѣкѣ. Цѣлые геологическіе періоды отошли въ вѣчность; цѣлые могучіе виды растительности отжили свое время, и умирая, залегли подъ позднѣйшую почву громадными пластами каменнаго угля; своеобразныя породы животныхъ, господствовавшихъ въ первобытныхъ лѣсахъ и въ недосигаемыхъ пучинахъ морей, уничтожились, оставивъ послѣ себя нѣсколько костей или даже просто отпечатки лапъ на мягкихъ известковыхъ породахъ; неисчислимыя миллионы микроскопическихъ моллюсковъ образовали изъ крошечныхъ обломковъ своихъ раковинъ цѣлые толстые слои мѣловыхъ формаций; море нѣсколько разъ перемѣнило свой бассейнъ; вулканическія поднятія земной коры взломали наслоенія почвы, выдвинули высокія и длинныя цѣпи горъ, и создали скалистые острова среди необозримыхъ равнинъ океана; на развалинахъ многихъ исчезнувшихъ первобытныхъ міровъ появились новыя формы растительности; вмѣсто древовидныхъ хвощей и папоротниковъ каменноугольной эпохи возникли известныя намъ породы лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ; климаты обозначились явственно, и могучія деревья дѣвственныхъ лѣсовъ захватили сырую почву, согрѣваемую отвѣсными лучами тропическаго солнца; за безобразными ящерами и крылатыми драконами, за колоссальными и неуклюжими мастодонтами и динотеріями послѣдовали разнообразныя породы травоядныхъ и плотоядныхъ животныхъ, составляющихъ въ настоящее время наши стада, или изощряющихъ искусство и храбрость нашихъ охотниковъ. Планета наша пришла въ то положеніе, въ которомъ она находится до нашихъ временъ, и эта планета сдѣлалась наконецъ жилищемъ человѣка. Насколько этотъ первобытный человѣкъ былъ похожъ на насъ складомъ тѣла, чертами лица, силою и подвижностью ума—этого конечно не можетъ разъяснить намъ никакое исслѣдованіе. Мы можемъ только предполагать, что человѣкъ прожилъ на землѣ много столѣтій прежде, нежели у него составились какія нибудь историческія преданія; даже языкъ и мифологія,—эти первыя проявленія чувства и мысли,—не могли явиться готовыми и должны

были, подобно всѣмъ произведеніямъ природы, развиваться и совершенствоваться мало по малу. Дурно владея орудіемъ слова, плохо справляясь съ впечатлѣніями внѣшняго міра, съ трудомъ передавая ихъ другому и съ трудомъ понимая безсвязные звуки и неопредѣленные желанія этого другого, первобытный человѣкъ былъ вѣроятно очень несчастнымъ существомъ, если только мы позволимъ себѣ предположить, что онъ, по устройству своего тѣла, былъ похожъ на своихъ потомковъ. Будущій властелинъ природы, прямой предокъ какого нибудь Ньютона или Линнея, былъ самымъ жалкимъ рабомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ; у него не было ни естественнаго оружія, ни естественной защиты отъ суровой атмосферы, ни даже такого желудка, который могъ бы переваривать траву и листья. Онъ могъ совершенно справедливо завидовать и могучему медвѣдю, и покрытому шерстью барану, и пережевывающему буйволу. Что онъ перенесъ, сколько страданій ему пришлось испытать отъ голода, отъ холода, отъ другихъ животныхъ, начиная съ хищныхъ звѣрей и кончая лѣсными муравьями и москитами, сколько поколѣній измыкали свою жизнь въ тупомъ страхѣ и бессильномъ отчаяніи — это все такіе вопросы, на которые откажется отвѣчать самое смѣлое воображеніе самаго великаго поэта. Слабымъ отблескомъ этихъ доисторическихъ, или даже домифическихъ страданій можно признать мрачный и кровожадный характеръ всѣхъ первобытныхъ религій и богослуженій. Человѣческія жертвы, приносившіяся для умилостивленія грозныхъ и всегда разгнѣванныхъ силъ природы, являются очевидно зловѣщимъ воспоминаніемъ о неравной и мучительной борьбѣ, перенесенной тѣми поколѣніями, среди которыхъ медленно, съ напряженіемъ и съ болью вырабатывались первые начатки языка и первые очерки религіозныхъ представленій.

Между тѣмъ эта природа, такъ безжалостно терзавшая своего новорожденнаго, младшаго сына, была та самая мать - природа, которая доставляетъ намъ въ избыткѣ все необходимое, та самая природа, которая даетъ намъ всѣ средства къ наслаженію, и которая въ добавокъ настраиваетъ лиры нашихъ сладкогласныхъ поэтовъ. Чего же не доставало первобытному человѣку? Недоставало бездѣлицы. Во-первыхъ, знанія этой природы. Во-вторыхъ, умѣнья сближаться съ подобнымъ себѣ человѣкомъ и находить себѣ въ немъ естественнаго союзника. На каждомъ пути первый шагъ обыкновенно оказывается самымъ труднымъ. Первое усиліе изобрѣтательнаго ума, проявившееся въ томъ, что человѣкъ вооружился какою нибудь деревянною дубиною, или попробовалъ на какомъ нибудь бревнѣ переплыть черезъ небольшой ручей было, можетъ быть, самымъ удивительнымъ подвигомъ человѣчества, самымъ вѣрнымъ и блестящимъ предзнаменованіемъ будущей великой судьбы нашей породы. Первая попытка къ сближенію человѣка съ человѣкомъ,

попытка, выразившаяся какимъ нибудь безобразнымъ мычаніемъ, поддер- живаніемъ лицевыхъ мускуловъ и безпокойнымъ движеніемъ руки, была, по всей вѣроятности, важнѣе и плодотворнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ самая удивительная и сложная комбинаціи позднѣйшихъ созда- телей римскаго права. Первые успѣхи людей въ практическомъ озна- комленіи съ силами и законами природы и въ создаваніи языка, какъ могучаго и незамѣнимаго орудія сближенія между собою, были конечно медленны и вялы; но за то каждый послѣдующій шагъ совершался лег- че и быстрѣе предъидущаго. Первые, полумифическія преданія, открывающія собою исторію каждаго народа, застаютъ людей уже на очень высокой степени умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Языкъ уже созданъ совершенно и примѣняется уже къ такимъ цѣлямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ грубыми потребностями животной жизни. На языкѣ этомъ существуютъ уже пѣсни, космогоническіе мифы и героическія эпопеи. Человѣкъ живетъ охотою и скотоводствомъ; онъ уже не боится дикихъ звѣрей; онъ самъ отыскиваетъ и преслѣдуетъ ихъ; у него есть оружіе; ему удалось покорить себѣ нѣкоторыя породы животныхъ и обратить ихъ въ прочную собственность. Наконецъ, онъ дѣлаетъ то же самое съ растеніями; возникаетъ первобытное земледѣ- ліе, которое даже въ самомъ грубомъ видѣ предполагаетъ очень обшир- ныя знанія силъ и законовъ природы; чтобы сдѣлаться земледѣльцемъ, человѣку надобно, во-первыхъ, узнать, что зерна извѣстныхъ растеній заключаютъ въ себѣ питательное вещество; во-вторыхъ, надо узнать, что зерна, положенныя въ землю, производятъ новыя растенія; въ третьихъ, надо узнать, на какой землѣ эти зерна могутъ дать ростокъ; далѣе, надо узнать, въ какое время года ихъ сѣять, и когда убирать. Всѣ эти свѣдѣнія приобрѣтаются только опытомъ и составляютъ рядъ удивитель- ныхъ открытій, передъ которыми блѣднѣютъ паровыя машины и элект- рическіе телеграфы, составляющіе славу и гордость нашего вѣка.

Мы не знаемъ настоящей цѣны этимъ открытіямъ, потому что они съ незапамятныхъ временъ составляютъ общее достояніе массъ; но если мы перенесемъ воображеніемъ къ тѣмъ вѣкамъ отдаленной древности, въ которыхъ открытія эти были сдѣланы, если мы представимъ себѣ, какъ бѣденъ былъ тогдашній человѣкъ опытами, знаніями, и слѣдова- тельно мыслями, то подобныя открытія покажутся намъ почти необъяс- нимыми чудесами и во всякомъ случаѣ чисто героическими подвигами младенческаго ума первобытнаго человѣка. Такіе подвиги могутъ быть воспроизведены только въ фантастической сказкѣ или въ эпической поэмѣ. На этомъ основаніи я принужденъ въ этихъ очеркахъ брать че- ловѣка и его отношенія къ природѣ уже въ томъ моментѣ развитія, когда первыя труднѣйшія и величайшія открытія сдѣланы. Я всегда буду такимъ образомъ предполагать, что языкъ, какъ орудіе сближенія,

уже созданъ, что прирученіе домашнихъ животныхъ уже совершено, и что первые, важнѣйшіе начатки земледѣлія уже отысканы наблюдательнымъ умомъ древняго человѣка.

III.

Между охотниками, пастухами и земледѣльцами первобытной эпохи часто происходятъ раздоры и драки. Эти зародыши будущихъ войнъ выдвигаютъ впередъ микроскопическихъ Цезарей и Наполеоновъ, и вносятъ въ бытъ первобытныхъ людей такой элементъ, который не имѣетъ ничего общаго съ послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ труда.

Чтобы устранить изъ нашего изслѣдованія этотъ посторонній элементъ, мы должны изолировать одного изъ древнихъ земледѣльцевъ и поставить его въ исключительное положеніе. Мы желаемъ знать, что *должно было бы* произойти, если бы никакія постороннія препятствія не отвлекали человѣка отъ мирныхъ и плодотворныхъ побѣдъ надъ различными силами окружающей его природы. Для этого мы допустимъ предположеніе, что мужчина и женщина, владѣющіе языкомъ, умѣющіе приручать нѣкоторыя породы животныхъ, и усвоившіе себѣ элементарныя свѣдѣнія по земледѣлію, попали вмѣстѣ на необитаемый островъ, богатый всѣми дарами дѣвственной природы. Островъ великъ, плодородной земли много, и поселенцы могутъ завладѣть безпрепятственно тѣми мѣстами, которыя покажутся имъ особенно привольными. Къ сожалѣнію, эти привольныя мѣста, лежація въ долинахъ, по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, покрыты самою роскошною растительностью; въ одномъ изъ этихъ мѣстъ обиліе сырости образовало трясины, въ другомъ глубокой черноземъ поросъ колоссальнымъ строевымъ лѣсомъ. Если бы поселенецъ могъ прорыть каналъ для отвода воды, или вырубить вѣковыя деревья, то осушенная и очищенная почва вознаградила бы его за трудъ обильнымъ урожаемъ. Но такой трудъ превышаетъ физическія силы отдѣльнаго человѣка. У этого человѣка нѣтъ такихъ орудій, которыя необходимы для подобныхъ работъ. Употребленіе металловъ еще не извѣстно нашему Робинзону. Онъ убиваетъ звѣря дубиною, сдираетъ съ него кожу острою раковиною, рѣжетъ его мясо на части острымъ кремнемъ. Тотъ же камень помогаетъ ему заострить палку; заостренный конецъ палки обжигается на легкомъ огнѣ, и обожженный коль даетъ земледѣльцу возможность вырывать въ рыхлой землѣ тѣ мелкія ямки, въ которыя онъ бросаетъ хлѣбныя зерна. Кусокъ остраго кремня, привязанный ремнемъ или лыкомъ къ палкѣ, образуетъ топоръ. Этимъ топоромъ можно переломить сухую хворостину, имъ можно пожалуй ушибить

бить звѣря или врага, но имъ конечно невозможно срубить большое дерево, точно также какъ невозможно обожженнымъ коломъ вырыть каналъ. Чтобы расчистить одну десятину плодородной земли, поселенцу необходимо вырубить и стащить съ мѣста десятки, а можетъ быть и сотни большихъ деревьевъ; потомъ надо вырыть пни и освободить почву отъ множества валежника, отъ повалившихся и гниющихъ бревенъ; если бы поселенецъ осмѣлился взяться за такую работу, то отчаянная храбрость его ни въ какомъ случаѣ не увѣнчалась бы успѣхомъ; могучая растительность стала бы преслѣдовать его по пятамъ, заглушила бы его посѣвы и принудила бы его постоянно возобновлять одну и ту же бесплодную работу.

Очевидно, стало быть, что первая попытка нашего колониста срубить первобытнымъ топоромъ колоссальное дерево покажетъ ему всю неразрѣшимость подобной задачи; спертый и сырой воздухъ, наполняющій собою мрачные своды дѣвственнаго лѣса, дастъ ему почувствовать непріятное ощущеніе лихорадочнаго озноба, и колонистъ поневолѣ пойдетъ искать себѣ для поселенія такого мѣста, на которомъ роскошная растительность не отнимала бы у него теплыхъ и живительныхъ лучей солнца и не мѣшала бы созрѣванію его скудныхъ посѣвовъ. Онъ найдетъ такое мѣсто на темени какого нибудь холма; тамъ почва бѣднѣе, чѣмъ въ долинѣ, и эта бѣдность составляетъ въ глазахъ колониста достоинство, потому что она помѣшала лѣснымъ исполинамъ укорениться на этой площадкѣ. Съ легкимъ кустарникомъ и съ сорными травами, цокрывающими вершину холма, поселенецъ кое-какъ справляется; обожженный колъ дѣлаетъ свое дѣло; площадка покрывается тощими колосьями, и хлѣбъ родится на первый разъ самъ-другъ; успѣхъ неблестящій, но прожить кое-какъ можно, если, не ограничиваясь земледѣіемъ, заниматься ловлею птицъ, охотою и собираніемъ лѣсныхъ плодовъ. Конечно, богатая почва долинъ могла бы родить самъ-двадцать, но такъ какъ эта почва оказалась недоступною, то нашему Робинзону придется смотрѣть на нее, какъ «Пери молодая» смотрѣла на потерянный рай.

Впрочемъ, мы не должны думать, чтобы Робинзонъ чувствовалъ особенную вѣжность къ богатой почвѣ. Драгоценныя свойства этой почвы выражаются покуда въ враждебномъ для него развитіи сырости и лѣсной растительности, а Робинзонъ, какъ плохой агрономъ и плохой мыслитель, по всей вѣроятности не воображаетъ себѣ, что со временемъ эта самая почва будетъ давать его потомкамъ обильную жатву. Считая развитіе своихъ собственныхъ силъ вполне нормальнымъ и не пускаясь въ теорію историческаго прогресса, онъ конечно не можетъ себѣ представить, что его потомки будутъ обладать такими силами и такими тайнами природы, которыя сдѣлаютъ ихъ полными властителями окружаю-

щаго міра. Не предвидя великаго будущаго, Робинзонъ повинуется физической необходимости, поселяется на сухомъ холмѣ и хлѣбъ родится у него самъ-другъ. Между тѣмъ семейство Робинзона увеличивается; подрастающія дѣти помогаютъ отцу и матери въ тѣхъ работахъ, которыя не превышаютъ дѣтскихъ силъ; потребности поселенія становятся значительнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ и силы; число умовъ увеличивается съ увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ; и отецъ, и мать, и дѣти наталкиваются на разныя явленія природы, обмѣниваются между собою опытами и наблюденіями, и, при содѣйствіи этихъ нехритыхъ опытовъ, улучшаютъ по немногу свое матеріальное положеніе. Увеличеніе населенія имѣетъ конечно свои дурныя стороны; пяти человѣкамъ труднѣе жить въ мірѣ, чѣмъ двоимъ, на островѣ могутъ повториться тѣже раздоры и драки, для избѣжанія которыхъ мы принуждены были увести Робинзона съ женою въ тихое пристанище. Но чтобы подобные пассажи не путали нашихъ теоретическихъ выкладокъ, мы предположимъ разъ навсегда, что на нашемъ островѣ царствуетъ міръ и спокойствіе, и что каждый изъ поселенцевъ пользуется плодами своего труда, не захватывая въ свою пользу труда слабѣйшаго сосѣда.

Я очень хорошо знаю, что подобное предположеніе не имѣетъ подъ собою исторической почвы, — на самомъ дѣлѣ такъ не бываетъ ни на островахъ, ни на материкахъ, но я напомину читателю, что мы изучаемъ трудъ человѣка, и выводимъ тѣ слѣдствія, которыя должны были бы получиться, если бы къ элементу труда не примѣшивались разныя неблагоприятности. Мы ставимъ человѣка лицомъ къ лицу съ природою и спрашиваемъ: кто долженъ побѣдить? Человѣкъ или природа? Это вопросъ простой, и чтобы не усложнить его до поры до времени, мы должны постоянно отстранять всякія столкновенія человѣка съ человѣкомъ. И такъ, мы предполагаемъ, что колонисты наши плодятся и множатся, и что цѣлыя столѣтія проходятъ надъ тихимъ пристанищемъ, принося съ собою увеличеніе потребностей и рабочихъ силъ, но не возбуждая въ людяхъ тѣхъ низкихъ страстей, которыя заставляютъ ихъ истреблять и грабить другъ друга. При такихъ условіяхъ, благосостояніе поселенцевъ должно постоянно увеличиваться, и я постараюсь убѣдить въ этомъ читателя цѣлымъ рядомъ самыхъ правдоподобныхъ разсужденій.

На островѣ есть горы, а въ горахъ лежатъ жилы разныхъ металловъ. Эти жилы для Робинзона были мертвымъ капиталомъ, но какойнибудь нечаянный случай открываетъ его потомкамъ способъ извлекать изъ нихъ огромныя выгоды. Открытія въ древности производились не такъ, какъ они производятся въ наше время, когда существуютъ ученые изслѣдователи и практическіе технологи. Въ наше время ищутъ и находятъ, а въ древности на открытія натывались случайно; стало быть, въ древности для произведенія были необходимы два элемента: счастли-

вый случай и смѣтливый глазъ человѣка, способнаго извлечь изъ даннаго случая пользу. Число этихъ двухъ элементовъ конечно увеличивается съ увеличеніемъ населенія. Чѣмъ больше людей, тѣмъ больше отдѣльныхъ случаевъ; чѣмъ больше людей, тѣмъ больше смѣтливыхъ глазъ и сообразительныхъ умомъ. Чего не случится съ однимъ, то можетъ случиться съ другимъ; чего не доглядитъ другой, то подмѣтитъ третій; чего не сообразитъ третій, то осилитъ умомъ четвертый. Такъ или иначе, первый кусокъ мѣдной руды попалъ случайно въ огонь, и получилась какая-то красная масса, которая конечно очень изумила, и какъ новинка, обрадовала колонистовъ. Кому нибудь пришлось въ голову испытать крѣпость новаго тѣла; оказалось, что оно съ удобствомъ можетъ замѣнить кремень и жженное дерево; земледѣльческія орудія значительно усовершенствовались; явилась возможность глубже взрывать землю, и съ меньшимъ трудомъ рубить небольшія деревья; поля колонистовъ расширились, и урожай сдѣлался обильнѣе, во-первыхъ, отъ этого расширенія, во-вторыхъ, отъ улучшеній въ обработкѣ земли. Ободренные этимъ успѣхомъ, колонисты, уже не дожидаясь новаго случая, пробуютъ дѣйствіе огня надъ разными кусками земли и камня. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, они натываются на оловянную руду; пробуютъ смѣшать олово съ мѣдью; смѣсь оказывается крѣпче чистой мѣди, и производитъ новое усовершенствованіе орудій; съ увеличеніемъ матеріала улучшается вѣроятно и форма инструментовъ, потому что работники, разумѣется, соображаются съ указаніями возрастающаго опыта.

Наконецъ добираются и до желѣза; можетъ быть желѣзная руда попадалась и раньше, но ею не умѣли пользоваться прежніе колонисты; не было ни той опытности, ни тѣхъ орудій, которыя необходимы для добыванія иковки желѣза; теперь же, когда есть люди, привыкшіе обращаться съ мѣдью и съ оловомъ, когда есть и мѣдныя лопаты и мѣдныя молотки, теперь и желѣзная руда должна уступить усиліямъ человѣка; и вотъ новый металлъ снова производитъ благодѣтельный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Каждый успѣхъ является такимъ образомъ переходною ступенью къ дальнѣйшимъ, и притомъ болѣе важнымъ успѣхамъ. Желѣзными орудіями колонисты взрываютъ землю такъ глубоко, что добираются до слоевъ другого состава: подъ песчанымъ грунтомъ они находятъ мергель, подъ глинистою почвою известковую землю. Смѣшеніе двухъ слоевъ между собою значительно увеличиваетъ производительность земли. Хлѣбопашцы замѣчаютъ это и придумываютъ такія орудія, которыя даютъ имъ возможность пахать гораздо глубже, чѣмъ пахали ихъ предки. Обожженный колъ давно уже замѣнился заступомъ; теперь заступъ въ свою очередь уступаетъ мѣсто сохѣ и плугу; эти новыя орудія по своей тяжести изнурительныя для

человѣка, и ему приходитъ въ голову воспользоваться силами вола или лошади. Это новое усовершенствованіе значительно ускоряетъ работу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ становится легче для человѣка и плодотворнѣе по своимъ результатамъ. Времени и мускульной силы тратится меньше, а пищи получается больше. Теперь можно безъ особенной опасности предпринять нашествіе на тѣ части острова, въ которыхъ, при жизни стараго Робинзона, деспотически господствовала могучая лѣсная растительность. Теперь людей много, у каждаго есть въ рукахъ желѣзный топоръ, и за каждыиъ слѣдуютъ вьючныя животныя, которыя немедленно выволокутъ срубленные деревья, гнѣющія бревна и кучи валежника. Пользуясь услугами вьючныхъ животныхъ, поселенцы замѣчаютъ, что этимъ животнымъ легче тащить такія тѣла, которыя катятся по землѣ, чѣмъ такія, которыя производятъ сильное треніе. Идя путемъ постепенныхъ усовершенствованій, они доходятъ до изобрѣтенія телѣги, значительно сберегающей силу вола или лошади. Владѣя желѣзными орудіями и перевозочными средствами, потомки Робинзона, во-первыхъ, успѣваютъ расчистить и распахать нѣкоторыя части тучной почвы, лежащей по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, и, во-вторыхъ, получаютъ возможность воспользоваться срубленными большими деревьями для различныхъ построекъ. Тучная почва даетъ обильный урожай, а крѣпкіе бревенчатые срубы доставляютъ множество удобствъ и выгодъ. Жилище родоначальника колоніи было похоже на логовище медвѣдя; Робинзонъ принужденъ былъ довольствоваться простою пещерою, гдѣ ему приходилось сидѣть въ темнотѣ, или задыхаться отъ дыма, когда холодъ заставлялъ его разводить огонь. Черезъ нѣсколько времени ему удалось вмѣстѣ съ сыновьями сплести изъ хвороста шалашъ, служившій плохою защитою отъ дождя, вѣтра, холода и зноя; потомъ онъ воспользовался тѣми бревнами и сучьями, которые валялись въ лѣсу и сгородилъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ очень безобразную и неудобную хижину, въ которой было что-то подобное двери, но въ которой нельзя было найти ни окна, ни дымовой трубы. Темнота, дымъ и грязь продолжали преслѣдовать семью колонистовъ. Открытіе металловъ было во всѣхъ отношеніяхъ поворотнымъ пунктомъ въ ихъ образѣ жизни. Явилась возможность рубить большія деревья, и распиливать ихъ на доски; возникло умѣнье выкатывать изъ каменной горы большія глыбы и обтесывать ихъ такъ, чтобы онѣ могли держаться одна на другой; при ближайшемъ знакомствѣ съ свойствами различныхъ пластовъ земли, поселенцы замѣтили, что глина очень легко принимаетъ въ жидкомъ видѣ всевозможныя формы, и потомъ твердѣетъ, подвергаясь дѣйствию солнечныхъ лучей. Въ избѣ, построенной изъ бревень, является тогда досчатый полъ, окно, затворяющееся досками, и печка, сложенная изъ камня и смазанная глиною. Здоровье поселенцевъ значительно улучшается, потому что

имъ не приходится страдать ни отъ дыму, ни отъ холода, ни отъ грязнаго землянаго пола; кромѣ того, оказывается значительный выигрышъ времени, потому что представляется возможность работать въ избѣ, въ которой перестаетъ царствовать вѣчная темнота.

Позабывшись о себѣ, поселенцы заботятся о своемъ домашнемъ и рабочемъ скотѣ. Въ былое время, свиньи, быки и овцы жили у нихъ подъ открытымъ небомъ, и круглый годъ находились на подножномъ корму; въ холодное время года, пещера колониста превращалась въ Ноевъ ковчегъ, потому что всѣ животныя загонялись въ это первобытное жилище, и тамъ согрѣвали другъ друга собственной теплотою. Когда процессъ строенія значительно облегчился улучшеніемъ орудій, когда вмѣстѣ съ увеличеніемъ силъ произошло усложненіе потребностей и вкусовъ, тогда непосредственная близость самыхъ полезныхъ животныхъ потеряла въ глазахъ колонистовъ всякую прелесть. Люди и животныя разлучились, къ обоюдной выгодѣ тѣхъ и другихъ. Появились скотные дворы и закутки; уходъ за скотомъ улучшился; количество добываемаго молока и мяса увеличилось, и порода скота стала замѣтно совершенствоваться.

IV.

Столѣтія прошли надъ тихимъ пристанищемъ нашего Робинзона; въ его размножившемся потомствѣ живутъ уже одни темныя преданія о тѣхъ далекихъ временахъ, когда родоначальникъ ихъ поселился на островѣ; молодому поколѣнію кажутся уже совершенно неправдоподобными рассказы о лишеніяхъ и страданіяхъ, выдержанныхъ первыми поселенцами. Въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить. Ихъ было только двое; въ ихъ распоряженіи находился цѣлый островъ, обширный и богатый, а между тѣмъ они часто терпѣли нужду, и съ трудомъ спасались отъ голодной смерти. Теперь колонисты считаются тысячами, островъ не увеличился въ объемѣ ни на одинъ вершокъ, а между тѣмъ всѣ хорошо одѣты и живутъ припѣваючи. Ясно, что такая благодѣтельная перемѣна произошла именно потому, что ихъ теперь много, и что эти многіе являются прямыми и законными наслѣдниками всей массы вѣковаго опыта, набраннаго предками, и купленнаго дорогою цѣною прошедшихъ трудовъ и страданій. Каждое послѣдующее поколѣніе оказывается многозначительнѣе предъидущаго, живетъ богаче, и придумываетъ новыя техническія улучшенія, которыя позволяютъ ему добывать больше пищи и одежды, съ меньшимъ напряженіемъ мускуловъ, и съ меньшею тратой времени. Открывается возможность пользоваться для

промышленныхъ цѣлей великими естественными силами воды, вѣтра и наконецъ пара. Въ былое время хлѣбныя зерна растирались между двумя камнями, приводимыми въ движеніе руками человѣка. Эта работа была утомительна, и мука получалась плохая, потому что многія зерна оставались полураздавленными. Вслѣдъ за тѣмъ было найдено средство замѣнить трудъ человѣка трудомъ лошади или вола. Работа пошла бы-стрѣе, и мука улучшилась. Потомъ, когда практическая механика сдѣ-лала значительные успѣхи, превращеніе зеренъ въ муку было поручено водѣ и вѣтру, такимъ работникамъ, которые не требуютъ пищи, и ко-торыхъ могущество неизмѣримо велико въ сравненіи съ ограниченными и быстро остающимися силами человѣка, лошади и вола. Такимъ обра-зомъ произошло громадное сбереженіе труда и времени, а между тѣмъ количество превращаемаго продукта значительно увеличилось, и въ та-кой же степени повысилось его качество.

Тоже самое произошло въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя относятся къ приготовленію одежды. Одежда Робинзона состояла изъ звѣриной кожи, наброшенной на плеча. Такъ какъ первобытному посе-ленцу рѣдко случалось убивать такого большого звѣря, котораго шкура могла бы служить для человѣка достаточною защитою отъ воздуха, то, конечно, одежда считалась большою рѣдкостью, и очень неудовлетво-рительно исполняла свое назначеніе. Рѣдкость большихъ шкуръ навела на мысль связывать ремешками маленькія шкурки; когда у Робинзона развелись домашнія животныя, то, конечно, добываніе шкуръ значитель-но облегчилось; вмѣсто связыванія шкуръ явилось шиваніе; вмѣсто иголки употреблялась какая нибудь острая кость, а вмѣсто нитокъ— тонкіе ремешки, тонкія жилы или струны, скрученныя изъ кишечной кожи. Счастливая мысль сучить нитки изъ животной шерсти и расти-тельныхъ волоконъ повела за собою многочисленныя улучшенія; воз-никло прядильное искусство, изъ котораго въ свою очередь развилось производство тканей. Затѣмъ явились механическія усовершенствованія орудій; простое веретено замѣнилось самопрядкою и первобытный ткацкій станокъ испыталъ значительныя превращанія. Наконецъ сила пара, приложенная къ этой отрасли производства, довела выработываніе тка-ней до изумительной легкости и быстроты.

Мы знаемъ, что всѣ эти открытія и усовершенствованія были про-изведены въ дѣйствительности, но мы можемъ кромѣ того доказать, что они неизбѣжно должны были быть произведены. Въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго, и они нисколько не зависятъ отъ личныхъ свойствъ тѣхъ людей, которые сдѣлали ихъ достояніемъ человѣчества. Мы считаемъ этихъ людей благодѣтелями нашей породы, и чувствуемъ къ нимъ при-знательность потому же самому свойству нашей природы, по которому мы кидаемся на шею къ человѣку, сообщающему намъ очень радостное

извѣстіе. На самомъ же дѣлѣ свойства вещества, подмѣченныя изобрѣтателемъ, такъ же мало зависятъ отъ его воли, какъ мало зависитъ счастливое событіе отъ человѣка, передающаго радостное извѣстіе. Эти свойства вещества только потому оставались неизвѣстными, что большинство людей задавлено механическою работою, а меньшинство журуетъ или занимается пустяками, или изобрѣтаетъ средства еще больше обременить большинство. Поэтому наблюдать и размышлять, трудиться и осмыслять свой трудъ могутъ только немногія единицы; эти единицы одарены сильнымъ умомъ, но ихъ такъ мало не отъ того, что на извѣстную полосу земли отпускается такое количество ума, а отъ того, что отпускаемое количество расходуется самымъ нерасчетливымъ образомъ. Умные и полезные люди составляютъ рѣдкія исключенія, между тѣмъ, какъ они должны были бы составлять правило.

Я не намѣренъ отнимать у великихъ геніевъ ни одного вершка ихъ роста, но съ полнымъ убѣжденіемъ выражаю ту мысль, что они стоятъ такъ неизмѣримо высоко надъ общимъ уровнемъ человѣчества только потому, что неблагопріятныя обстоятельства довели этотъ общій уровень до неестественно низкой степени. Великая, богатая и могучая природа человѣка, совершившая въ своемъ славномъ младенествѣ столько героическихъ умственныхъ подвиговъ въ дѣлѣ завоеванія внѣшней природы, истощается и уродуется именно тѣми условіями жизни, которыя представляютъ жалкія и пагубныя уклоненія отъ великаго дѣла производительнаго и постоянно расширяющагося труда. Намъ часто случается слышать панегирики замѣчательнымъ открытіямъ нашего вѣка; конечно, хорошо, что открытія эти сдѣланы; но удивляться тутъ не чему; скорѣе слѣдовало бы подивиться тому, что они сдѣланы такъ поздно; — тому, что мы до сихъ поръ такъ мало знаемъ природу; — тому, что земледѣліе, извѣстное человѣку съ незапамятныхъ временъ, только въ послѣднее тридцатилѣтіе, въ немногихъ уголкахъ Европы начало пользоваться указаніями осмысленнаго опыта. Если бы Шекспиръ не написалъ Отелло или Макбета, то, конечно, трагедіи Отелло и Макбетъ не существовали бы, но тѣ чувства и страсти человѣческой природы, которыя разоблачаютъ намъ эти трагедіи, несомнѣнно были бы извѣстны людямъ, какъ изъ жизни, такъ и изъ другихъ литературныхъ произведеній, и притомъ были бы извѣстны такъ же хорошо, какъ они извѣстны намъ теперь. Шекспиръ придавъ этимъ чувствамъ и страстямъ только индивидуальную форму; но машина или законъ природы не могутъ имѣть индивидуальной формы. Изъ двухъ различныхъ машинъ, построенныхъ для одной и той же цѣли, одна непременно будетъ удобнѣе другой, и слѣдовательно вытѣснить изъ употребленія другую. Изъ двухъ различныхъ объясненій явленія природы, одно будетъ непременно ложнымъ, и слѣдовательно, рано или поздно, будетъ отвергнуто. Въ дѣлѣ изученія и

завоеванія природы нѣтъ мѣста личному произволу; тутъ нельзя изобрѣтать, надо только наблюдать и понимать, пользоваться отъ вѣка существующими силами, и разгадывать отъ вѣка существующую связь причинъ и слѣдствій. Открытіе есть встрѣча между вѣчнымъ явленіемъ и вѣчнымъ умомъ человѣчества. Встрѣча эта неизбѣжна, но она можетъ совершиться раньше или позднѣе, смотря по тому, много или мало отдѣльныхъ человѣческихъ умовъ стоятъ на извѣстной высотѣ развитія, и предаются плодотворному дѣлу труда и наблюденія. Если бы Уаттъ не открылъ двигательную силу пара, то ее непременно открылъ бы ктонибудь другой, потому что эта сила существовала въ доисторическія времена и будетъ существовать на нашей планетѣ до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ послѣдняя лужа воды и не уничтожится послѣдній лучъ тенлорода. Эту силу открыли въ XVIII столѣтіи, а не раньше, только потому, что, чѣмъ дальше мы будемъ забираться въ древность, тѣмъ сильнѣе будутъ проявляться элементы враждебныя труду, и слѣдовательно тѣмъ рѣже будутъ становиться шансы для счастливыхъ и плодотворныхъ встрѣчъ между явленіемъ природы и наблюдательнымъ умомъ человѣка.

Мы въ нашей гипотезѣ устранили съ Тихаго-пристанища всѣ элементы, враждебныя труду и ассоціаціи; поэтому, мы имѣемъ полное право утверждать, что на островѣ Робинзона весь ходъ неизбѣжныхъ открытій и совершенствованій будетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо въ дѣйствительности. Чтобы историческимъ фактомъ доказать читателю неизбѣжность главныхъ практическихъ открытій, и независимость ихъ отъ отдѣльныхъ личностей, я напомяну ему только ту извѣстную истину, что китайцы совершенно самостоятельнымъ путемъ дошли почти до всѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыми гордится теперь Европейская цивилизація. Если мы предположимъ, что Тихое-пристанище продолжало жить до нашихъ временъ своею мирною и разумною жизнью, то мы совершенно слѣдовательно принуждены будемъ допустить, что жителямъ счастливаго острова извѣстны такія свойства природы, и такія техническія комбинаціи, о которыхъ не имѣетъ понятія ни одна изъ передовыхъ странъ Европы. Мы, конечно, знаемъ, что мы далеко еще не достигли предѣловъ естествознанія, но этого мало: мы теперь не можемъ и не имѣемъ права сказать, что этому знанію существуютъ какіенибудь предѣлы; мы не имѣемъ также права утверждать, что силы природы когда-нибудь могутъ быть исчерпаны или истощены. Напротивъ, оглядываясь назадъ на поприще, пройденное человѣчествомъ, и потомъ видя впереди необозримую и безпредѣльную даль, мы имѣемъ полное основаніе думать, что наша порода вѣчно могла бы съ каждымъ поколѣніемъ становиться могущественнѣе, богаче, умнѣе и счастливѣе, если бы только не мѣшали этому развитію безконечныя и

разнообразныя междуусобныя распри, поглощающія и истощающія лучшую и значительнѣйшую часть великихъ и прекрасныхъ способностей чловѣческаго тѣла и чловѣческаго ума. Природа чловѣка всегда была такъ же способна къ безпредѣльному развитію, какъ природа, окружающая чловѣка, всегда была способна къ безконечному разнообразію видоизмѣненій и комбинацій; но чловѣкъ не могъ съ разу понять ни себя, ни природу; онъ и до сихъ поръ понимаетъ невѣрно и неполно какъ самого себя, такъ и тѣ бытовыя условія, при которыхъ дѣятельность его можетъ быть плодотворна, развитіе — быстро и успѣшно, и счастье — по возможности совершенно. Изъ этого неполнаго и невѣрнаго пониманія, какъ изъ вѣчно открытаго ящика Пандоры, сыпятся и льются роковыя ошибки, и только въ этихъ ошибкахъ заключаются причины всякой бѣдности и всякихъ страданій.

V.

Многія причины заставляли Робинзона довольствоваться тѣми скудными жатвами, которыя давали ему участки тощей и сухой почвы, лежавшей по вершинамъ холмовъ. Тучная почва долинъ была занята вѣковымъ лѣсомъ, котораго одинокій и несвѣдущій колонистъ не могъ вырубить; она была покрыта болотами, которыхъ онъ не могъ осушить. Кромѣ того, Робинзонъ не умѣлъ пахать ту почву, которая была ему по силамъ; минеральныя частицы различныхъ слоевъ не смѣшивались между собою; песокъ и мергель, суглинокъ и известь оставались несоединенными, и, вслѣдствіе этого, земля развѣтывала только самую незначительную долю своихъ производительныхъ силъ. Скотъ Робинзона бродилъ по волѣ, и пометъ его пропадалъ даромъ, тѣмъ болѣе, что первобытныи агрономъ, по всей вѣроятности, не зналъ его драгоценныхъ свойствъ. Всѣ эти причины бѣдности были постепенно устранены, когда населеніе увеличилось и обогатилось опытными знаніями. Рубка лѣсовъ, и осушеніе болотъ посредствомъ каналовъ открыли позднѣйшимъ колонистамъ путь въ роскошныя долины; вмѣстѣ съ тѣмъ, усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій, и введеніе рациональнаго скотоводства дало имъ возможность распахать и удобрить тѣ участки сухой почвы, которые ихъ предки царпали обожженными кольями. Переходъ отъ бѣдной почвы къ богатой совершилъ такимъ образомъ съ увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ, и съ улучшеніемъ средствъ обработки. Такой переходъ самъ по себѣ въ высшей степени правдоподобенъ, но намъ нѣтъ надобности считать его только правдоподобнымъ;

мы можемъ подтвердить его всѣми дѣйствительными фактами заселеній, совершавшихся на глазахъ исторіи.

Колонизація Сѣверо-Американскихъ Штатовъ была произведена такъ недавно, что каждый шагъ поселенцевъ на новомъ материкѣ можетъ быть указанъ, какъ въ историческихъ свидѣтельствахъ, такъ и на самой почвѣ. Первая англійская колонія Плимутъ, была основана въ штатѣ Массачусетъ, на песчаной прибрежной почвѣ. Весь Массачусетъ отличается топкимъ грунтомъ, но пуритане, селившіеся на скалистыхъ холмахъ, выбирали самыя бѣдныя части этого тощаго грунта. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ, старая желѣзная дорога идетъ по возвышенностямъ, на которыхъ лежатъ деревни и мѣстечки первыхъ поселенцевъ; напротивъ того, новая желѣзная дорога прямою линіею прорѣзываетъ богатѣйшія долины штата, которыя до сихъ поръ остаются неосушенными и невоздѣланными. Плодороднѣйшія земли Пенсильваніи долгое время считались совершенно неудобными, потому что сырой и болотистый воздухъ преслѣдовалъ поселенцевъ періодическими лихорадками. Въ Нью-Джерси квакеры основали свои первыя поселенія не песчаныхъ холмахъ, поросшихъ жидкими сосновыми рощами, а потомки ихъ оставили эти мѣста, когда имъ удалось вырубить дубовые лѣса, покрывавшіе тучный грунтъ, и осушить тѣ низменности, на которыхъ росъ бѣлый кедръ. Въ штатѣ Охайо, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, сухія земли холмовъ были гораздо дороже долинъ и рѣчныхъ береговъ, на которыхъ никто не хотѣлъ селиться; по берегамъ Сускеганны цѣлыя сотни акровъ передавались изъ рукъ въ руки за одинъ долларъ, или даже за кружку водки; теперь эти земли возвысились въ цѣнѣ, а холмы, напротивъ того, оставлены и заброшены. Въ Уисконсинѣ богатѣйшая земля штата называлась «мокрыми лугами», и составляла ужасъ первыхъ поселенцевъ; теперь эти «мокрые луга» высушены безъ всякихъ гидравлическихъ сооруженій; ихъ просто каждый годъ косили и вытравливали рогатымъ скотомъ; солнце и воздухъ вытянули излишекъ воды, и земледѣлецъ получилъ возможность воспользоваться толстѣйшими слоями превосходнаго чернозема. По берегамъ рѣки Миссисипи, ниже того мѣста, гдѣ она принимаетъ въ себѣ рѣку Охайо, лежатъ миллионы акровъ богатѣйшей почвы, которая до сихъ поръ остается нетронутою, и сохраняетъ зловѣщее названіе трясины (Swamp). Эта обширная мѣстность покрыта лѣсомъ и камышами, и наполнена цѣлыми озерами стоячей и гнющей воды, которая, содѣйствуя развитію разнообразной растительности, заражаетъ воздухъ самыми вредными миазмами. Разлітія Миссисипи затопляютъ въ обѣ стороны огромныя полосы земли и, увеличивая ея плодородіе осадками ила, поддерживаютъ тотъ избытокъ сырости, который отражаетъ завоевательныя попытки самыхъ смѣлыхъ колонистовъ. Трясина только тогда перестанетъ быть трясиною, когда большіе каналы спустятъ громадныя лужи

стоячей воды, и когда высокія плотины положить предѣль разрушительнымъ шалостямъ рѣки. Подобныя сооруженія могутъ быть выполнены только многочисленнымъ и предприимчивымъ населеніемъ. Они далеко превышаютъ силы мѣстныхъ плантаторовъ, считающихъ рабство и земледѣльческую рутину краеугольными камнями своего личнаго и общественаго благосостоянія. На этомъ основаніи, въ трясинѣ господствуютъ исключительно охотники, рыбаки и дровосѣки — люди бѣдные, полудикіе, привыкшіе къ ежедневнымъ опасностямъ и не боящіеся ни лѣсныхъ звѣрей, ни болотныхъ испареній. По теченію рѣкъ Миссури, Кентекки, Теннесси и Красной мы постоянно замѣчаемъ однородныя явленія: чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ значительнѣе накопленіе богатства, тѣмъ ближе подступаютъ земледѣльцы къ береговымъ низменностямъ; чѣмъ рѣже и бѣднѣе становится населеніе, тѣмъ исключительнѣе сосредоточивается хлѣбопашество на тощей почвѣ сухихъ холмовъ, отодвигаясь далѣе и далѣе отъ теченія рѣкъ. Въ обѣихъ Каролинахъ, въ Джорджіи, въ Флоридѣ и Элебемѣ, миллионы акровъ великолѣпнѣйшихъ луговъ и лѣсовъ остаются неосушенными и нерасчищенными, между тѣмъ какъ плантаторы этихъ штатовъ вытягиваютъ послѣдніе соки изъ своихъ тощихъ земель.

Земледѣльцы, отправляющіеся искать счастья на дальнемъ западѣ, постоянно основываютъ свои первыя поселенія на холмахъ, не смотря на то, что у нихъ есть отличные стальные топоры и заступы. Хорошія орудія очень полезны, но такія громадныя предпріятія, какъ расчищеніе дѣвственныхъ лѣсовъ и осушеніе обширныхъ болотъ, могутъ быть выполнены только соответственнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, и поэтому рѣшеніе подобныхъ задачъ всегда предоставляется болѣе или менѣе отдаленному будущему. Всякая попытка нарушить этотъ основной законъ и начать обработку прямо съ тучныхъ участковъ земли неизбежно ведетъ за собою неудачи и народныя бѣдствія; посѣвы гниютъ на корнѣ, колонисты мрутъ отъ лихорадокъ, и возникающее поселеніе погибаетъ, задавленное непомѣрными силами дѣвственной природы. Много такихъ примѣровъ представляетъ исторія французскихъ колоній въ Луизианѣ и въ Кайеннѣ, и первыхъ англійскихъ поселеній въ Виргиніи и въ Каролинѣ.

Въ Мексикѣ обрабатываются песчаныя земли Потози и Закатекаса, лишенныя естественнаго орошенія и часто подвергающіяся губительнымъ засухамъ; между тѣмъ, остаются невоздѣланными и незаселенными берега рѣкъ и мексиканскаго залива, покрытые богатѣйшею тропическою растительностью, и производящіе сами собою хлопчатую бумагу и индigo, маисъ и сахарный тростникъ. Возвышенности Тласкалы и сухая почва Юкатана обработаны, а плодородныя земли Табаско и Гандураса нетронуты. Скалистые острова Караибскаго моря Монсерратъ, С. Лучія

и С. Винцентъ заселены, а Порто-Рико и Тринидадъ, самые плодородные изъ этихъ острововъ, остаются почти въ первобытномъ состояннн. На Панамскомъ перешейкѣ развѣртывается вся изумительная сила американской природы; дожди продолжаются сплошь по семи мѣсяцевъ, и лѣсная растительность развивается такъ быстро, что линія панамской желѣзной дороги заросла бы лѣсомъ въ одинъ годъ, если бы на нѣй не производились постоянныя расчистки. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, Панамскій перешеекъ, по обѣ стороны рельсовъ, представляетъ нетронутую глушь.

Въ Южной Америкѣ повторяется тотъ же общій законъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Во времена Пизарро существовала цивилизація только въ гористомъ и сухомъ Перу, составляющемъ крутой склонъ Кордильеровъ къ Восточному океану. Перу орошается небольшими и быстрыми рѣками, которыя, не заставаясь въ своемъ теченнн, не могутъ образовать болотистыхъ разливовъ. Кромѣ того, пассатныя вѣтры, насыщенные водяными парами, задерживаются вершинами Кордильеровъ, и облака, гонимыя этими вѣтрами, проливаютъ свой дождь, не достигая плоскихъ возвышенностей Перу и Боливнн. Отъ этого происходятъ засухи и неурожаи, и, однако, не смотря на эти неудобства, гражданственность сосредоточилась именно въ Перу. Бразилнн, лежащая къ востоку отъ Перу, орошается величайшими рѣками въ мнрѣ и можетъ производить въ безпредѣльномъ изобилнн сахаръ, кофе, табакъ, пряности, красильныя вещества и все, чего только человекъ можетъ потребовать отъ тропической природы. Луга ея покрыты стадами буйволовъ и дикихъ лошадей; драгоценныя металлы лежатъ почти на самой поверхности земли. Кажется, людямъ стоило бы только придти и овладѣть всѣми этими сокровищами, а между тѣмъ весь неизмѣримый бассейнъ Амазонской рѣки и ея громадныхъ притоковъ до сихъ поръ представляется сплошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Ту же самую противоположность мы видимъ южнѣе, сравнивая гористую и населенную береговую полосу Чили съ обширною, плодородною и почти нетронутою долиною Ла-Платы.

VI.

Въ Англнн съ незапамятныхъ временъ были обработаны земли Корнваллиса, извѣстныя по своей сухости; почти каждый холмъ въ этой странѣ представляетъ слѣды древнихъ поселеннн. Теперь эти мѣста считаются худшими землями и обыкновенно оставляются подъ выгономъ. Во времена первыхъ норманскихъ королей, южный Ланкаширъ былъ по-

крыть болотами, въ которыхъ едва не увязло побѣдоносное войско Вильгельма Завоевателя. Теперь на этихъ самыхъ мѣстахъ созрѣваютъ богатые жатвы, и пасутся стада породистаго рогатаго скота. Во времена Плантагенетовъ въ Англии было множество лѣсовъ, въ которыхъ водились кабаны и волки; теперь на мѣстѣ этихъ лѣсовъ мы находимъ пахатныя земли, далеко превосходящія своимъ плодородіемъ тѣ участки, которые воздѣлывались въ древности и въ средніе вѣка. Въ Шотландіи слѣды древняго земледѣлія находятся на горахъ; теперешнимъ жителямъ кажется до такой степени неправдоподобнымъ воздѣлываніе такихъ мѣстностей людьми, что они называютъ эти слѣды пашнями Эльфовъ. Въ средніе вѣка житницею въ Шотландіи называлась тощая полоса земли, къ которой хлѣбопашцы нашихъ временъ чувствуютъ весьма незначительное уваженіе. Напротивъ того, лучшія теперешнія фермы Шотландіи лежатъ на бывшихъ болотахъ временъ Елисаветы и Маріи Стюартъ. Въ средніе вѣка Оркнейскіе острова имѣли очень важное значеніе, которое совершенно утратилось теперь. Они были однажды заложены какому-то норвежскому королю въ обезпеченіе такой значительной денежной суммы, за которую ихъ теперь нельзя было бы продать, если бы даже покупателю, вмѣстѣ съ верховнымъ господствомъ, предоставилось право собственности надъ землею. Оркнейскіе острова могли быть такъ дороги только потому, что лучшія земли оставались недоступными для земледѣльцевъ. Теперь обитатели этихъ острововъ живутъ очень бѣдно, но мы не имѣемъ основанія думать, что уровень ихъ благосостоянія понизился со времени среднихъ вѣковъ. Что считалось богатствомъ тогда, то покажется бѣдностью теперь, точно такъ же, какъ богатство дикаря для цивилизованнаго человѣка можетъ быть крайнею степенью нищеты.

Въ Галліи временъ Юлія Цезаря сильнѣйшія племена галловъ Арверны, Эдуи и Секваны, жили по склонамъ Альпійскихъ горъ. Въ ихъ земляхъ возникли богатые торговые города, а въ настоящее время эти самыя земли лишены дорогъ, и путникъ, попавшій въ эту глушь, принужденъ перебираться черезъ горные потоки по переброшеннымъ бревнамъ, а еще чаще по камнямъ, положеннымъ въ воду, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ такомъ положеніи находится территория «le Morvan», занимающая до полутораста квадратныхъ лье, и представляющая мѣстами сохранившіеся слѣды отличныхъ военныхъ дорогъ. Вообще остатки древней цивилизаціи находятся именно въ самыхъ дикихъ и бѣдныхъ захолустьяхъ современной Франціи, въ Бретани, въ Оверни, въ Лимузенѣ, въ Севенскихъ горахъ, и на склонахъ Альповъ. Всѣ значительные города, извѣстные въ исторіи Капетинговъ, Людовика Святого, Филиппа Августа,—Шалонъ, Сень Кантенъ, Суассонъ, Реймсъ, Труа, Нанси, Орлеанъ, Буржъ, Дижонъ, Вьеннь, Нимъ, Тулуза, Кагоръ—

всѣ построены на высокихъ мѣстностяхъ, недалеко отъ истоковъ большихъ рѣкъ, или на возвышенностяхъ, составляющихъ водораздѣлы. Многія изъ лучшихъ земель Франціи до сихъ поръ не обработаны, и «Journal des Economistes» въ 1855 году обращаетъ вниманіе правительства на необходимость осушить болотистыя мѣстности.

Въ Бельгіи, тощія земли Лимбурга и Люксембурга обрабатывались съ незапамятныхъ временъ, а тучная Фландрія до седьмого столѣтія нашей эры оставалась пустынею. Въ Голландіи первенство между отдѣльными провинціями принадлежало узкой и песчаной полосѣ земли, лежавшей между Утрехтомъ и моремъ. Эта провинція называлась Голландією, и преобладаніе ея достаточно выражается уже въ томъ обстоятельстве, что она дала свое имя всей странѣ.

Преданія скандинавскаго племени выводятъ обитателей скандинавскаго полуострова съ юга и указываютъ ихъ первобытную родину на берегахъ Дона. Мы видимъ такимъ образомъ, что цѣлый народъ уходитъ съ богатой почвы южной Россіи, не останавливается на тучныхъ равнинахъ средней и сѣверной Германіи, отыскиваетъ себѣ за моремъ новую отчизну, и на этой бѣдной землѣ выбираетъ себѣ для поселеній самыя гористыя и тощія мѣстности. Это послѣднее обстоятельство доказывается тѣмъ, что слѣды древнѣйшихъ жилищъ въ Скандинавіи, какъ и въ Шотландіи, находятся на возвышенностяхъ.

Славянскія племена, заселившія Россію, въ пѣсняхъ своихъ вспоминаютъ о южномъ происхожденіи своемъ съ береговъ Дуная. Первые проявленія гражданственности въ нашемъ отечествѣ находимъ мы на берегахъ Волхова и Ильменя, въ суровомъ климатѣ, на тощей почвѣ. Кіевъ является преимущественно военною стоянкою князей; народная жизнь уходитъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, держится въ Новгородѣ и Псковѣ, проявляется въ Суздальѣ и Владимірѣ, производитъ колонизацію Вятки и разбрасывается по берегамъ Бѣлаго моря. Въ настоящее время сѣверныя части Россіи, за исключеніемъ тѣхъ крайнихъ оконечностей, въ которыхъ холодъ губитъ всякую растительность, оказываются болѣе населенными и лучше воздѣланными, чѣмъ роскошныя степи новороссійскаго края. По вѣрному замѣчанію Тенгоборскаго псковская губернія занимаетъ девятое мѣсто по относительному количеству пахатной земли, и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше губерній подольской, саратовской и волынской, которыя, конечно, далеко превосходятъ ее плодородіемъ почвы.

Въ нынѣшней Венгріи сподвижники Аттилы основали свои первые поселенія на песчаной равнинѣ, лежащей между Тиссою и Дунаемъ; потомки ихъ до сихъ поръ держатся на этихъ бесплодныхъ мѣстахъ, оставляя необработанными и неосушенными богатыя земли, простирающіяся за Тиссою.

Въ Италіи Самнитскіе холмы и высокая Этрурія были уже обработаны, а Веи и Альба-Лонга считались уже могущественными городами, когда при низовьяхъ Тибра еще не возникало бѣдное поселеніе товарищей Ромула. Возвышенности цизальпийской Галліи были заняты въ древности, а лагуны адриатическаго побережья, на которыхъ стоитъ Венеція, заселены только въ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ Корсикѣ хижины жителей разбросаны по горамъ, а почва долинъ, способная производить табакъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ и даже индиго, лежитъ нетронутая. Тоже самое мы видимъ въ Сардиніи, на Балеарскихъ островахъ и въ Сициліи.

Въ древней Греціи обработка земли началась въ гористой Аркадіи и въ сухой Атикѣ гораздо раньше, чѣмъ въ тучной Віотіи. Фоклене, Локры и Этоліицы тѣснились на скалистыхъ возвышенностяхъ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними лежали слабо заселенныя богатая равнины Фессалии и Фракіи.

Египетская цивилизація возникаетъ въ верхнихъ частяхъ Нила, и первою столицею ея являются Фивы; отсюда она спускается внизъ по теченію, къ Мемфису, и наконецъ уже гораздо позднѣе захватываетъ плодородную дельту Нила, на которой построена Александрія.

Столица Абиссиніи лежитъ на высотѣ 8,000 футовъ надъ поверхностью моря, а долины незаселены.

Въ Остѣ-Индіи дельты Инда и Ганга покрыты непроходимыми лѣсами, и почти всѣ долины большихъ рѣкъ остаются въ первобытномъ состояніи, а между тѣмъ по склонамъ горъ туземцы выбиваются изъ силъ, чтобы добыть себѣ въ день горсть рису, или въ мѣсяцъ двѣ рупіи заработной платы. На Цейлонѣ и на Явѣ жители боятся и тщательно обходятъ тучную почву долинъ, въ которыхъ рядомъ съ могучею растительностью развиваются губительныя міазмы.

Вся эта груда набросанныхъ фактовъ, взятыхъ изъ всѣхъ частей свѣта, подъ всѣми широтами, изъ настоящаго и изъ прошедшаго, у народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ умственнаго и общественаго развитія, самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ съ разныхъ сторонъ непреложность одного общаго закона. Человѣкъ постоянно переходитъ отъ худшаго къ лучшему, отъ бѣдной почвы къ богатой, точно также какъ онъ переходитъ отъ острой раковины къ желѣзному и стальному ножу, отъ обожженнаго кола къ плугу, отъ пещеры къ каменному дому, отъ лука къ штуцеру, отъ звѣриной кожи къ сукну и бархату. Для того, чтобы переходъ этотъ совершался, необходимо только предоставить свободу естественнымъ отправлениямъ человѣческаго организма. Человѣку, вмѣстѣ со всѣми другими животными, свойственно стремленіе размножаться, и мы видимъ дѣйствительно, что размноженіе людей составляетъ непремѣнное условіе всякаго прогресса. Человѣку

свойственно искать сближенія съ другими людьми, и оказывается на самомъ дѣлѣ, что только соединенныя человѣческія силы могутъ успѣшно бороться съ природою. Человѣку свойственно искать себѣ матеріальныхъ удобствъ, и мы замѣчаемъ вездѣ и всегда, что чѣмъ усерднѣе онъ ихъ ищетъ, т. е. чѣмъ сильнѣе онъ работаетъ мозгомъ и мускулами, тѣмъ быстрѣе улучшается его положеніе. Каждая потребность человѣка можетъ найти себѣ удовлетвореніе, и чѣмъ полнѣе она будетъ удовлетворяться, тѣмъ больше будетъ оказываться средствъ удовлетворять ей въ будущемъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ вывести то лестное заключеніе, что потребности человѣка дѣйствительно удовлетворяются всегда и вездѣ. На земномъ шарѣ существуетъ множество различныхъ организмовъ, которые всѣ могутъ жить и развиваться въ свойственной имъ обстановкѣ; но каждый изъ этихъ организмовъ можетъ быть искусственно поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ или зачахнетъ, или разрушится. Положите рыбу на берегъ, бросьте птицу въ воду, запрягите въ одно стойло лошадь, а въ другое кошку, и положите передъ первую пудъ сыраго мяса, а передъ второй мѣру овса, и вы увидите, что четыре организма будутъ разрушены, первые очень быстро, послѣдніе довольно медленно. Если бы нашелся такой проказникъ, который могъ бы перетасовать такимъ образомъ всѣ существующіе организмы, то въ короткое время весь земной шаръ покрылся бы трупами, чего нельзя было бы приписать простому дѣйствию законовъ природы, потому что комбинаціи, производящія такой поразительный *coup de théâtre*, составляютъ только игривое проявленіе единичной воли.

Разрушить произвольнымъ вмѣшательствомъ всю органическую жизнь на земномъ шарѣ невозможно, но повредить въ какой нибудь отдѣльной странѣ правильному развитію человѣческаго труда вовсе нетрудно; для этого не требуется даже злонамѣренности,—одно незнаніе производить искусственныя комбинаціи въ между-человѣческихъ и общественныхъ отношеніяхъ; при такихъ комбинаціяхъ удовлетвореніе многихъ человѣческихъ потребностей становится невозможнымъ, и самое существованіе такихъ потребностей дѣлается источникомъ страданій и приводитъ къ гибели, точно также какъ потребность дышать губитъ птицу, погруженную въ воду, или потребность принимать пищу—кошку, находящуюся *tête-à-tête* съ мѣрою овса. Очевидно, что тутъ виновата не потребность, а уродливая комбинація. Каждая изъ европейскихъ націй прошла черезъ множество подобныхъ комбинацій, но натура человѣка такъ крѣпка и эластична, и естественное теченіе событій настолько сильнѣе ошибочныхъ расчетовъ и произвольныхъ распоряженій, что, не смотря на всѣ историческія несчастія, мы все-таки замѣчаемъ въ передовыхъ странахъ Европы постоянное возрастаніе народонаселенія,

постоянное улучшение технических приемов, и вследствие того постоянное стремление к переходу от тощей почвы к более плодородной. Но в некоторых землях враждебные влияния были до такой степени сильны, что они превозмогали действие естественных стремлений человека: народонаселение убывало, материальное довольство уменьшалось, техническая ловкость и изобретательность терялась, и человек покидал богатую почву, чтобы снова добывать себе скудное пропитание на тощих и сухих землях. Войны, порабощение труда и разные видоизменения административного произвола составляют главные причины таких печальных явлений. Так опустели Греция и Италия в последние годы римской республики и во время империи. Так пустынет теперь Турция, заключающая в себе плодороднейшие земли Европы и Азии и между тем населенная таким народом, который едва успевает предохранять себя от голодной смерти. Богатая Буюкдерская долина, разстилающаяся у самых ворот Константинополя, не обрабатывается, так что в столицу привозится хлеб с холмов, лежащих за сорок и за пятьдесят миль. Земли, орошаемые нижним течением Дуная, давали богатые жатвы во времена римского владычества, а теперь на них пасутся малочисленные стада свиней, которых пастухи находятся в самом жалком положении. Такие же картины запущения попадаются путешественнику в Малой Азии, в Сирии, по берегам Тигра и Евфрата — в тех местах, где процветала греческая цивилизация, и там, где земля кипела молоком и медом. Все это произведено отчасти военными опустошениями былых времен; отчасти такою системою управления, которая не обезпечивает ни личности, ни собственности, отчасти тем обстоятельством, что Турция, как чисто земледельческое государство, вывозит постоянно свои сырые продукты на далекие рынки, постоянно истощает свою почву, и следовательно, проживая таким образом свой капитал, с каждым годом становится беднее и слабее.

Южные, рабовладельческие штаты Америки находятся почти в таком же положении. Вся нижняя Виргиния покрыта развалинами оставленных плантаторских домов; поля заброшены и поросли вереском и кустарником; хозяева принуждены искать новых земель и так как расчистка и осушение богатой почвы им не по силам, то они, естественным образом, разрабатывают сухие вершины холмов. Здесь этот упадок земледелия произведен двумя причинами, тесно связанными между собою: постоянным вывозом сырых продуктов, истощающим землю, и рабством, обуславливающим собою хозяйственную рутину. Сырые продукты вывозились в Англию оттого, что не было мануфактур на месте, а мануфактур не было оттого, что не было предприимчивости, а предприимчивость немислива в такой стране, где

*

большинство жителей работает изъ-подъ палки, а меньшинство безъ малѣйшаго труда проживаетъ доходы. Слѣдовательно, рабство и истощеніе почвы образуютъ такой заколдованный кругъ, изъ котораго южные штаты никакъ не умѣютъ вырваться.

VII.

Если бы нельзя было осязательно доказать, что земледѣліе возникаетъ на возвышенностяхъ и уже впослѣдствіи спускается въ долины, то идея о возможности прогресса, составляющая краеугольный камень разумаго міросозерцанія, въ научномъ отношеніи могла бы занять мѣсто рядомъ съ теоріями старухъ о близости свѣтопредставленія. На первый взглядъ такое положеніе кажется нелѣпнымъ, но первое впечатлѣніе здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказывается ошибочнымъ. Тучная почва всегда находится въ долинахъ и низменностяхъ, потому что каждый ливень смываетъ съ высокихъ мѣстъ частицы почвы и несетъ ихъ мутными потоками дождевой воды въ низкія мѣста, гдѣ эти частицы осаждаются по естественному дѣйствию тяжести. Если бы первобытные поселенцы могли разработать тучную почву, и если бы размножающееся потомство этихъ поселенцевъ было принуждено мало помалу распахивать топкія земли, то очевидно трудъ послѣднихъ съ каждымъ годомъ сталъ бы получать болѣе скудное вознагражденіе; чѣмъ больше нарождалось бы людей, тѣмъ дальше пришлось бы земледѣльцамъ забираться на сухіе холмы; дѣною постоянно возрастающихъ усилий пришлось бы добывать постоянно уменьшающееся количество пищи и другихъ сырыхъ матеріаловъ. При такомъ положеніи дѣлъ, всякое приращеніе народонаселенія было бы зломъ, потому что оно вело бы за собою постоянно увеличеніе бѣдности. Некогда было бы придумывать техническія усовершенствованія, потому что все время жителей уходило бы на заботы о кускѣ хлѣба, и всѣ эти заботы все-таки не могли бы предохранить ихъ отъ частыхъ посѣщеній голода; кромѣ того, всякія техническія усовершенствованія были бы бесполезны, если бы не увеличивалось количество сырыхъ матеріаловъ, которое, въ концѣ концовъ, всегда служитъ настоящимъ мѣриломъ богатства. О прогрессѣ нечего было бы и думать; нищета, голодъ, заразительныя болѣзни составляли бы естественную судьбу человѣчества и поражали бы каждое послѣдующее поколѣніе сильнѣе, чѣмъ предъидущее; передъ такою перспективою самый неукротимый идеалистъ сложитъ оружіе и сознается, что о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи приходится отложить попеченіе.

Существует однако цѣлая школа ученыхъ мужей, которые, не считая себя неукротимыми идеалистами, полагаютъ, что есть возможность помирить идею прогресса съ враждебнымъ воззрѣніемъ на возрастаніе народонаселенія. Дѣло идетъ о многочисленныхъ послѣдователяхъ слишкомъ знаменитыхъ учителей Мальтуса и Рикардо. Теорія Мальтуса состоитъ, какъ извѣстно; въ томъ, что люди плодятся въ геометрической прогрессіи (1, 2, 4, 8, 16, 32..) въ то самое время, какъ предметы, употребляющіеся въ пищу, размножаются въ арифметической прогрессіи (1, 2, 3, 4, 5, 6...). Черезъ такую неравномѣрность размноженія происходитъ для людей недостатокъ пищи, нищета, голодъ, болѣзни—однимъ словомъ, всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ гарнизонъ осажденной крѣпости. По мнѣнію Мальтуса, Англія уже дошла до такого бѣдственнаго положенія, и причины науперизма и развивающихся изъ него страданій и преступленій заключаются именно въ излишкѣ народонаселенія. Идея Рикардо относится къ заселенію земли. Онъ утверждаетъ, что первые поселенцы захватили лучшія земли, потому что они имѣли полную свободу выбора; послѣдующимъ поколѣніямъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что осталось, или платить наслѣдникамъ первыхъ собственниковъ извѣстное количество продукта за пользованіе лучшими, уже захваченными землями. Такъ объясняется происхожденіе поземельной ренты. Обѣ теоріи составлены въ рабочемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, за которымъ можно составить какіе угодно проэекты, выкладки, комбинаціи и доктрины. Обѣ теоріи носятъ на себѣ печать тѣхъ счастливыхъ временъ, когда можно было тасовать и раскладывать въ головѣ и на бумагѣ разныя мысли о природѣ и человѣкѣ, не обращая никакого вниманія ни на законы и явленія природы, ни на свидѣтельства исторіи и ежедневнаго опыта.

Въ подобныхъ выкладахъ, и человѣкъ, и природа являются только какъ отвлеченныя понятія и показываютъ изслѣдователю только ту, часто даже несуществующую сторону, которую ему угодно принимать въ соображеніе. Рикардо говоритъ, что первые поселенцы, *конечно*, выбрали лучшую землю. Тутъ, очевидно, берутся отвлеченные поселенцы и отвлеченная земля. Въ «лучшей землѣ» принимается въ соображеніе только та сторона, что она можетъ давать много хлѣба. Въ «первыхъ поселенцахъ» берется въ расчетъ только то свойство, что они имѣютъ глаза и могутъ сдѣлать выборъ. Но что лучшая земля, именно потому, что она лучшая, должна была непременно зарости лѣсомъ или покрыться лужами стоячей воды, объ этомъ Рикардо не думаетъ. Что первый поселенецъ, именно потому, что онъ первый, долженъ былъ располагать очень плохими орудіями и очень слабыми техническими свѣдѣніями, этого Рикардо также не соображаетъ. Между тѣмъ, мы видѣли, что именно эти непризнанныя свойства земли и человѣка вездѣ

мѣшали одинокому колонисту захватить тѣ участки, которые могли давать ему обильные урожаи. Мы видѣли также, на сколько историческіе факты находятся въ согласіи съ идеями Рикардо, который очевидно дошелъ до своихъ заключеній только потому, что соблазнился вѣшною логичностью своихъ кабинетныхъ соображеній. Оригинально также то обстоятельство, что существованіе поземельной ренты въ Англии, въ которой землевладѣльцы ведутъ свои права отъ норманскихъ завоевателей и феодальныхъ бароновъ, приводится въ связь съ какимъ-то идеальнымъ заселеніемъ земли.

Такіе логическіе и историческіе *salto mortale* неизбежны въ тѣхъ случаяхъ, когда писатель, насилуя свою совѣсть и закрывая глаза и уши, старается во что бы то ни стало, узаконить и оправдать некрасивыя явленія современной дѣйствительности. Гаданія Мальтуса о размноженіи людей вытекаютъ изъ того же мутнаго источника и, подобно разсужденіямъ Рикардо, не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго основанія. Такъ называемый мальтусовъ законъ много разъ подвергался разрушительной критикѣ мыслителей, имѣющихъ здравыя понятія объ условіяхъ народнаго благосостоянія. Года три тому назадъ, общая несостоятельность и отдѣльные промахи этой теоріи были доказаны очень основательно Чернышевскимъ, въ его примѣчаніяхъ и дополненіяхъ къ переводу политической экономіи Милля. Не желая повторять приводимыхъ тамъ аргументовъ, я обрисую здѣсь только мертвящій взглядъ Мальтуса и его послѣдователей на жизнь природы и на дѣятельность человека.

Земля и ея производительныя силы представляются Мальтусу сундукомъ, наполненнымъ деньгами: если, разсуждаетъ онъ, пять человекъ раздѣлять между собою эти деньги, то каждому достанется одна пятая; если десять человекъ раздѣлять ихъ, то каждому достанется вдвое меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ; если двадцать, — вчетверо меньше, и т. д. Изъ этого очевидно слѣдуетъ заключеніе, что чѣмъ меньше будетъ людей, предъявляющихъ свои притязанія на деньги, тѣмъ богаче будутъ тѣ, которые раздѣляютъ содержаніе сундука. Мальтусъ допускаетъ, правда, что производительныя силы земли могутъ увеличиваться, но и сумма денегъ можетъ увеличиться, если ее положить въ банкъ. Мальтусъ вычисляетъ возрастаніе въ количествѣ продуктовъ также опредѣлительно, какъ можно было бы высчитать проценты съ известнаго денежнаго капитала. Разумѣется, въ сочиненіяхъ Мальтуса не встрѣчается сравненія земли съ сундукомъ, но вездѣ выражается стремленіе смотрѣть на производительныя силы природы, какъ на мертвую массу, которую можно измѣрить футами и свѣсить фунтами. Въ человѣческомъ трудѣ онъ также видитъ механическое приложеніе мускульной силы и совершенно забываетъ дѣятельность мозга, постоянно одер-

живающую побѣды надъ физическою природою и постоянно открывающую въ ней новыя свойства.

Такой взглядъ въ отношеніи къ природѣ радикально невѣренъ, а въ отношеніи къ человѣку совершенно одностороненъ, и слѣдовательно, также несостоятеленъ. Вся жизнь природы на нашей планетѣ представляется мыслящему наблюдателю вѣчнымъ круговращеніемъ, неостанавливающимся ни на одну миллионную долю секунды. Въ это круговращеніе вовлечены и атмосфера, и вода, и минеральныя частицы, и всѣ организмы, отъ инфузоріи до кита, и отъ плѣсени до человѣка. Растенія составляютъ свои корни, стебли, листья, цвѣты и плоды изъ минеральныхъ частицъ и изъ углекислоты, поглощаемой ими изъ атмосфернаго воздуха. Эту углекислоту они разлагаютъ и, удерживая углеродъ, выбрасываютъ назадъ кислородъ, посредствомъ выдыханія. Кромѣ того, они поглощаютъ воду изъ почвы, а водяные пары изъ воздуха. Растенія служатъ посредствующимъ звѣномъ между газами атмосферы и минеральнымъ составомъ земной коры съ одной стороны, и травоядными животными организмами съ другой стороны. Травоядные животныя нуждаются въ пищѣ; для поддержанія жизни имъ необходимы именно тѣ элементы, которые заключаются частью въ атмосферномъ воздухѣ, частью въ минералахъ; крахмалъ и клейковина растительныхъ веществъ состоятъ преимущественно — первый изъ водорода, кислорода и углерода, вторая изъ тѣхъ же трехъ элементовъ съ прибавкою четвертаго, азота. Но травоядное животное можетъ питаться крахмаломъ и клейковиною, а четырьмя названными газами питаться не можетъ. Ему необходимо, чтобы составные элементы его пищи были приведены растеніемъ именно въ ту форму, въ какой они могутъ быть восприняты и усвоены его организмомъ. Работа, которую растеніе производитъ для травояднаго, совершается потомъ травояднымъ для плотояднаго. Растеніе питается газами и минералами, коза сѣждаетъ растеніе, козу сѣждаетъ волкъ; потомъ волкъ издыхаетъ и снова возвращаетъ землѣ всѣ составныя части, которыя были взяты имъ напрокатъ, и которыми тотчасъ же можетъ питаться новое растеніе. И волкъ, и коза, и прежнее растеніе при жизни своей постоянно отдавали въ общую экономію природы большую часть поглощаемой матеріи; растеніе постоянно выдѣляло кислородъ, а коза и волкъ выдыхали углекислоту; растеніе однолѣтнее, сѣденное въ цвѣтѣ лѣтъ козою, не могло непосредственно отдать землѣ своихъ твердыхъ составныхъ частей, но многолѣтнее растеніе каждый годъ роняетъ листья; коза и волкъ постоянно выдѣляли твердыя вещества въ испражненіяхъ и въ видѣ выпадающихъ волосъ. Все это опять попадало въ общій круговоротъ.

Человѣкъ, конечно, участвуетъ въ этомъ круговоротѣ такъ же невольно и такъ же бессознательно, какъ коза и волкъ; но этимъ роль

его не ограничивается. Онъ поглощаетъ и выдѣляетъ извѣстныя количества матеріи, но, кромѣ того, онъ еще сознательнымъ вмѣшательствомъ своимъ ускоряетъ и направляетъ нѣкоторыя струйки круговаго теченія. Такое вмѣшательство начинается на самыхъ низшихъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія. Человѣкъ разводитъ огонь, и уже это простѣйшее дѣйствіе ускоряетъ круговоротъ въ одномъ крошечномъ уголѣ нашей планеты. Дерево въ этомъ случаѣ быстро разлагается на свои составныя части; дымъ уносится вѣтромъ и вступаетъ тотчасъ же въ разныя комбинаціи, а зола остается на землѣ и втягивается также въ общее движеніе. Все это произошло бы и въ томъ случаѣ, если бы сожженные сучья спокойно сгнили отъ сыраго воздуха, но произошло бы гораздо медленнѣе, стало бы, вліяніе человѣка выразилось въ ускореніи движенія. Я считаю это специфическимъ вліяніемъ человѣка, потому что ближайшее къ человѣку животное, обезьяна, не умѣетъ не только развести, но даже поддержать огонь. Когда человѣкъ занимается скотоводствомъ и заботится о доставленіи корма своимъ коровамъ, онъ очевидно ускоряетъ круговращеніе, и самъ пользуется результатами этого ускоренія. Корова сама отыскивала себѣ пищу, но не такъ скоро, или не столько, сколько нужно, или не такого качества. Вмѣшательство человѣка производитъ здѣсь ускореніе круговращенія, которое выражается въ томъ, что корова жирѣетъ и даетъ больше молока. Но если бы корова зимою стала искать себѣ пищи, она бы не нашла ея; круговращеніе продолжалось бы своимъ чередомъ, значительная часть тканей коровы была бы вовлечена въ это вѣчное круговращеніе, и корова околѣла бы. Здѣсь уже вмѣшательство человѣка, доставляющаго коровѣ пищу, не только ускоряетъ, но и направляетъ струйку круговращенія такъ, какъ того требуютъ человѣческія выгоды и соображенія. Занимаясь земледѣліемъ, человѣкъ постоянно ускоряетъ круговращеніе; онъ старается на извѣстномъ пространствѣ земли собрать всѣ условія, содѣйствующія быстрому превращенію минеральныхъ частицъ и газовъ въ различныя части извѣстныхъ растений; для этого онъ проводитъ борозды по землѣ, кладетъ на эту землю разлагающіяся вещества, бросаетъ сѣмена, покрываетъ ихъ слоємъ земли и конечно всякій посторонній зритель отличить съ перваго взгляда ниву, обработанную и засѣянную человѣкомъ, отъ участка земли, на которомъ изъ случайно попавшихъ хлѣбныхъ зеренъ выросли кое-гдѣ колосья. Круговращеніе на обработанной нивѣ усилено и направлено сообразно съ выгодами человѣка, и человѣкъ пользуется плодами своего вмѣшательства.

Человѣкъ не можетъ прибавить ни одного атома къ массѣ существующей матеріи, но въ этомъ онъ и не нуждается. Для него важны формы, которыя принимаетъ на себя матерія, и комбинаціи,

въ которыя вступаютъ между собою простыя элементы, а создавать и разрушать формы и комбинаціи значить именно ускорять и направлять круговращеніе. На это у человѣка есть множество средствъ, и число этихъ средствъ постоянно увеличивается, потому что человѣкъ постоянно узнаетъ новыя свойства и тайны природы. Что же касается до сырого матеріала, изъ котораго человѣку приходится дѣлать необходимы ему комбинаціи, то количество его неизмѣримо велико. Однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ мы должны признать атмосферный воздухъ и плавающіе въ немъ газы; воздуха у насъ достаточно; надъ землею лежитъ слой атмосферы въ семьдесятъ верстъ толщиною; другой важный матеріалъ заключается въ различныхъ минералахъ, — тоже недостатка не предвидится; вся земная кора къ нашимъ услугамъ, а толщина этой коры, по мнѣнію однихъ геологовъ, заключаетъ въ себѣ *пятьдесятъ*, а по мнѣнію другихъ, *двести* миль; третій матеріалъ — вода; воды довольно: всѣ океаны, моря, рѣки, вмѣстѣ взятыя, могутъ покрыть всю сушу; если разравнять всѣ горы и долины материковъ, и побросать массы твердой земли въ самыя глубокія мѣста морей, такъ чтобы выравнялись всѣ неровности морскаго дна, то образуется на земномъ шарѣ сплошная масса воды въ 1,100 футовъ глубины.

Надо припомнить кромѣ того, что ни одна песчинка, ни одна капля воды, ни одинъ атомъ газа не пропадаетъ, не отрывается отъ земнаго шара, не улетучивается въ міровое пространство. Громадный капиталъ, изъ котораго не теряется ни одна полушка, конечно долженъ быть признанъ неистребимымъ капиталомъ. А пока существуютъ газы, минералы и вода, до тѣхъ поръ совершенно обезпечено существованіе растений, слѣдовательно и травояднымъ нечего бояться, слѣдовательно и плотоядные и человѣкъ не останутся въ накладѣ. На землѣ теперь существуетъ безчисленное множество растений, но ихъ число можетъ еще увеличиться безконечное число разъ, потому что на созиданіе растений пущена въ оборотъ только крайне незначительная часть всего капитала, состоящаго изъ совокупности всѣхъ газовъ, минераловъ и водъ. Растенія дѣйствительно завоевываютъ мало по малу такія мѣста, которыя прежде состояли изъ голаго камня. Процессъ такого завоеванія описанъ у Шлейдена въ его книгѣ «die Pflanze». На вершинѣ Брокена, на голѣмъ гранитѣ открыто микроскопическое растеніе, которое невооруженному глазу представляется въ видѣ тончайшихъ красноватыхъ пылинокъ; если потереть кусокъ гранита, поросшій милліонами растений, то они издають фіалковый запахъ; это растеніе питается исключительно дождевыми каплями, растворившимися въ себѣ аммоніакъ и углекислоту. Оно готовитъ почву для болѣе крупныхъ лишайевъ темнаго цвѣта, называемыхъ стигійскимъ и фолунскимъ; за лишайми идутъ мхи, потомъ дернъ, трава, можжевельникъ и наконецъ сосна. А подъ этими растеніями

гранитъ уже не тотъ, что былъ прежде; онъ разрыхляется, разлагается и втягивается мало по малу въ круговращеніе. Что на брокенскомъ гранитѣ дѣлаетъ сама природа, то дѣлаетъ на поляхъ своихъ человѣкъ, когда онъ взрываетъ плугомъ глубокіе слои почвы и втягиваетъ въ круговоротъ мергель, лежавшій мертвымъ капиталомъ подъ пескомъ, или известь, лежавшую такимъ же образомъ подъ глиною. Чѣмъ больше милліоновъ людей работаетъ плугомъ на поляхъ, тѣмъ большее количество мергеля и извести вовлекается въ круговое теченіе; чѣмъ больше десятковъ тысячъ людей работаетъ въ кузницахъ и на фабрикахъ, тѣмъ больше хорошихъ орудій и хорошей одежды получаютъ предъидущіе милліоны; чѣмъ больше сотенъ людей работаетъ въ химическихъ лабораторіяхъ, тѣмъ больше открывается новыхъ средствъ втягивать въ круговоротъ массы мертваго капитала. Не Либихъ, не Берцеліусъ, не Дэви, не Лавуазье создали химію; ее создали умственные и матеріальныя потребности массъ, реальное и практическое направленіе нашего времени; умные люди были и въ средніе вѣка, но они писали теологическіе трактаты или картины; это было очень похвально, но отъ этого не прибавилось на землѣ не одного зерна хлѣба. Когда населеніе разрослось, когда люди плотнѣе сдвинулись между собой, когда начался живой обмѣнъ мыслей, тогда массы почувствовали свои потребности и выдвинули впередъ своихъ гениальныхъ дѣтей, которые сдѣлались дѣтьми-работниками въ великой мастерской природы, а не праздными вздыхателями въ храмахъ науки и искусства. Такое движеніе не могло бы произойти безъ возрастанія народонаселенія. Только въ одномъ случаѣ, вмѣшательство человѣка ослабляетъ производительныя силы природы; это происходитъ тогда, когда человѣкъ вывозитъ сырые продукты земли на далекіе рынки и такимъ образомъ, постоянно отнимая у земли извѣстныя составныя части, не возвращаетъ ей взамѣнъ никакого удобренія. А такой образъ дѣйствій возможенъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало людей и гдѣ, вслѣдствіе этого, нѣтъ промышленнаго движенія. Если бы было много людей, явилась бы по необходимости предприимчивость, выросли бы фабрики, сырые продукты стали бы перерабатываться и поглащаться на мѣстѣ, остатки переработанныхъ продуктовъ давали бы богатое удобреніе, и почва, вмѣсто того, чтобы истощаться, постоянно становилась бы плодороднѣе.

Выходитъ, стало быть, какъ разъ противное тому, что утверждалъ Мальтусъ. Бѣдность происходитъ отъ малолюдства; если же бѣдность существуетъ иногда вмѣстѣ съ многолюдствомъ, то въ такомъ случаѣ надо искать причинъ бѣдности въ ненормальной организаціи труда, а никакъ не въ многолюдствѣ. Многолюдство есть обиліе силъ; если что нибудь мѣшаетъ приложенію этихъ силъ, то виновато конечно препятствіе, а не существованіе силъ. Историческіе факты доказываютъ

самымъ нагляднымъ образомъ, что люди вовсе не размножаются быстрѣе, чѣмъ предметы пищи. Во Франціи въ 1760 году было 21,000,000 жителей, и на каждаго человѣка по 450 литровъ различнаго хлѣба; въ 1840 году жителей было 34,000,000, а хлѣба приходилось на каждаго по 541 литру; да кромѣ того были введены въ употребленіе картофель и различные овощи, которые въ 1760 не были извѣстны въ народномъ хозяйствѣ; картофеля и овощей получалось въ 1840 году по 291 литру на человѣка; стало быть, всего питательнаго продукта добывалось на человѣка по 832 литра. Число жителей увеличилось только на 60 процентовъ, а количество пищи утроилось, такъ что Мальтусъ и его законъ на этотъ случай оказались непригодными. Надобно притомъ замѣтить, что Франція вовсе не похожа на образцовую ферму, и что ея земледѣліе чрезвычайно далеко даже отъ той степени совершенства, которая возможна при теперешнемъ состояніи агрономической науки, а агрономическая наука въ свою очередь далеко еще не воспользовалась всѣми указаніями и открытіями современной химіи, а химія опять-таки вовсе не находится въ законченномъ состояніи; множество вопросовъ рѣшается, множество стоитъ на очереди, и безчисленное множество вопросовъ еще не поставлено, потому что къ нимъ и подойти невозможно при теперешнихъ средствахъ науки. Слѣдовательно, въ настоящее время дѣлать какія нибудь выводы о производительныхъ силахъ природы и о будущихъ успѣхахъ человѣка значило бы только обнаруживать ту близорукость и заносчивость, которыя всегда свойственны самолюбивому невѣжеству.

Любопытно замѣтить въ заключеніе этой длинной главы, что шеола Мальтуса не отказывается отъ возможности прогресса. Послѣдователи Мальтуса полагаютъ, что люди должны только употреблять въ отношеніи къ себѣ моральное стѣсненіе (*moral restraint*) и воздерживаться отъ излишняго дѣторожденія. Рикардо думаетъ, что рабочіе должны получать такую плату, которая позволила бы имъ существовать, не размножаясь и не уменьшаясь. Милль, тотъ самый Джонъ Стюартъ Милль, котораго такъ уважаютъ всѣ наши разноцвѣтные публицисты, говоритъ, что многочисленное семейство пролетарія должно возбуждать въ насъ къ отцу этого семейства такое же отвращеніе и призрѣніе, какое возбудило бы безобразное пьянство. Ратуя за женщину и доказывая необходимость женскаго труда, Милль особенно напираетъ на то соображеніе, что трудъ въ значительной степени отвлечетъ женщину отъ дѣторожденія. Наконецъ, въ своей знаменитой книгѣ «о свободѣ» (*liberty*) Милль признаетъ за государствомъ право запрещать, по своему благоусмотрѣнію, браки между людьми необезпеченныхъ классовъ. Тутъ ужъ не знаешь, чѣмъ больше восхищаться, гуманностью ли, или дальновидностью подобной идеи. Я посмотрю на нее съ точки зрѣнія дальновид-

ности. Ну, прекрасно: государство запретило браки; тогда начинают рождаться дѣти внѣ брака у такихъ родителей, которымъ дѣтей имѣть не позволено; чтобы быть послѣдовательнымъ, государство назначаетъ за незаконныя рожденія уголовныя наказанія; тогда начинаются вытравленія зародышей и дѣтоубійства; государство казнить преступниковъ и преступницъ. Такъ или иначе задушевное желаніе Милля исполнено; возрастаніе населенія приостановлено. Кто потрусливѣе, тотъ воздержится посредствомъ «moral restraint», а кто построптивѣе, того объздаетъ палачъ. Казни будутъ происходить каждый день, но что за бѣда? Великая цѣль достигнута, и прогрессъ человѣчества обезпеченъ. Я удивляюсь только, какъ это Миллю не пришло въ голову подать государству слѣдующій мудрый совѣтъ: пусть государство само назначаетъ, сколько новорожденныхъ младенцевъ мужскаго пола могутъ современемъ пользоваться своими половыми способностями; затѣмъ, пусть остальные будутъ лишены этихъ антипрогрессивныхъ способностей. При теперешнемъ состояніи хирургіи, такое лишеніе можетъ быть совершено безъ малѣйшей опасности для жизни, и малютки выростутъ, сохраняя на всю жизнь превосходный сопрано, и не жалѣя о своей утратѣ. При такомъ образѣ дѣйствій государство всегда можетъ сохранить контроль надъ размноженіемъ людей, а лорды и капиталисты, въ пользу которыхъ конфискуются половыя способности пролетаріевъ, могутъ съ полною безпечною наслаждаться своими замками, виллами, парками, милліонами, законными сунругами и балетными танцовщицами.

VIII.

Одинокій поселенецъ находился на своемъ богатомъ островѣ въ положеній Гантала; деревья дѣвственнаго лѣса были усыпаны птицами, которыя могли доставить ему превосходное жаркое; изъ чащи выскакивали поминутно зайцы и дикія козы, отъ которыхъ не отказался бы самый разборчивый гастрономъ; въ прозрачной водѣ рѣки шевелились форели, леци, щуки и разныя другія очень аппетитныя рыбы. Задача состояла только въ томъ, чтобы взять въ руки всѣ эти летающія, бѣгающія и плавающія кушанья. Но именно въ руки-то они и не давались; Робинзону приходилось пробавляться дикими плодами, и съ сокрушеніемъ размышлять о прелестяхъ мясного и рыбнаго стола. Если ему удавалось, послѣ долгихъ попытокъ и разочарованій, убить мѣтко пущеннымъ камнемъ какогонибудь кролика, то конечно онъ очень дорожилъ своею добычею; онъ придавалъ ей тѣмъ болѣе цѣнности, чѣмъ

значительнѣе были побѣжденные имъ препятствія. Чтобы набрать себѣ плодовъ, Робинзону надобно было ходить по лѣсу и взлѣзать на деревья въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; чтобы убить камнемъ кролика, ему надо было ходить, осматривать, подкарауливать, прицѣливаться и промахиваться въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Понятно, что онъ дорожилъ убитымъ кроликомъ больше, чѣмъ нѣсколькими десятками банановъ или кокосовыхъ орѣховъ. Но Робинзонъ человѣкъ догадливый; онъ придумываетъ устроить себѣ лукъ, и опытъ убѣждаетъ его, что заостренныя деревянные стрѣлы летать дальше и достигаютъ цѣли вѣрнѣе, чѣмъ камень, брошенный рукой. Кролики и птицы начинаютъ дѣлаться его добычею чаще, чѣмъ прежде; добываніе животной пищи значительно облегчено, между тѣмъ какъ за бананами и за кокосовыми орѣхами по прежнему приходится бродить по лѣсу и взлѣзать на деревья въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Въ прейскурантѣ Робинзона совершается пероворотъ: кролики, сравнительно съ плодами, дешевѣютъ, а плоды, сравнительно съ кроликами, становятся дороже. Когда Робинзонъ дѣйствовалъ камнемъ, онъ готовъ былъ дать за кролика сорокъ штукъ плодовъ; теперь, владѣя лукомъ, онъ уже не дастъ больше тридцати. Но у него родилось неистовое желаніе отвѣдать рыбы; за хорошаго леща онъ съ удовольствіемъ далъ бы двѣ пары кроликовъ или сто-двадцать штукъ плодовъ; изобрѣтательность опять выручаетъ его изъ затрудненія; заостренная кость, тонкая жила и деревянная палка образуютъ первобытную удочку; является рыба, и колонистъ нашъ скоро замѣчаетъ, что поймать рыбу вовсе не такъ трудно, какъ ему казалось; цѣнность рыбы понижается, хороший лещъ уравнивается въ правахъ съ кроликомъ, а потомъ, когда устройство удочки совершенствуется, то лещъ даже ставится ниже кролика. Но всѣ эти передвиженія на прейсъ-куронтѣ Робинзона клонятся къ постоянному возвышенію одной цѣнности, съ которою Робинзонъ сознательно или бессознательно сравниваетъ всѣ блага и удобства своей одинокой жизни. Это—цѣнность человѣческаго труда. Съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ или улучшеніемъ трудъ Робинзона становится болѣе производительнымъ. Вооруженный лукомъ и удочкой, Робинзонъ въ одинъ день застрѣлитъ больше дичи и наловитъ больше рыбы, чѣмъ онъ прежде могъ бы застрѣлить или наловить въ недѣлю. Дичь и рыба подешевѣли, а трудъ вздорожалъ.

Такъ и должно быть. Всякая новая машина, всякое новое приложение къ дѣлу двигательныхъ силъ природы должны возвышать цѣнность человѣческаго труда, т. е., дѣлать его болѣе производительнымъ, и слѣдовательно, улучшать матеріальное и всякое другое положеніе трудящагося человѣка. Если въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ, если машины часто отбиваютъ у работника хлѣбъ, или увеличиваютъ его порабощеніе; то въ этомъ конечно не слѣдуетъ винить изобрѣтеніе.

Изобрѣтеніе само по себѣ хорошо; нехорошо то, что горсть людей конфискуетъ это изобрѣтеніе въ свою пользу и превращаетъ его въ оружіе для той глухой, постоянной войны, которая ведется въ обществѣ между почивающимъ на лаврахъ капиталистомъ и надрывающимся отъ работы пролетаріемъ. Эта конфискація и эта война составляютъ, разумѣется, болѣзненные уклоненія отъ чистой природы труда, и поэтому разсмотрѣніе и оцѣнка этихъ явленій не относится покуда къ нашему предмету. Робинзонъ на своемъ островѣ ни съ кѣмъ не ведетъ войны и ни отъ кого не терпитъ обиды. Цѣнность его труда постоянно увеличивается, а цѣнность продуктовъ и составленныхъ запасовъ также постоянно уменьшается. Первый лукъ стоилъ Робинзону много труда; трудно было убить кролика; слѣдовательно, трудно было достать ту жилку, изъ которой надо было сдѣлать тетиву; когда первый лукъ устроенъ, то стрѣляніе кроликовъ стало легче, стало быть, и добываніе жилъ облегчилось; второй лукъ стоилъ меньше труда, чѣмъ первый, слѣдовательно и первый лукъ понизился въ цѣнѣ, если только Робинзонъ не дорожилъ имъ, какъ историческою реликвіею.

Такъ точно бываетъ и въ дѣйствительной жизни. Каменный уголь облегчаетъ добываніе желѣза и понижаетъ его цѣнность; увеличившееся количество подешевѣвшихъ желѣзныхъ орудій облегчаетъ добываніе каменнаго угля, и слѣдовательно, также понижаетъ цѣнность послѣдняго. Оказывается, что каменный уголь самъ понизилъ свою цѣнность, точно также какъ первый лукъ Робинзона самъ себя понизилъ въ цѣнѣ. При всѣхъ этихъ пониженіяхъ возвышается цѣнность человѣческаго труда и увеличивается могущество человѣка надъ окружающею природою. Цѣнность предмета опредѣляется такимъ образомъ не тѣмъ количествомъ труда, которое было употреблено на его произведеніе, а тѣмъ, которое необходимо употребить для его воспроизведенія. Если вы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ купили штуку сукна, то какъ бы она хорошо ни сохранилась, вы никакъ не получите за нее тѣхъ денегъ, которыя вы заплатили сами. Въ фабрикаціи сукна произведено много усовершенствованій, понизившихъ цѣну этого продукта, и вы, въ самомъ лучшемъ случаѣ, можете получить за вашу товаръ только ту цѣну, по которой продается теперь сукно того же достоинства. Капиталь Робинзона, состоящій въ его удочкѣ, въ лукѣ, челнокѣ, топорѣ, хижинѣ и разной грубой утвари, постоянно понижается въ цѣнѣ, но Робинзонъ отъ этого не бѣднѣетъ, потому что онъ трудится, потому что трудъ его становится производительнѣе, и потому что именно успѣшность и производительность его труда ведетъ за собою техническія улучшенія, понижающія цѣнность всѣхъ прежнихъ накопленій. Лукъ, требовавшій цѣлыхъ сутокъ работы, можетъ быть сдѣланъ въ два часа; челнокъ, который прежде надо было долбить полгода, можетъ быть сдѣланъ въ два мѣ-

сяца; хижина, которую надо было городить цѣлый годъ, можетъ быть выстроена въ четыре мѣсяца.

Всѣ эти перемѣны очевидно выгодны и пріятны для Робинзона; онъ выросъ, онъ сталъ сильнѣе, онъ покорилъ себѣ до нѣкоторой степени природу, и потому его прежніе подвиги кажутся ему незначительными и легкими, точно также какъ взрослому человѣку кажутся чрезвычайно простыми тѣ самыя арифметическія задачи, которыя приводили его въ отчаяніе въ дѣтствѣ. Но положимъ, что у Робинзона есть сосѣдъ, у котораго былъ челнокъ въ то время, когда у Робинзона челнока не было; сосѣдъ позволяетъ Робинзону пользоваться челнокомъ и требуетъ въ замѣнъ три четверти того количества рыбы, которое будетъ поймано при помощи челнока. Робинзонъ по необходимости соглашается и выполняетъ заключенное условіе, а сосѣдъ между тѣмъ предается сладостному *far niente* и питается трудами дѣятельнаго рыболова. Но Робинзонъ, съ свойственною ему смѣтливостью, находитъ возможность кое-какъ выдолбить полусгнившее бревно; этотъ новый челнокъ плохъ, но на водѣ держится; на немъ ѣздить очень неудобно, но Робинзонъ предпочитаетъ пользоваться плохимъ челнокомъ, чѣмъ платить за прокатъ хорошаго три четверти своей добычи. Сосѣду приходится или сбавить цѣну, или разстаться съ любезнымъ бездѣйствіемъ. Сосѣдъ выбираетъ первое, и Робинзонъ платитъ за челнокъ уже не три четверти, а половину улова. Затѣмъ слѣдуетъ новое ухищреніе Робинзона, и новая уступка со стороны сосѣда. Наконецъ Робинзону удается сдѣлать точъ въ точъ такой челнокъ, какой есть у сосѣда; тогда Робинзонъ привозитъ обратно челнокъ, взятый напрокатъ и дружелюбно раскланивается съ своимъ сосѣдомъ, которому поневолѣ приходится отъ «безпечальнаго созерцанія» перейти къ презрѣннымъ заботамъ дѣйствительности. Капиталъ, дававшій ему доходъ, растаялъ у него въ рукахъ. Каждое изобрѣтеніе Робинзона, уменьшавшее крѣпостную зависимость послѣдняго, было тяжелымъ ударомъ для благосостоянія празднаго обладателя челнока.

Тотъ фактъ, который представленъ здѣсь въ простѣйшемъ видѣ, повторяется въ дѣйствительной жизни въ самыхъ большихъ размѣрахъ и съ самыми разнообразными усложненіями. Трудъ постоянно стремится выбиться изъ-подъ контроля и господства капитала въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ человѣческій умъ не находится въ бездѣйствіи. Рабочая плата постоянно растетъ, не смотря на всѣ усилія капиталистовъ держать ее на самомъ низкомъ уровнѣ. Въ XIV столѣтіи работникъ получалъ въ недѣлю 7½ пенсовъ (около 11 копѣекъ), а теперь онъ зарабатываетъ въ тотъ же срокъ отъ 12 до 15 шиллинговъ (отъ 3 р. 60 к. сер. до 4 р. 50 к. с.). Драгоценныя металлы, сравнительно съ трудомъ, подешевѣли такимъ образомъ въ 30—40 разъ, и могущество обладателя денегъ надъ пролетаріемъ уменьшилось въ значительной степени.

Въ XIV столѣтїи, когда работникъ получалъ по 11 копѣекъ въ недѣлю, обладатель одного фунта серебра могъ за пользованіе этимъ количествомъ металла брать съ своего должника очень большіе проценты, потому что прїобрѣсти фунтъ серебра въ собственность можно было только полуторагодовымъ трудомъ; теперь никто не дастъ въ Англіи такихъ процентовъ, потому что фунтъ серебра зарабатывается въ двѣ недѣли съ небольшимъ. Въ настоящее время проценты очень высоки въ самыхъ бѣдныхъ и чисто земледѣльческихъ странахъ, въ которыхъ трудъ дешевъ и работникъ находится въ положенїи вѣчнаго животнога; помѣръ того, какъ мы переходимъ въ тѣ земли, въ которыхъ существуютъ разнообразныя приложенія человѣческаго труда, мы замѣчаемъ, что трудъ становится дороже, человѣкъ самостоятельнѣе, возможность накопленія значительнѣе, капиталы всякаго рода обильнѣе, и слѣдовательно, проценты ниже. Трудящееся большинство выигрываетъ отъ каждаго уменьшенія въ могуществовѣ капитала, и теряютъ только тѣ паразиты, которые, живя процентами, поглощаютъ произведенія чужого труда. Эти люди всегда хлопочуть о томъ, чтобы поработить трудъ, и потому о ихъ волненїяхъ и неудачахъ здравомыслящему человѣку сокрушаться не слѣдуетъ.

IX.

Оставляя въ сторонѣ Робинзона и его островъ, читатель можетъ въ собственномъ своемъ кабинетѣ, не вставая съ мѣста, отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, съ какими предметами онъ связываетъ идею цѣнности. Онъ увидитъ прежде всего, что онъ окруженъ атмосфернымъ воздухомъ, который для него необходимъ и которому онъ однако не придаетъ никакой цѣнности. Днемъ онъ не придаетъ никакой цѣнности солнечному свѣту, который однако чрезвычайно важенъ, какъ для здоровья читателя, такъ и для его занятій. Лѣтомъ теплота кабинета также не имѣетъ никакой цѣнности. Но освѣщеніе комнаты посредствомъ свѣчей, лампъ или газа имѣетъ цѣнность; отопленіе комнаты посредствомъ дровъ или каменнаго угля также имѣетъ свою очень опредѣленную цѣнность, а между тѣмъ искусственное освѣщеніе хуже солнечнаго свѣта, и натопленная комната составляетъ плохую замѣну теплаго лѣтняго воздуха.

Читатель пойметъ безъ труда, почему онъ придаетъ цѣнность искусственному освѣщенію и отопленію и не придаетъ никакой цѣнности воздуху, солнечному свѣту и лѣтней теплотѣ. Потому, отвѣтитъ онъ

самъ себѣ, что воздухъ, свѣтъ и теплота доставляются природою въ неограниченномъ количествѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ мы ими пользуемся, и на то самое мѣсто, на которомъ мы въ нихъ нуждаемся. Если бы воздухъ не проникалъ въ какой нибудь тоннель, то его надо было бы накачивать туда, и тогда за трудъ накачиванія пришлось бы платить, и воздухъ получилъ бы цѣнность. Если солнечный свѣтъ не проникаетъ въ глубокую шахту, то въ ней приходится работать съ фонарями, и тогда свѣтъ даже во время дня имѣетъ цѣнность. Въ монастырѣ св. Бернарда, на высотѣ 14 т. фузовъ, приходится топить каминъ круглый годъ, потому что природа даже во время лѣта не доставляетъ туда достаточнаго количества теплоты. Тамъ теплота всегда имѣетъ цѣнность. Разсудивъ такимъ образомъ, читатель рѣшитъ немедленно, что онъ придаетъ цѣнность дровамъ и свѣчамъ потому, что ихъ приготовленіе и доставленіе на мѣсто стоитъ труда. Природа даетъ даромъ деревья и торфъ, изъ котораго дѣлаются парафиновыя свѣчи; но дерево надо срубить, а торфъ надо добыть; потомъ срубленное дерево надо разрубить на мелкія части, а надъ торфомъ надо произвести разныя химическія и механическія операціи. Наконецъ, готовые дрова и готовые свѣчи надо перевести на мѣсто потребленія. На перемѣну формы и на перемѣщеніе употребленъ человѣческой трудъ: за этотъ самый трудъ и придается извѣстному предмету его цѣнность. Но необходимое количество человѣческаго труда измѣняется, и это измѣненіе выражается въ измѣненіи цѣнности. Читатель сидитъ на креслѣ, передъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежатъ книги и письменныя принадлежности. Чернила, стальныя перья и бумага куплены недѣлю тому назадъ; съ тѣхъ поръ въ фабрикаціи этихъ предметовъ не могло произойти усовершенствованій, и новый комплектъ этихъ вещей стоилъ бы такого же количества труда, и слѣдовательно такой же суммы денегъ, какаѣ заплачена за вещи моего читателя. Но мебель куплена лѣтъ десять тому назадъ; съ тѣхъ поръ столярное производство облегчилось и улучшилось введеніемъ новыхъ приемовъ и инструментовъ; цѣнность кресла и письменнаго стола понизилась, потому что теперь можно сработать такія же вещи съ меньшею тратою труда и времени; можетъ быть, въ денежномъ отношеніи кресла и письменныя столы не подешевѣли, можетъ быть, они даже вздорожали, но цѣнность предметовъ должна измѣряться не деньгами, а трудомъ; если десять лѣтъ тому назадъ письменный столъ дѣлался однимъ работникомъ въ продолженіи десяти дней, и если теперь также одинъ работникъ можетъ сдѣлать такой же столъ въ восемь дней, то цѣнность стола понизилась. Но если десять лѣтъ тому назадъ работникъ получалъ въ день 70 к. с., а теперь получаетъ 90 к. сер.; то столъ, сработанный десять лѣтъ тому назадъ, стоилъ 7 р. сер., а

столю такого же достоинства теперь будетъ стоить 7 р. 20 к. с. Это значить, что трудъ возвысился въ цѣнѣ, какъ сравнительно съ столами, такъ и сравнительно съ деньгами, т. е. съ драгоценными металлами; при этомъ цѣнность послѣднихъ понизилась сильнѣе, чѣмъ цѣнность первыхъ.

Если читатель, сидящій за своимъ письменнымъ столомъ, самъ чело-
вѣкъ трудящійся, то для него такая переменна выгодна и пріятна. Онъ платитъ дороже прежняго столяру, портному и сапожнику, но за то и самъ получаетъ за свой трудъ большее количество денегъ и удобствъ. Если же мой читатель живетъ процентами съ капитала, тогда конечно возрастающія претензіи всякой чернорабочей сволочи должны казаться ему глубоко безнравственными; но въ этомъ случаѣ онъ самъ виноватъ; вольно же ему полагаться на мертвую кучу денегъ, вмѣсто того, чтобы искать себѣ опоры въ живыхъ силахъ собственныхъ мускуловъ и собственнаго мозга. Разсматривая свои книги, читатель замѣчаетъ, что каждая изъ нихъ представляетъ сумму нѣсколькихъ сложныхъ операций. Прежде всего онъ видитъ умственный трудъ автора, затѣмъ передъ нимъ рисуются фабрикаціи бумаги, добычаніе металла, изъ котораго отливается шрифтъ, отливка шрифта, работа наборщиковъ, отпечатаніе набранныхъ полосъ, корректура, брошюрованіе листовъ и переплетная работа. Облегченіе какойнибудь одной изъ этихъ операций отражается на цѣнности книги. Чѣмъ больше операций и чѣмъ онѣ сложнѣе, тѣмъ больше основанийъ предполагать, что общая цѣнность продукта должна быстро понижаться, потому что тѣмъ больше есть шансовъ для отдѣльныхъ техническихъ усовершенствованій. Химіеъ открываетъ такой составъ, которымъ удешевляется бѣленіе бумаги; цѣнность бумаги понижается, и вмѣстѣ съ этимъ понижается цѣнность книги. Желѣзная дорога уменьшаетъ издержки на перевозку тряпокъ, идущихъ на фабрикацію бумаги—опять пониженіе. Примѣненіе пара къ выдѣлкѣ бумаги даетъ фабриканту возможность производить стопы бумаги въ то время, въ которое прежде онъ производилъ только дести. Паръ примѣняется къ отливанію шрифта; паръ приводитъ въ движеніе скоропечатную машину и отискиваетъ тысячи листовъ въ часъ, между тѣмъ какъ машина, приводившаяся въ дѣйствіе руками, отискивала въ часъ только сотни листовъ. Читатель можетъ себѣ представить, какъ совокупность такихъ колоссальныхъ усовершенствованій должна отразиться на цѣнности окончательнаго продукта, т. е. книги. Экземпляръ сочиненій Шекспира или Мильтона, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, изображалъ собою недѣлю человѣческаго труда, а теперь онъ можетъ быть воспроизведенъ работою одного дня.

Читатель встрѣчаетъ здѣсь имена англійскихъ писателей потому, что Англіи и Америкѣ принадлежитъ пальма первенства въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій всякаго рода. Если читатель перенесетъ

вопросъ на русскую почву, то онъ конечно увидитъ, что мы ничего не усовершенствовали самостоятельно, даже мало переняли у передовыхъ народовъ; слѣдовательно, цѣнность русскихъ книгъ въ послѣднее полу столѣтіе понизилась не такъ значительно.

Изъ всѣхъ размышлений, предпринятыхъ читателемъ въ его кабинетѣ, онъ можетъ вывести то плодотворное заключеніе, что цѣнность каждаго изъ окружающихъ его предметовъ равняется тому количеству труда, которое необходимо для его воспроизведенія. Это необходимое количество труда уменьшается съ каждымъ усовершенствованіемъ въ производствѣ, и слѣдовательно цѣнность всѣхъ продуктовъ стремится къ постоянному пониженію, которое совершается быстро или медленно, смотря по тому, быстро или медленно совершенствуются различныя отрасли производительнаго труда. Читатель увидитъ, что результаты, добытые имъ въ кабинетѣ, остаются въ полной силѣ, какъ бы мы ни расширяли поле нашего изслѣдованія и въ какихъ бы сложныхъ комбинаціяхъ ни представлялся намъ вопросъ о цѣнности различныхъ угодій и предметовъ. Цѣнность обработанной земли подчиняется тому же общему закону. Земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности, точно также какъ воздухъ, солнечный свѣтъ, теплота, электричество, вѣтеръ и всякія другія силы природы. Если бы кому нибудь принадлежали милліоны десятинъ земли въ скалистыхъ горахъ Сѣверной Америки, въ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи, или въ пустынныхъ равнинахъ нашей Сибири, то этотъ счастливый собственникъ не могъ бы получить съ своей земли ни копейки дохода. Между тѣмъ въ Англіи или во Франціи, каждый квадратный аршинъ земли имѣетъ свою цѣнность и можетъ приносить доходъ, не смотря на то, что по качеству англійская или французская земля гораздо хуже бразильской. Вся разница между Англіею и Бразиліею заключается въ томъ, что въ Англіи съ незапамятныхъ временъ потрачено многими десятками поколѣній неизмѣримое количество труда, и что весь этотъ трудъ положенъ въ землю, какъ въ огромную сберегательную кассу. Трудъ челоѣка вырубилъ лѣса, осушилъ болота, насыпалъ плотины, провелъ дороги, основалъ деревни и города, построилъ школы, больницы, запасные магазины, превратилъ деревья въ корабли и сдѣлалъ тысячи другихъ операций, вслѣдствіе к торыхъ дикая пустыня сдѣлалась жилищемъ многочисленнаго и дѣятельнаго народа. Если бы вдругъ можно было отнять отъ Англіи всю массу потраченнаго на нее челоѣческаго труда, если бы въ одно мгновеніе ее можно было превратить въ Англію доисторическихъ временъ, то навѣрное девять десятыхъ ея жителей погибли бы въ самомъ непродолжительномъ времени, а оставшая десятая часть съ ужасомъ бѣжала бы на континентъ. Англія опустѣла бы, и земля тотчасъ же потеряла бы всякую цѣнность; тотчасъ началась бы конечно новая колонизація

*

изъ Франціи и Германіи, и земля быстро стала бы приобрѣтать цѣнность, благодаря тому обстоятельству, что много человѣческаго труда потрачено на земли лежащія недалеко отъ Англій, и что населенность этихъ земель и промышленная дѣятельность народовъ чрезвычайно облегчаютъ трудъ разработки и разчистки новой почвы.

Населенность земель и промышленная дѣятельность народовъ нашего времени составляетъ также прямое слѣдствіе того огромнаго количества, труда, которое было положено въ землю всѣми предъидущими поколѣніями. Земля не могла бы быть густо населена, если бы трудъ чело-вѣка не сдѣлалъ ее предварительно обитаемою; а если бы на извѣстномъ пространствѣ земли не сосредоточилось значительное число людей, то никогда не могла бы развиться промышленность. Грубый трудъ полудикаго пахаря лежитъ въ основаніи всѣхъ чудесъ европейской цивилизаціи. Этотъ же самый трудъ, котораго значительная доля скрывается въ доисторической древности, составляетъ единственную причину цѣнности земли. Богатый и могущественный землевладѣлецъ Англій является прямымъ и, по мнѣнію юристовъ, законнымъ наслѣдникомъ вооруженнаго варвара, пришедшаго въ мирную землю и конфисковавшаго въ свою пользу личный трудъ англо-саксовъ и трудъ многихъ вѣковъ, составлявшихъ наслѣдственное достояніе беззащитныхъ поселянъ. Вооруженный варваръ, или иначе, рыцарь и баронъ, отнялъ у поселянъ трудовое наслѣдіе предковъ и личную свободу; онъ былъ въ одно и то же время похитителемъ собственности и рабовладѣльцемъ. Теперешній англійскій перъ, филантропъ и аболиціонистъ, обязанъ всѣмъ своимъ богатствомъ и могуществомъ тѣмъ самымъ поступкамъ своего славнаго предка, которые онъ, перъ, съ добродѣтельнымъ ужасомъ назвалъ бы позорными преступленіями.

Часто повторявшіеся историческіе опыты доказываютъ неопровержимымъ образомъ, что колоссальное територіальное богатство можетъ быть основано только на похищеніи чужого труда и на порабощеніи работника. Въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ было много примѣровъ, что люди богатые и вліятельные получали въ подарокъ или за ничтожную сумму огромныя пространства земли въ нынѣшнихъ американскихъ штатахъ. Они дѣятельно принимались за разработку земель, нанимали поселенцевъ, тратили много денегъ, хлопотали сами, и въ результатъ оказывалось, что они раззорялись въ конецъ. Такой случай произошелъ съ Вильямомъ Пенномъ, съ герцогомъ іоркскимъ, съ Робертомъ Моррисомъ, и съ голландскою поземельною компаніею. Наемный трудъ чрезвычайно дорогъ въ обработкѣ новой земли, а рабскій трудъ особенно убыточенъ потому, что невольники мрутъ въ большемъ количествѣ отъ работъ въ лѣсахъ и болотахъ. Для заселенія новой земли не годится ни наемный работникъ, ни рабъ; только вольный колонистъ, предприимчивый и само-

стоятельный, трудящийся для себя, завоевывающий новую землю для своего семейства и потомства, имѣющей полную возможность идти направо или налево, не спрашиваясь ни у кого и не давая никому отчета, — только такой колонистъ можетъ положить прочное основаніе будущему богатству и цвѣтущему поселенію. Такіе колонисты въ древности заселили и начали обрабатывать Англію; а потомки этихъ колонистовъ были обобраны и порабощены предками нынѣшнихъ перовъ, точно также какъ русскіе были порабощены татарами Батия, которымъ они впродолженіи двухъ столѣтій платили дань.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что не захватъ земли, а захватъ человѣческаго труда составляетъ богатство современной плутократіи. Вся цѣнность земли, какъ и всякой другой вещи, заключается только въ трудѣ человѣка.

Х.

Трудъ есть борьба человѣка съ природою; въ борьбѣ «то сей, то оный на бокъ гнется;» когда побѣждаетъ природа, мы называемъ трудъ неудачнымъ; когда побѣждаетъ человѣкъ, мы говоримъ, что трудъ удаченъ; побѣды бывають болѣе или менѣе полныя и, сообразно съ этимъ, трудъ бывають совершенно или несовершенно удачнымъ. На одну совершенную удачу обыкновенно приходится нѣсколько несовершенныхъ удачъ и нѣсколько совершенныхъ неудачъ. Такъ какъ совершенная удача случается сравнительно рѣдко, то мы говоримъ, что для достиженія такой удачи надо преодолѣть сильное сопротивленіе природы.

Конечно всѣ эти выраженія: «борьба съ природою,» «сопротивленіе природы,» при блажайшемъ разсмотрѣнн, оказываются простыми метафорами. Природа вовсе не борется съ нами и не старается злоумышленнымъ сопротивленіемъ разрушить наши замыслы и повредить нашимъ интересамъ. Наши неудачи или неполныя удачи просто происходятъ отъ нашего неумѣнья и неполнаго знанія причинъ и слѣдствій; но отчего бы онѣ не происходили, онѣ несомнѣнно существуютъ и оказываютъ свое вліяніе на цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ. Стекольщикъ кладетъ въ горнъ большое количество сырого матеріала, который долженъ превратиться въ листовое стекло; послѣ окончанія разныхъ операций, нѣсколько десятковъ листовъ оказываются готовыми. Матеріалъ для всѣхъ листовъ былъ одинъ, работники тоже одинъ, количество работы одинаковое, между тѣмъ четыре листа вышли совершенно гладкіе, одинадцать листовъ съ едва замѣтными неровностями,

десятка три — съ порядочными крапинами, а остальной листъ — весь въ пузыряхъ, такъ что никуда не годится. Это произошло, разумѣется, оттого, что для первыхъ листовъ случайно стеклись такіа благоприятныя обстоятельства, которыя работникъ, по недостатку умѣнья, не могъ обратить въ общее правило для всего количества продукта. Поэтому онъ сортируетъ изготовленные листы, и цѣнность первого сорта считается выше второго, который въ свою очередь цѣнится выше третьяго и т. д.

Различіе въ цѣностяхъ происходитъ отъ различія въ сопротивленіи природы. Стекло первого сорта можетъ образоваться при исключительно благоприятныхъ условіяхъ, которыя встрѣчаются рѣдко, и оттого это стекло дорого; чтобы приготовить одинъ такой листъ, надо испортить на неудачныя попытки больше десятка. Конный заводчикъ воспитываетъ съ одинаковымъ стараніемъ сотню жеребятъ, но изъ этой сотни, можетъ быть, сформируется только два замѣчательные скакуна, потомъ штукъ пятнадцать отличныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, потомъ штукъ тридцать порядочныхъ лошадей, а затѣмъ остальные окажутся дрянью. Причины тѣ же самыя, какія мы видѣли въ фабрикаціи стекла, — именно, неполное знаніе естественныхъ свойствъ предмета, и слѣдовательно, неполное умѣнье пользоваться благоприятными условіями и устранять разстроивающія вліянія. Цѣна различнымъ лошадямъ будетъ конечно чрезвычайно различная. Замѣчательный скакунъ долженъ будетъ по возможности наверстывать трудъ, потраченный на него самого и на менѣе удачныя экземпляры, представляющіе собою неосуществившіяся стремленія заводчика. Тамберликъ получаетъ за свой зимній сезонъ въ Петербургѣ такую значительную сумму денегъ, что каждая арія его можетъ быть разсчитана на рубли и копѣйки положимъ, что какой нибудь прожекторъ вздумалъ сформировать новаго Тамберлика съ тѣмъ, чтобы онъ пѣлъ въ его пользу. Такое предпріятіе имѣетъ какіе нибудь шансы успѣха только въ томъ случаѣ, если предпримчивый оригиналъ займется физическимъ и музыкальнымъ воспитаніемъ цѣлыхъ сотенъ или тысячъ дѣтей, подающихъ надежды. Нѣкоторые изъ этихъ дѣтей умрутъ, другія потеряютъ голосъ, третьи окажутся лишенными слуха, четвертыя обнаружатъ непроходимую тупость, большая часть сдѣлаются хорошими людьми, но плохими пѣвцами. Наконецъ, если и выдрессируется новый Тамберликъ, то онъ навѣрное не окупитъ издержекъ и трудовъ, убитыхъ на его воспитаніе и на неудавшіяся попытки. Тогда предпримчивый воспитатель увидитъ, что Тамберликъ цѣнится такъ дорого потому, что надо побѣдить множество препятствій, прежде нежели можно будетъ воспроизвести другой подобный голосъ. А препятствія все-таки состоятъ въ незнаніи тѣхъ физиологическихъ, гигиеническихъ, климатическихъ и всякихъ другихъ данныхъ, которыхъ сово-

купность необходима для образованія превосходной музыкальной организаціи.

Мы до сихъ поръ ходимъ ощупью во всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности; все, что выходитъ у насъ хорошаго, принимается нами, какъ подарокъ судьбы, какъ счастливая случайность, какъ исключеніе, стоящее рядомъ съ сотнею уродливостей, которыя считаются нами за настоящее правило. Поэтому первый сортъ вездѣ дорогъ, и на стеклянной фабрикѣ, и на конномъ заводѣ, и въ музыкальной школѣ. Это доказываетъ намъ, что полное знаніе природы, полное могущество надъ нею, и слѣдовательно, полное счастье человѣка лежитъ еще далеко впереди насъ, но это вовсе не доказываетъ того, чтобы знаніе наше имѣло передъ собою неодолимыя преграды, и чтобы въ природѣ заключались такія тайны, которыя навсегда останутся недоступными пылливому уму человѣка. Въ наше время никто не удивился бы такому усовершенствованію въ фабрикаціи стекла, вслѣдствіе котораго весь сырой матеріалъ, положенный въ горнъ, сталъ бы превращаться въ стекло перваго сорта. Даже значительное усовершенствованіе въ коннозаводствѣ, дающее возможность удвоить или утроить число ежегодно формирующихся превосходныхъ скакуновъ или ломовиковъ, не показалось бы намъ невѣроятнымъ, не смотря на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ органическою жизнью въ одномъ изъ самыхъ сложныхъ ея проявленій. Если бы мы могли по произволу улучшать складъ нашихъ домашнихъ животныхъ, если бы посредствомъ тщательнаго ухода и измѣненныхъ условій питанія мы могли сообщить простому русскому жеребенку превосходныя качества арабской лошади, то мы конечно очень близко подошли бы къ той чрезвычайно важной задачѣ, чтобы путемъ различныхъ физическихъ вліяній сообщать развивающемуся человѣческому организму во можно большее количество мускульной и мозговой силы. Уже Платонъ мечталъ о средствахъ производить великихъ людей; для его времени такая цѣль была совершенно фантастична, потому что не была намѣчена даже та дорога, которая можетъ къ ней привести; въ наше время эта цѣль все еще остается недостижимою, но мы знаемъ уже тотъ путь изслѣдованія, который навѣрное, рано или поздно, приведетъ къ рѣшенію самыхъ сложныхъ вопросовъ органической жизни.

Къ сожалѣнію, между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ приложеніемъ лежитъ до сихъ поръ, на всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности, глубокая и широкая бездна. Теоретическая гигиена давно твердитъ людямъ, что для ихъ организма необходимы чистый воздухъ, свѣтъ, теплота, свѣжая и обильная пища, а между тѣмъ всѣ эти совѣты гигиены звучатъ горькою насмѣшкою для каждаго, кто сколько нибудь знакомъ съ бытовыми условіями огромнаго большинства. Большіе города, грязные переулки и дворы, темнота, сырость, голодъ, холодъ,

разлагающаяся пища, гниющая вода — все это существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ и нимало не смущается предписаніями гигиенической науки. Къ довершенію нелѣпости, находятся люди, которые всѣ эти явленія оправдываютъ, какъ неизбѣжныя слѣдствія неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ. «Вольно жъ имъ плодиться, какъ свиньямъ, говоритъ мальтузіанецъ Милль: — они сами виноваты, и намъ, людямъ приличнымъ, не слѣдуетъ становиться между прегрѣшеніемъ и наказаніемъ.»

Весь историческій ходъ событій, породившій такое повсемѣстное практическое порицаніе гигиены, представляется каждому мыслящему человѣку обиднымъ и безконечно долгимъ недоразумѣніемъ, перевѣшивающимъ въ значительной степени то благодѣтельное вліяніе, которое должны были бы оказать на судьбу нашей породы великія открытія естествознанія. Можно было бы глядя на продолжающіяся историческія недоразумѣнія, усумниться въ силѣ этихъ открытій, усумниться въ ихъ приложимости къ вседневной жизни всѣхъ людей, можно было бы принять эти открытія за новое видоизмѣненіе монополій и привилегій, если бы неподкупный духъ анализа, пробужденный естественными науками, не проникъ въ изслѣдованіе существующихъ формъ общественной и экономической жизни. Та минута, въ которую плодами этого изслѣдованія можно будетъ подѣлиться со всѣмъ человѣчествомъ, откроетъ собою новую эру справедливости, физическаго здоровья и матеріальнаго благосостоянія. Препятствій много, минута эта далека. Но къ приближенію этой минуты направлены всѣ усилія всѣхъ честныхъ работниковъ мысли на земномъ шарѣ; нѣтъ тѣхъ препятствій, которыхъ не побѣдила бы рано или поздно энергія мысли и сила честнаго убѣжденія; нѣтъ тѣхъ испытаній, которыя бы испугали людей, сознающихъ въ себѣ естественныхъ депутатовъ и защитниковъ своей породы, — и потому славное будущее человѣчества не можетъ погибнуть. Знаніе есть сила, и противъ этой силы не устоятъ самыя окаменѣлыя заблужденія, какъ не устояла противъ нея инерція окружающей насъ природы.

Всякая побѣда человѣка надъ инерціею природы увеличиваетъ пользу окружающей насъ матеріи и уменьшаетъ цѣнность предметовъ нашего потребленія. Пользою предметовъ измѣряется сила человѣка надъ природой; поэтому польза увеличивается, когда люди сближаются между собой. Цѣнностью предметовъ измѣряется, напротивъ того, сила природы надъ человѣкомъ; поэтому цѣнность уменьшается при сближеніи людей между собою. Одиному поселенцу приходится бѣгать за водой къ рѣкѣ за нѣсколько сотъ шаговъ, такъ что каждое ведро воды стоитъ значительнаго количества труда. Когда число поселенцевъ увеличивается, то имъ удастся вырыть колодезь возлѣ самыхъ домовъ; цѣнность воды уменьшается, но польза ея увеличивается, потому что ее употребляютъ въ домашнемъ быту чаще и въ большемъ количествѣ. Потомъ, посе-

ленцы ставятъ надъ колодцемъ насосъ, который еще облегчаетъ добываніе воды и, уменьшая ея цѣнность, снова увеличиваетъ ея пользу. Наконецъ, когда силы поселенія оказываются уже очень значительными, вода проводится въ дома, послѣ чего каждому изъ жителей стоитъ только отвернуть кранъ, чтобы добыть себѣ цѣлыя бочки воды. Цѣнность падаетъ такимъ образомъ до самой низкой степени, а польза увеличивается до самыхъ большихъ размѣровъ. Этотъ простой примѣръ, въ которомъ нѣтъ ни натяжки, ни произвольной гипотезы, показываетъ намъ, что цѣнность и польза предметовъ находится всегда въ обратномъ отношеніи между собою. Кромѣ того, этотъ примѣръ подтверждаетъ еще разъ ту истину, что дружное соединеніе человѣческихъ силъ распространяетъ свое благотворное вліяніе на всѣ мелкія подробности всенедней жизни.

XI.

Положимъ, что буря выбрасываетъ обломки корабля на такой островъ, котораго еще не посѣщали европейскіе мореплаватели; дикіе островитяне осматриваютъ эти обломки и находятъ, въ числѣ другихъ вещей, нѣсколько ружей, запасъ неподмоченнаго пороха, нѣсколько фунтовъ пулъ и дробы, и большое количество пистолетовъ. Для людей, живущихъ охотою, чрезвычайно выгодно замѣнить луки и стрѣлы хорошими ружьями, но дикари навѣрное не поймутъ важнаго значенія своей находки и останутся при своемъ прежнемъ, варварскомъ оружіи. Для нихъ ружья не составляютъ богатства, потому что они не умѣютъ ими пользоваться. Если бы къ нимъ перенесли всѣ паровыя машины Англіи или Американскихъ Штатовъ, и если бы земля ихъ заключала въ себѣ мощныя пласты каменнаго угля и нестоимыя жилы желѣзной руды, то и тогда они не стѣмѣли бы сдѣлать себѣ ни одного ножа, и по прежнему продолжали бы рѣзать кожу и мясо животныхъ острыми раковинами и кремнями. У нихъ не достаетъ знаній для того, чтобы обращаться, какъ слѣдуетъ, съ паровой машиной или съ ружьемъ. Они даже не подозреваютъ, чтобы въ природѣ существовала возможность тѣхъ явленій и сложныхъ комбинацій, которыя извѣстны каждому фабричному работнику въ Англіи или въ Америкѣ. Въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ успѣли развиваться знанія дикарей, они воспользуются и паровою машиной и ружьемъ. Первую они вѣроятнo разломаютъ на части, чтобы изъ этихъ частей сдѣлать себѣ разную домашнюю утварь; второе будетъ обращено въ дубинку, которую дикарь будетъ брать въ руки за дуло, чтобы поражать своего врага прикладомъ. Это своеобразное употребленіе паро-

вой машины и ружья обнаруживаетъ въ дикаряхъ опытное знаніе самыхъ элементарныхъ свойствъ матеріи: видно, что они умѣютъ пользоваться емкостью, твердостью, тяжестью, клинообразною или остроконечною формою и другими наглядными свойствами окружающихъ предметовъ. Благодаря этимъ слабымъ знаніямъ, они могли извлечь очень незначительную пользу изъ тѣхъ снарядовъ, изъ которыхъ свѣдущій европеецъ извлекаетъ большое количество важныхъ житейскихъ удобствъ.

Всякій читатель согласится, что большое количество житейскихъ удобствъ можетъ быть названо богатствомъ, и что европеецъ, пользующійся ружьемъ, какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, богаче дикаря, употребляющаго точно такое же ружье, какъ дубину. Въ рукахъ перваго, ружье развѣтвливаетъ всѣ свои производительныя силы, между тѣмъ какъ у послѣдняго всѣ специфическія свойства ружья остаются мертвымъ капиталомъ. Причины такихъ различныхъ результатовъ заключаются въ различіи знаній, слѣдовательно, надо согласиться съ тѣмъ, что знаніе составляетъ важнѣйшій элементъ богатства. Но знаніе не такой предметъ, который человѣкъ могъ бы найти готовымъ на какой нибудь горѣ или въ какой нибудь пещерѣ. Знаніе составляется изъ мелкихъ крупинокъ ежедневнаго опыта, а такъ какъ жизнь отдѣльнаго человѣка очень коротка и кругъ его зрѣнія очень ограниченъ по своему пространству, то онъ никогда не выбился бы изъ подъ гнета невѣжества и бѣдности, если бы, сходясь съ другими людьми, онъ не выслушивалъ отъ нихъ и не обращалъ бы въ свою пользу собранныхъ ими опытовъ и наблюдений. Сближеніе съ людьми составляетъ для человѣка самое могущественное средство умственнаго развитія; въ обществѣ человѣкъ мыслить быстрѣе, чѣмъ въ одиночествѣ, и мысли каждаго отдѣльнаго лица находятъ себѣ повѣрку въ опытѣ другихъ, и средство къ испытанію и примѣненію въ совѣтахъ и въ содѣйствіи слушателей. На этомъ основаніи, всякая мѣра, уменьшающая разстояніе между отдѣльными людьми, или уничтожающая препятствія, лежащія на пути ихъ сближенія, или увеличивающая потребность людей сближаться между собою, — всякая подобная мѣра, говорю я, увеличиваетъ скорость въ обращеніи идей, распространяетъ знанія и производитъ увеличеніе богатства.

Люди всего больше расположены сближаться между собою тогда, когда они занимаются различными промыслами, и могутъ мѣняться между собой продуктами своего труда. Земледѣлецъ не пойдетъ къ сосѣду земледѣльцу, потому что онъ знаетъ, что у него и у сосѣда одни и тѣ же излишки, и одни и тѣ же потребности. Сосѣдъ не возьметъ у него хлѣба, потому что у сосѣда своего хлѣба слишкомъ много, и сосѣдъ не дастъ ему рубашки, потому что сосѣдъ самъ хочетъ приобрести себѣ полотно или бумажной матеріи. Чтобы сбыть лишній возъ зерноваго хлѣба и приобрести нѣсколько аршинъ полотна

или сукна, пару сапоговъ или новую косу, земледѣлецъ принужденъ отправиться въ ближайшій городъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, по дурной и гористой дорогѣ. Это препятствіе, находящееся между производителемъ-земледѣльцемъ и потребителемъ-ремесленникомъ, и заключающееся въ далекомъ разстояніи и въ дурной дорогѣ, ведетъ за собою много невыгодъ. Цѣлый день земледѣльца будетъ потраченъ непроизводительно, т. е. не увеличитъ количества продукта; вмѣстѣ съ трудомъ земледѣльца пропадетъ и трудъ лошади, которая повезетъ хлѣбъ въ городъ и телѣгу изъ города. Пометь лошади, падающей на дорогу, потерянъ; кромѣ того, земледѣлецъ, не имѣющій подъ рукою близкаго сбыта, принужденъ обхѣвать свои поля только такими сортами хлѣба, которые, при наименьшей громозкости, продаются по наиболѣе дорогой цѣнѣ. Онъ не можетъ возить въ городъ картофель или сѣно, потому что продажная цѣна этихъ продуктовъ не окупитъ издержекъ и трудовъ перевозки. Это обстоятельство вредитъ успѣшному ходу его хозяйства, не позволяеть ему внести раціональный сѣвооборотъ и заставляеть его истощать свои поля постоянными посѣвами ржи, пшеницы, овса и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Положимъ теперь, что черезъ владѣнія нашего земледѣльца пролегла желѣзная дорога, ведущая къ тому городу, въ который прежде приходилось ѣздить по разнымъ трясинамъ и буеракамъ; теперь продукты отправляются на продажу въ вагонахъ, а то количество лошадинаго и человѣческаго труда, которое тратилось на безплодныя прогулки по дурной проселочной дорогѣ, посвящается улучшенію земли; пометь весь идетъ на удобреніе земли, и количество земледѣльческихъ продуктовъ увеличивается. Тогда земледѣлецъ нанимаетъ большее число работниковъ, чтобы еще болѣе расширить кругъ своихъ дѣйствій. Является необходимость построить новыя амбары и скотныя двory; плотникъ, замѣчая запросъ на свой трудъ, поселяется рядомъ съ земледѣльцемъ; сапожникъ, получая съ фермы частые заказы, приближается къ своимъ заказчикамъ; мельникъ ставитъ мельницу на ближайшей рѣчкѣ, потому что предвидитъ себѣ работу. Прежде надо было ѣздить къ плотнику за тесомъ и за рамами, къ сапожнику за обувью, къ мельнику съ зерномъ, и отъ мельника съ мукою; на всѣ эти прогулки въ общей сложности тратилось большое количество труда и помета; теперь все это терпящееся количество сохраняется и увеличиваетъ плодородіе земли: хлѣба добывается гораздо больше прежняго, и притягательная сила процвѣтающаго мѣстечка постоянно увеличивается; приходитъ ткачъ, чтобы на мѣстѣ превращать ленъ и пеньку въ полотно; затѣмъ устраивается сукновальня, избавляющая фермера отъ необходимости возить въ городъ шерсть своихъ овецъ. Затѣмъ являются портной, кузнецъ, колесникъ, шорникъ, пивоваръ и другіе рабочіе. Сблизившись между собою, всѣ эти различные ремесленники ежедневно доставляютъ другъ другу зна-

чительныя выгоды, какъ производители и какъ потребители; всѣ они могутъ постоянно заниматься своими работами, не имѣя надобности бѣгать по дорогамъ ни за покупателями, ни за продавцами. Сапожнику стоитъ перейти черезъ улицу, чтобы купить у ткача полотно; ткачу стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы достать у мельника муки; и сапожникъ, и ткачъ знаютъ также, что ихъ сосѣди сами придутъ къ нимъ за тѣми продуктами, которые они вырабатываютъ. Что же касается до земледѣльца, то онъ находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи; каждый кусокъ земли приноситъ ему пользу и доходъ; хлѣбъ, говядина, баранина, масла, яйца, домашняя птица, сыръ — все это находитъ себѣ сбытъ, и все это дешево, потому что продается на мѣстѣ, и все это, кромѣ денегъ, даетъ удобреніе, которое постоянно возвышаетъ производительную силу земли.

Нравственныя слѣдствія такого сближенія разнородныхъ людей и промысловъ также очень значительны. Каждое отдѣльное ремесло знакомитъ человѣка съ особенными свойствами того или другого сырого матеріала; каждое изъ нихъ даетъ человѣку особенныя орудія и научаетъ его особеннымъ приемамъ; каждое изоцряетъ въ человѣкѣ ту или другую способность и направляетъ его природную наблюдательность на ту или другую сторону обыденныхъ явленій. Всякій знаетъ, что у земледѣльца есть свои особенныя метеорологическія примѣты, что пастухамъ извѣстны многія интересныя свойства въ характерѣ домашнихъ животныхъ, что мельники по необходимости приобрѣтаютъ практическія свѣдѣнія по части механики и гидростатики. Когда множество различныхъ ремесленниковъ живутъ между собою рядомъ и находятся другъ съ другомъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, то они невольно и безсознательно сообщаютъ другъ другу большое количество замѣтокъ и свѣдѣній, которыя возбуждаютъ любознательность, нарушаютъ неподвижность ума и расширяютъ кругъ понятій и воззрѣній. Особенно важны нравственныя слѣдствія такого сближенія для подрастающихъ дѣтей. Гдѣ земледѣліе составляетъ единственный промыселъ всего населенія, тамъ не можетъ быть и рѣчи о личныхъ наклонностяхъ или способностяхъ молодыхъ членовъ общества. Къ чему бы ни былъ расположенъ мальчикъ, каковы бы ни были его природныя дарованія, онъ все-таки долженъ непремѣнно браться за соху, потому что внѣ сохи нѣтъ спасенія отъ нищеты. Когда же, напротивъ того, десятки различныхъ ремесленниковъ живутъ на пространствѣ одной квадратной версты, тогда самыя прихотливыя вкусы и самыя разностороннія способности могутъ и должны находить себѣ удовлетвореніе. Кто расположенъ къ сидячей жизни и къ кропотливой работѣ, тотъ пойдетъ въ ученіе къ портному или къ сапожнику; у кого вѣрный глазъ и сильная рука, тотъ сдѣлается плотникомъ; кто владѣетъ тѣмъ же хорошимъ глазомъ-бромъ при меньшей физической

силѣ, тотъ займется столярною работою; кто любитъ работать на открытомъ воздухѣ, тотъ посвятить свои силы садоводству или огородничеству; всякому откроется возможность заниматься своимъ дѣломъ съ охотою, по свободному влеченію, а не вслѣдствіе горькой необходимости. Индивидуальныя силы, наклонности и способности заявятъ свое существованіе, и это обстоятельство, во-первыхъ, возвыситъ нравственное состояніе людей, и во-вторыхъ, увеличитъ количество и улучшитъ качество продуктовъ, понизитъ ихъ цѣны посредствомъ усовершенствованій въ производствѣ, усилитъ такимъ образомъ ихъ сбытъ, и возвыситъ общее благосостояніе производителей и потребителей.

Наконецъ разнообразіе промысловъ благодѣтельно тѣмъ, что оно уменьшаетъ зависимость простаго работника отъ хозяина или мастера и увеличиваетъ въ первомъ чувство собственнаго достоинства, принуждая въ то же время второго уважать человѣческую личность своего подчиненнаго. Гдѣ всѣ пахутъ землю, тамъ личность работника не существуетъ; тамъ человѣкъ, идущій за сохою, по свойствамъ своего труда, очень мало отличается отъ лошади или отъ вола, на которыхъ онъ покрикиваетъ и помахиваетъ кнутомъ. Хозяинъ не дорожитъ умомъ и ловкостью своего батрака; онъ совершенно основательно разсуждаетъ, что за сохою сѣмъбеть ходить и круглый дуракъ; поэтому онъ и помыкаетъ своими работниками, какъ ему угодно, и гоняетъ ихъ съ двора, когда они начинаютъ пускаться въ разсужденія. Замѣнить выгнаннаго работника вовсе нетрудно, потому что особенныхъ достоинствъ и способностей отъ кандидата на такое мѣсто не требуется. Въ ремесленной дѣятельности вопросъ ставится совершенно иначе. Хозяинъ дорожитъ человѣкомъ и смышленнымъ работникомъ, потому что его не скоро замѣнишь. Въ чисто земледѣльческомъ быту принималась въ расчетъ только животная сила человѣка; при ремесленной работѣ, напротивъ того, сила мускуловъ обыкновенно отходитъ на второй планъ, а всего больше обращается вниманіе на искусство, на знаніе дѣла, на сообразительность. Въ ремеслѣ впервые проявляется и признается элементъ личнаго таланта. Этотъ элементъ эмансипируетъ и возвышаетъ ремесленника и смягчаетъ въ отношеніи къ нему хозяина, котораго личный интересъ зависитъ отъ ума и технической ловкости рабочаго.

Въ исторіи среднихъ вѣковъ встрѣчается такой фактъ, который совершенно подтверждаетъ собою предъидущія разсужденія. Первые признаки самостоятельности въ отношеніи къ феодаламъ проявляются между ремесленниками; они образуютъ коммуны и возмущаются противъ епископовъ и бароновъ; изъ нихъ составляется знаменитый tiers-état, а въ это время земледѣльцы еще несутъ на себѣ всю тяжесть барщины и разныхъ произвольныхъ поборовъ.

Изъ всего, что было сказано о жизни разросшагося мѣстечка, мы мо-

жемь замѣтить, что сближеніе людей между собой, распространеніе знаній, увеличеніе богатства и нравственное освобожденіе личности зависят преимущественно отъ разнообразія занятій, и при существованіи этого послѣдняго условія естественнымъ образомъ развиваются одно изъ другого.

Для того, чтобы въ каждой отдѣльной мѣстности какой нибудь страны проявлялось то разнообразіе занятій, изъ котораго вытекають дѣятельность, знаніе, богатство и свобода, необходимо существованіе множества мѣстныхъ центровъ притяженія. Если въ какой нибудь землѣ одинъ огромный городъ стягиваетъ въ себѣ большую часть промышленныхъ силъ страны, то жители находятся въ зависимости отъ этого общаго центра; они принуждены возить свои продукты на этотъ далекій рынокъ, и на этомъ же рынокѣ покупать тѣ фабричныя издѣлія, которыя необходимы имъ для домашняго обихода. Ни одинъ изъ жителей не рѣшается устроить какое нибудь промышленное заведеніе внѣ большого центра, потому что не можетъ разсчитывать на сбытъ; разбросанное населеніе поневолѣ занимается исключительно земледѣліемъ и истощаетъ свою почву постояннымъ вывозомъ сырыхъ произведеній, которыя потребляются на далекомъ рынокѣ, и слѣдовательно, не даютъ обратво никакого удобренія. Между тѣмъ, въ большомъ центрѣ заводятся всякія гадости; туда бѣжитъ все, что голодно, въ надеждѣ найдти работу, и находить чаще всего крайнюю степень нужды, совершенное нравственное паденіе и преждевременную смерть отъ изнуренія, отъ гнилой пищи, или отъ вынужденнаго разврата; туда бѣжитъ и ѣдетъ все, что честолюбиво, въ надеждѣ найдти блескъ и повышеніе, и чаще всего находить развращающую школу низкопоклонства и ничѣмъ не вознаграждаемаго насилуванія совѣсти; туда же, въ обѣтованную землю всякой роскоши, несутся всѣ люди, стремящіеся пожить на чужой счетъ, начиная отъ безконечнаго числа разныхъ просителей, искателей, и кончая легиономъ шуллеровъ и уличныхъ мошенниковъ. Первые, большею частью питаются надеждами и нравственными подзатыльниками, но за то вторые, какъ люди, избравшіе благую часть, обыкновенно находятъ себѣ обильную ловлю рыбы въ мутной водѣ этихъ колоссальныхъ клоакахъ нашей великой цивилизаціи. Такимъ образомъ страна, имѣющая одинъ большой центръ протяженія, представляетъ очень неутѣшительную картину; провинціи постоянно бѣднѣють и истощаются; жители тупѣють отъ однообразнаго и неблагодарнаго труда; а въ центрѣ собирается вся дрянь страны, вся испорченная кровь, весь гной ея бѣдности, вся квинт-эссенція ея разврата и нравственной низости, ея страданій и преступленій; но такъ какъ эта миазматическая смѣсь подергивается всегда тонкою пленкою мишурнаго золота, то дальновидные теоретики находятъ обыкновенно, что все обстоитъ благополучно, или

утверждаютъ, что вся бѣда происходитъ отъ недостатка нравственнаго самовоздержанія (moral restraint) со стороны рабочаго челоуѣка и его супруги.

ХІІ.

Когда Робинзонъ жилъ одинъ на своемъ островѣ, то ему надо было ходить на охоту, собирать плоды, ловить рыбу, сносить всѣ эти запасы въ свою пещеру, варить или жарить ихъ, готовить себѣ одежду изъ шкуръ, таскать изъ лѣса дрова для отопленія жилища, сооружать и чистить охотничьи и рыболовные инструменты. Все это и, можетъ быть, много другихъ занятій лежало на немъ одномъ, потому что у него не было союзника и помощника. Когда онъ отправлялся въ лѣсъ за добычею, то запасы, набранные наканунѣ, оставались безъ присмотра и могли быть съѣдены крысами или унесены какимъ нибудь болѣе крупнымъ животнымъ; когда онъ былъ на охотѣ, пища не приготовлялась ко времени его возвращенія, и одежда, которую онъ началъ шить до своего ухода, оставалась не доконченною. Когда онъ готовилъ пищу, или дошивалъ одежду, время, удобное для ловли рыбы, могло быть пропущено. Словомъ, Робинзонъ постоянно принужденъ былъ переходить отъ одного дѣла къ другому, причемъ конечно много труда и времени терялось на эти безпрестанные переходы; всѣ занятія, по необходимости, шли плохо, потому что они сталкивались между собою и ежеминутно мѣшали другъ другу. Каждая работа дѣлалась урывками, и ни въ одной не было того постоянного и послѣдовательнаго движенія, которое необходимо для достиженія выгодныхъ результатовъ. Если у Робинзона была жѣна, то уже всѣ работы должны были идти гораздо успѣшнѣе: пока мистеръ Робинзонъ бродилъ по лѣсу за дичью, или плавалъ по рѣкѣ за рыбою, домашній очагъ охранялся бдительнымъ окомъ мистриссъ Робинзонъ, которая, кромѣ того, въ это же время варила или жарила мясо, чистила набранные наканунѣ плоды, потрошила наловленную рыбу, или шила одежду; работы не прерывались такъ часто, какъ во время холостой жизни Робинзона, и вслѣдствіе этого, въ этихъ работахъ замѣчалось больше порядка, и отъ нихъ получалось большее количество продукта. Между Робинзономъ и его женою происходили постоянные обмѣны услугъ къ обоюдной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Когда подросли дѣти, то быстрота въ обмѣнѣ услугъ значительно увеличилась. Одинъ изъ членовъ семейства охотился за дичью, другой ловилъ рыбу, третій чинилъ охотничьи инструменты, четвертый варилъ кушанье, пятый шилъ одежду,

шестой копаль землю, такъ что всё отрасли работъ одновременно и дружно подвигались впередъ; потомъ продукты этихъ работъ обмѣнивались одинъ на другой; когда вся семья садилась обѣдать, тутъ излишекъ дичи одного обмѣнивался на излишекъ рыбы другого; тутъ съѣсные припасы, добытые однимъ, оплачивали труды другихъ, посвящавшихъ свои силы на приготовленіе кушанья, на шитье одежды, на сооруженіе луковъ, челноковъ и удочекъ. Этотъ обмѣнъ былъ выгоденъ для каждаго, потому что, вслѣдствіе такого обмѣна, каждый пользовался разнообразнымъ столомъ, каждый былъ одѣтъ; каждый, кому надо было охотиться или ловить рыбу, былъ снабженъ необходимыми инструментами. Трудъ каждаго былъ гораздо производительнѣе, чѣмъ трудъ одинокаго колониста, потому что каждый посвящалъ своему занятію все свое время и все свое вниманіе, не кидаясь отъ одной работы къ другой и не отвлекаясь посторонними заботами и соображеніями.

Эта небольшая семья колонистовъ служить прототипомъ общества; въ ней, какъ и въ самомъ многочисленномъ обществѣ, происходитъ раздѣленіе труда и обмѣнъ услугъ; эти два явленія заключаютъ въ себѣ источникъ всѣхъ благодѣтельныхъ дѣйствій, которыя существованіе общества производитъ на матеріальное и нравственное положеніе отдѣльнаго человѣка. Чѣмъ многочислѣнѣе общество, тѣмъ значителѣнѣе можетъ быть раздѣленіе труда, тѣмъ дѣятелѣнѣе, умнѣе, богаче и свободнѣе можетъ становиться человѣкъ, тѣмъ сильнѣе должны понижаться цѣнности предметовъ и тѣмъ сильнѣе должна возвышаться ихъ польза.

Такъ *можетъ* быть, и такъ *должно* быть, но такъ не бываетъ въ дѣйствительности, потому что люди, кромѣ раздѣленія труда и обмѣна услугъ, всегда вносятъ въ каждое зарождающееся общество элементъ присвоенія чужого труда. Этого ядовитаго зерна достаточно, чтобы отравить всё блага общественной жизни и породить всё междоусобныя распри, которыя составляютъ исторію и въ которыхъ до нашихъ временъ истощаются физическія и умственныя силы людей. Начинается съ того, что мужъ бьетъ свою жену и побоями принуждаетъ ее работать, въ то время, какъ самъ онъ лежитъ на спинѣ и грѣется на солнцѣ. Такимъ образомъ нарушается естественное раздѣленіе труда и свободный обмѣнъ услугъ. Мужчина беретъ себѣ большее количество продуктовъ и меньшее количество труда; для восстановленія равновѣсія въ обмѣнѣ, онъ отпускаетъ женщинѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу, или палкой по спинѣ, и равновѣсіе дѣйствительно восстанавливается, потому что возраженія женщины умолкаютъ послѣ полученія подобной монеты, — и обмѣнъ услугъ продолжается, не смотря на явное нарушеніе справедливости. Какъ мужъ присвоилъ себѣ значительное количество труда жены, такъ родители присваиваютъ себѣ значительное коли-

чество труда дѣтей; братья поступаютъ точно также въ отношеніи къ сестрамъ, и старшій братъ въ отношеніи къ младшему; потомъ, когда дѣти становятся взрослыми людьми, а родители дряхлыми стариками, то первые эксплуатируютъ послѣднихъ, и наконецъ, измучивъ ихъ до крайности непосильными работами, предоставляютъ имъ полную свободу умереть съ голода.

Войны и порабощеніе начинаются такимъ образомъ въ самомъ семействѣ и, начавшись однажды, не останавливаются ни на одну минуту; каждый изъ членовъ семейства бываетъ постоянно то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ, то рабовладѣльцемъ, преподающимъ осязательныя внушенія слабѣйшему родственнику, то рабомъ, испытывающимъ убѣдительность такихъ же наставленій со стороны сильнѣйшаго. Значительная доля труда и изобрѣтательности, большое количество физической силы и нравственной энергіи тратятся на постоянно повторяющіеся натиски и отпоры, на завоевательныя попытки и на отраженіе такихъ попытокъ. При борьбѣ съ природою человѣкъ никогда не встрѣчаетъ сознательнаго сопротивленія своему сознательному нападенію; при борьбѣ человѣка съ человѣкомъ коса находитъ на камень: насиліе встрѣчается съ насиліемъ, хитрость отражается хитростью, суровая воля рабовладѣльца натывается на пассивное, но сознательное упрорство раба. Борьба затягивается, усложняется и принимаетъ на себя безконечное разнообразіе видоизмѣненій. Семейство оказывается для первобытнаго человѣка превосходною школою безнравственности. Изъ этой школы онъ выноситъ очень основательныя свѣдѣнія по части естественнаго гладиаторства и самороднаго макиавеллизма; за предѣлами семейства онъ встрѣчается съ воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавались тѣ же элементарныя науки, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями въ программѣ и въ планѣ. Встрѣтившіяся юноши начинаютъ пробовать другъ надъ другомъ силу и убѣдительность своихъ научныхъ аргументовъ и стратегическихъ приемовъ. Предѣлы диспутовъ расширяются; первобытныя силлогизмы совершенствуются и усложняются. Война, политика, рабство, эксплуатация, воровство и грабежъ — всѣ эти различныя видоизмѣненія одного общаго начала приводятся въ стройныя и красивыя системы. Человѣческій умъ развертывается во всемъ своемъ величіи и блескѣ и производитъ въ этомъ направленіи такія же превосходныя усовершенствованія, какими являются въ области производительнаго труда паровыя машины и приложеніе химіи къ земледѣлію. Не рискуя ошибиться, можно даже сказать, что элементъ присвоенія развился гораздо быстрѣе, чѣмъ элементы труда и обмѣна услугъ; этотъ первый элементъ достигъ полнѣйшаго совершенства и успѣлъ уже просочиться въ практическое примѣненіе тѣхъ открытій, которыя подарило человѣчеству естествознаніе, составляющее одно изъ важнѣйшихъ и

плотворнѣйшихъ проявленій элемента труда. Элементъ присвоенія преобладаетъ во всѣхъ существующихъ обществахъ, вездѣ и всегда искажаетъ природу человѣка, и во всѣхъ бѣдствіяхъ частной и общественной жизни является единственной причиной страданій и преступленій.

Дойдя до этого элемента и указавши читателю, я уже вышелъ изъ области гипотезъ и теоретическихъ выкладокъ и стою теперь на порогѣ исторіи, на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Здѣсь я считаю удобнымъ остановиться на нѣсколько минутъ, оглянуться назадъ и въ сжатомъ очеркѣ напомнить читателю добытые нами результаты, составляющіе въ своей совокупности физиологическую часть исторіи труда. Мы видѣли, что человѣкъ былъ слабъ и бѣденъ, пока онъ оставался одинокимъ; силы природы, окружавшія человѣка, не приносили ему почти никакой пользы, а всѣ удобства жизни, начиная отъ самой грубой пищи, имѣли въ его глазахъ самую значительную цѣнность; когда число людей увеличилось, тогда люди стали помогать другъ другу и совокупными силами успѣли одержать надъ природою много важныхъ побѣдъ; каждая такая побѣда увеличивала пользу сырого матеріала и уменьшала цѣнность предметовъ потребления. Каждая побѣда человѣка надъ природою давала ему въ руки новыя орудія, и такимъ образомъ прокладывала ему путь къ новымъ и болѣе важнымъ побѣдамъ. Начавши обработку земли на сухихъ холмахъ, человѣкъ спускался въ тучныя долины, когда увеличившееся число людей и усовершенствованіе орудій давали ему возможность вырубить лѣса и осушить болота, покрывавшія плодородную почву. Овладевъ тучною землею, человѣкъ становится богатымъ; въ основаніи его богатства лежало знаніе, дававшее ему господство надъ природою; знаніе пріобрѣтается и развивается вслѣдствіе частыхъ и разнообразныхъ сношеній людей между собою. Сношенія эти завязываются и поддерживаются разнообразіемъ занятій; разнообразіе занятій возможно только въ томъ случаѣ, когда существуетъ множество небольшихъ, тѣсныхъ центровъ притяженія. Эти тѣсные центры образуются сами собою въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ общественныя аномаліи не парализируютъ естественнаго развитія человѣческаго труда. Общественныя аномаліи всякаго рода выросли изъ элемента присвоенія чужого труда, а этотъ враждебный элементъ возникъ въ доисторическія времена въ семейномъ быту и изъ него раскинулъ свои вѣтви по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности.

Вотъ бѣглый перечень тѣхъ мыслей, которыя были изложены на предъидущихъ страницахъ. Совокупность этихъ мыслей указываетъ на ту великую и свѣтлую участь, которая должна составлять естественное достоинство людей; участь эта не имѣетъ ничего общаго съ тѣми мрачными явленіями, которыя наполняютъ всемірную исторію и обращаютъ

на себя вниманіе современнаго наблюдателя. Люди сбились съ настоящаго пути, исказили свою природу и до сихъ поръ продолжаютъ мучить другъ друга. Факты эти очень достовѣрны и тѣмъ болѣе печальны. Но эти факты не даютъ намъ права думать, чтобы свѣтлое будущее было недостижимо. Надо помнить, что люди потратили много тысячелѣтій на то, чтобы ознакомиться съ природой; надо помнить, что они до сихъ поръ не знаютъ ея вполнѣ, и надо помнить, кромѣ того, что человѣкъ есть самое сложное явленіе природы, всего менѣе доступное непосредственному наблюденію и почти совершенно недоступное опыту. Очень естественно, что величайшее число ошибокъ, теоретическихъ и практическихъ, относится именно къ человѣку, какъ самому сложному, самому неизвѣстному и въ тоже время самому интересному предмету во всей природѣ. Очень естественно, что астрономія и химія уже въ настоящее время вышли изъ тумана произвольныхъ гаданій, между тѣмъ какъ общественныя и экономическія доктрины до сихъ поръ представляютъ очень близкое сходство съ отжившими призраками астрономіи, алхіміи, магіи и теософіи. Очень вѣроятно, что и эти кабалистическія доктрины сложатся когда нибудь въ чисто-научныя формы, и современемъ обнаружатъ свое вліяніе на практическую жизнь, современемъ убѣдятъ людей въ томъ, что людоедство не только безнравственно, но и невыгодно. Современемъ многое переменится, — но мы съ вами, читатель, до этого не доживемъ, и потому намъ приходится ублажать себя тѣмъ высоко-безплоднымъ сознаніемъ, что мы до нѣкоторой степени понимаемъ нелѣпости существующаго.

— «И это называется нигилизмомъ?»

— И это называется нигилизмомъ! повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостью».

ХІІІ.

Когда человѣку хочется ѣсть, и когда онъ видитъ у себя подъ рукою приготовленный запасъ пищи, то въ немъ тотчасъ рождается влеченіе взять эту пищу въ руки и отправить ее къ себѣ въ ротъ. Это влеченіе раздѣляютъ съ человѣкомъ всѣ животныя, съ тою только разницею, что они въ подобныхъ случаяхъ обходятся безъ пособія рукъ. Можно было бы подумать, что это дѣйствіе надъ пищею совершается машинально или инстинктивно, т. е. вообще безъ посредствующаго процесса мысли. Но во-первыхъ, такія слова, какъ «машинально», «инстинктивно» сами по себѣ ровно ничего не объясняютъ; а во-вторыхъ,

есть и прямые опыты, доказывающіе, что дѣятельность мозга обуславливаетъ собою даже эти простѣйшіе поступки: голуби и куры, у которыхъ французскій фізіологъ Флурансъ снималъ переднія полушарія головного мозга, глотали пищу только въ томъ случаѣ, когда ее клали имъ въ ротъ и проталкивали до горловаго отверстія; когда же ихъ оставляли въ покоѣ, то они умирали съ голода среди вѣдлѣхъ кучъ хлѣбныхъ зеренъ. И такъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ сказать, что человѣкъ захватываетъ приготовленный запасъ пищи вслѣдствіе размысленія. Конечно, размысленіе это въ высшей степени просто, потому что какъ мы уже видѣли, всѣ животныя размышляютъ точно также. Но, именно по своей простотѣ, это размысленіе, доступное всѣмъ людямъ безъ исключенія, оказывало и до сихъ поръ оказываетъ на судьбу нашей породы такое могущественное вліяіе, какимъ не пользуются ни чистѣйшія нравственныя истины, ни величайшія научныя открытія. Изъ этого размысленія развилось все, что составляетъ красоту и гордость нашей цивилизаціи, и все, что составляетъ ея позоръ и страдальческій крестъ.

Запасъ пищи, найденный человѣкомъ, могъ быть приготовленъ природою или другимъ человѣкомъ; захватъ пищи въ первомъ случаѣ является зародышемъ труда, а во второмъ онъ оказывается присвоеніемъ чужого труда, и кладетъ основаніе борьбѣ между людьми и порабощенію одного человѣка другимъ. Въ жизни нашей породы встрѣчались несчетное число разъ оба эти случая и изъ нихъ развивались всѣ ихъ неизбѣжныя послѣдствія. Человѣкъ, присвоившій себѣ пищу, приготовленную природою, старался устроить такъ, чтобы природа дала ему новый запасъ, и эти старанія постепенно превращали охотника въ пастуха, потомъ въ земледѣльца; эти же старанія рядомъ съ земледѣльцемъ создавали кузнецовъ, портныхъ, ткачей и всѣхъ другихъ ремесленниковъ, вооружающихъ человѣка рабочими инструментами, снабжающихъ его одеждою, устроивающихъ его жилище, и доставляющихъ ему на счетъ окружающей природы всѣ возможныя удобства жизни. Изъ этихъ же стараній развились искусство и наука, увеличивающія силу человѣка надъ природою, расширяющія его умъ, приготовляющія ему безконечное разнообразіе наслажденій и доставляющія ему возможность уважать самого себя и, анализируя себя и другихъ, сознательно прощать и любить заблуждающихся людей, такъ дорого платящихъ за свои заблужденія. Между тѣмъ, второй случай, — захватъ пищи, приготовленной человѣкомъ, — повторялся ежедневно и слѣдствія, неизбѣжно вытекающія изъ него, развивались гораздо быстрѣе, чѣмъ тѣ благодѣтельныя явленія, въ основаніи которыхъ лежалъ чистый трудъ, не политый слезами и не пропитанный человѣческою кровью.

Эта несоразмѣрность развитія существуетъ и, быть можетъ, даже

увеличивается въ наше время. Всемирная исторія до сихъ поръ при-
нуждена заниматься исключительно политической жизнью людей, потому
что, дѣйствительно, факты политической жизни совершенно заслоняютъ
собою тѣ проявленія мысли, энергіи и творчества, которыя происходятъ
въ лабораторіяхъ, въ мастерскихъ, на поляхъ, вездѣ, гдѣ человѣкъ
подмѣчаетъ тайны природы или вводитъ въ процессъ производства тѣ
естественныя силы, которыя уже изслѣдованы и обузданы. Исторію ин-
тересуютъ преимущественно органическое развитіе государственныхъ
формъ, послѣдовательная смѣна системъ, существенныя измѣненія въ
законодательствѣ и въ международныхъ отношеніяхъ, пробужденіе въ
массахъ политическаго смысла и національнаго чувства.

Кажется, набросанная мною рамка достаточно широка; я не думаю,
чтобы кто нибудь изъ современныхъ историковъ увидѣлъ въ подобномъ
опредѣленіи задачъ исторіи — признаки неуваженія къ наукѣ, или по-
пытку исказить и унизить ея настоящее значеніе. Между тѣмъ, не
трудно замѣтить, что элементъ присвоенія составляетъ единственный
предметъ изысканій историка. Въ этомъ нисколько не виноватъ исто-
рикъ, потому что такова дѣйствительная жизнь, которую изслѣдователь
не имѣетъ права украшать и разглаживать. Государственныя формы,
политическій смыслъ и даже національное чувство составляютъ прямое
слѣдствіе элемента присвоенія, т. е. всѣ эти вещи — или произошли
отъ присвоенія, или возникли, какъ отпоръ присвоенію. Государства, всѣ
безъ исключенія, порождены элементомъ присвоенія; прошу читателя не
видѣть въ этой мысли ничего безнравственнаго и не искать въ ней ни-
какого лукавства; я вовсе не хочу сказать, чтобы всѣ основатели госу-
дарствъ были люди буйные и одержимые жадностью къ чужой соб-
ственности; если такія наклонности и существовали у нѣкоторыхъ ви-
кинговъ, конунговъ, шейковъ и другихъ эмбриологическихъ властителей,
то это обстоятельство вовсе не можетъ быть возведено въ правило.
Многія государства возникали потому, что жителямъ извѣстной земли
необходимо было сгруппироваться для отраженія нападающихъ враговъ.
Въ другихъ случаяхъ, государство основывалось потому, что жителямъ
необходимо было существованіе такой власти, которая разбирала бы
ихъ ссоры, и своимъ вмѣшательствомъ отвращала бы кровопролитія.
При такихъ условіяхъ основаніе государства было благодѣяніемъ, но
люди нуждались въ этомъ благодѣяніи только потому, что заѣзжали въ
чужую личность и захватывали чужой трудъ. Нападавшіе враги и ссо-
рившіеся единоплеменники, по всей вѣроятности, должны быть призна-
ны людьми, слѣдовательно то зло, въ отпоръ которому возникало госу-
дарство, заключалось всё таки въ попыткахъ однихъ людей воспользо-
ваться трудомъ другихъ. Не было ни одного государства, которое было
бы основано съ тою цѣлью, чтобы отражать звѣрей, или общими сп-

лами гражданъ разработывать землю, слѣдовательно элементъ присвоенія также необходимъ для развитія политическихъ учреждений, какъ частица дрожжей необходима для того, чтобы произвести въ хлѣбномъ тѣстѣ броженіе. Политическое развитіе, сообщающее присвоенію правильную форму, составляетъ очень полезное лекарство, но всякій знаетъ, что лекарство есть горькое слѣдствіе болѣзни.

Национальное чувство, къ которому каждый благомыслящій человѣкъ долженъ питать глубокое уваженіе, составляетъ прямое слѣдствіе того недовѣрія и антагонизма, которыя водворились между отдѣльными группами людей, вслѣдствіе взаимныхъ обидъ и нападеній, клонившихся все таки къ присвоенію труда и его продуктовъ. Национальное чувство просыпается тогда, когда націи приходится защищать себя отъ поработенія; такъ было у насъ въ эпоху Минина и въ 1812 году; такъ было въ Испаніи во время войнъ ея съ Наполеономъ, въ Германіи во время ея поголовнаго возстанія въ 1813 году, во Франціи при революціонной борьбѣ ея съ европейскими коалиціями, въ Италіи съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, въ Греціи, возмущившейся противъ турецкаго господства.... Вездѣ это національное чувство дѣлало чудеса и вызывало къ жизни народъ, находившійся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, но вездѣ это чувство возбуждалось предшествовавшими страданіями или угрожавшими опасностями; вездѣ проявленіе этого чувства сопровождалось очень тягостными пожертвованіями, которыя были необходимы, но все таки оставляли послѣ себя глубокіе слѣды въ матеріальномъ благосостояніи народа.

Эти соображенія приводятъ къ тому неотразимому заключенію, что элементъ присвоенія остается чрезвычайно вреднымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, возбуждая противъ себя энергической отпоръ, приводитъ въ движеніе самыя возвышенныя и благородныя страсти человеческой природы. Поэты и сантиментальные историки, имѣющіе страстное влеченіе ко всему грандіозному, могутъ съ особеннымъ восхищеніемъ останавливаться на тѣхъ историческихъ эпохахъ, въ которыхъ цѣлый народъ поднимался, какъ одинъ человѣкъ; поэтамъ свойственно видѣть въ каждомъ явленіи его красоту и картинность; имъ свойственно принимать отдѣльныхъ людей за мелкіе камешки огромной мозаики; но человѣкъ, не одаренный отъ природы такимъ пылкимъ эстетическимъ чувствомъ, человѣкъ, неспособный, подобно художнику Нерону, зажечь Римъ, чтобы получить понятіе о разрушеніи Трои; такой человѣкъ видитъ величайшее доказательство силы зла въ томъ обстоятельстве, что даже проявленіе лучшихъ силъ и страстей цѣлаго народа всегда бываетъ похоже на страшную конвульсію больного организма и почти всегда ведетъ за собою упадокъ силъ и значительное увеличеніе индивидуальныхъ страданій и общественныхъ тягостей. Въ исторіи трудно

отыскать хоть одинъ такой фактъ, въ которомъ энергія народа, его героическія усилія, его жертвы, приносимыя трудомъ и кровью, произвели бы въ его образѣ жизни дѣйствительное улучшение, соответствующее подобнымъ затратамъ. Вездѣ и всегда народъ поднимался, какъ одинъ человѣкъ, противъ одного изъ проявленій несправедливости и присвоенія; а въ это время десятки и сотни проявленій того же элемента продолжали процвѣтать, и, пользуясь общею суматохою, пускали глубже свои корни въ живыя силы народа и истощали ихъ больше прежняго. Поэтому всѣ великія эпохи дали до сихъ поръ людямъ нѣсколько пламенныхъ стихотвореній, нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ въ исторіи, да кромѣ того приращеніе налоговъ, и то чувство утомленія, которое всегда слѣдуетъ за напряженіемъ силъ. Всѣ эти мысли, конечно, вовсе не относятся къ Россіи, потому что въ отношеніи къ ней я нахожу удобнымъ соблюдать то правило вѣжливости, по которому о присутствующихъ не говорить.

XIV.

Элементъ присвоенія, конечно, составляетъ зло; можно сказать больше: онъ составляетъ источникъ и причину всякаго зла, а между тѣмъ этотъ ядовитый элементъ, этотъ Ариманъ человѣческой природы самъ вытекаетъ изъ совершенно безвреднаго свойства нашего ума, и притомъ изъ такого свойства, которое мы никакъ не сумѣли бы устранить, если бы намъ была предоставлена возможность передѣлать по нашему благоусмотрѣнію всѣ физическія и интеллектуальныя способности человѣка. Это свойство состоитъ въ томъ, что умъ нашъ всегда начинаетъ свою дѣятельность съ самыхъ простыхъ процессовъ мысли, и уже потомъ, укрѣпляясь и совершенствуясь, переходитъ къ болѣе сложнымъ процессамъ, соображаетъ вѣроятія и отдаленныя послѣдствія, разсматриваетъ и обсуживаетъ явленія съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. У всякаго животнаго есть потребности и желанія, имѣющія связь отчасти съ сохраненіемъ жизни недѣлимаго, отчасти съ поддержаніемъ жизни породы. Мозговая сила животнаго посвящается исключительно изысканію средствъ, ведущихъ къ удовлетворенію этихъ потребностей и желаній. Руководствуясь своими ви́шними чувствами, зрѣніемъ, слухомъ, обонаніемъ, осязаніемъ и вкусомъ, животное соображаетъ, идти ли ему направо или налѣво, грозитъ ли ему опасность, или ждетъ его наслажденіе. Животное руководствуется, конечно, іезуитскою нравственностью; цѣль всегда оправдываетъ въ его глазахъ средства, и въ выборѣ средствъ

животное обнаруживает, кромѣ неразборчивости, крайнюю односторонность и близорукость соображенія; въ чемъ оно далеко превышаетъ иезуитовъ. Рыба хватается за червяка, не обращая вниманія на крючокъ, въ которомъ заключается весь смыслъ трагическаго эпизода; мышь развязно вбѣгаетъ въ мышеловку, руководясь запахомъ мяса, и не даетъ себѣ труда замѣтить, что въ общемъ видѣ снаряда есть что-то странное и зловѣщее. Такъ дѣйствуютъ животныя и почти такъ дѣйствуютъ дѣти и дикари. Океанійскіе островитяне, пріѣзжая на европейскіе корабли, обыкновенно начинаютъ, съ изумительною ловкостью, воровать все, что приходится имъ по душѣ. Ихъ за это бьютъ очень больно веревками, но, конечно, это ихъ не унимаетъ. Нельзя сказать, чтобы воровство было у нихъ принятымъ обычаемъ, или чтобы оно составляло ихъ болѣзненную мономанію; нельзя себѣ представить, чтобы они переносили съ совершеннымъ равнодушіемъ удары веревками; ихъ поступки объясняются всего удовлетворительнѣе крайнею простотою тѣхъ умственныхъ отправленій, на которыя способенъ ихъ мозгъ. Дикарь разсуждаетъ такъ: я вижу блестящую пуговицу, она мнѣ нравится, слѣдовательно... тутъ разсужденіе обрывается, потому что дѣло сдѣлано, пуговица очутилась въ рукахъ нашего мыслителя, и тутъ начинается новый рядъ соображеній, клонящихся къ тому, чтобы спрятать пріобрѣтенное имущество и напустить на свою фізіономію выраженіе полнѣйшей невинности. Процессъ мысли, разрѣшившійся въ пріобрѣтеніи пуговицы, совершился съ быстротою молніи; дикарь схватилъ понравившуюся ему вещь съ такою же непосредственною жадностью, съ какою рыба хватается за червяка. Преимущество дикаря надъ рыбою ограничивается въ этомъ случаѣ тѣмъ, что дикарь въ одно мгновеніе успѣваетъ принять нѣкоторыя предосторожности, которыя всегда останутся недоступными самой геніальной рыбѣ. Сходство же дикаря съ рыбою состоитъ въ томъ, что и тотъ и другая неспособны ни на минуту усомниться въ выгоды своего предпріятія и отнестись къ нему критически; желаніе возникло, и тотчасъ удовлетворяется, съ большею или меньшею степенью искусства, проворства и осторожности. Что будетъ потомъ? объ этомъ дикарь потомъ и подумаетъ, потому что въ его головѣ не удерживается сложный рядъ мыслей, въ которомъ причины связывались бы съ слѣдствіями.

Если мы разберемъ значеніе нашего національнаго «авось», то замѣтимъ въ немъ несомнѣнное родственное сходство съ умозрѣніями океанійца. Дѣйствія на авось не имѣютъ ничего общаго ни съ мужествомъ героя, ни съ сознательнымъ рискомъ смѣлаго спекулятора; въ нихъ просто выражается неумѣнье и нежеланье додумать до конца, неспособность ума къ сложнымъ выкладкамъ и лѣнь мысли, ведущая за собою необходимость оставлять въ туманѣ тѣ слѣдствія, которыми непременно долженъ закончиться данный поступокъ. Строгая обществен-

наи нравственность заключающаяся въ томъ, что каждая отдѣльная личность сознательно несетъ отвѣтственность за свой образъ дѣйствій, и отдаетъ себѣ и другимъ отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, — такая нравственность совершенно несмыслима въ такой средѣ, въ которой «авось» составляетъ основаніе практической философіи. Нравственность людей вовсе не зависитъ отъ хорошихъ качествъ ихъ сердца или ихъ натуры, отъ обилія добродѣтелей и отъ отсутствія пороковъ. Всѣ подобныя слова не имѣютъ никакого осмыслительнаго смысла. Нравственность того или другого общества зависитъ исключительно отъ того, на сколько члены этого общества сознательно понимаютъ свои собственныя выгоды. Красть невыгодно, потому что если я обокралъ удачно сегодня, то меня такъ же удачно могутъ обокрасть завтра; не говоря уже о томъ, что я могу попасться и получить болѣе или менѣе серьезную неприятность. По тѣмъ же причинамъ невыгодно убивать; точно также невыгодны и всякія другія посягательства на личность и собственность ближнихъ и дальнихъ. Если бы всѣ члены общества прониклись сознаниемъ этой невыгодности, то преступления были бы немислимы, и вся непроизводительная трата силъ на совершеніе, преслѣдованіе, предотвращеніе и наказаніе преступленій сдѣлалась бы излишнею и перестала бы существовать. Но проникнутыя такимъ спасительнымъ сознаниемъ не можетъ ни дикарь, ни любитель слова «авось», ни пролетарій, котораго мысль постоянно направлена на борьбу съ голодомъ. Чтобы быть нравственнымъ человѣкомъ, необходимо быть до известной степени мыслящимъ человѣкомъ, а способность мыслить крѣпнетъ и развивается только тогда, когда личность успѣваетъ вырваться изъ подъ гнета матеріальной необходимости.

Человѣкъ не получаетъ отъ природы ничего готоваго ни внѣ себя, ни внутри себя; ему самому надо устроить себѣ оружіе, рабочіе снаряды, одежду, жилище и даже ту землю, въ которую онъ бросаетъ сѣмена; точно также ему самому надо укрѣпить свои мускулы посредствомъ упражненія и развернуть силы своего мозга также посредствомъ упражненія. Пока дикарь доберется до хорошихъ орудій, ему приходится пробавляться плохими; цѣлыя поколѣнія дѣйствуютъ каменными топорами, потомъ другія поколѣнія работаютъ мѣдными, и такъ идетъ дѣло въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Точно также дикарю приходится изворачиваться въ жизни работою плохо развитаго мозга, и весь домашній и общественный бытъ дикаря складывается сообразно съ несовершенными отправленіями недоразвитаго органа мысли. Всякое усовершенствованіе мозга даетъ себя чувствовать и въ улучшеніи орудій и въ увеличеніи богатства, и въ возвышеніи общественной нравственности. Но мозгъ совершенствуется чрезвычайно медленно, потому что вся жизнь дикаря проходитъ въ постоянной заботѣ о пропитаніи, и вся палочная

Мозговая сила тратится на приисканіе мелкихъ средствъ, ведущихъ къ мелкимъ цѣлямъ. Тутъ некогда припоминать и обобщать опыты, и потому знаніе увеличивается и кругъ мыслей расширяется только тогда, когда опыты бьютъ въ глаза и насильно втираются въ сознаніе. Это дѣтство человѣческаго ума не только неизбежно, но даже совершенно необходимо. Если бы первобытному человѣку былъ вложенъ въ голову совершенно развитой мозгъ, то, вѣроятно, этотъ мозгъ былъ бы почти такимъ же мертвымъ капиталомъ, какимъ было бы ружье въ рукахъ дикаря, совершенно незнакомаго съ его употребленіемъ. Мы способны пользоваться только тѣмъ, что мы сами выработали. Если человѣкъ своими трудами приобрѣлъ себѣ тысячу рублей, то они пойдутъ ему въ прокъ, потому что, приобретая рубли, онъ приобреталъ, кромѣ того, умѣнье обращаться съ ними. Но если вы подарите десять тысячъ такому человѣку, который не умѣлъ приобрести ни копѣйки, то легко можетъ случиться, что вашъ подарокъ будетъ разбросанъ на пустыки, или запертъ въ сундукъ. Точно также, развитой мозгъ, доставшійся человѣку, какъ милостыня природы, могъ быть растраченъ на мелочи или могъ погрузиться въ сонное блаженство, за которымъ непремѣнно послѣдовала бы вялость и разслабленіе. Все, что живетъ въ природѣ, растетъ и развивается, подвергаясь въ своемъ развитіи болѣзнямъ, опасностямъ и тяжелой борьбѣ за существованіе. Умъ человѣка, какъ самое сложное явленіе въ природѣ, подвергается въ большей степени, чѣмъ что-либо другое, этому общему закону всего существующаго. Присвоеніе чужого труда, вражда между людьми и всѣ ужасы варварства вытекаютъ прямо изъ тѣхъ простѣйшихъ процессовъ мысли, которые одни доступны младенческому уму дикаря. Всѣ эти мрачныя явленія составляютъ неизбежную дѣтскую болѣзнь нашей породы, но дѣтство и его болѣзни не должны продолжаться вѣчно, и потому въ наше время слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какія именно условія удерживаютъ различныя группы людей въ состояніи младенчества и превращаютъ временныя болячки въ постоянно открытыя фонтанели, изъ которыхъ сочатся страданія для однихъ и доходы для другихъ.

XV.

Грубое присвоеніе, заключающееся въ грабежъ и сопровождавшееся убійствами, такъ естественно вытекаетъ изъ слабости мысли у дикарей и изъ недостаточнаго количества пищи, добываемаго плохими орудіями

первобытныхъ людей, что не стоитъ останавливаться на объясненіи этого явленія. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ, нѣсколько безнаказанныхъ убійствъ приохочивали дикаря къ такимъ занятіямъ, развивали въ немъ духъ молодечества, возвышали его въ глазахъ единоплеменниковъ и собирали вокругъ него шайку людей, искавшихъ добычи и называвшихъ ее славою. Такъ формировалось зерно военнаго сословія; оно скоро начинало чувствовать презрѣніе къ тѣмъ жалкимъ людямъ, которые пахутъ землю и пасутъ стада; потомъ жалкіе люди порабощались; ихъ заставляли платить дань, и когда это взиманіе извѣстной части продукта приводилось въ правильную форму, тогда группа людей, отмѣченная какимъ нибудь общимъ названіемъ, вступала въ историческую жизнь, подъ предводительствомъ поработившихъ ее воиновъ.

Рядомъ съ этимъ простѣйшимъ присвоеніемъ идетъ, съ незапамятныхъ временъ, другой видъ присвоенія, болѣе сложный; рядомъ съ откровеннымъ грабежемъ развивается торговля, которую многіе ученые до сихъ поръ считаютъ величайшею благодѣлительницею человѣческаго рода. Люди всегда нуждались и до сихъ поръ нуждаются во взаимномъ обмѣнѣ услугъ и продуктовъ; одинъ производитъ хлѣбъ, другой выдѣлываетъ ткани; если первый дастъ второму излишекъ своего хлѣба и возьметъ у него въ замѣнъ излишекъ его тканей, то положеніе обоихъ значительно улучшится, потому что оба будутъ сыты и одѣты. Этотъ обмѣнъ услугъ производится очень легко и удобно, если земледѣлецъ и ткачъ живутъ между собою въ близкомъ сосѣдствѣ; но если они живутъ въ разныхъ земляхъ и если между ихъ землями лежатъ горы, рѣки, пустыни и моря, то прямой обмѣнъ становится невозможнымъ; тогда является услужливый джентльменъ, который ткачу привозитъ хлѣбъ, а земледѣльцу ткани; земледѣлецъ и ткачъ оба очень рады, потому что продукты эти имъ необходимы, а добрый джентльменъ еще болѣе радъ тому, что ему удалось услужить такимъ достойнымъ людямъ. Но услужливость и добродушіе джентльмена обходятся очень дорого и ткачу, и земледѣльцу. Ткачъ получаетъ очень мало хлѣба, а земледѣлецъ очень мало тканей; ткачъ за малое количество хлѣба отдаетъ всѣ свои ткани, а земледѣлецъ за малое количество тканей отдаетъ весь хлѣбъ, который онъ можетъ сберечь отъ своего личнаго потребленія. Ткачъ сидитъ впроголодь, а земледѣлецъ оказывается полуодѣтымъ; за то добрый джентльменъ питается изысканными кушаньями и одѣвается съ утонченнымъ изящствомъ; въ его рукахъ остается весь хлѣбъ, который не доходитъ до ткача, и всѣ ткани, которыхъ не получаетъ земледѣлецъ; эти излишки продуктовъ онъ везетъ къ такимъ людямъ, которые производятъ табакъ или пряности; тутъ опять происходитъ та же исторія; джентльменъ беретъ у нихъ какъ можно больше табаку и даетъ имъ какъ можно меньше хлѣба и тканей; потомъ онъ ѣдетъ съ табаконъ

въ такое мѣсто, гдѣ добываются мѣха, и опять беретъ очень много мѣховъ и даетъ очень мало табаку. Такимъ образомъ, услужливый джентльменъ прогуливается по разнымъ землямъ, осыпаетъ своими благодѣянiями жителей всѣхъ географическихъ широтъ и долготъ, и, не увеличивая ни на одинъ золотникъ количества ихъ продуктовъ, оставляетъ у себя въ рукахъ столько хлѣба, тканей, мѣховъ, табаку и другихъ удобствъ, сколько можно оттягать у производителей и потребителей. Конечно, эти удобства остаются въ рукахъ торговца не въ первоначальномъ своемъ видѣ; они превращаются въ болѣе удобную форму золотыхъ и серебряныхъ монетъ, но сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Интересы торговца идутъ постоянно въ разрѣзъ съ выгодами и потребностями всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновение. Ткачъ и земледѣлецъ могутъ обмѣнивать между собою свои продукты такъ, что рабочiй день ткача будетъ отдаваться за рабочiй день земледѣльца, и для обоихъ такой обмѣнъ будетъ выгоденъ, потому что оба хлопочутъ не о томъ, чтобы увеличить общую сумму своего продукта, а только о томъ, чтобы измѣнить его форму. Но между ткачемъ и земледѣльцемъ появляется посредникъ, у котораго нѣтъ никакого продукта; онъ беретъ перевозку хлѣбъ въ такое мѣсто, гдѣ производится ткань, и общается возвратиться къ земледѣльцу съ грузомъ тканей, соответствующимъ взятому грузу хлѣба. Очевидно, что и ткачу, и земледѣльцу выгодно, чтобы на перевозку истратилось какъ можно меньше продукта, но торговцу-перевозчику выгодно, напротивъ того, чтобы перевозка обошлась ткачу и земледѣльцу какъ можно дороже, потому что вся сумма продукта, поглощенная перевозкою, идетъ въ его пользу. Поэтому, ткачъ и земледѣлецъ желаютъ оба, чтобы обмѣнъ между ними совершался какъ можно легче, чтобы разстоянiе между ними сокращалось и чтобы число и величина препятствiй становились какъ можно меньше; ткачъ и земледѣлецъ стараются сблизиться между собою и завязать непосредственныя сношенiя. Купецъ, напротивъ того, желаетъ, чтобы производитель и потребитель были какъ можно дальше другъ отъ друга, чтобы непосредственныя сношенiя между ними были совершенно невозможны, чтобы препятствiя, лежащiя между ними, были или, еще лучше, казались обѣимъ сторонамъ чрезвычайно значительными.

Тамъ, гдѣ между производителемъ и потребителемъ нѣтъ препятствiй, тамъ не нужно посредника, тамъ роль купца равняется нулю. Когда увеличиваются разстоянiя и препятствiя, тогда возрастаютъ важность и барыши купца, который, наконецъ, совершенно поработаетъ и производителя, и потребителя. Первому онъ назначаетъ произвольно малую цѣну; со второго беретъ произвольно большое количество денегъ, продукта или труда; оба, производитель и потребитель, доходятъ до крайней степени нищеты и зависимости, а богатѣеть и усиливается

только ихъ общій благодѣтель, услужливый джентльменъ, не производящій ничего и совершающій постоянно прогулки отъ ткачей къ земледѣльцамъ, отъ земледѣльцевъ къ мѣховщикамъ, отъ мѣховщиковъ къ плантаторамъ пряностей, и т. д.

Обмѣнъ услугъ и продуктовъ составляетъ ту общую цѣль, къ которой стремятся всѣ люди; торговля есть дорога, ведущая къ этой цѣли; чѣмъ эта дорога прямѣе и короче, тѣмъ выгоднѣе для производителя и потребителя; чѣмъ она длиннѣе и запутаннѣе, тѣмъ выгоднѣе для торговца, стоящаго между производителемъ и потребителемъ. Купить дешево и продать дорого — вотъ то золотое правило, которое всегда руководило торговцами, а это правило можетъ быть выполнено въ самыхъ роскошныхъ размѣрахъ тогда, когда производитель и потребитель не знаютъ другъ друга и не имѣютъ возможности условиться между собою на счетъ цѣны и достоинства продуктовъ. Прямая выгода торговца побуждаетъ его мѣшать сношеніямъ производителя съ потребителемъ, и держать того и другого въ состояніи невѣжества и такой нищеты, которая принуждала бы ихъ отдавать весь свой трудъ или всѣ продукты труда за кусокъ хлѣба или за лоскутъ ткани, брошенный имъ сердобольнымъ торговцемъ.

Средства мѣшать сношеніямъ людей между собою и поддерживать между ними невѣжество и бѣдность очень незамысловаты; они были извѣстны всѣмъ торговцамъ древняго міра, и въ существенныхъ чертахъ своихъ остались неизмѣненными до нашихъ временъ. Морская торговля и морской разбой постоянно помогали другъ другу; финикіяне, малоазійскіе греки и жители острововъ Архипелага съ одинаковымъ успѣхомъ занимались и тѣмъ и другимъ. Когда въ какомъ нибудь поселеніи проявлялось желаніе жителей удовлетворить своимъ потребностямъ безъ помощи торговцевъ, когда зарождались первые начатки разнообразія занятій и когда, такимъ образомъ, ткачъ пытался поселиться рядомъ съ земледѣльцемъ, — тогда, конечно, торговцы старались немедленно искоренить такія предосудительныя стремленія. Къ мятежному поселенію приставала сильная флотилія; съ кораблей сходили вооруженные люди; мѣстечко раззорялось; часть его жителей погибала въ свалкѣ, а кто оставался въ живыхъ и не успѣвалъ укрыться въ какую-нибудь труппу, тотъ обращался въ товаръ и продавался въ рабство въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за рабовъ давали хорошую цѣну. Послѣ такого разгрома, оставшіеся жители выползали изъ своихъ убожищъ и, конечно, принуждены были употреблять всѣ свои силы на добываніе пищи; о ремесленныхъ занятіяхъ нечего было и думать; людей оставалось слишкомъ мало, да и всѣ заведенія вмѣстѣ съ орудіями производства были истреблены разгнѣванными торговцами. Разумѣется, зависимость оставшихся жителей отъ сосѣднихъ воиновъ и торговцевъ становилась совершенно

безотвѣтною и всякое стремленіе къ промышленной самостоятельности затихало на многіе десятки лѣтъ.

Сила торговцевъ состояла преимущественно въ томъ, что въ ихъ рукахъ была монополія перевозочныхъ средствъ; они были владѣльцами кораблей и мореплавателями, они знали торговые пути, они умѣли обходить подводные камни и выбирать для своихъ путешествій благоприятное время года; если дѣло шло о сухопутной торговлѣ, то имъ были извѣстны свойства земель и нравы жителей, мимо которыхъ лежалъ путь ихъ каравановъ; они знали, какъ проходить черезъ песчанья пустыни и гдѣ отыскивать въ нихъ оазисы и источники воды, они держали стада верблюдовъ, приученныхъ ко всѣмъ тягостямъ походной жизни; и наконецъ, какъ сухопутные, такъ и морскіе торговцы знали въ совершенствѣ, въ какихъ краяхъ господствуетъ изобиліе или недостатокъ въ тѣхъ или другихъ произведеніяхъ, т. е., другими словами, на какомъ рынкѣ можно купить какой нибудь предметъ дешево, или продать его за дорогую цѣну. Всѣ эти знанія и преимущества оберегались торговцами самымъ ревностнымъ образомъ: торговые пути финикиянъ и карфагенянъ считались государственною тайною, и путешественники этихъ націй распространяли умышленно самыя нелѣпыя сказки о тѣхъ далекихъ земляхъ, которыя они посѣщали. Если у какого нибудь сосѣдняго племени заводились корабли, то купцы, видя въ нихъ будущихъ конкурентовъ, при первой возможности захватывали ихъ въ плѣнъ или пускали ихъ ко дну; иногда тѣмъ и кончалось дѣло, а иногда обиженное племя затѣвало войну, послѣ которой побѣдители становились властителями моря и на нѣсколько времени избавлялись отъ всякаго соперничества. Съ воинами, не пускавшими въ торговья предпріятія, купцы жили въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; воины были самыми лучшими покупателями; они сбывали купцамъ захваченныхъ плѣнниковъ и ту часть добычи, которая не была удобна для ихъ личнаго потребленія; тѣмъ же путемъ уходила значительная часть той дани, которую воины собирали натурою съ поработанныхъ земледѣльцевъ и со всей трудящейся массы; купцы давали имъ въ замѣнъ предметы роскоши, привезенные изъ далекихъ земель; за эти предметы воины давали очень хорошія цѣны и находили такія покупки чрезвычайно выгодными, потому что продукты, которыми они расплачивались, были произведены работою простыхъ смертныхъ и не стоили самимъ героямъ ни малѣйшаго личнаго труда. Доброе согласіе между воинами и купцами всею своею тяжестью лежало на плечахъ трудящагося большинства; чѣмъ туже набивался кошелекъ торговца и чѣмъ чаще появлялись затѣйливыя кушанья на столѣ воина, или пестрые ткани въ его одеждѣ, тѣмъ сильнѣе голодалъ земледѣлецъ, тѣмъ грубѣе становились его орудія и тѣмъ полнѣе дѣлалось его поработаніе.

Древняя исторія представляетъ много примѣровъ такихъ зачинавшихся цивилизацій, которыя сначала были приостановлены войною и торговлею, а потомъ погибли безъ слѣда подъ грудой благодѣяній, насыпанныхъ на развитіе народа щедрыми руками купцовъ и героевъ. Война и торговля, какъ два главные вида присвоенія, возникаютъ чрезвычайно рано въ каждомъ образующемся обществѣ людей; исторія не можетъ прослѣдить ихъ происхожденія, потому что она вездѣ находитъ ихъ уже существующими; исторія каждаго народа начинается даже обыкновенно съ какихъ нибудь сказочныхъ преданій о военныхъ подвигахъ и о приобрѣтеніи богатой добычи. Такъ какъ добыча эта навѣрное куда нибудь сбывалась и на что нибудь обмѣнивалась, то, очевидно, война и торговля относятся къ разряду такихъ фактовъ, которые, подобно языку, мифологіи и варварскимъ начаткамъ земледѣлія, зарождаются въ глухія времена неопредѣлимой древности. Война и торговля совершенно доступны дикарямъ, находящимся на очень низкой степени умственнаго развитія. Для войны требуется физическая сила, изъ которой естественнымъ образомъ развивается самонадѣянность и отвага; а для торговли необходима хитрость, т. е. умѣнье прикладывать мелкія средства къ достиженію мелкихъ цѣлей. Для войны не требуется никакихъ знаній, а при торговлѣ принимаются въ расчетъ только такія знанія, которыя легко усваиваются дикаремъ и не нуждаются въ изслѣдованіи и въ анализирующемъ трудѣ мысли. Торговцу надо помнить дороги и подводные камни, надо примѣняться къ обычаямъ иностранцевъ и знать по нѣскольку словъ изъ ихъ языковъ, надо соображать, куда везти купленный товаръ и что брать за него въ обмѣнъ. Всѣ эти свѣдѣнія, при ограниченномъ объемѣ торговыхъ операцій, приобрѣтаются очень легко, путемъ простаго навыка, безъ содѣйствія тѣхъ сложныхъ процессовъ мысли, къ которымъ неспособенъ мозгъ первобытнаго человѣка.

XVI.

Могущество торговца и его господства надъ первобытнымъ обществомъ основано преимущественно на томъ обстоятельстве, что онъ одинъ владѣетъ перевозочными средствами. Когда число людей увеличивается и населеніе становится гуще, тогда власти торговаго сословія наносится первый значительный ударъ; между деревнями, мѣстечками и городами проводятся дороги, которыя даютъ каждому изъ жителей возможность нести и везти свои продукты на различные рынки. Когда не было дорогъ, тогда каждый производитель поневолѣ принужденъ былъ

продавать свои произведенія на мѣстѣ странствующему купцу, у котораго были лодки и корабли для рѣчной и морской перевозки, или верблюды, волы, ослы и мулы для перевозки черезъ горы, луговья степи и песчанья пустыни. Чѣмъ лучше становятся дороги, тѣмъ доступнѣе дѣлается перевозка каждому изъ производителей; шоссейныя дороги покрываются цѣлыми обозами сельскихъ продуктовъ, а когда шоссе, въ свою очередь, смѣняется желѣзною дорогою, тогда длинные ряды вагоновъ почти совершенно уничтожаютъ разстояніе между производителемъ и потребителемъ, такъ что купецъ, назначавшій въ былое время свои цѣны съ диктаторскимъ самовластіемъ, превращается теперь въ скромнаго комиссіонера, получающаго за свой трудъ опредѣленный процентъ. Во время владычества купца, при отсутствіи путей сообщенія, значительное количество человѣческаго труда тратилось на перемѣщеніе продуктовъ. Цѣлые легионы разныхъ погонщиковъ и ямщиковъ проводили всю свою жизнь въ странствованіи по горамъ и пустынямъ; къ этому же классу людей слѣдуетъ отнести лодочниковъ, бурлаковъ и матросовъ; всѣ они не производили ни одного зерна и пропитаніе ихъ цѣлкомъ ложилось на земледѣльцевъ. Всякое улучшеніе дорогъ клонится къ уменьшенію этой непроизводительной траты труда: на шоссе тройка лошадей можетъ свезти тотъ грузъ, который на простой дорогѣ свезутъ пять лошадей, слѣдовательно, какъ количество лошадей, такъ и количество людей, трудящихся при перевозкѣ, уменьшается почти на половину при переходѣ съ простой дороги на шоссе. Паровозы сгоняютъ съ дороги всѣхъ лошадей и почти всѣхъ людей; такъ точно поступаютъ рѣчные пароходы съ бурлаками, и морскіе пароходы съ матросами купеческихъ судовъ; въ экономіи оказывается огромная масса лошадиного и человѣческаго труда, и эта экономія на первый разъ производитъ тягостный застой рабочей силы, потому что люди, привыкшіе къ извѣстному роду занятій, не знаютъ, куда пристроить себя; но застой этотъ не можетъ быть продолжителенъ, потому что никогда и нигдѣ еще земледѣліе не доходило до такой степени совершенства, при которой приложеніе новыхъ рабочихъ силъ къ землѣ было бы дѣломъ излишнимъ. Мы теперь даже не знаемъ, можетъ ли быть достигнуто такое положеніе; вѣроятнѣе то, что производительныя силы земли могутъ увеличиваться безгранично и что каждое новое приложеніе труда къ обработкѣ земли будетъ всегда вознаграждаться соответственнымъ приращеніемъ продукта. Если даже производительныя силы земли имѣютъ предѣлы, то предѣлы эти далеко не достигнуты и для насъ, съ ближайшимъ нашимъ потомствомъ, недостижимы; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, экономія труда по теоріи должна быть признана выгодною; если же мы видимъ иногда, въ исторіи и въ жизни, что устраненіе людей отъ производительныхъ занятій ведетъ за собою множество индивидуальныхъ страда-

ній, то мы должны искать причины этихъ страданій не въ развитіи путей сообщенія, а въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому развитію.

Преобладаніе военнаго и торговаго элемента всегда и вездѣ мѣшаетъ разнообразію занятій, затрудняетъ сношенія и сближеніе между людьми, дѣлаетъ невозможнымъ прямой обмѣнъ продуктовъ и быстрое обращеніе мыслей и, такимъ образомъ, удерживаетъ массы на самомъ низкомъ уровнѣ промышленнаго и умственнаго развитія. Каждая отдѣльная личность въ этой массѣ порабощена, затерта произволомъ и задавлена отдѣльнымъ однообразіемъ неблагоприятнаго труда. Такая личность не знаетъ ни своихъ силъ и способностей, ни тѣхъ отраслей дѣятельности, къ которымъ могутъ быть примѣнены эти способности. Для такой личности каждая важная переменна, даже самая благодѣтельная, составляетъ истинное несчастіе, потому что застаётъ ее всегда въ расплохъ и всегда повергаетъ ее въ безвыходное недоумѣніе. Приложение рабочимъ силамъ всегда найдется, но чтобы искать, необходима смѣтливость и предприимчивость, а эти свойства не существуютъ, потому что они систематически истреблялись всею совокупностью обстоятельствъ, развившихся изъ элемента присвоенія въ далекомъ историческомъ и доисторическомъ прошедшемъ. Само собою разумѣется, что эта совокупность неблагоприятныхъ обстоятельствъ не могла произойти отъ развитія путей сообщенія, которое, напротивъ того, составляетъ первый шагъ къ освобожденію человѣческой личности и къ возвышенію благосостоянія трудящихся массъ. Сначала пути сообщенія облегчаютъ перевозку, но потомъ они мало по малу избавляютъ производителя отъ необходимости перевозить продукты.

Эта послѣдняя мысль можетъ показаться парадоксальною, но не трудно убѣдиться въ томъ, что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей натяжки. Всякое усовершенствованіе въ путяхъ сообщенія передаетъ, какъ мы видѣли, въ руки производителей часть барышей, достававшихся прежде посредникамъ, т. е. торговому классу. Когда купецъ становился богатымъ, то онъ употреблялъ свое богатство—или на расширеніе торговыхъ операцій, или на удовлетвореніе тѣмъ прихотямъ, которыя естественнымъ образомъ возникаютъ у обезпеченнаго человѣка. Въ первомъ случаѣ, господство купца надъ производителями, потребителями и мелкими торговцами становилось тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ большее количество капитала пускалось въ обращеніе. Въ увеличеніи этого господства не было, конечно, ничего утѣшительнаго ни для цѣлаго общества, ни для трудящейся массы. Во второмъ случаѣ, купецъ тратилъ свое богатство въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ страны; черезъ это увеличивалась притягательная сила этихъ центровъ, которые и безъ того высасывали изъ провинцій лучшіе соки ихъ продуктовъ; кромѣ того,

такая трата богатства поощряла производство предметовъ роскоши, а это производство несовременно и вредно въ томъ обществѣ, въ которомъ большинство членовъ нуждаются въ самомъ необходимомъ. Положеніе дѣль совершенно измѣняется, когда огромный барышъ купца раздѣляется между производителями такъ, что каждый изъ нихъ получаетъ небольшой излишекъ. Этотъ излишекъ тратится непременно или на то, что необходимо для личнаго потребленія, или на улучшение орудій производства.

У насъ есть въ обществѣ недоувѣрчивые читатели, которые, считая себя практическими людьми, немедленно поразятъ мою аргументацію словами: «мужикъ пропьетъ! Чѣмъ больше получить, тѣмъ больше въ кабаки оставить!» Какъ ни сильно звучитъ въ этихъ словахъ *практическая нота*, тѣмъ не менѣе приходится признать возраженіе недоувѣрчивыхъ читателей совершенно неосновательнымъ. И статистическія таблицы, и наблюденія всевозможныхъ путешественниковъ, и доклады разныхъ специальныхъ комиссій доказываютъ самымъ положительнымъ образомъ, что пьянство и всякое безобразіе развивается всего сильнѣе въ бѣдныхъ странахъ и въ бѣднѣйшихъ классахъ. Люди пьютъ съ голоду, что имѣетъ и физиологическое, и экономическое основаніе. Чарка водки дешевле хорошаго куска мяса, а между тѣмъ алкоголь уменьшаетъ количество выдыхаемой углекислоты и, замедляя такимъ образомъ перегараніе органическихъ тканей, даетъ работнику возможность поддерживать свои силы меньшимъ количествомъ пищи.

Устраняя такимъ образомъ возраженіе отечественныхъ практиковъ, производящихъ свои глубокомысленныя наблюденія на пространствѣ десяти квадратныхъ верстъ, я повторяю, что излишекъ, достающійся производителямъ, будетъ истраченъ ими—или на пищу, платье и жилище, или на рабочіе инструменты. Въ томъ и въ другомъ случаѣ общество получаетъ прямую выгоду. Когда производитель сытъ, одѣтъ и живетъ въ сухомъ тепломъ и свѣтломъ помѣщеніи, тогда онъ работаетъ больше, охотнѣе и успѣшнѣе. Здоровье его улучшается; средняя продолжительность жизни увеличивается, способность размноженія становится сильнѣе и общество растетъ и богатѣетъ; вмѣстѣ съ многочисленностью является разнообразіе занятій, развивающее предприимчивость и изобрѣтательность, движеніе идей усиливается вмѣстѣ съ обмѣномъ продуктовъ, и общество во всѣхъ своихъ слояхъ съ каждымъ годомъ становится богаче, дѣятельнѣе и счастливѣе. Тоже самое происходитъ въ томъ случаѣ, когда производитель затрачиваетъ свой излишекъ на улучшение орудій, потому что за улучшеніемъ орудій, конечно, слѣдуетъ приращеніе продукта, которое ведетъ за собою новое улучшеніе, и, такимъ образомъ, подаетъ сигналъ къ постоянно ускоряющемуся движенію впередъ. Движеніе это совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше

труда и времени тратится на перевозку, а я сказалъ уже выше, что улучшение путей сообщенія не только облегчаетъ перевозку, но даже постепенно устраняетъ ея необходимость.

Вотъ какъ это дѣлается: когда производители увеличиваютъ количество своихъ закупокъ и заказовъ, то такое увеличеніе очень скоро замѣчается фабрикантами и ремесленниками; производителей такъ много, что если каждый изъ нихъ прибавитъ только по пяти копѣекъ къ своимъ ежемѣсячнымъ расходамъ, то эта прибавка составитъ уже замѣтный расчетъ для ихъ поставщиковъ. Поставщикъ, постоянно получающій много заказовъ изъ одного мѣста, постарается, конечно, приблизиться къ этому мѣсту, рассчитывая совершенно основательно, что заказовъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше будутъ препятствія, заключающіяся въ разстояніи и въ перевозкѣ. Когда къ кузнецу, живущему въ городѣ, постоянно приводятъ дляковки по десяти лошадей въ день изъ большого села, лежащаго верстъ за пятнадцать отъ городской заставы, то кузнецъ можетъ совершенно основательно предположить, что въ этомъ селѣ куютъ лошадей только тѣ мужики, у которыхъ есть надобность побывать въ городѣ; кто побѣдиѣе, кто бережетъ каждый часъ времени, тотъ оставитъ свою лошадь некованною, а между тѣмъ и этотъ мужикъ подковалъ бы свою лошадь, если бы кузнецъ жилъ въ селѣ; далѣе кузнецъ соображаетъ, что у него въ городѣ много конкурентовъ и что городской работы на всѣхъ не хватаетъ, тогда онъ переселяется на лоно сельской природы, къ великому удовольствію мужиковъ и къ великой пользѣ всѣхъ лошадиныхъ ногъ. Такъ точно рассуждаетъ и поступаетъ плотникъ, котораго часто требуютъ съ топоромъ въ село для сооруженія избъ, амбаровъ, скотныхъ дворовъ и всякихъ другихъ хозяйственныхъ построекъ. Пока мужики ходили въ лаптяхъ, сапожнику нечего было дѣлать въ селѣ, и тѣ богатые крестьяне, которые могли позволять себѣ эту роскошь, принуждены были покупать сапоги въ городѣ; когда выгодный сбытъ сельскихъ продуктовъ помимо благодѣтельныхъ купцовъ далъ возможность всѣмъ мужикамъ обуваться по человѣчески, тогда въ селѣ появился свой сапожникъ. Чѣмъ богаче становятся крестьяне, тѣмъ больше заводится въ ихъ селѣ ремесленныхъ и торговыхъ заведеній; образуется мѣстный центръ, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ мѣстныхъ жителей; крестьянинъ кормитъ ремесленника и сбываетъ такимъ образомъ свой хлѣбъ, а ремесленникъ одѣваетъ и обуваетъ крестьянина и сбываетъ такимъ образомъ свой трудъ. Сырые продукты, получающіеся на мѣстѣ, тутъ же на мѣстѣ перерабатываются, потребляются и возвращаются землѣ въ видѣ разнообразнаго удобренія. Крестьянину не зачѣмъ ѣхать въ городъ, ни для продажи, ни для покупки, стало быть его производство увеличивается всѣмъ тѣмъ количествомъ труда и времени, которое преж-

де тратилось на развѣзды. Но, если мы припомнимъ первоначальную причину этого сбереженія, то мы увидимъ, что она заключается въ томъ улучшеніи путей сообщенія, которое избавило крестьянина отъ тиранической власти купца, и увеличило заработокъ перваго, уменьшивъ хищные барыши послѣдняго.

XVII.

Пути сообщенія приносятъ обществу значительнѣйшую долю пользы въ томъ случаѣ, когда они содѣйствуютъ образованію и развитію мелкихъ мѣстныхъ центровъ; эти мѣстные центры противодѣйствуютъ притягательной силѣ большихъ центровъ и распространяютъ во всей странѣ то разнообразіе занятій, которое прежде сосредоточивалось исключительно въ главныхъ городахъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, пути сообщенія должны быть пролагаемы и улучшаемы именно такъ, и именно тамъ, гдѣ и какъ того требуютъ выгоды производителей и потребителей. Надобно, чтобы производитель прямо съ своего поля или гумна могъ везти хлѣбъ на ближайшій рынокъ по такой дорогѣ, на которой, по крайней мѣрѣ, не вязли бы по ступицу колеса телѣги и не надрывались бы животы лошадей; необходимо, слѣдовательно, чтобы пути сообщенія устраивались и улучшались прежде всего между отдѣльными деревнями, и между деревнею и ближайшимъ городомъ; необходимо, чтобы облегчалась та часть перевозки, которая падаетъ прямо на одного производителя.

Большая часть экономистовъ разсуждаетъ иначе. Они очень мало заботятся о движеніи продуктовъ и о разнообразіи занятій въ самомъ обществѣ; все вниманіе ихъ устремлено на торговлю общества съ другими обществами; сравнительное богатство различныхъ государствъ опредѣляется, по ихъ мнѣнію, тѣми количествами продуктовъ, которые вывозятся за границу, или ввозятся изъ-за границы; чѣмъ сильнѣе вывозъ перевѣшиваетъ ввозъ, тѣмъ радостнѣе бьются патриотическія сердца экономистовъ. Разсуждая такимъ образомъ, и питая самую нѣжную привязанность къ барышамъ купца, эти мыслители заботятся исключительно о такихъ путяхъ сообщенія, которые связываютъ между собою большіе центры, или о такихъ, которые соединяютъ большой центръ съ приморскимъ пунктомъ, отпускающимъ продуктъ за границу. Эти пути приносятъ самую существенную выгоду торговцамъ и не доставляютъ никакой выгоды производителямъ; продуктъ, свезенный въ одинъ изъ центровъ, сосредоточился уже въ рукахъ купцовъ, слѣдовательно, перевозка этого продукта въ другой центръ или въ приморскій

пунктъ составляет заботу торговцевъ, и облегченіе этой перевозки ведетъ за собою только увеличеніе купеческихъ барышей и расширеніе торговыхъ операцій. Въ это самое время производители, которымъ приходится возить продуктъ изъ своихъ деревень въ ближайшіе города, за пятьдесятъ или шестьдесятъ верстъ, по прежнему калѣчатъ своихъ лошадей и ломаютъ свои телѣги, такъ что тяжелая часть перевозки по прежнему лежитъ на производителяхъ, между тѣмъ какъ она снята съ торговцевъ. Но, конечно, экономисты, принадлежащіе, повидимому, къ той школѣ эстетиковъ, которая признавала только высокое и прекрасное, не снисходятъ до разсмотрѣнія низкихъ предметовъ сѣрой производительской жизни. Статистика не отмѣчаетъ числа испорченныхъ мужицкихъ лошадей и поломанныхъ колесъ, и поэтому экономисты соблѣзнуютъ только о тѣхъ возвышенныхъ трудностяхъ, съ которыми приходится бороться купеческимъ капиталамъ, обращеннымъ на заграничную торговлю, а между тѣмъ, не душно было бы помнить, что благосостояніе всего общества зависитъ гораздо больше отъ числа сытыхъ людей и здоровыхъ лошадей, работающихъ въ полѣ, чѣмъ отъ числа рублей, долларовъ или фунтовъ стерлинговъ, составляющихъ годовой барышъ того или другаго первокласснаго негодіанта. Поэтому экономистамъ и всѣмъ другимъ людямъ, болѣющимъ душою объ общественномъ благѣ, вовсе не мѣшало бы, отъ времени до времени, переносить свое просвѣщенное вниманіе съ великихъ и прекрасныхъ линий желѣзныхъ дорогъ на низкіе и пошлые предметы, называющіеся въ просторѣчій грязными проселками. Въ нихъ-то именно и заключается вся сила путей сообщенія, та сила, по крайней мѣрѣ, которая можетъ накормить и одѣть мужика, научить его уму-разуму и сдѣлать его зажиточнымъ и полезнымъ человѣкомъ.

Дороги, рѣки и каналы страны могутъ быть названы кровеносными сосудами, въ которыхъ обращаются питательные соки общественного организма; всѣ люди, правильно понимающіе дѣйствительные интересы общества, должны желать, чтобы эти питательные соки обращались какъ можно равномернѣе и быстрѣе, чтобы они не застаивались ни въ какомъ мѣстѣ кровеносной системы, чтобы нигдѣ не происходило приливовъ и чтобы ни одна часть страны не страдала малокровіемъ. Любители общественного блага, заграничной торговли и купеческихъ барышей находятъ, напротивъ того, что о быстротѣ и равномерности внутренняго обращенія заботиться не стоитъ. Они полагаютъ, что счастье страны будетъ совершенно обезпечено, если окажется возможность вскрыть одну изъ большихъ артерій, и, затѣмъ, постоянно отсылать за море бочки вытекающей крови. Чѣмъ больше можно будетъ отослать этой крови и чѣмъ быстрѣе она будетъ притягиваться къ ранѣ и вытекать наружу, тѣмъ богаче и могущественнѣе будетъ становиться весь орга-

низмъ общества. Это сравненіе употреблено здѣсь вовсе не для красоты слога. Не трудно будетъ доказать, что оно буквально вѣрно. Панегиристы заграничной торговли совѣтуютъ тѣмъ странамъ, въ которыхъ мало развита мануфактурная дѣятельность, вывозить сырые продукты и обмѣнивать ихъ на иностранныя сукна, шелковыя и бумажныя матеріи, стальныя орудія и всякія другія фабричныя произведенія. Такъ дѣлается теперь во многихъ странахъ, но панегиристы доказываютъ, что такъ и всегда должно дѣлаться, потому что нѣкоторые государства должны быть чисто земледѣльческими, а другія промышленными; затѣмъ дѣло считается рѣшеннымъ въ теоріи, и всѣ усилія направляются къ тому, чтобы на практикѣ усилить вывозъ сырыхъ произведеній изъ тѣхъ странъ, которымъ вѣдно быть чисто земледѣльческими.

Но тутъ представляется маленькое затрудненіе. Земля родить хорошо въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а потомъ становится скупой, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, такъ что даже оставленіе земли подъ паромъ не поправляетъ дѣла. Тогда истощенный участокъ покидается и вмѣсто него разрабатывается полоса новой земли; это разрабатываніе сопряжено съ значительными трудностями и только на ограниченный промежутокъ времени поправляетъ положеніе земледѣльца, потому что новая земля также истощается и начинаетъ отказывать въ урожаяхъ. Снова является необходимость распахивать новъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не окажется, что вся земля выпажана и истощена. А потомъ? Потомъ человѣку приходится бѣжать куда нибудь вдаль, искать опять новыхъ земель, какъ бѣгутъ американскіе земледѣльцы на западъ съ такихъ земель, которыя только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ были заселены. Но вѣдь и западъ не безконеченъ; придется когда нибудь добѣжать до Великаго Океана и повернуть назадъ, на опустошенную глушь, поросшую бурьяномъ и сорными травами. Вывозить сырой продуктъ все равно, что срѣзывать верхніе слои земли и отправлять ихъ за море; срѣзавши нѣсколько слоевъ, человѣкъ находитъ, что больше нечего рѣзать, потому что онъ дошелъ уже до того грунта, который не даетъ ему пищи, и слѣдовательно, для продажи за границу также не годится. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такой образъ дѣйствій въ народномъ хозяйствѣ совершенно соотвѣтствуетъ вытягиванію крови изъ животнаго организма. Всякому деревенскому свинопасу извѣстно, что земля родить хлѣбъ хорошо тогда, когда ее удобряютъ; а удобреніе есть тотъ же сырой продуктъ, прошедшій черезъ желудки людей и животныхъ и возвращающійся въ землю. Если продуктъ отправить за границу, то съ удобреніемъ приходится проститься. Тѣ хозяева, которые держатъ скотъ для удобренія и въ тоже время отправляютъ цѣлые обозы зерноваго хлѣба на далекіе рынки, утѣшаютъ себя сладкими, но обманчивыми мечтами. Земля ихъ медленно истощается. Чтобы сохра-

нять и увеличивать свою производительную силу, земля должна получать обратно, въ видѣ удобренія, весь сырой продуктъ, снятый съ нея при уборкѣ хлѣба. Если мы будемъ давать ей только часть этого продукта, то она будетъ становиться бѣднѣе, хотя, конечно, не такъ быстро, какъ въ томъ случаѣ, когда бы мы не возвращали ей ничего. Цвѣтущее земледѣліе существуетъ только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ весь сырой продуктъ перерабатывается и сѣдается на мѣстѣ, а это возможно только въ тѣхъ частяхъ земли, въ которыхъ разнообразіе занятій и развитіе промышленности позволяетъ людямъ сдвигаться въ тѣсныя группы и устраивать множество мелкихъ центровъ. Земледѣліе идетъ хорошо въ Англіи, еще лучше въ Бельгіи и въ Сѣверной Германіи, то есть, именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ всего сильнѣе развита мануфактурная дѣятельность. Земледѣліе идетъ плохо въ Россіи, въ Турціи, въ южныхъ штатахъ Америки, то есть, именно въ тѣхъ странахъ, которыя обречены учеными людьми на исключительно земледѣльческую роль.

Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чисто земледѣльческая страна, съ успѣхомъ занимающаяся земледѣліемъ, есть чистѣйшій мифъ. Созданіе этого мифа, стоящаго рядомъ съ законами Мальтуса и Рикардо, дѣлаетъ величайшую честь блестящей фантазіи ученыхъ изобрѣтателей, но къ явленіямъ и фактамъ дѣйствительности этотъ мифъ относится точно такъ же, какъ относятся къ нимъ Оберонъ и Титанія. Въ дѣйствительности есть земли, производящія въ изобиліи хлѣбъ и ткани, сырые продукты и фабричныя издѣлія, и есть другія земли, которыя не производятъ ничего, кромѣ сырья, но за то и сырья производятъ мало. На этихъ послѣднихъ земляхъ вовсе не лежитъ какая нибудь печать отверженія; онѣ могутъ также завести у себя мануфактуры, оживить свое населеніе разнообразіемъ занятій и устроить множество мелкихъ центровъ производства и потребленія. Когда онѣ сдѣлаютъ это, тогда и сырье будетъ рождаться у нихъ въ большемъ количествѣ, а пока онѣ будутъ слушать мудрыхъ экономистовъ и гнаться только за усиленіемъ вывоза, до тѣхъ поръ имъ придется только дивиться тому, какъ это чисто земледѣльческая страна не можетъ завести у себя порядочнаго земледѣлія; чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будетъ упорство въ этомъ направленіи, тѣмъ полнѣе будетъ истощеніе земли и тѣмъ ужаснѣе будутъ нищета, невѣжество и порабощеніе жителей.

Изъ всего, что было говорено выше, слѣдуетъ, что пути сообщенія полезны тогда, когда пробуждаютъ мѣстную жизнь и содѣйствуютъ образованію мелкихъ центровъ. Но путями сообщенія можетъ овладѣть торговый элементъ, или какая нибудь другая сила, развивающаяся изъ того же общаго начала присвоенія,—и тогда пути сообщенія, проложенныя не тамъ гдѣ слѣдуетъ, могутъ только ускорить движеніе общества къ исто-

щению земли, къ подавленію всякой внутренней промышленности и къ порабощенію жителей, обреченныхъ на вѣчное однообразіе труда и на безвыходную зависимость отъ наглаго произвола торговцевъ и отъ непрерывныхъ колебаній цѣнъ на далекихъ рынкахъ.

XVIII.

Чтобы передвигать или перевозить съ мѣста на мѣсто сырой матеріалъ, человѣку надо знать только величину и вѣсъ его, то есть, такія свойства, которыя опредѣляются простымъ свидѣтельствомъ чувствъ. Чтобы производить въ этомъ матеріалѣ механическія или химическія измѣненія, необходимо имѣть болѣе подробныя и спеціальныя свѣдѣнія о свойствахъ матеріи. Поэтому, умѣнье перерабатывать сырой матеріалъ развивается въ человѣческихъ обществахъ уже тогда, когда существуютъ перевозочныя средства и пути сообщенія. Въ самомъ грубомъ бытѣ дикарей проявляется уже способность измѣнить форму матеріи, но эти зародыши ремесленной дѣятельности относятся къ высшимъ видамъ развитой промышленности точно такъ же, какъ начатки варварскаго земледѣлія относятся къ подвигамъ научной агрономіи. Дикарь умѣетъ добыть себѣ огня треніемъ двухъ кусковъ дерева; онъ умѣетъ изжарить кусокъ мяса или сварить пойманную рыбу; онъ умѣетъ превратить палку въ лукъ и заострить оконечность твердаго кремня; но всѣ эти операціи скользятъ по поверхности матеріи, производятъ въ ней незначительныя измѣненія и доставляютъ дикарю очень ограниченную власть надъ окружающею природою. Дикарь убиваетъ звѣря тяжелымъ камнемъ, но онъ не знаетъ, что въ этомъ самомъ камнѣ заключается желѣзная руда, и что изъ этой руды можно сдѣлать топоръ, которымъ очень удобно можно будетъ убивать звѣрей и рубить деревья. Поваливши звѣря, дикарь сдираетъ съ него шкуру и набрасываетъ ее себѣ на плеча, но онъ опять таки не знаетъ, что шерсть, покрывающая шкуру, можетъ быть переработана въ такую матерію, которая гораздо удобнѣе самой шкуры можетъ служить одеждою. Кромѣ того, дикарь не знаетъ, что шкуру можно выдѣлать и превратить въ шкуру, которая доставитъ очень удобную обувь.

Такимъ образомъ, звѣриная кожа, способная дать дикарю суконный плащъ и сапоги, даетъ ему только какую-то неуклюжую и неудобную накидку. Силы природы остаются подъ снудомъ, потому что у дикаря нѣтъ тѣхъ свѣдѣній о свойствахъ матеріи, которыя необходимы для того, чтобы вызвать эти силы къ цѣлесообразной дѣятельности. Тѣ немногія и незначительныя измѣненія, которымъ дикарь умѣетъ подвер-

гать сырой матеріалъ, требуютъ отъ дикаря большихъ усилій и даютъ ему ничтожные результаты; много времени и труда уходитъ на перемѣщеніе матеріи и также много на перемѣны формы, такъ что на самое важное дѣло человѣка, на обработываніе и улучшеніе земли, единственнаго источника всякаго богатства, дикарь можетъ употреблять очень мало времени и физическихъ усилій.

Улучшеніе перевозочныхъ средствъ уменьшаетъ трудности передвиженія, а улучшеніе механическихъ и химическихъ процессовъ производства точно также уменьшаетъ трудности превращенія. Вся масса сберегаемой силы должна тогда обращаться на землю, и это увеличеніе въ средствахъ обработки должно вести за собою соотвѣтствующее приращеніе въ количествѣ сыраго продукта. На мельницѣ вода, вѣтеръ или паръ превращаютъ зерно въ муку и выполняютъ такимъ образомъ ту работу, которую прежде должны были совершать тысячи человѣческихъ рукъ или сотни лошадиныхъ силъ; въ это время освобожденные люди и лошади могутъ прилагать свой трудъ болѣе производительнымъ образомъ, увеличивая количество того зерна, которое должно быть превращаемо въ муку. Приложеніе паровой силы къ прядильной машинѣ и къ усовершенствованному ткацкому станку даетъ возможность шести женщинамъ превращать въ ткань такое количество шерсти, которое, сто лѣтъ тому назадъ, въ тотъ же промежутокъ времени, требовало для своей переработки — усиленнаго труда нѣсколькихъ сотъ мужчинъ; эти освобожденные работники могутъ посвятить свои силы тщательному уходу за скотомъ, могутъ улучшить породу овецъ обильнымъ и отборнымъ кормомъ и могутъ, такимъ образомъ, значительно увеличить то количество шерсти, которое должно быть превращаемо въ ткань.

Усовершенствованіе механическихъ и химическихъ процессовъ, сберегающее ту рабочую силу, которая должна была употребляться на переработку матеріала, ведетъ за собою, кромѣ того, сбереженіе въ той массѣ силъ, которая тратилась на перемѣщеніе. Положимъ, что страна производитъ хлѣбъ и желѣзную руду; если она будетъ отправлять за границу то и другое, то на перевозку этого сырья потребуется много повозокъ, вагоновъ или кораблей, потому что хлѣбъ и руда занимаютъ много мѣста и представляютъ, сравнительно съ своею цѣнностью, очень громоздкій и тяжелый грузъ. Но если хлѣбомъ кормить дома работниковъ, которые будутъ превращать руду въ полосное или листовое желѣзо, то этотъ новый продуктъ можетъ быть отправленъ на меньшемъ количествѣ повозокъ, между тѣмъ какъ цѣнность его будетъ соотвѣтствовать цѣнности руды, сложенной съ цѣнностью сѣдѣннаго хлѣба. Если листовое и полосное желѣзо будетъ превращено внутри страны въ стальные ножи, то цѣнность этихъ ножей будетъ также соотвѣтствовать цѣнности употребленнаго желѣза, сложенной съ цѣнностью того

хлѣба, который съѣдятъ новые работники, а для перевозки ножей потребуются еще меньше повозокъ, чѣмъ сколько требовалось для перевозки листового и полоснаго желѣза.

Если мы подумаемъ теперь, сколько повозокъ надо было бы употребить для вывоза желѣзной руды и всего хлѣба, съѣденнаго всѣми работниками и если мы сравнимъ это количество съ тѣмъ, которое потребуются для вывоза ножей, сдѣланныхъ изъ той же массы руды, то мы увидимъ, что первое количество по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ больше втораго. Это докажетъ намъ, что всякая переработка сыраго продукта на мѣстѣ сберегаетъ огромную массу силъ, которыя иначе пришлось бы издержать на перевозку. Руда и хлѣбъ комбинируются между собою и сжимаются въ форму ножей, которые можно везти на край свѣта. Точно также шерсть и хлѣбъ сжимаются въ форму сукна, хлопокъ и хлѣбъ въ форму кисеи, ленъ и хлѣбъ въ форму полотна или кружева, и при всѣхъ этихъ операціяхъ постоянно сберегается значительное количество перевозочной силы; а такъ какъ всякая трата труда на перевозку сама по себѣ непроизводительна, то всякое сбереженіе въ этомъ дѣлѣ приноситъ обществу чистую выгоду.

Эти соображенія составляютъ также довольно увѣсительный аргументъ противъ мечтателей, превозносящихъ вывозъ сырья и прелести исключительнаго земледѣлія. Въ Великобританіи всѣ паровыя машины, вмѣстѣ взятыя, замѣняютъ собою ручной трудъ шести сотъ милліоновъ людей и большая часть этихъ машинъ употребляется на сжиманіе хлѣба и шерсти въ сукно, хлѣба и хлопка въ разныя ткани, хлѣба, угля и руды въ стальные орудія; можно себѣ представить, сколько человѣческой силы сберегается для земледѣлія и для изученія свойствъ природы; если далеко не вся масса сбереженной силы употребляется производительно, то въ этомъ виноваты уродливыя условія англійскаго землевладѣнія и распредѣленія имуществъ, то есть, такія обстоятельства, которыя завѣщаны настоящей эпохѣ тѣми мрачными временами, когда элементъ присвоенія не встрѣчалъ себѣ никакой задерживающей плотины.

XIX.

Чѣмъ сильнѣе развивается въ какомъ нибудь обществѣ способность перерабатывать сырой матеріалъ на мѣстѣ, тѣмъ большее количество даровъ природы находятъ себѣ полезное употребленіе. Одинокій поселенецъ всегда бѣденъ и, кромѣ того, по необходимости расточителенъ. Чтобы расчислить себѣ нѣсколько акровъ или десятинъ земли, онъ часто сжигаетъ

сотни деревьевъ; этотъ обычай до сихъ поръ существуетъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ и въ американскихъ поселеніяхъ на далекомъ западѣ; зола сожженныхъ деревьевъ идетъ на удобреніе земли, между тѣмъ какъ въ заселенной и промышленной землѣ всѣ составныя части дерева нашли бы себѣ полезное приложеніе; стволъ превратился бы въ доски, кора пошла бы на дубленіе кожи и даже тонкія вѣтки нашли бы себѣ душеспасительное педагогическое примѣненіе. Въ бѣдномъ поселеніи изношенныя тряпки выбрасываются, а въ промышленномъ городѣ онѣ идутъ на выдѣлку бумаги; гвозди, выскакивающіе на улицахъ изъ подковъ лошадей, превращаются въ ружейные стволы; мѣдные опилки употребляются на приготовленіе краски, обрѣзки кожи на производство клея; кости мертвыхъ животныхъ на очистку сахара, изъ уличныхъ нечистотъ добывается аммоніакъ, составляющій одну изъ составныхъ частей нашатырнаго спирта. Словомъ, въ большихъ и промышленныхъ городахъ не теряется почти ни одна частица матеріи; здѣсь дѣятельность и изобрѣтательность людей повторяетъ въ меньшихъ размѣрахъ то вѣчное круговращеніе вещества, которое составляетъ собою жизнь природы. Разнообразіе занятій даетъ возможность каждому отдѣльному человѣку проявить свои индивидуальныя способности въ соотвѣтствующей имъ формѣ дѣятельности, и это же самое разнообразіе занятій позволяетъ одной отрасли промышленности извлекать пользу изъ тѣхъ, по видимому, негодныхъ остатковъ и обрѣзковъ, которые выбрасываются ремесленниками другой отрасли. Такимъ образомъ, сильно развитое умѣнье производить механическія и химическія измѣненія въ формѣ вещества распредѣляетъ самымъ выгоднымъ образомъ какъ человѣческія силы, такъ и частицы сыраго матеріала.

Тѣ земли, въ которыхъ мануфактурная промышленность доведена до высокой степени совершенства, несутъ, конечно, свою долю страданій, произведенныхъ элементомъ присвоенія, но положеніе этихъ земель, по всей справедливости, можетъ быть названо счастливымъ, если мы сравнимъ его съ участіемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ свирѣпствуетъ исключительное земледѣліе. Какъ ни тяжела жизнь англійскаго или бельгійскаго пролетарія, она все таки показалась бы легкой негру, работающему на сахарныхъ плантаціяхъ Ямайки, или разводящему хлопковъ въ Каролинѣ. Въ чисто земледѣльческихъ южныхъ штатахъ силы человѣка тратятся самымъ нерасчетливымъ образомъ и рабство держится въ нихъ именно потому, что отсутствіе разнообразія въ занятіяхъ лишаетъ работника всякой возможности примѣнять къ производству силы своего мозга. Человѣкъ дѣлаетъ то, что могъ бы дѣлать воли, но такъ какъ самый глупый человѣкъ умнѣе самаго умнаго вола, и такъ какъ самый сильный человѣкъ слабѣе самаго слабого вола, то, очевидно, замѣнять рабочій скотъ людьми чрезвычайно невыгодно, потому что

значительнѣйшая доля человѣческой силы (мозгъ) остается незанятою и терится даромъ, между тѣмъ какъ призывается къ дѣятельности та часть человѣческаго организма (мускулы), которая въ человѣкѣ слабѣе, чѣмъ въ каждомъ изъ вѣчныхъ животныхъ. Плантаторъ, распоряжающійся такимъ образомъ съ своими неграми, похожъ на охотника, который лягавую собаку пустилъ бы въ погоню за зайцемъ, а борзую заставилъ бы отыскивать дичь. Было бы неосновательно думать, что плантаторы чувствуютъ особенную нѣжность къ рабству и къ такой методѣ земледѣлія, которая истощаетъ почву; они сами попали въ заколдованный кругъ; тиранническое господство англійской торговли поддерживало у нихъ исключительное земледѣліе; исключительное земледѣліе, какъ и всякое однообразіе занятій, мѣшало ассоціаціи человѣческихъ силъ и тѣсному группированію населенія; разбросанность населенія не позволяла людямъ побѣждать тѣ препятствія, которыя встрѣчаютъ земледѣльцы на богатой почвѣ долинъ и рѣчныхъ береговъ; необходимость ограничиваться обработкою тощей земли холмовъ поддерживала бѣдность; бѣдность мѣшала усовершенствованію орудій; плохія орудія укрѣпляли рутину земледѣльческихъ пріемовъ; рутинные пріемы вели къ отупѣнію работника; тупой работникъ могъ очень легко быть замѣненъ рабомъ; а когда рабство пустило свои корни, тогда потерялась всякая возможность освободиться отъ торговаго ига Англій и завести свои мануфактуры. Вызванное къ жизни бѣдностью и рутинною, рабство, въ свою очередь, сдѣлалось самымъ твердымъ оплотомъ рутинны и бѣдности; заколдованный кругъ оказался, такимъ образомъ, замкнутымъ, и онъ можетъ быть разбитъ только такимъ событіемъ, которое, какъ теперешняя американская война, не зависитъ ни отъ плантаторовъ, ни отъ ихъ негровъ, ни отъ торговыхъ оптиматовъ Англій.

Гдѣ нерасчетливо тратится высшій видъ матеріи, заключающійся въ человѣческихъ силахъ, тамъ тратится также нерасчетливо низшій видъ матеріи, состоящій въ разнообразныхъ сырыхъ продуктахъ почвы. Во всѣхъ исключительно земледѣльческихъ странахъ, природа каждый годъ формируетъ и каждый годъ разрушаетъ огромное количество такого матеріала, который, при надлежащей обработкѣ, могъ бы доставить человѣку множество разнообразныхъ удобствъ жизни. Въ южныхъ штатахъ, стебли хлопчатника сжигаются на плантаціяхъ, между тѣмъ какъ въ нихъ заключаются превосходныя волокна, изъ которыхъ можно было бы сработать отличныя ткани. Сѣмена этого растенія могли бы дать большое количество масла, но объ немъ никто не заботится. Бананы, кромѣ плодовъ, могутъ давать, съ cadaго акра, отъ девяти до двѣнадцати тысячъ фунтовъ волокна, которое годится на всякое производство, начиная отъ выдѣлки канатовъ и кончая фабрикаціей тончайшей кисеи; и никто этимъ не пользуется въ такой странѣ, въ кото-

рой рабочій классъ ходитъ почти въ первобытной наготѣ. Почва плантацій истощается до послѣднихъ предѣловъ тупымъ упорствомъ распорядителей, добывающихъ постоянно одинъ и тотъ же продуктъ, хлопокъ, или сахарный тростникъ, или рисъ, или кофе; а въ это самое время оставляются безъ всякаго вниманія сотни деревьевъ, кустарниковъ и травъ, которые природа производитъ даромъ и которые даютъ или волокна, годныя для пряжи, или превосходныя красильныя вещества. Рутинна ничего не видитъ и портитъ все, что попадаетъ ей въ руки; а рутинна совершенно неизбѣжна въ чисто земледѣльческихъ странахъ, потому что предприимчивость вызывается только разнообразіемъ занятій.

Развитіе механическихъ и химическихъ процессовъ, превращающихъ сырой матеріалъ въ предметъ, годный для потребленія, или въ орудіе, облегчающее дальнѣйшее производство, составляетъ для общества важнѣйшій шагъ впередъ, къ богатству, къ свободѣ и къ мирному наслажденію разумною трудовою жизнью. Человѣческая личность развилась всего роскошнѣе и выбилась изъ подъ средневѣковаго гнета феодаловъ всего полнѣе именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ развернулась разнообразная ремесленная дѣятельность. Эпоха освобожденія и возвышенія человѣческаго достоинства совпадаетъ вездѣ съ эпохою пробужденія технической изобрѣтательности и предприимчивости. Человѣкъ, начинающій чувствовать себя властелиномъ природы, не можетъ оставаться рабомъ другаго человѣка. Но элементъ присвоенія, отравившій торговлю и извращающій въ свою пользу пути сообщенія, не можетъ и въ этомъ случаѣ оставаться въ бездѣйствіи. Когда сдѣлано какое нибудь открытіе, то близорукіе люди стараются прежде всего не о томъ, чтобы обратить это открытіе противъ инертнаго сопротивленія природы, а о томъ, чтобы сдѣлать изъ него оружіе противъ тѣхъ людей, которымъ оно неизвѣстно или недоступно. Положимъ, что въ одной землѣ открыта возможность прилагать силу пара къ производству тканей; эта земля родитъ ленъ; сдѣланное открытіе дастъ средства производить огромное количество полотна, употребляя на эту работу малое количество труда; стало быть, трудъ себе регается и можетъ быть приложенъ къ дальнѣйшему усовершенствованію въ разведеніи льна. Кромѣ того, жители страны становятся богаче, потому что каждый изъ нихъ, вмѣсто одной рубашки, можетъ приобрести себѣ дюжину. Такъ должно быть, но *бываетъ* совсѣмъ не такъ. Люди, разжившіеся торговлею, тотчасъ заводятъ себѣ новыя машины, а тѣ люди, которые не могутъ завести машинъ, принуждены покупать полотно почти по той цѣнѣ, по которой оно продавалось до изобрѣтенія и примѣненія паровыхъ двигателей. Прежде, въ странѣ было множество ткачей, работавшихъ на ручныхъ станкахъ, въ свою собственную пользу; теперь обладатели машинъ совершенно отбиваютъ у нихъ

работу; они, обладатели машинъ, понижаютъ цѣну полотна какъ разъ на столько, на сколько нужно, чтобы убить мелкую промышленность, но совсѣмъ не на столько, на сколько они, безъ убытка себѣ, могли бы понизить цѣну вслѣдствіе облегченій, произведенныхъ новымъ открытіемъ.

Такимъ образомъ, роковой ударъ, нанесенный мелкимъ производителямъ, вовсе не уравнивается тою ничтожною пользою, которую получаютъ потребители. Вся выгода валится въ карманъ посредника, стоящаго между производителемъ, т. е. поденщикомъ, работающимъ на фабрикѣ, и потребителемъ, т. е. человѣкомъ, покупающимъ полотно. Если бы человѣческой трудъ въ данной странѣ распредѣлялся бы по различнымъ отраслямъ производства совершенно расчетливо, такъ, чтобы не терялись ни время, ни способности работниковъ, тогда, конечно, ткачи, принужденные оставить свои ручные станки, могли бы тотчасъ приняться за земледѣліе, и обогатить страну приращеніемъ сыраго продукта. Но въ дѣйствительности бываетъ сплошь и рядомъ такъ, что одни работники голодаютъ отъ недостатка работы, между тѣмъ какъ нѣсколько другихъ отраслей промышленности, въ той же странѣ, могли бы много выиграть, если бы привлекли къ себѣ большее количество рабочихъ рукъ. Ланкаширскіе работники сидятъ безъ дѣла, вслѣдствіе недостатка хлопка *), и терпятъ крайнюю степень нужды, а между тѣмъ земля Англій все еще далеко не такъ хорошо обработана, какъ того требуетъ современное положеніе агрономической науки. А происходитъ такая неурядица отъ того, что и мануфактуристы, и землевладѣлецъ стараются извлечь свои барыши и ренты не изъ природы, а изъ тощихъ кошельковъ потребителей и изъ того куска хлѣба, который они бросаютъ производителю. Объ увеличеніи количества и объ улучшеніи качества продукта заботятся очень немногіе капиталисты, а возвысить цѣну своихъ произведеній и понизить задѣльную плату работниковъ стараются всѣ. Но кошельки покупателей могутъ быть истощены и желудки работниковъ также только до извѣстной степени способны переносить лишения; между тѣмъ богатство и силы природы совершенно неистощимы. Кто борется съ природою, тотъ обогащаетъ и самого себя и всѣхъ окружающихъ людей; кто обираетъ людей, дозволенными или недозволенными средствами, тотъ разливаетъ вокругъ себя бѣдность и страданіе, которыя непременно, рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ доберутся и до него самого.

Если внутри каждой промышленной страны происходитъ постоянная борьба между перенутанными интересами различныхъ людей, содѣйствующихъ производству, то, конечно, та же бесплодная и гибельная борьба,

*) «Очерки» писаны въ 1863 году. Изд.

въ большихъ размѣрахъ и съ большимъ ожесточеніемъ, разыгрывается во всѣхъ международныхъ промышленныхъ сношеніяхъ. Та страна, въ которой открыто средство твѣть полотно паровыми машинами, будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы помѣшать другой странѣ, производящей шелкъ, въ примѣненіи новыхъ машинъ къ выдѣлкѣ атласа, тафты и другихъ матерій. Между тѣмъ, обѣимъ странамъ было бы положительно выгодно, если бы въ одной производилось какъ можно больше полотна, а въ другой какъ можно больше шелковыхъ тканей. Обмѣнъ между обѣими землями усилился бы и жители обѣихъ земель могли бы пользоваться въ изобиліи бѣльемъ и шелковымъ платьемъ. Но международною торговлею и фабричною промышленностью управляютъ не жители, а капиталисты, которые, по своему невѣдѣнію, воображаютъ себѣ, что имъ нѣтъ никакого дѣла до общаго уровня народнаго благосостоянія. Невѣденіе капиталистовъ внушаетъ имъ своеобразные расчеты и предвзятія идеи, которымъ эти джентльмены служатъ съ непоколебимымъ постоянствомъ и, иногда, съ изумительнымъ самоотверженіемъ. Капиталисты, затратившіе свои капиталы на сооруженіе фабрикъ, воображаютъ себѣ, что имъ необходимо переработывать на своихъ фабрикахъ весь сырой продуктъ, получающійся съ полей, лѣсовъ, стадъ и рудниковъ всего міра. Пусть обитатели всего земнаго шара занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и добываніемъ руды; пусть все это сырье везуть къ намъ, въ нашъ маленькій уголокъ; за все это мы сами будемъ давать такую цѣну, какую захотимъ; потомъ мы сами все это переработаемъ на нашихъ фабрикахъ, нашими неизмѣримо-могущественными машинами; и наконецъ, пусть обитатели всего земнаго шара покупаютъ у насъ все, что имъ нужно для одежды, все, что имъ нужно для украшенія и комфорта, все, что имъ нужно для работы, начиная отъ желѣзнаго гвоздя и кончая паровымъ локомотивомъ. Чѣмъ меньше будетъ фабрикъ и чѣмъ больше онѣ будутъ централизованы, тѣмъ безконтрольнѣе будетъ наше господство надъ міромъ. Мы всѣмъ и всему будемъ назначать цѣны; отъ насъ будетъ зависѣть и плантаторъ, разводящій хлопокъ, и работникъ, нанимающійся на нашу фабрику, и всякій человекъ, желающій купить платье или орудіе. Захотимъ помиловать — помилуемъ; захотимъ безъ хлѣба оставить — оставимъ; все это будетъ въ нашихъ рукахъ и власти нашей не будетъ предѣла. Вотъ чего желаютъ, вотъ о чемъ, по крайней мѣрѣ, мечтаютъ многіе капиталисты; эти золотыя грезы понемногу осуществляются; Англія, класическая страна капитала, дѣйствительно держитъ въ крѣпостной зависимости производителей многихъ плодородныхъ и обширныхъ земель. Ирландія, Португалія, Турція, Остъ-Индія, Вестъ-Индія, южные штаты, Бразилія продаютъ ей свои сырые продукты и покупаютъ у нея каждый лоскутъ матеріи и каждый обдѣланный кусокъ желѣза по той цѣнѣ, которую ей заблагоразсудится назначить. Внутри самой

Англии, тысячи рабочихъ рукъ находятся въ полномъ распоряженіи капиталистовъ; тысячи желудковъ, соотвѣтствующихъ этимъ рукамъ, ожидаютъ отъ нихъ манны небесной, и, по желанію тѣхъ же капиталистовъ, могутъ быть поражены всѣми язвами египетскими. Мечта такихъ капиталистовъ была бы совершенно осуществлена и блаженство этихъ столповъ отечества было бы безоблачно, если бы только имъ удалось подорвать всѣ фабрики, существующія во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи и въ другихъ странахъ, не пожелавшихъ ограничиваться поставкою сырья въ Англию. Къ этой-то цѣли и направляются усилія близорукихъ капиталистовъ всѣхъ націй. Подорвать иностранныхъ соперниковъ и отбить у нихъ выгодный рынокъ, это считается подвигомъ просвѣщеннаго патріотизма, хотя отъ этого подвига не выигрываетъ никто, кромѣ капиталистовъ. Они понижаютъ цѣны на свои произведенія, работаютъ себѣ въ убытокъ, несутъ огромныя потери, а потомъ, подорвавши иностранную промышленность, опять возвышаютъ цѣны, и съ избыткомъ вознаграждаютъ себя за жертвованія, положенныя на алтарь отечественной славы. Вся тяжесть этихъ паотріотическихъ операцій обрушивается, конечно, на работниковъ, которымъ никогда не удается полакомиться ихъ сладкими послѣдствіями. Когда фабрика работаетъ себѣ въ убытокъ, тогда хозяинъ понижаетъ задѣльную плату, а когда фабрика приноситъ двойные барыши, тогда хозяинъ радуется и кладетъ деньги въ карманъ.

Вся эта система вѣчной войны между трудомъ и капиталомъ описана очень ярко въ слѣдующей рѣчи, произнесенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бредфордѣ, въ Йоркширѣ, по поводу выборовъ. «Эта система основана на иностранной конкуренціи. Теперь я утверждаю, что принципъ «покунай дешево, продавай дорого», сталкиваясь съ иностраннымъ соперничествомъ, ведетъ къ раззоренію рабочихъ и мелкихъ торговцевъ. Почему? Трудъ есть творецъ всякаго богатства. Человѣкъ долженъ трудиться, прежде чѣмъ будетъ выращено одно зерно, или сотканъ одинъ ярдъ матеріи. Но въ этой странѣ работнику негдѣ работать на себя. Трудъ отдается въ наемъ, трудъ покупается и продается на рынкѣ; слѣдовательно, такъ какъ трудъ создаетъ всякое богатство, то трудъ долженъ быть купленъ прежде всего. «Покунай дешево, покунай дешево!» Трудъ купленъ на самомъ дешевомъ рынкѣ. Тогда начинается другая исторія: «продавай дорого! продавай дорого!» Продавай — что? Продуктъ труда. Кому? Иностранцу — ай! и самому работнику. Такъ какъ трудъ не самостоятеленъ, то работникъ не принимаетъ участія въ выгодахъ, добытыхъ его же усиліями. Покунай дешево, продавай дорого! Какъ вамъ это нравится? Покунай дешево, продавай дорого! Покунай трудъ работника дешево, и продавай этому же

самоу работнику продуктъ его же собственнаго труда дорогъ. Такимъ образомъ каждая сдѣлка между нанIMATEЛЕМЪ и наемникомъ оказывается со стороны перваго рассчитаннымъ обманомъ. Трудъ приходится терпѣть постоянную потерю для того, чтобы капиталъ могъ разрастаться отъ вѣчнаго надувательства. Но на этомъ система не останавливается. Приходится выдерживать иностранное соперничество, т. е., другими словами, мы должны разорить торговлю другихъ странъ, какъ разорили трудъ нашей собственной страны. Какъ тутъ быть? Страна, платящая большіе налоги, должна подорвать такую, которая платитъ малые налоги. Конкуренція за границею постоянно увеличивается, стало быть, дешевизна должна также увеличиваться. Надо, стало быть, чтобы задѣльная плата въ Англіи постоянно понижалась. А какъ устроить ея пониженіе? Излишкомъ рабочей силы. А чѣмъ они производятъ излишекъ рабочей силы? Монополіей земли, которая гонитъ на фабрику больше рукъ, чѣмъ сколько ихъ требуется; монополіей машинъ, которыя выбрасываютъ эти руки на улицу; женскимъ трудомъ, который прогоняетъ мужчину отъ станка; дѣтскимъ трудомъ, который, въ свою очередь, прогоняетъ женщину. Тогда, наступивъ ногою на всю эту живую кучу излишка, они придавливаютъ ее каблукомъ и кричатъ: «Голодная смерть! Кто хочетъ работать? Лучше полхлѣба, чѣмъ совсѣмъ ничего!» И измученная толпа жадно хватается за ихъ условія. Такова эта система въ отношеніи къ работнику. Но какъ дѣйствуетъ она на васъ, избиратели? Какое вліяніе производитъ она на домашнюю торговлю, на лавочника, на сборъ въ пользу бѣдныхъ и на другіе налоги? Каждому возрастанію конкуренція за границею должно соответствовать увеличеніе дешевизны дома. Дешевизна труда увеличивается вслѣдствіе излишка рабочихъ рукъ, а этотъ излишекъ получается посредствомъ усиленія машинъ. Я спрашиваю еще разъ, какъ это дѣйствуетъ на васъ? Вотъ этотъ манчестерскій либераль устроиваетъ новую машину и за ненадобностью выбрасываетъ триста человѣкъ изъ фабрикъ на улицы. Лавочники! Триста покупателей убавилось. Плательщики! Триста бѣдныхъ прибыло. Но, замѣтьте! На этомъ зло не останавливается. Эти триста человѣкъ понижаютъ задѣльную плату тѣхъ людей, которые остаются за работою. Хозяинъ говоритъ: «теперь я убавляю вамъ плату». Люди упираются. Тогда онъ прибавляетъ: «вы видите этихъ триста человѣкъ, которые только-что ушли отсюда? Вы можете помѣняться съ ними мѣстами, если хотите; они прибѣгутъ сюда на какихъ угодно условіяхъ, потому что имъ приходится голодать». Люди чувствуютъ это, и покоряются. Ахъ! вы, манчестерскій либераль! Фарисей изъ политиковъ! Эти люди слушаютъ—добрался ли я до васъ? Но зло и тутъ не останавливается. Люди, потерявшіе работу, ищутъ себѣ занятій въ другихъ

отрасляхъ промышленности и вездѣ понижаютъ задѣльную плату своимъ появленіемъ».

Изъ приведеннаго отрывка ясно, что усовершенствованія въ химическихъ и механическихъ процессахъ переработки очень часто приносятъ массѣ общества значительный вредъ, потому что эти усовершенствованія всегда монополизированы тѣми самыми людьми, которые конфисковали въ свою пользу всѣ удобства и наслажденія жизни. Увеличивая могущество однихъ и безсиліе другихъ, открытія и изобрѣтенія усиливаютъ неравенство и поработаніе. Если бы такое положеніе вещей не носило въ самомъ себѣ зародыша разрушенія, если бы можно было думать, что оно прочно и устойчиво, тогда надо было бы сознаться, что каждое новое открытіе, улучшающее оружіе монополистовъ, есть новое бѣдствіе, обрушивающееся на нашу породу. Теперь всѣми сдѣланными открытіями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукіе мыслители могутъ воображать себѣ, что такъ будетъ всегда. Средневѣковая теократія упала, феодализмъ упалъ, абсолютизмъ упалъ; упадетъ когда нибудь и тиранническое господство капитала.

XX.

Ремесленники и фабричные работники посредствомъ разныхъ химическихъ и механическихъ процессовъ измѣняютъ форму того сыраго матеріала, который такъ или иначе производитъ земля. Въ большей части случаевъ, человѣкъ до сихъ поръ дѣлаетъ очень мало для увеличенія производительныхъ силъ земли. Роль земледѣльца почти вездѣ ограничивается тѣмъ, что онъ приводитъ землю въ соприкосновеніе съ сѣмянками и потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, беретъ себѣ то, что выросло на нивѣ. Сколько сыраго матеріала произведетъ земля и какого качества будетъ этотъ матеріалъ — это такіе вопросы, на которые земледѣлецъ не сумѣетъ дать опредѣленнаго отвѣта. Мельникъ знаетъ, сколько пудовъ муки выйдетъ изъ четверти зерноваго хлѣба, и ткачъ знаетъ, сколько аршинъ полотна онъ можетъ выткачь изъ даннаго количества пряжи, но земледѣлецъ, бросившій свои зерна въ землю, находится скорѣе въ положеніи игрока, взявшаго лотерейный билетъ, чѣмъ въ положеніи ремесленника, способнаго высчитать будущіе результаты своего труда. Что дастъ земля, что дастъ погода — то и возьметъ земледѣлецъ; успѣхъ его труда зависитъ отъ стеченія многихъ благопріятныхъ условій; успѣху этому могутъ повредить множество случайныхъ препятствій; зерно, положенное въ землю, должно испытать не одинъ

видозмѣняющій процессъ, а цѣлый рядъ такихъ процессовъ, и этотъ длинный рядъ видозмѣненій долженъ тянуться въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чтобы управлять этими процессами, совершающимися въ таинственныхъ лабораторіяхъ природы, земледѣльцу необходимо обладать множествомъ сложныхъ знаній, а такъ какъ до сихъ поръ земледѣліе повсемѣстно находится въ рукахъ людей очень бѣдныхъ и совершенно невѣжественныхъ, то, разумѣется, всѣ процессы, относящіеся къ созиданію сырыхъ матеріаловъ, совершаются какъ придется, но воля прихотливой судьбы и коварныхъ стихій.

Земледѣліе зарождается въ самой глубокой древности, въ то время, когда фабричная промышленность совершенно не существуетъ; но зародившись такъ рано, земледѣліе останавливается на очень низкой степени развитія и начинаетъ совершенствоваться только тогда, когда между людьми существуетъ уже привычка къ общественной жизни, значительное разнообразіе занятій и дѣятельное движеніе идей. Торговля, пути сообщенія, многочисленныя и разнородныя фабрики должны познакомить человѣка со многими прекрасными результатами разумнаго труда и ассоціаціи и со многими печальными явленіями присвоенія и раздора, прежде нежели появится мысль о рациональномъ земледѣліи. Исцарапать землю заступомъ или плугомъ и засыпать борозды хлѣбными зёрнами можетъ всякій дикарь, и мы дѣйствительно видимъ, что этими работами занимаются такіе люди, которые отличаются отъ дикарей только платежомъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей. Но, чтобы довести шансы неурожаевъ до самой незначительной величины, чтобы обратить азартную игру земледѣлія въ вѣрное ремесло, чтобы развернуть и вызвать къ дѣятельности скрытыя силы земли, — человѣку необходимо знать особенности различныхъ слоевъ земной коры, химическія свойства составныхъ частей почвы, условія жизни растительнаго организма, нравы насѣкомыхъ, которыя могутъ вредить посѣву, признаки, по которымъ можно судить объ атмосферическихъ измѣненіяхъ, степень зависимости этихъ измѣненій отъ горъ, рѣкъ, лѣсовъ и другихъ особенностей мѣстоположенія, степень вліянія этихъ измѣненій на посѣвы и множество другихъ одинаково важныхъ подробностей. Физика, химія, геогнозія, метеорологія, энтомологія, фізіологія животнаго и растенія находятъ себѣ непосредственное приложеніе къ земледѣлію; большая часть этихъ наукъ возникли очень недавно; объ ихъ стороны, теоретическая и прикладная разработаны еще очень неудовлетворительно; кругъ распространенія знаній вообще и естественныхъ наукъ въ особенности чрезвычайно тѣсенъ; истины, открытыя въ лабораторіи, проникаютъ въ мастерскую очень медленно и примѣняются къ фабричному производству очень нерѣшительно; еще медленнѣе пробираются онѣ къ земле-

дѣльцу, работающему въ полѣ, и еще нерѣшительнѣе относится къ нимъ практика сельскаго хозяйства.

Въ послѣднемъ случаѣ медленность и нерѣшительность доходятъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, что рациональная агрономія въ передовыхъ странахъ Европы представляется до сихъ поръ чѣмъ-то въ родѣ затѣйливаго эксперимента, не успѣвшаго упрочить себѣ никакого значенія въ промышленной практикѣ. Англійскіе экономисты, на примѣръ, Макъ-Куллохъ, утверждаютъ до сихъ поръ, что выгоднѣе заниматься мануфактурнымъ производствомъ, чѣмъ земледѣліемъ, на томъ основаніи, что «нѣтъ предѣловъ дарамъ природы въ мануфактурныхъ издѣліяхъ; напротивъ того, есть предѣлы, и не слишкомъ отдаленные, ея дарамъ въ земледѣліи». Эта чрезвычайно странная мысль подкрѣпляется слѣдующимъ разсужденіемъ: «Самый огромный капиталъ можетъ быть истраченъ на сооруженіе паровыхъ машинъ и когда число ихъ будетъ увеличено безгранично, то послѣдняя машина будетъ такъ же сильна, какъ первая, и будетъ производить столько же продуктовъ и сберегать столько же работы. Въ отношеніи къ землѣ, вопросъ ставится совершенно иначе. Земли перваго сорта оказываются быстро истощенными; и если мы будемъ прилагать безграничныя массы капитала даже къ лучшимъ землямъ, то непремѣнно будемъ получать съ капитала постоянно уменьшающееся количество процентовъ.» (Mac Culloch: Principles of Political Economy, p. 166).

Я привелъ эти умозрѣнія не для того, чтобы ихъ опровергать: они уже вѣроятно опровергнуты въ умѣ читателя тѣмъ простымъ аргументомъ, что самая отличная паровая машина не можетъ произвести ни одного клочка шерсти или хлопчатой бумаги и что она приноситъ пользу только тогда, когда есть сырой матеріалъ, произведенный землею посредственно (какъ шерсть) или непосредственно (какъ хлопокъ). Стало быть, если есть извѣстныя предѣлы производительности земли, то на этихъ же самыхъ предѣлахъ должна останавливаться и дѣятельность машинъ. Но важно и любопытно замѣтить, какъ несокрушимо экономистъ увѣренъ въ томъ, что производительныя силы земли ограничены. Эта увѣренность возникаетъ и поддерживается въ такихъ мыслителяхъ совершенно независимо отъ свидѣтельствъ естествознанія; она существуетъ даже наперекоръ этимъ свидѣтельствамъ. Если же цѣлая доктрина, поддерживаемая такими людьми, которыхъ многіе считаютъ умными и учеными, можетъ говорить о земледѣліи, и при этомъ оставлять совершенно въ сторонѣ современныя попытки и будущія осмысленныя надежды рациональной агрономіи, — то это очевидно доказываетъ, что истины, выработывающіяся въ лабораторіяхъ и кабинетахъ натуралистовъ, плохо проникаютъ даже въ смежныя кабинеты другихъ ученыхъ и въ міросозерцаніе той части общества, у которой есть доскъ образо-

ванія и досугъ для размышленія. Знанія распредѣляются чрезвычайно неравномѣрно между различными слоями человѣческихъ обществъ; въ низшіе слои они проникаютъ туго, а оставаясь въ верхнихъ слояхъ, они часто превращаются въ красивую игрушку, развлекающую праздный умъ, но неспособную помогать какой бы то ни было производительной работѣ. Въ одной части общества лежитъ масса безполезнаго знанія, а въ другой части въ это же самое время напрягаются человѣческія силы до болѣзненнаго истощенія, — напрягаются въ слѣпомъ, рутинномъ и, слѣдовательно, неблагодарномъ трудѣ. Соедините знаніе и трудъ, дайте знаніе тѣмъ людямъ, которые по необходимости извлекутъ изъ него всю заключающуюся въ немъ практическую пользу, и вы увидите, что богатства страны и народа начнутъ увеличиваться съ невѣроятною быстротою.

Къ сожалѣнію, въ этой разрозненности труда и знанія, проявляющейся въ жалкомъ состояніи современнаго земледѣлія, нѣтъ ничего случайнаго. Эта разрозненность служитъ вѣрнымъ симптомомъ и является неразлучнымъ спутникомъ слабости общественнаго движенія. Гдѣ населеніе разбросано по большому пространству земли, гдѣ всѣ жители поневолѣ принуждены добывать себѣ хлѣбъ первобытными приемами грубаго земледѣлія, гдѣ нѣтъ разнообразія занятій, тамъ не можетъ быть и обмѣна продуктовъ, потому что нечего и не на что обмѣнивать; тамъ не можетъ быть и путей сообщенія, потому что нечего, некуда и не зачѣмъ возить; тамъ не можетъ быть и живаго обмѣна идей, потому что идеи такого общества такъ же однообразны, какъ его матеріальные продукты; когда историческія событія выдвигаютъ среди такого населенія на первый планъ группу предпримчивыхъ и задорныхъ личностей, то этимъ личностямъ бываетъ очень легко справиться съ разбросанными, тупыми и невѣжественными обитателями страны. Эта выдвинувшаяся группа налагаетъ на остальную массу произвольную дань и монополизировать въ свою пользу матеріальныя удобства и наслажденія, право носить оружіе и любить отечество, право возмущаться оскорбленіями и воспитывать въ груди преувеличенное чувство собственнаго достоинства, право совершать чудеса храбрости и изумлять потомство громомъ историческихъ подвиговъ. Съ теченіемъ времени эти монополизированныя права измѣняются, добыча, приобретаемая собираніемъ дани и войною, порождаетъ роскошь и нечувствительно разнѣживаешь непреклонныя сердца героевъ, такъ что потребности ихъ становятся менѣе кровавыми и болѣе утонченными; герои начинаютъ наслаждаться произведеніями искусствъ и наполняютъ свои досуги разсужденіями о высокихъ и прекрасныхъ предметахъ; возникаетъ офиціальная и офиціозная наука, рождается на свѣтъ патентованная поэзія; міръ обогащается великодушными меценатами и вдохновенными творцами одъ, элегій, дифирамбовъ

картинъ, статуй, портиковъ и мавзолеевъ. Историкъ съ свойственнымъ ему просвѣщеннымъ и человѣколюбивымъ восторгомъ повѣствуетъ о смягченіи нравовъ, о процвѣтаніи наукъ и искусствъ, о приближеніи золотого вѣка и о томъ, какъ роскошно развертываются самыя блестящія способности человѣческаго ума.

Но всѣ эти прелести, восхищающія растроганнаго историка, относятся только къ выдѣлившейся группѣ, которая сначала обладала монополіей военной доблести, а потомъ такъ же исключительно стала пользоваться монополіей эстетическаго развитія и умственной дѣятельности. Массѣ непросвѣщенной черни, грубой толпѣ тупыхъ и невѣжественныхъ людей безраздѣльно предоставлялось воинами, и точно также предоставляется мыслителями и художниками, полное и неотъемлемое право работать, какъ прикажутъ, и платить, сколько потребуютъ. Выдѣлившаяся группа похожа на маленькую статуэтку, а грубая масса на огромную глыбу гранита; статуэтка стоитъ на глыбѣ; статуэтку обтачиваютъ и шлифуютъ; ею восхищаются и любятъ; она измѣняетъ свой видъ и эти измѣненія тщательно записываются въ большую книгу, которая называется исторіею. Рядъ этихъ измѣненій называется прогрессомъ и неслыханно радуется всѣхъ людей, одаренныхъ добродушіемъ и человѣколюбіемъ; а въ это время глыба лежитъ себѣ смиренно и позволяетъ себѣ только обростать мохомъ, что также доставляетъ не малое удовольствіе обожателямъ старины и любителямъ дикой прелести. Прогрессъ относится до сихъ поръ къ очень незначительной части человѣчества; знанія и идеи двигались въ разныхъ салонахъ и примѣнялись къ тому или другому ремеслу только тогда, когда такое примѣненіе могло быть выгодно для одного изъ обитателей этихъ салоновъ. Фабричная промышленность опирается на физику, хмію, механику, но фабричный работникъ такъ же мало знаетъ эти науки и такъ же мало можетъ пользоваться ихъ результатами, какъ тотъ клапанъ паровой машины, который этому работнику приходится постоянно открывать и закрывать. Работникъ оказывается безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ фабриканта, обладающаго вещественнымъ и умственнымъ капиталомъ; работникъ на столько же заинтересованъ въ общемъ успѣхѣ предпріятія, которому онъ содѣйствуетъ, на сколько какой нибудь наполеоновскій солдатъ, дравшійся при Аустерлицѣ, былъ заинтересованъ въ династическихъ замыслахъ своего полководца; предоставленный своимъ собственнымъ наклонностямъ, наполеоновскій солдатъ оказался бы человѣкомъ самымъ миролюбивымъ; выпущенный изъ подъ направляющаго контроля фабриканта, работникъ пересталъ бы производить предметы роскоши и совершать чудеса современной промышленной техники. Предметы роскоши не нужны покуда ни самому работнику, ни подобнымъ ему людямъ, а чудеса техники до сихъ поръ еще слишкомъ превы-

шаютъ общій уровеньъ его умственнаго развитія. Работникъ есть кусокъ той *chair à saup*, которая расходуется въ промышленной войнѣ, называющейся внутреннею и международною конкуренціею. Ожесточенность этой промышленной войны, приводящей въ движеніе сотни колоссальныхъ машинъ, тысячи рабочихъ рукъ и десятки изобрѣтательныхъ мозговъ, вовсе не можетъ служить мѣриломъ благосостоянія страны и доказательствомъ развитости ея жителей.

Чтобы судить о богатствѣ и образованіи работающихъ массъ, надо наблюдать ихъ тогда, когда онѣ сами задаютъ себѣ работу, и сами, въ свою собственную пользу, выполняютъ заданный себѣ урокъ. Масса населенія вездѣ занимается земледѣліемъ, т. е. непосредственнымъ добываніемъ пищи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли и укрѣпились привычки осѣдлой жизни. Съ успѣхами земледѣлія связано тѣснѣйшимъ образомъ все матеріальное и умственное благосостояніе трудящейся массы, составляющей лучшую, значительнѣйшую и необходимѣйшую часть всякаго человѣческаго общества. Земледѣліе во всѣхъ странахъ земнаго шара находится до сихъ поръ въ младенческомъ состояніи; въ одномъ мѣстѣ оно идетъ лучше, въ другомъ хуже, но нигдѣ общій уровеньъ его не можетъ удовлетворить самымъ снисходительнымъ требованіямъ агрономической науки; въ совершенномъ соотвѣтствіи съ жалкимъ положеніемъ земледѣлія находится уровеньъ матеріальнаго довольства и интеллектуальнаго развитія массъ; гдѣ земледѣліе идетъ лучше, тамъ и масса меньше голодаетъ и меньше поражаетъ наблюдателя своимъ невѣжествомъ; гдѣ земледѣліе идетъ хуже, тамъ оказывается все безобразіе нищеты и вся грязь невѣжества и вынужденной порочности. Но такъ какъ земледѣліе вездѣ идетъ неудовлетворительно, то и масса вездѣ живетъ бѣдно и мыслить плохо. Мы даже привыкли въ этомъ отношеніи удовлетворяться малымъ и обнаруживать такимъ образомъ въ дѣлѣ меньшей братіи похвальную умѣренность требованій. Мы непритворно восхищаемся, когда читаемъ въ путешествіяхъ или въ статистическихъ сочиненіяхъ, что въ томъ или въ другомъ государствѣ большая часть жителей или даже всѣ жители умѣютъ читать и писать. Конечно, это хорошо, но если восхищаться такими вещами и считать ихъ крайнею цѣлью грезъ и желаній, то это значитъ ставить развитію массъ очень узкія рамки, это значитъ мириться съ тою перспективою, что наука, искусство, мысль въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, навсегда будутъ составлять аристократическую привиллегію ничтожнаго меньшинства. Точно будто масса состоитъ не изъ людей, а изъ орангутанговъ и точно будто бы широкое и полное умственное образованіе помѣшаетъ человѣку сѣять хлѣбъ или ткать холстину!

Соглашаясь такимъ образомъ урѣзать и слезить умственное развитіе массъ, довольствуясь для нихъ грамотою, главными молитвами и четырьмя

правилами арифметики, мы сами обрекаемъ современные общества на хилость и дряблость, и сами роемъ передъ нашею прославленною цивилизаціею ту яму, въ которую свалились уже въ былое время многія цивилизаціи древняго міра.

XXI.

Всѣ погибшія цивилизаціи успѣли выработать себѣ военное сословіе, торговлю, дороги и корабли, науку, искусство и промышленную технику. Вавилонія, Персія, Египеть, Греція, Римъ записали въ исторію воспоминаніе о многихъ побѣдахъ, открыли нѣсколько торговыхъ путей и оставили отдаленнѣйшему потомству нѣсколько удивительныхъ образчиковъ зодчества, скульптуры, поэтическаго творчества или историческаго изложенія. Но ни одна изъ этихъ погибшихъ цивилизацій никогда, въ самый цвѣтушій періодъ своего существованія, не доходила до раціональнаго земледѣлія. Можно даже, не боясь ошибиться, утверждать положительно, что, если бы та или другая изъ этихъ цивилизацій доработалась бы до раціональнаго земледѣлія,—то эта цивилизація пережила бы всѣ остальные, и навѣрное продолжала бы развиваться и совершенствоваться до нашихъ временъ. Внѣшнія проявленія тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ погибли древнія цивилизаціи, чрезвычайно различны, но существенный и основной характеръ этихъ болѣзней вездѣ и всегда остается неизмѣннымъ. Вездѣ и всегда цивилизаціи гибнутъ отъ того, что плоды ихъ растутъ и зрѣютъ для немногихъ. Немногіе наслаждаются, немногіе размышляютъ, немногіе задаютъ себѣ и разрѣшаютъ общественные вопросы, немногіе открываютъ міровые законы, немногіе узнаютъ о существованіи этихъ законовъ и опять таки немногіе въ пользу немногихъ прилагаютъ къ промышленному производству открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя также немногими, воображавшими себѣ въ простотѣ души, что они работаютъ для всѣхъ. А въ это время, въ славное время процвѣтанія наукъ и искусствъ, массы страдаютъ, массы надрываютъ свои силы, массы своимъ нелѣпнымъ трудомъ истощаютъ землю, массы медленно роютъ въ полѣ могилы для себя и для своего потомства, и дѣйствительно, массы бѣднѣютъ, туцѣютъ, вымираютъ, и роскошный цвѣтъ цивилизаціи вянетъ, потому что корень оказывается подгнившимъ.

Этотъ безплодный, поверхностный и недолговѣчный характеръ цивилизацій выражается въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ формахъ; иногда мы видимъ его въ теократическомъ господствѣ жрецовъ, въ

другой разъ въ завоевательныхъ стремленіяхъ политики, далѣе въ несообразномъ развитіи вѣдшей торговли, потомъ въ фабричной дѣятельности, далеко превышающей естественныя потребности и даже силы извѣстной страны; сущность всѣхъ этихъ явленій остается тождественною; предрасудки поддерживаются для выгоды немногихъ; войны ведутся для славы немногихъ; корабли плаваютъ по морямъ, а караваны ходятъ по пустынямъ для обогащенія немногихъ; фабрики удовлетворяютъ утонченнымъ потребностямъ немногихъ и выдерживаютъ ожесточенную иностранную конкуренцію, чтобы доставить барыши немногимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочія руки отрываются отъ земли и употребляются на разныя хитрыя затѣи, въ то самое время, когда массы нуждаются въ простомъ хлѣбѣ и, если не каждый годъ, то, по крайней мѣрѣ въ два года разъ, терпятъ голодъ и вымираютъ цѣлыми поселеніями. Чѣмъ больше разводится хитрыхъ затѣи и чѣмъ хитрѣе становятся эти затѣи немногихъ, тѣмъ хуже обрабатывается земля, тѣмъ быстрѣе истощаются ея производительныя силы, тѣмъ меньше получается сырыхъ продуктовъ и, слѣдовательно, тѣмъ бѣднѣе становится общество въ цѣломъ своемъ составѣ. Никакая утонченность барскихъ нравовъ, никакая выработанность разговорнаго или книжнаго языка, никакая философская система, никакая бессмертная поэма, даже какое естествознаніе не могутъ удержать отъ неминуемаго паденія такую цивилизацію, которая лежитъ на плечахъ бѣднѣющаго и тупѣющаго народа, истощившаго свою землю невѣжественнымъ и нерасчетливымъ трудомъ. Всѣ цвѣты погибшихъ цивилизацій росли и распусkaliсь въ ущербъ благосостоянію массъ, и поэтому насъ не должно удивлять то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ цивилизаціяхъ упадокъ съ такою ужасающею быстротою слѣдовалъ именно за эпохою величайшаго блеска. Этотъ блескъ самъ по себѣ былъ сильнѣйшимъ выраженіемъ общественной болѣзни, а эпоха упадка была даже сравнительно временемъ облегченія для массъ, потому что этимъ массамъ, дошедшимъ до крайней степени нищеты и безсилія, позволялось тогда, по крайней мѣрѣ, сосредоточить свое вниманіе на устройствѣ собственныхъ мелкихъ дѣлишекъ, о которыхъ не заботится политическая исторія.

Блескъ и упадокъ, цивилизація и варварство, историческій прогрессъ и историческій застой—всѣ эти слова и понятія совершенно неприменимы къ многовѣковому прозябанію огромнаго большинства нашей породы, того большинства, отъ котораго безусловно зависитъ наше существованіе и которому мы, въ награду за пропитаніе, съ такою благосклонною улыбкою бросаемъ трогательное названіе нашихъ младшихъ братьевъ. Эти младшіе братья вездѣ и всегда стояли вѣд исторіи, но за то отсутствіе ихъ вездѣ и всегда налагало печать безплодія на всѣ цивилизаціи, сооружавшіяся старшими братьями для собственнаго оби-

хода. Вездѣ и всегда эти цивилизаціи оказывались такимъ пустоцвѣтомъ, о которомъ невозможно сказать ни одного добраго слова. Вездѣ и всегда эти цивилизаціи, подобно роковому камню Сизифа, срывались съ самой верхушки горы и скатывались въ бездну, въ ту самую минуту, когда старшіе братья считали свое дѣло почти законченнымъ, и собирались праздновать полную побѣду челоуѣка надъ дикими силами окружающаго міра и надъ противупобщественными стремленіями своей собственной породы. Побѣда никогда не оказывалась полною и прочною, и триумфъ всегда приходилось откладывать до другаго, болѣе удобнаго времени. Разнообразные опыты многихъ вѣковъ говорятъ, наконецъ, старшимъ братьямъ, что крѣпка, прочна и богата благодѣтельными послѣдствіями будетъ только та цивилизація, которая будетъ улучшать бытъ и развивать умственныя силы всѣхъ людей, составляющихъ данное общество. Неизбѣжнымъ спутникомъ такой прочной цивилизаціи и вѣрнѣйшимъ ручательствомъ ея живучести будетъ развитіе раціональнаго земледѣлія, развитіе именно той отрасли дѣятельности, которая была запущена и заброшена всѣми исчезнувшими цивилизаціями. Раціональное земледѣліе будетъ въ одно и тоже время самымъ величественнымъ продуктомъ и самую непоколебимую опору той безсмертной цивилизаціи, которой выпадеть на долю задача сгладить навсегда позорное различіе между старшими и младшими братьями.

Если мы рассмотримъ тѣ условія, при которыхъ становится возможнымъ существованіе и всеобщее распространеніе раціональнаго земледѣлія, то мы увидимъ, что этотъ родъ дѣятельности неразрывно связанъ съ богатствомъ, просвѣщеніемъ и всестороннимъ благоденствіемъ тѣхъ массъ, которыя до сихъ поръ вездѣ и всегда трудились черезъ силу, и не смотря на то, постоянно оставались впроголодь. Мы уже видѣли, какъ много долженъ знать тотъ земледѣлецъ, который желаетъ заниматься своимъ дѣломъ не какъ азартною игрою, а какъ выгоднымъ и вѣрнымъ ремесломъ. Къ этому можно прибавить, что ни одно ремесло не имѣетъ передъ собою такой широкой будущности, какъ земледѣліе; ни одно ремесло не способно къ такому безконечному совершенствованію, какъ обработка земли, потому что въ основаніи этой обработки лежитъ самое разностороннее изученіе природы, постоянно обогащающееся новыми фактами, опытами и наблюденіями. Всѣ знанія, не бходимыя земледѣльцу, лежатъ въ области естественныхъ наукъ, а всѣмъ извѣстно, что естественныя науки самымъ радикальнымъ образомъ уничтожаютъ предрасудки и очищаютъ засорившіеся мозги. Слѣдовательно, земледѣлецъ, сознательно занимающійся своею работою, незамѣтно и нечувствительно для самого себя вымететъ изъ своего домашняго быта и изъ своего міросозерцанія ту безобразную паутину суевѣрія, которая до сихъ поръ повсемѣстно застилаетъ младшимъ братьямъ свѣтъ божій

Бекона, Галилея, Коперника и всѣхъ другихъ свѣтилъ челоуѣчества, свѣтиащихъ только для старшихъ братьевъ.

Но для водворенія раціональнаго земледѣлія недостаточно одного распространенія полезныхъ знаній. Этого мало, если земледѣлецъ будетъ знать, что ему слѣдуетъ дѣлать; необходимо, кромѣ того, чтобы онъ имѣлъ возможность дѣйствительно выполнять то, что онъ справедливо считаетъ полезнымъ. Агрономическія свѣдѣнія нашихъ крестьянъ чрезвычайно скудны, но и эти скудныя свѣдѣнія большею частью составляютъ мертвый капиталъ, потому что они далеко превышаютъ мѣру практическаго могущества земледѣльцевъ. Крестьяне знаютъ, что землю слѣдуетъ удобривать, и знаютъ, чѣмъ ее удобривать, но это полезное свѣдѣніе въ большей части случаевъ остается непримѣнимымъ. Удобренія взять не откуда, когда не на что завести и кормить скотину и когда хлѣбъ приходится возить на продажу или даже отправлять за море, богъ знаетъ въ какую даль. Самый просвѣщенный агрономъ ничего не сдѣлаетъ со всѣми своими свѣдѣніями, когда ему придется отсылать сырой продуктъ за тысячи верстъ и получать за каждые десять пудовъ хлѣба по фунту сукна или по полуфунту обдѣланной стали. Ни сукна, ни стали не положишь въ землю, а сырой продуктъ уѣхалъ за море, и заключавшееся въ немъ удобреніе на всегда потеряно для страны. Очевидно, стало быть, что для развитія раціональнаго земледѣлія, кромѣ распространенія между массами полезныхъ свѣдѣній, необходимо еще повсемѣстное разнообразіе занятій и повсемѣстное же образованіе мелкихъ центровъ притяженія, въ которыхъ постоянно перерабатывались, потреблялись и превращались бы въ удобреніе сырые продукты, добываемые изъ земли окрестными жителями. Близость рынковъ къ мѣсту производства и непосредственное сближеніе земледѣльца съ ремесленникомъ, производителя съ потребителемъ, — ведутъ за собою, во первыхъ — возможность возвращать землѣ взятый отъ нея сырой продуктъ въ видѣ удобрения и, во вторыхъ — возможность разнообразить посѣвы и уменьшать такимъ образомъ количество неблагоприятныхъ шансовъ, угрожающихъ успѣху земледѣльческаго труда.

Первое слѣдствіе приближенія рынковъ понятно и не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Второе слѣдствіе этого приближенія также объясняется очень легко и просто. Когда рынокъ далекъ, тогда земледѣлецъ принужденъ воспитывать на своихъ нивахъ только такіе растительные продукты, которые выдерживаютъ далекую перевозку, слѣдовательно такіе, которые продаются по дорогой цѣнѣ, не отличаются особенною громоздкостью и могутъ быть доставлены на далекій рынокъ въ неспорченномъ видѣ. Земледѣлецъ не можетъ отправлять за тысячу верстъ рѣпу или картофель, потому что цѣна этихъ громоздкихъ продуктовъ не окупитъ ихъ перевозки; точно также сельскій хозяинъ не

может отправлять за тысячу верст яйца или свѣжія ягоды, потому что первыя перебьются въ дорогѣ, а вторыя—непремѣнно загниютъ и испортятся. Всего удачѣе выдерживаетъ перевозку зерновой хлѣбъ, да и цѣну за него даютъ такую, которая окупаетъ труды земледѣльца и перевозочныя издержки; поэтому для продажи на далекіе рынки производится исключительно зерновой хлѣбъ разныхъ сортовъ и достоинствъ. Земля любитъ перемѣну; для земли было бы полезно, чтобы за пшеницею слѣдовалъ, напримѣръ, картофель, а за картофелемъ кормовыя травы; земледѣлецъ знаетъ это свойство земли, но онъ опять таки не можетъ воспользоваться своимъ знаніемъ; разводить картофель и кормовыя травы невозможно, потому что сбывать ихъ вблизи некуда, а везти на далекій рынокъ не стоитъ; не сѣять пшеницы также невозможно, потому что если земледѣлецъ не доставитъ на рынокъ пшеницы, то земледѣльцу не на что будетъ купить себѣ рубашку и кафтанъ, не на что будетъ приобрести новый топоръ или соху. Поневоля, подчиняясь требованіямъ далекаго рынка, земледѣлецъ сознательно истощаетъ свою ниву постоянно повторяющимися посѣвами пшеницы, ржи и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Онъ знаетъ, что слѣдовало бы распорядиться иначе, онъ и радъ былъ бы вести свое хозяйство разумнѣе, но это полезное познаніе добра и зла и эта добродѣтельная готовность покаяться въ сознанныхъ заблужденіяхъ оказываются совершенно безсильными передъ неотразимыми требованіями матеріальной необходимости. Засѣявъ всѣ свои поля зерновымъ хлѣбомъ, земледѣлецъ поставилъ на одну карту весь свой годовой заработокъ. Перемѣна погоды, неблагоприятная для зерноваго хлѣба, разомъ губитъ всѣ законныя надежды хозяина. Этого не могло бы случиться, если бы рынокъ находился подъ рукою. Тогда хозяинъ добывалъ бы съ своего участка земли, кромѣ разныхъ сортовъ хлѣба, всякаго рода овощи, фрукты и ягоды, кормовыя травы, красильныя и лекарственныя вещества; близость сбыта и непрерывность запроса возбудили бы въ земледѣльцѣ предприимчивость и изворотливость, смысленность и старательность, которыя совершенно немислимы и почти бесполезны въ человѣкѣ, живущемъ вдали отъ всякаго промышленнаго движенія. Раздѣливши свою ниву на мелкіе участки, воздѣлывая на каждомъ изъ нихъ именно то растеніе, которое соотвѣтствуетъ составу и свойствамъ даннаго участка, перемѣняя каждый годъ назначеніе этихъ участковъ, и, сверхъ всего этого, заваливая каждый участокъ удобреніемъ, земледѣлецъ, живущій возлѣ самаго рынка, можетъ, конечно, уменьшить до самой незначительной величины рискъ, сопряженный съ его занятіями. Та или другая перемѣна погоды можетъ быть неблагоприятна только для одной какой нибудь части его будущаго дохода; что повредитъ, напримѣръ, овощамъ, то, можетъ быть, принесетъ пользу пшеницѣ и не произведетъ никакого вліянія на фрук-

ты; потерявши на какомъ нибудь одномъ продуктѣ, хозяинъ будетъ всегда въ состояніи вознаградить свой убытокъ на другомъ, и средній уровень его дохода въ большей части случаевъ останется почти неприкосновеннымъ. Конечно, можетъ случиться такая засуха, которая все закаритъ, или такой градъ, который перепашетъ за ново всѣ поля, но такого рода случайностямъ подвержено вообще всякое дѣло рукъ человеческихъ; и фабрика можетъ загорѣться отъ грозы, и домъ можетъ быть разрушенъ наводненіемъ, землетрясеніемъ или ураганомъ; противъ такихъ случайностей есть одно средство—застрахованіе, и это средство, какъ всякій согласится, находится также всего больше въ ходу и прилагается всего чаще тамъ, гдѣ существуетъ разнообразіе занятій и гдѣ совершается дѣятельное движеніе продуктовъ, капиталовъ и идей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что для развитія рациональнаго земледѣлія необходимы два условія: распространеніе полезныхъ свѣдѣній между массами и разнообразіе занятій, неизбѣжно ведущее за собою образованіе мѣстныхъ центровъ производства и притяженія. Должно замѣтить здѣсь, что эти два условія всегда бывають неразлучны между собою и, собственно говоря, составляютъ только двѣ различныя стороны того нормальнаго процесса, который порождаетъ рациональное земледѣліе. Дѣйствительно, полезныя свѣдѣнія никакими искусственными мѣрами не могутъ быть привиты къ жизни такого населенія, которое заброшено по большимъ пространствамъ земли, непривычно къ промышленному сближенію, и угнетено бѣдностью и однообразіемъ занятій. Никакія благодѣтельныя попеченія мудрыхъ правительствъ о земледѣльческихъ и реальныхъ школахъ, никакія заохочиванія, поощренія и приневоливанія къ ученію не улучшатъ пріемовъ земледѣльской рутинны и не расширятъ умственнаго горизонта трудящихся милліоновъ. Массы воспитываются не школьною указкою, не крупницами, падающими съ умственной трапезы пресытившихся старшихъ братьевъ, а исключительно только правильнымъ, здоровымъ и не задержаннымъ развитіемъ общественной и экономической жизни. Когда устраняются препятствія, лежавшія на пути этого развитія, когда появляется свобода труда, когда этому свободному труду открываются разнообразныя приложенія, тогда каждый отдѣльный кусочекъ сѣрой массы начинаетъ чувствовать себя человѣкомъ и быстро схватываетъ себѣ на лету тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы ему для жизни. Тогда, и только тогда, становятся дѣйствительно полезными и школы, стоявшія прежде пустыми, и популярныя руководства, которыя до сего времени никого не могли научить умразуму. Не школа преобразовываетъ жизнь, а, напротивъ того, жизнь создаетъ для себя школу и приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ.

Пробужденіе массъ, необходимое для вступленія людей въ истинную

цивилизацию, всегда производится только какимъ нибудь рѣшительнымъ поворотомъ въ теченіи общественной и экономической жизни, а не громкими и гуманными кликами старшихъ братьевъ, подвигающихся на пользу младшихъ въ литературѣ и на различныхъ кафедрахъ. Каждый поворотъ, дѣйствующій освѣжительно на жизнь и самосознаніе массъ, обыкновенно заключается въ томъ, что эти массы освобождаются отъ какой нибудь стѣснительной опеки, и полнѣе прежняго предоставляются естественному ходу собственныхъ инстинктовъ и стремленій. Чѣмъ больше эта темная масса, о которой такъ соболѣзнуютъ просвѣщенные дѣятели, получаетъ возможность жить собственнымъ дряннымъ умишкомъ, тѣмъ удобнѣе она устраиваетъ свой бытъ, тѣмъ быстрѣе она богатѣетъ, тѣмъ рациональнѣе становится ея земледѣліе, и тѣмъ человѣчнѣе дѣлается каждый изъ ея отдѣльныхъ кусочковъ. Если бы масса съ самаго начала исторіи была предоставлена собственной горькой участи, то рациональное земледѣліе давно утвердилось бы во всемъ мірѣ, и мы бы теперь не имѣли случая восхищаться тѣмъ, что въ томъ или другомъ государствѣ большая часть жителей умѣютъ читать и писать. Но за то исторія была бы совершенно лишена того удивительнаго драматизма, который придаютъ ей великіе подвиги и кровавые перевороты. Исторія была бы утомительно однообразна, какъ правоучительная біографія добродѣтельнаго семьянина. Старшіе братья никакъ не могли допустить подобнаго оскорбленія законовъ эстетики и они начали заботиться о массахъ съ той самой минуты, какъ сознали свое старшинство и вникли въ свои обязанности къ младшимъ. Они тотчасъ начали вовлекать своихъ не эстетическихъ братьевъ въ драматическія войны, въ эпические торговля предпріятія и въ траги-комическія сшибки по части мануфактурной конкуренціи. Усилія просвѣщенныхъ эстетиковъ увѣнчались болѣе или менѣе полнымъ успѣхомъ, и совокупность этихъ успѣховъ составляетъ канву той весьма изящной драмы, которая называется всемірною исторіею. Гдѣ не мѣшаются въ дѣло старшіе братья—тамъ миръ и богатство; гдѣ они мѣшаются—тамъ драматизмъ и эффектность. Одно другаго стоитъ, но такъ какъ старшіе братья болѣе или менѣе вездѣ болѣли душою объ участи младшихъ, то драматизма и эффектности оказывалось и до сихъ поръ оказывается, на бѣдомъ свѣтѣ, несравненно больше, чѣмъ мира и богатства. Рациональное же земледѣліе до сихъ поръ принадлежитъ вездѣ къ далекой области мечты и желанія. Правильный прогрессъ прямо ведетъ въ эту область, но когда начнется этотъ прогрессъ и когда онъ дойдетъ до своихъ результатовъ—это вопросы интересные, но нерѣшенные.

XXII.

На всѣхъ материкахъ и островахъ земнаго шара, за исключеніемъ полярныхъ льдовъ и песчаныхъ пустынь, человѣкъ окруженъ неисчислимыми и безконечно разнообразными богатствами. Богатства эти заключаются въ тѣхъ сырыхъ матеріалахъ, которые производитъ земля, или которые она можетъ производить при соответственной обработкѣ. Богатства эти нигдѣ и никогда не даются человѣку сразу; человѣкъ долженъ трудиться, чтобы овладѣть ими; онъ долженъ наблюдать и размышлять, чтобы замѣтить ихъ существованіе и оцѣнить ихъ значеніе. Человѣкъ начинаетъ свою борьбу съ природою тамъ, гдѣ природа слаба и бѣдна, и гдѣ она, вслѣдствіе этого, скорѣе и легче уступаетъ его усиліямъ. Онъ обращаетъ въ свою пользу мягкую мѣдь прежде, чѣмъ твердое желѣзо; онъ покоряетъ слабую овцу и козу прежде, чѣмъ сильнаго быка; онъ расчищаетъ и засѣваетъ тощую почву холмовъ прежде, чѣмъ тучную землю долины и рѣчныхъ береговъ. Пока продолжается борьба человѣка съ слабою и бѣдною природою, пока одерживаются надъ нею первыя побѣды, покупаемыя дорогою цѣною и приносящія мало непосредственныхъ выгодъ, до тѣхъ поръ человѣкъ самъ остается слабымъ и бѣднымъ. Онъ слабъ и бѣденъ, потому что ему помогаетъ малочисленная горсть людей, и потому что самъ онъ, со всѣми своими помощниками, неопытенъ и несвѣдущъ. Онъ слабъ и бѣденъ, но могущество и богатство его постоянно увеличиваются вмѣстѣ съ каждымъ новымъ приобрѣтеніемъ опытности и вмѣстѣ съ каждымъ приращеніемъ въ числѣ трудящихся людей. Онъ слабъ и бѣденъ, но потомки его непременно будутъ богаты и могущественны, если только они не будутъ уклоняться въ сторону съ пути терпѣливаго труда и внимательнаго изученія природы.

Все богатство человѣка заключается въ сырыхъ матеріалахъ, добываемыхъ изъ земли; все могущество человѣка заключается въ умѣннн переработывать и обращать въ свою пользу добываемыя матеріалы. Эта истина поразительна по своей простотѣ. Эту истину несчетное число разъ внушали людямъ, подъ страхомъ земныхъ и загробныхъ наказаній, всѣ гражданскія и нравственныя законоположенія, предписывавшія человѣку уважать права чужой личности и чужаго труда. Ни простота этой истины, ни авторитетъ законовъ и законодателей не могли предупредить или удержать въ должныхъ границахъ безчисленныя и губительныя уклоненія нашей породы съ дороги производительнаго труда, съ той единственной дороги, которая могла привести человѣчество къ бо-

гатству и въ полнотѣ жизненныхъ наслажденій. Бесиліе законовъ объясняется особенно удовлетворительно тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть законодателей, толковавшихъ очень краснорѣчиво и убѣдительно о необходимости уважать чужое право,—сами, своими же законами, такъ же краснорѣчиво и убѣдительно освящали важнѣйшія и вреднѣйшія уклоненія своихъ согражданъ и современниковъ съ пути производительнаго труда, съ того единственнаго пути, который всегда и вездѣ совпадаетъ съ требованіями справедливости. Римское право, освящавшее рабство, превращавшее жену въ собственность мужа, и сына въ собственность отца, проводившее строгое различіе между римскимъ гражданиномъ и провинціаломъ, между патриціемъ и плебеемъ, между вольнымъ и вольноотпущеннымъ, римское право, говорю я, конечно, никому не могло внушить достаточнаго уваженія къ тѣмъ предписаніямъ, которыми оно старалось обуздать хищныя наклонности бѣдныхъ и буйныхъ гражданъ. Другіе кодексы также не могли претендовать на особенную чистоту и выдержанность основнаго принципа. Люди обыкновенно издавали кодексы отчасти для того, чтобы дать опредѣленную и прочную форму своимъ любимымъ заблужденіямъ, отчасти для того, чтобы пугнуть себя и своихъ современниковъ строгими требованіями односторонняго идеала казенной нравственности. На та, ни другая цѣль не достигалась. Любимыя заблужденія отживали свой вѣкъ и разрушались, не смотря на опредѣленность и прочность приданной имъ формы, а застегнутый на всѣ пуговицы идеаль никто не запугивалъ своими требованіями и рѣшительно никого не обращалъ на путь истины. Ошибались и падали отдѣльныя личности; безвинно, невольно и безсознательно вовлекались въ ошибки и доводились до паденія цѣлыя народы. Отдѣльныя личности быстро расплачивались за свои ошибки, и обыкновенно, согласно буквѣ того или другаго кодекса, оканчивали свое земное существованіе въ мученіяхъ, дѣлавшихъ большую честь остроумію изобрѣтателей и усердію исполнителей. Невольныя ошибки народовъ, напротивъ того, не замѣчались и не считались ошибками. На нихъ не указывалъ никакой кодексъ. Имъ обыкновенно сочувствовалъ, ихъ часто вызывалъ самъ законодатель. Ошибки народовъ воспѣвались поэтами, превозносились историками и ставились въ примѣръ потомству неподкупленными моралистами. Эти ошибки анализировались холодными мыслителями и оказывались великими проявленіями народнаго генія. На этихъ ошибкахъ строились и до сихъ поръ строятся цѣлыя политическія и экономическія теоріи. Когда рядъ великихъ проявленій народнаго генія вдругъ приводилъ къ рѣзкому паденію, которое по видимому должно было бы окатить бочками холодной воды всѣхъ пѣвцовъ, мечтателей и спокойно упорныхъ теоретиковъ,—тогда это паденіе приписывалось постороннимъ и случайнымъ причинамъ; пѣснопѣнія про-

должались, тѣмъ болѣе, что паденіе давало имъ новый эффектный мотивъ; историки, попрежнему, что-то превозносили и что-то анализировали; теоретики торжествовали, потому что всякая теорія одарена удивительною гибкостью и растяжимостью; а въ это время массы, о которыхъ пѣлись дифирамбы, писались изслѣдованія, и сочинялись побѣдоносныя теоріи, массы несли тяжелое вѣковое возмездіе за ошибки, привитыя къ ихъ тихой и темной жизни посторонними двигателями событій. Массы доходили до дикаго состоянія, теряли всякую власть надъ питающими ихъ силами природы и, умирая отъ лишеній, превращали цѣлыя области въ дикія и печальныя пустыни, въ которыхъ все говорило о бывшей дѣятельности человѣка, о его предсмертной борьбѣ, и о его страшной кончинѣ. Такими пустынями покрыты всѣ тѣ мѣста, на которыхъ въ былое время кипѣла историческая жизнь, и на которыхъ жизнь эта замерла вслѣдствіе произвольныхъ, но неисправимыхъ ошибокъ, совершенныхъ цѣлыми народами и истощившихъ до послѣдней капли ихъ живыя силы.

Ошибокъ этихъ, въ болѣшей или меньшей степени, не минуетъ въ своемъ существованіи ни одинъ народъ. Народъ, какъ дерево, растетъ и въ стволъ, и въ сукъ; онъ, какъ крѣпкій организмъ, можетъ уклоняться отъ строго-гигіеническаго образа жизни; онъ можетъ болѣть и выздоравливать; онъ много испытаній можетъ перенести, не надламываясь и не хирѣя; но, чѣмъ сильнѣе сукъ перевѣшиваетъ стволъ, чѣмъ значительнѣе дѣлаются уклоненія отъ разумной гигіены, чѣмъ продолжительнѣе и чаще болѣзненные припадки, тѣмъ опаснѣе становится положеніе колоссальнаго паціента и тѣмъ ближе надвигается грозная катастрофа.

Богатство и могущество народа, равносильное благосостоянію всѣхъ составляющихъ его единицъ, заключается въ добываніи и цѣлесообразной переработкѣ различныхъ сырыхъ продуктовъ, доставляемыхъ землею. Земледѣліе и мануфактурная промышленность, взаимно поддерживающія другъ друга, составляютъ естественныя и необходимыя занятія народа, стремящагося къ благоденствію. Все, что отвлекаетъ народъ отъ этихъ производительныхъ занятій, и все, что нарушаетъ необходимое равновѣсіе между земледѣліемъ и мануфактурами, составляетъ ошибку и ведетъ къ бѣдности. Наука, расширяющая умъ человѣка, и искусство, обновляющее его силы живымъ наслажденіемъ, не могутъ быть названы помѣхами для производительныхъ занятій; но при этомъ должно замѣтить, что наука и искусство не имѣютъ ничего общаго со многими современными фокусами празднаго ума и дряблой фантазій, не смотря на то, что фокусы эти стараются прикрыть себя разными почтенными именами. Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что наука и искусство только тогда будутъ въ состояніи жить естественною и здоро-

вою жизнью, когда будутъ удовлетворяться насущныя и грубыя потребности человѣческихъ организмовъ. Музыкальная консерваторія—учрежденіе очень хорошее, но она доставитъ мало наслажденія такому народу, у котораго не хватаетъ хлѣба. Ученое путешествіе на берега Тигра для чтенія гвоздеобразныхъ надписей — дѣло очень похвальное, но оно произведетъ слабое впечатлѣніе на черствую дуну лапотника, не умѣющаго разбирать печатныя буквы собственнаго языка. Совѣстно назвать науку и искусство затѣями, отклоняющими силы ума отъ настоящаго дѣла; въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ такое сужденіе было бы совершенно нелѣпо и несправедливо; но приходится сознаться, что наука и искусство до сихъ поръ оставались совершенно безсильными и не имѣли никакого вліянія на умственное состояніе массъ. И наука, и искусство были, по меньшей мѣрѣ, красивымъ анахронизмомъ. Это поденѣжники, распустившіеся задолго до наступленія весны; имъ приходится ежиться и дрожать отъ холода, или съ похвальнымъ благоразуміемъ укрываться въ теплицы, построенныя и протапливаемыя трудами массъ, и называющіяся музеями, академіями, консерваторіями и другими именами, которыя для массъ столько же новы, сколько вразумительны. Я вовсе не думаю становиться здѣсь на славянофильскую точку зрѣнія и декламировать о ложности и чужеземности нашей цивилизаціи. Наша цивилизація ничѣмъ не лучше и ничѣмъ не хуже всѣхъ остальныхъ; наука и искусство вездѣ прозябаютъ въ оранжереяхъ и массы, оплачивающія эти оранжереи, вездѣ интересуются ими также сильно, какъ, напримѣръ, внутреннимъ содержаніемъ египетскихъ пирамидъ, или вопросомъ о желѣзной маскѣ. Какое дѣло англійскому фабричному до британскаго музея? Что общаго у нѣмецкаго работника съ мюнхенскою глиптотекою? Какую точку соприкосновенія имѣетъ парижскій блузникъ съ французскою академіею?

Мы уже такъ присмотрѣлись къ этимъ академіямъ, что намъ могутъ даже показаться наивными и странными подобныя вопросы, если только они не покажутся намъ лукавыми и безнравственными. Впрочемъ, какъ ни смѣшна кружевная заплатка наукъ и искусствъ на изорванной сермягѣ, составляющей драпировку массъ, должно однако сознаться, что эта рѣзкая несообразность принадлежитъ къ самымъ невиннымъ уклоненіямъ отъ правильнаго и разумнаго развитія народной жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ, ученые и художники не погубили еще собственными силами ни одной цивилизаціи; справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что они также ни одной цивилизаціи не поддержали; они только украшали ихъ подобно тому, какъ мохъ украшаетъ стволы вѣковыхъ деревьевъ; когда дерево падаетъ, мохъ продолжаетъ украшать его, и украшаетъ его въ то самое время, когда оно лежитъ на землѣ, гниетъ и истачивается муравьями.

Губителями цивилизацій оказываются два класса людей — воины и купцы, вовлекающіе народы въ двѣ роковыя ошибки, систематизированную войну и въ изнурительное развитіе торговаго паразитизма. Я уже упоминалъ объ этихъ двѣхъ видахъ приевоенія, но теперь мы знаемъ всѣ средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи, и потому можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ ихъ возрастаніе и усложненіе. Война и торговля появляются сначала на свѣтъ въ самомъ простомъ и бѣдномъ видѣ. Первое генеральное сраженіе производилось навѣрное кулаками, за обладаніе какимъ нибудь кокосовымъ орѣхомъ; первая торговая операція, по всей вѣроятности, клонилась къ тому, чтобы выманить этотъ же кокосовый орѣхъ за гнилой бананъ, котораго гнилость утаивалась тщательно, но неискусно; за горячею схваткою могла слѣдовать торговая сдѣлка, а коммерческіе переговоры, въ свою очередь, могли прерываться воинственными демонстраціями. Всякій былъ и воиномъ, и купцомъ, и работникомъ; всякій могъ замѣтить, что число наличныхъ банановъ увеличивалось не во время драки, не во время торговыхъ совѣщаній. Сомнительная выгода, извлекавшаяся изъ единоборствъ и изъ мелкихъ мошенничествъ, по всей вѣроятности подорвала бы во мнѣніи людей этотъ рядъ занятій, если бы только не открылась возможность образовывать коллективныя драки и крупныя обманы. Опираясь на ассоціацію, война и торговля расширяютъ кругъ своихъ дѣйствій и облакаются въ новыя формы. Предпримчивый юноша собираетъ вокругъ себя другихъ юношей, уступающихъ ему въ изобрѣтательности, но равныхъ ему по отвагѣ. Ассоціація, составляющая вѣрное средство для развитія производительнаго труда, дѣлается такимъ образомъ орудіемъ войны и является самымъ сильнымъ средствомъ для разрушенія труда, самымъ серьезнымъ препятствіемъ на пути его совершенствованія. Храбрые витязи удалой дружины тотчасъ дѣлаются старшими братьями собирателей банановъ и тотчасъ начинаютъ смотрѣть на вещи такими широкими взглядами, которые совершенно недоступны младшимъ. Затѣмъ, является настоятельная необходимость кормить ассоціацію и тогда собирателямъ банановъ вмѣняется обязанность приносить въ жилище своихъ старшихъ братьевъ определенное количество плодовъ земныхъ. Такимъ образомъ, среди населенія, собирающаго бананы, образовалась сначала небольшая добровольная ассоціація; это ядро привлекло къ себѣ другихъ людей, частью оболетительными обѣщаніями, частью рассчитанными угрозами, частью скрытою силою. Но вовлечь въ воинственную ассоціацію всѣхъ собирателей банановъ неудобно, потому что тогда некому будетъ кормить удалую дружину. На этомъ основаніи, разросшаяся ассоціація прилагаетъ свои силы къ тому, чтобы держать всю совокупность собирателей банановъ въ состояніи недобровольной ассоціаціи. Эта недобровольная ассоціація и состоитъ въ томъ, что цѣлыя

тысячи людей содѣйствуютъ своими трудами выполнению такихъ возвышенныхъ замысловъ, о которыхъ они не имѣютъ никакого понятія и которые не приносятъ имъ ни малѣйшей выгоды. Мы видѣли, напримеръ, что пути сообщенія должны служить къ образованію мѣстныхъ центровъ разнородной дѣятельности; мы видѣли также, что количество всякихъ банановъ можетъ увеличиваться только тогда, когда существуютъ такіе мѣстные центры; но система недобровольной ассоціаціи этого не знаетъ и разсуждаетъ совершенно по своему. Гдѣ есть бананы, думаетъ она, тамъ прежде всего должна чувствоваться сила дружины. На основаніи этого разсужденія, всѣ важнѣйшія дороги прокладываются такъ, что онѣ увеличиваютъ притяженіе центра, усиливаютъ въ этомъ центрѣ искусственное движеніе и ослабляютъ естественныя проявленія жизни во всѣхъ далекихъ оконечностяхъ страны банановъ.

Изобрѣтенія, относящіяся къ механической и химической переработкѣ сыраго матеріала, должны вести къ тому, чтобы всѣ люди питались, одѣвались и жили лучше прежняго, чтобы сберегалось какъ можно больше человѣческаго труда и чтобы этотъ сбереженный трудъ употреблялся на усиленіе производительныхъ силъ земли и на развитіе безпредѣльныхъ способностей человѣческаго ума. Но эта цѣль вовсе не соотвѣтствуетъ великимъ интересамъ и строгимъ замысламъ той системы, которая выработалась изъ первобытной дружины. По соображеніямъ системы, добываемые металлы должны превращаться не въ заступы, плуги и паровыя машины, а въ сабли, копыя и ружья; строевыя деревья должны употребляться не на постройку домовъ, мельницъ и плотинъ, а на сооруженіе огромныхъ кораблей; изъ мѣди должны дѣлаться не самовары, а пушки; порохъ долженъ служить не для истребленія хищныхъ звѣрей, не для добыванія мѣховъ и дичи, а для отбиванія человѣческихъ рукъ, ногъ и головъ; изъ камня должны строиться не мосты и набережныя, а такія стѣны, которыя будутъ разбиваться чугунными ядрами и взрываться порохомъ. Такимъ образомъ, рабочая сила и изобрѣтательность нашей породы должны направляться не къ тому, чтобы увеличивать существующія удобства жизни, а къ тому, чтобы руками однихъ людей какъ можно быстрѣе и искуснѣе разрушать то, что сдѣлано руками другихъ.

Кто слѣдилъ за современными открытіями Армстронга и Уайтворта, кто помнитъ происхожденіе Мерримака и Монитора, кто слышалъ о любовитной борьбѣ англійскаго адмиралтейства, стремящагося создать для кораблей непроницаемую обшивку, съ англійскимъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, порывающимся разбить въ дребезги всякую обшивку, тотъ, конечно, скажетъ, что XIX вѣкъ въ своихъ нелѣпостяхъ также великъ и послѣдователенъ, какъ въ своихъ общепользныхъ открытіяхъ и человѣчныхъ стремленіяхъ. Но нелѣпость

немедленно получает себѣ практическое примѣненіе, а человѣчныя стремленія, по недостатку матеріальныхъ силъ, останавливаются обыкновенно на одной теоретической послѣдовательности. Можно сказать безъ преувеличенія, что остроумныя изобрѣтенія Армстронга и подобныхъ ему благодѣтелей человѣчества, причинили Англіи больше вреда, чѣмъ длинный рядъ сильнѣйшихъ неурожаевъ. Если бы не было этихъ изобрѣтеній, то старыя корабли, старыя укрѣпленія и старыя пушки оставались бы совершенно годными для употребленія, а теперь, благодаря остроумію изобрѣтателей, приходится тратить безъ всякой пользы огромныя количества дерева, желѣза, мѣди, и главное, человѣческаго труда. Вредъ не ограничивается Англіею, потому что за нею, волею или неволею, изъ чувства самосохраненія, тянутся всѣ остальные державы. Но кому же всѣ эти усилія приносятъ пользу? Никому. Кто выигрываетъ отъ этихъ всеобщихъ непроизводительныхъ затратъ? Никто. Всѣмъ извѣстно, что финансы сильнѣйшихъ государствъ Европы обременены страшными долгами и что долги эти произошли отъ прежнихъ войнъ; всѣмъ извѣстно далѣе, что чуть ли не три четверти ежегодныхъ доходовъ употребляются на уплату процентовъ и на содержаніе армій и флотовъ, всѣ знаютъ, что эти издержки постоянно увеличиваются, потому что каждая держава боится своего сосѣда и старается превзойти его силою вооруженія. Спрашивается, есть ли возможность своротить съ этой дороги извращеннаго и постоянно ускоряющагося прогресса? Отвѣта на этотъ вопросъ не рѣшится дать ни одинъ глубокой политикъ, но очевидно, что этотъ вопросъ для всей европейской цивилизаціи равняется вопросу: *быть или не быть.*

XXIII.

Дружинники, не производящіе ничего, подчиняютъ своей власти работниковъ, производящихъ пищу, одежду, жилища и инструменты. Торговцы, не производящіе также ничего, точно также подчиняютъ своему произволу производителей, властвующихъ продуктами, и потребителей платящихъ за эти продукты трудомъ и другими продуктами. Въ дѣйствіяхъ дружинниковъ преобладаетъ насиліе; въ распоряженіяхъ торговцевъ на первомъ планѣ стоитъ элементъ хитрости и обмана; за исключеніемъ этого оттѣнка различія поступательный ходъ войны и торговли оказывается тождественнымъ. Подобно войнѣ, торговля обращаетъ въ свою пользу ассоціацію, пути сообщенія и техническія открытія, и подобно войнѣ, она искажаетъ все то, къ чему прикасается. Не увели-

чивая количества продуктовъ, она обираетъ въ пользу торговаго посредника трудящіяся классы общества; раззоряя производителей, она уменьшаетъ ихъ силу надъ природою, истощаетъ плодородіе земли, перегоняетъ людей съ богатой почвы на бѣдную и превращаетъ заселенныя области въ мертвыя пустыни. Торговля овладѣваетъ перевозочными средствами, и, взимая въ пользу торговаго посредника большую перевозочную плату, старается увеличивать необходимость въ перевозкѣ; такимъ образомъ увеличивается цѣнность продуктовъ, и уменьшается ихъ польза; такимъ образомъ отрываются отъ производительныхъ работъ тысячи рукъ, которыя могли бы усиливать плодородіе земли. Когда прокладываются пути сообщенія, торговля всегда старается проложить ихъ такъ, чтобы они усилили притяженіе главнаго центра; централизація выгодна для торговаго класса, потому что она поддерживаетъ бѣдность областного населенія, которое такимъ образомъ остается въ безотвѣтной зависимости отъ диктатуры купцовъ, покупающихъ ихъ продукты и продающихъ имъ разныя удобства жизни по произвольно назначаемымъ цѣнамъ. Стремленія торговли здѣсь, какъ и вездѣ, совершенно сходятся съ стремленіями войны и совершенно расходятся съ инстинктивными или сознательными желаніями всѣхъ производительныхъ классовъ. Послѣдніе желаютъ непосредственнаго сближенія между собою, а системы, развившіяся изъ войны и торговли, желаютъ, чтобы производители оставались разъединенными и чтобы каждый изъ нихъ по одиночкѣ находился въ зависимости отъ центрального пункта. Война извращаетъ техническія открытія. Торговля также извращаетъ ихъ тѣмъ, что стремится ихъ монополизировать. Всѣ люди желаютъ переработывать добываемые ими продукты на мѣстѣ, а это желаніе вполнѣ естественно и разумно, потому что переработка на мѣстѣ сберегаетъ время и избавляетъ отъ всѣхъ хлопотъ, издержекъ и опасностей перевозки. Торговецъ, напротивъ того, хочетъ, чтобы сырой продуктъ былъ перевезенъ на его корабль или повозкѣ, и чтобы ему за перевозку заплатили по больше денегъ; потомъ онъ хочетъ, чтобы перевезенный продуктъ былъ переработанъ на его фабрикѣ, его машинами, и чтобы за переработку ему опять заплатили, потомъ онъ хочетъ, чтобы переработанный продуктъ былъ перевезенъ на его же корабль къ первому производителю, и чтобы за эту вторичную перевозку было также заплачено. Очень понятно, что торговецъ не останавливается на одномъ желаніи, его интересы принимаются горячо къ сердцу людьми, имѣющими въ рукахъ дѣйствительную силу, и вся политика цѣлыхъ передовыхъ государствъ направляется къ тому, чтобы желанія торговца были дѣйствительно исполнены. И, разумѣется, они исполняются. Результатъ оказывается тотъ, что индусъ или плантаторъ южныхъ штатовъ продаетъ англійскому купцу хлопчатую бумагу по той

цѣнѣ, которую послѣднему заблагоразсудится дать, а потомъ покупаетъ у того же купца коленкоръ по той цѣнѣ, которую достойному джентльмену угодно будетъ взять. Плантаторъ и индусъ бѣднѣютъ, но англійскіе работники, перерабатывающіе въ коленкоръ хлопчатую бумагу болѣе части земнаго шара, отъ этого не богатѣютъ, точно также, какъ не богатѣютъ матросы тѣхъ купеческихъ кораблей, которые зарабатываютъ груды золота своимъ хозяевамъ. Матросы и фабричные получаютъ жалованье, и перебиваются имъ, какъ хотятъ или какъ могутъ. Хозяинъ покупаетъ ихъ трудъ какъ можно дешевле и затѣмъ беретъ себѣ всѣ результаты ихъ труда, какъ бы они ни были велики. Трудъ ихъ не прибавляетъ въ странѣ ни одного зерна хлѣба, и только увеличиваетъ силу ихъ хозяина надъ трудомъ индуса, негра или англійскаго пролетарія. Если бы въ странѣ было только то число фабрикъ, которое необходимо для превращенія сыраго матеріала, производимаго мѣстною почвою, если бы индусу и негру была предоставлена возможность перерабатывать свои продукты у себя на мѣстѣ, и если бы все излишнее количество пролетаріевъ, работающихъ на теперешнихъ безчисленныхъ фабрикахъ, получило средства приложить свою рабочую силу къ улучшенію земли,—то Индія и южные штаты обогатились бы вслѣдствіе учрежденія мѣстныхъ центровъ и введеннаго разнообразія занятій, Англія обогатилась бы въ барышахъ, потому что капиталъ, приложенный къ развитію силъ земли, даетъ прочный и постоянно увеличивающійся доходъ.

Изъ всего, что было говорено въ этомъ очеркѣ, мы можемъ вывести довольно важныя и плодотворныя заключенія. Человѣческое общество въ первоначальной его формѣ можно представить себѣ въ видѣ пирамиды, разгороженной на нѣсколько этажей. Въ самомъ нижнемъ этажѣ работаютъ люди, добывающіе сырые матеріалы; они находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ землею и ихъ этажъ составляетъ основаніе всего строенія, потому что въ остальныхъ ярусахъ люди только перерабатываютъ или передаютъ другъ другу изъ рукъ въ руки то, что отрываютъ отъ земли обитатели нижняго яруса. Во второмъ этажѣ совершается механическая и химическая переработка добытыхъ матеріаловъ. Въ третьемъ этажѣ дѣйствуютъ люди, занимающіеся перевозкою и устраивающіе пути сообщенія. Въ четвертомъ обитаютъ всѣ разнообразныя классы людей, живущихъ производительнымъ трудомъ нижняго этажа.

Равновѣсіе этой общественной пирамиды будетъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ обширнѣе будутъ нижніе два этажа въ сравненіи съ верхними, и чѣмъ значительнѣе вѣсъ нижнихъ этажей будетъ превышать тяжесть верхнихъ. Нижніе этажи должны быть обширнѣе — это значитъ, что большее число людей должно заниматься добываніемъ и переработкою

сырыхъ продуктовъ, а не перевозкою съ мѣста на мѣсто и не разнообразнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Нижніе этажи должны быть тяжелѣе. Такъ какъ специфическая сила человѣка заключается не въ мускулахъ, а въ мозгу, то вѣсомъ человѣка въ переносномъ смыслѣ можетъ быть названа сумма его дѣятельныхъ умственныхъ способностей. Исторія показываетъ намъ, что пріобрѣтаетъ и удерживаетъ господство въ обществѣ именно тотъ классъ или кругъ людей, который владѣетъ наибольшимъ количествомъ развитыхъ умственныхъ силъ. Преобладанію аристократіи во Франціи пришелъ конецъ, когда перевѣсъ ума, таланта и образованія оказался въ рядахъ достаточной буржуазіи, а преобладанію буржуазіи такъ же придетъ конецъ, когда тотъ же перевѣсъ перейдетъ въ ряды трудящагося пролетаріата. Слѣдовательно, когда мы говоримъ: «нижніе этажи должны быть тяжеле», это значить, что въ массахъ земледѣльцевъ и фабричныхъ должно сосредоточиваться и обращаться больше знаній, чѣмъ въ кучкахъ людей, занимающихся очень неголоволоннымъ дѣломъ исключительнаго потребления продуктовъ.

Въ тѣхъ цивилизаціяхъ, которыя уже погибли, и въ тѣхъ, которымъ угрожаетъ гибель, нарушаются самымъ неосторожнымъ образомъ оба условія, необходимыя для поддержанія устойчиваго равновѣсія. Въ каждой изъ пирамидъ, соотвѣтствующихъ этимъ цивилизаціямъ, устроены очень замысловатый механизмъ, посредствомъ котораго большая часть продуктовъ, добываемыхъ и превращаемыхъ въ двухъ нижнихъ этажахъ, съ мгновенною быстротою переносятся въ верхній ярусъ, гдѣ они тотчасъ же и потребляются. Благодаря этому механизму, жильцы четвертаго этажа пользуются изобиліемъ и имѣютъ возможность употреблять значительную долю своего вѣчнаго досуга на развитіе умовъ и сердець. Обитатели нижнихъ этажей знаютъ, что на антресоляхъ жить очень весело, поэтому, во всей пирамидѣ господствуетъ неустовое желаніе карабкаться кверху; кверху лѣзутъ и гастрономы, и честолюбцы, и тщеславныя посредственности; но туда же лѣзутъ и замѣчательные таланты, и люди безукоризненные въ нравственномъ отношеніи, потому что только въ верхнемъ этажѣ можно найти умственную дѣятельность и нѣкоторую степень нравственной самостоятельности. Красота, умъ, талантъ, богатство, желѣзная воля—все, что въ какомъ нибудь отношеніи составляетъ силу человѣка, все это употребляется на переправу въ верхній этажъ. Внизу остаются только тѣ, которыхъ природа и обстоятельства лишаютъ всякой возможности подняться. Эти невольные обитатели нижнихъ ярусовъ бѣдны, тупы, слабы и забыты. Кто поднялся на верхъ, тотъ старается удержаться на верху, и упрочиваетъ тамъ квартиры для своихъ дѣтей. Кто не можетъ быть барономъ на верху, тотъ идетъ на верхъ въ лакеи, потому что лакея кормятъ и одѣваютъ лучше, чѣмъ

производительнаго работника. Кромѣ тѣхъ людей, которые попадаютъ на верхъ по собственной охотѣ, есть и другіе, которыхъ затаскиваютъ туда насильно. Конскрипціи Наполеона I затащили въ высокія хоромы болѣе милліона французскихъ гражданъ, которые предпочли бы оставаться внизу, за сохою или за ткацкимъ станкомъ.

Когда такимъ образомъ все, что сильно, умно и талантливо лѣзеть или привлекается на верхъ, тогда, конечно, производительныя работы нижнихъ этажей идутъ вяло и плохо. Жильцы бѣднѣютъ, ссорятся между собою за кусокъ хлѣба и производятъ преступленія противъ личности и собственности. Чтобы разбирать ссоры, необходимы судьи и адвокаты; чтобы предупреждать и преслѣдовать преступленія, необходима разнообразная полиція; чѣмъ больше ссоръ и преступленій, тѣмъ больше судей, адвокатовъ и полицейскихъ, которые всѣ также живутъ въ четвертомъ этажѣ, и увеличивая его тяжесть, увеличиваютъ неустойчивость общаго равновѣсія. Чѣмъ бѣднѣ жильцы нижнихъ этажей, тѣмъ болѣе они зависятъ отъ произвола верхнихъ капиталистовъ; чѣмъ невыносимѣе жизнь внизу, тѣмъ сильнѣе и безпокойнѣе стремленіе на верхъ; люди бѣгутъ изъ нижнихъ этажей и къ верху, и совсѣмъ вонъ изъ пирамиды, куда никуда въ Америку или въ Австралію. Камни пирамиды вынимаются такимъ образомъ изъ основанія и кладутся на вершину, или выбрасываются вонъ. Основаніе постоянно становится уже, а вершина шире и тяжеле. Вся эта исторія неминуемо должна кончиться тѣмъ, что пирамида рухнетъ и превратится въ безобразную кучу мусора. Это уже дѣло бывалое. Такіе пассажи сдѣлаются невозможными только тогда, когда работникъ будетъ образованъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Мы уважаемъ трудъ, но этого мало. Надо, чтобы трудъ былъ пріятенъ, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженику, и чтобы физическій трудъ уживался постоянно съ обширнымъ умственнымъ развитіемъ. Пока это не будетъ сдѣлано, всякая цивилизація будетъ находиться въ неустойчивомъ равновѣсіи перевернутой пирамиды. А какъ же это сдѣлать? Не знаю. Рецептовъ предлагалось много, но до сихъ поръ ни одно универсальное лекарство не приложено къ болѣзнямъ дѣйствительной жизни.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ.

I.

Лѣтъ за восемьсотъ до Рождества Христова, полудниій греческій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ ребяческою довѣрчивостію слушалъ пѣсни странствующихъ пѣвцовъ о подвигахъ Геркулеса и Тезея, о путешествіи аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, о быстромомъ Ахиллесѣ, о хитроумномъ Одиссеѣ, о паденіи Иліона, о несчастіяхъ и преступленіяхъ Атридовъ и потомковъ Кадма. Въ этихъ пѣсняхъ заключалась вся мудрость тогдашняго грека. Тутъ была и религіозная догматика, и нравственная философія, и исторія, и физика, и астрономія: все это было смѣшано въ одну пеструю кучу и все вмѣстѣ считалось святою и неприкосновенною истиною. Много было чудесъ въ томъ мірѣ, который представлялся греческому воображенію, но міръ этотъ былъ узокъ и бѣденъ, и чудеса въ немъ были маленькія и игрушечныя. Въ центрѣ всего мірозданія лежитъ земля, плоская какъ блинъ и опоясанная кругомъ водами океана; надъ землею раскинутъ въ видѣ балдахина хрустальный сводъ голубаго неба; по этому своду ходятъ солнце, луна и звѣзды; пониже этихъ ходячихъ лампадокъ носятся тучи, постоянно измѣняя форму и цвѣтъ. На лицевой сторонѣ земли живутъ растенія, животныя и люди, а подъ землею или, можетъ быть, на ея изнанкѣ, находится царство Плутона или область ночи и смерти. Туда отправляются души умершихъ; тамъ ихъ судятъ; злыхъ сажаютъ въ Тартаръ на вѣчное мученіе, добрыхъ пускаютъ въ Елисейскія поля для

приятных прогулокъ и удовольствій. На землѣ вмѣстѣ съ простыми людьми живутъ разныя чудовища, великаны и совсѣмъ особенные люди, не похожіе на обыкновенныхъ. На сѣверѣ—счастливые гиперборей; на югѣ—безгрѣшные эфиопы; на берегахъ Италіи—сирены, завлекающія путешественниковъ пѣснями; рядомъ съ ними, въ Мессинскомъ проливѣ—чудовища Сцилла и Харибда, поглощающія корабли; въ Сициліи одноглазые циклопы и кровожадные людодѣды Лестригоны. Выше хрустальнаго небеснаго свода находится Олимпъ, жилище безсмертныхъ боговъ. Боги эти ѣдятъ и пьютъ, спятъ и любезничаютъ, женятся и плодятся, ругаются и дерутся, но, не смотря на всю эту разнообразную дѣятельность, они, повидимому, скучаютъ и, для развлеченія, вмѣшиваются ежеминутно въ дѣла людей, требуютъ отъ нихъ жертвоприношеній, посылаютъ имъ сновидѣнія и болѣзни, соблазняютъ ихъ женъ и дочерей, участвуютъ въ человѣческихъ войнахъ, и вообще, по мѣрѣ силъ и капризовъ своихъ, производятъ всякую путаницу въ мірѣ стихій и въ душѣ человѣка.—Прислушиваясь къ пѣнію своихъ пѣвцовъ, полудикій грекъ не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между существеннымъ и не существеннымъ, между идеею и формою, между основнымъ догматомъ и случайнымъ украшеніемъ. Если бы вы ему сказали, что въ Сициліи нѣтъ одноглазыхъ циклоповъ, то онъ за такое безбожіе окрысился бы на васъ такъ же сильно, какъ если бы вы стали отвергать сплошь все подземное царство Плутона. Сила всего мифологическаго зданія заключалась именно въ томъ, что критика совсѣмъ не допускалась; ничего не трогай: ни основныхъ началъ, ни подробностей, но эта сила могла продолжаться только до поры до времени; грекамъ стоило только покороче познакомиться съ Сициліею, чтобы немедленно уничтожить циклоповъ; а стоило только одинъ разъ улучшить мифологію въ очевидной лжи, для того, чтобы критика тотчасъ начала свою работу; если нѣтъ на свѣтѣ циклоповъ, то, можетъ быть, нѣтъ и безгрѣшныхъ эфиоповъ; вопросы пойдутъ за вопросами и вѣковая привычка принимать все мифологическое зданіе за одно неразрывное цѣлое приведетъ за собою тотъ результатъ, что все зданіе развалится, когда нѣкоторыя подробности окажутся ложными.

Въ 670 году до Р. Х., Египетъ въ первый разъ открылъ свои гавани для иностранцевъ; полудикіе, но даровитые и воспримчивые греки увидѣли себя лицомъ къ лицу съ одною изъ самыхъ древнихъ цивилизацій земнаго шара. Все, что они видѣли въ Египтѣ, возбуждало въ нихъ изумленіе и шевелило ихъ мысль. Периодическія разлитія Нила, сложная система каналовъ для орошенія полей, астрономическія наблюденія жрецовъ, ихъ геометрическія познанія, необходимыя для размежеванія полей послѣ наводненія, ихъ таинственные символы и гіероглифы, колоссальныя произведенія египетской архитектуры, пирамиды, лабиринтъ,

сфинксы, обелиски—все это вмѣстѣ было гораздо болѣе поразительно, чѣмъ самыя затѣйливыя сказки греческой мифологіи. Греки узнали, что у Египтянъ есть свои собственные боги, не имѣющіе ничего общаго съ греческими богами; а въ могуществовѣ этихъ боговъ греки не могли сомнѣваться, потому что видѣли собственными глазами древность, силу и процвѣтаніе того государства, которое находилось подъ покровительствомъ этихъ верховныхъ существъ. Греческій Олимпъ получилъ такимъ образомъ первый ударъ, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться.

Въ 57 году до Р. Х., ассирійскій царь Навуходоносоръ разрушилъ финкійскій городъ Тиръ, державшій въ своихъ рукахъ всю торговлю Средиземнаго моря. Малоазійскіе греки и жители Архипелага, пользуясь этимъ событіемъ, быстро развернули свои морскія силы и овладѣли тѣми торговыми путями и сношеніями, которыя составляли безраздѣльную собственность сильныхъ и богатыхъ тирійцевъ. Развитіе греческой торговли повело за собою два ряда послѣдствій. Во-первыхъ, явилось накопленіе и неравномѣрное распредѣленіе богатства; а во-вторыхъ, даже простые матросы, плававшіе по Средиземному морю и посѣщавшіе берега Сициліи, Италіи, Сѣверной Африки, Испаніи и южной Франціи, перестали вѣрить въ существованіе сиренъ, циклоповъ и многихъ другихъ чудесъ гомеровской географіи. Но матросу, какъ рабочему человѣку, некогда было углубляться въ критику и обобщать результаты своихъ всѣдневныхъ опытовъ и наблюденій. Этою умственною работою начали заниматься люди тѣхъ достаточныхъ классовъ, которые понемногу образовались, вслѣдствіе торговаго движенія, въ приморскихъ городахъ малоазійской и европейской Греціи. Изъ этихъ достаточныхъ классовъ стали выдвигаться впередъ поэты, историки, философы. Какъ только индивидуальная мысль начала шевелиться, такъ она тотчасъ почувствовала, что ей тѣсно и душно въ тѣхъ готовыхъ рамкахъ міросозерцанія, которыя были установлены народными преданіями для всѣхъ и навсегда. Поэты, повидимому, меньше всѣхъ остальныхъ умственныхъ работниковъ враждовали съ мифологіею, но и поэтамъ невозможно было ужиться съ нею въ добромъ согласіи. Они брали мифологическіе сюжеты для своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеній, но они перерабатывали эти сюжеты совершенно по своему, и очень часто случалось, что сочувствіе поэта ложилось совѣмъ не на ту сторону, на которой ему слѣдовало лежать по понятіямъ немислящаго большинства. Эсхиль написалъ, на примѣръ, трагедію «Скованный Прометей» и возвеличилъ въ ней геніальнаго Титана, который, желая облагодѣтельствовать людей, навлекъ на себя жестокое мщеніе завистливаго и несправедливаго громовержца Зевеса. Разумѣется, въ такой трагедіи Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, игралъ очень некрасивую роль; Прометей высказывалъ ему очень

сильными словами очень горькія истины, а зрители понимали, какъ нельзя лучше, что за фигурою Прометея скрывается самъ Эсхиль, подрывающій его дерзкими рѣчами вѣру въ величіе, а пожалуй даже и въ существованіе безсмертныхъ олимпійцевъ.

Историки старались рассказывать событія такъ, чтобы видна была естественная связь между причинами и слѣдствіями; люди боролись между собою, люди побѣждали другъ друга; ихъ поступками управляли простыя человѣческія страсти; никакого вмѣшательства высшихъ силъ не замѣчалось, и писатель, а вслѣдъ за нимъ и его читатели, приходили понемногу къ тому размышленію, что, можетъ быть, и всегда событія слагались такъ же просто, что, можетъ быть, и священная Троя была разрушена безъ малѣйшаго содѣйствія Паллады Афины и волоокой Геры. Еще необузданнѣе была дерзость философовъ. Эти съ перваго шагу отодвинули прочь весь Олимпъ и на мѣсто живыхъ и человѣкообразныхъ боговъ поставили неодушевленные стихіи и слѣпныя силы природы. Одинъ изъ этихъ философовъ пришелъ путемъ своихъ размышленій къ единобожію; другіе къ пантеизму, то есть, къ тому выводу, что Богъ и вселенная—одно и то же; третьи къ совершенному отрицанію божества. Всѣ они наговорили и написали ужасно много чепухи по физикѣ, по астрономіи и по психологіи; всѣ они, за и ключеніемъ Аристотеля, старались что-то отгадать, вмѣсто того, чтобы смотрѣть и изучать міръ видимыхъ явленій; но всѣ они боролись противъ мифологіи, всѣ они, собирая вокругъ себя школы усердныхъ слушателей и поклонниковъ, содѣйствовали разрушенію греческаго многобожія, и эта отрицательная сторона ихъ дѣятельности имѣетъ важное и прочное историческое значеніе. Положительные же выводы всѣхъ этихъ мыслителей, начиная отъ Фалеса и кончая Платономъ, до такой степени ничтожны и наивны, что на нихъ не стоитъ останавливаться ни на одну минуту. Умиѣннѣе изъ греческихъ философовъ сами понимали очень хорошо, что всѣ ихъ умозрѣнія никуда не годятся. «Ничто не можетъ быть познано, говоритъ Анаксагоръ, ничто не можетъ быть изучено, ничто не можетъ сдѣлаться достовѣрнымъ; чувства ограничены; умъ слабъ; жизнь коротка». На этой мысли скептики построили всю свою философію и пришли къ отрицанію всего видимаго міра, и наконецъ къ отрицанію самаго отрицанія. Софисты превратили философію въ діалектическое орудіе, которымъ можно было доказывать все, что угодно, въ ту или въ другую сторону. Въ концѣ концовъ, греческая мысль, не поддержанная опытомъ и наблюденіемъ, пришла такимъ образомъ къ полному и очевидному банкротству.

Подчиняясь вліянію философіи, исторіи и поэзіи, видя вблизи и держа въ собственныхъ рукахъ чисто человѣческія пружины текущихъ политическихъ событій, высшіе классы греческаго народа очень скоро со-

вершенно отложились от національной религи. Но масса продолжала, не смотря ни на что, держаться за своих ненаглядных олимпійцевъ съ тѣмъ тупымъ и непостижимымъ упорствомъ, которымъ отличаются вообще народныя массы и которое побѣждается не аргументами, а только медленнымъ, неотразимымъ и нечувствительнымъ дѣйствіемъ всеразлагающаго времени. Такія натянутыя отношенія между образованными людьми и массою продолжались безъ малаго тысячу лѣтъ, то есть, со времени открытія египетскихъ гаваней вплоть до окончательной побѣды христіанства надъ язычествомъ.

II.

Жрецы пользовались очень безцеремонно довѣрчивостью народа; однако, надо отдать справедливость и жрецамъ; ихъ дѣятельность не осталась совершенно безплодною: въ храмахъ Эскулапа родилась современная медицина, которая до сихъ поръ признаетъ своимъ отцомъ великаго и честнаго человѣка, Гипократа, жившаго во время пелопоннесской войны. Въ то время каждая болѣзнь приписывалась обыкновенно гнѣву какого нибудь оскорбленнаго божества; больныхъ приносили въ храмъ, преимущественно въ Эскулапу, и жрецы лечили ихъ тамъ заклинаніями, и наконецъ кое-какими лекарствами. Больныхъ собиралось въ этихъ храмахъ довольно много, и любознательный человѣкъ могъ наблюдать признаки и постепенное развитіе различныхъ болѣзней. Выздоровѣвшіе больные приносили Эскулапу разныя пожертвованія и, между прочимъ, оставляли въ храмѣ таблички, на которыхъ былъ описанъ въ общихъ чертахъ весь ходъ пережитой болѣзни. Эти таблички, хранившіяся въ храмѣ для прославленія Эскулапа, могли, подъ руками мыслящаго человѣка, превратиться въ драгоценный матеріалъ для изученія болѣзней. Такой мыслящій человѣкъ нашелся въ лицѣ Гипократа. Опиравсь на свои собственныя многолѣтнія наблюденія и на критическое изученіе эскулаповскихъ табличекъ, Гипократъ въ своихъ сочиненіяхъ высказалъ и послѣдовательно выдержалъ до конца ту мысль, что каждая болѣзнь происходитъ отъ вліянія чисто физическихъ причинъ и излечивается чисто физическими средствами. Для основанія разумной медицины эта простая мысль была безусловно необходима, но жрецовъ такая мысль поражала въ самое чувствительное мѣсто. Чѣмъ больше народъ будетъ довѣряться искусству врача, тѣмъ меньше онъ будетъ обращать вниманія на манипуляціи и заклинанія жреца. Больницы наполнятся, а храмы Эскулапа опустѣютъ. Понятно, какую бурю него-

дованія долженъ былъ поднять противъ себя трезвый мыслитель, Гиппократъ. Надо было обладать непоколебимымъ мужествомъ, чтобы пойдти на встрѣчу этой бури, и надо было принести народу очень много совершенно осязательной пользы, чтобы устоять противъ разыгравшихся страстей, то есть, чтобы не погибнуть такъ, какъ погибъ, на примѣръ, Сократъ. Гиппократъ былъ гораздо опаснѣе Сократа для изыческаго благочинія. Сократъ только говорилъ противъ предрасудковъ и то робко и двусмысленно; а Гиппократъ дѣйствовалъ, и притомъ самымъ разрушительнымъ образомъ: исцѣляя больныхъ своимъ искусствомъ, онъ доказывалъ имъ и всѣмъ ихъ знакомымъ, какъ нельзя нагляднѣе, что наука сильнѣе и полезнѣе заклинаній. Но Сократъ погибъ, потому что народъ видѣлъ въ немъ только говоруна, а на Гиппократа не поднялась ни одна рука, потому что Гиппократъ защищалъ свои научныя положенія не только дѣльными доказательствами, но еще и фактическими благодѣянiями. О Гиппократѣ сохранился, между прочимъ, одинъ анекдотъ, доказывающій намъ, что этотъ великій человѣкъ никогда не льстилъ народнымъ страстямъ и любилъ говорить своимъ неразвитымъ соотечественникамъ голую правду. Можетъ быть, этотъ анекдотъ и вымышленъ впоследствии, но во всякомъ случаѣ онъ показываетъ, какимъ образомъ греки понимали характеръ Гиппократа. Въ городѣ Абдерѣ жилъ философъ Демокритъ, постоянно смѣявшійся надъ различными глупостями всѣхъ людей вообще и своихъ согражданъ въ особенности; онъ не щадилъ своими насмѣшками ни жрецовъ ни философовъ, ни даже самого себя; его неугомонный смѣхъ упрочилъ за нимъ прозванiе смѣющагося мудреца изъ Абдеры, а жителямъ этого города доставилъ на вѣчныя времена репутацію непроходимой тупости. Наконецъ, почтеннымъ абдеритамъ стало уже слишкомъ тяжело отъ этого постоянного зубоскальства; они распустили слухъ, что ихъ мудрецъ помѣшался и пригласили знаменитаго врача Гиппократа полечить рехнувшагося философа. Гиппократъ прѣхалъ въ Абдеру съ искреннимъ соболѣзнованiемъ; оно и въ самомъ дѣлѣ жалко: во всемъ городѣ одинъ умный человѣкъ былъ, да и тотъ съ ума сошелъ. Гиппократъ освидѣтельствовалъ заподозрѣннаго Демокрита самымъ добросовѣстнымъ образомъ, поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ очень долго и вышелъ изъ его дома, проникнутый глубочайшимъ уваженiемъ къ его великому и гибкому уму.— «Сами вы, сказали онъ, обращаясь къ собравшимся абдеритамъ, гораздо больше его нуждаетесь въ медицинскихъ пособiяхъ!»—сказалъ и уѣхалъ. Изъ этого любопытнаго разсказа мы можемъ вывести то поучительное заключенiе, что комедiя «Горе отъ ума» разыгрывалась въ дѣйствительной жизни слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до рожденiя нашего Грибоѣдова.

III.

Завоеванія Александра Македонскаго составляютъ рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи греческаго ума и всего греческаго народа. Вслѣдствіе этихъ завоеваній, греческая національность разлилась по Египту и по всей Азіи. Когда Александръ основалъ свою огромную имперію на развалинахъ персидской монархіи, тогда потянулось на востокъ изъ европейской Греціи все, что было молодо, сильно и предприимчиво. Таже самая исторія продолжалась при ближайшихъ преемникахъ Александра. Полководцы македонскаго завоевателя, во время своихъ продолжительныхъ междоусобій, постоянно тянули къ себѣ изъ Греціи молодыхъ, сильныхъ и храбрыхъ солдатъ; такимъ образомъ, цвѣтъ греческаго населенія погибъ въ безплодныхъ сраженіяхъ, а кто уцѣлѣлъ, тотъ пристроился въ Азіи или въ Египтѣ, обзавелся тамъ женою и хозяйствомъ и смѣшалъ такимъ образомъ кровь эллиновъ съ кровью персовъ, сиріянъ или египтянъ. Европейская Греція опустѣла и ослабѣла съ этого времени. Греческая національность потонула въ другихъ національностяхъ, какъ тонетъ стаканъ вина въ бочкѣ воды. Греческія мысли и греческій языкъ были привиты къ умственнымъ способностямъ азіятовъ и африканцевъ, но чистая греческая раса, эллинская кровь утратились навсегда, породивши изъ себя множество разнообразныхъ помѣсей.

Въ нижнемъ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря, Александръ основалъ городъ Александрію. Мѣсто было выбрано такъ умно и такъ удачно, что новый городъ разросся съ невѣроятною быстротою и совершенно убилъ въ самое короткое время умственное значеніе Афинъ. Въ Александрію потянулись со всѣхъ сторонъ предприимчивые капиталисты, даровитые художники и глубокіе мыслители. Политика Птоломеевъ, ближайшихъ преемниковъ Александра, довела александрійскую торговлю и александрійскую науку до высочайшей степени процвѣтанія. Здѣсь, въ Александріи, развернулись всѣ силы греческаго ума. Александръ основалъ тотъ городъ, въ которомъ греческая мысль совершила свои величайшіе подвиги, а учитель Александра, Аристотель, одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей древняго міра, основалъ тотъ методъ, по которому развилась александрійская наука и по которому всегда будутъ развиваться всѣ отрасли положительнаго, не мечтательнаго и не умозрительнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Аристотель составляетъ совершенную противоположность со всѣми своими предшественниками и въ особенности съ своимъ учителемъ, Платономъ. Платонъ признаетъ дѣйствительное

существованіе какихъ-то общихъ идей; по его мнѣнію, философъ долженъ углубиться въ самого себя, погрузиться въ созерцаніе общихъ идей и потомъ уже изъ этихъ идей вывести частности и подробности видимыхъ явленій. Аристотель, напротивъ того, говоритъ, что общія идеи составляютъ только посредствомъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ частныхъ явленій, и что, стало быть, философъ долженъ наблюдать и изучать живую дѣйствительность, чтобы потомъ, сравнивая между собою отдѣльныя впечатлѣнія, возвышаться до пониманія общихъ законовъ. Методъ Аристотеля безукоризненно вѣренъ; но на практикѣ Аристотель очень часто измѣняетъ своему методу; въ то время фактическихъ знаній было собрано еще такъ мало, что не было ни малѣйшей возможности дѣлать какія-нибудь основательныя философскія заключенія о мірозданіи, о жизни, о человѣческой душѣ и о разныхъ другихъ вопросахъ, надъ которыми любятъ задумываться мыслители. Чтобы оставаться совершенно послѣдовательнымъ, Аристотелю надо было совсѣмъ отказаться отъ философіи и приняться за собираніе фактическихъ наблюденій. Но тогдашніе люди, въ томъ числѣ и самъ Аристотель, думали, что каждому мыслящему человѣку необходимо дать отвѣты на всѣ вопросы, и если не откуда взять дѣльныхъ отвѣтовъ, то надо непременно пуститься въ догадки и въ умозрѣнія. Увлекаясь печальнымъ пристрастіемъ своего вѣка къ философствованіямъ, Аристотель уклоняется отъ того метода, который онъ признаетъ истиннымъ въ теоріи, и пишетъ чрезвычайно много вздора о физикѣ, о метафизикѣ, о физиологіи и о политикѣ, Аристотель остается вѣренъ своему собственному методу только въ своей «Естественной исторіи» и въ своихъ сочиненіяхъ по сравнительной анатоміи. Здѣсь онъ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами. Чтобы заниматься этими предметами, онъ имѣлъ болѣе средства, чѣмъ кто либо другой изъ его предшественниковъ или современниковъ; ученикъ его, Александръ македонскій былъ самъ человѣкомъ очень любознательнымъ; онъ съ большимъ участіемъ слѣдилъ за работами Аристотеля и постоянно присылалъ ему изъ Азіи цѣлыя коллекціи животныхъ и растений, неизвѣстныхъ европейскимъ грекамъ.

Когда междоусобныя войны между полководцами Александра прекратились, когда Египетъ сдѣлался неоспоримою собственностью династіи Птолемеевъ, тогда Александрія сдѣлалась центромъ греческой торговли и всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. Первые Птолемеи были люди умные и просвѣщенные. Они приняли науку подъ свое покровительство и основали въ Александріи музей, такое учрежденіе, которое было въ одно и тоже время университетомъ и академіею, и которое своими громадными размѣрами далеко превышало всѣ подобныя учрежденія прежнихъ и даже позднѣйшихъ временъ.

Александрийскій музеумъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ ученаго города; въ немъ бывало иногда до четырнадцати тысячъ различныхъ работниковъ мысли. При музеумѣ находился роскошный ботаническій садъ для изученія растений, звѣринецъ для зоологическихъ наблюдений, астрономическая обсерваторія со всѣми извѣстными въ то время инструментами и пособіями, химическая лабораторія, въ которой самъ Птоломей Филадельфъ, одержимый на старости лѣтъ страхомъ смерти, отыскивалъ не совсѣмъ успѣшно жизненный эликсиръ, анатомическій театръ, въ которомъ ученые изслѣдователи, не смотря на предразсудки египетскаго народа, смѣло рѣзали, подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства, не только тѣло животныхъ, но даже и человѣческіе трупы.

Богатство александрийскихъ библиотекъ извѣстно каждому школьнику. Птоломеи хотѣли собрать въ музеумъ всѣ книги, какія когда либо были написаны людьми; этого имъ не удалось сдѣлать, но до 700,000 томовъ они дѣйствительно приобрѣли: цифра эта чрезвычайно значительна и даже почти невѣроятна для того времени, когда книгопечатаніе еще не существовало и когда книга была роскошью, понятною и доступною только для очень богатыхъ и просвѣщенныхъ людей. Еще важнѣе всѣхъ эти превосходныхъ учрежденийъ была для процвѣтанія александрийской учености полная терпимость Птоломеевъ ко всѣмъ оттѣнкамъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ Александрію шли, какъ въ совершенно безопасную пристань, безъ различія религіи и національности, всѣ умные люди, преслѣдуемые глупостью своихъ согражданъ или современниковъ. И Птоломеи пристраивали въ своемъ музеумѣ всякаго, кто по ихъ мнѣнію, обнаруживалъ литературный талантъ или обладалъ научными познаніями. На развитіе литературы, философіи, исторіи и политическихъ наукъ всякое покровительство дѣйствуетъ, конечно, развращающимъ образомъ; всѣ эти отрасли умственной дѣятельности тотчасъ проникаются духомъ лести и превращаются въ пріятное увеселеніе покровительствующихъ особъ. Такъ случилось, разумѣется, и въ Александріи. Но кромѣ этихъ развращающихъ проявленій человѣческой мысли, есть еще строгія, точныя науки, которыя не гнутся ни въ право, ни въ лѣво, и которыя, вслѣдствіе этой естественной непоколебимости, могутъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, принимать покровительство отъ кого угодно. Именно эти совершенно безстрастныя науки, геометрія, астрономія, механика, физика, анатомія, развились въ александрийскомъ музеумѣ. Многія открытія александрийскихъ ученыхъ по этимъ предметамъ составляютъ до сихъ поръ и будутъ составлять навсегда драгоцѣнную и необходимую часть въ общей совокупности человѣческихъ знаній. Геометрія Эвклида до сихъ поръ преподается въ всѣхъ европейскихъ школахъ. Архимедъ, жившій въ Сиракузахъ, но

учившійся въ Александріи, сдѣлалъ множество открытій въ геометріи, основалъ гидростатику, изучилъ свойства рычага, изобрѣлъ тотъ винтъ, который до сихъ поръ называется архимедовымъ, и, кромѣ того, придумалъ около сорока различныхъ, менѣе важныхъ машинъ. Эратосфень, Гишархъ и Птоломей довели астрономію и математическую географію до той степени развитія, на которой она находилась до временъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона. Александрійскіе астрономы совершенно отбросили мысль о томъ, что земля—плоскій кружокъ, опоясанный океаномъ; они убѣдились въ томъ, что земля есть шарообразное тѣло; они объяснили себѣ настоящія причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и нашли возможность вычислять и предсказывать ихъ заранѣе; они пробовали строго научнымъ путемъ опредѣлить величину земнаго шара и разстояніе, отдѣляющее его отъ солнца и луны. Географическія и астрономическія сочиненія Птолемея, переведенныя сначала на арабскій языкъ, а потомъ уже на латинскій, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ пользовались непоколебимымъ авторитетомъ у магометанъ и у христіанъ. Птоломей предполагаетъ, что земля стоитъ неподвижно въ пространствѣ и что солнце, луна и планеты обращаются вокругъ нея. Эта теорія прожила почти полторы тысячи лѣтъ, и первымъ послѣдователямъ Коперника побѣда надъ укоренившимися идеями Птолемея досталась цѣною тяжкой и опасной борьбы.

Медицина развилась въ александрійскомъ музеѣ самымъ рациональнымъ образомъ, опираясь на анатомическія изслѣдованія. Основатель музеяма, Птоломей Филадельфъ зашелъ такъ далеко въ своемъ усердіи къ развитію науки, что позволилъ медикамъ, приставленнымъ къ музеуму, производить фізіологическіе опыты надъ живыми преступниками, осужденными на смерть. Изъ александрійскихъ медиковъ замѣчательны Герофилъ и Эразистратъ. Каждый изъ этихъ двухъ ученыхъ основалъ свою отдѣльную школу, и медики въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій раздѣлялись на *эразистротистовъ* и *герофилистовъ*. Однако позволеніе рѣзать живыхъ преступниковъ не пошло въ прокъ александрійской медицинѣ; не смотря на это позволеніе, Герофилъ и Эразистратъ утверждаютъ единогласно, что въ артеріяхъ заключается не кровь, а воздухъ; о кровообращеніи они оба не имѣли ни малѣйшаго понятія. Если принять въ расчетъ, что эти люди располагали совершенно исключительными пособіями, то надо сознаться, что наблюдательность ихъ была не особенно велика.

IV.

Когда Египетъ былъ обращенъ въ римскую провинцію, александрійская наука медленно начала клониться къ упадку. Музеумъ существовалъ по прежнему; по прежнему въ немъ жили и трудились ученые; но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей и сильной оригинальности мысли, которою отличаются умственные подвиги Эвклида, Архимеда, Эратосфена и Гиппарха. Началось компилированіе и комментированіе старыхъ авторитетовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились. Причину этого упадка мысли можно приписать отчасти подавляющему вліянію римскаго господства. Въ такое время мыслящему человѣку совершенно надоѣдаетъ жизнь; а когда не хочется жить, тогда не зачѣмъ и трудиться надъ разрѣшеніями мудреныхъ научныхъ вопросовъ. Но, если бы даже Египетъ оставался по прежнему подъ господствомъ умныхъ и просвѣщенныхъ Птоломеевъ, то и въ такомъ случаѣ александрійская наука непременно должна была измельчать и одряхлѣть. У нея не было будущаго. Представляя собою самое блестящее проявленіе классической цивилизаціи, она вполне раздѣляла съ этою цивилизаціею ея радикальную и роковую недолговѣчность.

Дреперъ въ своей «Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ» (History of the intellectual development of Europe) объясняетъ упадокъ александрійской науки тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время греческій умъ, переживши уже фазы дѣтства, отрочества, юности и мужества, вступилъ въ печальный, но неизбѣжный періодъ старческой дряхлости. Дреперъ думаетъ, что историческая жизнь народовъ совершается по тѣмъ же законамъ, по которымъ располагается жизнь каждого отдѣльнаго человѣка. Я считаю книгу Дрепера очень замѣчательною книгою; я даже положилъ ее въ основаніе моей теперешней статьи, но я долженъ оговориться, что мысли Дрепера о различныхъ неизбѣжныхъ фазахъ въ исторической жизни народовъ рѣшительно не выдерживаютъ серьезной критики. Мы дѣйствительно знаемъ изъ исторіи, что нѣкоторыя народности вымерли, нѣкоторыя цивилизаціи одряхлѣли, уничтожились. Но число этихъ извѣстныхъ намъ примѣровъ до сихъ поръ еще совсѣмъ не такъ значительно, чтобы мы, *только по одному числу* случаевъ могли составить себѣ то убѣжденіе, что существуетъ въ природѣ общій законъ, на основаніи котораго каждая народность и каждая цивилизація непременно должна, рано или поздно, одряхлѣть и умереть. Если же мы обратимъ вниманіе не на гуртовую цифру извѣстныхъ намъ историческихъ примѣровъ, а на внутренній смыслъ каждого отдѣльнаго

случая, то мы придемъ совѣмъ не къ тому результату, къ которому приходитъ Дреперъ. Внимательное изученіе покажетъ намъ, что каждая умершая національность или цивилизація умерла отъ какого нибудь неизлечимаго органическаго порока, таившагося въ ней съ самаго начала ея существованія, или же, что она убита внѣшнимъ насиліемъ, котораго она не могла и не умѣла отразить. То, что Дреперъ принимаетъ за неизбѣжную старость, оказывается болѣзненнымъ разстройствомъ. Поэтому, если двадцать цивилизацій умерли отъ различныхъ болѣзней, то изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія, что двадцать первая цивилизація также непремѣнно умретъ отъ какой нибудь болѣзни. Можетъ быть умереть, а можетъ быть и не умереть. Болѣзнь совѣмъ не то, что старческая дряхлость. Отъ болѣзни можно и убе- речья, и вылечиться. Мнѣ кажется, что классическая цивилизація умерла не отъ старости, или вѣрнѣе, она одряхлѣла не потому, что таковъ законъ природы, а потому, что она заключала въ себѣ неизлечимый органическій порокъ, отъ котораго совершенно свободна новѣйшая европейская цивилизація. Основаніе классической цивилизаціи было очень узко и очень мелко, то есть, эта цивилизація не могла распространяться ни въ ширину, ни въ глубину. Распространенію ея въ ширину, то есть, отъ одного народа къ другому, мѣшала національная вражда. Грекъ считалъ и называлъ варваромъ всякаго не грека. Распространенію ея въ глубину, то есть, отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, мѣшало рабство. Общество, построенное на рабствѣ, всегда будетъ смотрѣть на науку, какъ на аристократическую забаву, недоступную и даже вредную для трудящагося большинства. Въ такомъ обществѣ на всякую умственную дѣятельность смотрятъ не какъ на средство осмыслить и усовершенствовать жизнь, а какъ на средство забыть дрязги и пошлости. Въ такомъ обществѣ люди очень любятъ умозрительную философію, на томъ основаніи, что

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Низкія истины дѣйствительной жизни такъ и остаются навсегда низкими въ такомъ обществѣ, въ которомъ мыслящіе люди боятся къ нимъ прикоснуться и предпочитаютъ упиваться *возвышающими обманами*. Въ такомъ обществѣ даже строго-реальная наука скоро превращается въ *возвышающій обманъ*. Добытыя истины не находятъ себѣ приложенія; онѣ остаются въ бібліотекахъ; онѣ не входятъ ни въ народное міросозерцаніе, ни въ народный трудъ. Ученые чувствуютъ себя одинокими, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанными, никому и ни на что не нужными; они трудятся для собственнаго удовольствія и теряютъ такимъ

образомъ всякое желаніе и всякую возможность отличать полезный трудъ отъ мартышкина труда. Всякій трудъ полезенъ, потому что онъ доставляетъ ученому удовольствіе, и всякій трудъ есть мартышкинъ трудъ, потому что общество не получаетъ отъ него ровно ничего. При такихъ условіяхъ, наука непременно должна измельчать и зачахнуть. Уже великій Архимедъ даетъ намъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ ученые, оторванные отъ жизни, тратятъ свои силы на дѣтскія забавы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ доказываетъ серьезно и пространно, что можно сосчитать не только всѣ песчинки морскихъ береговъ, но даже всѣ песчинки, которыя можно было бы умѣстить между землею и неподвижными звѣздами. И дѣйствительно, онъ производитъ это вычисленіе. «Такая книга, замѣчаетъ Дреперъ, есть игра математическаго гиганта, безопасно забавляющагося своею собственною силою.» Такая книга, прибавлю я отъ себя, указываетъ самымъ выразительнымъ образомъ на печальное и почти безнадежное положеніе того общества, среди котораго она возникла. Плохо, очень плохо идетъ жизнь того народа, въ которомъ гиганты, подобные Архимеду, забавляются, вмѣсто того, чтобы работать.

Какой-то латинскій писатель въ какомъ-то сочиненіи употребилъ замѣчательное выраженіе «homo homini lupus» (человѣкъ человѣку волкъ), то есть, человѣкъ обращается съ человѣкомъ, какъ волкъ или какъ съ волкомъ. Эти три слова: «homo homini lupus» превосходно характеризуютъ ту болѣзнь, отъ которой погибла классическая цивилизація. Грекъ на варвара, аристократъ на чернорабочаго, богачъ на бѣдняка, свободный на раба, афинянинъ на спартанца, философъ на неуча, мужчина на женщину, отецъ на сына—всѣ народности, всѣ классы общества, всѣ люди, различные между собою по полу, по возрасту или по образованію, смотрѣли другъ на друга съ недоувѣріемъ, съ недоброжелательствомъ, съ пренебреженіемъ и съ худо скрытымъ намѣреніемъ скрутить, осѣдлатъ, взять въ ежовыя рукавицы и обратить въ вьючное животное. Какъ велись, на примѣръ, тогдашнія войны? — Александръ македонскій, образованный человѣкъ, ученикъ Аристотеля, любитель философіи и естествознанія, въ самое цвѣтущее время эллинизма, распялъ на крестахъ двѣ тысячи тирійцевъ за то великое преступленіе, что они съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ защищали противъ него свой родной городъ. Какъ смотрѣли другъ на друга отдѣльные греческіе города? — Афины такъ озлились за что-то на Мегару, что въ мирное время установили законъ, по которому каждый мегарянинъ, очутившійся въ Афинахъ, немедленно долженъ подвергаться смертной казни. — Какъ относились философы къ народу? — Всѣ они были убѣждены, что народъ никогда не можетъ и не долженъ просвѣщаться; всѣ они считали суевѣріе необходимымъ для массъ, и многіе изъ нихъ имѣли

по двѣ доктрины: одну, *экстерическую*—для всѣхъ желающихъ, другую, *эзотерическую*—для немногихъ посвященныхъ. Когда философы пускались разсуждать о политикѣ, то они всегда сочиняли такое общественное устройство, при которомъ всѣ работаютъ, а философы постоянно кушаютъ и постоянно размышляютъ о суетности всего земнаго и тлѣннаго.

Что же, наконецъ, должно было выдти изъ этого homo hominі lupus?—Различныя національности, не умѣющія жить между собою въ добромъ согласіи и неспособныя обогащать другъ друга мирнымъ и плодотворнымъ обмѣномъ продуктовъ физическаго и умственнаго труда, должны были постоянно ссориться, драться, разорять и поглощать другъ друга. Такъ это и было. Потомъ, когда всѣ народности, облегающія бассейнъ Средиземнаго моря, оказались достаточно истрепанными, всѣ онѣ должны были попасть подъ господство какой нибудь одной народности, разумѣется той, которая была затаскана менѣе всѣхъ остальныхъ. Такъ оно и случилось. Римъ положилъ насильственный конецъ всѣмъ международнымъ дракамъ по берегамъ Средиземнаго моря. Общее поработеніе привело за собою общее спокойствіе. Религіи, національности поневолю перемѣшались. Шероховатости сгладились отъ ежедневныхъ соприкосновеній. Не находя себѣ удовольренія и питанія въ войнѣ, международныя антипатіи притупились и заглохли. Но въ этомъ вынужденномъ спокойствіи было мало отраднаго. Это было спокойствіе безсилія и обморока. Административныя и финансовыя распоряженія Рима поддерживали этотъ обморокъ самымъ тщательнымъ образомъ. Римляне обращались съ завоеванными землями такъ, какъ англичане обращаются съ Остѣ-Индію. Они тянули изъ провинцій все, что можно было вытянуть. Покоренныя населенія были задавлены налогами и, кромѣ того, римскіе чиновники постоянно наживали себѣ на ихъ счетъ громадныя состоянія. Римское правительство никогда не заботилось о народномъ благосостояніи; величайшіе политики и администраторы древняго Рима смотрѣли на народъ только съ стратегической, или съ финансовой, или вообще съ отвлеченной государственной точки зрѣнія. Имъ надо было только, чтобы народъ не бунтовалъ, чтобы онъ платилъ большіе налоги и чтобы границы государства были защищены отъ вторженій варваровъ кордономъ укрѣпленныхъ лагерей и военныхъ поселеній. Римляне сооружали въ провинціяхъ превосходныя военныя дороги, водопроводы, мосты, общественныя зданія, театры, цирки; къ обременительнымъ налогамъ присоединялись такимъ образомъ еще натуральныя повинности, люди и рабочій скотъ надрывались въ бесплодныхъ усиліяхъ; крестьянскія хозяйства разорялись; поля оставались необработанными; мелкіе собственники за неплатежъ податей продавались въ рабство съ женами и дѣтьми; пахатныя земли, сосредоточиваясь въ рукахъ капиталистовъ, превращались въ пастбища. Живые источники свободнаго народнаго

труда быстро изсякали; рабы работали дурно и небрежно; голодъ свирѣпствовалъ постоянно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ обширнаго государства; за голодомъ шли повальныя болѣзни; люди умирали тысячами и земли, составлявшія древній историческій міръ, понемногу превращались въ пустыни, среди которыхъ возвышались, въ видѣ жестокой насмѣшки надъ политической мудростью римлянъ, обширныя и великолѣпныя города, переполненные голодною чернью и одурѣвшими отъ разврата миллионерами.

При такихъ условіяхъ, существованіе цивилизаціи сдѣлалось невозможнымъ; не оставалось даже и послѣдняго исхода: не могло быть такого переворота, который положилъ бы конецъ системѣ финансовой и административной эксплуатаціи; некому было сдѣлать такой переворотъ; деревенское населеніе было такъ задавлено, а городская чернь такъ развращена даровыми зрѣлищами и раздачами дароваго хлѣба, что неоткуда было ждать ни малѣйшаго сознательнаго протеста. Исторія Гракховъ достаточно поучительна въ этомъ отношеніи; а со времени Гракховъ до основанія имперіи и съ основанія имперіи до ея паденія дѣла шли все хуже, да хуже; и каждое слѣдующее поколѣніе оказывалось постоянно глупѣе и подлѣе предыдущаго. Отъ людей задавленныхъ и развращенныхъ до мозга костей римскою администраціею, отъ рабовъ и рабовладѣльцевъ, отъ патроновъ и кліентовъ, отъ гладиаторовъ и праздныхъ любителей цирка, отъ всей этой сволочи, сытой до одурѣнія или доведенной голодомъ до собачьей угодливости и до собачьяго безстыдства, отъ всего, что носило на себѣ клеймо римскаго вліянія, ждать было рѣшительно нечего.

Римъ, основавшій и поддерживавшій свое господство силою оружія, довелъ себя наконецъ системою государственнаго хозяйства до такого полнаго расслабленія, что оказался несостоятельнымъ даже въ своей нарочитой спеціальности. Желѣзные легіоны Рима стали терпѣть позорнѣйшія пораженія отъ презрѣнныхъ варваровъ; потомъ пришлось пополнять желѣзные легіоны презрѣнными варварами и довѣрять наемникамъ защиту римской имперіи; пришлось уступать варварамъ пограничныя области и откупаться деньгами отъ ихъ набѣговъ. Римское государство умерло и сгнило, такимъ образомъ, задолго до того времени, когда Одоакръ свергнулъ съ престола послѣдняго императора, Ромула-Августула. Варвары, захватившіе одну провинцію за другою, могли разорять въ нихъ различныя великолѣпныя строенія, могли сжигать рукописи и картины, но задавить живое начало классической цивилизаціи, они были не въ состояніи, потому что это начало уже давно перестало быть живымъ. Кое-какія знанія, выработанныя Греками, могли пригодиться людямъ во всякое время; но эти знанія были уже, для послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи, обломками далекой и невозвратимой

старинны, окаменѣлыми остатками такого умственнаго движенія, которое уже давно прекратилось и потеряло всякую способность дѣйствовать живительнымъ образомъ на настоящее. Варвары, быть можетъ, круто оборвали такую агонію, которая, безъ ихъ вмѣшательства, протянулась бы еще нѣсколько столѣтій, какъ тянулось, на примѣръ, жалкое прозябаніе византійской имперіи; но, во всякомъ случаѣ, варвары только ускорили, а не нарушили естественный и необходимый ходъ историческихъ событій. Надежды на выздоровленіе и обновленіе не оставалось; значить, надо было, для пользы всего человѣчества, поскорѣе убрать съ дороги гнилое тѣло и начать съ самаго начала, свѣжими силами, работу новой цивилизаціи. Если Атилла дѣйствительно называлъ себя *бичомъ божіимъ*, то надо полагать, что этотъ дикарь былъ очень умнымъ человѣкомъ и понималъ чрезвычайно вѣрно глубокое историческое значеніе своей разрушительной дѣятельности. Зданіе классической цивилизаціи, цѣликомъ построенное на рабствѣ, надо было срыть до основанія, и кто ломалъ это зданіе, сознательно или безсознательно, тотъ оказывалъ человѣчеству существенную услугу. Съ этой точки зрѣнія, гунны и вандалы могутъ быть названы прогрессистами.

V.

Безжизненность греко-римскихъ идей и учрежденій выражается особенно наглядно въ борьбѣ между язычествомъ и христіанствомъ. Многіе императоры, смотря на христіанъ, какъ на опасную политическую партію, старались запугать ихъ преслѣдованіями. Преслѣдованія эти не достигали своей цѣли; они давали только христіанамъ возможность обнаруживать торжественно и публично то высокое и непоколебимое мужество, которое всегда одушевляетъ человѣка, идущаго на мученія и на смерть за святыню своего глубокаго и искренняго убѣжденія. Эти поразительные примѣры стойкости и терпѣнія дѣйствовали потрясающимъ образомъ на массу; въ людяхъ задавленныхъ, загрязненныхъ и изувѣченныхъ свинцовымъ гнетомъ римской жизни, эти примѣры будили лучшія человѣческія чувства, такія чувства, которыхъ самъ человѣкъ никогда не подозрѣвалъ въ себѣ, которыя дремали въ немъ съ самаго его рожденія и которыя, выплывая на верхъ изъ темной глубины его души, изумляли его самого своею свѣтлою, невиданною и, между тѣмъ, знакомою и родственною красотою. За то, чтобы разъ въ жизни почувствовать себя человѣкомъ, чтобы разъ въ жизни не струсить передъ преторомъ, передъ ликторами и палачами, забитый рабъ или грязный

бродяга могъ съ гордою радостью пойти на смерть, когда онъ видѣлъ, что такую смерть встрѣчали спокойно тѣ загадочные люди, которые называли себя христіанами. Такимъ образомъ, казни плодили мучениковъ и содѣйствовали распространенію гонимой религіи. Бывали примѣры, что христіанинъ, сидящій въ тюрьмѣ и уже осужденный на смерть, въ послѣднія минуты своей жизни обращалъ въ христіанство своего тюремщика, велъ и его вмѣстѣ съ собою на мѣсто казни.

Во время Діоклетіана, христіане составляли уже дѣйствительно такую политическую силу, съ которою надо было обращаться очень осторожно; они были многочисленны не только въ государствѣ, но уже и въ арміи; у нихъ были ревностные агенты во всѣхъ классахъ общества, даже въ императорскомъ дворцѣ, потому что жена и дочь Діоклетіана исповѣдали новую религію. Послѣ смерти Діоклетіана, Константинъ одержалъ рѣшительную побѣду въ междоусобныхъ войнахъ, именно потому, что сумѣлъ привлечь на свою сторону христіанъ всей имперіи. При Константинѣ, христіанство сдѣлалось господствующею религіею, и теперь пришло для язычества время расплачиваться за преслѣдованія прежнихъ правительствъ. Христіанство объявило истребительную войну всему, что было связано, такъ или иначе, съ языческими воспоминаніями. Вся классическая цивилизація, философія, наука, искусство, все безъ разбору было занесено въ рубрику язычества и все должно было исчезнуть, какъ суета и прелесть грѣховнаго міра. И по результатамъ своимъ, эти гоненія были совсѣмъ не похожи на тѣ преслѣдованія, которымъ подвергалось христіанство. Здѣсь гонимыя идеи, формы и учрежденія дѣйствительно прятались и исчезали безъ остатка, и почти безъ борьбы. Жрецы, философы, ученые, художники классическаго міра не дали народу ровно ничего, кромѣ бѣдности, невѣжества, распутства и страданія. Народу не за что было любить этихъ людей, и когда явились новые вожди, тогда народъ сталъ ломать статуи боговъ, разрушать ихъ жертвенники, рвать и жечь сочиненія философовъ, ученыхъ и поэтовъ. И новые вожди, дѣйствительно, держали себя иногда съ такимъ мужествомъ и съ такимъ достоинствомъ, что неотразимое вліяніе ихъ на умы народа становится совершенно понятнымъ. Случилось однажды, что императоръ Феодосій Великій изъ личнаго мщенія, избилъ въ Фессалоникѣхъ семь тысячъ гражданъ, находившихся въ циркѣ, за что епископъ Амвросій медиоланскій не далъ ему причастія, не пустилъ его въ церковь и заставилъ его принести публичное покаяніе. Если принять въ соображеніе энергическій характеръ Феодосія, проявившійся съ достаточною очевидностью въ его фессалоникскомъ подвигѣ, и если припомнить, кромѣ того, что церковь и духовенство были обязаны этому императору очень важными льготами, то надо будетъ сознаться, что поступокъ Амвросія представляетъ очень яркій

примѣръ непоколебимаго мужества, неподкупной гражданской честности. Разумѣется, молва объ этомъ поступкѣ разнеслась во всѣ концы имперіи и, по всей вѣроятности, многіе приверженцы старой религіи съ глубокимъ огорченіемъ провели параллель между стойкостью христіанскаго епископа и угодливостью тѣхъ языческихъ жрецовъ, которые совершали жертвоприношенія передъ живымъ богомъ Калигулою или передъ статуею Антиноя, красиваго мальчика, пользовавшагося страстною любовью императора Адриана. Народъ не имѣлъ понятія о томъ, что есть возможность напоминать цезарямъ о требованіяхъ справедливости; и вдругъ эта возможность явилась; понятно, на какую высоту должно было подняться въ глазахъ народа то учрежденіе, отъ лица котораго можно было давать свѣтской власти такіе выразительные уроки.

Царствованіе Феодосія нанесло смертельный ударъ древней религіи и древней философіи; языческія гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ были объявлены уголовными преступленіями; вслѣдъ затѣмъ, въ 394 году, запрещено приносить жертвы богамъ и входить въ ихъ храмы; доходы и владѣнія храмовъ взяты въ государственную казну; зданія многихъ храмовъ разрушены. Для того, чтобы охранить христіанскую церковь отъ ересей, Феодосій учредилъ особыхъ инквизиторовъ, соединявшихъ въ своемъ лицѣ обязанности доносчиковъ и судей. Любопытно при этомъ замѣтить, что Феодосій былъ родомъ изъ Испаніи, изъ той самой страны, которая, много вѣковъ спустя, съ особенною любовью пригрѣла на своей груди судилище инквизиціи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Далѣе, тотъ же Феодосій объявилъ указомъ, что подвергаются лишенію гражданскихъ правъ и ссылкѣ всѣ тѣ люди, которые въ чемъ бы то ни было окажутся несогласными съ религиозными убѣжденіями Дамаза, епископа римскаго, и Петра, епископа александрійскаго. Въ этомъ указѣ Феодосія проглядываетъ первый намекъ на будущій догматъ римской церкви о непогрѣшимости папы. Этимъ же указомъ объявляется смертная казнь тѣмъ христіанамъ, которые будутъ праздновать пасху въ одинъ день съ евреями.

Видя такое усердіе въ императорѣ, христіане воспользовались всѣми выгодами своего положенія и стали дѣятельно разрушать все, что казалось имъ связаннымъ, такъ или иначе съ отжившею религіею. При этомъ въ Александріи произошла кровопролитная сшибка между христіанами и язычниками, которые, не смотря на свое сопротивленіе, были, разумѣется, окончательно побѣждены. Александрія можетъ служить превосходнымъ образчикомъ тогдашняго историческаго міра; въ ней были перемѣшаны и доведены до высшей степени напряженія всѣ боровшіяся между собою историческія силы. Въ этомъ городѣ было до сорока тысячъ евреевъ, предприимчивыхъ, образованныхъ и державшихъ въ своей власти большую часть обширной александрійской торговли. Язычество

было очень сильно въ Александріи, потому что именно въ этомъ мѣстѣ греко-римскія идеи слились съ сѣдою древностью египетскаго символизма. Жрецы Сераписа и Изиды считались постоянно самыми учеными, самыми строгими и самыми опытными хранителями всѣхъ таинствъ языческой святыни. Многіе изъ мистиковъ и пѣтистовъ древняго міра были сами родомъ изъ Александріи, другіе ѣздили въ этотъ городъ нарочно за тѣмъ, чтобы поучиться у тамошнихъ жрецовъ ихъ таинственной мудрости. Философскій скептицизмъ и древняя наука держались еще въ высшихъ слояхъ александрійскаго общества; въ древнемъ музеумѣ, переведенномъ послѣ Юлія Цезаря въ роскошное зданіе храма Сераписа, хранилось еще огромное количество разнообразныхъ рукописей и ученыхъ инструментовъ; этими сокровищами еще пользовались запоздалые преемники Эвклида, Гиппарха и Эрастосфена. Наконецъ, христіанство также пустило очень глубокіе корни въ Александріи и во всемъ Египтѣ. Епископъ александрійскій, по своему вліянію на дѣла вселенской церкви, стоялъ въ четвертомъ вѣкѣ наравнѣ съ епископами римскимъ и константинопольскимъ, и постоянно оспаривалъ у нихъ первенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Александрія была центромъ самыхъ горячихъ богословскихъ споровъ; въ Александріи возникла важнѣйшая изъ христіанскихъ ересей, знаменитая въ исторіи подъ именемъ арианства. А усерднѣйшимъ противникомъ арианства и неутомимѣйшимъ врагомъ самаго Арія, былъ епископъ александрійскій, Афанасій. Кромѣ того, отшельничество и монашество возникли въ верхнемъ Египтѣ, и въ четвертомъ вѣкѣ вся Сѣверная Африка была уже усѣяна кельями пустынниковъ и многочисленными монастырями.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній не трудно вывести то общее заключеніе, что въ Александріи были собраны всѣ матеріалы для драматическаго столкновенія между самыми ревностными христіанами и самыми упорными защитниками языческой старины. Епископъ александрійскій Феодилъ, получивъ отъ правительства позволеніе построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, которое занято было прежде храмомъ Озириса, сталъ рыть фундаментъ для новаго зданія и нашелъ въ землѣ символическія изображенія, употреблявшіяся при таинствахъ египетскаго бога. Такъ какъ Озирисъ представляетъ собою оплодотворяющую силу природы, то изображенія оказались очень неприличнаго свойства, и епископъ, для посрамленія язычества, приказалъ выставить ихъ на базарную площадь. Такое оскорбленіе показалось невыносимымъ для старой египетской партіи. Люди этой партіи собрались въ храмъ Сераписа съ оружіемъ въ рукахъ; потомъ, сдѣлавъ изъ своей крѣпкой позиціи удачную вылазку, захватили на улицахъ нѣсколько человѣкъ христіанъ, затащили ихъ въ храмъ, заставили ихъ принести тамъ языческую жертву и зарѣзали ихъ самихъ на тѣхъ же самыхъ жертвенникахъ. Епископъ

тотчасъ отправилъ донесеніе къ императору Феодосію, который немедленно положилъ резолюцію — разрушить храмъ Сераписа до основанія, а за исполненіемъ этого приказанія наблюдать самому Феофилу. Языческая партія совершенно упала духомъ, положила оружіе и разсѣялась безъ сопротивленія, а исполнители Феодосіева приказанія сожгли бібліотеку, изломали математическіе инструменты, изрубили въ куски статую Сераписа, изъ подъ которой, къ великому удовольствію всѣхъ присутствующихъ, выбѣжала цѣлая колонія перепуганныхъ крысъ, отобрали въ пользу церкви все золото и серебро, заключавшееся въ храмѣ, и дѣйствительно сравняли съ землею громадное зданіе, составлявшее одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній греческой архитектуры.

Вслѣдъ за временами Феодосія Великаго, свободная дѣятельность мысли превращается на Западѣ въ самое ужасное изъ всѣхъ возможныхъ преступленій. Воровъ и разбойниковъ просто вѣшаютъ, а иногда даже и не вѣшаютъ, но мыслителей жгутъ живьемъ, потому что всѣ мыслители и всѣ ученые изслѣдователи оказываются колдунами или еретиками. Клерикальные писатели четвертаго и пятаго вѣка совершенно систематически выражаютъ свое полное презрѣніе ко всему, что работала древняя наука. «Не по незнанію тѣхъ вещей, пишетъ Евсевій, которыми восхищаются философы, но, по презрѣнію къ столь бесполезному труду мы такъ мало занимаемся этими предметами, обращая нашъ духъ на болѣе возвышенные подвиги». Къ сожалѣнію, многіе изъ писателей этого времени, при всемъ своемъ презрѣніи къ земной мудрости, все-таки разсуждали о многихъ, чисто-земныхъ и строго-научныхъ вопросахъ, напримѣръ, о фигурѣ нашей планеты, о ея положеніи въ пространствѣ, объ антиподахъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій составилъ цѣлый космографическій кодексъ, который средневѣковые схоластики вы зубрили наизусть, и которымъ они, съ замѣчательною храбростью, поражали то Колумба, то Магеллана, то Галилея. А вотъ образчикъ этихъ разсужденій, взятый изъ сочиненій Лактанція:

«Неужели есть люди, достаточно глупые для того, чтобы предполагать, будто на другой сторонѣ земли жатвы и деревья висятъ верхушками къ низу и будто у тамошнихъ людей ноги находятся выше головы? Если вы спросите у нихъ, какимъ образомъ они защищаютъ подобныя нелѣпости и какимъ образомъ предметы нашей стороны не отваливаются прочь отъ земли, то они намъ отвѣтятъ; что такъ устроена природа вещей, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія тѣла, на примѣръ, облака, дымъ, огонь стремятся отъ центра къ небу, на всѣхъ сторонахъ земли. Тутъ ужъ я рѣшительно становлюсь въ тупикъ и не знаю, что сказать такимъ людямъ, которые, сдѣлавъ въ своемъ разсужденіи ошибку, постоянно упорствуютъ въ своемъ безуміи и защищаютъ одно нелѣпое мнѣніе другимъ, еще болѣе нелѣпымъ.»

Августинъ также отрицаетъ существованіе антиподовъ и подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументами и цитатами, еще болѣе неотразимыми. Человѣчество старалось, такимъ образомъ, забыть все, что было выработано классическимъ періодомъ его исторической жизни. Причина этого, чрезвычайно замѣчательнаго, явленія, заключается, по моему крайнему разумѣнію, именно въ томъ, что классическая наука всегда и вездѣ держала себя совершенно «пассивною», никогда не старалась проникнуть въ народную жизнь и приобрести себѣ влияние надъ ея отправлениями, никогда и ничѣмъ не облегчала участь задавленной массы и поэтому упрочила за собою въ ея глазахъ репутацію пустой прихоти и презрѣнной забавы.

VI.

Въ самыя мрачныя времена всемірной исторіи, человѣческой умъ все-таки съ неотразимою силою требуетъ себѣ пищи и дѣятельности. Когда мірская философія и мірская наука впали въ немилость, тогда самыя живые и подвижныя умы обратились на размышленія о догматахъ вѣры. Въ этихъ размышленіяхъ не было никакихъ скептическихъ тенденцій; каждый вѣровалъ горячо и чистосердечно, но каждый хотѣлъ созерцать догматы своей религіи во всей ихъ непосредственной чистотѣ и подлинности; каждый отдѣльный человѣкъ, у котораго было время, желаніе и возможность заниматься размышленіями, старался уберечь догматъ отъ ошибочныхъ дополненій и толкованій, вносимыхъ въ него другими людьми. Чѣмъ искреннѣе было религиозное чувство, тѣмъ неизбѣжнѣе было разногласіе и тѣмъ ожесточеннѣе должны были быть столкновенія между несходными понятіями. Оттѣсненный отъ области безстрастнаго научнаго изслѣдованія, человѣческой умъ бросился стремглавъ на арену раздражающихъ богословскихъ преній; ереси были неизбѣжны и, дѣйствительно, ариане, несторіане, македоніане, евтихіане, пелагіане, полу-пелагіане, монофизиты, монофелиты въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій волновали весь христіанскій міръ своими безконечными и безысходными преніями и раздорами. Религиозныя разногласія могли возникать изъ субъективныхъ настроеній; люди могли бороться между собою на смерть изъ-за такихъ идей, которыя они дѣйствительно считали своимъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ. Но само собою разумѣется, что въ такую борьбу вмѣшивались постоянно, въ большей или въ меньшей степени, побужденія вовсе не возвышенныя и совсѣмъ не похвальные: то честолюбіе, то

корыстолюбіе, то политическій расчетъ, то стремленіе угодить сильному лицу, то желаніе подставить ногу личному врагу.

Что религиозное усердіе дѣйствительно прикрывало собою расчеты и побужденія, не имѣющія ничего общаго съ религіею и ея догматами, — это доказывается очень убѣдительно крупными историческими фактами. Достаточно взглянуть на отношенія римскихъ епископовъ къ восточной церкви. Когда папамъ выгодно было балансировать между византійскимъ императоромъ и французскими королями, тогда они балансировали; когда надо было приблизиться въ византійскому двору, они приближались; когда оказалась возможность занять совершенно самостоятельное положеніе, они круто разорвали всякую связь съ восточною церковью и для всѣхъ этихъ макіавелевскихъ эволюцій отыскивался и подтасовывался всегда чисто догматическій предлогъ; все это, повидимому, дѣлалось *ad maiorem Dei gloriam*, а совѣтъ не по расчетамъ земной политики. Но иногда историческія обстоятельства слагались такъ неожиданно круто, что маска безкорыстнаго усердія не могла удержаться на своемъ мѣстѣ, и папство выпутывалось изъ своего неловкаго положенія безъ громкаго скандала только благодаря тому обстоятельству, что невѣжество тогдашняго общества было дѣйствительно выше всякаго описанія. — Въ началѣ восьмага вѣка, византійскій императоръ, Левъ Исавріецъ, задумалъ искоренить въ своихъ владѣніяхъ почитаніе иконъ; началась жестокая борьба между гражданскою властью, съ одной стороны, и массами народа, бѣлымъ духовенствомъ и многочисленнымъ греческимъ монашествомъ, съ другой стороны. Не смотря на всѣ волненія, императоръ настоялъ, на своемъ; сынъ и наследникъ его, Константинъ Копронимъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; сынъ Константина, Левъ, былъ также иконоборцемъ; такимъ образомъ, преслѣдованіе иконъ продолжалось въ византійской имперіи слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Во все это время, папы на отрѣзъ отказывались признавать надъ собою господство императоровъ, на томъ основаніи, что императоры запятнали себя ересью. А настоящая причина заключалась въ томъ, что императоры были заняты опасными войнами съ аравитянами и болгарами, и что имъ, стало бытъ, некогда было думать о покореніи Италіи и объ усмиреніи задорныхъ папъ.

Въ половинѣ VIII-го столѣтія, папы сблизились съ франкскими королями. Папа Захарій своимъ духовнымъ вліяніемъ помогъ Пипину Короткому сѣсть на престолъ Мервинговъ и запереть въ монастырь законнаго короля; а Пипинъ, за эту дружескую услугу, поколотилъ лонгобардовъ, притѣснявшихъ папу; сынъ Пипина, Карлъ Великій, совершенно разрушилъ лонгобардское царство и завоеваніями своими усилился до такой степени, что папа безусловно подчинился его могучей волѣ. Но на бѣду случилось такъ, что Карлу пришла въ голову та самая

фантазія, которая надѣлала столько шуму въ византійской имперіи: Карль объявилъ себя противникомъ иконопочитанія и приказалъ даже одному изъ своихъ придворныхъ ученыхъ написать въ этомъ направленіи дѣлый богословскій трактатъ. А въ это время иконоборчество уже не существовало въ византійской имперіи. Папа былъ поставленъ въ самое двусмысленное положеніе. Догматическая послѣдовательность требовала отъ него, чтобы онъ уличилъ Карла въ ереси, и чтобы онъ возстановилъ съ византійскимъ дворомъ тѣ отношенія, которыя были прерваны иконоборческою дѣятельностью трехъ императоровъ. Но Карль былъ очень силенъ, Византія была очень слаба, а папа былъ очень сообразителенъ. Богословскія доктрины Карла не встрѣтили себѣ со стороны папы ни малѣйшаго противорѣчія; папа остался по прежнему подъ покровительствомъ Карла, не смотря на его еретическія мнѣнія, — и не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Византією, не смотря на ея безукорызненную ортодоксію.

Такимъ же чисто дипломатическимъ характеромъ отличаются тѣ раздоры между папою Николаемъ I и константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, которые привели за собою окончательное отдѣленіе западной церкви отъ восточной. И тѣ же самые житейскіе расчеты играютъ главную роль въ исторіи всѣхъ ересей, волновавшихъ церковь и гражданское общество во все время смутнаго средневѣковаго броженія европейской мысли. Были тутъ и чистыя личности, фанатически преданныя своей идеѣ; были преслѣдователи, глубоко убѣжденные въ необходимости преслѣдованія; но эти безхитростные люди всегда были орудіями въ рукахъ искусныхъ механиковъ, не вѣрившихъ ни во что, или политическихъ партій, совершенно равнодушныхъ къ догматическому и нравственному достоинству употребляемыхъ средствъ.

Въ 622 году, пятидесятилѣтній мечтатель, аравитянинъ Магометъ, сынъ Абдаллы, принужденъ былъ бѣжать тайкомъ изъ Мекки въ Медину и скрываться отъ своихъ преслѣдователей во время этого путешествія въ различныхъ тущобахъ и горахъ. А *черезъ двадцать мѣтъ* послѣ этого событія, ученики этого бѣглеца мечтателя владѣли всѣми землями отъ Триполи въ Африкѣ до Индіи, и отъ Индѣйскаго океана до Кавказа. Такой сказочный переворотъ былъ бы для насъ необъяснимымъ чудомъ, если бы мы не обратили вниманіе на то, что большая часть областей, завоеванныхъ аравитянами, была оторвана ими отъ византійской имперіи, и что всѣ эти области были переполнены разными еретиками. Нѣкоторыя завоеванія первостепенной важности были пріятнымъ сюрпризомъ для самыхъ аравитянъ. Такимъ неожиданнымъ образомъ былъ завоеванъ Египетъ. Въ 639 году, халифъ Омаръ послалъ туда изъ Сиріи своего полководца Амру съ войскомъ въ *четыре тысячи* человекъ. Эта компанія, въ глазахъ Омара была просто военною диверсією или опусто-

шителнымъ набѣгомъ. Амру получилъ отъ него приказаніе не забираться въ глубину страны и поворотить назадъ. Но Амру не послушался, завелъ сношенія съ жителями Египта, разбилъ греческія войска въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, получивъ подкрѣпленіе отъ халифа, навсегда оторвалъ Египетъ отъ христіанскаго міра; лучшія области византійской имперіи, Сирія, Египетъ, вся сѣверная Африка, земля, игравшая самую важную роль въ древнѣйшей исторіи христіанства, отдались магометанамъ безъ сопротивленія. Іерусалимъ, Антиохія, Александрія, Карфагенъ, — города, въ которыхъ христіанство выросло и укрѣпилось, одерживая свои первыя побѣды надъ язычествомъ и іудействомъ, увидѣли въ своихъ собственныхъ стѣнахъ торжество дерзкихъ людей, снимавшихъ съ церкви кресты, отмѣнявшихъ колокольный звонъ. Значить, въра азіятскихъ и африканскихъ христіанъ покачнулась очень сильно, когда такъ легко увидѣли, что побѣда осталась за аравитянами. Многія тысячи людей обратились къ магометанству потому, что тѣ изъ христіанъ, которые пожелали бы сохранить свою религію, были обложены поголовною податью, которая не распространялась на поклонниковъ Аллаха и его пророка. Покоряя византійскія провинціи, Омаръ въ то же время велъ войну съ персидскимъ царствомъ, которое также сдѣлалось добычею аравитянъ. Но персы сопротивлялись очень упорно: цѣлыя области персидскаго царства, уже покоренныя магометанами, поднимались снова, такъ что ихъ приходилось завоевывать во второй разъ. Раздраженіе персовъ противъ чужеземныхъ завоевателей было такъ сильно, что самъ Омаръ заплатилъ жизнью за побѣды своихъ армій; персъ Фирусъ, фанатикъ изъ престопаго, зарѣзалъ этого халифа, какъ виновника тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на персидское государство и на религію огнепоклонниковъ. Ничего подобнаго не было въ византійскихъ провинціяхъ: онѣ покорились сразу и послѣ этого уже не пошевельнулись.

VII.

Въ Азіи аравитяне пришли въ соприкосновеніе съ христіанскою сектою несторіанъ, а въ Африкѣ они испытали на себѣ умственное вліяніе тамошнихъ евреевъ. Несторіанская секта была основана въ началѣ пятаго вѣка константинопольскимъ патріархомъ Несторіемъ, который, за свои еретическія мнѣнія о Пресвятой Дѣвѣ, былъ лишенъ святительскаго сана, преданъ на вселенскомъ соборѣ церковному проклятію и сосланъ въ отдаленный египетскій оазисъ, въ которомъ онъ и умеръ.

Послѣ паденія своего учителя, многочисленные послѣдователи бывшаго патріарха выселились на берегъ Евфрата и основали тамъ такъ называемую халдейскую церковь. Многіе изъ этихъ еретиковъ любили древнюю науку; они открыли въ Эдессѣ коллегіумъ и завели нѣсколько школъ; въ этихъ школахъ были переведены на сирійскій языкъ нѣкоторые греческія и латинскія рукописи, и въ томъ числѣ сочиненія Аристотеля и естественная исторія Плинія старшаго. Не смотря на всѣ старанія византійскаго правительства подавить всякое самостоятельное проявленіе мысли, несторіанскія общины продолжали потихоньку заниматься чтеніемъ, переписываніемъ и переводомъ старинныхъ книгъ, выбирая преимущественно все то, что относилось къ изученію природы. Особенно старательно собирали они сочиненія греческихъ врачей: Гиппократъ, Книдская школа, Герафилъ, Эразистратъ и многочисленные ихъ послѣдователи сдѣлались для несторіанъ предметомъ самаго тщательнаго изученія. Само собою разумѣется, что ихъ дѣятельность не ограничивалась однимъ пассивнымъ собираніемъ и чтеніемъ рукописей. Медицина — дѣло такое живое, такое необходимое въ каждую данную минуту, что, при ея изученіи, свѣдѣнія, добываемыя изъ книгъ, постоянно прикладываются къ практикѣ, постоянно провѣряются всѣдневнымъ опытомъ, и такимъ образомъ, на каждомъ шагѣ видоизмѣняются и дополняются личными наблюденіями учащагося субъекта. — Умственная дѣятельность африканскихъ евреевъ направлялась также преимущественно на изученіе медицины: у нихъ были свои самостоятельные изслѣдователи, и одинъ изъ нихъ, Рабъ, занимавшійся анатоміею и описавшій подробно устройство человѣческаго тѣла, пріобрѣлъ себѣ своими трудами такую знаменитость, что, послѣ его смерти, простой народъ употреблялъ, вмѣсто лекарства, землю съ его могилы. Эта черта обрисовываетъ наглядно характеръ времени и народа. Ученаго уважають, но уважають, какъ могучаго волшебника. Въ трудахъ самихъ ученыхъ, какъ несторіанъ, такъ и евреевъ, можно замѣтить такое же сильное уваженіе къ наукѣ, перемѣшанное съ такимъ же сильнымъ стремленіемъ къ чудесному, таинственному и сверхъестественному.

Религіозный фанатизмъ, воодушевлявшій аравитянъ во время ихъ завоевательныхъ подвиговъ, не долго мѣшалъ ихъ сближенію съ учеными евреями и греками. Какъ только халифатъ принялъ размѣры огромной имперіи, такъ правительство тотчасъ почувствовало необходимость образованныхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ административной и промышленной техники. Уже въ половинѣ седьмаго столѣтія между аравитянами появились скептики, критиковавшіе коранъ; ученые иновѣрцы сдѣлались лейбъ-медиками и довѣренными лицами халифовъ; а Гарунъ-аль-Рашидъ, царствовавшій въ концѣ VIII столѣтія, назначилъ даже несторіанскаго ученаго, Мазуэ, главнымъ начальникомъ всѣхъ публич-

ныхъ школь, то есть, по нашему, министромъ народнаго просвѣщенія. Такой примѣръ терпимости былъ бы замѣчательнъ даже въ Европѣ XIX вѣка; толки о вступленіи евреевъ въ англійскій парламентъ и о правахъ этого народа въ разныхъ другихъ государствахъ Европы хорошо знакомы каждому изъ насъ. — Подъ вліяніемъ образованныхъ халифовъ, высшія училища возникли во всѣхъ концахъ магометанскаго государства; въ Багдадѣ, въ Бассорѣ, въ Испани, въ Самаркандѣ, въ Фецѣ, въ Марокко, въ Кордовѣ, въ Севильѣ, въ Гренадѣ появились разсадники строго - научнаго образованія; всѣ эти города, погруженные теперь въ глубокое невѣжество, были наполнены учеными и литераторами въ то время, когда Англія, Франція, и Германія были покрыты лѣсами и скудно населены грубыми и звѣрообразными дикарями.

Движеніе, возбужденное въ передней Азіи аравійскими завоеваніями, перемѣшало между собою всѣ элементы тамошней умственной жизни. Аравитяне сблизили астрономію и медицину грековъ съ астрономіею и магіею персовъ. По складу своего національнаго ума, аравитяне любили все, что возбуждало фантазію; персидское чернокнижіе не пропало для нихъ даромъ; они съ радостью повѣрили тому, что небесныя тѣла дѣйствуютъ на жизнь людей; что существуетъ таинственная связь между металлами и планетами; что въ каждомъ кускѣ одушевленнаго или неодушевленнаго вещества заключается частица общей міровой души, и что на эту частицу можно дѣйствовать различными заклинаніями и таинственными операціями. Въ связи съ этою доктриною о міровой душѣ находилась та обаятельная идея, что природа различными неизвѣданными процессами превращаетъ одно вещество въ другое, что, на примѣръ, свинецъ и мѣдь перерождаются въ нѣдрахъ земли, подъ вліяніемъ небесныхъ тѣлъ, въ золото и въ серебро. Человѣкъ, всегда гонявшійся за богатствомъ и всегда видѣвшій, по своей глупости, богатство въ красивыхъ камушкахъ или въ кускахъ блестящаго металла, — непремѣнно долженъ былъ соблазниться этою доктриною и сдѣлать изъ нея практическое приложеніе. Задача человѣка, желающаго приобрѣсти могущество и богатство, состояла въ томъ, чтобы подмѣтить, или вѣрнѣе, оцѣнить отыскать таинственные процессы, посредствомъ которыхъ природа творитъ драгоцѣнные металлы изъ низкаго и ничтожнаго матеріала. За это исканіе аравитяне принялись очень горячо, и ихъ подвиги на этомъ поприщѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи общечеловѣческой мысли. Во-первыхъ, они старались добыть такое вещество, которое, въ соединеніи съ силою огня, очищало бы всѣ низкія тѣла природы отъ грубыхъ и грязныхъ примѣсей и оставляло бы въ результатѣ драгоцѣнный металлъ. Это вещество называлось философскимъ камнемъ. Потомъ, придавая золоту множество фантастическихъ достоинствъ, алхимики убѣдили себя въ томъ, что, если бы удалось превратить зо-

лото въ такую жидкость, которую человекъ могъ бы пить, то это золотое питье навсегда сохранило бы въ человекѣ жизнь и силу молодости. Такимъ образомъ возродилось то исканіе жизненнаго элексира, которому предавался старикъ Птоломей Филадельфъ въ александрійской лабораторіи. Гоняясь за призраками безконечнаго богатства и безконечной жизни, аравійскіе алхимики въ теченіе многихъ столѣтій толкли, варили, смѣшивали, пережигали, переплавляли, просѣивали и процѣживали, и вслѣдствіе переработывали въ своихъ таинственныхъ мастерскихъ всевозможныя вещества, твердыя и жидкія, органическія и неорганическія, благоухающія и вонючія. Иной разъ алхимикъ взлеталъ на воздухъ со всею своею лабораторіею; въ народѣ распространялся слухъ, что черти унесли въ преисподнюю проклятаго колдуна; но эти случаи не смущали другихъ алхимиковъ и они съ неутомимымъ упорствомъ продолжали заниматься тѣмъ, что они называли *великимъ дѣломъ*. И дѣло ихъ было дѣйствительно *великое*. Философскаго камня они не нашли; жизненнаго элексира не добыли; но ихъ многолѣтнія изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи. Алхимики напоминаютъ мнѣ извѣстную басню о томъ человекѣ, который передъ смертію сказалъ своимъ дѣтямъ, что въ его полѣ зарытъ кладъ. Клада не нашлось, но поле, изрытое по всѣмъ направленіямъ, стало давать богатые урожаи. Еслибъ не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ элексирѣ, то не было бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и проложили дорогу къ болѣе рациональнымъ изслѣдованіямъ.

VIII.

Въ 410 году, готы, подъ предводительствомъ Алариха, взяли и ограбили Римъ; въ 455 году, вандалы, подъ начальствомъ Генсериха, переправились изъ Африки въ Италію; въ теченіе двухъ недѣль они хозяйничали въ Римѣ по своему, а потомъ уѣхали къ себѣ домой, нагрузивъ свои корабли разными драгоценностями и множествомъ плѣнниковъ. Въ 476 году, начальникъ геруловъ, Одоакръ, прекратилъ существованіе западной римской имперіи и объявилъ себя королемъ Италіи; въ 490 году, въ Италію пришли остготы и, послѣ трехлѣтней войны, разрушили царство геруловъ. Въ 556 году, сильное войско византійскаго императора Юстиніана, подъ начальствомъ Велисарія, проникло въ Италію, чтобы выгнать остготовъ. Жестокая война продолжалась нѣсколько лѣтъ; Римъ нѣсколько разъ брали приступомъ то греки, то остготы; стѣны

этого города были скрыты, и запустѣніе его было такъ велико, что уцѣлѣвшіе въ немъ жители хотѣли переселиться изъ него въ какое нибудь другое мѣсто. Наконецъ, въ 568 году, явились лонгобарды и завоевали всю сѣверную Италію. Но въ какомъ положеніи должна была находиться страна, выдержавшая въ теченіе полутора ста лѣтъ шесть варварскихъ нашествій? На этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно; люди шестаго столѣтія не занимались статистикою, а мы, въ настоящее время, врядъ ли можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое нашествіе варваровъ, и до какихъ размѣровъ могутъ доходить та голая нищета, та безнадежная забитость и подавленность, та одичалость людей и земли, которыя являются естественными и неизбѣжными слѣдствіями подобныхъ событій. Современники Юстиніана говорятъ, что Италія превратилась въ пустыню и что война, голодъ и моровая язва погубили въ ней, при этомъ императорѣ, до пятнадцати милліоновъ жителей. Цыфра показана, разумѣется, на угадъ; считать было некому, некогда и не зачѣмъ; но видно, во всякомъ случаѣ, что тогдашніе люди были сильно поражены кровавою безалаберщиною своей эпохи, и что они, пуская въ ходъ крупную цыфру, хотѣли выразить, какъ можно нагляднѣе, всю глубину испытанныхъ ими общественныхъ страданій.

Въ такое мрачное и безтолковое время человѣкъ естественнымъ образомъ тупѣетъ и безотчетно боится всего, что его окружаетъ. Разорительныя войны, голодъ и повальные болѣзни составляютъ тотъ историческій фундаментъ, на которомъ утвердилось прочное зданіе папской власти. Такъ какъ во всей остальной Европѣ огромное большинство людей находилось также въ самомъ бѣдственномъ положеніи, то папство, родившееся въ Италіи, легко проложило себѣ дорогу во Францію, въ Германію, въ Англію и въ земли далекаго скандинавскаго сѣвера. Въ 590 году, римскимъ епископомъ или папою сдѣлался человѣкъ умный, энергическій и опытный, Григорій I. Многосторонняя дѣятельность этой крупной исторической личности намѣтила по всѣмъ направленіямъ тѣ пути, которые должны были впоследствии привести римскаго епископа къ полновластному господству надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ. Во-первыхъ, Григорій обратилъ серьезное вниманіе на тѣхъ варваровъ, на которыхъ его предшественники смотрѣли съ тупымъ страхомъ и съ близорукимъ презрѣніемъ. Онъ отправилъ въ Британію миссіонеровъ и такимъ образомъ подчинилъ своему вліянію тамошнихъ полудикахъ язычниковъ; онъ вмѣшался въ дѣла галльскаго церкви и запретилъ тамъ продажу церковныхъ должностей; онъ принялъ въ нѣдра католическаго церкви Испанію, отказавшуюся въ это время отъ аріанской ереси; онъ искоренилъ язычество.

Такая дѣятельность была, разумѣется, несравненно полезнѣе для будущаго могущества папъ, чѣмъ бесплодныя состязанія съ патриархами

александрійскимъ и константинопольскимъ. Эти духовныя лица ни подъ какимъ видомъ не уступили бы римскому епископу господства надъ вселенскою церковью; отуманить ихъ историческими аргументами было невозможно; они сами знали исторію церкви не хуже папы и могли забросать его доказательствами, совершенно отклоняющими всякую мысль о законности римскихъ притязаній. А кромѣ того, — и это самое главное — препирательство съ восточными патріархами непремѣнно приводило папу въ столкновеніе съ византійскимъ императоромъ, который все-таки считалъ папу своимъ подданнымъ и не разъ напоминалъ ему этотъ печальный фактъ очень жесткимъ и чувствительнымъ образомъ. Поэтому, сблизаться съ греческимъ востокомъ — значило для папы отказываться отъ своей исторической будущности. Выгоды папъ требовали положительно, чтобы они исподоволь, безъ скандала, прекратили всякія сношенія съ восточными церквями и поворотили бы всю свою дѣятельность на сѣверъ и на западъ, гдѣ они могли открыть и завоевать своимъ духовнымъ оружіемъ цѣлыя обширныя государства. А духовное оружіе Рима было тогда очень сильно. Утомительные и опасные подвиги миссіонерства соотвѣтствовали, какъ нельзя лучше, всему характеру той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Григорій I. Люди цѣнили въ это время свою жизнь очень дешево, по той простой причинѣ, что она вездѣ давала имъ много страданій и вездѣ была очень мало обезпечена противъ разнообразнаго насилія. Монастырей было очень много, и въ каждомъ монастырѣ можно было найти много настоящихъ монаховъ, глубоко и чистосердечно ненавидѣвшихъ собственное тѣло и постоянно старавшихся причинять этому лютому врагу всевозможныя неприятели. Такому монаху епископъ могъ сказать преспокойно: «сынъ мой, ступай въ такую-то землю. Что ты тамъ найдешь и что съ тобою тамъ сдѣлаютъ, этого я не знаю. Но я даю тебѣ мое благословеніе и буду поминать тебя въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ». И этого было довольно. Монахъ пускался въ путь и старался исполнить въ точности все, что ему было приказано. Если онъ по дорогѣ проваливался въ трясину, если онъ умиралъ отъ голода или отъ лихорадки на снѣжномъ сугробѣ или въ непроходимомъ лѣсу, если его заѣдалъ медвѣдь, если его заколачивали до смерти изъ пустаго озорства дикіе предки Либиха и Александра Гумбольдта, словомъ, если онъ пропадалъ безъ вѣсти по той или по другой причинѣ, то Римъ не терялъ ровно ничего. Однимъ монахомъ меньше — однимъ мученикомъ больше; церковь вносила въ свои поминанія новое имя, а на мѣсто погибшаго брата находились, по первому востребованію, сотни новыхъ охотниковъ. Если же, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ Римъ приходилъ одичавшій человѣкъ, весь заросшій волосами и бородою, одѣтый въ звѣриныя кожи, и если этотъ человѣкъ, съ чисто монашескимъ смиреніемъ, падалъ на колѣни передъ еписко-

помъ и докладывалъ ему, что онъ, недостойный грѣшникъ такой-то, благодаря святымъ молитвамъ епископа и церкви, сподобился основать новую христіанскую общину въ землѣ такого-то племени, — то выгода для Рима была очевидная. Вѣдь не стануть же новообращенные варвары задавать себѣ лукавые вопросы на счетъ духовнаго первенства римскаго престола. Не стануть они разузнавать, дѣйствительно ли папа есть прямой и законный преемникъ апостола Петра? И дѣйствительно ли преемникъ Св. Петра выше всѣхъ другихъ епископовъ? И не долженъ ли самъ папа подчиняться рѣшеніямъ вселенскаго собора? И что думаютъ о папѣ въ Константинополь и въ Александрію? — Константинополь, Александрія, вселенскій соборъ—все это непонятные звуки для простодушныхъ дикарей, обработанныхъ такимъ же простодушнымъ монахомъ. Имъ сказано, что папа—глава церкви, самый великій и самый святой человѣкъ во всемъ мірѣ,—они это и затвердили. Только одного папу они и знаютъ. И дѣти, и внуки ихъ вырастаютъ въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ. А между тѣмъ, новая церковь раздвигаетъ свои предѣлы, и цѣнность завоеванія, сдѣланнаго смѣлымъ миссіонеромъ, увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ. вмѣстѣ съ важностью всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній, растетъ и мировое значеніе папства.

Высшая степень папскаго могущества относится къ тому времени, когда всѣ обращенные варвары достигли той степени умственнаго развитія, которая даетъ народу возможность выработать себѣ, такъ или иначе, опредѣленный государственный механизмъ. А потомъ, когда сознаніе варваровъ не остановилось на этой точкѣ и когда оно стало понемногу приниматься за критику существующихъ идей и учреждений, тогда, разумѣется, могущество римскаго престола начало клониться къ упадку.

Вся историческая роль папства связана совершенно неразрывно съ общественною и умственною жизнью тѣхъ варваровъ, на которыхъ Григорій въ первый разъ обратилъ серьезное вниманіе. Обращая въ христіанство людей совершенно необразованныхъ, Григорій зналъ, какими средствами слѣдуетъ на нихъ дѣйствовать. Онъ понималъ, сознательно или инстинктивно, что этихъ господъ не проймешь логическою аргументаціею; имъ, какъ малолѣтнимъ ребятамъ, доступно только то, что бросается въ глаза, поражаетъ чувства, затрагиваетъ воображеніе. Имъ подавай блеску, пестроты, театральной пышности, картинности, музыкальности, величественной таинственности, эффектовъ, освѣщенія и перспективы. Для нихъ истина, добро и красота понятны только въ самыхъ вычурныхъ проявленіяхъ. Строгая разумность и безыскусственно-изящная простота для нихъ недоступны. Понимая эти свойства неразвитой человѣческой природы, и понимая ихъ тѣмъ глубже, что самъ онъ въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей, папа Григорій

заботился очень усердно о пышности и торжественности церковнаго церемоніала. Празднества, процессіи, облаченіе священниковъ и причетниковъ, убранство храмовъ — все это было расположено такъ, чтобы поражать чувство и воображеніе поклонниковъ. Съ этою цѣлью, Григорій сталъ поощрять искусства. Скульптура, живопись и музыка были приняты имъ подъ особенное покровительство церкви. Храмы наполнились статуями и картинами; церковное пѣніе было усовершенствовано самимъ Григоріемъ. Преемники этого папы постоянно подражали его примѣру; они ввели въ церковь органъ, возвысили пѣніе до небывалой виртуозности, сформировали такихъ архитекторовъ, какъ Браманте, Брунеллески и Микель-Анджело; такихъ живописцевъ, какъ Рафаэль и Леонардо-де-Винчи; такихъ музыкантовъ, какъ Палестрина, и наконецъ превратили католическую обѣдню въ концертъ и въ театральное представленіе. Они же создали и настоящій театръ, который, какъ извѣстно, выработался изъ духовныхъ мистерій, разыгрывавшихся съ большими эффектами во всѣхъ католическихъ церквяхъ.

Кромѣ пышнаго церемоніала, есть еще одна сторона, дѣйствующая съ неотразимою силою на чувство и воображеніе простыхъ людей. Я говорю о мнимо сверхъестественныхъ событіяхъ, о сношеніяхъ чело-вѣка съ невидимыми существами о видѣніяхъ и чудесахъ, играющихъ такую важную роль въ безчисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ, которыя изобрѣтались на счетъ истинныхъ чудесъ и которыя для нашей православной церкви не имѣютъ никакого каноническаго значенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всякія чудеса и видѣнія были особенно многочисленны; они творились на каждомъ шагу, единственно потому, что всѣ были необразованы, всѣ были расположены принимать за чудо каждое естественное событіе въ природѣ и въ чело-вѣческой жизни, всѣ рассказывали свои сны и галлюцинаціи, — всѣ съ жадностью слушали эти рассказы и, украсивъ ихъ цвѣтами собственной фантазіи, пускали ихъ дальше въ общее обращеніе. Легенды составлялись тогда точно такимъ же образомъ, каковымъ въ наше прозанческое время выработываются въ уѣздныхъ городахъ чудовищныя сплетни. Легенда — та же сплетня, только окрашенная въ тотъ своеобразный фантастическій колоритъ, который соотвѣтствовалъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ тогдашняго времени. Папа Григорій всѣми своими силами содѣйствовалъ процвѣтанію всякихъ легендъ, во-первыхъ потому, что чело-вѣческое легковѣріе, было выгодно для могущества римской іерархіи, а вторыхъ, и потому, что онъ самъ, какъ чело-вѣкъ своего времени, обладалъ достаточною пылкостью воображенія и слишкомъ достаточною неразвитостію ума.

Въ какомъ направленіи производилась фабрикація легендъ — это не трудно будетъ увидѣть и понять изъ двухъ отдѣльныхъ примѣровъ.

Остготскій король Теодорихъ Великій, царствовавшій въ Италіи въ началѣ VI вѣка, былъ приверженцемъ аріанской ереси. За это его ненавидѣло итальянское духовенство, которому поганый еретикъ не дѣлалъ однако же никакихъ притѣсненій. Въ своихъ переговорахъ съ византійскимъ императоромъ Юстиномъ, Теодорихъ выражалъ, между прочимъ, слѣдующія мысли: «Стремиться къ господству надъ человѣческою совѣстью, значитъ, похищать то, что принадлежитъ одному Богу. По самой природѣ вещей, власть государей должна проявляться только въ политическомъ управленіи. Они имѣютъ право наказывать только тѣхъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Самая опасная ересь состоитъ въ томъ, когда государь отдѣляется отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ за то, что ихъ вѣра не сходится съ его собственными религіозными понятіями.»

Если взять во вниманіе, что, слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ Теодориха, Филиппъ II испанскій довелъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ до вооруженнаго возстанія, что Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи полезныхъ и покорныхъ Мавровъ и что Людовикъ XIV еще позднѣе распорядился такимъ же образомъ съ французскими протестантами, если припомнить, что все эти и многія другія штуки дѣлались въ Европѣ по религіозной враждѣ, то не трудно будетъ понять и оцѣнить умъ и характеръ остготскаго короля, писавшаго свое посланіе къ Юстину въ VI вѣкѣ. Однако, итальянское духовенство сочло необходимымъ составить противъ Теодориха заговоръ и завести тайныя сношенія съ византійскимъ правительствомъ. Теодорихъ узналъ все эти продѣлки. Начались аресты, допросы, пытки и казни. Преслѣдованіе было направлено не противъ религіи, а противъ политическаго преступленія. Въ заговорѣ былъ замѣшанъ папа. Теодорихъ посадилъ его въ тюрьму и продержалъ его въ заключеніи до его смерти. Вскорѣ послѣ этихъ событій, Теодорихъ умеръ, и тотчасъ послѣ его кончины, духовенство пустило въ ходъ легенду, что черти утащили его душу въ кратеръ вулкана Липари, считавшійся въ то время отверстіемъ геенны огненной. Кто же это видѣлъ?—Видѣлъ нѣкій отшельникъ.—А не солгалъ ли сей отшельникъ? И находился ли онъ въ здоровомъ умѣ и въ полной памяти?—Этихъ вопросовъ никто себѣ не задавалъ, потому что поставить такіе вопросы, значило бы обнаружить неумѣстную и предосудительную пытливость гонимаго ума. Легенда была, очевидно, выгодна для духовенства. Духовенство приняло рассказъ отшельника благосклонно, а можетъ быть, даже выдумало этотъ рассказъ собственными силами, впустивъ въ него особу отшельника, какъ подставное лицо. Духовенство сообщило этому рассказу обязательный авторитетъ и, черезъ два-три десятилѣтія, эта игривая выдумка сдѣлалась твердою истиною, назидательною для вѣрующихъ и неприкосновенною для скептиковъ, если бы

скептики осмѣлились только появиться и возвысить голосъ въ VI или въ VII столѣтіи.

Другая легенда, составленная позднѣе, еще откровеннѣе носитъ на себѣ печать фабриканта. Французскіе короли, постоянно страдавшіе безденежьемъ, очень часто обращали свои тоскливые взоры на богатые помѣстья духовенства, не платившаго рѣшительно никакихъ повинностей. Они много разъ заводили рѣчь о бѣдственномъ положеніи государственной казны и о громадности церковныхъ имуществъ, но духовенство ко всякому подобному разговору относилось чрезвычайно неодобрительно и пересыпало свои отвѣты такими ужасами, которые навсегда должны были отвадить свѣтскую власть отъ нескромныхъ поползновеній. Въ одномъ изъ суровыхъ отвѣтовъ духовенства встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: «Принцъ Карлъ первый изъ всѣхъ франкскихъ королей и князей расхитилъ и раздробилъ имущества церкви, и, единственно по этой причинѣ, онъ осужденъ на вѣчное мученіе. Мы знаемъ дѣйствительно, что Св. Эвхерій, епископъ орлеанскій, находясь на молитвѣ, былъ перенесенъ въ міръ духовъ, и что, въ числѣ другихъ предметовъ, показанныхъ ему Господомъ, онъ увидѣлъ Карла, терзаемаго въ самыхъ глубокихъ безднахъ ада. Ангель, служившій ему проводникомъ, на вопросъ его объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ ему, что на будущемъ судѣ тѣло и душа человѣка, взявшаго или раздѣлившаго имущества церкви, будутъ преданы, даже раньше кончины міра, на вѣчное мученіе, по приговору святыхъ, засѣдающихъ въ судилищѣ вмѣстѣ съ Господомъ. Это святотатственное дѣло прибавить къ его собственнымъ грѣхамъ всѣ грѣхи всѣхъ тѣхъ людей, которые думали, что купили себѣ прощенье своими пожертвованіями, сдѣланными изъ любви къ Богу въ пользу святыхъ обитателей, на освѣщеніе храмовъ при богослуженіи и на пропитаніе слугителей христовыхъ.»

Чтобы оцѣнить всю красоту этой легенды, надо замѣтить, что принцъ Карлъ, подвергаемый такому строгому наказанію, есть тотъ самый великій воинъ и защитникъ христіанства, Карлъ Мартелль, который разбилъ испанскихъ аравитянь при Пуатье, въ рѣшительномъ сраженіи, положившемъ предѣлъ успѣхамъ магометанскаго оружія въ западной Европѣ. Непростительное *расхищеніе* было сдѣлано именно для того, чтобы собрать и прокормить сильную армію, необходимую для отраженія опаснаго врага, котораго, по всей вѣроятности, самыя раздирающія легенды не убѣдили бы въ неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Интересно также то обстоятельство, что видѣнія епископа Эвхерія употребляются какъ серьезныя и полномѣсныя доказательства въ обсужденіи финансоваго вопроса, имѣвшаго громадную важность для всего государственнаго хозяйства Франціи.

Чтобы поддерживать авторитетъ легендъ, надо было систематически

давить всякое проявленіе научной дѣятельности; и съ этой стороны, энергія и послѣдовательность папства оказались также очень замѣчательными. Папы поняли очень хорошо, что наука и искусство—двѣ вещи совершенно различныя, хотя эти два слова обыкновенно ставятся рядомъ, когда заходитъ рѣчь о какомъ нибудь золотомъ вѣкѣ, въ родѣ вѣка Перикла или Августа. Папы поняли, что искусство ихъ лучший другъ, потому что скульпторы, музыканты, живописцы могутъ быть простодушны и довѣрчивы, какъ грудные младенцы; а наука, напротивъ того, ихъ непримиримый врагъ, потому что ученость и безграничное простодушіе взаимно исключаютъ другъ друга. Григорій I особенно любилъ повторять, что «невѣжество есть мать истиннаго благочестія», и такъ какъ онъ подъ словомъ «истинное благочестіе» понималъ способность вѣрить слѣпо розказнямъ cadaго монаха, то его любимое изрѣченіе оказывается неопровержимою аксіомою. Любимое изрѣченіе Григорія не оставалось для него мертвою буквою; онъ выгналъ изъ Рима всѣхъ учителей математики, сжегъ Палатинскую библіотеку, основанную Августомъ, запретилъ чтеніе латинскихъ классиковъ, изломалъ всѣ древнія статуи, находившіяся въ его власти, и старательно уничтожалъ всѣ рукописи, попадавшіяся ему на глаза. Онъ самъ, потомокъ римскихъ патриціевъ, не зналъ правилъ латинскаго языка, и гордился тѣмъ, что его собственные сочиненія были переполнены грамматическими ошибками. Одному священнику, осмѣлившемуся преподавать латинскую грамматику, Григорій сдѣлалъ строжайшій выговоръ.

Такимъ образомъ, политика папства характеризуется тремя главными стремленіями: 1) сближаться съ варварами; 2) дѣйствовать на воображеніе массъ театральными эффектами и фантастическими розказами; 3) истреблять всякую научную дѣятельность.

IX.

Папская политика и папское могущество составляютъ естественный продуктъ мрачной и мутной исторической эпохи. Приписывать вліянію папства всѣ гадости, которыя дѣлались въ средневѣковое время въ Италіи и въ самомъ Римѣ, въ церкви и въ обществѣ, въ частной жизни и въ политикѣ,—было бы несправедливо. Папство дѣйствовало неразумно и дурно, и сами папы были часто дурными и безчестными людьми, потому что весь характеръ ихъ времени былъ звѣрообразенъ до крайности. Люди ежеминутно грызлись между собою за каждую пеструю тряпку и за каждую обглоданную кость. Кто не былъ воромъ, разбойникомъ и убійцею, тотъ, навѣрное, дѣлался самъ жертвою неотразимаго насилія. Самые великіе люди этого времени замараны грязью и кровью,

потому что, принимая дѣятельное участіе въ тогдашней исторической жизни, не было ни малѣйшей возможности уберечься отъ такихъ пятенъ. Италія, наводненная варварами всевозможныхъ племенъ, была развращена и измучена болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ земель; ее грабили и раздирали на части мелкіе тираны, ничѣмъ не отличавшіеся отъ разбойничьихъ атамановъ; такіе же разбойники, называвшіе себя римскими патриціями, бунили въ самомъ Римѣ и ежедневно поливали кровью римскія улицы, ведя между собою мелкія и безконечныя войны, въ которыя вмѣшивались безпрестанно и духовенство, и простой народъ. Всѣ эти люди — аристократы, духовенство и народъ, — участвовали въ назначеніи папъ; можно себѣ легко представить, какими странными сценами сопровождался выборы и какія дикія фигуры появлялись иногда, вслѣдствіе этихъ сценъ, на папскомъ престолѣ. Въ VIII, въ IX и въ X столѣтіяхъ исторія папства переполнена скандалами и преступленіями. По смерти папы Павла I, вступившаго на престолъ въ 757 году, герцогъ непейскій заставилъ епископовъ посвятить въ папы Константина. Въ 768 году, выборы эти объявлены незаконными. Папою сдѣлался Стефанъ IV. Константину выкололи глаза. Одному изъ его приверженцевъ, епископу Федору, отрѣзали языкъ. Затѣмъ, Федора заперли въ тюрьму, въ которой онъ и умеръ — отъ жажды. Въ 795 году, племянники умершаго папы Адриана схватили на улицѣ преемника его, Льва III, втащили его въ сосѣднюю церковь и собирались выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ, но, во время самой ожесточенной свалки, прибѣжали приверженцы папы и отбили его отъ свирѣпыхъ враговъ. Преемника Льва, Стефана V, съ позоромъ выгнали изъ города, въ 816 году. Слѣдующаго папу, Пасхалиса I, обвинили въ томъ, что онъ ослѣпилъ и зарѣзалъ въ латеранскомъ дворцѣ двухъ священниковъ; дѣло было отдано на разсмотрѣніе императорскимъ комиссарамъ, потому что въ это время западная римская имперія была уже восстановлена и императоръ былъ Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго. Но, раньше окончанія слѣдствія и суда, папа умеръ, очистивъ свою совѣсть клятвою въ невинности, данною торжественно, въ присутствіи тридцати епископовъ. Исторія объ ослѣпленіи и зарѣзаніи осталась, такимъ образомъ, неразъясненною. Въ 872 году, папа Иоаннъ VIII былъ принужденъ платить дань магометанамъ, утвердившимся въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ Италіи. Епископъ неаполитанскій находился въ тайномъ союзѣ съ этими врагами христіанства и получалъ отъ нихъ, какъ лазутчикъ, часть добычи, достававшейся имъ отъ папы. За эти продѣлки, папа отлучилъ его отъ церкви, и соглашался дать ему прощеніе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ заманилъ магометанъ въ западню и собственноручно зарѣзалъ бы ихъ главныхъ начальниковъ. Сношенія съ магометанами вовсе не составляли въ то время

рѣдкаго и исключительнаго явленія. При томъ же самомъ Іоаннѣ VIII, римское духовенство составило заговоръ; положено было убить папу, захватить церковныя сокровища, отворить поддѣльными ключами ворота Св. Панкратія и впустить въ городъ магометанъ. Папа, имѣвшій, повидимому, достаточное число искусныхъ шпионовъ, открылъ и разстроилъ этотъ заговоръ. Въ 891 году, папою сдѣлался Формозъ, участвовавшій въ этомъ заговорѣ и отлученный отъ церкви. Въ 896 году, ему наслѣдовалъ Бонифацій VI, котораго два раза лишали духовнаго сана за непомѣрную безнравственность и негодность. Преемникъ этого папы, Стефанъ VII, приказалъ вырыть изъ могилы трупъ Формоза, нарядилъ его въ новое святительское облаченіе, посадилъ его на кресло и сталъ производить надъ нимъ судъ. По суду, безотвѣтный Формозъ оказался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ; тогда трупъ его былъ брошенъ въ Тибръ. Стефана, вскорѣ послѣ этого, посадили въ тюрьму, а потомъ задушили. Въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 896 до 900 года, перемѣнилось пять папъ. Въ 904 году, папу Льва V посадилъ въ тюрьму одинъ изъ его капеллановъ, Христофоръ, котораго въ слѣдующемъ же году выгналъ изъ Рима Сергій III, овладѣвшій папскимъ престоломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ этого времени начинается въ Римѣ дѣятельность трехъ женщинъ, Теодоры-старшей и двухъ ея дочерей, Марозіи и Теодоры-младшей. Красота, безнравственность, богатство и неукротимая отвага этихъ женщинъ доставляли имъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, повластное господство надъ Римомъ, и даже надъ всею среднею Италіею. Особенно сильна была Марозія, вышедшая замужъ за Альбериха, маркграфа камеринскаго, самаго богатаго и могущественнаго изъ тогдашнихъ мелкихъ тирановъ средней Итали. Марозія владѣла въ Римѣ крѣпостью Св. Ангела и, вслѣдствіе этого, держала въ повиновеніи весь городъ. Теодора-старшая сдѣлала одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ епископомъ равенскимъ; а потомъ, въ 915 году, она же доставила ему папскій престолъ, на который онъ вступилъ подъ именемъ Іоанна X. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, любовь Теодоры поддерживала его на папскомъ престолѣ; но его ненавидѣла Марозія, и въ 926 году эта ненависть рѣшила его участь. Марозія захватила его въ латеранскомъ дворцѣ, убила его брата Петра, а самого папу посадила въ тюрьму, гдѣ его задушили подушками. Въ 931 году, Марозія сдѣлала папою своего собственнаго сына, Іоанна XI. Отецъ этого юноши былъ доподлинно неизвѣстенъ; многіе полагали, что Іоаннъ XI—сынъ папы Сергія III, но сама Марозія думала, что она родила его отъ Альбериха; впрочемъ, Марозіи въ этомъ отношеніи, при многосложности ея занятій, очень легко было спутаться въ генеалогическихъ и хронологическихъ соображеніяхъ. Другой сынъ Марозіи, Альберихъ, посадилъ въ тюрьму свою мать и своего брата, папу Іоанна XI. Въ 956 году, девятнадцати-

лѣтній сынъ этого втораго Альбериха сдѣлался папою подъ именемъ Иоанна XII. Поступки этого молодаго человѣка были уже до такой степени неприличны, что возбудили противъ себя негодованіе всей католической Европы и дали поводъ императору Оттону Великому созвать соборъ для изслѣдованія преступленій рѣзваго юноши. Оказалось, что папа бралъ взятки за посвященіе епископовъ, что онъ сдѣлалъ епископомъ десятилѣтняго мальчика, что онъ совершилъ однажды обрядъ посвященія въ конюшнѣ, что онъ выкололъ глаза одному священнику, что онъ оскопилъ другаго, что оба эти человѣка умерли вслѣдствіе этого увѣчья, что латеранскій дворецъ наполненъ безнравственными женщинами, что папа постоянно пьетъ, играетъ и даже вѣруеть въ Юпитера и въ Венеру. За все это безобразіе Иоанна низложили; папою сдѣлался, въ 963 году, Левъ VIII; но Иоаннъ не упалъ духомъ, — произвелъ въ Римѣ возмущеніе, одолѣлъ своихъ противниковъ и поступилъ съ ними такъ, какъ этого можно было ожидать отъ его характера; иныхъ замучилъ до смерти; инымъ выкололъ глаза; многимъ отрѣзалъ пальцы, руки, уши, носы и языки. Кончилъ онъ свою бурную жизнь тѣмъ, что его убилъ одинъ римлянинъ, у котораго онъ соблазнилъ жену.

Долго еще продолжались въ Римѣ грязныя трагедіи, подобныя тѣмъ, которыя описаны въ предыдущихъ строкахъ. Иоанна XIII задушили въ темницѣ; Бенедикта VII, по приказанію Бонифація VII, уморили въ тюрьмѣ голодною смертію; Иоанна XIV посадили въ крѣпость Св. Ангела и убили; по смерти Бонифація VII, римская чернь разорвала на части его трупъ и протащила его по улицамъ города. Въ 996 году, императоръ Оттонъ III назначилъ папою своего родственника Бруно, который принялъ имя Григорія V. Сынъ Теодоры-младшей, Кресценцій, владѣвшій въ это время крѣпостью Св. Ангела, выгналъ изъ Рима Григорія и посадилъ на папскій престолъ Иоанна XVI. Но въ 997 году, Оттонъ опять пришелъ въ Римъ съ войскомъ, взялъ крѣпость Св. Ангела, захватилъ самого Кресценція и отрубилъ ему голову. А Иоанну XVI, по приказанію императора, выкололи глаза и отрѣзали носъ и языкъ; потомъ, этого изувѣченнаго человѣка посадили на осла, лицомъ къ хвосту, и провели въ такомъ видѣ по улицамъ города; наконецъ его представили въ полное распоряженіе римской черни, которая всегда готова была потѣшиться надъ тѣмъ, кто не могъ защищаться. Въ 1033 году, папою сдѣлался одиннадцатилѣтній мальчикъ, Бенедиктъ XI. По своему образу жизни, онъ былъ еще грязнѣе Иоанна XII. Римляне два раза выгоняли его и онъ два раза возвращался, по милости всѣхъ сильныхъ родственниковъ и друзей, которые разбойничали съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Захвативши папскую тиару во второй разъ и не надѣясь удержать ее за собою, Бенедиктъ назначилъ

на нее аукціонный торгъ, и въ 1045 году, папское достоинство было куплено Григоріемъ VI.

Прочитавши этотъ утомительный перечень невѣроятныхъ скандаловъ читатель, мало знакомый съ исторіею среднихъ вѣковъ, подумаетъ, можетъ быть, что папство сдѣлалось совершенно безсильнымъ и потеряло въ глазахъ европейскихъ народовъ всякій нравственный авторитетъ. Читатель сильно ошибется. Папство, обезчестившее себя всѣми пороками и преступленіями, достигло въ это время высшей точки своего могущества. Въ 1045 году, папство продавалось съ аукціоннаго торга, а въ 1073 году, на папскомъ престолѣ сидѣлъ уже Гильдебрандъ, тотъ самый Григорій VII, который заставилъ нѣмецкаго императора Генриха IV стоять три дня на дворѣ замка Каноссы, въ одной рубашкѣ, съ голыми ногами, въ положеніи кающагося грѣшника, вымаливающаго себѣ прощеніе. А въ концѣ того же одинадцатаго столѣтія, папа Урбанъ II поднимаетъ всю Европу противъ магометанъ, удержавшихъ въ своей власти святія мѣста. А въ XIII столѣтіи, Инокентій III превращаетъ южную Францію въ окровавленную и обожженную пустыню и учреждаетъ орденъ нищенствующихъ монаховъ; преемникъ его, Григорій IX, основываетъ судилище инквизиціи.

Какъ же объяснить себѣ это странное противорѣчіе? Папѣ бьютъ, уродуютъ, сажаютъ въ темницы и убиваютъ, какъ самыхъ низкихъ преступниковъ, а въ тоже время папство растетъ, усиливается и захватываетъ въ свои руки, на нѣсколько столѣтій, всю историческую жизнь европейскаго міра. Это явленіе объясняется довольно легко и совершенно удовлетворительно. Историческая судьба папства зависѣла не отъ него самого, а отъ совершенно постороннихъ причинъ. Папство было вообще пассивнымъ идоломъ, передъ которымъ европейцы лежали ницъ до тѣхъ поръ, пока вообще историческая жизнь не разшевелила ихъ умовъ и не навела ихъ на мысль подняться на ноги. Средневѣковымъ европейцамъ идолъ казался необходимымъ; безъ него они, по своей тогдашней неразвитости, не могли существовать. Это стремленіе къ идолу не изъ ничего было создано папствомъ, оно составляло коренную особенность младенчествующаго ума; папство сдумѣло только конфисковать это стремленіе въ свою пользу; ему помогли въ этомъ дѣлѣ отчасти миссіонерскіе подвиги монаховъ, отчасти же, — и притомъ гораздо сильнѣе — военные подвиги Карла Великаго, окрестившаго насильно почти всю внутреннюю Германію. А окрестить въ то время, значило обратить не ко Христу, а къ папѣ. Сдѣлавшись идоломъ, папство могло уже творить все, что ему было угодно. Ни глупости, ни подлости, ни преступления, ничто не могло разрушить его авторитета; человекъ обожаетъ идола не за его достоинства, а за то, что онъ предполагаетъ въ немъ совершенно особенную, сверхъестественную силу. Тунгузы иногда

бьють своихъ идоловъ кнutomъ, и все-таки поклоняются имъ. Такъ это дѣлалось и съ папами. Императоръ могъ опельмовать папу, какъ послѣдняго каторжника; но если этотъ самый, опельмованный папа успѣвалъ пустить противъ императора проклятіе, то это проклятіе сильно дѣйствовало на умы, и противъ него надо было употребить совсѣмъ особенный пріемъ; надо было выбрать, съ соблюденіемъ законныхъ формальностей, новаго папу, — и приказать этому новому, чтобы онъ проклялъ стараго. Тогда равновѣсіе возстановлялось, умы массъ успокаивались, и успѣхъ того или другаго папы зависѣлъ уже только отъ числа и храбрости ихъ вооруженныхъ приверженцевъ. Пока на папскомъ престолѣ сидѣлъ глупый или дрянной человѣкъ, до тѣхъ поръ идолъ спокойно стоялъ на мѣстѣ и европейцы преклонялись передъ нимъ по пассивной привычкѣ, еще не вытѣсненной образованіемъ и размысленіемъ. Если же папою становился человѣкъ честный, умный и энергичскій, то идолъ мгновенно оживлялся и начиналъ ворочать историческими событіями. Индивидуальная сила сама по себѣ ничего не могла сдѣлать, но въ соединеніи съ привилегированнымъ положеніемъ эта сила дѣлала чудеса. А привилегированное положеніе все-таки было создано исключительно тою фазою умственнаго развитія, въ которой находилась тогда европейская мысль. Папству могли повредить не преступленія его представителей и не ошибки его общей политики, а только успѣхи образованія. Поэтому, опаснѣйшими врагами папства были испанскіе магометане. Они подорвали силу папства не оружіемъ, а неотразимымъ вліяніемъ утонченной роскоши, блестящей поэзій, смѣлой философіи и точной науки.

X.

Въ 711 году, Аравитяне перешли изъ Африки въ Европу и быстро завоевали почти весь пиренейскій полуостровъ. Въ 759 году, разорвалась политическая связь между магометанскою Испанією и азіатскимъ халифатомъ. Новое государство, не смотря на внутреннія волненія и постоянныя войны съ испанскими христіанами, стало быстро развиваться по всѣмъ направленіямъ. Уже въ концѣ VIII вѣка Испанія вела обширную морскую торговлю съ сѣвѣрною Африкою, съ Византією и съ магометанскимъ востокомъ; ея военный флотъ господствовалъ на Средиземномъ морѣ и держалъ въ постоянномъ страхѣ Италію, Сицилію, Корсику, Сардинію и южную Францію. Испанскіе пираты по своей предприимчивости и ловкости могли поспорить съ норманнами. Береговымъ жителямъ

всей тогдашней Европы житья не было отъ этихъ двухъ хищныхъ породъ; да и внутри страны не всегда можно было разсчитывать на безопасность, потому что и норманны, и сарацны имѣли дурную привычку подниматься на лодкахъ вверхъ по теченію рѣкъ и грабить всѣ города и села, стоявшіе по обомъ берегамъ рѣки.

Въ десятомъ столѣтіи, въ царствованіе Абд-Эррахмана III и сына его Гакема, магометанская Испанія стала на такую высокую степень могущества и благосостоянія, какой она не достигала никогда, ни прежде, ни послѣ этого времени. Въ составъ магометанскаго государства входили нынѣшнія провинціи: Арагонія, Валенсія, Новая-Кастилія, Мурсія, Эстремадура, Андалузія, Гранада и южная половина Португаліи. Въ настоящее время въ этихъ областяхъ считается около девяти милліоновъ жителей; а при Абд-Эррахманѣ ихъ было отъ 25 до 30 милліоновъ, — значить, втрое больше. Эта цифра основана не на пустыхъ догадкахъ, а на точныхъ статистическихъ данныхъ. Для магометанъ статистика была необходима, потому что они имѣли обыкновеніе облагать поголовною податью всѣхъ жителей не мусульманской религіи. Во владѣніяхъ Абд-Эррахмана процвѣтала торговля, а земледѣліе, горная промышленность и фабрики находились въ такомъ блестящемъ положеніи, какого они послѣ того никогда не достигали въ Испаніи. Для орошенія полей были устроены резервуары и очень сложныя системы плотинъ, шлюзовъ, трубъ и насосовъ. Законъ тщательно опредѣлялъ правила, съ которыми слѣдовало соображаться при пользованіи этою водою; въ противномъ случаѣ, при безпорядочномъ хозяйствѣ, наличная масса воды, драгоцѣнной въ сухомъ климатѣ Испаніи, могла бы оказаться недостаточною для орошенія полей. Аравитяне внесли въ Испанію рисъ, сахарный тростникъ и хлопчатую бумагу; они же насадили въ Испаніи превосходные фруктовые сады, состоящіе изъ такихъ деревьевъ, которыя до того времени еще не появлялись въ Европѣ. Ихъ же стараніями разведены тутовые деревья и шелковичные черви. Въ окрестностяхъ Хереса и Малаги возникли, не смотря на строгія запрещенія Корана, роскошныя виноградники, и винодѣліе было доведено до того совершенства, которое сохранилось до нашихъ временъ и разнесло по всему міру славное имя двухъ испанскихъ городовъ. Производство различныхъ тканей, гончарное дѣло, фабрикація металлическихъ вещей занимали тысячи искусныхъ рукъ и раскупались съ жадностью домашними и чужеземными потребителями. Клинки толедскихъ фабрикъ славились въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ наравнѣ съ саблями сирійскаго города Дамаска, въ которомъ надъ обработкою стали трудились также магометане. Кожевенное дѣло находилось также въ блестящемъ положеніи; въ Испаніи выдѣлывался превосходный сафьянъ; когда, въ началѣ XVII вѣка, слабоумный Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи всѣхъ

мавровъ, тогда они перенесли съ собою фабрикацію сафьяна въ Марокко, и сафьянъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ сталъ называться мароканскою кожею (по французски — maroquin; по нѣмецки — Marokin; по англійски — Marocco leather). Скотоводствомъ испанскіе арабы занимались съ особенною любовью и съ большимъ знаніемъ дѣла; они сформировали знаменитую породу испанскихъ тонкорунныхъ барановъ или мериносовъ. О лошадяхъ и говорить нечего; извѣстно, что каждый арабъ любитъ свою лошадь, какъ лучшаго друга, страстно и восторженною любовью; съ нею онъ дѣлитъ въ пустынѣ послѣднюю горсть ячменя и послѣдній глотокъ воды; въ ея честь онъ сочиняетъ дифирамбы и эпопеи; каждая арабская лошадь имѣетъ свою генеалогію, и осквернить чистую арабскую кровь неблагородною примѣсью, значить, по мнѣнію араба, сдѣлать непростительное преступленіе. Въ цвѣтущее время магометанской культуры, арабскіе историки писали біографіи халифовъ, и въ тоже время добросовѣстно описывали, для назиданія потомства, поучительную жизнь прославившихся лошадей и знаменитыхъ верблюдовъ.

Эта конюшенная исторія и эта берейторская поэзія, разумѣется, покажутся намъ уродливыми и смѣшными крайностями, но мы очень сильно ошибемся, если рѣшимся сказать, что та основная страсть, изъ которой развились эти крайности, сама по себѣ неблагоразумна и бесплодна. Она благоразумна, потому что для кочеваго араба лошадь составляетъ дѣйствительно незамѣнимую драгоценность. Она (т. е. страсть, а не лошадь) полезна потому, что, благодаря своей страсти, арабы развели въ Испаніи превосходную породу андалузскихъ лошадей, а всякій здравомыслящій и практическій человѣкъ знаетъ, конечно, какъ нельзя лучше, какое значеніе имѣетъ хорошая лошадь для самыхъ важныхъ отраслей народнаго труда. Во всякомъ случаѣ, страсть къ лошадямъ неизмѣримо полезна, чѣмъ страсть къ безпредметному искусству, а между тѣмъ, никто не смѣется надъ поклонниками этого искусства, и очень многіе смѣются надъ обожателями скачекъ и рысистыхъ бѣговъ.

Изъ всего, что я говорилъ выше, видно, что испанскіе арабы производили и могли производить множество разнообразныхъ предметовъ. Торговля ихъ была чрезвычайно обширна, тѣмъ болѣе, что въ тогдашней Испаніи было очень много евреевъ, которые вездѣ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ во всякихъ коммерческихъ оборотахъ изумительную сметливость, подвижность и предприимчивость. Арабы съ евреями сдружились очень скоро. Ихъ сблизили единство семитическаго происхожденія и общій религіозный догматъ строгаго монотеизма. Обширныя торговыя предприятия велись ими съобща, компаніями, въ которыя, безъ различія вѣроисповѣданій, входили капиталисты обѣихъ національностей. У нихъ были факторіи и консулы на бе-

регахъ Азовскаго моря и Дона; черезъ внутреннюю Азію, они поддерживали постоянныя сношенія съ Индією и съ Китаемъ; по восточному берегу Африки, они спускались на югъ, далеко за экваторъ, до острова Мадагаскара. Успѣхи торговаго дѣла обращали на себя вниманіе мыслящихъ теоретиковъ, и уже въ половинѣ X столѣтія, просвѣщенные арабы, подобные Абуль-Кассему, писали научные трактаты о разумныхъ основаніяхъ коммерческихъ оборотовъ.

При такомъ положеніи страны, не мудрено, что ея повелитель, Абд-Эррахманъ III, получалъ до пяти съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, то есть, до 37 милліоновъ рублей серебромъ годоваго дохода (Drapet, vol. II, p. 42), Не трудно также согласиться съ замѣчаніемъ Шлоссера, который говоритъ, «что въ то время испанскій халифъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ свѣтѣ.» (Всемирная исторія. Т. V. стр. 116). Столица магометанской Испаніи, Кордова, заключала въ себѣ двѣсти двѣнадцать тысячъ зданій, не считая лавокъ и караванъ-сараявъ (постоялыхъ дворовъ), число которыхъ доходило до восьмидесяти пяти тысячъ. Въ числѣ городскихъ зданій Кордовы было шестьсотъ мечетей. «Трудно повѣрить всѣмъ этимъ даннымъ, замѣчаетъ Шлоссеръ, но, сравнивая старую Кордову съ большими европейскими городами нашего времени, не должно упускать изъ виду, что въ ней не было, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, шести и семи-этажныхъ домовъ.» (Всемир. Ист. Т. V. стр. 117). Жителей въ Кордовѣ считалось болѣе милліона. Улицы этого города были вымощены камнемъ и освѣщались фонарями. Въ теченіе многихъ столѣтій, послѣ времени Абд-Эррахмана III, обитатели Лондона и Парижа тонули въ не проходимой грязи и боролись по вечерамъ съ непроницаемою темнотою, доставлявшею огромныя выгоды всѣмъ художникамъ по части кражи и грабежа.

Дворецъ халифа, составлявшій цѣлую часть города, отличался сказочнымъ великолѣпіемъ, — не тою грубою роскошью, которая безъ толку громоздитъ груды золота, серебра и драгоценныхъ камней, а тѣмъ утонченнымъ и глубоко-обдуманномъ изяществомъ комфорта, которое дѣйствительно ласкаетъ и нѣжитъ чувства и до безконечности разнообразитъ наслажденія жизни. Балконы изъ полированного мрамора тонули въ тѣни алепсинныхъ деревьевъ; каскады и фонтаны освѣжали воздухъ въ садахъ и въ комнатахъ, въ которыя проходилъ пріятный и таинственный полусвѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла высокихъ остроко-нечныхъ оконъ; въ нѣкоторыхъ комнатахъ свѣтъ падалъ сверху, пробиваясь черезъ водяную струю, текущую подъ стекляннымъ потолкомъ; стѣны и полы были украшены тонкою мозаичною работою. Лѣтомъ, искусно устроенныя вентиляторы вливали въ комнаты, изъ обширныхъ цвѣтниковъ, волны свѣжаго воздуха, пропитаннаго ароматомъ рѣдкихъ и до-

рогихъ растений. А зимою, цѣлая система трубъ, вложенныхъ въ стѣны, проводила въ комнаты нагрѣтый и ароматическій воздухъ изъ подземныхъ сводовъ, въ которыхъ топились печи и сжигались разныя благовонныя вещества. Мебель дворца, отличавшаяся еще болѣе удобствомъ, чѣмъ красотою, была сдѣлана изъ сандалнаго и лимоннаго дерева, съ инкрустаціями изъ перламутра, слоновой кости, серебра и золота; диваны и кушетки были обиты шелковыми матеріями; вазы изъ горнаго хрустала, этажерки, уставленныя китайскимъ фарфоромъ, и столы изъ превосходной мозаики были разставлены по комнатамъ въ изящномъ безпорядкѣ, между многочисленными мраморными колоннами, на которыя опирались своды потолка, расписаннаго блестящими и пестрыми арабесками. Въ зимнихъ покояхъ полы и стѣны были обиты мягкими персидскими коврами. Цвѣтуція растенія, привезенныя изъ далекихъ земель, дополняли своею свѣжею красотою убранство комнатъ. Горячая и холодная вода была проведена, посредствомъ металлическихъ трубъ, изъ особыхъ резервуаровъ въ мраморныя купальни; кромѣ того, купающіеся могли окачивать себя сверху искусственнымъ дождемъ различной температуры. Въ садахъ, расположенныхъ между различными строеніями дворца, цвѣты были посажены по всѣмъ правиламъ искусства, такъ, чтобы ихъ краски и ароматы не мѣшали другъ другу, а напротивъ того, сливаясь между собою въ надлежащихъ пропорціяхъ, производили на гуляющихъ самое гармоническое впечатлѣніе. Между клумбами деревьевъ, кустарниковъ и цвѣтовъ, между бесѣдками изъ розъ, между скамейками, вырубленными въ скалѣ, между свѣжими гротами, сложенными изъ дикаго камня, били по разнымъ направленіямъ крупныя и мелкія фонтаны, или разстилались искусственныя озера, въ которыхъ кормилась рыба для халифскаго стола. Были тутъ и звѣринцы для чужеземныхъ животныхъ, и птичныя дворы для рѣдкихъ птицъ.

Въ одеждѣ испанскихъ арабовъ господствовало тоже утонченное изящество, которымъ отличались у нихъ жилища всѣхъ достаточныхъ людей. Ихъ верхнее платье дѣлалось, болѣею частью, изъ шелковой ткани, расшивалось пестрыми шnurками и золотомъ, и украшалось часто драгоценными камнями. Яркія краски, богатые матеріи, золото, хризолиты, геацинты, изумруды и сапфиры составляли страсть арабскихъ женщинъ, и какой-то любезный поэтъ націи сказалъ совершенно справедливо, что комната, въ которой собираются дамы въ своихъ блестящихъ нарядахъ, становится похожа на цвѣтуцій дугъ, вспырынутый весеннимъ дождемъ.

На всю эту необузданную роскошь въ жилищахъ, въ одеждѣ, во всемъ образѣ жизни, мыслящій человекъ не можетъ смотрѣть безъ пуританскаго негодованія. Конечно, высшіе классы общества здѣсь, какъ и вездѣ, брали себѣ львиную часть изъ общей массы продуктовъ на-

роднаго труда; но народъ не бѣдствовалъ, не голодалъ, не былъ задавленъ непосильнымъ трудомъ и непомерными налогами. Если Абд-Эррахманъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ тогдашнемъ мѣрѣ, то можно утверждать, съ другой стороны, что и народъ его былъ самымъ счастливымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Для жителей Франціи, Англии и Германіи было мало пользы отъ того, что ихъ правители жили въ какихъ-то деревянныхъ сараяхъ, безъ печей, безъ оконъ и съ простымъ отверстіемъ въ крышѣ для дыма; грязь, копоть, сырость и сквозной вѣтеръ, господствовавшіе въ этихъ первобытныхъ дворцахъ, ни сколько не мѣшали жителямъ быть такими жалкими, ограбленными и замученными существами, о какихъ мы теперь съ трудомъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, не смотря даже на то, что современный европейскій пауперизмъ можетъ доставить нашему воображенію превосходные матеріалы. Въ тогдашней Европѣ всѣмъ было скверно жить; мужикъ выбивался изъ силъ за работою и все-таки выработывалъ мало; воинъ отнималъ у мужика послѣдній кусокъ хлѣба и все-таки былъ одѣтъ въ вонючія тряпки, покрытъ чесоткою и насѣкомыми, подверженъ всякимъ болѣзнямъ, лишенъ врачебной помощи и совершенно неспособенъ доставить себѣ то, что всякій, даже самый грубый человѣкъ, называетъ наслажденіемъ. Съѣсть цѣлый окорокъ ветчины, выпить чуть не полведра какой нибудь хмѣльной бурды, — вотъ все, что могъ сдѣлать тогдашній богатый и сильный воинъ, когда ему хотѣлось повеселить свою душу. Это *все* — чрезвычайно немного; ему становилось невыносимо скучно и досадно; «хоть бы поколотить кого нибудь», приходило ему въ голову — и онъ колотилъ своихъ сосѣдей, топталъ крестьянскія жатвы, жегъ ихъ хижины, получалъ за всѣ эти подвиги порядочныя затрещины отъ другихъ скучающихъ рыцарей; и жизнь, такимъ образомъ, кое-какъ наполнялась впечатлѣніями. Роскоши не было, но это отсутствіе роскоши не доставляло рѣшительно никому ни пользы, ни удовольствія, Роскоши не было, но за то было очень большое озорство и безобразіе, которое было убыточнѣе самыхъ утонченныхъ затѣй Абд-Эррахмана и его придворныхъ. Арабскіе халифы кутили въ Испаніи слишкомъ семьсотъ лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, при взятіи Гранады, въ 1492 году, арабы были богаты, дѣятельны и предприимчивы, — значить, основной капиталъ народа не былъ истраченъ; умъ, характеръ и сильное тѣлосложеніе людей остались неприкосновенными; производительныя силы страны также не истощались. А испанскіе короли распорядились совсѣмъ иначе: они ограбили арабовъ, ограбили мексиканцевъ, ограбили перуанцевъ, всѣми награбленными сокровищами не доставили себѣ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользовались халифы, и, при всемъ томъ, уже въ семнадцатомъ столѣтіи довели свое государство до совершенной нищеты, а народъ до замѣчательной степени отупѣнія.

Эта поучительная параллель доказываетъ намъ, что не роскошь высшихъ классовъ общества губить и разоряетъ народъ, а умственная неподвижность, узкость понятій и односторонность стремлений. Когда въ обществѣ кипитъ живая дѣятельность мысли и когда силы народа поддерживаются и развиваются разнообразіемъ труда, тогда являются неизбежно неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, накопленіе большихъ капиталовъ и, вслѣдствіе этого, неумѣренная роскошь въ высшихъ слояхъ денежной аристократіи. Эти явленія вредны для благосостоянія народа, но они составляютъ зло переходное и поправимое. Болѣзнь сама приноситъ съ собою лекарство. Высшіе классы разоряются и уступаютъ мѣсто среднему сословію, болѣе образованному и трудолюбивому; изъ этого сословія выходятъ люди, обогащающіе народъ открытіями и задумывающіеся серьезно надъ положеніемъ трудящагося большинства. Эти люди поддерживаютъ и направляютъ дѣятельность народнаго ума и, благодаря ихъ усиліямъ, обиженное большинство понемногу начинаетъ вступать въ свои естественныя права.

XI.

Для испанскихъ арабовъ было бы, разумѣется, лучше, если бы Абд-Эррахманъ и его преемники строили себѣ менѣе великолѣпныя дворцы. Но, для европейской цивилизаціи вообще, роскошь испанскихъ халифовъ была незамѣнимымъ благодѣяніемъ. Надо было, чтобы просвѣщеніе являлось передъ дикарями въ самомъ блестящемъ и неотразимо обаятельномъ видѣ; надо было, чтобы оно шевелило дикаря со всѣхъ сторонъ, чтобы каждая фибра грубой нервной системы дрожала въ немъ отъ зависти при видѣ недоступныхъ ему наслажденій, или отъ удовольствія, въ томъ случаѣ, когда ему удавалось подышать нѣсколько времени разнѣживающею атмосферою цивилизованной жизни. Надо было, чтобы основная мысль цивилизаціи являлась передъ дикаремъ въ самой популярной формѣ; а разумѣется, матеріальныя удобства жизни составляютъ самое наглядное и популярное изложеніе тѣхъ преимуществъ, которыя достаются на долю образованнаго человѣка. Доказать дикарю, что наука — вещь хорошая, что она расширяетъ умъ человѣка, облагораживаетъ его стремленія, *доказать* все это дикарю совершенно невозможно. Ему надо *показать*. Вотъ, молъ, любезный, посмотри, пощупай, понюхай, отвѣдай, да и соображай.

Весело было жить на свѣтѣ проклятымъ басурманамъ, и ихъ веселость нашла себѣ выраженіе въ легкой и игривой поэзіи, воспѣвавшей

и красоту женщинъ, и сладость запрещеннаго вина, и всѣ радости беззаботной молодости. Эта поэзія, сама по себѣ пустая и ничтожная, и бесполезная для того народа, среди котораго она возникала, была замѣчательна, какъ новая приманка для европейцевъ, какъ новое и совершенно понятное изложеніе такой житейской мудрости. Веселая поэзія, какъ зараза, разлилась изъ Испаніи въ сосѣднія христіанскія земли. И въ южной Франціи, и въ сѣверной Франціи, и въ Сициліи, и въ Италіи, а потомъ и въ Германіи, и въ Англіи, вездѣ зазвучали лиры и полились пѣсни любви и грѣховныхъ помысловъ о разныхъ мірскихъ наслажденіяхъ. «Въ монастыряхъ, говоритъ Дреперъ, голоса, произнесшіе обѣтъ цѣломудрія, запѣли тайкомъ такіе романсы, которые врядъ ли были бы одобрены Св. Иеронимомъ; много было здоровыхъ аббатовъ, которые, подобно веселымъ грѣшникамъ Хереса и Малаги, умѣли восхвалять игривыми куплетами прелести женщинъ и вина, не смотря на то, что одинъ изъ этихъ предметовъ составлялъ запрещенный плодъ для магометанина, а другой для монаха. Солидные сѣдые бороды Кордовы уже давно просили главнаго судью запретить пѣсни испанскаго еврея Абраама Ибнъ-Сагала, потому что не было въ городѣ юноши, женщины или ребенка, которые не могли бы повторить ихъ наизусть. Ихъ безнравственныя тенденціи составляли публичный скандалъ. Легкая веселость Испаніи отразилась и въ болѣе грубыхъ привычкахъ сѣверныхъ странъ. Уже въ десятомъ столѣтіи, люди, имѣвшіе наклонность къ книжному ученію или къ блестящимъ общественнымъ удовольствіямъ, находили себѣ дорогу въ Испанію изъ всѣхъ сосѣднихъ земель.» (Vol. II. p. 34.)

Вся эта поэзія трубадуровъ, труверовъ миннезенгеровъ, разумѣется, плавала очень мелко, но, не смотря на ея совершенную безобидность, историческое значеніе этой поэзіи, родившейся на басурманской почвѣ, чрезвычайно важно въ двухъ отношеніяхъ. Въ этой поэзіи въ первый разъ, со временъ классической древности, выразилась свѣжая, могучая и неистребимая любовь человѣка къ жизни. Голосомъ своихъ простодушныхъ пѣвцовъ, несчастный средневѣковой человѣкъ въ первый разъ заявилъ громко и ясно, что ему все-таки хочется жить, не смотря на то, что его бьютъ и грабятъ. И дѣйствительно, наслажденіе облагородилось, какъ только оно перестало прятаться въ темныхъ углахъ. Грубое пьянство превращается по немногу въ веселое пированіе, оживленное остроумными шутками и застольными пѣснями, а животная чувственность, оскорблявшая и даже тиранившая женщину, уступаетъ мѣсто рыцарской страстности, сладкой, болтливой и пѣвучей, очень смѣшной въ своихъ проклятіяхъ, но, по крайней мѣрѣ, уже относившейся совершенно неодобрительно къ стеганію любимаго предмета плетью или къ трепанью его по щекамъ. А тогда и за это надо было говорить спасибо.

Въ наше время пѣсни о винѣ и поцѣлुяхъ ни на что не нужны. Когда всѣ образованные люди вѣрують въ прогрессъ, то есть, въ неистощимую творческую силу жизни, тогда нѣтъ никакой надобности будить въ обществѣ любовь къ жизни. Вся наша наука и вся наша практическая дѣятельность цѣликомъ основаны на этой любви. Намъ не зачѣмъ говорить другъ другу: «я хочу жить», потому что это и безъ того видно и всякому извѣстно, и само собою разумѣется. Но въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ было совсѣмъ не то. Свѣтлая и естественная вѣра въ жизнь была подорвана страданіями и завѣшана чернымъ крестомъ суевѣрія. Люди X-го вѣка были серьезно убѣждены въ томъ, что въ 1000 году произойдетъ свѣто-преставленіе. Въ то самое время, когда Абд-Эррахманъ III и Гакемъ II пили полною чашею всѣ наслажденія, доступныя смертному, сосѣди ихъ, предки нынѣшнихъ Французовъ, собирались хоронить заживо себя и все человѣчество, и весь грѣховный міръ. Не было у тогдашнихъ людей надежды впереди, не было и бодрости, не было, стало быть, и возможности дѣйствовать благоразумно и цѣлесообразно. Но 1000-ый годъ прошелъ безо всякаго особеннаго переворота, и въ это время, когда люди увидѣли необходимость жить и работать обыкновеннымъ порядкомъ, — было особенно полезно произнести громко и смѣло, пропѣть весело и увлекательно, на разные голоса и съ безчисленными варіаціями, великія и простыя слова: «я хочу жить». Эта мысль, засѣвши въ народную память и проникнувъ глубоко въ народное сознаніе, составила ту необходимую канву, по которой было вышито впоследствии много блестящихъ и превосходныхъ узоровъ. Я хочу жить... Мое желаніе совершенно естественно и нисколько не предосудительно... Я имѣю право жить... Я имѣю право украшать и разнообразить жизнь удовольствіями... Я имѣю право устраивать ее удобно и пріятно... Я имѣю право считать удобнымъ и пріятнымъ то, что *мнѣ* самому нравится... Я имѣю право размышлять о томъ, что можетъ доставить мнѣ удобства и пріятности... Я имѣю право размышлять обо всемъ... Вотъ какіе узорчики вышила по немногу человѣческая мысль на простой канвѣ, данной ей наивнымъ выраженіемъ того животнаго инстинкта, который называется чувствомъ самосохраненія.

Поэзія трубадуровъ была первымъ проблескомъ того умственнаго движенія, которое породило Лютера, а потомъ, разгораясь съ каждымъ десятилѣтіемъ сильнѣе и сильнѣе, проникло во всѣ сферы науки и жизни. Не трубадуры выдумали ту мысль, которая составляетъ основу ихъ поэзіи, но они прокричали, прозвонили эту мысль на всѣхъ перекресткахъ, а это — важная услуга. Началось же это веселое пробужденіе средневѣковаго человѣчества въ южной Франціи, потому что она лежитъ рядомъ съ Испаніею и потому что прелести поганнаго басурманства оказались ужъ черезчуръ соблазнительными. Веселый и легкомыс-

ленный тонъ пѣсенъ трубадуровъ не понравился безчисленнымъ представителямъ и агентамъ римскаго двора. Обскурантамъ было невыгодно, чтобы народъ веселился, потому что человѣкъ, подавленный горемъ и страхомъ, подчиняется суевѣрью гораздо полнѣе, чѣмъ человѣкъ, способный балагурить и смѣяться. Обскуранты стали тѣснить странствующихъ пѣвцовъ; стали гнѣваться; пѣвцы стали изподтипка мстить имъ насмѣшками. Народу пришлось такимъ образомъ колебаться между тѣмъ, чего онъ привыкъ бояться, и тѣмъ, что доставляло ему непосредственное удовольствіе. Такая борьба можетъ длиться цѣлыя столѣтія, но она всегда оканчивается побѣдою живаго инстинкта надъ искусственною привычкою: рано или поздно, люди непремѣнно идутъ не туда, куда имъ велѣно идти, а туда, куда ихъ тянетъ собственное желаніе. На легкія сатиры трубадуровъ и труверовъ, обскуранты отвѣчали часто палочными ударами и уголовными наказаніями; борьба, по видимому, была невыгодна для пѣвцовъ, но ихъ пѣсни, какъ дождевыя капли, медленно размягчали ту сухую кору, подъ которою долго были затаены живыя силы народнаго ума, и силы эти, подъ влияніемъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, наконецъ начали развертываться. Сатира, робкая и слабая въ своемъ младенествѣ, побѣдила своихъ сильныхъ и суровыхъ враговъ, хотя, разумѣется, ни трубадуры, ни тогдашніе агенты римскаго двора, ни тогдашній народъ не могли даже представить себѣ, что такая побѣда возможна.

Сатирическій характеръ, вкравшійся въ поэзію труверовъ и трубадуровъ, составляетъ, такимъ образомъ, вторую важную сторону ихъ историческаго значенія. Сначала трубадуръ говорилъ просто: «я хочу жить», но потомъ ему пришлось прибавить: «а вы книжники и фарисеи, не мѣшайте мнѣ жить.» Народъ слушалъ эти пѣсни, и его естественный здравый смыслъ подсказывалъ ему, сначала робко, а потомъ смѣлѣе и смѣлѣе, что въ желаніяхъ трубадура нѣтъ ничего предосудительнаго, хотя бы даже точно такія же желанія высказывались, по ту сторону пиренейскихъ горъ, смуглыми пѣвцами, принадлежащими къ европейской или къ арабской національности. Веселая поэзія просто душно и безсознательно стремилась сглаживать и смягчать тѣ международныя антипатіи, изъ которыхъ папскій обскурантизмъ старался, на противъ того, выковать себѣ надежное оружіе для истребленія всѣхъ иновѣрцевъ, еретиковъ и индифферентистовъ.

ХП.

Всѣ чудеса арабской роскоши были построены на прочномъ фундаментѣ глубокаго и многосторонняго знанія. Въ X и XI столѣтіи умствен-

ная дѣятельность кипѣла на всемъ пространствѣ тогдашняго магометанскаго міра. «Отъ предѣловъ Индіи и Татаріи, говоритъ Шлоссеръ, до внутренней Африки, Сициліи и Испаніи появился цѣлый рядъ разсадниковъ высшей образованности. Благодаря легкости сообщенія, они находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ и связи между собою. У аравитянъ уже въ самую славную эпоху Аббасидовъ (въ IX столѣтіи) были хорошія дороги съ каравансараями или гостинницами; въ пустыняхъ поддерживались источники, и еще со временъ халифа Муавія (661 — 680) были учреждены почты. Кромѣ того, правительство содержало цѣлыхъ казенныхъ курьеровъ, которые отправлялись черезъ каждые восемь или десять дней и проходили по десяти нѣмецкихъ миль въ сутки (по-семи-десяти верстъ). Частныя лица учились или преподавали по очереди въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ династій, и, не взирая на вражду между владѣтелями, великіе ученые находили повсюду почетъ и покровительство. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были устроены библіотеки, которыя своимъ богатствомъ могли поспорить съ новѣйшими. Повсюду проявлявшееся уваженіе къ образованію и учености содѣйствовало распространенію поразительной у магометанъ вѣротерпимости. Такъ, напримѣръ, почти всѣ придворные врачи были огнепоклонники, и той же религіи принадлежалъ и секретарь двухъ первыхъ эмировъ изъ фамиліи Буидовъ, не только писавшій всѣ ихъ декреты, но и завѣдывавшій ихъ частною корреспонденціею». (Всемир. ист. Т. V. Стр. 175, 176). «Вышія училища и обсерваторіи Бухары и Самарканда, говоритъ далѣе тотъ же историкъ, вошли въ сношенія съ учеными учрежденіями Александріи и Дамаска, и на основаніи ихъ наблюденій и вычисленій были составлены персидскія таблицы, оставшіяся краеугольнымъ камнемъ магометанской астрономіи до самаго пятнадцатаго вѣка». (Стр. 181). «Багдадскій халифъ Аль-Мамунъ (813 — 833), говоритъ Дреперъ, въ письмѣ къ византійскому императору Феофилу, выражалъ свое желаніе посѣтить Константинополь, если не встрѣтитъ препятствій со стороны своихъ общественныхъ обязанностей. Онъ просилъ его позволить греческому математику Льву пріѣхать въ Багдадъ, для того, чтобы подѣлиться съ нимъ, Аль-Мамуномъ, своими познаніями; халифъ обязывается притомъ своимъ честнымъ словомъ доставить ученаго обратно въ совершенной сохранности. «Пусть различіе религіи или національности, пишетъ онъ, не заставляеть васъ отвергнуть мою просьбу. Сдѣлайте то, въ чемъ дружба не отказала бы другу. Въ замѣнъ того, я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ». Феофиль угрюмо и дерзко отклонилъ эту просьбу, говоря, что ученость, прославившая римское имя, никогда не сдѣлается достояніемъ варвара». (Vol. II p. 39). Однако, *варвары*, при томъ же самомъ Мамунѣ, опередили грековъ въ астрономіи и геометріи, какъ это видно изъ ихъ тогдашнихъ

стараній опредѣлить математически величину земнаго шара. «Удивительное измѣреніе, говоритъ Шлоссеръ, градуса широты въ Санджарской пустынѣ было произведено въ присутствіи Мамуна извѣстными математиками, сыновьями Музы, Мухаммедомъ, Хосаиномъ и Ахмедомъ, и для точности повторено еще разъ. Мамунъ собралъ мастеровъ для изготовленія астрономическихъ инструментовъ и устроилъ въ Шемасіи, близъ Багдада, обсерваторію. Здѣсь было положено начало наблюденіямъ и вычисленіямъ, которыя впослѣдствіи провѣрялись и пополнялись во всѣхъ частяхъ средневѣковой имперіи аравитянъ. Они послужили для составленія тѣхъ таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, безъ которыхъ Кеплеръ и Ньютонъ не могли бы основать новѣйшей астрономіи». (Т. V. Стр. 199). «Въ то время, когда въ Римѣ, говоритъ Дренеръ, господствовало, во всей своей нелѣпости, мнѣніе о плоской формѣ земли, испанскіе арабы, въ своихъ элементарныхъ школахъ, преподавали географію *по глобусамъ*. Въ Африкѣ, въ каирской бібліотекѣ, магометане берегли, почти съ религіознымъ уваженіемъ, одинъ бронзовый глобусъ, который, какъ они думали, принадлежалъ нѣкогда великому астроному Птоломѣю.» (Vol. II р. 40.) «Въ то время, говоритъ Шлоссеръ, когда народы латинскаго племени не имѣли еще ни одной порядочной бібліотеки, и всего два университета, заслуживавшіе это имя, въ Испаніи считалось до семидесяти большихъ бібліотекъ, со многими тысячами томовъ, и до шестнадцати высшихъ учебныхъ заведеній.» (Т. V. Стр. 207.) «При каждой мечети, говоритъ Дренеръ, была устроена публичная школа, въ которыхъ *дѣти бѣдныхъ людей* учились читать и писать и знакомились съ предписаніями Корана. Для болѣе достаточныхъ классовъ существовали академіи, вмѣщавшія въ себѣ обыкновенно 25 или 30 отдѣленій, при чемъ каждое отдѣленіе было устроено для четырехъ студентовъ; вся академія находилась подъ управленіемъ ректора. Въ Кордовѣ, въ Гранадѣ и въ другихъ большихъ городахъ существовали университеты, которыми часто управляли евреи; магометане держались того правила, что дѣльная ученость человѣка имѣетъ болѣе важное значеніе для успѣхознаній, чѣмъ его личныя религіозныя мнѣнія... Въ университетахъ профессора изящной словесности читали лекціи о классическихъ арабскихъ произведеніяхъ; другіе преподавали риторику или пѣстику, или математику, или астрономію, или другія науки. Отъ этихъ учреждений заимствованы многіе обычаи, существующіе до сихъ поръ въ нашихъ коллегіяхъ. Въ началѣ учебнаго года, они, подобно намъ, устраивали торжественныя собранія, на которыхъ, въ присутствіи публички, читались поэмы и произносились рѣчи. Кромѣ этихъ обще-образовательныхъ училищъ, у нихъ были еще спеціальныя школы, въ особености для изученія медицины.» (Vol. II. р. 35.) «Многіе ученые посвящали себя основательному изученію языковъ; они составляли лексиконы

арабскіе, греческіе, латинскіе, еврейскіе; одинъ арабскій лексиконъ заключаетъ въ себѣ шестьдесятъ томовъ, потому что каждое слово поясняется цитатами изъ классическихъ арабскихъ писателей. Словарь Аль-Фараби, составленный въ началѣ одинадцатаго вѣка, до сихъ поръ считается у европейскихъ оріенталистовъ важнымъ пособіемъ при изученіи арабскаго языка, замѣчательнаго по своему богатству и по своей трудности.

Въ магометанской Испаніи образованіе распространялось и на женщинъ. «Замѣчательнымъ и неслыханнымъ явленіемъ у восточныхъ народовъ, говоритъ Шлоссеръ, было то, что у испанскихъ аравитянъ женщины также получали образованіе *въ учебныхъ заведеніяхъ*. Нѣкоторые изъ нихъ писали даже стихи, по которымъ учились въ школахъ и которые надписывались на стѣнахъ большаго дворца Абд-Эррахмана.» (Т. V. Стр. 112). Келамъ, любимая султанша Гакема II, извѣстна своими историческими и поэтическими сочиненіями; кромѣ того, намъ извѣстенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ испанско-арабскихъ писательницъ.» (Т. V. Стр. 206). Дреперъ изъ числа этихъ писательницъ называетъ Веладу, Аліешу, Лабану и Алгасанію; онъ прибавляетъ къ этому замѣчаніе, что нѣкоторые изъ нихъ были дочери халифовъ. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ Испаніи были женщины, занимавшіяся медициною и хирургіею; эти медики женскаго пола дѣлали надъ женщинами тѣ операціи, при которыхъ страдаетъ стыдливость пациентки. Объ этомъ говоритъ Дреперъ на стр. 38 втораго тома, ссылаясь при этомъ на свидѣтельство арабскаго врача, Альбукази, жившаго въ Кордовѣ.

По обширности своего распространенія и по своей энергіи, умственное движеніе, господствовавшее во всемъ магометанскомъ мірѣ отъ IX до XIII столѣтія, далеко превосходитъ все, что представляетъ намъ въ этомъ отношеніи классическая древность. У арабовъ не было, можетъ быть, такихъ титановъ, какъ Аристотель и Архимедъ, но за то, числомъ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ, разносторонностью ихъ трудовъ, практическимъ значеніемъ ихъ дѣятельности, обиліемъ ихъ открытій, арабы далеко оставили за собою древнихъ грековъ. Геніальный человекъ есть все-таки счастливая случайность. Рожденіе Аристотеля или Архимеда вовсе не зависѣло отъ тѣхъ общихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработались типическія особенности греческой цивилизаціи. Отецъ Архимеда могъ умереть въ молодыхъ лѣтахъ или жениться на какой нибудь дурѣ, и тогда легко могло бы случиться, что многія открытія, сдѣланныя Архимедомъ, были бы сдѣланы гораздо позднѣе, усиліями многихъ обыкновенныхъ работниковъ. Тогда не было бы того ослѣпительнаго блеска, который сосредоточивается вокругъ одного великаго имени; если мы, такимъ образомъ, размѣняемъ на мелкую монету всѣхъ великихъ людей древней Греціи, если мы оставимъ совершенно въ сторонѣ обаятельную красоту блестящихъ *личностей* и обратимъ все наше вниманіе исклю-

чительно на число вѣковъ и на массу сдѣланной *работы*, словомъ, если мы скажемъ: греческій міръ прожилъ столько-то временъ и принесъ столько-то прочной пользы, арабскій міръ прожилъ столько-то и принесъ столько-то, — то окажется въ результатѣ, что арабы прожили меньше, а сдѣлали больше.

Этотъ результатъ и показываетъ намъ, что энергія умственнаго движенія, находящаяся въ прямой связи съ обширностью его распространенія, въ арабскомъ мірѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ греческомъ. У грековъ была всего только одна яркая, свѣтящаяся точка — александрійскій музей; у арабовъ такія точки считаются десятками, и онѣ были разсыпаны на всемъ громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Татаріею и Атлантическимъ океаномъ. Каждая изъ этихъ точекъ была поменьше александрійскаго музея; но всѣ онѣ, въ общей сложности, были гораздо больше. Кроме того, десять небольшихъ ученыхъ обществъ гораздо лучше, чѣмъ одно большое. Одно общество, совершенно изолированное отъ другихъ, неизбежно погружается въ филистерство и превращается въ муравейникъ, въ которомъ отдѣльные муравьи славятъ и превозносятъ другъ друга. Является кумовство. «Кукушка хвалитъ пѣтуха, за то, что хвалитъ онъ кукушку.» При существованіи многихъ отдѣльныхъ обществъ, является, напротивъ того, живой обмѣнъ мыслей, бдительный контроль другъ надъ другомъ и сильное соперничество. Ученымъ некогда заснуть, потому что въ такомъ случаѣ они отстанутъ отъ общаго движенія идей, и ихъ закритикуютъ, не на животъ, а на смерть болѣе дѣятельные ученые, принадлежащіе къ другимъ обществамъ и, стало быть, не связанные съ лежебоками узами служебнаго кумовства. Наконецъ, для арабскихъ ученыхъ было чрезвычайно полезно то, что они принуждены были много путешествовать, чтобы учиться у знаменитыхъ профессоровъ, жившихъ въ различныхъ пунктахъ магометанскаго міра. Для умнаго, наблюдательнаго человѣка путешествіе полезнѣе многихъ десятковъ хорошихъ книгъ; путешествіе составляетъ превосходный противовѣсъ тому исключительно книжному и теоретическому направленію, въ которое очень легко и охотно вдаются ученые всѣхъ вѣковъ и народовъ. Во время своихъ путешествій, арабскіе ученые сталкивались съ людьми всякаго разбора, съ политиками, съ чиновниками, съ военными авантюристами, съ сельскими хозяевами; они приглядывались къ ихъ образу мыслей, къ ихъ нуждамъ, къ ихъ дѣловой смѣтливости, къ ихъ ремесленнымъ знаніямъ, и всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, всѣ эти соприкосновенія съ текущею жизнью вливали въ арабскую науку тотъ здоровый, практическій и прикладной характеръ, который рѣзко отличаетъ ее отъ науки древнихъ грековъ. Арабы писали много по статистикѣ, по топографіи, по агрономіи, по фармакологіи, по акушерству. Арабскіе ученые пользова-

лись уваженіемъ, не только со стороны правительства, но и со стороны народа.

Между магометанами всѣхъ сословій были въ ходу нѣкоторыя поговорки, ясно показывающія взглядъ народа на ученую дѣятельность. Напримѣръ: «чернила ученаго также драгоценны, какъ кровь мученика.» — «Рай принадлежитъ однаково тому, кто честно дѣйствовалъ перомъ, и тому, кто убить неприятельскимъ мечомъ.» — «Весь міръ держится на четырехъ вещахъ: на учености мудраго, на справедливости сильнаго, на молитвѣ добраго и на мужествѣ храбраго.» — Всѣмъ подобнымъ изрѣченіямъ арабы приписывали очень почтенное и даже полурелигіозное происхожденіе; они говорили, что такія слова произнесъ или какой нибудь великій халифъ, или какой нибудь личный другъ и товарищъ пророка. Зятю Магомета, халифу Али, приписывается много нравственныхъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ также относятся къ дѣятельности ученыхъ съ величайшимъ уваженіемъ. Напримѣръ: «Ученая знаменитость выше всѣхъ почестей.» — «Тотъ не умираетъ, кто отдаетъ жизнь наукѣ.» — «Величайшее украшеніе человѣка есть ученость.»

Арабскій народъ не осуждалъ своихъ Анаксагоровъ на смерть, не называлъ своихъ Демокритовъ сумасшедшими, не собирался побивать своихъ Эсхилловъ камнями и не подносилъ своимъ Сократамъ чаши съ ядомъ. Это обстоятельство дѣлаетъ одинаковую честь, какъ умному народу, такъ и практически-дѣльнымъ ученымъ. Связь между наукою и жизнью была у арабовъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ у грековъ, и этимъ объясняется значительная плодотворность арабской науки. Конечно, политическая жизнь арабовъ была совершенно неразвита, и наука нисколько не успѣла подчинить ее своему влиянію. Но спрашивается, гдѣ же и когда же она успѣла это сдѣлать? До сихъ поръ политика вездѣ шла оцупью и валила черезъ пень колоду. Ужъ не знаменитое ли англійское равновѣсіе трехъ властей составляетъ торжество науки? Такими торжествами лучше было бы и не хвастаться.

Еще въ одномъ отношеніи арабская цивилизація была счастливѣе греческой. У арабовъ гораздо меньше умственныхъ силъ превращалось въ пустоцвѣтъ. Живопись и скульптура для арабовъ были совершенно закрыты, потому что Коранъ строго запретилъ своимъ поклонникамъ изображать людей и животныхъ. Передовые люди очень скоро переросли Коранъ, но, такъ какъ художнику необходима публика и такъ какъ публика продолжала уважать книгу Магомета, то живописцамъ и скульпторамъ невозможно было распуścić крылья. Для украшенія стѣнъ и потолковъ употреблялись разныя фестоны, каемки и завитушки, извѣстные подъ названіемъ *арабесковъ*. Эта уцѣлѣвшая частица живописи была, очевидно, такъ узка и бѣдна, что сильные таланты никакъ не могли посвящать себя этой отрасли дѣятельности. Поэтому, тѣ пре-

красныя силы, которыя у Грековъ уходили въ пластическое искусство, у Арабовъ цѣликомъ сохранялись для науки. Если же мнѣ кто нибудь замѣтитъ, что великій художникъ, по самому складу своего ума и темперамента, не можетъ сдѣлаться великимъ ученымъ, то я, въ отвѣтъ на это неосновательное возраженіе, назову только два имени: Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело. Оба они принадлежатъ къ числу величайшихъ живописцевъ въ мірѣ, но первый былъ, кромѣ того, величайшимъ механикомъ и инженеромъ, а второй величайшимъ архитекторомъ своего времени. А въ архитектурѣ одною силою фантазія не много возьмешь. Дѣйствовать въ ней ощупью тоже невозможно. Тутъ надо все заранѣе вычислить, размѣрить и предусмотрѣть. Стало быть, если Микель-Анджело могъ быть великимъ въ архитектурѣ, то онъ могъ быть такимъ же великимъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ прикладной математики. О Леонардо-де-Винчи и говорить нечего. Дреперъ ставитъ его рядомъ съ Архимедомъ. Слѣдовательно, Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело совершили бы много великихъ подвиговъ въ наукѣ, если бы они не тратили своего драгоценнаго времени на картины и статуи. Запрещеніе Корана неразумно, въ этомъ никто несомнѣвается, но въ данномъ случаѣ оно принесло арабамъ пользу.

Въ заключеніе этой длинной главы объ арабской наукѣ, постараюсь представить короткій списокъ тѣхъ услугъ, которыя оказаны арабами европейской цивилизаціи. Само собою разумѣется, что въ этотъ списокъ войдутъ только такіе предметы, которыхъ значеніе будетъ совершенно понятно для читателя.

По математикѣ. Они ввели въ общее употребленіе тѣ цифры, которыя до сихъ поръ называются *арабскими*: самое слово цифра принадлежитъ арабскому языку. По арабски *цифра* значитъ пробѣлъ, пустое мѣсто. Этимъ именемъ арабы называли *нуль*, и у англичанъ слово *cipher* до сихъ поръ употребляется въ этомъ смыслѣ. Не самыя арабы выдумали эту нумерацію, но они заимствовали ее у индѣйцевъ и принесли ее въ Европу. Если хотите оцѣнить всю важность этой услуги, попробуйте сдѣлать *римскими* цифрами самое простое умноженіе или дѣленіе, тогда сами увидите и почувствуете. — Арабы создали *алгебру*, которая своимъ именемъ до сихъ поръ обнаруживаетъ свое арабское происхожденіе. Въ наше время открыта, правда, книга грека Діофанта, доказывающая, что алгебра родилась у грековъ, но очевидно, что на труды греческихъ математиковъ эта наука имѣла очень мало вліянія; стало быть, если арабы не сами создали первую мысль объ алгебрѣ, то во всякомъ случаѣ, они дали этой мысли полное и стройное научное развитіе.

По астрономіи. Мы уже видѣли выше, что астрономическія таблицы, составленныя арабскими учеными по вычисленіямъ и наблюденіямъ,

производившимся на арабскихъ обсерваторіяхъ, послужили основаніемъ для великихъ открытій Кеплера и Ньютона.

По механикѣ. Арабскій ученый Ибнъ-Юнисъ первый приложилъ математикѣ къ измѣренію времени.

По физикѣ. Аль-Газенъ положилъ основаніе современной оптики. Греки думали, что лучи свѣта выходятъ изъ нашего глаза и направляются къ тѣмъ предметамъ, на которые мы смотримъ. Аль-Газенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, доказалъ, что напротивъ того, лучи идутъ отъ свѣтящагося предмета къ глазу, что изображение предмета отпечатывается на сѣтчатой оболочкѣ, и оттуда, черезъ оптическій нервъ, впечатлѣніе передается мозгу. Тотъ же Аль-Газенъ знаетъ, что лучъ свѣта преломляется въ воздухѣ; онъ знаетъ далѣе, что плотность атмосферы возлѣ самой поверхности земли значительнѣе, чѣмъ въ отдаленіи отъ земли; онъ знаетъ, что плотность эта уменьшается, по мѣрѣ того, какъ разстояніе отъ земли увеличивается, и что, вслѣдствіе этого, лучъ свѣта, проходящій черезъ атмосферу, описываетъ кривую линію. Онъ измѣряетъ математически высоту атмосферы и находитъ, что она равняется $58\frac{1}{2}$ милямъ. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Рожеръ Беконъ, жившій въ XIII вѣкѣ, заимствовалъ всѣ свои оптическія открытія у Аль-Газена, а тамъ, гдѣ онъ расходится съ арабомъ, тамъ онъ начинаетъ врать.

По химіи. Джафаръ, жившій въ концѣ VIII столѣтія, открылъ селитрянную кислоту и царскую водку. До него люди не знали болѣе сильной кислоты, чѣмъ крѣпкій уксусъ. «Его имя, говоритъ Дренеръ, незабвенно въ химіи, потому что оно означаетъ собою въ развитіи этой науки эпоху одинаковой важности съ эпохою Пристли и Лавуазье.... Для насъ существованіе химіи безъ кислотъ совершенно невысказано.» (Vol. I. p. 398). Разесъ, въ IX столѣтіи, приготовилъ сѣрную кислоту. Бечиль добылъ фосфоръ.

По медицинѣ и хирургіи. Множество лекарственныхъ составовъ было впервые приготовлено арабскими аптекарями. Фармакологія до сихъ поръ употребляетъ много арабскихъ словъ, напримѣръ, сиропъ, ялапъ, элексиръ. Многія важныя операціи по хирургіи и по акушерству введены въ употребленіе арабами. Ножомъ и каленымъ желѣзомъ арабы дѣйствовали очень рѣшительно и искусно.

Наконецъ, надо назвать еще три открытія, имѣющія чрезвычайную важность для практической жизни: во-первыхъ—огнестрѣльное оружіе; во-вторыхъ—компасъ; въ-третьихъ—бѣлье. Мы привыкли думать, что порохъ выдуманъ нѣмцемъ, Бертольдомъ Шварцомъ, и что свойства намагниченной стрѣлки открыты въ итальянскомъ городѣ Амальфи, но Дренеръ утверждаетъ положительно, что и порохъ и компасъ созданы арабами. (Vol. I. p. 42). Употребленіе бѣлья было неизвѣстно древнему

міру. Полудикіе германцы также не имѣли о немъ понятія; они носили звѣриныя шкуры, а потомъ стали шить себѣ платье изъ выдѣланной кожи. Отсутствие бѣлья производило, разумѣется, значительную нечистоплотность, которая, въ свою очередь, вела за собою множество мучительныхъ накожныхъ болѣзней и, между прочимъ, знаменитую средне-вѣковую *проказу*. Выучивъ европейцевъ употреблять бѣлье, арабы оказали имъ неоцѣненную услугу. Въ европейскихъ языкахъ сохранились слѣды этого историческаго факта. Французскія слова *chemise* (рубашка) и *coton* (хлопчатая бумага) взяты изъ арабскаго языка.

ХІІІ.

Въ интеллектуальномъ отношеніи, вся исторія среднихъ вѣковъ представляетъ собою продолжительную, упорную, многосложную и разнообразную въ своихъ проявленіяхъ борьбу между римскимъ обскурантизмомъ и наукою. Я брошу теперь бѣглый взглядъ на нѣкоторые эпизоды этой интересной и чрезвычайно драматической борьбы.

Въ первой половинѣ X вѣка, одинъ юноша, воспитывавшійся въ орільякскомъ аббатствѣ, въ провинціи Оверни, обратилъ на себя вниманіе Бореля, графа барселонскаго. Отправляясь изъ Франціи въ сѣверную Испанію, принадлежавшую въ то время наслѣдникамъ Карла Великаго, Борель взялъ съ собою молодаго орільякскаго монаха, котораго звали Гербертомъ. Гербертъ сталъ учиться математикѣ, астрономіи и медицинѣ. Онъ отправился путешествовать по всей Испаніи, жилъ нѣсколько времени въ Кордовѣ, гдѣ царствовалъ тогда знаменитый халифъ Абд-Эррахманъ III, выучился арабскому языку, слушалъ лучшихъ тамошнихъ префессоровъ и на всю жизнь привязался всѣми силами своей страстной и даровитой природы къ той великой цивилизаціи, которая такъ великодушно приняла, обласкала и надѣлила полезными знаніями его, иностранца и иновѣрца. Изъ Испаніи онъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, Борелемъ, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ находился въ то время императоръ Оттонъ Великій. Гербертъ понравился Оттону, умѣвшему цѣнить въ людяхъ умственныя способности и основательныя знанія. Оттонъ сталъ давать Герберту нѣкоторыя порученія, требовавшія большаго искусства. Гербертъ исполнялъ ихъ безукоризненно и, въ награду за свою расторопность, былъ назначенъ аббатомъ въ Боббіо. Итальянскіе монахи не влюбили его, отчасти за то, что его назначилъ на это мѣсто нѣмецъ Оттонъ, отчасти оттого, что онъ самъ былъ родомъ французъ, воевалъ хлѣбъ соль съ магометанами и обладалъ такими знаніями,

о которыхъ монахи его боялись даже подумать. Разными ежедневными непріятностями почтенные иноки Боббіо такъ сѣумѣли насолить своему аббату, что тотъ бросилъ все и опростетью бѣжалъ изъ своего аббатства, сначала въ Римъ, а потомъ во Францію, въ городъ Реймсъ. Въ Реймсѣ существовало училище, основанное, вѣроятно, при Карлѣ Великомъ; тутъ преподавались не только богословіе и то, что называлось тогда философіею, но и кое-какія лохмотья реальныхъ наукъ. Гербертъ съ удовольствіемъ пристроился къ этому училищу, тѣмъ болѣе, что въ числѣ наставниковъ были честные и неглупые люди, которые добросовѣстно оцѣнили умъ, знаніе и усердіе скитающагося аббата. Архіепископъ реймскій, Адельберонъ, бывшій въ то время канцлеромъ французскаго короля, также полюбилъ Герберта и скоро назначилъ его директоромъ реймскаго училища. Гербертъ съ большою энергіею принялся за свое любимое дѣло, за распространеніе и оживленіе любви къ научнымъ занятіямъ. Онъ старался подѣлиться съ своими учениками всѣмъ, что онъ приобрѣлъ въ Испаніи. Онъ преподавалъ музыку, арифметику, геометрію, медицину, высшую грамматику, написалъ популярный учебникъ риторики, собиралъ вѣрные списки произведеній древнихъ писателей и распространялъ ихъ во множествѣ копій. Онъ ввелъ въ своемъ училищѣ употребленіе арабскихъ цифръ и сталъ преподавать географію по глобусу, вывезенному имъ изъ его возлюбленной Кордовы. Глобусъ возбуждалъ всеобщее удивленіе, но ни свѣтское, ни духовное начальство не мѣшало Герберту употреблять его при своемъ преподаваніи. Франція въ этомъ отношеніи была не такъ разборчива, какъ Италія. Въ Италіи глобусъ былъ бы непремѣнно запрещенъ, какъ басурманское нововведеніе, совершенно несогласное съ мыслями Августина и Лактанція о видѣ земли и о невозможности антиподовъ. Но и въ Реймсѣ на Герберта смотрѣли съ какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ, похожимъ на страхъ. О немъ сохранились слухи, что онъ смотрѣлъ на звѣзды черезъ какія-то особенныя трубы, что онъ соорудилъ часы, что онъ придумалъ органъ, приводившійся въ движеніе посредствомъ пара.

Всѣмъ средневѣковымъ ученымъ приписывалось обыкновенно такое множество изумительныхъ изобрѣтеній, у каждаго изъ этихъ людей ихъ современники видѣли столько небывалыхъ и даже невозможныхъ снарядовъ, инструментовъ и машинъ, что, читая подобные рассказы, историкъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается игра воображенія. Иное, пожалуй, и возможно, но было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, это рѣшить очень мудрено. На счетъ Герберта достовѣрно, во всякомъ случаѣ, то, что, живя въ Реймсѣ, онъ сильно подѣйствовалъ на умы своихъ современниковъ.

При вступленіи на престолъ Гуго Капета, французское духовенство, начинавшее уже сознавать свою національную самостоятельность, мо-

вздорило съ папою, желавшимъ, по обыкновенію, вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ католическихъ государствъ. Епископъ орлеанскій произнесъ очень смѣлую рѣчь на соборѣ французскаго духовенства въ Реймсѣ. Рѣчь эта была написана Гербертомъ, скромнымъ и ученымъ директоромъ реймскаго училища. Въ этой рѣчи заключались сильныя упреки противъ римскаго невѣжества: «Нѣтъ въ Римѣ ни одного человѣка, говорилъ епископъ,—это извѣстно,—который бы обладалъ достаточными свѣдѣніями, чтобы быть порядочнымъ привратникомъ. Съ какого же права осмѣливается учить другихъ тотъ, кто самъ ничему не учился?» Словомъ *тотъ* обозначается здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ папа; отъ папы требуютъ отчета въ его знаніяхъ; о папѣ говорятъ, что онъ не годится въ дворники; что же это такое? Реформація, что-ли, совершилась въ X столѣтіи? ничуть не бывало. Эту еретическую хулу, за которую, въ теченіе многихъ послѣдующихъ столѣтій, перевѣшали, перерѣзали и изжарили тысячи простодушныхъ и откровенныхъ людей, эту самую хулу, говорю я, произносить публично, въ торжественномъ собраніи католическаго духовенства, католическій прелать, единственно потому, что того требовали въ данную минуту политическіе интересы. А Гербертъ, разумѣется, съ величайшею радостью становится адвокатомъ этихъ минутныхъ интересовъ, потому что онъ находитъ здѣсь удобный случай высказать вслухъ всему католическому міру такіа истины, которыя, во всякое другое время, непременно подвели бы неосторожнаго обличителя подъ уголовный судъ, въ тюрьму и, можетъ быть, на костеръ. Далѣе слѣдуютъ истины, еще менѣе способныя доставить папѣ удовольствіе: «Если бы посланники короля Гуго могли дать взятку папѣ и Кресценцію, то дѣло короля приняло бы совершенно другой оборотъ.» Потомъ говорится подробно о томъ, какъ папы взаимно другъ друга истребляли. «И неужели такимъ людямъ, спрашиваетъ епископъ, наполненнымъ всякою скверною и лишеннымъ всякихъ познаній человѣческихъ и божественныхъ, неужели имъ должны подчиняться всѣ служители церкви, люди, извѣстные всему міру обширностью своей учености и святостью своей жизни? Первосвященникъ, который, такимъ образомъ, грѣшитъ противъ своего брата и, при увѣщаніи, не хочетъ слушать голоса совѣта,—становится мытаремъ и грѣшникомъ.» Далѣе, на счетъ папы предлагается вопросъ: «не есть ли онъ антихристъ?» Папу называютъ «человѣкомъ грѣха» и «пучиною беззаконія.»—Епископъ бросаетъ общій взглядъ на положеніе всего историческаго міра и бьетъ папство по самымъ больнымъ его мѣстамъ. «Римъ, говоритъ онъ, уже давно потерялъ всякое вліяніе на Востокѣ. Александрія и Антиохія, Африка и Азія оторваны отъ него; Константинополь прервалъ съ нимъ сношенія; средина Испаніи понятія не имѣетъ о папѣ.»

Злѣйшій врагъ католичества не могъ бы нанести ему болѣе чув-

ствительныхъ ударовъ, чѣмъ тѣ, которые наносятъ ему здѣсь епископъ орлеанскій; что Гербертъ написалъ такую рѣчь, это вовсе не удвигательно; но что ее рѣшился произнести на соборѣ прелать, не жившій никогда въ магометанской Испаніи и не вынесшій оттуда непримиримой ненависти къ невѣжеству и обскурантизму—это въ высшей степени замѣчательный фактъ, объясняющійся только тѣмъ общеизвѣстнымъ явленіемъ, что, при всѣхъ семейныхъ раздорахъ, именно самые близкіе родственники выкапываютъ обыкновенно самыя позорныя кучи домашней грязи, такія кучи, которыхъ посторонніе люди, быть можетъ, и не стужбли бы отыскать. Всѣ знали, кѣмъ была написана рѣчь, произнесенная епископомъ орлеанскимъ; это обстоятельство такъ сильно выдвинуло Герберта впередъ, что онъ, почти тотчасъ послѣ собора, получилъ санъ архіепископа реймскаго. Но, въ тоже время, онъ, естественнымъ образомъ, навлекъ на себя непримиримую ненависть папы и всѣхъ его корыстныхъ и безкорыстныхъ обожателей. Вслѣдствіе этого, положеніе Герберта, какъ архіепископа реймскаго, было очень шатко и двусмысленно. Строгіе католики смотрѣли на него, какъ на еретика и узурпатора. Гербертъ старался пріобрѣсти себѣ любовь и довѣріе подчиненнаго ему духовенства, относясь кротко и снисходительно къ тѣмъ естественнымъ стремленіямъ человѣческой природы, съ которыми постоянно боролись фанатики и противъ которыхъ декламировали лицемеры. «Я не запрещаю брака, говорилъ онъ. Я не осуждаю вторичныхъ браковъ. Я не порицаю тѣхъ, которые ѣдятъ мясо.»

Эта политика Герберта была очень искусна, и для католической церкви спокойное обсужденіе вопроса о бракѣ духовныхъ лицъ было въ то время особенно необходимо, потому что до временъ Григорія VII, занимавшаго папскій престолъ въ концѣ XI вѣка, этотъ вопросъ былъ еще не рѣшенъ. Было бы, вѣроятно, гораздо лучше для всего католическаго міра, если бы этотъ важный вопросъ рѣшился въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Гербертъ. Но не въ эту сторону направлялось общее теченіе тогдашнихъ идей и событій. Благоразуміе было ненавистно тогдашнимъ людямъ, именно потому, что оно—благоразуміе и что, вслѣдствіе этого, оно противоположно, съ одной стороны, всѣмъ беспорядочнымъ взрывамъ чувства, страсти и фантазіи, а съ другой стороны, финансовымъ интересамъ тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ обращать эти взрывы въ источники не малыхъ доходовъ. Герберту не могла никакая политическая мудрость. Папа торжественно запретилъ ему отправлять архіепископскія обязанности. Папскій легатъ, Левъ, произнесъ по этому случаю любопытную рѣчь, которая должна была служить противоядіемъ знаменитой рѣчи епископа орлеанскаго.

«Викаріи Петра и ихъ ученики, говорилъ онъ между прочимъ, не хотятъ имѣть своими учителями Платона, Виргилія, Теренція и все

остальное стадо философовъ, которые носятя въ высотѣ, подобно птицамъ воздушнымъ, и погружаются въ глубину, подобно рыбамъ морскимъ; и вслѣдствіе этого, вы говорите, что они недостойны быть привратниками, потому что не обладаютъ искусствомъ писать стихи. Петръ, дѣйствительно, привратникъ, но привратникъ неба». Что папа беретъ взятки, этого легатъ нисколько не отрицаетъ, но онъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. «Развѣ, спрашиваетъ онъ, Спаситель не принялъ приношенія волхвовъ?» Онъ также нисколько не сомнѣвается въ дѣйствительности преступленій, совершенныхъ папами; онъ не хочетъ только, чтобы эти преступленія выводились на свѣтъ. «Хамъ, говоритъ онъ, былъ проклятъ за то, что открылъ наготу отца своего.»

Разсужденія краснорѣчиваго легата Льва до такой степени понравились его слушателямъ, что Гербертъ не нашелъ себѣ въ нихъ никакой поддержки. Онъ сложилъ съ себя санъ архіепископа и удалился въ Германію, ко двору малолѣтняго короля Оттона III. Тамъ онъ сдѣлался наставникомъ Оттона, сталъ заниматься научными опытами и наблюденіями, и далъ своему воспитаннику образованіе, блистательное для тогдашняго времени. Въ 996 году, шестнадцатилѣтній король Оттонъ, пылкій, честолюбивый и образованный, пошелъ съ войскомъ въ Италію, чтобы утвердиться въ Римѣ и уничтожить тамошнюю кровавую неурядицу. Гербертъ находился въ свитѣ Оттона и, въ качествѣ его бывшаго наставника, пользовался особеннымъ уваженіемъ и дружбою молодого короля. Въ 998 году, Оттонъ сдѣлалъ Герберта архіепископомъ равенскимъ; а на слѣдующій годъ, по смерти папы Григорія V, Гербертъ, по приказанію своего бывшаго воспитанника, вступилъ на папскій престоль, подъ именемъ Сильвестра II.

Это явленіе было въ высшей степени оригинально. Папою сдѣлался тотъ самый человекъ, котораго вся Европа знала, какъ умнѣйшаго и опаснѣйшаго противника папства и клерикальной политики. Всѣ свои духовныя должности Гербертъ занималъ постоянно независимо отъ духовенства, и наперекоръ его желаніямъ. Аббатомъ въ Боббіо его назначилъ Оттонъ I; архіепископомъ реймскимъ — Гуго Капетъ; архіепископомъ равенскимъ — Оттонъ III; наконецъ на папскій престоль его посадилъ тотъ же Оттонъ III. Но изъ Боббіо и изъ Реймса его вытѣснили интриги клерикаловъ; изъ Равенны его не успѣли вытѣснить отчасти потому, что онъ пробылъ тамъ недолго, а отчасти потому, что Оттонъ былъ въ это время въ Италиі, и не любилъ шутить съ тѣми людьми, которые не хотѣли ему повиноваться. Наконецъ Гербертъ сдѣлался главою католическаго міра, а Оттонъ все-таки продолжалъ жить въ Италиі, такъ что каждое слово новаго папы почерпало себѣ силу и обязательный авторитетъ изъ присутствія нѣмецкой арміи.

Можно было ожидать важныхъ преобразованій въ управленіи церкви и во всемъ строѣ тогдашняго общества. Оттонъ былъ молодъ, уменъ, полонъ энергіи; замыслы его были очень широки, и чрезмѣрная крутость его характера, проявившаяся въ его поступкахъ съ возмущившимися римлянами, начинала смягчаться, по мѣрѣ того, какъ онъ становился опытнѣе и разсудительнѣе. Папа и императоръ были воодушевлены одинаковыми стремленіями: оба ненавидѣли невѣжество и презирали испорченность тогдашняго духовенства; ихъ соединенныя усилія могли, повидимому, сдѣлать много добра. А между тѣмъ, всѣ ихъ прогрессивныя желанія пропали даромъ. Итальянцы ненавидѣли ихъ обоихъ, какъ иностранцевъ, а нѣмцы обижались тѣмъ, что ихъ король Оттонъ живетъ въ Италіи, а не въ Германіи. Оттону надо было постоянно то ублажать своимъ присутствіемъ ревнивыхъ и любящихъ нѣмцевъ, то укрощать, также своимъ присутствіемъ, шаловливыхъ и ненавидящихъ итальянцевъ. Такъ онъ и мыкался постоянно между Италіею и Германіею, не успѣвая принести существенной пользы ни той, ни другой странѣ. А совершенно отказаться отъ Италіи было невозможно, не говоря уже о томъ, что честолюбіе молодого короля не позволяло ему поступить такимъ образомъ. Отказаться отъ Италіи значило отдать папство въ руки всякихъ негодяевъ, въ родѣ Альбериха, Кресценція, Марозіи, Теодоры и разныхъ другихъ продуктовъ тогдашней итальянской жизни. Опять пошла бы та же исторія: этого задушили, другаго изуродовали, третьяго уморили голодомъ и такъ далѣе. А такія событія, совершающіяся надъ главою церкви, производили болѣзненное потрясеніе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ тогдашней Европы, и потому было не все равно, кто сидитъ на папскомъ престолѣ, и кто управляетъ дѣйствіями папы. Папа, находящійся въ рукахъ какого нибудь Кресценція могъ своею подкупностью и своими недобросовѣстными дѣйствіями возбуждать смуты и междоусобія войны и въ Германіи, и въ Англій, и во Франціи. Стало быть, Оттона и его преемниковъ невозможно осуждать за то, что они всѣ непремѣнно лѣзутъ въ Римъ за императорскою короною, и стараются, во что бы то ни стало, утвердиться въ Римѣ силою оружія. Они ни подъ какимъ видомъ не могли разойтись съ папствомъ полюбовно; надо было или подчинить папство, или покориться ему. А когда человѣку приходится такимъ образомъ быть непремѣнно или наковальнею, или молоткомъ, тогда отъ него невозможно требовать, чтобы онъ добровольно выбралъ себѣ пассивную роль наковальни. Такая травоядная кротость составляетъ очень жалкую добродѣтель, какъ въ частномъ человѣкѣ, такъ тѣмъ болѣе въ историческомъ дѣятелѣ.

Пока Оттонъ мыкался между Италіею и Германіею, Сильвестръ II держался кое-какъ въ Римѣ, благодаря тому страху, который чувствовали римляне передъ именемъ молодого и энергическаго императора.

Но прозводить какія нибудь рѣшительныя преобразованія, какія нибудь значительныя передвиженія въ личномъ составѣ высшаго итальянскаго духовенства — объ этомъ, до поры до времени, нечего было и думать. Дѣйствовать на проломъ было неудобно. Во-первыхъ, результаты такихъ дѣйствій обыкновенно бывають очень непрочны и не окупають собою сдѣланныхъ усилій. А во-вторыхъ, вниманіе Оттона и силы его монархіи не могли постоянно сосредоточиваться на римскихъ дѣлахъ. Поэтому Сильвестръ рѣшился сначала осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, узнать характеръ окружающихъ людей и разъяснить себѣ игру тѣхъ многосложныхъ страстей и интересовъ, которые опутывали со всѣхъ сторонъ папское могущество. Но итальянцы не долго позволили Сильвестру предаваться этимъ предварительнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1002 году умеръ Оттонъ III, а вслѣдъ за нимъ скончался и папа. Оба умерли въ Италіи, и есть сильныя основанія думать, что оба умерли отъ яда. Клерикальная партія, то есть, почти все духовенство, черное и бѣлое, продолжала ненавидѣть Герберта и въ то время, когда онъ былъ уже Сильвестромъ II. Клерикалы очень хорошо умѣють сами различать въ папѣ—человѣка, и человѣкъ никакъ не становится для нихъ священнымъ съ той минуты, какъ онъ надѣваетъ тіару, не смотря на то, что тѣже клерикалы требуютъ отъ всѣхъ другихъ людей безусловнаго уваженія къ папѣ, совершенно независимо отъ его личныхъ достоинствъ. Тѣже самые клерикалы, которые, голосомъ легата Льва, указывали на поступокъ Хама и на послѣдствія этого поступка, тѣже самые клерикалы очень усердно стали открывать наготу отца своего, когда отцомъ ихъ сдѣлался человѣкъ, ненавистный имъ по своимъ познаніямъ и по своему взгляду на вещи. Духовенство постаралось распустить о папѣ Сильвестрѣ, по всей Европѣ, самые нелѣпыя слухи, рассчитанные на то, чтобы возбудить въ народѣ недовѣріе и ненависть къ главѣ католической церкви. Тутъ пошла въ ходъ даже клевета, а не только раскрываніе наготы. Простодушнымъ горожанамъ и поселеннымъ тогдашней Европы стало доподлинно извѣстно, что въ самой затаенной комнатѣ римскаго дворца запрятанъ у папы карликъ, видомъ безобразный, и что сидитъ въ томъ карликѣ нечистая сила; и что носить тотъ карликъ сараинскую чалму; и что есть у него кольцо, которое дѣлаетъ его невидимымъ; а другіе на это возражали, что это неправда, и что кольцо у него на то, чтобы являться разомъ въ двухъ мѣстахъ, въ одно и то же время; потомъ рассказывали, что въ глухую полночь слышались часто странные звуки изъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ никого, кромѣ папы, не было. И соображали доморощенные мыслители, что мудренаго тутъ ничего нѣтъ, и что этого всегда слѣдовало ожидать, потому что не даромъ же папа жилъ въ Испаніи съ погаными нехристями; тамъ онъ запродавъ сатанѣ свою душу, съ тѣмъ

условіемъ, чтобы сатана сдѣлалъ его главою христіанской церкви; теперь условіе выполнено, и пришла пора окончательнаго разчета. Поэтому, вѣроятно, папа и воетъ по ночамъ, стараясь отбиться отъ нечистой силы. Да, говорили съ таинственнымъ видомъ глубокомысленные монахи: «*homagium diabolo fecit et male finivit*» (покорился дѣволу и пришелъ къ худому концу).

Такъ жилъ, такъ умеръ и такъ поминался своими современниками одинъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ нашей цивилизаціи. Извѣстное дѣло: ласточка еще не приводитъ съ собою весну, но настоящая ласточка, птица, и не прилетаетъ въ наши края тогда, когда весна еще не установилась. Въ мірѣ людей дѣло другое: тутъ случается очень часто, что неосторожная ласточка прилетаетъ слишкомъ рано изъ теплаго климата и терпитъ холодъ и голодъ въ той негостепріимной странѣ, гдѣ ей приходится жить. За то въ мірѣ людей такія ласточки, своимъ раннимъ появленіемъ и своими страданіями, дѣйствительно ускоряютъ наступленіе той весны, которая должна пригрѣть и накормить ихъ отдаленныхъ потомковъ.

XIV.

Начавшись въ X вѣкѣ, вліяніе арабской цивилизаціи на Европу постоянно и быстро усиливалось въ теченіе трехъ послѣдующихъ столѣтій. Арабская философія незамѣтно разливалась во всѣ стороны по тѣмъ неуволнимо тонкимъ каналамъ, по которымъ всегда проходитъ успѣшно всякая идея, заключающая въ себѣ зародышъ новой исторической жизни. Европейская мысль начинала шевелиться, и ея первое пробужденіе выразилось въ разсужденіяхъ о религіозной догматикѣ.

Не трудно понять, почему умственные силы мыслящихъ людей направились прежде всего именно въ ту область, въ которой умъ всегда оказывается безсильнымъ. Во-первыхъ, всѣ люди, имѣвшіе возможность и желаніе заниматься размышленіями, принадлежали въ то время къ духовному сословію. Во-вторыхъ, теологія поглощала въ то время всѣ науки; ни о солнцѣ, ни о лунѣ, ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животныхъ, ни о людяхъ, рѣшительно ни о чемъ нельзя было размышлять серьезно, не сталкиваясь, такъ или иначе, съ теологіею, и не чувствуя надъ собою ея вліянія. Вопросы, которые теперь рѣшаются посредствомъ телескопа, микроскопа, химическаго анализа или анатомическаго ножа, рѣшались въ то время безусловно и безапелляціонно приговоромъ папы или собора. Мыслящіе люди занялись теологіею просто потому, что

кроме теологии в умственной жизни тогдашней Европы не было решительно никакого содержания. А как только начались серьезные размышления о догматикѣ, такъ начались немедленно и тѣ разногласія, которыя на языкѣ клерикаловъ называются ересями.

Теоретическія мнѣнія средневѣковыхъ еретиковъ и возраженія ихъ противниковъ для насъ нисколько не интересны, но появленіе ересей очень важно, какъ барометрическое указаніе на положеніе умственной погоды; исторія нѣкоторыхъ ересей также очень интересна, потому что въ нихъ можно разглядѣть, каковы были характеры, умы, страсти и взаимныя отношенія тогдашнихъ людей, корпорацій и народныхъ массъ. Еретикомъ назывался въ средневѣковой Европѣ такой человекъ, который имѣлъ противъ себя матеріальную силу, а за себя—свое личное убѣжденіе, неспособное избавить его ни отъ тюрьмы, ни отъ плетей, ни отъ костра. Личное убѣжденіе, противоположное мнѣніямъ сильныхъ людей и большинства, можетъ возникнуть только путемъ размышленія; а такое размышленіе, которое заставляетъ человека идти въ тюрьму или на смерть, возможно только тамъ и тогда, гдѣ и когда существуетъ уже сильное умственное движеніе. Вотъ это я и называю барометрическимъ указаніемъ. Какъ держитъ себя одинокая личность, вооруженная только силою индивидуальнаго убѣжденія, какъ смотритъ на эту личность общество, какъ ведутъ себя въ отношеніи къ ней представители матеріальной силы—все это очень интересно для характеристики данной эпохи.

Въ половинѣ XI столѣтія, Беренгаръ Турскій началъ разсуждать о таинствѣ пресуществленія. Его разсужденія очень не понравились духовенству. На нѣсколькихъ соборахъ они были объявлены еретическими, и наконецъ, второй латеранскій соборъ, при папѣ Николаѣ II, предложилъ Беренгару выбрать одно изъ двухъ: или смерть, или отрѣченіе. Беренгаръ доказалъ своимъ выборомъ, что онъ человекъ очень неглупый. Онъ отрекся отъ своей ереси, но какъ только гроза прошла мимо, онъ тотчасъ снова сталъ разсуждать и учить по прежнему. На него опять посыпались благонамѣренные доносы, и дѣло его на этотъ разъ могло придти къ очень дурному концу, потому что онъ оказался уже нераскаяннымъ и неисправимымъ еретикомъ. Во второй разъ ему врядъ ли предложили бы выборъ. Но, къ счастью его, на папскомъ престолѣ сидѣлъ въ то время Григорій VII, и,—о ужасъ!—этотъ знаменитѣйшій изъ папъ самъ сочувствовалъ еретическимъ мнѣніямъ Беренгара. Григорій взялъ еретика подъ свое покровительство. Для большей убѣдительности, Григорій выдумалъ даже, будто онъ видѣлъ видѣніе и будто сама Пресвятая Дѣва являлась ему, чтобы засвидѣтельствовать справедливость мнѣній Беренгара. Клерикалы сами очень часто опирались на видѣнія, какъ на уважительное и надежное доказательство. Они

обязаны были вѣровать въ подлинность видѣнія и теперь, тѣмъ болѣе, что о видѣніи говорилъ самъ папа, и притомъ папа Григорій VII, лучший и непоколебимѣйшій защитникъ папства. Однако вышло иначе. Клерикалы оказались скептиками, и когда разгорѣлась борьба между Григоріемъ VII и германскимъ королемъ Генрихомъ IV, соборъ нѣмецкихъ епископовъ проклялъ папу, какъ приверженца беренгаровской ереси, и какъ колдуна.

Оказывается, такимъ образомъ, что непогрѣшимость папы никогда не была серьезнымъ дѣломъ для самихъ клерикаловъ. Какъ только папа дѣлалъ не то, чего имъ хотѣлось, такъ сейчасъ являлась критика его поступковъ, и, вслѣдъ за критикою, клевета, къ которой клерикалы обращались всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Но Беренгара имъ такъ и не удалось изжарить. Въ XII столѣтіи имъ пришлось испытать еще болѣе жестокаго огорченія. Число училищъ быстро увеличивалось. «Изъ этихъ заведеній XI и XII вѣка, говоритъ Шлоссеръ, особенно часто упоминаются школы въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнѣ, Камбрѣ, Суассонѣ, Шалонѣ-на-Марнѣ, Амьенѣ и Аррасѣ, но самыми знаменитыми изъ нихъ были школы въ Люттихѣ, Безансонѣ, Шартрѣ, Орлеанѣ и Парижѣ. Кромѣ того, называютъ школы въ Мецѣ, Турѣ, Верденѣ, Санѣ, Буржѣ, Пуатье и Анжерѣ. Въ Германіи въ то же время славились училища въ Кельнѣ, Майнцѣ, Падерборнѣ и Брауншвейгѣ.» (Т. VI. Стр. 352).

Но вся премудрость всѣхъ этихъ училищъ не удовлетворяла горячей любознательности тогдашнихъ передовыхъ умовъ. Неодолимая сила танула ихъ на самый далекій западъ, въ университеты магометанской Испаніи, и эта притягательная сила съ каждымъ годомъ становилась значительнѣе и дѣйствовала успѣшнѣе. То, что во время Герберта было единичнымъ случаемъ, обратилось понемногу почти въ общее правило. Петръ Достопочтенный, аббатъ монастыря Ключни, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Кордовѣ, и не только выучился превосходно говорить по арабски, но даже перевелъ Коранъ на латинскій языкъ.

На этотъ послѣдній фактъ стоитъ обратить вниманіе. Духовное лицо, пользовавшееся важнымъ значеніемъ, безукоризненною репутаціею и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ современниковъ, переводить ту ужасную книгу, на которой основана вся религія поганыхъ басурмановъ, самыхъ опасныхъ враговъ христіанства. Значить, уже въ XII столѣтіи были въ Европѣ люди, способные смотрѣть на чужую религію безъ фанатической ярости, и способные изучать каноническія книги этой религіи просто и спокойно, какъ важный историческій фактъ, имѣвшій огромное вліяніе на судьбу многихъ милліоновъ людей.—Этотъ Петръ Достопочтенный говоритъ, что во время пребыванія его въ Испаніи, тамошніе университеты были наполнены духовными лицами, пріѣхав-

шими изъ разныхъ государствъ Европы, чтобы понабраться всякой премудрости отъ магометанскихъ ученыхъ. Между прочимъ, было много англичанъ, прилежно изучавшихъ астрономію. Въ XII вѣкѣ, умственные занятія становятся уже для многихъ европейцевъ насущною потребностью. Появляются уже такіе люди, которые блѣднѣютъ, сохнутъ, сходятъ съ ума надъ книгами, и за книжныя идеи, безъ страха и безъ сожалѣнія, отдають свою жизнь. Бесплодны и неумѣстны были многія усилія этихъ людей, мечтательны и неосуществимы ихъ стремленія, узокъ горизонтъ ихъ мысли, но велика и безкорыстна была ихъ любовь къ истинѣ, тревожно и неутомимо ихъ исканіе, неукротима и непоколебима ихъ желѣзная воля. Это были въ самомъ дѣлѣ мученики; они, въ теченіе всей своей жизни, сжигали въ упорномъ и бесплодномъ трудѣ свои великія умственные силы, и все для того, чтобы, рано или поздно, столкнуться съ римскимъ обскурантизмомъ и разлетѣться въ дребезги отъ этого столкновенія.

Для насъ, для людей, уже имѣющихъ возможность трудиться и бороться за истину совершенно сознательно, для насъ должны быть дороги и священны всѣ ошибки, всѣ мучительныя разочарованія, всѣ бесплодныя усилія, всѣ умственные, нравственные и физическія томленія, даже всѣ непроходимыя глупости честныхъ, великихъ и уже забытыхъ работниковъ мысли, изнывавшихъ среди безсмыслицъ средневѣковой Европы. Мы должны всегда помнить, что жизнь, по выраженію Некрасова, «жертвъ искупительныхъ просить». Для того, чтобы одинъ человѣкъ открылъ плодотворную истину, надо, чтобы сто человѣкъ испепелили свою жизнь въ неудачныхъ поискахъ и печальныхъ ошибкахъ. Если бы средневѣковые философы не бродили ощупью, то европейцамъ XIX столѣтія приходилось бы и бродить, и витать, и пробовать надъ каменною стѣною крѣпость человѣческаго черепа. А что любовь къ истинѣ и жажда знанія не угасли среди неудачъ и насмѣшекъ, подъ гнетомъ невыносимой скуки тогдашнихъ философствованій и подъ ударами разъяреннаго невѣжества, что эта любовь и эта жажда напротивъ того, разгорались сильнѣе послѣ cadaго новаго пораженія, — это можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за несокрушимую живучесть и блестящую будущность европейской цивилизаціи.

Однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ двигателей просвѣщенія въ XII вѣкѣ былъ Петръ Абеляръ, знаменитый и несчастный любовникъ знаменитой и несчастной Элоизы. У этихъ двухъ людей любовь къ умственной дѣятельности и желаніе разливать вокругъ себя знанія доходили не до страсти — это выраженіе слишкомъ слабо — а до изступленія, до бѣшенства, до неизлечимой мономаніи. И эта нервная болѣзнь дѣйствовала заразительно на тѣхъ людей, которые приходили съ ними въ близкое соприкосновеніе. Конечная цѣль умственной дѣятельности была для

нихъ неясна, но за то пылъ ихъ страсти былъ неукротимъ. Они учились сами и вовлекли въ ученіе другихъ, потому что безъ этой работы они не могли жить. Элоиза получила образованіе въ Аржантельскомъ монастырѣ. «Она познакомилась тамъ, говоритъ Шлоссеръ, не только съ священнымъ писаніемъ и сочиненіями отцовъ церкви, музыкой и церковнымъ пѣніемъ, но изучала также хирургию и медицину, потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять недостатокъ врачей.» (Т. VI. Стр. 352).

Въ магометанской Испаніи, какъ я говорилъ выше, женщины также занимались медициною и хирургіею; мы видимъ такимъ образомъ, что уже очень давно затаился въ челоуѣчествѣ зародышъ того разумнаго взгляда на образованіе и трудъ женщины, за который принуждены бороться до сихъ поръ всѣ здравомыслящіе люди обоого пола. И гдѣ же мы находимъ этотъ зародышъ? Съ одной стороны, у магометанъ, которыхъ мы привыкли осуждать свысока за ихъ гаремы; съ другой стороны у европейцевъ XII вѣка, надъ которыми мы привыкли смѣяться за ихъ безчисленные предрасудки. Кажется, именно имъ, магометанамъ и средневѣковымъ католикамъ, слѣдовало бы возставать съ особеннымъ неистовствомъ противъ женскаго труда и противъ всякаго соприкосновенія женщинъ съ областью реального знанія. А выходитъ совсѣмъ напротивъ, такъ что многіе изъ нашихъ домашнихъ мыслителей могли бы позаимствовать себѣ болѣе разумный взглядъ на женщинъ у аржантельскихъ монахинь и кордовскихъ многоженцевъ.

«Она (т. е. Элоиза), продолжаетъ Шлоссеръ, возвратилась въ Парижъ, въ домъ своего дяди Фульберта, цвѣтущей восемнадцатилѣтней красавицей. Въ то время Абельяръ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ Парижѣ и, какъ самъ говоритъ, получалъ много денегъ. Элоиза также желала слушать его уроки, и Фульбертъ, прельстившись деньгами, принялъ его къ себѣ на житье и совершенно предоставилъ ему воспитаніе племянницы. Элоиза выучилась у него греческому и еврейскому языкамъ, но особенно первому, которымъ, какъ положительно извѣстно, Абельяръ обладалъ вполне. Старый подлець Фульбертъ съ самаго начала подготовилъ весь романъ, разыгравшійся между несчастными молодыми людьми, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сталъ имъ же мстить за то, что было единственнымъ послѣдствіемъ его собственной гнусности и глупости. Такая молодая дѣвушка, которая, на двадцатомъ году своей жизни, учится и выучивается читать въ подлинникъ Аристотеля, разумѣется, должна влюбиться до безумія въ такого слѣпаго, пылкаго и блестящаго мыслителя, въ такого страстнаго и неутомимаго работника, какъ Абельяръ. А Абельяръ былъ бы деревяннымъ чурбаномъ, если бы онъ не отдался всѣми силами своего существа такой дѣвушкѣ, у которой съ красотою и молодостью

соединяются страстная любовь къ знанію и желѣзная сила воли, заставляющая ее преодолевать всю неисчерпаемую скуку азбуки и грамматики. Кого же и любить, какъ не такую дѣвушку? — Читая и философствуя вдвоемъ, внося въ серьезныя и сухія занятія весь пылъ своей молодой и еще несознанной любви, Абеляръ и Элоиза еще сильнѣе разогрѣвали другъ въ другѣ страсть къ знанію, и наконецъ довели себя въ этомъ отношеніи до той неизлечимой мономаніи, которая наложила свою печать на всю ихъ послѣдующую жизнь. Но этимъ не могли ограничиться ихъ взаимныя отношенія. Такіе энергическіе и даровитые люди ни въ чемъ и никогда не останавливаются на половинѣ дороги. Они неизбежно должны были привести свой романъ къ естественной развязкѣ. Элоиза родила сына и дала ему имя: *Астролябія*. Это имя показывается ясно, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ дошла ея мономанія. Кому, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неистовствующей Элоизы, могло придти въ голову наградить несчастнаго ребенка такою нелѣпою ученою кличкою? Назвать сына въ честь математическаго инструмента, кажется, это единственный случай во всей исторіи человѣчества. — Рожденіе Астролябіи Петровича надѣлало его родителямъ много неприятностей. Фульбертъ вломился въ амбицію и, слишкомъ поздно вздумавши охранять честь своей племянницы, сталъ требовать отъ Абеляра, чтобы онъ женился на Элоизѣ. Абеляръ и не думалъ отказываться, но тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Во второй половинѣ XI столѣтія, безбрачіе сдѣлалось обязательнымъ для всего католическаго духовенства. Только духовныя лица имѣли право преподавать теологію. Если бы Абеляръ женился, то онъ былъ бы принужденъ выйти изъ духовнаго сословія и отказаться отъ преподаванія теологіи. Стало быть, ему надо было принести въ жертву или свою общественную дѣятельность, или честь любимой женщины. Не знаю, на что бы онъ самъ рѣшился, но Элоиза сразу положила конецъ всякимъ колебаніямъ. Она объявила наотрѣзъ, что слышать не хочетъ о бракѣ, что она никогда не согласится сдѣлаться женою Абеляра и отнять такимъ образомъ у общества и у науки величайшаго учителя. Фульберту удалось однако уладить между молодыми людьми тайный бракъ, но эта полумѣра никого не могла удовлетворить. Фульберту хотѣлось доказать своимъ знакомымъ, что его племянница замужемъ и, стало быть, имѣетъ законныя основанія рожать дѣтей. Но для этого надо было огласить бракъ, а на это Элоиза ни подъ какимъ видомъ не соглашалась, потому что тогда враги и завистники Абеляра тотчасъ согнали бы его съ кафедры. Когда Фульбертъ намекалъ кому нибудь на существованіе тайнаго брака, тогда Элоиза возражала тотчасъ, что все это чистый вздоръ и что она совѣтъ не жена, а любовница Абеляра. За эти неистовыя рѣчи Фульбертъ очень сильно гнѣвался и, при случаѣ, билъ свою неукротимую

племянницу. Молодые люди рѣшили покончить все это безобразіе. Абельяръ отвезъ Элоизу въ Аржантельскій монастырь и она поступила тамъ въ монашество. А Фюльбертъ подослалъ къ Абельяру наемныхъ людей, которые его оскопили. Вылечившись отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, Абельяръ поступилъ въ монастырь Сенъ-Дени. Съ Элоизою онъ поддерживалъ постоянную переписку. Свѣжесть и энергія его ума нисколько не поколебались отъ поразившаго его несчастья. Напротивъ того: видя, что личное счастье сдѣлалось для него невозможнымъ, онъ весь безраздѣльно отдался своей общественной дѣятельности, и преподаваніе его съ этого времени сдѣлалось еще болѣе увлекательнымъ. Въ монастырѣ Сенъ-Дени Абельяръ не могъ ужиться, аббать и монахи были слишкомъ грубы и развратны. Абельяръ убѣжалъ во владѣнія графа шампанскаго и поселился близь города Провена, въ уединенной мѣстности, уступленной ему монахами города Труа. Здѣсь онъ опять взялся за преподаваніе и немедленно собралъ вокругъ себя множество восторженныхъ слушателей. Стеченіе учащихся въ пустынь Абельяра сдѣлалось до такой степени значительно, что профессора всѣхъ высшихъ училищъ центральной Франціи пришли въ ужасъ и въ негодованіе. Ихъ, почтенныхъ профессоровъ, не слушаютъ, а къ негодному развратнику и скопцу Абельяру бѣгутъ студенты со всѣхъ сторонъ. Этому безчинству надо было положить конецъ. Всего удобнѣе было соорудить противъ Абельяра искусный и ученый доносъ; такъ и сдѣлали два почтенные профессора реймскаго училища. Они подняли суматоху, распустили слухъ, что Абельяръ извращаетъ догматъ о Святой Троицѣ, собрали въ Суассонѣ соборъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа реймскаго, засудили на смерть еретическую философію и заставили Абельяра собственноручно сжечь ту книгу, въ которой были изложены преступныя мнѣнія. Кромѣ того, Абельяра посадили для наказанія въ монастырь Св. Медара, а потомъ, когда кончился опредѣленный срокъ тюремнаго заключенія, его отослали въ Сенъ-Дени, съ строжайшимъ приказаніемъ непремѣнно ужиться съ тамошними монахами. Профессора торжествовали. Сирена, отвлекавшая ихъ слушателей, была взята въ ежевныя рукавицы и принуждена прекратить свое соблазнительное пѣніе. Въ Сенъ-Дени на Абельяра посыпались новыя несчастія. Въ простотѣ души своей, онъ высказалъ однажды замѣчаніе, что Діонисій Ареопагитъ совсѣмъ не тотъ Діонисій, который утвердилъ христіанскую религію во Франціи, что эти два Діонисіи были двумя совершенно различными лицами. Аббать придрался къ этому замѣчанію и усмотрѣлъ въ немъ государственное преступленіе. Аббату, разумѣется, не было никакого дѣла до историческихъ доказательствъ; онъ просто хотѣлъ погубить человѣка, и погубилъ бы его навѣрное, если бы Абельяру не удалось еще разъ убѣжать во владѣнія графа шампанскаго. Пока его разыскивали, аббать умеръ, а монастырскій капитуль былъ

такъ великодушень, что простилъ Абеляру его великое преступленіе и позволилъ несчастному грѣшнику жить, гдѣ ему заблагоразсудится. Абеляръ поселился въ одномъ уединенномъ мѣстѣ около Ножана на Сенѣ, въ епархіи города Труа; здѣсь онъ, при помощи друзей, построилъ себѣ домикъ, превратилъ его, съ разрѣшенія епископа, въ часовню, и опять началъ читать лекціи. Сирена опять запѣла, а профессора сосѣднихъ городовъ опять заскрежетали зубами въ своихъ опустошенныхъ аудиторіяхъ. «Около его дома, говоритъ Шлоссеръ, образовалась вскорѣ настоящая колонія. Число его учениковъ въ короткое время возрасло до шестисотъ; они выстроили себѣ хижины, поселились вокругъ часовни и построили возлѣ нея изъ дерева и камня новый домъ, такъ что образовался настоящій монастырь; Абеляръ назвалъ его *Параклетомъ*, то есть, духомъ утѣшителемъ въ пустынѣ, посвятивъ это зданіе вмѣстѣ съ часовней, Святому Духу.» (Т. VI стр. 355).

Но профессора не дремали; они подняли противъ Абеляра такое ржаніе и мычаніе, что Абеляръ, во избѣжаніе новаго осужденія за какую нибудь воображаемую ересь, принужденъ былъ прекратить свои лекціи и удалиться въ Бретань, гдѣ онъ сдѣлался аббатомъ въ монастырѣ Рюи. Черезъ нѣсколько времени, его вызвали оттуда жалобы Элоизы, которая была уже въ это время настоятельницею аржантельскихъ монахинь; Элоиза писала къ своему другу, что она со всѣми своими монахинями осталась совершенно безъ пріюта, потому что аббатъ Сенъ-Дени выгналъ ихъ вонъ изъ аржантельскаго монастыря. Абеляръ тотчасъ пріѣхалъ къ нимъ на помощь и уступилъ имъ весь Параклетъ; здѣсь онъ устроили себѣ монастырь, и аббатиссой этого монастыря сдѣлалась Элоиза.

«Элоиза, говоритъ Шлоссеръ, считала своею нравственною обязанностію учить сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, но главнымъ предметомъ ея изученія было священное писаніе. Встрѣчая затрудненія, которыхъ не могла рѣшить сама, она обращалась къ Абеляру, который имѣлъ родъ высшаго надзора надъ монастыремъ. Абеляръ написалъ для параклетскихъ монахинь Гексамеронъ или сочиненіе о сотвореніи міра и его шести дняхъ. По словамъ Бейля, въ воспоминаніе объ учености Элоизы, въ монастырѣ Параклетѣ, ежегодно на Троицннъ день, совершалась служба на греческомъ языкѣ». (Т. VI. Стр. 356).

Изъ этихъ фактовъ читатель видитъ, что мономанія Элоизы нисколько не укротилась съ того времени, какъ она родила на свѣтъ Астролябію. Неутоимая жажда знанія и умственной дѣятельности осталась въ ней на всю жизнь преобладающею страстью. Абеляръ также не измѣнилъ себѣ до конца. Пристроивъ Элоизу въ Параклетѣ, онъ отправился въ Парижъ и своимъ преподаваніемъ еще разъ поднялъ противъ себя жесточайшую бурю профессорскихъ, учительскихъ и пастырскихъ страстей.

На этотъ разъ, враги рѣшились стереть его съ лица земли. Они извлекли изъ сочиненій Абельяра множество еретическихъ тезисовъ, созвали въ Санѣ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ французскій король Людовикъ VII, и, что всего важнѣе, натравили на Абельяра знаменитаго Бернара изъ Клерво, неистоваго фанатика, уже извѣстнаго во всей Европѣ неотразимою силою своего пламеннаго краснорѣчія того самаго Бернара, который, вскорѣ послѣ санскаго собора, поднялъ на ноги всю Европу для втораго крестоваго похода. Бернаръ принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и страстныхъ людей, на которыхъ всегда ѣздятъ верхомъ отъявленные мошенники и которые всегда дѣлаютъ по глубокому и чистосердечному убѣжденію то, чего желаютъ негодни по своимъ мелкимъ и корыстнымъ разсчетамъ. Бернаръ, нападая на Абельяра, былъ убѣжденъ въ томъ, что ратуетъ во славу и величіе религіи и церкви; на самомъ же дѣлѣ, онъ воевалъ только во славу бездарныхъ и завистливыхъ педантовъ, которымъ ни до церкви, ни до религіи, ни до Бога не было рѣшительно никакого дѣла. Бернаръ погубилъ Абельяра не столько силою своего краснорѣчія, сколько громадною тяжестью своего авторитета. Всѣ знали, что Бернаръ въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ, и поэтому мелкимъ и криводушнымъ врагамъ Абельяра было особенно выгодно выдвинуть впередъ такого неподкупнаго бойца. Санскій соборъ осудилъ Абельяра и представилъ папѣ ужаснѣйшій докладъ о дерзкомъ вольнодумцѣ, подкапывающемъ основанія религіи.

«Онъ опустошаетъ, говорится въ этомъ памятникѣ елригальнаго озлобленія, всю христіанскую вѣру, пытаея постигнуть человѣческимъ разумомъ природу божества. Онъ восходитъ на небо, онъ нисходитъ въ адъ. Ничто не остается для него неприкосновеннымъ ни въ высочайшей высотѣ, ни въ глубочайшей глубинѣ. Его вѣтви простираются надъ всю землю. Онъ хвастаетъ, что у него есть послѣдователи въ самомъ Римѣ, даже въ Коллегіи кардиналовъ. Онъ увдекаетъ всю землю за собою. Поэтому пора обуздать его языкъ апостольскою властью.»

Папа Иннокентій II, склоняясь передъ неотразимымъ авторитетомъ, исполнилъ всѣ требованія гонителей Абельяра; онъ велѣлъ сжечь всѣ его книги, а его самого посадить на всю жизнь въ темницу и отнять у него всѣ средства распространять свое ученіе.

Побѣда обскурантовъ оказалась однако бесплодною. У Абельяра нашелся сильный, вѣрный и мужественный другъ, который рѣшился и сумѣлъ защитить его противъ всѣхъ властей католическаго міра. Не обращая вниманія ни на санскій соборъ, ни на короля Людовика VII, ни на Бернара, ни на Иннокентія II, аббатъ могущественнаго и богатаго монастыря Клуэня, тотъ самый Петръ Достопочтенный, который учился въ Кордовѣ и перевелъ Коранъ, взявъ къ себѣ въ аббатство гонимаго Абельяра, не выдалъ его никому и сталъ поконить и ласкать

его, какъ больного и замученнаго ребенка. Въмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ умный, честный, твердый и всѣми уважаемый человѣкъ сталъ ходатайствовать за осужденнаго въ самыхъ высшихъ инстанціяхъ церковной іерархіи; ему удалось успокоить безтолковаго, но честнаго Бернара, а какъ только Бернаръ помирился съ Абеляромъ, такъ и папа, не имѣвшій противъ знаменитаго преподавателя никакой личной ненависти, согласился предать все дѣло забвенію и волѣ божіей. Однако Абеляръ прожилъ не долго. Санскій соборъ происходилъ въ 1140 г., а въ 1142 г., утомленный, но непоколебимый боецъ кончилъ свою трудовую, бурную и нерадостную жизнь. Тѣло его было передано его Элизѣ и погребено въ монастырѣ Параклетѣ.

При своемъ колоссальномъ умѣ Абеляръ могъ бы дойти до степеней очень извѣстныхъ, если бы только онъ согласился насиловать естественное теченіе своихъ мыслей и пригонять ихъ искусственнымъ образомъ къ заранѣ установленному результату. Но именно этого фокуса онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ дѣлать. Онъ никогда не управлялъ своею мыслью; онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, отдавался ея свободному и неудержимому теченію. Въ этомъ обстоятельстве заключается тайна того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ многочисленныхъ слушателей. Какъ бы ни были недостаточны его фактическія знанія о природѣ и о человѣкѣ, какъ бы ни было узко его матеріальное міросозерцаніе, какъ бы ни были бесплодны его усилія, — онъ все-таки былъ всегда искреннимъ мыслителемъ, неподкупнымъ и неустрашимымъ искателемъ истины. Вся его жизнь была полуинстинктивною, полусознательною, но всегда честною и мужественною борьбою за самостоятельность и полноправность человѣческаго мышленія. Много разъ его сшибали съ ногъ доносы, обвиненія и приговоры; всякій разъ, избитый и измученный, онъ опять поднимался на ноги и все-таки пускался въ путь, и все-таки шелъ дальше, совсѣмъ не по тому направленію, которое могло довести его до степеней извѣстныхъ; и шелъ, и боролся этотъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока упалъ и умеръ на дорогѣ. Такіе цѣльные характеры, такія «сердца изъ золота и стали» навсегда упрочиваютъ за собою глубокое и страстное уваженіе всѣхъ людей, имѣющихъ малѣйшее понятіе о томъ, что значить съ наслажденіемъ трудиться, страдать и бороться за любимую идею.

Есть основаніе думать, что доктрины Абеляра хватали очень далеко и что въ нихъ заключались зародыши такихъ преобразованій, которыя, нѣсколько столѣтій спустя, дѣйствительно стали прокладывать себѣ дорогу въ церковь и въ общество. Въ числѣ учениковъ и страстныхъ поклонниковъ Абеляра находился одинъ молодой человѣкъ, Арнольдъ, уроженецъ итальянскаго города Брешии (Brescia), извѣстный въ исторіи подъ именемъ Арнольда Брешианскаго. Этотъ молодой человѣкъ

хотѣлъ сдѣлать въ XII вѣкѣ то, о чемъ до сихъ поръ хлопочуть напрасно государственные люди западной Европы. Онъ хотѣлъ совершенно отдѣлить церковь отъ государства. «Онъ явился въ Римъ, говоритъ Шлоссеръ, и съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать въ народѣ, что духовенство обязано заниматься только тѣмъ, къ чему призвано, и не должно ни принимать участія въ-земныхъ дѣлахъ, ни пользоваться свѣтскою властью. Арнольдъ сдѣлался совершеннымъ оракуломъ римлянъ.» (Т. VI. стр. 445). Проповѣдь Арнольда началась около 1140 года. На нѣсколько времени онъ принужденъ былъ удалиться изъ Рима въ Швейцарію, но въ 1145 году онъ опять вернулся въ Римъ, съ толпой прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ въ Швейцаріи, и на этотъ разъ сталъ дѣйствовать такъ успѣшно, что римляне выгнали вонъ папу Евгенія III, учредили, по примѣру своихъ предковъ, сенатъ и возстановили всѣ формы древней республики. Пированіе это продолжалось до 1154 года; римляне XII вѣка не были однако похожи на древнихъ республиканцевъ; они постоянно чувствовали свою слабость и постоянно искали себѣ покровительства у германскаго императора, Конрада III, къ которому они очень важно и величественно писали письма отъ имени сената и народа римскаго (*Senatus populusque romanus*). Любопытно замѣтить, что Конрадъ, которому, по всей вѣроятности, крѣпко надобли претензіи духовенства, питалъ грѣховное сочувствіе къ еретическимъ мыслямъ Арнольда, стоявшаго тогда во главѣ римской республики. «Онъ соглашался, говоритъ Шлоссеръ, что духовные не должны были ни вести войнъ, ни возбуждать кровопролитій, и что ихъ призваніе ограничивается только проповѣдями и богослуженіемъ, хотя провести эту мысль въ Германіи ему было гораздо труднѣе, чѣмъ новому римскому сенату въ Римѣ.» (Т. VI. стр. 453). Однако изъ этого сочувствія Конрада ровно ничего не вышло. Конрадъ умеръ въ 1152 году; римляне призвали къ себѣ назадъ папу Андріана IV, а въ концѣ того же самаго года, преемникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, вступая въ Римъ для коронованія, обѣщаль папѣ уничтожить римскую республику, схватить Арнольда и выдать его клерикаламъ. Все это было исполнено, и папа приказаль немедленно сжечь дерзкаго еретика.

Такимъ образомъ погибали въ средневѣковой Европѣ всѣ люди, искренно преданные благу человѣчества и возлагавшіе свои надежды на стойкость и благоразуміе народныхъ массъ. Массы въ то время были изъ рукъ вонъ плохи. Онѣ могли придти въ неистовый восторгъ и двинуться цѣлыми ордами въ Азію, послушавшись жалобныхъ восклицаній какого нибудь Петра пустытника или Бернара, но спокойно и твердо стоять за сознательно понятое право, онѣ были рѣшительно неспособны. Впрочемъ, въ природѣ не пропадаетъ ни одна частица матеріи. А въ исторіи человѣчества ни одна мысль, ни одна попытка, ни

одна неудача и ни одна ошибка не остаются безъ послѣдствій. Все это западаетъ въ умы людей, зрѣеть и развивается въ нихъ не замѣтно, и потомъ вдругъ воплощается въ новомъ переворотѣ или въ новой бытовомъ формѣ.

XVI.

Театромъ первой серьезной борьбы между папствомъ и самостоятельнымъ человѣческимъ мышленіемъ сдѣлалась та самая земля, въ которой вліяніе магометанской Испаніи породило поэзію трубадуровъ. Южная Франція въ XII вѣкѣ была богатою, промышленною и образованною страной. Большіе города ея пользовались самоуправленіемъ и вели обширную торговлю; въ каждомъ изъ такихъ городовъ, въ Монпелье, въ Арль, въ Тулузѣ, въ Нарбоннѣ, въ Безье, находились высшія училища, въ которыхъ превосходные еврейскіе ученые съ большимъ успѣхомъ преподавали медицину, не смотря на протесты и угрозы епископовъ и монаховъ. Рыцари и благородныя дамы занимались стихоплетствомъ, оказывали покровительство странствующимъ пѣвцамъ и вовсе не были расположены преслѣдовать фанатическою ненавистью ученыхъ еврейскихъ врачей или смотрѣть на испанскихъ арабовъ, какъ на гнусное отродье сатаны. Достаточные горожане умѣли читать и писать, и обнаруживали наклонность къ умственнымъ занятіямъ. Многіе изъ нихъ читали библію и углублялись въ серьезные размышленія о несовершенствахъ церковной іерархіи и о противорѣчій, существующемъ между образомъ жизни духовныхъ лицъ и точнымъ смысломъ евангелическаго ученія. Агенты папства ловили и сжигали тѣхъ людей, которые высказывали громко свои нескромныя замѣчанія; но всѣхъ было невозможно перехватать и зажарить. Движеніе мысли распространялось и число еретиковъ быстро увеличилось. Они поражали римскую іерархію и серьезными аргументами, и остроумными сатирами. Они увлекали за собой дворянство и даже часть духовенства. Они говорили, что святость священника заключается не въ его званіи, а въ нравственной чистотѣ его жизни; что богатство духовенства есть слѣдствіе и источникъ многихъ злоупотребленій; что епископы не должны вмѣшиваться въ войны и участвовать въ кровопролитіяхъ. Они отрицали чистилище и продажу индульгенцій. Они требовали, чтобы священное писаніе было переведено на народный языкъ, и чтобы на этомъ же языкѣ совершалось богослуженіе. Словомъ, реформа Лютера по своей идеѣ была уже готова въ XII столѣтіи. Но остальная Европа въ это время была непохожа на южную Францію, и

папѣ Иннокентію III, вступившему на престолъ въ 1198 году, безъ особеннаго труда удалось двинуть цѣлую орду рыцарей, монаховъ и разбойниковъ въ цвѣтушія земли провансальскихъ вольнодумцевъ. Въ 1209 году начался знаменитый крестовый походъ противъ Альбигойцевъ; такъ называли еретиковъ южной Франціи по имени города Альби; крестовосцы сдѣлали свое дѣло, какъ слѣдуетъ; богатство, промышленность, поэзія, медицина, ересь—все потонуло въ крови. Римская іерархія перепахала всю страну заново, и посѣяла въ ней свое сѣмя такъ основательно, что въ настоящее время южная Франція можетъ смѣло похвастаться своимъ безукоризненнымъ клерикализмомъ, своею яростною ненавистью къ протестантамъ, и своимъ глубокимъ невѣжествомъ. Во время революціи прошлаго столѣтія, католическая реакція была особенно сильна въ тѣхъ самыхъ большихъ городахъ южной Франціи, въ которыхъ до крестоваго похода противъ альбигойцевъ, развивалось реальное знаніе и вырастала свободная мысль.—Клерикалы серьезно задумались надъ событіями XII вѣка; смѣлое философствованіе отдѣльныхъ личностей, быстрое распространеніе ересей въ народныхъ массахъ—все это было для нихъ совершенно ново. Они сообразили, что пришла пора перемѣнить тактику: держаться чисто-отрицательныхъ мѣръ, то есть, давить безъ разбору всѣ проблески образованія.—Это было очень удобно въ VI и въ VII вѣкѣ; но въ XII и въ XIII такая работа становилась уже затруднительною. Можно было задать страху еретикамъ посредствомъ поголовнаго истребленія; но часто прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, и одерживать такія блестящія побѣды—было опасно: нѣтъ той системы, которая могла бы постоянно поддерживать себя конвульсивными потрясеніями. Надо было измыслить какую нибудь машину, такую, которая давила и извращала бы человѣческой умъ ровно, спокойно, постоянно, безъ открытой войны, безъ опустошенія цѣлыхъ областей. Машина эта дѣйствительно была изобрѣтена и пущена въ ходъ въ началѣ XIII вѣка. Она состояла изъ трехъ главныхъ частей, которыя, однако, были очень тѣсно связаны между собою. Во-первыхъ, нищенствующіе ордена, во-вторыхъ—церковная схоластика и въ-третьихъ—инквизиція.—Два фанатика, Францискъ и Доминикъ, основали, въ началѣ XIII вѣка, два монашескіе ордена, францисканцевъ и доминиканцевъ; люди, поступающіе въ эти ордена, обязывались жить милостынею, отказываться отъ всякой роскоши, ходить по городамъ и селамъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ говорить народу проповѣди на народномъ языкѣ. Посредствомъ этихъ орденовъ, разросшихся съ изумительною быстротою, римская іерархія приобрѣтала постоянное и очень сильное вліяніе на низшіе классы народа. Обязательная бѣдность францисканцевъ и доминиканцевъ зажимала ротъ тѣмъ еретикамъ, которые обращали вниманіе народа на богатство и извѣженность римскаго ду-

ховенства. Къ словамъ аббатовъ или епископовъ, одѣтыхъ въ бархатъ и заплывшихъ жиромъ, народъ могъ относиться съ предубѣжденіемъ; онъ могъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на чиновниковъ, получающихъ огромное жалованье за свою службу. Но когда тѣже самыя мысли высказывались человѣкомъ, переносящимъ добровольно всякія лишения, тогда эти мысли должны были получить въ глазахъ массы значительный вѣсъ. Тутъ вся наружность оратора говорила ясно, что онъ никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть подкупленъ. Но надо было устроить такъ, чтобы воодушевленіе этихъ нищихъ ораторовъ постоянно поддерживалось и подогрѣвалось. Кромѣ того, надо было строго наблюдать за тѣмъ, чтобы они не сбивались въ сторону, чтобы они говорили дѣйствительно все то и только то, что, по соображеніямъ римской іерархіи, слѣдовало говорить. Въ противномъ случаѣ, все ихъ вліяніе на простой народъ могло бы обратиться противъ папства, и вмѣсто того, чтобы быть полезнѣйшими защитниками папскихъ принциповъ, они могли сдѣлаться ихъ опаснѣйшими врагами. Чтобы застраховать нищенствующихъ монаховъ отъ ереси, римская іерархія ухитрилась направить всѣ ихъ умственные силы къ безконечнымъ диалектическимъ турнирамъ схоластическаго богословія. Вся философія и все богословіе средневѣковой Европы называется въ настоящее время схоластикой. Самое слово *схоластика* не заключаетъ въ себѣ никакого порицательнаго значенія. Оно происходитъ отъ латинскаго слова *schola*—что значитъ *школа*. Философія и богословіе тѣхъ временъ называются *школьными*, по той простой причинѣ, что они господствовали въ тогдашнихъ школахъ. Но та схоластика, которую старался развивать Римъ, носитъ на себѣ совершенно особенную печать. Ея типическое свойство заключается въ томъ, что результатъ, къ которому обязанъ придти мыслитель, всегда извѣстенъ заранее. Напримѣръ, Абельяръ, не имѣвшій ничего общаго съ тою спеціальною схоластикой, которую взлелѣяли клерикалы,—написалъ очень непріятную для Рима книгу, подъ заглавіемъ «*Sic et non*» (да и нѣтъ). Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что сочиненія многихъ церковныхъ писателей, считавшихся непогрѣшимыми, заключаютъ въ себѣ огромное количество внутреннихъ противорѣчій, что эти писатели противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, что объ одномъ и томъ же вопросѣ они говорятъ и *да*, и *нѣтъ*. Ясное дѣло, что такая книга составляетъ результатъ критическаго изслѣдованія, не направленнаго къ предвзятой цѣли. Абельяръ читалъ, изучалъ, сравнивалъ писателей, нашелъ въ нихъ непримиримыя противорѣчія и откровенно высказалъ свои умозаключенія. Настоящій схоластикъ долженъ былъ взяться за дѣло совершенно иначе. Еще не раскрывая ни одной книги, онъ уже зналъ твердо, что въ такихъ-то писателяхъ никакихъ противорѣчій быть не можетъ. Этотъ выводъ стоялъ непоколебимо, и къ нему онъ долженъ былъ не-

премѣнно придти въ концѣ своего изслѣдованія. Значить, все дѣло его состояло въ томъ, чтобы, посредствомъ діалектическихъ маневровъ, примирить всѣ крайности, даже и такія, которыя никакъ не могутъ примириться. Если одинъ авторитетъ говоритъ: «да», а другой: «нѣтъ», то схоластикъ долженъ доказать, что оба правы и что оба между собою согласны. Чтобы устроить такой фокусъ, схоластикъ, разумѣется, долженъ напустить такого тумана, который отнялъ бы у слушателей и учителей всякую возможность понимать различіе между *да* и *нѣтъ*. Такъ схоластики и поступали дѣйствительно. У доминиканцевъ величайшимъ искусникомъ по части напусканія тумана считался Фома Аквинскій, жившій въ XIII вѣкѣ и наполнившій своими діалектическими хитросплетеніями двадцать три фоліанта. У францисканцевъ нашелся свой искусникъ, Дунсъ Скотъ (то есть, шотландецъ), жившій въ одно время съ Фомою, но написавшій только двадцать фоліантовъ. Нищенствующие монахи такъ возлюбили своихъ мудрецовъ, что дальше ихъ уже не пошли; францисканцы называли себя *скотистами*, а доминиканцы *фомистами*. Скотисты съ фомистами очень горячо спорили, причемъ спорящія стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ прикидывались, будто понимаютъ другъ друга. Иногда споръ переходилъ въ драву, и тогда взаимное пониманіе становилось уже непритворнымъ. Цѣль римской іерархіи достигалась; умственные силы горячихъ фанатиковъ вертѣлись въ заколдованномъ кругу, воспламенялись въ безвыходныхъ спорахъ, отвлекались отъ опаснаго вольнодумства и устремлялись противъ всѣхъ не фомистовъ или не скотистовъ со всею энергіею безтолково-полемическаго задора. Доминиканцы утверждали совершенно серьезно, что прочитать книги Фомы Аквинскаго, значить, проглотить всю человѣческую мудрость. Доминиканцы были самымъ надежнымъ воинствомъ папы, гораздо надежнѣе францисканцевъ. Поэтому папа Григорій IX поручилъ имъ хватать, судить, пытать и жечь всѣхъ еретиковъ. Инквизиція была изобрѣтена самимъ Доминикомъ, и духовныя дѣти этого великаго палача сдѣлались инквизиторами.

Опираясь на нищенствующихъ монаховъ, на усовершенствованную схоластику, на шпионовъ и палачей священной инквизиціи, папство смѣло и бодро вступило въ борьбу съ пробуждающимся самосознаніемъ средневѣковаго человѣка, у котораго не было никакихъ орудій, кромѣ мысли и воли. Въ XIII вѣкѣ, папство, раздавившее альбигойцевъ, было всесильно. Долго ли продолжалось это могущество и какимъ образомъ европейская мысль старалась завоевать себѣ самостоятельность, объ этомъ я поговорю довольно подробно въ отдѣльной статьѣ, подъ особымъ заглавіемъ. («Умственный переломъ въ жизни средневѣковой Европы» Часть VIII.)

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
I. Меттернихъ.	1
II. Очерки изъ исторіи труда	75
III. Историческое развитіе Европейской мысли.	186

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Изданіе Ф. Павленкова.

ЦѢНА ЗА КАЖДУЮ ЧАСТЬ 1 Р.

ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ А. ГОЛОВАЧЕВА.

(Вознесенскій пр., д. №№ 23 и 81).

1867.

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ.

I.

Въ средневѣковыхъ государствахъ господствовала такая путаница политическихъ элементовъ, о которой человѣкъ XIX столѣтія съ трудомъ можетъ составить себѣ ясное и отчетливое понятіе. О разграниченіи судебныхъ, административныхъ и законодательныхъ властей нечего было и думать. Невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается господство церковной іерархіи и гдѣ начинается дѣятельность свѣтской власти. Все зависѣло отъ частныхъ обстоятельствъ, мѣста и времени. Все обуславливалось наклонностями, дарованіями и минутными интересами отдѣльныхъ личностей, державшихъ въ своихъ рукахъ ту или другую отрасль общественной власти. Разумѣется, хаосъ былъ всего сильнѣе въ первые вѣка послѣ великаго переселенія народовъ. Всѣ умные правители, начиная отъ Теодориха Великаго, старались распутывать и приводить въ порядокъ нестройные элементы общественной жизни. Но хаосъ на всѣхъ пунктахъ упорно отставалъ свое нелѣпое существованіе. То, что называется духомъ времени — именно, мысли, чувство и страсти тогдашнихъ людей — шло въ разрѣзъ съ самыми умными и добросовѣстными попытками организаторовъ. Что сильный и гениальный человѣкъ устроивалъ въ теченіе цѣлой жизни, съ изумительною настойчивостью и съ громадными усиліями, то разваливалось послѣ его смерти само собою или разстроивалось въ какое нибудь десятилѣтіе, слабыми и глупыми преемниками, безъ малѣйшаго труда. Личныя страсти, неукротенныя образованіемъ, рвали и ломали всѣ рамки общественной жизни. Чтобы эти страсти улеглись и подчинились контролю

разума, необходима была не желѣзная воля какой нибудь одной, хотя бы и гениальной личности, а долговременное, постоянное, глухое, но неотразимое вліяніе цѣлыхъ вѣковъ. Надо было, чтобы дикари переродились въ гражданъ, а всякія перерожденія органическихъ существъ совершаются въ природѣ съ такою невыносимою медленностью, которая всегда приводитъ въ отчаяніе всѣхъ историческихъ дѣятелей; успѣвшихъ переродиться раньше своихъ современниковъ.

Для католической іерархіи средневѣковая путаница общественныхъ отношеній была очень выгодна. Пользуясь хаосомъ понятій и учрежденій, іерархія захватила въ свои руки всю жизнь средневѣковаго общества и начала диктаторскимъ тономъ произносить свои приговоры въ такихъ дѣлахъ, которыя никакое благоустроенное государство въ мірѣ никогда не рѣшится отдать въ распоряженіе церкви. Конечно, европейскіе дикари были совсѣмъ не такіе люди, чтобы безусловно подчиняться кому бы то ни было, когда это подчиненіе было черезчуръ невыгодно или стѣснительно. Въ самые золотые вѣка римскаго владычества, личные страсти сплошь и рядомъ брали верхъ надъ суевѣріемъ. Полудикій баронъ или рыцарь, избивенный какимъ нибудь черезчуръ задорнымъ аббатомъ или епископомъ, садился на коня, бралъ въ руки какое нибудь дреколье, колотилъ крестьянъ своего обидчика, вытапывалъ ихъ поля, при случаѣ захватывалъ въ плѣнъ неприкосновенную личность самого церковнослужителя, прикасался къ этой личности очень безцеремонно и, закусивши такимъ образомъ удила, не смирялся даже передъ проклятіями соборовъ и папъ. Но церковь все-таки одерживала верхъ. Дикіе феодалы умѣли только драться, а представители церкви умѣли, кромѣ того, интриговать, аргументировать, опутывать своихъ противниковъ кляузными трактатами, поддѣлывать старинные документы и, что всего важнѣе, вести общими силами стройную и послѣдовательную политику тамъ, гдѣ ихъ свѣтскіе и безграмотные противники дѣйствовали въ разсыпную, безъ всякаго плана, по внушенію личной страсти или подъ вліяніемъ ближайшаго, мелкаго и минутнаго интереса. — На средневѣковомъ латинскомъ языкѣ слово *clericus* имѣло два значенія. Во первыхъ, — церковникъ, причетникъ. Во-вторыхъ, — грамотный человѣкъ. Соединеніе этихъ двухъ значеній въ одномъ словѣ показываетъ ясно, что было время, когда всѣ грамотные люди входили въ составъ духовенства. Въмѣстѣ съ грамотностью, духовенство удерживало въ своей средѣ и скудные остатки классической образованности. Это обстоятельство, разумѣется, давало духовенству огромный перевѣсъ надъ представителями свѣтской власти. Духовныя лица занимали важнѣйшія государственныя должности и, пользуясь самымъ высокимъ положеніемъ, поддерживали съ нетерпимою энергіею всѣ интересы своего сословія и всѣ неумѣреннѣйшія требованія церковной іерархіи. Когда

грамотность начала распространяться между свѣтскими людьми, когда свѣтскіе люди начали составлять себѣ общія понятія о теченіи государственныхъ дѣлъ, тогда они увидѣли, что церковь захватила все, и что императоры, короли, герцоги и всѣ прочіе властители земли превращены de jure, если и не de facto, въ крѣпостныхъ работниковъ римскаго первосвященника. Тогда началась борьба, не такая, какую вели прежде разрозненные буяны, а борьба систематическая, въ которой уже обѣ стороны, — папство и свѣтская власть, — стали драться и оружіемъ, и аргументами, и насиліемъ, и надувательствомъ, и ссылками на вымышленные или подложные историческіе документы.

Разсматривать причины или предлоги каждой отдѣльной схватки я, конечно, не буду. Причина, въ сущности, была всегда одна и та же: обѣимъ властямъ хотѣлось развернуться пошире; а предлогъ найти было ужь очень не трудно, при тогдашней неопредѣленности всѣхъ правъ, обязанностей и отношеній. Гораздо интереснѣе будетъ бросить бѣглый взглядъ на приемы, употреблявшіеся въ этой борьбѣ обѣими сторонами. Любопытно посмотрѣть, на какія общественныя силы опирались, съ одной стороны — папа, съ другой стороны — императоръ и короли. Не мѣшаетъ также взвѣсить и измѣрить количество той добросовѣстности и деликатности, которую обнаруживали обѣ стороны въ выборѣ и употребленіи полемическихъ средствъ.

Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, всего удобнѣе будетъ рассказать нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ изъ этой драматической борьбы. Рассказы эти покажутъ читателю, въ чемъ заключалось вліяніе этой борьбы на умственную жизнь средневѣковой Европы. Я начну съ XIII вѣка, потому что фізіономія предыдущихъ столѣтій была уже очерчена мною въ статьѣ «*Историческое развитіе европейской мысли*», помѣщенной въ 7-й части моихъ «Сочиненій».

II.

Въ 1198 году, на папскій престолъ вступилъ, подъ именемъ Иннокентія III, тридцати-семилѣтній, умный и энергическій итальянецъ, графъ Сеньи. Онъ тотчасъ началъ борьбу противъ свѣтской власти, въ самомъ Римѣ, въ Италиі и во всей Европѣ. Онъ повторилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни всѣ требованія Григорія УП, подчинившаго папской власти, по крайней мѣрѣ въ теоріи, всѣхъ государей католическаго міра. Прежде всего онъ разрѣшилъ жителей Рима и другихъ городовъ папской области отъ присяги императору; всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ императоромъ, онъ или смѣнилъ, или подчинилъ себѣ. Чтобы навсегда загородить нѣмцамъ путь въ среднюю

Италію, онъ убѣдилъ тосканскіе города составить федерацію, подобную той, которая уже давно существовала въ Ломбардіи и которая уже не разъ дѣлала императорамъ много хлопотъ и неприятностей. Работая, такимъ образомъ, противъ свѣтской власти, папа поневолѣ принужденъ былъ опираться на республиканскій и демократическій элементъ. Но такъ какъ этотъ элементъ былъ опасной игрушкой въ рукахъ римскаго первосвященника, то Иннокентій избралъ другое оружіе для борьбы съ свѣтскою властью, а именно интригу и обманъ одного властителя на счетъ другого, — смотря по надобности. Соперники зорко слѣдили другъ за другомъ, подсиживали одинъ другого и пользовались всѣмъ, что могло ослабить или оирокнуть оплошавшаго врага. И мнѣ еще не разъ придется замѣтить, что, взаимно подкапывая другъ друга, представители двухъ враждующихъ принциповъ, оказывали, помимо собственного желанія, драгоцѣннѣйшія и незамѣнимыя услуги развитію народной свободы и прогрессивному движенію европейской мысли.

Въ первые двѣнадцать лѣтъ своего царствованія, неумолимый Иннокентій III успѣлъ перессориться со всѣми сильнѣйшими государями католическаго міра. Въ 1199 году, онъ отлучилъ отъ церкви Филиппа-Августа французскаго; въ 1208 — Иоанна Безземельнаго англійскаго; въ 1210 — Оттона IV германскаго. Проклиная государей, Иннокентій въ то же самое время вытягивалъ изъ ихъ государствъ людей и деньги. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ успѣлъ направить въ разныя стороны три крестовые похода: одинъ въ Палестину, другой — въ Испанію, противъ мавровъ, третій въ южную Францію, противъ еретиковъ. Эти подвиги Иннокентія тѣмъ болѣе замѣчательны, что крестовые походы въ это время уже потеряли прелесть новизны; они продолжались уже цѣлое столѣтіе; Европа была утомлена пожертвованіями и неудачами; надежда слабѣла, энтузіазмъ угасалъ; рождалось печальное подозрѣніе, что деньги расходятся по карманамъ итальянскихъ прелатовъ; подозрѣніе это высказывалось даже такъ громко, что Иннокентій, приказавши духовенству проповѣдывать новый крестовый походъ, былъ принужденъ сдѣлать особенное распоряженіе. «Онъ объявилъ, говорить Шлоссеръ, что жертвуетъ на крестовый походъ десятую часть своихъ доходовъ, и обложилъ все духовенство западной церкви сборомъ на это предпріятіе по полтора процента со всѣхъ церковныхъ доходовъ; когда же стали говорить, что онъ возьметъ эти деньги себѣ, Иннокентій приказалъ, чтобы каждый епископъ, при содѣйствіи одного іоаннита и одного тамплиера, раздавалъ собранныя суммы крестоносцамъ своей епархіи» (Т. VII, стр. 131).

Хотѣлъ или не хотѣлъ Иннокентій зажить пожертвованія благочестивыхъ католиковъ, это — дѣло его личной совѣсти, которой придется рѣшать много подобныхъ вопросовъ. Для историка же чрезвы-

чайно важенъ и интересенъ тотъ фактъ, что, уже въ началѣ XIII вѣка, общественное мнѣніе, такъ или иначе, контролировало поведеніе папъ, и что даже такой желѣзный человекъ, какъ Иннокентій III, не могъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ неопредѣленному говору толпы. Чтобы снова поднять на ноги утомленную Европу, Иннокентій употреблялъ всѣ средства; въ циркулярахъ своихъ онъ повторялъ съ дикою энергіею насмѣшки магометанъ надъ безсиліемъ христіанской религіи. «Гдѣ, говорилъ онъ отъ лица магометанъ, гдѣ вашъ Богъ, когда онъ не можетъ избавить васъ отъ нашихъ рукъ? Смотрите! мы осквернили ваши святилища, мы простерли впередъ наши руки, мы взяли съ перваго приступа, мы держимъ въ обиду вамъ эти ваши желанныя мѣста, въ которыхъ зародилось ваше суевѣріе. Гдѣ же вашъ Богъ? Пускай поднимется! Пусть придетъ спасать васъ и самого себя!—Если ты въ самомъ дѣлѣ сынъ божій, защити себя, если можешь; вырви изъ нашихъ рукъ страну, въ которой ты родился. Возврати поклонникамъ креста твой крестъ, который мы захватили».

Этотъ риторическій приѣмъ Иннокентія имѣетъ, конечно, свои достоинства; онъ могъ подѣйствовать, какъ шпанская мушка или какъ хорошій ударъ кнута на чувство утомленныхъ, но искреннихъ католиковъ. Онъ могъ вызвать еще нѣсколько судорожныхъ усилій; но нельзя не замѣтить, что, пуская въ ходъ такое краснорѣчіе, папа ставилъ на карту отчаянно-крупный кушъ. Онъ самъ ревностно распространялъ въ массѣ католическаго населенія ту чрезвычайно-опасную и соблазнительную мысль, что истинность и достоинство религіи могутъ и даже должны измѣряться успѣхомъ чисто-земного предпріятія. И эта мысль прививалась особенно легко къ умамъ тогдашнихъ европейцевъ. Ордалинъ и судебный поединокъ считались въ то время превосходными юридическими доказательствами. Если какойнибудь Иванъ обвинялъ какуюнибудь Марью въ томъ, что она завела себѣ любовника, то Марья не зачѣмъ было оправдываться фактическими и логическими аргументами, надо было только, чтобы ея любовникъ или какойнибудь другой человекъ убилъ или изувѣчилъ Ивана въ назначенное время, на опредѣленномъ мѣстѣ и при законныхъ свидѣтеляхъ; тогда Ивана объявляли подлымъ клеветникомъ, а Марью — цѣломудренною женщиною. Если приводили въ судъ старуху, обвиненную въ колдовствѣ, то судья не зачѣмъ было разбирать вопроса, дѣйствительно ли она совершила взведенное на нее преступленіе и возможно ли такое преступленіе вообще?—Бросить старуху въ прудъ! командовалъ судья. — Старуху раздѣвали и бросали; если она шла ко дну, ее вытаскивали и отправляли домой; если она оставалась на поверхности воды, ее сжигали, потому что тогда уже невозможно было сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно колдунья и любовница сатаны.—Въ одномъ народномъ собраніи

германцевъ возникъ вопросъ: должны ли дѣти вступать во владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ при жизни своего дѣда? Одни говорили въ пользу дѣтей, другіе поддерживали права дѣда. Голоса раздѣлились поровну; тогда положено было рѣшить спорный вопросъ судомъ божьимъ. Каждая сторона выдвинула одинаковое число бойцовъ. Партія дѣтей побѣдила, и законъ былъ составленъ въ ихъ пользу. Гражданскія тяжбы, уголовные процессы и законодательные вопросы съ одинаковымъ успѣхомъ рѣшались испытаніемъ или поединкомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ внутреннимъ смысломъ разбираемаго дѣла.

Понятно, что простые и недалёковидные люди были не прочь отъ того, чтобы прикладывать тотъ же самый привычный масштабъ къ религіознымъ вопросамъ. Простодушный фанатикъ Францискъ, основавшій, съ разрѣшенія Иннокентія III, орденъ нищенствующихъ монаховъ, францисканцевъ, вздумалъ проповѣдывать христіанство египетскому султану, и при этомъ дошелъ до такого нафоса, что предложилъ испытать посредствомъ суда божія, которая изъ двухъ религій лучше, — христіанство или магометанство? Прикази, говорилъ онъ, зажечь два костра: на одинъ я брошусь, а на другой пусть бросится кто нибудь изъ твоихъ имамовъ: кто изъ насъ останется живъ и здоровъ, тотъ и правъ. Султану это предложеніе показалось остроумнымъ, но неисполнимымъ. Нашихъ имамовъ, замѣтилъ онъ, на эту штуку не поймаешь: они знаютъ безъ всякихъ испытаній, что человѣку неудобно лежать въ огнѣ. Но единовѣрцамъ Франциска это предложеніе вовсе не казалось забавнымъ; они были твердо увѣрены въ томъ, что Богъ непременно долженъ творить, по первому востребованью, чудеса для своихъ усердныхъ и незаблуждающихся поклонниковъ.

Римская іерархія старалась поддерживать и эксплуатировать эту увѣренность во всѣхъ мелкихъ случаяхъ вседневной жизни. Въ мелкихъ случаяхъ эта тактика была дѣйствительно очень удобна, потому что мелкое чудо можно было поддѣлать разными дешевыми средствами. Такъ оно и дѣлалось. Но во всемъ надо знать мѣру. Не слѣдуетъ уподобляться глупому скрягѣ, зарѣзавшему золотоносную курицу. Католическіе іерархи ни подъ какимъ видомъ не должны были выходить изъ безопасной области мелкаго чудотворенія. Подвергать свой принципъ такому испытанію, которое, по своей міровой колоссальности, не допускало никакой подтасовки, — значило ставить на карту основной капиталъ, съ котораго можно было постоянно получать самые приличные проценты. Многимъ отдѣльнымъ папамъ, епископамъ и монахамъ крестовые походы доставили много денегъ, почета и могущества, но для теократическаго принципа они были губельны. Всѣ проповѣдники крестовыхъ походовъ говорили въ сущности то же самое, что говорилъ Иннокентій III, хотя, быть можетъ, въ ихъ выраженіяхъ было меньше горечи и энергія. Всѣ

они, такъ или иначе, возбуждали въ своихъ простодушныхъ слушателяхъ страстную надежду и фанатическую увѣренность, что самъ Богъ поведетъ крестоносное воинство къ желанной цѣли и поразитъ нечестивыхъ враговъ истинной религіи. «Того хочетъ Богъ! того-хочетъ Богъ!» кричали на клермонтскомъ соборѣ тысячи народа, выслушавъ рѣчи Петра Пустынника и папы Урбана II; и эти тысячи кинулись въ крестовый походъ совершенно слѣпо, безъ денегъ, безъ провіанту, почти безъ оружія и безъ малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ лежитъ Святая земля и далеко ли до нея, и какія встрѣчаются на пути трудности и опасности. Взрывъ религіознаго чувства былъ очень грандіозенъ, но за то и реакція была ужасно сильна. Извѣстно, что беспорядочныя массы, пошедшія за Петромъ Пустынникомъ, за Вальтеромъ Голякомъ и за Готшалкомъ, погибли, большею частью даже не добравшись до Малой Азіи. А массы эти были очень значительны; въ нихъ было слишкомъ 250,000 человекъ; и эти люди принадлежали къ самымъ низшимъ слоямъ народонаселенія. Легко представить себѣ, какое глубокое и неизгладимое впечатлѣніе долженъ былъ произвести трагическій исходъ великаго предпріятія на всѣхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей погибшихъ фанатиковъ. Эти родственники, друзья и сосѣди были такъ неразвиты и такъ задавлены трудомъ, бѣдностью и притѣсненіями, что имъ было невозможно слѣдить за событіями политическаго и религіознаго міра; что бы ни дѣлали папы и прелаты, императоры и короли, — эти простые люди все-таки не пустились бы въ критическія размышленія. Но тутъ, когда всемірная исторія проникла въ каждую бѣднѣйшую хижину, когда колоссальная борьба двухъ религій дала себя почувствовать каждому отдѣльному семейству, когда католическая политика отняла мужа у жены, брата у сестры, сына у матери, отца у малолѣтнихъ дѣтей, тогда поневолѣ вся Европа, отъ мала до велика, призадумалась надъ своими утратами и стала задавать себѣ вопросы: ведутъ ли къ чему нибудь всѣ эти пожертвованія? И дѣйствительно ли того хочетъ Богъ

То воодушевленіе, которое обнаружилось на клермонтскомъ соборѣ, не повторилось больше никогда. Такіе порывы усердія обходятся слишкомъ дорого и, вслѣдствіе этого, ведутъ за собою горькое разочарованіе. Послѣ перваго крестоваго похода, религіозная температура Европы вдругъ понизилась на значительное число градусовъ. Европу пришлось подогрѣвать искусственными средствами, и всѣ эти подогрѣванія, всѣ проповѣди Бернара изъ Клерво, Фулька изъ Нельси и другихъ монаховъ, всѣ циркуляры папъ производили только частичное, мѣстное вліяніе. Время общаго, свѣжаго, естественнаго энтузіазма прошло безвозвратно. Теперь спрашивается: умѣстно ли, благоразумно ли, политично ли было писать такія неистовыя воззванія, какія пускалъ въ ходъ Ин-

нокентій III? Одно изъ двухъ: или народы католической Европы могли слѣпо повѣрить словамъ папы, или же они могли отнестись къ нимъ съ сомнѣніемъ. Второй случай крайне неудобенъ для теократическаго принципа, потому что папа, которому не вѣрятъ на слово, превращается въ простаго смертнаго; но этотъ второй случай все-таки лучше перваго, потому что если бы католики повѣрили Иннокентію совершенно слѣпо, если бы они рѣшились испытать достоинство католицизма посредствомъ судебного поединка, произведеннаго въ громадныхъ размѣрахъ, то Иннокентій навѣрное оказался бы послѣднимъ папою. Судебный поединокъ кончился бы для католицизма полнѣйшимъ пораженіемъ, а тотъ крестовый походъ, который былъ устроенъ самимъ Иннокентіемъ, оказался не въ примѣръ скандальнѣе, безобразнѣе и неудачнѣе всѣхъ остальныхъ. Крестоносцы попали въ кабалу къ венеціанскимъ купцамъ, которые заставили ихъ платить натурою, и притомъ впередъ, за провозъ въ Палестину. Плата натурою состояла въ томъ, что крестоносное воинство принуждено было сдѣлать сначала для венеціанцевъ нѣсколько завоеванныхъ въ Далмаціи. Когда кончилась эта работа, тогда явилась вдругъ совершенно непредвидѣнная необходимость вмѣшаться въ дѣла дряхлой Византійской имперіи. Крестоносцы взяли Константинополь, разграбили его, раздѣлили между собою провинціи покореннаго государства, основали такъ называемую Латинскую имперію и, удививши весь міръ совершенно не крестоноснымъ характеромъ своихъ подвиговъ, сочли свое дѣло оконченнымъ, хотя они даже издали не видали не только стѣнъ Іерусалима, но даже береговъ обѣтованной земли.

Другой крестовый походъ, затѣянный также Иннокентіемъ и направленный противъ еретиковъ южной Франціи, оказался несравненно удачнѣе палестинскаго предпріятія. Въ южную Францію сбѣжалась со всѣхъ сторонъ такая огромная толпа вооруженной сволочи, что еретики были совершенно задавлены и истреблены, не смотря на свое отчаянное сопротивленіе.

Неуспѣхъ палестинскаго похода, предпріятого въ 1202 году, и успѣхъ альбигойской войны, начавшейся въ томъ же десятилѣтіи, именно въ 1208 году, составляютъ, вмѣстѣ взятые, важное барометрическое указаніе для мыслящаго историка. Въ палестинскомъ походѣ религиозный мотивъ долженъ былъ стоять на первомъ планѣ. Путь былъ далекъ; трудности и опасности значительны; добыча совершенно ничтожна, потому что уже въ XIII столѣтіи можно было сказать о Палестинѣ

Вотъ у ногъ Іерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольва, недвижима
Мертвая страна.

Значить, для успѣха предпріятія требовалось непременно религиозное

воодушевленіе. Напротивъ того, въ альбигойской войнѣ можно было покончить все дѣло безъ дальнѣйшаго подогрѣванія католическихъ сердець. Театръ войны лежалъ подъ руками; дорога была отовсюду легкая и открытая; страна, «обреченная мечу и пожарамъ», была богата и привлекательна во всѣхъ отношеніяхъ; значить, надо было только найти добрыхъ людей, способныхъ рѣзать, жечь, грабить и безчинствовать. Такихъ людей въ тогдашней Европѣ было сдлинкомъ достаточно. Эти люди были очень невѣжественны и, вслѣдствіе этого, разумѣется довольно суевѣрны. Когда этимъ людямъ указали на легкую добычу, тогда они кинулись на нее съ величайшимъ удовольствіемъ. Когда же за любезное для нихъ дѣло разбоя и безчинства имъ посулили отпущеніе грѣховъ, тогда, разумѣется, они охотно повѣрили этому обѣщанію и еще усерднѣе принялись за свою работу. Герои альбигойской войны вѣрили всему, что имъ говорили аббаты и монахи, но вѣрили преимущественно потому, что еще не вгучились ни въ чемъ сомнѣваться. Стремительная сила религіознаго чувства, воодушевляющаго людей XI вѣка, уже значительно ослабѣла въ XIII столѣтіи. Массы еще ни въ чемъ не сомнѣвались сознательно, но ко многому относились уже очень спокойно, и дѣйствовали усердно въ пользу католицизма только тамъ и тогда, гдѣ и когда интересы католицизма совпадали съ ихъ собственными, личными наклонностями и матеріальными выгодами. Миѣ кажется, что конецъ XI вѣка, именно время клермонтскаго собора и перваго крестоваго похода, составляетъ верховный пунктъ религіознаго энтузіазма въ католическомъ мірѣ. Послѣ этого начинается довольно быстрое пониженіе. Въ XIII столѣтіи, горячій и поэтический элементъ католическаго фанатизма уже въ значительной степени успѣлъ улетучиться. Дальновидные защитники клерикальныхъ принциповъ начинаютъ тревожиться и суетиться, имъ уже чего-то недостаетъ. Иннокентій III мечется во всѣ стороны, ругается, проклинаетъ, интригуетъ, учреждаетъ ордена нищенствующихъ монаховъ, и вообще показываетъ историку свою изумительную дѣятельностью и подвижностью, что вліяніе папства на умы уже требуетъ ремонта, и что чувства католиковъ уже нуждаются въ подогрѣваніи.

III.

Ссоры Иннокентія III съ королями французскимъ и англійскимъ показываютъ очень наглядно, что папскія проклятія начинаютъ понижаться въ цѣнѣ. Въ 1193 году, французскій король Филиппъ-Августъ, страдая безденежемъ — хроническою и наследственною болѣзью всѣхъ королевскихъ династій прекрасной Франціи — предложилъ руку и сердце

сестрѣ датскаго короля Ингеборгѣ, у которой наличныхъ денегъ было очень много. Бракосочетаніе совершилось въ августѣ 1193 года. На другой день послѣ свадьбы, когда новая королева должна была короноваться, супругъ ея объявилъ совершенно неожиданно, что никакъ не можетъ жить съ нею, потому что чувствуетъ къ ней непреодолимое отвращеніе. Къ деньгамъ же ея Филиппъ чувствовалъ, напротивъ того, непреодолимую нѣжность, и потому, разумѣется, никакъ не могъ разстаться съ ними. Поправивъ на нѣкоторое время свои денежные обстоятельства и озадачивъ Ингеборгу такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Филиппъ весело и спокойно началъ составлять новые планы брачнаго союза, точно будто эпизодъ съ Ингеборгою никогда не существовалъ. Французскіе епископы, по приказанію короля, объявили его бракъ недѣйствительнымъ и подали Ингеборгѣ добродушный совѣтъ удалиться обратно въ Данію или поселиться въ какомъ нибудь французскомъ монастырѣ. Ингеборга не соглашалась ни на то, ни на другое, но ея согласія никто и не спрашивалъ, и Филиппъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, посадилъ ее въ монастырь, гдѣ съ нею какъ говоритъ Шлоссеръ, «обходились чрезвычайно дурно».

Тогдашній папа, дряхлый старикъ Целестинъ III, нашелъ всю эту процедуру не совсѣмъ правильною и передалъ это дѣло на разсмотрѣніе собора французскаго духовенства. Но между французскими прелатами нашлось мало охотниковъ ссориться съ Филиппомъ. «Епископы вели себя, по выраженію одного современнаго писателя, какъ нѣмцы собаки, которыя, боясь за свою шкуру, не смѣли лаять» (Шлоссеръ т. VII стр. 115). Въ 1196 году, Филиппъ, совершенно игнорируя Ингеборгу, продолжавшую сидѣть въ монастырѣ, женился на Маріи Агнесѣ, дочери герцога меранскаго, владѣвшаго обширными землями въ Германіи и находившагося въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ Генрихомъ VI. Въ продолженіе двухъ лѣтъ ничто не нарушало счастья обоихъ супруговъ. Но Иннокентій III, сдѣлавшись папою, поднялъ всю старую исторію Ингеборги съ самаго начала. Увидѣвъ со стороны Филиппа непобѣдимое упорство, онъ въ 1199 году наложилъ на Францію интердиктъ, то есть, запретилъ французскому духовенству совершать богослуженіе и церковныя требы. Ударъ былъ хорошъ, но коса нашла на камень. Сразившись съ Филиппомъ, Иннокентій встрѣтилъ себя такою противника, который не уступалъ ему ни въ энергіи, ни въ изобрѣтательности. Папскій интердиктъ сдѣлался для короля новымъ источникомъ доходовъ. Чуть только какой-нибудь епископъ или аббатъ обнаруживалъ склонность повиноваться папскому приказанію, Филиппъ тотчасъ отрѣшалъ его отъ должности и бралъ въ казну его имѣніе; такъ же круто поступалъ онъ и съ баронами, которые, опираясь на папскій указъ, перестали считать короля своимъ сюзереномъ; если какой-нибудь горо-

довой магистратъ держалъ сторону папы, Филиппъ облагалъ городъ огромнымъ налогомъ. Папа принужденъ былъ уступить; онъ призналъ разводъ Филиппа и приказалъ своему легату созвать соборъ французскаго духовенства, для того, чтобы придать всему дѣлу наружный видъ благообразія и законности. Но Филиппъ не согласился даже на этотъ послѣдній компромиссъ. Не обращая никакого вниманія на то, что происходитъ въ соборѣ, онъ взялъ Ингеборгу къ себѣ во дворецъ и сталъ жить открыто съ двумя женами. А Иннокентій въ 1201 году даже призналъ законными обонхъ дѣтей Маріи Агнесы.

Во всей этой исторіи, Филиппъ, какъ частный человекъ, поступалъ безсовѣстно, но какъ политическій дѣятель, онъ держалъ себя превосходно. Папа заступился за оскорбленную и ограбленную женщину. Это очень похвально и великодушно съ его стороны; но *какъ* онъ заступился? Онъ наложилъ интердиктъ на Францію; если бы его приказаніе было выполнено въ точности, то, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ, на всемъ пространствѣ французской территоріи, новорожденные дѣти оставались-бы некрещенными, женихи и невѣсты—необвѣнчанными, больные умирали-бы безъ исповѣди и причастія, и мертвецы зарывались-бы въ землю безъ отпѣванія. Когда папское слово обладало такую силу, которая мгновенно могла парализировать дѣйствія духовенства въ цѣломъ королевствѣ, тогда, разумѣется, жители этого королевства вѣровали горячо и искренно въ непогрѣшимость папы. Стало быть, когда интердиктъ не былъ пустымъ словомъ, тогда онъ былъ жестокимъ наказаніемъ. А на кого падало это наказаніе? На массу народа, на толпу простодушныхъ бѣдняковъ; и съ особенною тяжестью ложилось оно именно на ревностнѣйшихъ защитниковъ папы, на его лучшихъ друзей, на самыхъ искреннихъ и усердныхъ католиковъ. Чтобы насолить сильному врагу, папа билъ въ самое чувствительное мѣсто своихъ слабыхъ и бѣдныхъ друзей. Интердиктъ клонился всегда къ той цѣли, чтобы возбудить въ государствѣ волненія и, посредствомъ этихъ волненій, довести провинившагося государя до необходимости покориться волѣ папы. Штука придумана недурно, но посмотрите, что изъ этого выходитъ. Положимъ, что цѣль интердикта достигнута; волненіе произошло; король смирился передъ папою; папа простилъ короля; миръ заключенъ къ обоюдному удовольствію высокихъ особъ; а потомъ что? Потомъ, разумѣется, король, успокоивши и обезпечивши себя со стороны духовнаго начальства, принимается очень серьезно и совѣмъ не ласково за тѣхъ подданныхъ, которые своею непокорностью заставили его смириться передъ папою. Происходитъ въ грандіозныхъ размѣрахъ та сцена изъ «Ревизора», когда городничій, послѣ отъѣзда Хлестакова, бесѣдуетъ съ купцами. «А, самоварники! жаловаться?»—Непріятно было положеніе самоварниковъ, но положеніе возмущавшихся подданныхъ было

еще гораздо неудобнѣе. Размѣры всей сцены были грандіозны; начинались пытки, вѣшанія, колесованія, четвертованія. И на кого сыпались всѣ эти непріятности? Именно на самыхъ, лучшихъ католиковъ, на тѣхъ, которые шли безтрепетно на самую опасную борьбу, лишь-бы только избавиться отъ невыносимаго для нихъ интердикта. А папа чего смотрѣлъ? Да папѣ до этого и дѣла никакого не было; до него, можетъ быть, и слухи объ этихъ казняхъ не доходили; велика важность, что два три десятка безпокойныхъ людей отправятся на плаху, на висѣлицу, въ застѣнокъ и на колесо; въ средніе вѣка на подобныя мелочи ни одинъ порядочный человѣкъ не обращалъ никакого вниманія. Да и не могъ же папа требовать отъ короля, чтобы онъ остановилъ въ своихъ владѣніяхъ правильный ходъ уголовного правосудія. Мятежниковъ слѣдуетъ наказывать, и церковь можетъ только напутствовать ихъ своими молитвами. Вотъ настоящее значеніе того механизма, который назывался интердиктомъ и который не разъ пускался въ ходъ съ самымъ полнымъ успѣхомъ, въ цвѣтущія времена клерикальнаго абсолютизма.

Теперь не трудно будетъ понять, почему я замѣтилъ выше, что Филиппъ-Августъ дѣйствовалъ въ ссорѣ своей съ папою, какъ превосходный политическій дѣятель. Папа, по обыкновенію, смотрѣлъ на массу народа, какъ на средство, какъ на *chair à canon*, какъ на подножіе своего святительскаго престола. Ему не было дѣла до того, что народъ будетъ страдать отъ прекращенія богослуженія, что онъ будетъ волноваться и что за эти волненія его будутъ бить и разорять. Такъ оно и должно быть, думалъ папа; народъ на то и созданъ, чтобы держать на своихъ плечахъ все бремя моего могущества. Въ мирное время онъ долженъ давать мнѣ свои деньги, въ военное время—свою кровь. Безъ этого и папой быть не стоитъ, да и невозможно. Но Филиппъ-Августъ поставилъ вопросъ иначе. Ты, святой отецъ, думалъ онъ, на кого сердиться? На меня? Прекрасно. За что? За то, что я на двухъ женахъ женатъ? Превосходно. Вотъ ты и ухитрись наказать меня, именно меня, преступнаго двоеженца. Попробуй достать меня, если руки не коротки. А французовъ моихъ не трогай. Они тутъ не при чемъ. Имъ отъ моихъ двухъ бракосочетаній не досталось ни денегъ, ни удовольствій. А кто вздумаетъ исполнять твое глупое приказаніе и тиранить моихъ подданныхъ, отказывая имъ въ томъ, что для нихъ составляетъ глубочайшую нравственную потребность, съ тѣмъ я съумѣю распорядиться по своему. Умъ и твердость Филиппа сдѣлали то, что грозный интердиктъ остался для Франціи мертвою буквою. Не было ни безтолковыхъ волненій, ни безплодныхъ казней.

Глубокой и роковой трагизмъ того положенія, въ которомъ уже съ XIII вѣка находилась римская теократія, заключается именно въ томъ, что самыя энергическія мѣры, предпринимаемыя для возвышенія и укрѣп-

ленія папскаго авторитета, обращались неизбежно во вредъ тому драхлѣющему принципу, который они должны были поддерживать. Разумѣется, папство въ XIII вѣкѣ было еще очень сильно, но оно уже не могло ни подниматься къ верху, ни даже остановиться на той высотѣ, которую оно занимало. Оно неизбежно должно было спускаться внизъ, и никакія усилія даровитыхъ личностей, подобныхъ Иннокентію III, могущественныхъ корпорацій, подобныхъ монашескимъ орденамъ, и спеціальныхъ учрежденій, подобныхъ инквизиціи, не могли остановить этого необходимаго паденія. Чего-чего только не придумывалъ Иннокентій, и все шло совсѣмъ не туда и не такъ, куда и какъ слѣдовало бы идти, по его клерикальнымъ соображеніямъ. Поднялъ крестовый походъ — вышелъ европейскій скандалъ, крестоносцы осрамились; ѣхали они въ Палестину, а пріѣхали въ Константинополь. Вступился за угнетенную женщину, захотѣлъ пострадать безсовѣстнаго супруга, — вышла ничтожнѣйшая демонстрація, отъ которой потомъ самому пришлось отказываться. Супругъ по прежнему остался безсовѣстнымъ, и папѣ пришлось поощрять двоеженство, признавая законность дѣтей, родившихся отъ второй жены, при жизни первой. Наступали тяжелыя времена.

IV.

Тенденціи XIII вѣка воплотились съ особенною силою въ личности и дѣятельности германскаго императора Фридриха II, того самаго Фридриха, который, въ дѣтствѣ своемъ, будучи королемъ сицилійскимъ, находился подъ опекою Иннокентія III. — Фридрихъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, передовымъ человѣкомъ своего времени. Но, произнося о немъ такое сужденіе, мы должны твердо помнить, что передовые люди XIII вѣка нисколько не похожи на передовыхъ людей XIX столѣтія. Въ наше время передовой человѣкъ долженъ быть непременно умнымъ, честнымъ и гуманнымъ человѣкомъ; онъ долженъ работать всѣми своими силами на пользу своихъ согражданъ и современниковъ, долженъ любить свою полезную дѣятельность больше всего на свѣтѣ и долженъ понимать совершенно сознательно, къ чему клонятся всѣ его труды и пожертвованія. Но въ XIII вѣкѣ *такихъ* передовыхъ людей не было и не могло быть. А были *другіе* передовые люди, и самымъ крупнымъ изъ этихъ другихъ, какъ по положенію, такъ и по личнымъ талантамъ, былъ императоръ Фридрихъ II.

Сильный умъ составляетъ необходимое условіе для всѣхъ передовыхъ людей, къ какому-бы вѣку они ни принадлежали. Передовые люди отличаются отъ массы своихъ современниковъ именно тѣмъ, что прямѣе, смѣлѣе и сознательнѣе ихъ ставятъ и рѣшаютъ общіе вопросы, выте-

кающіе изъ данныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Гдѣ масса бредеть оцущью, робѣя и спотыкаясь на каждомъ шагѣ, тамъ передовой человѣкъ идетъ твердой и развязной походкой. Для такой твердости и развязности, очевидно, необходима природная сила ума, укрѣпленная возможно лучшимъ образованіемъ. Но честность, гуманность, сознательное стремленіе къ общей пользѣ, разныя другія хорошія качества, перечисленныя мною выше, вовсе не составляютъ *во всякое время* необходимыхъ атрибутовъ передоваго человѣка. Напротивъ того, бывають такія историческія эпохи, когда эти качества именно въ передовомъ человѣкѣ совершенно невозможны и немислимы. Бывають такія эпохи, когда передовые люди, то есть, умѣйшіе, неизбежно дѣлаются безчестными, жестокими и своекорыстными личностями. Отсталые же люди, въ это самое время, могутъ блистать самыми трогательными и возвышенными добродѣтелями. XIII вѣкъ представляетъ намъ одну изъ такихъ трагическихъ эпохъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости моего замѣчанія, стоитъ только сравнить передоваго человѣка, Фридриха II, съ отсталымъ человѣкомъ, Людовикомъ IX. У перваго безсовѣстность была возведена въ принципъ, второй никогда въ жизни не измѣнялъ данному слову. Если-бы Фридрихъ II и Людовикъ IX оба были живы теперь, то, разумѣется, я бы вамъ сказалъ: держите ухо востро съ первымъ и смѣло довѣряйте второму ваши деньги, вашу честь, вашу сестру, жену или дочь, словомъ все, что хотите. Но вѣдь достовѣрно извѣстно, что оба они скончались; поэтому и разсуждать о нихъ слѣдуетъ совсѣмъ не такъ, какъ мы разсуждаемъ о живыхъ людяхъ, способныхъ насъ обокрасть, зарѣзать или ошельмовать. Когда мы становимся на всемірно-историческую точку зрѣнія, то есть, когда мы задаемъ себѣ вопросъ: какимъ путемъ шло чело-вѣчество къ своему теперешнему положенію? — тогда всѣ отдаленныя личности, Фридрихи, Людовики, Иннокентіи, Колумбы, Лютеры, Гуттенберги, становятся для насъ отвлеченными величинами. Встрѣчаясь съ какимъ нибудь собственнымъ именемъ, мы прежде всего задаемъ ему вопросъ: ты что такое? Ты—плюсъ или минусъ? То есть, другими словами: куда ты толкалъ людей—впередъ или назадъ? А чѣмъ толкалъ—добродѣтелями или пороками, умомъ или глупостью, дѣятельностью или праздноствіемъ? — Это вопросы, которые мы задаемъ себѣ не для того, чтобы хвалить или порицать толкавшую личность, а для того, чтобы изучить въ подробностяхъ самый механизмъ толканія. Поэтому, встрѣчаясь съ Фридрихомъ II, мы говоримъ: это—плюсъ; это—передовой человѣкъ, который шибко толкалъ людей впередъ. А чѣмъ толкалъ? Умомъ и безсовѣстностью. Встрѣчаясь съ Людовикомъ IX, мы говоримъ: это—минусъ; это отсталый человѣкъ; онъ упорно тянулъ людей назадъ. А чѣмъ?—Тупоуміемъ.

Спрашивается теперь, почему же въ политическомъ мірѣ XIII вѣка умъ и добросовѣстность взаимно исключали другъ друга? То есть, почему передовой политическій дѣятель того времени и настоящій двигатель общечеловѣческаго прогресса никакъ не могъ быть честнымъ чело­вѣкомъ? А вотъ видите-ли: бывають въ исторіи эпохи органическія и эпохи критическія, или, другими словами, эпохи положительныя и эпохи отрицательныя. Во время эпохъ органическихъ или положительныхъ система вѣрованій, идей и бытовыхъ формъ складывается, растетъ и укрѣпляется. Во время эпохъ критическихъ или отрицательныхъ го­товая система дряхлѣетъ и разрушается. Въ XII вѣкѣ закончилась органическая эпоха католицизма. Съ XIII вѣка уже ясно начинается для него критическая эпоха. Въ IX, въ X и въ XI вѣкѣ умнѣйшіе европейцы были еще искренними католиками. Умнѣйшіе европейцы XIII вѣка оказываются уже индифферентистами и скептиками. И если-бы въ умахъ тогдашнихъ европейцевъ не совершился этотъ поворотъ, то на земномъ шарѣ до настоящей минуты не было-бы ни желѣзныхъ дорогъ, ни электрическихъ телеграфовъ, ни телескопа, ни микроскопа, ни химиі, ни физиологіи, ни медицины. Папская власть систематически давила-бы всѣ зародыши научнаго изслѣдованія. Всякому же извѣстенъ тотъ фактъ, что римская инквизиція осудила Галилея за астрономическія открытія, и что въ училищахъ церковной области будутъ отрицать движеніе земли до тѣхъ поръ, пока Викторъ-Эммануиль или его преемники не овладѣють Римомъ. Стало быть, кто дорожить пріобрѣтеніями европейской науки и произведеніями европейской промышленности, тотъ долженъ сказать прямо, что индифферентизмъ къ папскому принципу XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ былъ безусловно необходимымъ для нашего теперешняго благосостоянія. Но индифферентистъ, очевидно, не можетъ обладать тѣми симпатичными качествами характера, которыми отличается мечтатель и энтузіастъ. Но само собою разумѣется, чистый типъ энтузіаста, какъ и все чистое, бываетъ во всякое время чрезвычайно рѣдокъ. Въ эпохи повальнаго энтузіазма обыкновенный чело­вѣкъ всегда бываетъ только *немножко* энтузіастомъ, и это *немножко* плаваетъ въ его натурѣ на значительномъ количествѣ ноздревскихъ, чичиковскихъ, плюшкинскихъ или какихъ-нибудь другихъ помоевъ такого же высокаго достоинства. Эти пѣгіе энтузіасты, разумѣется, любятъ другъ друга *немножко*, а грызуть другъ друга много, потому что поступки ихъ опредѣляются преимущественно ихъ личною грязью, а не общимъ ихъ во­душевленіемъ. Если хотите взглянуть на чистаго энтузіаста, возьмите Людовика IX. Чище его вы не найдете, да и врядъ-ли найдете другаго такого чело­вѣка между политическими дѣятелями католическаго міра. Но этотъ поборникъ папскаго принципа могъ развернуть свои силы съ пользою для чело­вѣчества въ VI или въ VII вѣкѣ, а никакъ не въ XIII.

Ему надо было жить во времена Григорія I и дѣйствовать заодно съ миссіонеромъ Бонифаціемъ, обращавшимъ въ христіанство прирейнскихъ германцевъ и погибшимъ смертью мученика въ землѣ дикихъ фризовъ. При такихъ условіяхъ, Людовикъ былъ-бы передовымъ и полезнымъ человекомъ, потому что, во времена миссіонера Бонифація, историческая задача, стоявшая на очереди, заключалась въ томъ, чтобы связать единствомъ какой-нибудь высшей идеи разрозненные племена европейскихъ дикарей. Но въ XIII вѣкѣ стояла на очереди совсѣмъ другая историческая задача. Надо было, во что-бы то ни стало, поколебать силу папства. А кто могъ въ то время сражаться съ папствомъ и одерживать надъ нимъ побѣды? Разумѣется, не теоретики, не ученые, не мыслители. На всѣ аргументы этихъ людей папство отвѣчало-бы тѣми неопровержимыми доводами, которыми оно побѣдило вольнодумцевъ южной Франціи. Мудрено аргументировать противъ такого принципа, который отстаиваетъ свою неприкосновенность огнемъ и желѣзомъ. Бороться съ папствомъ могли въ XIII вѣкѣ только тѣ люди, которые сами держали въ рукахъ огонь и желѣзо.

Но какія побудительныя причины должны были вовлечь свѣтскую власть въ борьбу съ папствомъ? За какую нибудь *идею* свѣтская власть бороться не могла; энтузіазма невозможно ожидать отъ ея представителей. Въ XIII столѣтіи не зарождались еще идеи сознательнаго чело-вѣколюбія и безконечнаго прогресса XVIII вѣка. Столкновение между папствомъ и свѣтскою властью могло произойти только изъ-за личныхъ, узкихъ и мелкихъ интересовъ. Деньги и господство—вотъ яблоко раздора между клерикалами и феодалами. Властолюбіе и корыстолюбіе—вотъ двигатели важнѣйшихъ историческихъ событій, поколебавшихъ зданіе папства. Вѣровать въ непогрѣшимость папы, умные политики XIII вѣка уже не могли; любить людей и работать для общаго блага они еще не умѣли. Стало быть, имъ оставалось только жить, по возможности, въ свое личное удовольствіе, копить или тратить награбленные деньги, вести опустошительныя войны и безсовѣстные интриги единственно для того, чтобы наслаждаться ощущеніемъ собственнаго могущества, физическаго и умственнаго. И чѣмъ умнѣе былъ политическій дѣятель того времени, тѣмъ безграничнѣе была его безсовѣстность. А выработать себѣ новыя идеи онъ все-таки былъ не въ состояніи, какъ бы ни былъ онъ гениаленъ. Въ той жизни, которая его окружала, не было еще никакихъ матеріаловъ для выработки этихъ новыхъ идей. И поэтому, для умнаго политика XIII вѣка существовало только одно нравственное правило: не зѣвай, то есть, умѣй всегда, какими бы то ни было средствами, устроить такъ, чтобы матеріальная сила была на твоей сторонѣ. Такими передовыми людьми XIII столѣтія было очень богато; и такіе люди, похожіе на хищныхъ звѣрей, опасные для союзниковъ и для враговъ,

оказали своею дѣятельностью незамѣнимую услугу развитію европейскаго ума. Ихъ дрянныя страсти, ихъ полнѣйшая безсовѣстность, ихъ неукротимая энергія и ихъ изворотливый умъ, взятые вмѣстѣ и соединенные притомъ съ матеріальною силою, сдѣлали ихъ такими опасными бойцами, противъ которыхъ никакъ не могло устоять папское могущество, если бы оно рѣшилось держать въ отношеніи къ нимъ строгооборонительную тактику. А когда дрянныя страсти властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ политиковъ расшатали папское зданіе, тогда явилась для европейцевъ возможность наблюдать, размышлять, учиться, дѣлать открытія и распространять знанія въ обществѣ.

Теперь мы можемъ обратиться къ біографіи Фридриха II, умнѣйшаго и безсовѣстнѣйшаго изъ передовыхъ людей XIII вѣка. Это—Филиппъ Августъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

V.

Сицилійское королевство Фридриха II, лежавшее по обѣ стороны Мессинскаго пролива, было самымъ промышленнымъ, самымъ богатымъ и самымъ образованнымъ государствомъ тогдашней Европы. Сицилія и южная Италія были наполнены арабами и евреями; здѣсь, какъ и вездѣ, эти двѣ народности, отличаясь трудолюбіемъ, предпримчивостью и смеліею, дали сильнѣйшій толчокъ экономическому и умственному развитію страны. Земледѣліе, фабричная промышленность и торговля Сицилійскаго королевства находились въ цвѣтущемъ состояніи. Умственная жизнь страны сосредоточивалась въ трехъ знаменитыхъ училищахъ, привлекавшихъ въ предѣлы государства тысячи любознательныхъ иностранцевъ. Въ Салерно славилась школа медицины и естественныхъ наукъ; преподавателями были арабы и евреи: благодаря ихъ усиліямъ, скептическая философія арабовъ, отрѣшившихся въ то время отъ поклоненія корану, пускала корни въ умы разноплеменныхъ слушателей, которые потомъ распространяли тѣ же идеи во всѣхъ концахъ католической Европы. Другая школа, въ Амальфи, формировала юристовъ, смотрѣвшихъ на государственныя учрежденія совѣмъ не такъ, какъ того желали клерикалы. Эти средневѣковые законовѣды во всѣхъ столкновеніяхъ церкви съ свѣтскою властью, поддерживали послѣднюю всѣми правдами и неправдами утонченной юридической діалектики. Тутъ безсовѣстность облекалась всегда въ приличныя и величественныя формы. Третья школа, въ Неаполѣ, была также посвящена правовѣденію.

Роскошный климатъ Сициліи и блестящая обстановка богатаго двора развили въ молодомъ Фридрихѣ наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Сдѣлавшись королемъ на третьемъ году жизни и выросши, безъ отца и безъ матери, среди придворныхъ льстецовъ, онъ остался до са-

мой смерти страстнымъ и непреклоннымъ властолюбцемъ. Получивши блестящее образованіе, онъ смотрѣлъ на поэзію, на искусства и на науки очень благосклонно, какъ на хорошее средство украшать и разнообразить жизнь различныхъ меценатовъ, подобныхъ ему самому. Онъ любилъ держать при своемъ дворѣ мыслителей и поэтовъ; онъ даже самъ въ свободныя минуты занимался рифмоплетствомъ, вмѣстѣ съ своимъ канцлеромъ и другимъ, Петромъ а-Винсисъ. Арабы, евреи, поэты, мыслители, придворные, все что окружало молодого Фридриха, все было насквозь пропитано скептицизмомъ, не слишкомъ глубокимъ, но очень заразительнымъ. Двусмысленныя распоряженія королевскаго опекуна, Иннокентія Ш, запускаяшаго безъ церемоній свою елерикальную лапу въ сундуки сицилійскаго казначейства, давали ежедневно новую пищу остроумію дворцовыхъ скептиковъ, и Фридрихъ, рано начавшій тяготиться непрошеною и убыточною опекою, по всей вѣроятности, слушалъ съ удовольствіемъ и поощрялъ насмѣшки своихъ приближенныхъ надъ политикою римскаго іерарха. Такимъ образомъ выработывался изъ даровитаго мальчика, сидѣвшаго на сицилійскомъ престолѣ,—образованный эпикуреецъ, суровый властитель и совершенный космополитъ въ дѣлѣ религіи. Фридриху нравились обычаи магометанъ: онъ любилъ носить ихъ костюмъ; онъ держалъ въ своемъ дворцѣ роскошный гаремъ, составленный большею частью изъ магометанокъ; онъ находился въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ магометанскими государями Европы, Азіи и Африки; онъ обмѣнивался съ ними подарками и пользовался ихъ уваженіемъ; но къ ученію корана онъ относился равнодушно, насмѣшливо и даже презрительно. При его дворѣ жили сыновья знаменитаго арабскаго ученаго Аверроэса, открыто смѣявшагося надъ Магометомъ. «Однѣ свиньи, говорилъ Аверроэсъ, могутъ считать ученіе этого человѣка разумнымъ, единственно потому, что Магометъ принялъ свиней подъ свое покровительство, запретивъ людямъ употреблять въ пищу свиное мясо». — Фридрихъ рано возмужалъ: ему было всего пятнадцать лѣтъ, когда у него родился первый законный сынъ, Генрихъ; незаконныя дѣти рождались, быть можетъ, еще раньше. Двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1215 году, онъ принялъ въ Ахенѣ корону германскаго короля и, вслѣдствіе этого, три года воевалъ съ императоромъ Оттономъ IV. Война эта кончилась смертью Оттона, въ 1218 году. Фридрихъ два раза обманулъ папу, чтобы привлечь его на свою сторону. Во-первыхъ, онъ обѣщалъ ему, что сицилійская корона никогда не будетъ соединена съ германскою. Сицилію онъ обязался отдать своему старшему сыну Генриху, отказываясь за него отъ всякихъ притязаній на Германію и на императорскую корону. Поступилъ же онъ какъ разъ наоборотъ. Онъ оставилъ за собою и Сицилію, и Германію, и сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы имперскіе

князья выбрали Генриха его преемникомъ. Онъ вполне достигъ своей цѣли, и тогда написалъ къ папѣ, что государственные чины выбрали его сына безъ его вѣдома. Къ счастью для Фридриха, папою былъ уже не Иннокентій, а Гонорій III, котораго не трудно было успокоивать выдумками и обѣщаніями. Вторая уловка Фридриха состояла въ томъ, что онъ, при своемъ коронованіи, далъ торжественную клятву отправиться въ крестовый походъ. Ему, отъявленному скептику и другу магометанъ, было, разумѣется, очень смѣшно говорить торжественно о религиозной войнѣ и о благочестивой ненависти къ невѣрнымъ. Однако онъ выдержалъ свою роль превосходно, повторилъ обѣщаніе въ Римѣ, принимая изъ рукъ папы, въ 1220 году, императорскую корону, и, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1215—1228) морочилъ всю Европу, показывая видъ, будто дѣлаетъ колоссальныя приготовленія для завоеванія Палестины.

Благонамѣренная маска крестоносца была полезна для Фридриха въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она задобрила папу въ то время, когда Оттонъ былъ еще живъ и когда Фридрихъ еще не былъ императоромъ; а во-вторыхъ, она, въ теченіе многихъ лѣтъ, давала Фридриху возможность вооружаться и собирать вокругъ себя рыцарей, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ тѣхъ людяхъ, противъ которыхъ вооруженное рыцарство должно было направиться. Вся политика Фридриха клонилась преимущественно къ одной главной цѣли: ему хотѣлось, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли федерацію ломбардскихъ городовъ и утвердить навсегда императорскую власть сѣверной Италіи. Не трудно понять, почему ломбардскіе города сосредоточивали на себѣ все вниманіе Фридриха. Независимая федерація этихъ городовъ разрывала пополамъ его владѣнія; сверхъ того, только эта федерація, державшая въ своихъ рукахъ ключи альпійскихъ проходовъ, могла сколько нибудь обезпечить самостоятельность папы. Если бы Фридриху, господствовавшему въ Германіи и владѣвшему южной Италіей, удалось завоевать Ломбардію, то папа мгновенно превратился бы въ императорскаго чиновника. Возобновились бы тогда времена Карла Великаго и Оттоновъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, папы времянь Фридриха II поддерживали постоянно самый тѣсный союзъ съ ломбардскою демократією; за нападеніе на эти города папа всегда гнѣвался, бранился и мстилъ, какъ за личное оскорбленіе. Занимаясь интригами и мелкими войнами въ сѣверной Италіи, путешествуя постоянно изъ Германіи въ Сицилію и обратно, Фридрихъ въ то же время нѣсколько разъ распускалъ слухи, что въ такой-то день, въ такомъ-то приморскомъ городѣ онъ непременно сядетъ на корабль и поплыветъ въ Палестину. Кораблей у него, какъ у короля сицилійскаго, всегда было достаточно, и онъ дѣйствительно держалъ ихъ наготовѣ, такъ что слухи оказывались

чрезвычайно правдоподобными. Имъ вѣрили и папа, и европейскіе государи, и тѣ благочестивые авантюристы, которые стремились загладить свои прегрѣшенія войной съ невѣрными.

Въ 1217 году, въ Палестину отправилось многочисленное и чрезвычайно разноплеменное крестоносное воинство подъ начальствомъ многихъ отдѣльныхъ вождей. Не сдѣлавъ ничего путнаго въ Палестинѣ, многіе изъ этихъ крестоносцевъ вернулись домой, другіе отправились воевать въ Египетъ. Фридрихъ въ это время, по своему обыкновению, дѣлалъ видъ, что собирается выступить въ походъ противъ невѣрныхъ. При этомъ онъ постоянно поддерживалъ тайныя дипломатическія сношенія съ магометанскими государями. Разумѣется, походъ его не состоялся, и онъ жестоко повредилъ успѣху всего предпріятія именно тѣмъ, что обѣщалъ принять въ немъ участіе и обнаруживалъ притворную готовность исполнить свое обѣщаніе. Крестоносцы, отправившіеся въ Египетъ, ожидали его со дня на день, и въ этихъ безплодныхъ ожиданіяхъ провели цѣлый годъ; когда же они, наконецъ, рѣшились дѣйствовать безъ Фридриха, то благопріятная минута оказалась упущенною; магометане, успѣвши уладить свои домашнія дѣла, встрѣтили христіанъ съ такимъ единодушіемъ, что весь крестовый походъ кончился мирнымъ договоромъ, по которому крестоносцы получили позволеніе уйти изъ Египта по-добру, по-здорову. Фридрихъ отъ души смѣялся съ своими приближенными надъ неудачнымъ исходомъ священной войны, и, для поддержанія своей благочестивой роли, отправилъ къ берегамъ Египта сорокъ галеръ тогда, когда эти галеры не могли принести крестоносцамъ ни малѣйшей пользы. Разумѣется, эти галеры прогулялись по Средиземному морю и вернулись назадъ, а Фридрихъ сталъ писать къ папѣ раздирательныя письма о бѣдственномъ положеніи святой земли, обмѣниваясь въ то же время дружескими комплиментами съ египетскимъ султаномъ. Въ 1223 году, Фридрихъ повидался съ папою, наговорилъ ему несмѣтное множество хорошихъ словъ, показалъ себя усерднѣйшимъ изъ крестоносцевъ и взялъ себѣ только двухлѣтнюю отсрочку, доказывая неопровержимо, что такая отсрочка должна непременно обезпечить успѣхъ всего предпріятія. Для большей убѣдительности, Фридрихъ тогда же обручился съ Іолантою, дочерью іерусалимскаго короля, Іоанна Бріенскаго. Прошло два года, и Фридрихъ, разумѣется, не тронулся съ мѣста. Но чтобы еще разъ показать свое крестоносное усердіе, онъ въ 1225 году женился на Іолантѣ или, «правильнѣе, какъ говоритъ Шлоссеръ, взялъ ее въ свой гаремъ, къ другимъ женамъ». Совершивъ такой великій подвигъ, Фридрихъ почувствовалъ необходимость отдохнуть и потребовалъ себѣ отъ папы новую двухлѣтнюю отсрочку, объявивъ торжественно, что если и черезъ два года онъ не разгромитъ магометанъ, то пусть отлучаютъ его отъ церк-

ви. Женившись на Иолантѣ, Фридрихъ принялъ титулъ и приобрѣлъ права іерусалимскаго короля; «права же эти, по словамъ Шлоссера, были ему полезны тѣмъ, что давали возможность еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, усиливать флотъ и войско на суммы, жертвуемыя благочестивыми людьми для религіозныхъ цѣлей». Желая показать, что онъ смотритъ серьезно на свой новый титулъ, Фридрихъ послалъ въ Палестину епископа амальфійскаго съ порученіемъ принять отъ іерусалимскихъ бароновъ присягу. — Наступилъ новый срокъ, торжественно назначенный самимъ Фридрихомъ. Нѣсколько тысячъ крестоносцевъ собралось къ этому времени въ южной Италиі; другіе отправились впередъ въ Палестину. Разумѣется, всѣ эти ожиданія оказались совершенно напрасными; крестоносцамъ пришлось разѣхаться по домамъ, но большая часть изъ нихъ умерла въ Апуліи отъ жаркаго климата. Осенью 1227 года, преемникъ папы Гонорія Ш, Григорій IX, произнесъ надъ Фридрихомъ отлученіе отъ церкви.

Если-бы Фридрихъ просто уклонился отъ крестоваго похода, то папа врядъ-ли рѣшился-бы на такую энергическую мѣру. Отсрочка слѣдовала-бы за отсрочкою, и дѣло понемногу заглохло-бы само собою. Но Фридрихъ, въ послѣднее время, слишкомъ усердно хлопоталъ о завоеваніи Ломбардіи, и тогда папа, изъ чувства самосохраненія, принужденъ былъ пустить въ ходъ противъ предприимчиваго императора всю тяжелую артиллерію папскихъ ругательствъ и проклятій. Къ сожалѣнію, Фридриха было очень мудроно запугать какимъ-бы то ни было оружіемъ, свѣтскимъ или духовнымъ. На проклятія папы онъ отвѣчалъ рѣзкими манифестами. Въ то же время, онъ такъ успѣшно велъ противъ папы сложныя и запутанныя интриги, что въ пасху 1228 года римскій народъ выгналъ папу изъ Рима. И въ это же самое время онъ доказывалъ въ своихъ циркулярахъ, что онъ—покорный сынъ церкви и угнетенная невинность, а папа — жестокосердый тиранъ, терзающій и проклипающій, по своимъ личнымъ расчетамъ, самыхъ усердныхъ защитниковъ католицизма. И циркуляры были написаны такъ убѣдительно, факты были подобраны и освѣщены такъ искусно, что Европа поневолѣ изумлялась и вѣрила. Осенью 1228 года, Европѣ пришлось изумиться особенно сильно: Фридрихъ поѣхалъ въ Палестину по приглашенію египетскаго султана Камеля и приобрѣлъ отъ него Іерусалимъ и другія святыя мѣста, не проливши ни одной капли крови. Дѣло въ томъ, что Камель искалъ себѣ въ Фридрихѣ надежнаго союзника противъ своихъ единовѣрцевъ и ближайшихъ родственниковъ. Камель, подобно Фридриху, держался того правила, что въ государственныхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться не религіознымъ чувствомъ, а политическимъ расчетомъ. Весною 1229 года, заключивъ съ Камелемъ мирный договоръ, Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ, самъ надѣлъ на себя корону въ

церкви святаго гроба и, вслѣдъ за тѣмъ, возвратился въ Европу. Въ это время папа навербовалъ себѣ солдатъ и опустошалъ южную Италию, пользуясь отсутствіемъ Фридриха. Тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Европу, Фридрихъ разогналъ шайки бандитовъ и немедленно заявилъ всѣмъ правительствамъ католическаго міра, что папа ограбилъ его владѣнія въ то время, когда онъ, Фридрихъ, совершалъ въ Палестинѣ богоугодныя дѣла. Папа, съ своей стороны, старался доказать, что эти дѣла совсѣмъ не богоугодны, и что Фридрихъ заключилъ въ Палестинѣ союзъ съ дьяволомъ, то есть, съ Камелемъ; но общественное мнѣніе Европы рѣшительно склонилось на сторону императора, и Григорій IX, въ 1230 году, принужденъ былъ снять съ него отлученіе отъ церкви.

VI.

Въ 1231 году, Фридрихъ обнародовалъ для своего Сицилійскаго королевства новый сводъ законовъ, составленный его канцлеромъ, Петромъ а-Винисемъ. Чтобы господствовать въ Германіи, чтобы раздавить ломбардскую федерацію, чтобы окончательно смирить папу, Фридриху необходимо было располагать постоянно огромными суммами денегъ. Поэтому, финансы составляли центръ всей системы его управленія. Онъ, вмѣстѣ съ своимъ канцлеромъ, старался разрѣшить слѣдующую политическую задачу: брать съ подданныхъ какъ можно больше денегъ, но такъ, чтобы самые источники государственныхъ доходовъ не истощались, то есть, чтобы основной капиталъ народа не уменьшался. Для этого, очевидно, надо было устроить такъ, чтобы, по возможности, всѣ деньги, собираемыя съ народа, поступали въ государственное казначейство, и чтобы какъ можно меньше народныхъ денегъ уходило въ карманы частныхъ лицъ и корпорацій; кромѣ того, надо было, по возможности, устранить все то, что мѣшало народу трудиться, промышленять, торговать и совершенствоваться въ различныхъ отрасляхъ ремесленной, фабричной, художественной и научной дѣятельности.

Фридрихъ II и его канцлеръ поняли свою задачу именно такимъ образомъ: оба они смотрѣли на Сицилійское королевство такъ, какъ дѣльные хозяева смотрятъ на доходныя имѣнія. Народъ былъ для нихъ оброчною статьею, но, по крайней мѣрѣ, оба они, какъ люди очень умные, понимали довольно вѣрно тѣ условія, при которыхъ эта оброчная статья можетъ постоянно приносить значительные доходы. Этого правильнаго пониманія было совершенно достаточно для того, чтобы поставить законодательство и администрацію Фридриха неизмѣримо выше всей теоріи и практики его современниковъ. Въ новомъ кодексѣ

было много постановлений, ограждавшихъ права короля и народа отъ неумѣренныхъ притязаній духовенства; евреямъ и магометанамъ предоставлялась полная религіозная свобода; церковныя помѣстья облагались податью наравнѣ съ другими землями; духовныя лица должны были подчиняться гражданскимъ законамъ наравнѣ со всѣми остальными подданными; всѣмъ сицилійцамъ запрещалось продавать или дарить родовыя имѣнія церквямъ, монастырямъ и монастырскимъ рыцарскимъ орденамъ. Ордалин, то есть, различныя судебныя испытанія водою, жельзомъ, огнемъ, совершенно отмѣнялись; судебный поединокъ допускался только въ очень немногихъ случаяхъ; говоря о судебныхъ поединкахъ, кодексъ Фридриха открыто выражаетъ ту мысль, очень смѣлую для XIII вѣка, что побѣда зависитъ отъ силы и ловкости бойца, а не отъ правоты его дѣла. «Свидѣтельствуя объ обширномъ, независимомъ умѣ Фридриха,—говоритъ Шлоссеръ,—этотъ кодексъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить доказательствомъ, что въ Италіи общественная жизнь въ то время была болѣе развита, чѣмъ гдѣ-либо; это видно, между прочимъ, изъ того, что Фридрихъ счелъ нужнымъ опредѣлить, какую часть съ цѣнности предмета процесса имѣлъ право адвокатъ требовать отъ кліента. Слѣдовательно, юридическая защита въ судахъ уже была тогда необходима. То же самое доказывается и постановленіями о медицинской полиціи: въ нихъ точно опредѣлялись обязанности врача, плата за посѣщеніе больныхъ, и все, касающееся аптекъ; а отъ всякаго, желающаго практиковать медика, требовался строгій экзаменъ и указывалось, какъ приобрести необходимыя свѣдѣнія» (т. VII, стр. 265).

Медицинская школа, находившаяся въ Салерно, пользовалась постояннымъ покровительствомъ Фридриха; ученые могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не боясь ежеминутно, что ихъ обвинятъ въ безбожій или въ колдовствѣ. Изъ ненависти къ верхне-итальянскимъ городамъ, Фридрихъ основалъ въ Неаполѣ превосходный университетъ. Студентамъ неаполитанскаго университета были предоставлены такія права и привилегіи, какими никогда и нигдѣ еще не пользовались средне-вѣковые студенты. Фридрихъ довелъ свою внимательность къ учащейся молодежи до такихъ неслыханныхъ размѣровъ, что особымъ эдиктомъ гарантировалъ иностранцамъ, желавшимъ учиться въ Неаполѣ, безопасность дороги, дешевизну жизни и полную свободу во время всего пребыванія ихъ въ предѣлахъ Сицилійскаго королевства. Въ этомъ эдиктѣ были даже опубликованы цѣны квартиръ, и объявлялось, кромѣ того, что правительство заботится о кредитѣ для учащихся и о хорошемъ качествѣ помѣщеній. Если-бы Фридрихъ издавалъ такіе необыкновенные эдикты изъ безкорыстной любви къ просвѣщенію, то его смѣло можно было-бы поставить рядомъ съ Элоизою, родившею на свѣтъ сына и пенашедшею для него лучшаго имени, какъ *Астролябія*. Покрови-

тельствовать просвѣщенію — дѣло прекрасное; но когда правитель обширнаго государства публикуетъ въ своихъ эдиктахъ цѣны студентическихъ квартиръ и гарантируетъ своевластно кредитъ для учащихся юношей, тогда, очевидно, любовь къ наукѣ превращается у этого правителя въ мономанію, которая можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для всѣхъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Но ясный, глубокий и холодный умъ Фридриха былъ совершенно обезпеченъ противъ всякой мономаніи. Необыкновенный эдиктъ о квартирахъ и о кредитѣ былъ вызванъ не любовью императора къ наукѣ и къ студентамъ, а его враждебными отношеніями къ городамъ верхней Италіи, и преимущественно къ Болоньѣ, которая была богата и сильна, единственно благодаря своему знаменитому университету, привлекавшему ежегодно болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. Этыхъ иностранцевъ Фридриху желательно было перетянуть въ Неаполь для того, чтобы купцы, ремесленники и домохозяева Болоньи остались на бобахъ и заскрежетали зубами.

Разоряя обывателей города Болоньи, новый неаполитанскій университетъ, кромѣ того, солилъ также самымъ чувствительнымъ образомъ всегдашнему благопріятелю Фридриха, папѣ. Болонскій университетъ находился подъ покровительствомъ папы и, проводя въ своемъ преподаваніи теократическія тенденціи, распространялъ клерикальныя идеи по всей католической Европѣ, посредствомъ тѣхъ двѣнадцати тысячъ иностранцевъ, которые ежегодно уивались болонскою премудростью. Въ Неаполѣ же любознательнымъ иностранцамъ предлагалась, вмѣстѣ съ кредитомъ и дешевыми квартирами, премудрость совсѣмъ другого сорта. Въ неаполитанскомъ университетѣ господствовала философія Аристотеля въ совершенно неискаженномъ видѣ. Многія важнѣйшія каѳедры были заняты арабами и евреями; скептическое направленіе преподаванія нисколько не считалось предосудительнымъ; при такихъ условіяхъ, рьяный католицизмъ былъ, очевидно, немислимъ. По приказанію Фридриха, ученые неаполитанскаго университета въ первый разъ перевели всѣ сочиненія Аристотеля прямо съ греческаго языка на латинскій; до того времени, Европа знала Аристотеля только по переводамъ, сдѣланнымъ изъ вторыхъ рукъ, съ арабскихъ переводовъ. Новый, настоящій Аристотель быстро распространился по всѣмъ тогдашнимъ университетамъ; клерикалы, и во главѣ ихъ самъ папа, старались остановить это умственное движеніе. Григорій IX, въ 1231 году, запретилъ католикамъ читать сочиненія Аристотеля о философіи природы до тѣхъ поръ, пока эти книги не будутъ исправлены и очищены учеными богословами. Запрещеніе это ни къ чему не повело; Аристотель остался неочищеннымъ, и студенты всѣхъ націй продолжали читать его съ неимоверною жадностью.

Всматриваясь въ такіе факты, какъ основаніе неаполитанскаго университета и переводъ Аристотеля, мы поневолѣ должны изумляться дальновидности Фридриха II. Этотъ властолюбивый эпикуреецъ, невѣрившій въ безсмертіе души и презиравшій судъ исторіи, умѣлъ однако, подобно всѣмъ гениальнымъ людямъ, смотрѣть впередъ, въ далекое будущее, и, независимо отъ своей собственной воли, по непосредственной гениальности своего ума, выбиралъ противъ своихъ враговъ такіа средства, которыя подрывали ихъ могущество въ основномъ принципѣ, и которыя дѣйствовали на многія поколѣнія, дѣйствовали тогда, когда уже и самъ Фридрихъ, и всѣ его личные враги давнымъ давно лежали въ могилахъ.

VII.

Установивъ на прочныхъ основаніяхъ внутреннее управленіе Сицилійскаго королевства, Фридрихъ II, съ 1236 года, сосредоточилъ все свое вниманіе на покореніи Ломбардіи. Ломбардцы защищались отчаянно. Къ нимъ примкнули морскія державы Италіи: Генуя и Венеція. Папа старался сперва урезонить властолюбиваго императора, но Фридрихъ попросилъ его разъ навсегда не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Тогда папа, вовсе не желая исполнить эту нескромную просьбу, открыто присоединился къ союзу верхне-итальянскихъ городовъ, и въ 1239 году снова отлучилъ отъ церкви своего стариннаго врага. Съ этой минуты, до самой смерти Фридриха, то есть до 1250 года, борьба его съ папствомъ уже не прекращалась. Воюющія стороны осыпали другъ друга проклятіями, ругательствами и публичными обвиненіями. Фридрихъ писалъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что папа—воръ, пьяница, и развратникъ. Григорій IX объявлялъ, съ своей стороны, что императоръ—негодяй, еретикъ и безбожникъ, невѣрующій въ Христа и осмѣивающій таинства религіи. — «Недостойный намѣстникъ Христа, писалъ Фридрихъ, сидитъ въ своемъ дворцѣ, какъ купецъ въ лавкѣ, и за золото продаетъ отпущеніе грѣховъ, пишетъ и подписываетъ векселя и пересчитываетъ деньги. Онъ только потому и преслѣдуетъ меня своею ненавистью, что я не согласился женить на его племянницѣ моего побочнаго сына Энціо, теперешняго короля Сардиніи... Среди церкви, продолжаетъ онъ, возсѣдаетъ бѣснующійся кудесникъ, человекъ лжи, святитель, оскверненный преступленіями и развратомъ... Онъ пьяница и, хмѣльной, называетъ себя повелителемъ неба и земли». — Григорій, разумѣется, не оставался въ долгу и отвѣчалъ блистательными ругательствами на обличительное краснорѣчіе Фридриха. — «Изъ волнъ морскихъ, возвѣщаетъ папа, вышелъ звѣрь, на которомъ написано крупными бук-

вами его имя: «богохульство». — Оказывается, что этотъ звѣрь ничто иное, какъ самъ Фридрихъ II. — «Онъ (то есть, звѣрь или Фридрихъ) утверждаетъ ложно, что и взбѣшенъ по поводу несостоявшагося брака между моею племянницею и его побочнымъ сыномъ. Онъ лжетъ еще болѣе безсовѣстнымъ образомъ, утверждая, что я продалъ мою вѣру ломбардцамъ».

Доминиканцы, бывшіе постоянно самыми твердыми защитниками папства, неутомимо проповѣдывали противъ Фридриха въ самыхъ низшихъ слояхъ европейскаго народонаселенія; любимую темою ихъ проповѣдей были пзвѣстныя сношенія Фридриха съ магометанскими привителями; при этомъ не забывались, разумѣется, и тѣ права, которыми пользовались въ Сицилійскомъ королевствѣ евреи и арабы. Изъ всѣхъ этихъ неопровержимыхъ и совершенно достовѣрныхъ фактовъ усердные монахи выводили то очень натянутае заключеніе, что Фридрихъ совершенно отказался отъ христіанства и старается истребить его оружіемъ, учеными сочиненіями и дерзкими насмѣшками. Для большей убѣдительности и для красоты слога, проповѣдники приписывали Фридриху разныя недѣльныя кощунства, которыхъ, разумѣется, никогда не позволилъ бы себѣ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, умный и осторожный правитель, особенно, если принять въ соображеніе, что этому правителю было уже слишкомъ сорокъ лѣтъ, и что онъ, съ самой ранней молодости, выучился владѣть собою и обманывать всю Европу своимъ лицемѣриемъ. Ходили, правда, какіе-то темные слухи о какой-то таинственной книгѣ, говорили, что эта книга наполнена дерзкими выходками противъ христіанства и что ее написалъ самъ Фридрихъ или, по крайней мѣрѣ, его канцлеръ, Петръ а-Винсисъ; но книга эта до насъ не дошла; извѣстія о ней чрезвычайно отрывочны и смутны; ссылаются на эту книгу злѣйшіе враги Фридриха II; а на самомъ дѣлѣ очень трудно повѣрить тому, чтобы серьезные государственные люди, заваленные разнообразнѣйшими заботами по всѣмъ отраслямъ законодательства, дипломатіи, судопроизводства, финансовой и гражданской администраціи, вздумали сочинять недѣльный памфлетъ, отъ котораго они не могли ожидать себѣ ничего, кромѣ хлопотъ и непріятностей. Всего правдоподобнѣе, что вся эта книга есть чистый мифъ, созданный епископами и монахами Сицилійскаго королевства. Само собою разумѣется, что всѣ клерикалы южной Италіи и Сициліи были озлоблены до глубины души законодательною и административною дѣятельностью Фридриха, которому постоянно помогать его канцлеръ. Выразиться въ вооруженномъ возстаніи это озлобленіе не могло, потому что Фридрихъ былъ очень бдителенъ и поступалъ очень круто съ нарушителями общественнаго спокойствія. Значить, надо было мстить осторожно, посредствомъ клеветы; а клевету всего удобнѣе было направить противъ той стороны въ лич-

ности Фридриха и его канцлера, которая дѣйствительно вызывала въ народѣ толки и сомнѣнія. Императоръ ведетъ дружбу съ невѣрными — чего же лучше? Сейчасъ можно прицѣпить къ этому обстоятельству обвиненіе въ отступничествѣ, въ безбожїи, въ насмѣшкѣ надъ святыней. И разумѣется, не зачѣмъ было останавливаться на неопредѣленныхъ толкахъ; можно было сочинить цѣлые рассказы съ именами дѣйствующихъ лицъ, съ указаніемъ мѣста и времени, съ приведеніемъ фантастическихъ заглавій, принадлежащихъ несуществующимъ сочиненіямъ.

Въ то время, когда Фридрихъ, отлученный отъ церкви, ругался съ папою передъ лицомъ всей католической Европы, въ то время, когда доминиканцы громили его въ своихъ проповѣдяхъ, — францисканцы стояли за него горою и распространяли въ народѣ разные слухи, невыгодные для папства. Генераль францисканскаго ордена, Илія, непосредственный преемникъ Святого Франциска, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха. Этотъ глубокой раздоръ клерикаловъ между собою показываетъ особенно наглядно ветхость католицизма. Если можно было оставаться католикомъ, монахомъ и проповѣдникомъ, поддерживая заклятыхъ враговъ папы, людей, отлученныхъ отъ церкви и обвиненныхъ въ безбожїи, то, очевидно, католицизмъ переставалъ быть дѣломъ искренняго убѣжденія и превращался въ мертвую массу условныхъ формальностей даже для тѣхъ людей, которые, по своему официальному положенію, были обязаны проводить и поддерживать словомъ и примѣромъ католическія идеи. Впрочемъ Фридрихъ съ своей стороны старался, по возможности, разными подвигами благочестія, облегчать трудную задачу услужливыхъ францисканцевъ, взявшихъ на себя его защиту. Чтобы доказать католической Европѣ, что онъ не совсѣмъ пропащій человекъ и что лютые доминиканцы взводятъ на него чистѣйшую напраслину, Фридрихъ преслѣдовалъ, пыталъ и сжигалъ въ верхней Италїи тѣхъ самыхъ еретиковъ, которыхъ папа, со временъ альбигойской войны, безпощадно истреблялъ въ южной Франціи. Но Григорій IX ни за что не хотѣлъ уступить Фридриху рѣ двуличности. Григорій принялъ итальянскихъ еретиковъ подъ свое покровительство и сталъ проклинать Фридриха за его жестокость, въ то самое время, когда папскіе легаты и доминиканскіе инквизиторы продолжали свирѣпствовать противъ еретиковъ южной Франціи. Одинъ мучилъ и казнилъ такихъ людей, которыхъ онъ, очевидно, считалъ совершенно невинными; а другой, изъ ненависти въ первому, оплакивалъ этихъ несчастныхъ, которыхъ онъ самъ, въ другое время, охотно изжарилъ бы на медленномъ огнѣ. И оба усерднѣйшимъ образомъ выводили другъ друга на свѣжую воду: оба вмѣстѣ всевозможными средствами старались убѣдить Европу въ томъ, что папа и императоръ рѣши-

тельно никуда негодятся. Мудрено ли, что Европа, прислушиваясь къ ихъ скандальнымъ словамъ и присматриваясь къ ихъ безсовѣстнымъ поступкамъ, понемногу начала терять довѣріе, какъ въ папство, такъ и въ священную римскую имперію.

Взаимно истребляя другъ друга, папство и священная римская имперія оказали Европѣ незабвенную услугу, тѣмъ болѣе важную, что ея не могла оказать никакая третья, посторонняя сила. Освобожденіе европейской мысли могло возникнуть только изъ этой роковой ошибки двухъ величайшихъ авторитетовъ. Жизнь Фридриха II наполнена самыми черными преступленіями; всѣ мрачныя стороны его неукротимой личности выдвинулись впередъ и обрисовались особенно рельефно во время его послѣдней, продолжительной, ожесточенной и совершенно безуспѣшной борьбы съ городами верхней Италіи. Раздраженный непобѣдимымъ сопротивленіемъ свободныхъ итальянцевъ, непреклонный деспотъ превратился въ отчаяннаго игрока, для котораго исчезли всякія соображенія, неотносящіяся къ начатой игрѣ. Монголы угрожали Германіи съ востока, неаполитанцы и сицилійцы роптали противъ невыносимыхъ налоговъ, ухидившихъ на военные расходы, ломбардцы просили мира и предлагали выгодныя условія, но Фридрихъ, какъ страстный игрокъ, не обращалъ вниманія ни на что. Онъ требовалъ безусловной покорности и, приводя своихъ враговъ въ отчаянье неумѣренностью этого требованія, продолжалъ безошадную и бесплодную войну, разорялъ своихъ подданныхъ, разорялъ своихъ враговъ и позволялъ монголамъ опустошать Венгрію и тревожить восточныя области германской имперіи. И между тѣмъ, этотъ безсовѣстнѣйшій человѣкъ, неотступавшій ни передъ грабежомъ, ни передъ насиліемъ, ни передъ юридическимъ убійствомъ, до такой степени соотвѣтствовалъ требованіямъ своего вѣка и своего народа, что народъ долго любилъ и помнилъ его энергическую личность. Нѣмцы воспѣли и прославили въ немъ именно ту черту его дѣятельности, что онъ не давалъ простыхъ людей въ обиду духовенству. Фридрихъ, тотчасъ послѣ своей смерти, сдѣлался героемъ народныхъ легендъ, и этотъ легендарный образъ, очищенный фантазіей отъ всякой грязной примѣси, надѣлалъ много хлопотъ одному изъ лучшихъ преемниковъ Фридриха, Рудольфу Габсбургскому. «Какъ ни благодѣтельно было управленіе Рудольфа, — говоритъ Шлоссеръ, — но память о Гогенштауфенахъ жила еще въ народѣ. Было даже повѣрье, что Фридрихъ II воскреснетъ и преобразуетъ испорченную религію; вслѣдствіе того, въ Германіи появлялось множество самозванцевъ. Изъ 20 или 30 подобныхъ людей, одинъ пріобрѣлъ такое значеніе, что Рудольфъ долженъ былъ лично выступить противъ него, но и тутъ онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ, умомъ и умѣренностью. Этотъ самозванецъ, Тиле Колунъ или Деревянный Башмакъ,

былъ простой крестьянинъ изъ окрестностей Кельна, но сдѣлалъ такъ повести дѣло, что привлекъ къ себѣ все населеніе отъ Кельна до Майнца, и даже многихъ рыцарей. Ему охотно вѣрили, вслѣдствіе общаго ожесточенія противъ духовенства, и потому, что были еще живы многіе солдаты Фридриха, обогатившіеся въ итальянскихъ походахъ. Рудольфъ долженъ былъ приступить къ Майнцу, гдѣ находился Тиле, но жители отказались его выдать, такъ что императору пришлось начать осаду. Желая кончить дѣло мирнымъ путемъ, онъ послалъ въ городъ бургграфа нюрнбергскаго и графа фонъ-Катцелленбоена, которые доказали народу, по возрасту Тиле, что онъ не можетъ быть Фридрихомъ II. Тогда Тиле бѣжалъ въ Веттерау и попалъ въ плѣнъ; его осудили за чародѣйство и сожгли, но предварительно имперскій маршалъ выгналъ изъ него волшебную силу» (т. VII, стр. 396).

Такимъ образомъ, уже во второй половинѣ XIII вѣка, нѣмецкій народъ размышлялъ или, вѣрнѣе, мечталъ о преобразованіи испорченной религіи. И трудъ этого преобразованія онъ поручалъ въ своихъ мечтахъ не какому-нибудь свитому отшельнику, а напротивъ того, знаменитому государственному человѣку и отъявленному врагу папы.

VIII.

Доминиканцы были постоянно самыми надежными орудіями клерикальнаго деспотизма, но орденъ францисканцевъ, вскорѣ послѣ своего основанія, примкнулъ къ врагамъ папства и даже заразился еретическими доктринами, чрезвычайно опасными для римской теократіи. Въ концѣ XII вѣка была написана какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ странная книга, носившая названіе «вѣчнаго евангелія». Эта книга произвела на своихъ первыхъ читателей такое сильное впечатлѣніе, что о ней тотчасъ составила легенда. Стали рассказывать, что подлинникъ этого сочиненія, написанный на мѣдныхъ доскахъ, былъ принесенъ съ неба ангеломъ и врученъ священнику Кириллу, который передалъ его аббату Іоахиму. Этотъ Іоахимъ былъ извѣстенъ въ католическомъ мірѣ безукоризненною чистотою своей жизни и глубокою искренностью своего благочестія; когда онъ былъ живъ, его считали угодникомъ божьимъ и пророкомъ; послѣ его смерти, римская церковь причислила его къ лику своихъ святыхъ. Ясно, стало быть, что имя Іоахима пользовалось между клерикалами сильнымъ авторитетомъ. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ его смерти, книга «вѣчное евангеліе» стала распространяться въ монастыряхъ францисканскаго ордена; къ этой книгѣ было уже въ это время придѣлано введеніе, объяснявшее ея смыслъ и написанное Іоанномъ Пармскимъ, генераломъ францисканцевъ. Въ этомъ введеніи Іоаннъ до-

казывалъ, что угодникъ и пророкъ Іоакимъ, проникнувшійся идеями «вѣчнаго евангелія», считалъ дѣло римской церкви совершенно оконченнымъ и предсказывалъ ей неизбежное паденіе. Далѣе, введеніе Іоанна раскрывало значеніе мистическихъ образовъ, наполнившихъ эту таинственную книгу, и давало имъ такія толкованія, которыя никакъ не могли понравиться папству. Іоаннъ говоритъ, что божественный промыслъ ведетъ человѣчество черезъ различныя эпохи или періоды; во время верховавшаго или еврейскаго періода, міръ находился подъ непосредственнымъ господствомъ Бога-Отца; во время христіанскаго періода, надъ міромъ господствовалъ Богъ-Сынъ; теперь же, говоритъ онъ, наступаетъ царство Бога-Духа Святого. Въ этомъ новомъ царствѣ вѣра перестанетъ быть необходимою, потому что все будетъ совершаться по законамъ разума и мудрости. Эти законы заключаются, по его словамъ, въ «вѣчномъ евангеліи», которое должно замѣнить собою новый завѣтъ, подобно тому, какъ новый завѣтъ сталъ на мѣсто ветхаго завѣта.

Папа Александръ IV проклялъ еретическую книгу и сталъ преслѣдовать ея адептовъ. Доминиканцы, облеченные инквизиторскою властью, съ особеннымъ удовольствіемъ принялись ловить, пытать и жечь своихъ соперниковъ, францисканцевъ. Много еретиковъ, называвшихъ себя *стигматистами*, и много экземпляровъ опасной книги погибло отъ руки палача. Гоненіе произвело свое обыкновенное дѣйствіе. Броженіе умовъ усиливалось и число фанатиковъ, готовыхъ терпѣть мученіе и смерть за «новое ученіе», стало быстро увеличиваться. Въ орденѣ францисканцевъ произошло странное раздвоеніе: нѣкоторые монастыри измѣнили обѣту нищенства и втянулись въ роскошь; другіе продолжали вести воздержный и суровый образъ жизни, заставляя своихъ монаховъ ходить по городамъ и селамъ, питаться подаеніемъ и постоянно говорить проповѣди простому народу. Эти нищіе проповѣдники, настоящіе духовные дѣти святого Франциска, могли сильно дѣйствовать на умъ и чувство простыхъ людей; но именно эти суровые ненавистники всякой роскоши заразились до мозга костей идеями «новаго ученія». Они проповѣдывали неутомимо, но для папства было-бы гораздо лучше, если-бы они не говорили ни слова. Ихъ проповѣди только усиливали и осмысливали то негодованіе, съ которымъ простые люди давно уже смотрѣли на эпикурейскую жизнь епископовъ, аббатовъ и монаховъ.

Въ концѣ XIII вѣка, одинъ изъ обожателей «вѣчнаго евангелія» написалъ истолкованіе апокалипсиса и раздѣлилъ въ этомъ сочиненіи христіанскую эпоху на семь отдѣльныхъ періодовъ: первый—проповѣдь апостоловъ; второй—страданія мучениковъ; третій—борьба съ еретиками; четвертый—подвиги отшельниковъ; пятый—господство монастырской системы; шестой—низверженіе антихриста; седьмой—наступленіе блаженнаго тысячелѣтія (Millenium). Авторъ истолкованія утверждалъ, что

его современники живутъ въ шестомъ періодѣ, что настало время низвергнуть антихриста и что подѣ этимъ послѣднимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать папу. Римскую церковь онъ называлъ блудницею, облеченною въ пурпуръ; онъ говорилъ, что вся ея іерархія сдѣлалась излишнею и ни на что негодною, что ихъ дѣло сдѣлано и что «ихъ приговоръ запечатанъ послѣднею печатью». Идеи этого писателя были подхвачены на лету тысячами нищенствующихъ монаховъ и пробрались съ ужающею быстротою въ низшіе слои европейскаго населенія. Францисканскіе фанатики проповѣдывали публично, что духовенство развращено, что папа — антихристъ и человекъ грѣха, что церковныя таинства и теряли свою спасительную силу, что пришла пора покаяться и начать новую жизнь. У нѣкоторыхъ францисканскихъ общинъ оппозиція противъ господствующей церкви дошла даже до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что онѣ поставили своего патрона, Франциска, выше самого Спасителя.

Все это совершалось за двѣсти лѣтъ до Лютера. Въ это тревожное и заторное время, въ самомъ концѣ XIII и въ самомъ началѣ XIV вѣка, на папскомъ престолѣ сидѣлъ страстный и взбалмошный человекъ, Бонифацій VIII, усердный, но неудавшійся подражатель Григорія VII и Иннокентія III. Притязанія Бонифація были безгранично широки; онъ говорилъ съ королями католической Европы тономъ полновластнаго диктатора; но за то, кромѣ властолюбія и корыстолюбія, у этого задорнаго папы не было никакихъ политическихъ дарованій; перевѣсъ матеріальной, денежной и даже умственной силы былъ на сторонѣ его противниковъ; Бонифацій умѣлъ только раздражать своихъ враговъ ругательствами и проклятіями; никто изъ нихъ не чувствовалъ къ нему ни страха, ни уваженія; смѣшная безтактность его диктаторскихъ замашекъ втянула его въ жестокую борьбу съ свѣтскою властью, которая, собравши вокругъ себя всѣхъ многочисленныхъ противниковъ папства, воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ теократическому принципу римской клерикальной политики. Послѣ Бонифація, папство стало превращаться въ блестящій анахронизмъ, опасный только для скромныхъ кабинетныхъ мыслителей и совершенно безвредный для политическихъ дѣятелей.

Главнымъ противникомъ и счастливымъ побѣдителемъ неосторожнаго Бонифація былъ французскій король, Филиппъ IV Красивый, одинъ изъ крупныхъ представителей того типа, съ которымъ я познакомилъ моихъ читателей въ характеристикѣ императора Фридриха II. Споръ между двумя властями возникъ, разумѣется, изъ-за денегъ. Обѣ стороны съ одинаковымъ усердіемъ старались молотить рожь на обухѣ. Филиппъ чеканилъ фальшивую монету, ограбилъ всѣхъ евреевъ своего королевства и наконецъ подѣхалъ съ самыми хищными намѣреніями къ иму-

ществамъ церквей и монастырей, неплатившихъ никакихъ податей. Бонифацій, съ своей стороны, торговалъ епископскими должностями и кардинальскими шапками, отбиралъ деньги у нищенствующихъ монаховъ, доказывая имъ очень убѣдительно, что они должны нищенствовать, а не богатѣть,—и наконецъ придумалъ устроить въ 1300 году юбилейный годъ, то есть, объявилъ, что всѣ люди, желающіе получить полное отпущеніе грѣховъ, должны, въ теченіе этого года, побывать въ Римѣ на богомольѣ.

Само собою разумѣется, что два виртуоза, подобные Филиппу и Бонифацію, непременно должны были столкнуться между собою на тернистомъ пути систематическаго обиранія. Бонифацій не умѣлъ уступать и не понималъ необходимости дѣйствовать осторожно; а Филиппъ видѣлъ, что ему выгодно унизить папу, и что ему не зачѣмъ съ нимъ церемониться. Передъ глазами Филиппа находился очень поучительный примѣръ: его современникъ и ближайшій сосѣдь, англійскій король Эдуардъ I, безъ всякаго шума и кровопролитія, принудилъ свое духовенство нести часть государственныхъ повинностей. Англійскіе епископы и аббаты долго отказывались платить подати, но Эдуардъ приказалъ судьямъ всего королевства выслушивать всѣ жалобы, поступающія въ суды противъ духовенства, и въ то же время отвергать безъ разбора всѣ жалобы, подаваемые самими духовными. Кто не платитъ налоговъ, говорилъ Эдуардъ, тотъ не имѣетъ права пользоваться покровительствомъ законовъ. При такомъ порядкѣ вещей, англійскимъ епископамъ и аббатамъ пришлось такъ жутко, что они очень скоро покорились и согласились платить подати наравнѣ съ свѣтскими землевладѣльцами. Этотъ примѣръ былъ очень соблазнителенъ для Филиппа, тѣмъ болѣе, что у него также находились подъ руками опытные юристы, готовые, по первому его приказанію, рѣшать въ ту или другую сторону, съ соблюденіемъ всѣхъ тончайшихъ приличій, самые запутанные вопросы гражданскаго, уголовнаго, каноническаго, государственнаго и всякаго другого, естественнаго или неестественнаго права. Въ 1226 году, Бонифацій издалъ буллу «*Clericis laicos*», въ которой онъ запрещалъ духовенству платить подати свѣтской власти. Въ отвѣтъ на эту буллу, Филиппъ запретилъ вывозить изъ Франціи драгоценные металлы, оружіе и лошадей. Вслѣдствіе этого, Бонифацій потерялъ значительную часть своихъ доходовъ; кромѣ того, всѣ итальянскіе купцы начали кричать, что папа своими глупыми выдумками подрываетъ ихъ торговлю. Бонифацій попробовалъ запугать Филиппа новою буллою, еще болѣе рѣзкою, но Филиппъ въ своихъ манифестахъ заговорилъ объ извѣженности духовенства и высказалъ такъ много горькихъ истинъ, что папа смягчился и началъ извиняться, говоря, что буллы его совсѣмъ не относятся къ Франціи. Полемика между королемъ и папою прекрати-

лась, но Бонифацій долго помнилъ данный ему урокъ. Въ 1301 году, поссорившись съ Филиппомъ изъ за одного епископа, онъ объявилъ въ буллѣ «*Ausculta fili*», что папѣ принадлежитъ верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Филиппъ, окруженный умными, учеными, хитрыми и опытными совѣтниками изъ юристовъ, тотчасъ съумѣлъ дать своей новой ссорѣ съ Бонифаціемъ такой характеръ, что она превратилась въ дѣло всего французскаго народа. Король сказалъ, что, защищая по своей обязанности національную независимость и честь Франціи, онъ отвергаетъ торжественно всѣ незаконныя притязанія римскаго первосвященника. Папская булла была публично сожжена въ Парижѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, Филиппъ созвалъ депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ и, въ этомъ собраніи государственныхъ чиновъ (*états-généraux*), не смотря на робкую оппозицію клерикаловъ, требованія Бонифація были объявлены совершенно безразсудными. Бонифацій издавалъ новыя буллы, созывалъ въ Римѣ соборы, ругалъ и проклиналъ короля и его совѣтниковъ, наконецъ отлучилъ Филиппа отъ церкви; но всѣ эти рѣзкія мѣры не наносили ни малѣйшаго вреда никому, кромѣ самого папы. Общественное мнѣніе Франціи было обработано такъ ловко, съ одной стороны учеными юристами, съ другой стороны нищенствующими монахами, ругавшими богатое духовенство на всѣхъ перекресткахъ, что весь народъ смотрѣлъ на своего корыстолюбиваго короля, какъ на естественнаго защитника французской чести и самостоятельности.

Понимая свою силу, юристы Филиппа быстро перешли изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Въ 1303 году, совѣтники короля, и во главѣ ихъ Вильгельмъ Ногаре, доказали новому собранію государственныхъ чиновъ, что Бонифацій VIII незаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ папскую тиару, что онъ торгуетъ церковными должностями, предается распутству, не вѣруетъ въ Бога, отрицаетъ безсмертіе души, глумится надъ величайшими таинствами религіи. Въ этомъ обвиненіи, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ, несомнѣнныя истины были перемѣшаны съ нелѣпнѣйшими выдумками. Взвѣда на Бонифація всѣ преступленія, когда либо совершенныя на земномъ шарѣ, усердные обвинители пришли къ тому заключенію, что такого отвѣтственнаго негодяя слѣдуетъ низложить, арестовать и предать суду вселенскаго собора. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ обвинителей, и въ томъ же 1303 году Филиппъ, не желая болѣе тратить время на безплодныя перебранки, отправилъ Вильгельма Ногаре въ Италію съ большими денежными суммами и векселями. Ловкій агентъ французскаго короля соединился съ римскою фамиліею Колонны, которая уже давно старалась погубить Бонифація. Нанявши толпу вооруженныхъ людей, искусные и смѣлые союзники захватили папу въ плѣнъ, и при этомъ

случаѣ, французскій чиновникъ Вильгельмъ Ногаре далъ преемнику Григорію VII и Иннокентію III ту знаменитую пощочину, которая на вѣчныя времена записана въ исторіи. Бонифацій умеръ въ томъ же 1303 году, такъ что судъ надъ нимъ не состоялся.

Слѣдующій папа, Бенедиктъ XI, прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, а преемникъ Бенедикта, французъ Бертранъ, архіепископъ бордосскій принявшій имя Климента V, сдѣлался папою по милости Филиппа Красиваго, и оставался подъ его вліяніемъ въ теченіе всей своей жизни. По требованію Филиппа, онъ перенесъ свою резиденцію изъ Рима въ южную Францію, въ городъ Авиньонъ. вмѣстѣ съ Филиппомъ, онъ за судилъ и ограбилъ богатыхъ тампліеровъ. Самый орденъ тампліеровъ былъ уничтоженъ, имѣнія его раздѣлены между папою и королемъ, а рыцари, обвиненные во многихъ, чрезвычайно неправдоподобныхъ и грязныхъ преступленіяхъ, были измучены тюремнымъ заключеніемъ и пытками, а потомъ, какъ водится, сожжены. Въ Авиньонѣ папы жили весело и роскошно почти семьдесятъ лѣтъ. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія ихъ вавилонское плѣненіе окончилось; Григорій XI воротился въ Римъ, но величіе и нравственное могущество папства оказались невозвратимыми. На папскія проклятія почти никто уже не обращалъ вниманія: миланскій герцогъ Варнава Висконти, получивъ папскую буллу, отлучавшую его отъ церкви, заставилъ кардиналовъ, вручившихъ ему это грозное посланіе, стѣсть цѣликомъ весь пергаментъ, на которомъ оно было написано, вмѣстѣ съ свинцовой печатью и съ шелковымъ снуркомъ. Въ Англіи уже проповѣдывали въ это время ученый мыслитель Уиклефъ и неукротимый фанатикъ Джонъ Буль. Одинъ дѣйствовалъ на высшіе классы общества; другой волновалъ народныя массы; оба съ одинаковою силою возставали противъ злоупотребленій римской іерархій, осуждали роскошь духовенства и старались возстановить чистоту и простоту первобытнаго христіанства. Идеи Уиклефа перелетѣли на материкъ; въ Богеміи заговорилъ, въ началѣ XV вѣка, неустрашимый проповѣдникъ Іоаннъ Гуссъ. Въ то время, когда старое зданіе католицизма трещало и разваливалось повсемѣстно, кардиналы ухитрились выбрать двухъ папъ, которые начали ругать и проклинать другъ друга. Соборъ, созванный кардиналами въ Пизѣ, низложилъ обоихъ папъ и выбралъ третьяго. Но низложенные папы не признавали компетентности собора; на его приговоры они отвѣчали проклятіями, и такимъ образомъ, къ изумленію всѣхъ католиковъ, сохранившихъ еще средневѣковую наивность міросозерцанія, оказалось разомъ три папы, и взаимная брань дошла до послѣднихъ предѣловъ неприличія.

Въ 1416 году, константскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ императора Сигизмунда, положилъ конецъ этимъ безпорядкамъ и, для возстановленія древняго благочестія, осудилъ Іоанна Гусса на смертную

казнь, не смотря на охранную грамоту, данную ему тѣмъ же самымъ Сигизмундомъ. Гусь сгорѣлъ на кострѣ, но цѣль осталась недостигнутою, древнее благочестіе не возстановилось, и въ половинѣ XV вѣка, ученый и умный католикъ, Эней Сильвій, говоритъ съ холоднымъ отчаяньемъ: «вѣра умерла; католическій міръ превратился въ тѣло безъ головы, въ республику, неимѣющую ни правительства, ни законовъ. Папа и императоръ могутъ блистать величіемъ своихъ титуловъ и пышностью своихъ костюмовъ; но они не въ силахъ повелѣвать, и никто не расположенъ имъ повиноваться». Начинается новая жизнь. Европейская мысль старается заявить свою самостоятельность и полноправность по всѣмъ отраслямъ научной и практической дѣятельности. Корабль Колумба причаливаетъ къ берегамъ новаго міра. Телескопъ Галилея открываетъ тысячи невиданныхъ звѣздъ. Типографскій станокъ создаетъ на развалинахъ римской духовной власти небывалую общественную силу. Тяжелый средневѣковой кризисъ оканчивается блистательнымъ выздоровленіемъ.

IX.

Въ XIII столѣтіи блаженный Рихальмъ, аббатъ шентальскаго монастыря, написалъ очень любопытное изслѣдованіе «о козняхъ и коварствахъ демоновъ противъ людей». Книга Рихальма была выпущена въ свѣтъ послѣ смерти автора и разошлась во многихъ спискахъ по тогдашнимъ монастырямъ. Издатель этой книги — монахъ, которому Рихальмъ диктовалъ результаты своихъ наблюдений, — зналъ хорошо умственные потребности своихъ будущихъ читателей и умѣлъ оцѣнить высокія достоинства издаваемого сочиненія. «Это очень печальное обстоятельство, — говоритъ издатель въ предисловіи къ труду Рихальма, — что мы не знаемъ ничего или знаемъ такъ мало подробностей о подѣлкахъ нашихъ невидимыхъ враговъ. Я хочу теперь обнародовать открытія аббата, который занимался въ теченіе всей своей жизни наблюденіями надъ демонами, который ихъ видѣлъ и слышалъ, который зналъ всѣ ихъ ухищренія».

Аббатъ Рихальмъ занимался своимъ дѣломъ, какъ добросовѣстный ученый изслѣдователь, и умѣлъ съ замѣчательною ясностью передавать свои наблюденія читателямъ. «Думаютъ вообще, пишетъ онъ, что каждый человѣкъ искушается и терзается демономъ. Это — грубое заблужденіе. Вообразите себѣ, что вы погружены въ воду совсѣмъ съ головою. Вода давитъ васъ сверху, давитъ снизу, давитъ справа и слева: вотъ наглядное изображеніе зловредныхъ духовъ, которые окружаютъ и смущаютъ васъ со всѣхъ сторонъ; они безчисленны, какъ пылинки, но»

сящаяся въ солнечномъ лучѣ, и даже еще безчисленнѣе; воздухъ — ничто иное, какъ туча демоновъ». — «Человѣкъ, продолжаетъ нашъ изслѣдователь, не можетъ ни говорить, ни думать, ни дѣйствовать безъ того, чтобы его не искушали черти. Они привязаны къ намъ такъ тѣсно, что почти отождествляются съ нами; ихъ тѣло простирается надъ нашимъ тѣломъ, оно впитывается въ наше тѣло, оно сливается съ нашимъ тѣломъ; вотъ почему они говорятъ нашими устами и дѣйствуютъ нашими членами». Послѣ этого ясно, что самыя простыя отправленія нашей физической жизни оказываются продуктами дьявольскаго коварства. Такъ, напримѣръ, кашель есть «голосъ одного демона, призывающаго къ себѣ на помощь своихъ товарищей». Высказавъ эту новую истину, Рихальмъ самъ дивится своему открытію. «Кто бы могъ это подумать!» восклицаетъ онъ. Почтенный аббатъ боится даже, что читатели примутъ его не за дурака, а за чародѣя. — Само собою разумѣется, что всѣ мельчайшія проявленія зла составляютъ проказы неумолимыхъ чертей. «Укушенія блохъ и вшей, говоритъ аббатъ, производятся демонами. Если бы кто нибудь сказалъ мнѣ прежде такую штуку, я бы назвалъ его полоумнымъ; но теперь я знаю это навѣрное, по моему собственному долготѣнному опыту». Черти искушаютъ и тиранятъ всѣхъ людей; но, по своему неисчерпаемому коварству, они привязываются съ особеннымъ ожесточеніемъ къ тѣмъ избраннымъ личностямъ католическаго міра, которыя стремятся достигнуть нравственнаго совершенства. Разумѣется, монахи терпятъ отъ демоновъ больше, чѣмъ міряне. Въ монастыряхъ ухищреніямъ дьявольскимъ нѣтъ числа. Ночью демоны мѣшаютъ спать монахамъ для того, чтобы монахи спали днемъ, когда надо работать или молиться. Когда монастырскій колоколъ призываетъ монаховъ въ церковь, тогда всѣ черти поднимаютъ величайшую возню и тревогу; всѣ черти собираются въ кучу, и самыя ретивыя подзадориваютъ лѣнливыхъ и вялыхъ. «Что вы, дармоѣды, здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы не идете въ церковь? Бѣгите, торопитесь, не мѣшайте!» Тогда они врываются въ капеллу, вслѣдъ за монахами, и цѣлая армія бѣсовъ бросается тотчасъ въ глаза аббату, такъ что тотъ поневолѣ смыкаетъ отяжелѣвшія вѣки. Въ это время другіе лиходѣи создаютъ искусственный мракъ, и бѣдный аббатъ уносится въ царство сновидѣній. А когда спитъ аббатъ, тогда ужъ о простыхъ монахахъ нечего и спрашивать: вся церковь наполняется ихъ храпѣніемъ, и бѣсы торжествуютъ побѣду. — Рихальмъ много разъ испыталъ на самомъ себѣ, что что черти терпѣть не могутъ душеспасительныхъ книгъ; какъ только Рихальмъ принимался за душеспасительное чтеніе, черти тотчасъ заставляли его зѣвать и нагоняли на него глубокій сонъ; но Рихальмъ, какъ человѣкъ опытный, умѣлъ обороняться противъ ихъ коварства искусственными мѣрами; онъ обнажалъ свою руку, чтобы хо-

лодь отгонялъ отъ него сонъ; тогда черти производили въ этой рукѣ невыносимый зудъ, подобный укушенію многихъ блохъ; Рихальмъ уби-ралъ руку подъ рясу; рука согрѣвалась, и тогда уже не оставалось ни-какой возможности бодрствовать и читать; аббатъ закрывалъ глаза, со-знавая свое человѣческое безсиліе и неутомимость вражескихъ козней. Работа также не нравится дьяволу; когда монахи трудятся, черти стѣс-няютъ ихъ дыханіе или бросаются къ нимъ на ноги и на руки и, та-кимъ образомъ, ежеминутно возбуждаютъ въ нихъ желаніе опочить отъ трудовъ. Когда, однажды, Рихальмъ, вмѣстѣ съ монахами, носилъ кам-ни въ монастырскомъ саду для построенія ограда, одинъ изъ мѣстныхъ чертей сталъ декламировать во всеуслышаніе стихи Горациа, прослав-лявшіе прелести праздної и изнѣженной жизни. «Кто это сказалъ, прибавилъ искушитель, тотъ былъ человѣкъ не глупый. Вамъ бы слѣ-довало устроить себѣ жизнь по примѣру Горациа; невозможно долго выдержать тяжелую работу, къ которой васъ приневоливаютъ». — Когда монахи садятся за столъ, черти дѣлаютъ имъ всякія пакости; иной разъ они отнимаютъ у монаховъ аппетитъ, чтобы довести ихъ до расслабле-нія; чаще всего, они заставляютъ ихъ ѣсть такъ много, что у нихъ раз-дувается животъ и начинается тошнота. Когда, въ большіе праздники, подается къ столу хорошее вино, тогда прибѣгаютъ стаи чертей и на-паиваютъ монаховъ до положенія ризъ. А когда монаху необходимо пить вино, тогда тѣ же черти внушаютъ ему къ вину непобѣдимое от-вращеніе. Такое несчастье испыталъ на себѣ самъ Рихальмъ, которому вино было необходимо для поддержанія здоровья.

Вся наука Рихальма основана на непосредственномъ наблюденіи; онъ говорилъ съ демонами, слышалъ рѣчи и проникалъ во всѣ тайны ихъ разговоровъ и злоумышленій. Въ своей способности слышать и понимать языкъ чертей, недоступный для большинства смертныхъ, аббатъ шен-тальскій видѣлъ проявленіе особеннаго вдохновенія. Онъ боялся, что этотъ даръ возбудитъ въ душѣ его пагубную гордость, и, во избѣжаніе этого зла, распорядился такъ, что его изслѣдованіе осталось неиздан-нымъ до самой его смерти. Опасенія скромнаго Рихальма были осно-вательны: твореніе опытнаго демонолога вошло въ славу, и монахи XIII вѣка выразили о немъ ту мысль, что оно «должно сдѣлаться настоль-ною книгою для философовъ, теологовъ и аскетовъ». Въ этомъ сужде-ніи нѣтъ ничего удивительнаго. Величайшіе средневѣковые мыслители, Альбертъ Кельнскій, Рожеръ Бэконъ, Фома Аквинскій, Бонавентура, Петръ Достопочтенный, Жерсонъ, всѣ безъ исключенія, по всѣмъ пра-виламъ аристотелевской логики, съ величайшею добросовѣстностью ло-мали себѣ головы надъ мудренными и очень спеціальными вопросами, касавшимися до нечистой силы и до ея разнообразныхъ сношеній съ людьми. Аристотелевская логика давала этимъ людямъ возможность

вводить въ свое изслѣдованіе тончайшія подраздѣленія и разграниченія понятій; но никакая логика въ мірѣ не можетъ отвѣтить ни *да*, ни *нѣтъ* на вопросъ о томъ: соответствуютъ ли разбираемымъ понятіямъ какія нибудь явленія живой дѣйствительности? Логика помогала средневѣковымъ философамъ превосходно анализировать галлюцинаціи; логика выводила изъ этихъ галлюцинацій все, что можно было изъ нихъ вывести; но такъ какъ исходная точка всего изслѣдованія была выбрана неудачно, то и заключенія оказывались чрезвычайно странными и дикими даже у такихъ людей, которые были гораздо умнѣе простодушнаго Рихальма. Лютеръ считается великимъ историческимъ дѣятелемъ, и его дѣйствительно невозможно выкинуть изъ исторіи человѣческаго ума, а между тѣмъ, этотъ самый Лютеръ имѣлъ несчастье неоднократно видѣть чорта собственными глазами и пускать ему въ фізіономію собственную чернильницу. Лютеръ утверждалъ не хуже Рихальма, что хлѣбъ, который мы ѣдимъ, вода, которую мы пьемъ, воздухъ, которымъ мы дышемъ, платье, которое мы носимъ, словомъ, все, что составляетъ нашу жизнь,—принадлежитъ дьяволу и безчисленнымъ его бѣсенятамъ. Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что все наши болѣзни производятся лукавыми продѣлками чертей, и что, на этомъ основаніи, люди должны лечиться не лекарствами, а психическими средствами.

Пока человѣческій умъ усиливался проникнуть въ ту высшую и таинственную область, которая навсегда останется для него недоступною,—до тѣхъ поръ лучшія умственные силы гениальныхъ мыслителей тратились постоянно на собраніе и комментированіе разныхъ галлюцинацій, подобныхъ изслѣдованіямъ аббата Рихальма. Люди хотѣли понять то, что само по себѣ непостижимо, и, расслабляя свой умъ въ этой непосильной и невозможной работѣ, теряли способность отличать истину отъ нелѣпости и дѣйствительность отъ горячечнаго бреда. Романтики и реакціонеры западной Европы стараются увѣрить всѣхъ и cadaго въ томъ, что средніе вѣка были золотымъ временемъ истиннаго благочестія. Эти господа морочатъ себя и свою довѣрчивую публику. На самомъ дѣлѣ, въ средневѣковой жизни не было ни настоящей религіи, ни настоящей науки, а была какая-то очень безобразная смѣсь тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ выработаться то и другое. Область религіи, въ которой должно господствовать чувство, была загромождена нелѣпыми тонкостями схоластической діалектики. Монахи и священники католической Европы диспутировали о догматѣ вмѣсто того, чтобы проводить въ жизнь истину религіознаго ученія. Область чистаго знанія была завалена неразрѣшимыми вопросами и фантастическими представленіями. Средневѣковые ученые, то есть тѣ же монахи и священники, диспутировали о высокихъ матеріяхъ вмѣсто того, чтобы скромно изучать видимыя явленія. Для умствен-

наго и нравственнаго совершенствованія человѣчества, для спасенія европейскихъ мозговъ отъ галлюцинацій аббатовъ Рихальмовъ было необходимо отдѣлить навсегда область положительнаго званія отъ области схоластическихъ умствованій, сосредоточенныхъ въ католическихъ монастыряхъ. Здѣсь я постараюсь показать въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ совершилось это необходимое размежеваніе двухъ существенно различныхъ отраслей человѣческой дѣятельности.

X.

Начиная съ XII вѣка, а быть можетъ и гораздо раньше, мы замѣчаемъ постоянно возрастающій разладъ между клириками и мирянами, между католическою церковью и гражданскимъ обществомъ. Свѣтская власть ведетъ ожесточенную борьбу противъ іерархіи и наконецъ, въ началѣ XIV столѣтія, одерживаетъ надъ нею рѣшительную побѣду. Представители католицизма уступаютъ неодолимому напору физической силы, но въ теоріи продолжаютъ поддерживать свои притязанія во всей ихъ средневѣковой неумѣренности. Папы XIV столѣтія живутъ въ Авиньонѣ и чувствуютъ на себѣ всю тяжесть французскаго вліянія, но въ то же время они всѣми силами стараются увѣрить себя и другихъ, что они по прежнему располагаютъ судьбою царей и народовъ, казня и милуя по своему благоусмотрѣнію всѣхъ сильныхъ и великихъ міра. Папы этого періода разсыпаютъ свои буллы во всѣ концы католической Европы, боясь, повидимому, что, безъ этой предосторожности, ихъ легкомысленная паства совсѣмъ забудетъ о ихъ существованіи. Шумная литературная дѣятельность авиньонскихъ плѣнниковъ, обширность ихъ претензій, совершенно не соотвѣтствующая размѣрамъ ихъ наличныхъ силъ, — возбуждаетъ въ догадливыхъ католикахъ насмѣшливое презрѣніе, котораго они даже вовсе не желаютъ скрывать. Странствующие рыцари XIV вѣка, при удобномъ случаѣ, совершенно безразлично грабятъ самого папу наравнѣ со всѣми остальными смертными. «По дорогѣ въ Испанію, говоритъ Шлоссеръ, Бертранъ провелъ свои дикія орды черезъ Авиньонъ и другія мѣстности южной Франціи, чтобы доставить имъ случай поживиться на счетъ тамошняго населенія и папы. вмѣсто потребованной ими огромной суммы денегъ, Урбанъ V предложилъ имъ разрѣшеніе церкви грабить, жечь и убивать; но хищники насмѣшливо отвѣтили ему, что безъ его разрѣшенія они обойдутся, а безъ денегъ никакъ. Папа былъ вынужденъ уплатить имъ 200,000 золотыхъ флориновъ и вознаградилъ себя за этотъ убытокъ налогомъ на французское духовенство» (т. VIII, стр. 393).

Но если папа былъ безсиленъ и беззащитенъ, то и вся масса като-

лическаго духовенства находилась въ такомъ же печальномъ положеніи. Свѣтская власть, въ лицѣ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ представителей, непремѣнно хотѣла сравнять права клириковъ съ правами мірянъ, а клирики, разумѣется, считали это неслыханное стремленіе такой тяжкой обидой, послѣ которой и на свѣтѣ жить не стоитъ. Набравши себѣ несмѣтное количество земель и капиталовъ, епископы и аббаты очень убѣдительно доказывали королямъ, баронамъ и юристамъ, что религія строго запрещаетъ духовенству платить подати, налагаемыя свѣтскою властью. «Это не наше имущество, говорили клирики; это все принадлежитъ нищимъ и убогимъ, вдовицамъ и сиротамъ. Смѣемъ ли мы расхищать на суетныя предпріятія воинственныхъ и жестокихъ правителей то, что вручено намъ для облегченія человѣческихъ страданій?»— На эту аргументацію, поддержанную почтеннымъ количествомъ почтенныхъ цитатъ, короли и бароны отвѣчали обыкновенно насильственнымъ захватываніемъ того, чего имъ не давали добровольно. Народъ обыкновенно глубоко сочувствовалъ такому насилію, и, надо сказать правду, свѣтская власть была поставлена всѣмъ теченіемъ прежнихъ историческихъ событій въ такое безвыходное положеніе, при которомъ насиліе было безусловно необходимо.

Клерикалы, пользуясь невѣжествомъ и суевѣріемъ мірянъ, дѣйствуя своими увѣщаніями на полоумныхъ стариковъ или на слабыхъ женщинъ въ теченіи многихъ вѣковъ, успѣли добыть въ свою пользу громадную массу завѣщаній и дарственныхъ записей. Приобрѣтая постоянно, они никогда не выпускали и не могли выпустить законнымъ путемъ изъ своихъ рукъ ни одного клочка земли. Что попадало въ церковь, то оставалось на вѣчныя времена церковнымъ достояніемъ. Личности умираютъ, фамиліи и династіи исчезаютъ безъ слѣда, но корпорація бессмертна. Если бы короли и бароны не выжимали иногда силою то, что было захвачено въ пользу церкви хитростью, то духовенство сдѣлалось бы наконецъ единственнымъ собственникомъ, владѣтелемъ всей западной Европы; а мірянамъ, всѣмъ безъ исключенія, пришлось бы превратиться въ тѣхъ нищихъ, которымъ католическіе монахи раздають, утромъ и вечеромъ, у монастырскихъ воротъ, даровыя порціи супа и хлѣба. Народу вовсе не нравилась подобная перспектива, и поэтому народъ очень добросовѣстно поддерживалъ правительство, когда оно, нуждаясь до зарѣзу въ деньгахъ, принималось выжимать сокъ изъ зажиточныхъ монсеньоровъ. Такія выжиманія облекались иногда въ очень оригинальныя формы. Въ 1218 году правитель или *подеста* итальянскаго города Фано потребовалъ отъ мѣстнаго епископа, чтобы онъ, пользуясь безопасностью за городскими стѣнами, вносилъ извѣстную сумму денегъ на ремонтъ этихъ спасительныхъ стѣнъ. Епископъ, разумѣется, поддержалъ достоинство своего званія, то есть, отказался на

отрѣзъ и разразился приличнымъ количествомъ цитатъ и аргументовъ. Но подестѣ хотѣлось получить деньги, а не проповѣдь. Чтобы смягчить сердце и развязать кошелекъ его преподобія, подеста запретилъ всѣмъ городскимъ обывателямъ продавать епископу събѣстные припасы, и нечестивые итальянцы выполнили эту инструкцію съ такимъ неподдѣльнымъ усердіемъ и съ такою буквальною точностью, что почтенный прелать, скрежеща зубами, принужденъ былъ дорогою цѣною откупиться отъ голодной смерти.

Маневръ итальянскаго подесты повторился, съ нѣкоторыми усовершенствованіями, во Франціи. Въ 1159 году, графъ ангулемскій отлучилъ отъ гражданскаго общества все духовенство своего города. Онъ запретилъ всѣмъ горожанамъ вступать съ клириками въ какія бы то ни было торговыя сношенія; кромѣ того, онъ запретилъ клирикамъ пользоваться водою городскихъ фонтановъ и колодцевъ. Разумѣется, никакая полиція въ мірѣ не могла бы услѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ удивительныхъ предписаній. Но сами горожане сочувствовали распоряженіямъ грознаго феодала, и духовенству пришлось такъ круто, что оно, гонимое голодомъ и жаждою, принуждено было выселиться изъ Ангулема.

Отказываясь платить налоги, клирики не хотѣли также подчиняться дѣйствию общихъ уголовныхъ законовъ. У нихъ былъ свой собственный судъ, при которомъ они могли безбоязненно нарушать всѣ права остальныхъ гражданъ. Папа Целестинъ III, царствовавшій въ самомъ концѣ XII вѣка, установилъ для духовенства слѣдующую таксу наказаній: за воровство или убійство клирикъ лишается духовнаго званія; за вторичное преступленіе его отлучаютъ отъ церкви; за третье—его поражаютъ самымъ тяжкимъ проклятіемъ; наконецъ, за четвертое—неисправимаго и закоснѣлаго грѣшника предають въ руки свѣтскаго правосудія, которое, разумѣется, немедленно исправляетъ виновнаго висѣлицею, колесомъ или какими нибудь другими, столь же назидательными средствами.

Такимъ образомъ, глава католической церкви торжественно обязался *три раза* укривать своихъ преступныхъ подчиненныхъ отъ преслѣдованій свѣтскихъ трибуналовъ; только третье убійство уравнивало клирика съ простыми смертными, и только четвертое подводило его подъ общій уголовный законъ. Португальскій король донъ-Педро Правосудный нагляднымъ образомъ показалъ неудовлетворительность этого церковнаго постановленія. Одинъ португальскій священникъ совершилъ убійство; за это церковный судья отнялъ у него священство. Педро велѣлъ одному каменщику убить разжалованнаго преступника и, вслѣдъ затѣмъ, за сдѣланное убійство отнялъ у этого каменщика право тесать камни. Духовенству вовсе не понравилось это распоряженіе. Не давая съ сво-

ей стороны обществу никакихъ гарантій, клирики желали въ то же время, чтобы общество самыми строгими мѣрами гарантировало ему полную неприкосновенность личности и имущества. Такія несправедливыя требованія, разумѣется, были несомнѣнны съ развитіемъ общественной жизни и всегда возмущали нравственное чувство народныхъ массъ. Когда католическое духовенство было сильно и когда оно дѣйствительно пользовалось своими неестественными привилегіями, тогда оно возбуждало противъ себя въ обществѣ зависть и ненависть. Когда же духовенство, сдѣлавшись слабымъ, продолжало заявлять слезливымъ тономъ свои чудовищныя притязанія, тогда на него посыпались со всѣхъ сторонъ презрительныя насмѣшки и грубыя оскорбленія. Раздраженное общество мстило жестоко за многолѣтнее поруганіе своихъ разумныхъ правъ.

Къ ужасу и негодованію клириковъ, юристы или, по тогдашнему, легисты сформулировали и привели въ систему требованія свѣтской власти и общественнаго мнѣнія. Тутъ коса нашла на камень; теорія напала на теорію; ученость сразилась съ ученостью; крючкотворство и пронырство встрѣтились лицомъ къ лицу съ пронырствомъ и крючкотворствомъ. Равняясь съ своими противниками въ нравственной неразборчивости, легисты имѣли на своей сторонѣ то огромное преимущество, что они все-таки, добросовѣстно или недобросовѣстно, сражались за правое дѣло. Они говорили клирикамъ: вы извращаете смыслъ текстовъ, вы искажаете исторію, вы подрываете основанія общества, вы ссылаетесь на подложные документы; и всѣ эти суровыя обвиненія были справедливы. Представители свѣтской власти ревностно старались придавать этимъ обвиненіямъ самую обширную гласность, а народныя массы съ восторгомъ подхватывали на лету эти официальные выраженія тѣхъ мыслей и желаній, которыя волновали всѣ умы и давно искали себѣ возможности вырваться на свободу.

XI.

Праздность, богатство и отсутствіе отвѣтственности развращаютъ обыкновенно какъ отдѣльную личность, такъ и цѣлыя сословія или корпораціи. Католическое духовенство, долго господствовавшее надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ, пропиталось насквозь всѣми пороками, составлявшими естественное и необходимое слѣдствіе его привилегированнаго положенія. Въмѣсто того, чтобы служить мірянамъ примѣромъ безукоризненной нравственности, клирики развращали ихъ своимъ вліяніемъ. Уже въ XII столѣтіи еретики отличались отъ католиковъ преимущественно скромностью и цѣломудріемъ. Кто не

пьянствовалъ и не развратничалъ, того католическое начальство брало на замѣчаніе, какъ подозрительнаго человѣка. Если, чего Боже сохрани, оказывалось, что этотъ воздержный человѣкъ осмѣливается читать въ своемъ домѣ библію,—участь этого лиходѣя была рѣшена. Читаетъ библію—значить еретикъ, и при томъ самый опасный, потому что онъ посягаетъ на право духовенства, которое, очевидно, не можетъ позволить всякому простому смертному изучать и понимать по своему священное писаніе. На такого человѣка не бходимо подать доносъ, а за доносами у клириковъ никогда не останавливалось дѣло. Доносить и клеветать, значило, по ихъ мнѣнію, жить и дѣйствовать. «Около 1170 года, говоритъ Лоранъ, одинъ реймскій клирикъ, встрѣтивъ одну молодую дѣвушку, гулявшюю безъ провожатаго, захотѣлъ ее соблазнить; она отклонила его любезности, говоря, что на вѣки погубить свою душу, если когда нибудь лишится дѣвственности. Ревностный клирикъ попылъ изъ этого суроваго отвѣта, что дѣвушка принадлежитъ къ богомерзкой сектѣ манихеевъ. Пылая усердіемъ, онъ составилъ доносъ противъ той, которая отказалась удовлетворить его сластолюбіе. Дѣвушку эту сожгли; входя на костеръ, она не произнесла ни одной жалобы и не пролила ни одной слезы» (La Rêforme, p. 110).

Желая возвысить свою власть въ глазахъ мірянъ, Григорій VII обрекъ все католическое духовенство на самую строгую одинокую жизнь. Великій папа не сообразилъ только того простого обстоятельства, что кускомъ пергамента невозможно пересоздать человѣческую природу. Плоды соборнаго рѣшенія и папскаго декрета о безбрачїи духовенства далеко не соответствовали намѣреніямъ Григорія VII и его совѣтниковъ. Плоды получились вотъ какіе. «Архіепископъ Кентерберійскій, говоритъ Шлоссеръ, также былъ публично осмѣянъ, когда вздумалъ прибѣгнуть къ высшей духовной власти, и городская полиція жестоко отместила духовенству, арестовавъ его любовницъ и выставивъ ихъ на позоръ, какъ публичныхъ женщинъ» (т. VIII, стр. 450). Еще непочтительное поступилъ съ чешскимъ духовенствомъ императоръ Венцеславъ: «онъ вытребовалъ однажды, говоритъ Шлоссеръ, всѣхъ любовницъ пражскаго духовенства, и выставилъ ихъ къ позорному столбу, вмѣстѣ съ прелатами, у которыхъ онѣ жили» (т. VIII, стр. 533). Эти печальныя событія происходили въ концѣ XIV столѣтія, а въ XIII столѣтіи произошелъ случай еще болѣе замѣчательный. Датчане и фризы потребовали отъ своихъ клириковъ, чтобы они взяли себѣ любовницъ, лишь бы только «не оскверняли ложе другихъ людей». (Raumer. Geschichte der Hohenstaufen. Band VI. s. 261).

Всѣ монашескіе ордена, безъ исключенія, были увлечены въ тотъ же омутъ безнравственности, въ которой тонула вся масса католическаго духовенства. Въ каждомъ вѣкѣ было нѣсколько чистыхъ и энер-

гическихъ личностей, добросовѣстно стремившихся къ аскетическому совершенству и смотрѣвшихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ на гадости современной дѣйствительности. Эти люди проповѣдывали противъ пороковъ словомъ и примѣромъ, увлекали за собою многихъ послѣдователей, давали монастырямъ строгіе уставы, оживляли на короткое время фанатическія страсти мечтателей, основывали новые ордена и умирали съ тою простодушною надеждою, что спасли навсегда честь и достоинство католическаго монашества. Но само собою разумѣется, что сила обстоятельствъ брала свое, не смотря ни на какіе подвиги Бернаровъ, Петровъ Достопочтенныхъ, Доминиковъ и Францисковъ Ассизскихъ. Въ два-три десятилѣтія, новые ордена такъ ловко успѣвали потускнѣть и загрязниться, что ихъ никто въ мірѣ не сумѣлъ бы отличить отъ самыхъ старыхъ. Чѣмъ строже были требованія новыхъ уставовъ, тѣмъ сильнѣе развивалось лицемеріе и тѣмъ искуснѣе оказывались монахи въ прінсканіи себѣ разныхъ лазѣекъ, увертокъ и кляузныхъ оправданій. Прикрываясь благовиднѣйшими предлогами, монахи дѣлали какъ разъ все то, что строго запрещено было уставами ордена. Всѣмъ монахамъ, безъ исключенія, предписывалось отречься отъ міра и отъ всѣхъ его суетныхъ интересовъ. Но, уже съ XII вѣка, монахи взяли за изученіе права и стали заниматься адвокатурою. Множество соборовъ дѣлали имъ за это суетное стремленіе строгія замѣчанія; имъ запрещали изучать законы, но запрещенія эти были безсильны; ихъ стыдили и бранили, они выслушивали брань и пропускали ее мимо ушей. «Пламя жадности, говоритъ одинъ соборъ, въ 1131 году, возжигаетъ сребролюбіе монаховъ; они смѣшиваютъ правду съ неправдою, чтобы пріобрѣсти себѣ какъ можно больше денегъ». — «Не постыдно ли для монаховъ, говоритъ другой соборъ въ 1269 году, гоняться за суетнымъ блескомъ судебного краснорѣчія? Эти болтуны думали сравняться съ Цицерономъ! Они были скорѣе похожи на квакающихъ лягушекъ». А монахи все-таки продолжали сутяжничать и, когда начальство подступало къ нимъ слишкомъ близко, оправдывались тѣмъ, что они хлопочутъ не изъ за денегъ и не изъ честолюбія, а для того, чтобы защитить отъ притѣсненій сильнаго и богатаго — вдовъ и сиротъ, убогихъ и немущихъ. Начальство наконецъ утомилось и махнуло рукою на монашествующихъ юристовъ. — Пріобрѣтая себѣ репутацію ловкихъ дѣльцовъ, соперники Цицерона выдвигались впередъ и поступали на государственную службу. Монахъ становился чиновникомъ. Соборы гремѣли противъ этихъ поразительныхъ нарушеній монастырскаго устава, но монахи не унимались, а свѣтская власть вербовала себѣ опытныхъ законовѣдovъ, не обращая вниманія на покрой ихъ одежды. — Монахи изучали медицину и хирургію, и лечили людей ланцетомъ и микстурами, между тѣмъ какъ католическіе уставы допускали, въ случаѣ болѣзни, только

постъ и молитву. Монахи пускались въ коммерческія предпріятія; монахи отдавали деньги въ ростъ; монахи занимались банкирскими спекуляціями. Тутъ благочестивымъ людямъ оставалось только ахать и разводять руками. «Деньги, пишетъ строгій францисканецъ, св. Бонавентура,—этотъ смертельный врагъ нашего ордена возбуждаетъ въ нашихъ братьяхъ такую алчность, что прохожіе боятся съ ними встрѣчаться и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ наглыхъ грабителей. Наша бѣдность есть ужаснѣйшая ложь. Мы просимъ милостыню, какъ бѣдняки, и плаваемъ въ роскоши».

Усердно поклоняясь золотому тельцу, клирики всѣхъ сортовъ неугомимо грызлись между собою за барыши. Ссорамъ, сплетнямъ, взаимнымъ попрекамъ и скандальнымъ выдумкамъ не было конца. «Францисканцы и доминиканцы вырывали другъ у друга щедроты вѣрующихъ, ссорились между собою изъ за собиранія милостыни, переманивали другъ у друга адептовъ и взаимно воровали другъ у друга даже проповѣди; они проповѣдывали одни противъ другихъ, и публично, на церковной кафедрѣ, читали скандальную хронику враждебнаго ордена. Эти взаимныя обвиненія засвидѣтельствованы въ особомъ мирномъ договорѣ, заключенномъ между обоими орденами въ 1255 году и возобновленномъ въ 1278 году». (La Rêforme, p. 171). Если мы припомнимъ, что основатели этихъ орденовъ, Доминикъ и Францискъ, умерли — первый въ 1221 году, а второй въ 1226 году, — то мы увидимъ ясно, съ какою неудержимою быстротою развращались до мозга костей самыя строгія общины католическихъ монаховъ. Ненавидя другъ друга, нищенствующіе ордена презирали всѣхъ остальныхъ монаховъ; бѣлыхъ бенедиктинцевъ они называли неучами и полу-мірянами, а черныхъ — гордецами и экикурейцами. «Одна обѣдня нищенствующаго монаха, говорили они, стоитъ четырехъ обѣдней простаго священника». Бѣлые и черные монахи также вели между собою ожесточенную войну и старались уронить другъ друга во мнѣніи свѣтскаго общества. «Я часто видалъ, пишетъ Петръ Достопочтенный, какъ черный монахъ, встрѣчаясь съ бѣлымъ, смѣялся надъ нимъ, точно будто онъ видѣлъ въ немъ какое нибудь странное чудовище, кентавра или химеру. Отчего эти монахи, имѣющіе одного общаго отца, до такой степени ненавидны другъ другу? Причина ихъ вражды заключается въ гордости. Черные монахи, имѣющіе за себя свою древность, не могутъ простить бѣлымъ того, что послѣдніе отбили у нихъ уваженіе народа, а бѣлые, съ своей стороны, гордятся тѣмъ, что обновили орденъ св. Бенедикта». — «Клирики, жаждутся генераль францисканцевъ-миноритовъ, св. Бонавентура, ненавидятъ насъ хуже, чѣмъ жидовъ, за то, что мы знаемъ ихъ пороки. Подавленные своимъ невѣжествомъ, они завидуютъ намъ, потому что мы больше ихъ нравимся вѣрующимъ; наконецъ, они боятся, что убавятся

ихъ доходы, вслѣдствіе той милостыни, которую мы собираемъ; тутъ и есть главная причина ихъ жестокой ненависти, потому что они гораздо больше заботятся о грязномъ барышѣ, чѣмъ о спасеніи человѣческихъ душъ».

Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, католическое духовенство старалось, такимъ образомъ, всѣми силами подрывать свое вліяніе на умы народныхъ массъ, и, не смотря на безпредѣльное простодушіе и долготерпѣніе средневѣковой публики, эти добросовѣстные и неутомимыя старанія увѣнчались наконецъ вѣждельнымъ успѣхомъ. Уже съ XIII вѣка, вплоть до самой реформации, то есть, до XVI столѣтія, всѣ западные европейцы, знатные и простые, ученые и неученые, умные и глупые, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ, поютъ и пишутъ, что духовенство никуда не годится. Народу нравились въ это время всего больше тѣ пѣсни, сказки или романы, которые смѣлѣе и рѣзче другихъ осмѣивали и позорили іерархію. Въ XII вѣкѣ появилась латинская поэма сатирическая *Reinardus Vulpes* (Рейнардь Лиса), въ которой невзвѣстный авторъ продергивалъ съ безпощадной рѣзкостью властолюбіе и жадность римскаго первосвященника. Поэма эта произвела фуроръ; ее перелѣбали на старо-французскій языкъ и на старо-нѣмецкій; ее учили наизусть; картины изъ этой поэмы составляли любимое украшеніе комнатъ; эти картины проникли даже въ монастыри и увеселяли собою спасающихся отшельниковъ. А въ поэмѣ встрѣчаются, между прочимъ, такіе эпизоды: авторъ описываетъ аллегорическій корабль, составленный изъ всевозможныхъ грѣховъ. «Дно сдѣлано изъ дурныхъ мыслей; борты изъ измѣны, сплочены гнусностью и постыдными дѣлами очень хорошо закрѣплены. Изъ плутовства сдѣлана мачта, якорь — изъ коварства и вѣроломства, корма выкована изъ подлости, изъ жестокости и изъ пронырства; корабль обложенъ сѣрымъ сукномъ, вытканнымъ изъ лицемерія, лѣности и развратной жизни». И на этомъ кораблѣ, представляющемъ символъ всякаго зла, сидитъ въ чинѣ адмирала самъ папа; кардиналы—его помощники, а экипажъ составленъ изъ священниковъ и изъ всевозможныхъ монаховъ.

Въ началѣ XV вѣка, гусситы, какъ извѣстно, стали истреблять католическихъ священниковъ и монаховъ, какъ дикихъ звѣрей. Этотъ дурной примѣръ оказался соблазнительнымъ даже для самихъ католиковъ. «Постоянныя злоупотребленія и грабительства духовенства, пишетъ кардиналъ Юліанъ Чизарини, такъ озлобили нѣмцевъ, что, того и гляди, они, подобно гусситамъ, перебьютъ духовенство и сожгутъ монаховъ». — Императоръ Сигизмундъ въ это же самое время подробно развиваетъ ту же неутѣшительную мысль: «Я боюсь, пишетъ онъ, что нѣмецкіе горожане поступятъ съ іерархіей точно такъ же, какъ чехи; уже городъ Магдебургъ выгналъ своего архіепископа вмѣстѣ со всѣми

канониками и, подобно гуссита́мъ, разграбилъ ихъ имущества; союзные же Магдебургу ганзейскіе города готовятся послѣдовать этому примѣру; по слухамъ, и на Рейнѣ собрались тысячи мірянъ, чтобы заставить городъ Вормсъ выдать духовенство и евреевъ; нассаусцы хотятъ взять приступомъ замки своихъ епископовъ, а бамбергцы ведутъ открытую войну съ духовенствомъ за привилегіи, данныя имъ королемъ». Около этого же времени, папскій секретарь, Леонардо Аретино, обращается къ монахамъ съ слѣдующею непочтительною рѣчью: «Васъ, говорятъ онъ, называютъ комедіантами, и вамъ этимъ названіемъ дѣлаютъ слишкомъ много чести, потому что вы хуже канатныхъ плясуновъ; тѣ надѣваютъ маску, чтобы забавлять зрителей, а вы носите маску добродѣтели, чтобы разорять вѣрующихъ; актеры разыгрываютъ свои фарсы въ несвященномъ мѣстѣ, вы же оскверняете святилища храмовъ.... Ваше лицемѣріе возрастаетъ вмѣстѣ съ вашими притязаніями на совершенство; величайшими лицемѣрами въ вашей средѣ оказываются тѣ, которые прикидываются самыми добродѣтельными; гробы поваленные, они блестятъ снаружи; загляните подъ оболочку, — вы не найдете ничего, кромѣ гнили!... Посмотрите на этихъ смиренниковъ, съ потухшимъ взглядомъ, съ опущенными глазами, — вы бы приняли ихъ за святыхъ угодниковъ; но если вы оскорбите ихъ въ ничтожнѣйшей мелочи, ихъ ярость и ихъ гнѣвъ разразятся; они покажутся вамъ агамемнонами, ахиллами или какими нибудь другими героями, еще болѣе вспыльчивыми и надменными».

Чтобы оцѣнить все значеніе этой жестокой тирады, надо помнить, что это говоритъ не какой нибудь легкомысленный поэтъ или озлобленный пролетарій, а солидный ученый, жившій при папскомъ дворѣ на готовыхъ и очень сытныхъ хлѣбахъ. Другіе знаменитые богословы и ученые XV и XVI столѣтій, Клемажи, д'Альби, Жерсонъ, Эразмъ, повторяютъ тѣ же самыя упреки въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Изъ всѣхъ фактовъ и свидѣтельствъ, собранныхъ въ этой главѣ, не трудно вывести то заключеніе, что начиная съ XII вѣка, нравственное могущество католической іерархіи постоянно ослабѣло, по мѣрѣ того, какъ утрачивалась его нравственная чистота. Къ началу XV вѣка, духовенство сдѣлалось до такой степени грязнымъ, что всѣ стали его презирать, и до такой степени безсильнымъ, что всѣ могли безнаказанно наносить ему оскорбленія.

ХІІ.

Навлекая на себя ненависть и презрѣніе общества, католическое духовенство не только подтачивало свое собственное могущество, но

еще, кромѣ того—что гораздо важнѣе, — порождало и воспитывало въ народныхъ массахъ равнодушіе, или даже враждебное чувство къ самой католической религіи. Въ цвѣтуція времена своего господства, духовенство старалось и дѣйствительно сумѣло слить въ одно неразрывное цѣлое свои личные интересы съ интересами религіи. Выражаясь точнѣе, оно подставило свои интересы на мѣсто интересовъ религіи, такъ что быть религиознымъ человѣкомъ, на языкѣ простодушныхъ католиковъ—значило угождать во всемъ аббатамъ и монахамъ. Это было, безъ сомнѣнія, очень выгодно для духовенства, пока оно пользовалось всеобщимъ уваженіемъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ варваровъ; но, какъ только духовенство опозорило себя своею безнравственностью въ глазахъ поумнѣвшаго средневѣковаго общества, такъ уже для него, то есть, для духовенства, не осталось возможности ухватиться за принципъ и удержать себя такимъ образомъ отъ окончательнаго паденія. Массы понимали это, какъ нельзя лучше, и, отвертываясь отъ духовенства, отвертывались въ то же самое время и отъ католическаго принципа. Надо было быть очень ученымъ богословомъ, чтобы отдѣлить религиозную истину отъ тѣхъ произвольныхъ прибавокъ, украшеній и искаженій, которыя были пущены въ ходъ властолюбіемъ и корыстолюбіемъ клириковъ. Трудъ этотъ былъ не по силамъ массы, и она быстрыми шагами шла отъ слѣпнго обожанія къ такому же слѣпому и неразборчивому отрицанію.

Такъ оно и было дѣйствительно въ XIV и въ XV столѣтіяхъ. Клерикальная политика и клерикальный обманъ, называвшійся въ средніе вѣка благочестивою хитростью (*fraus pia*), пропитали насквозь и переработали своимъ опоняющимъ вліяніемъ всѣ составныя части католическаго клира. Попы и монахи поддѣлывали легенды, поддѣлывали чудеса и, наконецъ, съ величайшимъ успѣхомъ поддѣлывали даже цѣлыя догматы. Святой Діонисій считался патрономъ Франціи, а св. Іаковъ Компостельскій — патрономъ Испаніи; о томъ и о другомъ существовало множество разсказовъ, выдававшихся за неприкосновенную истину; въ этихъ разсказахъ изображалось подробно, какъ св. Діонисій Ареопагитъ прибылъ во Францію, а св. Апостолъ Іаковъ въ Испанію, и какъ они тамъ жили, и что они тамъ дѣлали, и какъ они тамъ умерли. Между тѣмъ, достовѣрно извѣстно, что первый изъ этихъ святыхъ никогда не былъ и не могъ быть во Франціи, а второй никогда не былъ и не могъ быть въ Испаніи. Сочинить святого съ цѣлою исторіею, съ мощами и съ чудесами ровно ничего не стоило средневѣковымъ клирикамъ. Вотъ какой случай разсказываетъ лѣтописецъ Glaber Radulphus монахъ XII вѣка. «Одинъ человѣкъ изъ простонародья, шарлатанъ отъявленный, занимался раскапываніемъ могилъ и продавалъ добываемыя кости, называя ихъ мощами. Совершивъ въ Галліи безчисленное множество

плутней, онъ пришелъ въ одинъ альпійскій городъ. Тамъ, по своему обыкновенію, онъ собралъ кости перваго попавшагося покойника и сталъ утверждать, будто ангель открылъ ему, что это — мощи святого Юста. Вслѣдствіе этого слуха, сбѣжалось невѣжественное населеніе сосѣднихъ деревень и тутъ же, при помощи мелкихъ подарковъ, было совершено много чудесъ. Аббаты тотчасъ начали эксплуатировать эти чудеса и святого, сфабрикованнаго мошенникомъ, не смотря на то, что просвѣщенные люди, и въ томъ числѣ монахъ Glauber, открыли обманъ и обличили пройдоху». (Laurent, La Réforme, p. 80). Соорудить исторію мнимой святости было чрезвычайно легко, потому что отъ такой исторіи не требовалось ни малѣйшаго правдоподобія. Здѣсь господствовалъ во всемъ своемъ величій знаменитый принципъ: *credo, quia absurdum* (вѣрю, потому что нелѣпо).

До какой дерзости доходили составители этихъ исторій, это ясно видно изъ двухъ легендъ: о святомъ клювѣ и о святой слезѣ. Вотъ какимъ образомъ извѣстный французскій эллипсизмъ Генрихъ Этьеннъ, рассказываетъ легенду святого клюва, которую онъ, совершенно справедливо, ставитъ на одну доску съ самыми нелѣпыми баснями Геродота: «Когда Никодимъ снялъ Спасителя со креста, онъ собралъ нѣсколько капель его крови въ палецъ своей перчатки, которымъ онъ послѣ того, сдѣлалъ нѣсколько великихъ чудесъ. Вслѣдствіе этого, терпя преслѣдованія отъ іудеевъ, онъ разстался съ своею реликвіею посредствомъ удивительно-замысловатой выдумки. Написавши на пергаментѣ всѣ чудеса и всю исторію этой святости, онъ вложилъ кровь, вмѣстѣ съ этимъ пергаментомъ, въ большой птичій клювъ и, завязавши его какъ можно тщательнѣе, бросилъ его въ море, поручая его милосердію Божію. Случилось же такъ, что, тысячу или тысячу двѣсти лѣтъ спустя, этотъ святой клювъ, поплававши достаточно по всѣмъ морямъ востока и запада, прибылъ въ Нормандію. Тутъ его выбросило море въ прибрежные кусты. Одинъ нормандскій герцогъ въ этихъ мѣстахъ охотился за оленемъ, и вдругъ олень вмѣстѣ съ собаками куда-то пропалъ; оказалось, что олень стоитъ между кустами на колѣняхъ, а собаки рядомъ съ нимъ, совсѣмъ смиренныя и тоже на колѣняхъ. Это зрѣлище до такой степени умилило добраго герцога, что онъ приказалъ тотчасъ расчистить это мѣсто, гдѣ и нашелся святой клювъ. Тогда герцогъ основалъ на этомъ мѣстѣ аббатство, которое до сихъ поръ называется по этой причинѣ аббатствомъ Клюва; оно владѣетъ такими богатыми помѣстьями, что одинъ клювъ питаетъ, очевидно, множество животновъ» (Ibid. p. 87). Въ XVII столѣтіи бенедиктинскіе монахи напечатали книжку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Истинная исторія святой слезы, пролитой нашимъ Спасителемъ надъ Лазаремъ: какъ и кѣмъ она была принесена въ монастырь Святой Троицы Вандомской. Кромѣ

того, многія превосходныя (beaux) и отмѣнныя (insignes) чудеса, случившіяся въ теченіе 630 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ она была чудеснымъ образомъ посвящена этому святому мѣсту». Въ этой книгѣ, бенедиктинцы рассказываютъ, безъ малѣйшаго смущенія, что, когда Спаситель оплакивалъ смерть Лазаря, тогда ангель подхватилъ одну слезу, вложилъ ее въ маленькій сосудъ, въ которомъ она сохраняется до сихъ поръ; потомъ вложилъ первый сосудъ во второй, побольше, и вручилъ все это Магдалинѣ. Магдалина привезла эту святыню во Францію, когда она, вмѣстѣ съ Лазаремъ, съ Марфою, со святымъ Максиминомъ и со святымъ Келидономъ, приѣхала въ марсельскую гавань. Когда Магдалина почувствовала приближеніе смерти, она призвала къ себѣ епископа ахенскаго, Максимиана, и отдала ему святую слезу, которую тотъ тщательно хранилъ въ теченіе всей своей жизни. Потомъ святая слеза попадаетъ какимъ-то манеромъ въ Константинополь, потомъ, въ 1040 году, она появляется въ Вандомскомъ монастырѣ и начинаетъ творить чудеса.

Легенды о святомъ клювѣ и о святой слезѣ любопытны, какъ образчики той безумной дерзости, съ которою корыстолюбивое духовенство уродовало даже евангеліе своими нелѣпостями. Такимъ образомъ, клирики ворвались первые, съ своими безнравственными тенденціями и безтолковыми фантазіями, въ самую священную твердыню религіи. Мудрено ли послѣ этого, что скептики, ободренные этимъ примѣромъ, пошли за клириками туда же, съ своею неумолимою критикою? Клерикальная фантазія была неистощима и неумолима: аббаты и монахи показывали католикамъ куски Ноева ковчега, рога Моисея, бороду Аарона, перья архангела Гавріила, святое сѣно, т. е. сѣно, лежавшее въ ясляхъ, свѣчку, горѣвшую въ минуту рождества Христова. Колоссальныя размѣры выдумки никогда не пугали изобрѣтателей; въ Кельнѣ до сихъ поръ лежатъ *одинадцать тысячъ дѣвъ*, которыя совсѣмъ не были дѣвами и никогда не исповѣдывали христіанской религіи. Исторія этой груды костей очень поучительна. Легенда утверждаетъ, что въ Бретани жила одна принцесса, Урсула и что какой-то языческій король попросилъ ея руки. Урсула, повинувшись внушенію свыше, потребовала себѣ отсрочки, собрала 11,000 дѣвъ и пустилась съ ними въ морское путешествіе. Три года продолжалось ихъ плаванье. Когда приблизился день, назначенный для свадьбы, тогда, по молитвѣ Урсулы, поднялась буря, которая перенесла на материкъ всю дѣвственную армію. *Одинадцать тысячъ дѣвъ* ѣдутъ вверхъ по Рейну до Кельна, потомъ плывутъ въ Базель, оттуда идутъ пѣшкомъ въ Римъ, возвращаются назадъ по той же дорогѣ и, въ окрестностяхъ Кельна, погибаютъ подъ ударами дивныхъ гунновъ. Зачѣмъ ихъ было именно 11,000, зачѣмъ онѣ плавали по морю и шлялись по матеріку—объ этомъ легенда, по

своему простодушю, ни мало не заботится. Легенда эта была составлена въ началѣ XII вѣка по тому случаю, что въ окрестностяхъ Кельна было найдено нѣсколько женскихъ скелетовъ. Въ 1123 году, Норбертъ, основатель ордена премонстратовъ, нашелъ еще много скелетовъ; наконецъ, въ 1155 году, монахи напали на такую богатую массу костей, что ее пришлось разработывать въ теченіе девяти лѣтъ, подъ руководствомъ двухъ аббатовъ. Въ это время исторія 11,000 дѣвъ была уже сочинена и пущена въ ходъ. Но вдругъ, вмѣстѣ съ женскими скелетами, стали попадаться скелеты мужчинъ; монахи смутились, но, къ счастью, у одного изъ нихъ была сестра, Елизавета изъ Шенау, страдавшая галлюцинаціями, которыя считались въ то время видѣніями и откровеніями свыше; эта монахиня сгородила, вмѣстѣ съ своимъ изобрѣтательнымъ братомъ, новую кучу нелѣпостей для объясненія мужскихъ скелетовъ. Все это сошло за чистую монету, потому что Елизавету считали блаженною. Стали рыть дальше: нашли кости дѣтей. Это уже было совсѣмъ не кстати, потому что бросало невыгодную тѣнь на репутацію дѣвственныхъ спутницъ Урсулы. Елизаветы въ это время уже не было на свѣтѣ. Обратились за совѣтомъ къ какому-то ученому монаху и тотъ наложилъ на легенду третій слой бессмыслицы, такъ что и дѣтскія кости оправдали свое существованіе. Спрашивается теперь, откуда же взялась эта масса костей, съ которою монахи возились десятки лѣтъ, напрягая свои мускулы и изощряя свою фантазію? — Ларчикъ открывался очень просто. Тутъ было римское кладбище; вмѣстѣ съ костями находились саркофаги, латинскія надписи, оружіе, посуда — вещи очень извѣстныя всѣмъ антикваріямъ и не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, кому принадлежать скелеты. Принадлежать они римскимъ язичникамъ различнаго пола и возраста. О дѣвственныхъ мученицахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Къ довершенію комизма новѣйшіе нѣмецкіе ученые доказали, что самая Урсула, считающаяся католическою святою и покровительницею города Кельна, была язическою богинею. Все это нисколько не мѣшало вырытымъ костямъ приносить кельнскому духовенству обильные доходы. Механика была очень незамысловата. «Каждый день, пишетъ одинъ правдивый монахъ XI столѣтія, ходять, отъ одной церкви къ другой, разные бродяги, которые прикидываются слѣпыми, разслабленными или бѣсноватыми; они валяются по ступенькамъ храмовъ, или по гробницамъ святыхъ, а потомъ увѣряють всѣхъ, что получили исцѣленіе; эта поддѣлка чудесъ производится для того, чтобы привлекать щедроты вѣрующихъ».

Предпримчивость духовенства была такъ велика и изобрѣтательность его такъ роскошна, что даже многіе соборы считали необходимымъ сдерживать эту оргію клерикальнаго воображенія. Уже въ IX вѣкѣ, ахенскій соборъ упрекаетъ епископовъ въ томъ, что они фабри-

куютъ чудеса для пріобрѣтенія денегъ. Въ 1215 году, при Иннокентіи III, латеранскій соборъ говоритъ, что «въ очень многихъ мѣстахъ пускаютъ въ ходъ ложныя легенды и ложные документы для того, чтобы обманывать вѣрующихъ и тянуть изъ нихъ деньги». Въ 1261 г., майнцскій соборъ описываетъ подробно тѣ фокусы, посредствомъ которыхъ клирики морочили простой народъ. Такія же точно обвиненія повторяются въ XIV и XV столѣтіяхъ.

ХІІІ.

Подчиняясь финансовымъ и политическимъ соображеніямъ, клирики поддѣлывали цѣлыя догматы и даже старались извратить нравственное чувство католической паствы. Духовенство самымъ наивнымъ образомъ боготворило себя, какъ отдѣльную корпорацію, стоящую безусловно выше гражданскаго общества.—«Мірянинъ, говоритъ кардиналь Даміанъ, какъ бы онъ ни былъ благочестивъ, не можетъ выдержать сравненія, даже съ очень несовершеннымъ монахомъ; золото, даже нечистое, драгоцѣннѣе чистой мѣди». Но и это показалось недостаточнымъ; въ XII вѣкѣ, аббатъ монастыря св. Тьерри сталъ доказывать, что монахи уподобляются самому Богу, потому что небо называется по латыни *coelum*, а келья—*cellula*, и еще потому, что монастырская жизнь ничѣмъ не отличается отъ райскаго блаженства. Умные католики смотрѣли съ негодованіемъ на это идолопоклонство; ставившее святыхъ на мѣсто Бога. «Въ одномъ соборѣ этого королевства, пишетъ Клеманжи, ученый богословъ XIV вѣка, читаютъ отъ доски до доски подвиги святыхъ и, въ то же время, едва читаютъ по нѣскольку строкъ изъ священнаго писанія. Служеніе Богу исчезаетъ съ лица земли. Преступленія вѣрующихъ католиковъ составляли, очевидно, для духовенства важнѣйшій источникъ доходовъ. Чѣмъ крупнѣе и многочисленнѣе были грѣхи, тѣмъ трусливѣе становился грѣшникъ и тѣмъ сподручнѣе было обирать его въ пользу церкви.

Это обстоятельство даетъ намъ право предположить *a priori*, что католическая мораль должна была не обуздывать, а напротивъ того, поощрять порочныя наклонности средневѣковыхъ европейцевъ; взглядыываясь въ историческія данныя, мы видимъ, что это предположеніе совершенно оправдывается дѣйствительными фактами. Вотъ, напримѣръ, какую легенду рассказываетъ кардиналь Даміанъ, причисленный католическою церковью къ лику святыхъ: «Одинъ человѣкъ, прожившій всю свою жизнь въ грѣхѣ, умираетъ внезапною смертію. Бѣсы и ангелы спорятъ между собою за его душу; ангелы начинаютъ уступать, видя слишкомъ ясныя доказательства виновности покойника, но въ это

время появляется Пресвятая Дѣва. Сначала пораженные ужасомъ, демоны оправляются и обращаются къ правосудію Мадонны. Марія отвѣчаетъ, что Іисусъ Христосъ не позволитъ сатанѣ захватить такого человѣка, который передъ своею смертію обратился съ молитвою къ Богоматери. Черти настаиваютъ на своемъ и говорятъ, что покойникъ совершилъ громадный грѣхъ, въ которомъ онъ не покаялся. Чтобы спасти виновнаго, Мадонна воскрешаетъ его и приказываетъ ему пойдти немедленно въ монастырь на исповѣдь. Монахи дали ему разрѣшеніе и онъ тотчасъ вошелъ, вслѣдъ за своею покровительницею, въ царство небесное».

Упитанные такими легендами, вѣрующіе католики были твердо убѣждены въ томъ, что «человѣкъ, читающій ежедневно молитвы, никогда не будетъ осужденъ на адскія мученія въ тотъ день, когда онъ успѣлъ ихъ произнести». Поэтому, католическія легенды, какъ искусно-разставленныя ловушки, были очень полезны для денежнаго и политическаго могущества клерикаловъ. Я не стану утверждать, что клерикалы въ изобрѣтеніи этихъ легендъ руководствовались дѣйствительно тѣмъ тонкимъ и глубокимъ психологическимъ расчетомъ, который указанъ въ предыдущихъ строкахъ. Какъ составлялись эти легенды — этого я не знаю. Но какъ онѣ дѣйствовали—это намъ достовѣрно извѣстно. Мы знаемъ, какъ нельзя лучше, что средневѣковые люди грѣшили очень храбро, а потомъ, когда дѣло доходило до расплаты, ударялись въ самое подлое ханжество и платили за формальное отпущеніе грѣховъ самыя несообразныя цѣны. Важнѣйшій догматъ клерикальной нравственности, знаменитый догматъ индульгенцій, весь построенъ на этой психологической особенности средневѣковаго человѣчества. Когда оказалось въ обществѣ много охотниковъ покупать себѣ формальное отпущеніе грѣховъ, тогда изворотливымъ казуистамъ клерикальнаго лагеря было уже совсѣмъ не трудно отыскать приличное догматическое оправданіе для такихъ своеобразныхъ коммерческихъ оборотовъ. Сначала представители духовной власти отпускали грѣхи тѣмъ людямъ, которые, изъясняя сердечное раскаяніе, старались, кромѣ того, по совѣту или по приказанію священника, загладить сдѣланное преступленіе добрыми дѣлами. Противъ этого трудно найти какое нибудь основательное возраженіе: раскаянье и серьезное исправленіе должны примирять преступника, какъ съ его собственною совѣстью, такъ и съ человѣческимъ обществомъ. Но такъ какъ отъ священника зависѣло назначить кающемуся грѣшнику ту программу, по которой онъ долженъ былъ совершать свои подвиги искупленія, то, разумѣется, клерикальному произволу открывался самый широкій просторъ. Такъ, напримѣръ, поссорившись съ императоромъ Генрихомъ IV, папа Григорій VII общалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ грѣшникамъ, которые возстанутъ противъ

Генриха и примкнуть къ его противнику Рудольфу. Съ политической точки зрѣнія, этотъ маневръ былъ очень искусенъ, но куда же дѣвалось, при подобномъ распоряженіи, необходимое раскаянне, и почему же нарушеніе присяги, участіе въ мятежѣ и злодѣянія междуособной войны превратились вдругъ въ добрыя дѣла, способныя мгновенно заглаживать самыя позорныя преступленія? — Когда начались крестовые походы, тогда папы укоренили въ народныхъ массахъ ту мысль, что переѣздъ въ Палестину очищаетъ крестоносца отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ. При такомъ гуртовомъ прощеніи, очевидно не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ нравственномъ исправленіи и совершенствованіи каждой отдѣльной личности. Когда папы начали вести ожесточенную борьбу съ Гогенштауфенами, особенно съ Фридрихомъ II, тогда папамъ сдѣлались до зарѣзу необходимы очень значительныя суммы наличныхъ денегъ. Вотъ тутъ-то и началась въ обширныхъ размѣрахъ продажа вѣчнаго блаженства за звонкую монету; и тутъ явилась необходимость подтасовать новый догматъ, который и былъ изобрѣтенъ великимъ казуистомъ схоластическаго богословія, доминиканцемъ Фокою Аквинскимъ, прозваннымъ *doctor angelicus*.

Фома утверждаетъ, что одинъ вѣрующій можетъ своими заслугами искупить грѣхи другого вѣрующаго, потому что вѣрующіе суть члены одного общаго духовнаго тѣла—церкви; стало быть, если одинъ членъ церкви сдѣлалъ больше подвиговъ, чѣмъ сколько было нужно для его собственнаго спасенія, то излишекъ его заслугъ можетъ быть обращенъ въ пользу другихъ членовъ. Но этотъ избытокъ заслугъ не остается въ распоряженіи отдѣльной личности, а поступаетъ въ общую сокровищницу церкви, которая распредѣляетъ эти духовныя блага по своему благоусмотрѣнію. Актъ индульгенціи состоитъ именно въ томъ, что папа, какъ казначей духовнаго сокровища, вынимаетъ оттуда нѣкоторую долю запасныхъ заслугъ и отдаетъ эту долю тому человѣку, котораго онъ хочетъ спасти отъ адскихъ мученій или отъ чистилища. «Въ этомъ случаѣ, говоритъ неустрашимый діалектикъ Фома, нѣтъ надобности принимать въ соображеніе вѣру или дѣла того лица, которое получаетъ индульгенцію; тутъ имѣетъ значеніе только *сокровище заслугъ*, находящееся въ распоряженіи церкви; это сокровище неистощимо, и церковь распредѣляетъ его, какъ ей угодно и какъ того требуютъ ея интересы». Фома ухитрился подчинить господству папы даже души умершихъ; онъ доказалъ очень убѣдительно, что папа можетъ давать индульгенціи тѣмъ душамъ, которыя *уже находятся* въ чистилищѣ: какъ только эта индульгенція выдана, такъ душа сію минуту переносится въ рай; папы воспользовались аргументаціею Фомы и даже предоставили нѣкоторымъ церквамъ право вѣчныхъ индульгенцій; это значило, что за каждую обѣдную, отслуженную въ этой церкви, можно было выводить изъ чис-

тилица по одной душѣ; само собою разумѣется, что за эти особенныя обѣдни и цѣна была совсѣмъ особенная; въ Римѣ было пять такихъ привилегированныхъ церквей, и на каждой изъ нихъ красовалась вывѣска, обращающая вниманіе прохожихъ на спеціальныя достоинства предлагаемыхъ обѣдней. — Для продажи индульгенцій живымъ грѣшникамъ, римскій дворъ устроилъ таксу всѣхъ грѣховъ: маленькіе грѣхи были подешевле, большіе — подороже, а самый крупный и отборный товаръ по части грѣховъ былъ доступенъ только очень богатымъ людямъ. Но папы постоянно нуждались въ деньгахъ, и имъ пришлось, вслѣдствіе этого, не только понижать тарифъ этой духовной таможи, но даже разсылать во всѣ концы Европы множество разнощиковъ, которые предлагали отпущеніе грѣховъ, встрѣчнымъ и поперечнымъ за самую умѣренную цѣну. Дѣло дошло до того, что многіе искуснѣйшіе агенты и комиссіонеры папства стали продавать отпущеніе *будущихъ* грѣховъ. Тутъ клерикальная нравственность произнесла, очевидно, свое послѣднее слово. Дальше этого финансовая геніальность идти не можетъ. Тутъ даже самые близорукіе люди увидѣли ясно, что клирики систематически поощряютъ преступленіе, съ тѣмъ, чтобы потомъ такъ же систематически брать съ него взятки. Тутъ лопнуло терпѣніе обманутыхъ и обобранныхъ массъ, и всеобщее негодованіе выдвинуло впередъ Лютера.

XIV.

Какъ бы ни были значительны клерикальныя злоупотребленія, однако надо замѣтить, что постепенное и неудержимое увяданіе католическихъ идей обуславливается преимущественно не злоупотребленіями, а другими, гораздо болѣе важными и глубокими причинами. Дѣло въ томъ, что свѣтское общество и католическая церковь всегда радикально расходились между собою въ своихъ взглядахъ на жизнь и на обязанности человѣка. Лучшіе представители католическаго принципа, люди «безукоризненной честности и незапятнанной нравственности», ненавидѣли міръ, хотѣли увести за собою все человѣчество въ монастырь, терзали свое тѣло голодомъ и розгами, и превращали совершенно сознательно свою жизнь въ медленное самоубійство. Міряне, напротивъ того, хотѣли жить въ свое удовольствіе, и обыкновенно пропускали мимо ушей горячую проповѣдь самоистязанія. Кто былъ правъ—клирики или міряне,—этого я рѣшать не берусь, но достовѣрно извѣстно изъ исторіи то, что тенденціи мірскаго общества одержали рѣшительную побѣду. Массу всегда пугали строгія требованія искреннихъ аскетовъ, старавшихся своею проповѣдью разрушить всѣ связи, соединяющія че-

ловѣка съ другими людьми. Масса, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, склоняла голову передъ тѣми проклятіями, которыми клирики поражали всѣ проявленія жизни, чувства и мысли; но, не осмѣливаясь возражать противъ этихъ проклятій, масса продолжала любить все то, что проклиналось великими проповѣдниками. А проклиналось ими очень многое; весь міръ былъ, по ихъ мнѣнію, царствомъ сатаны, и спасеніе могло быть найдено только въ монастырѣ. Съ высоты своего клерикальнаго величія, св. Ансельмъ осуждаетъ даже крестовые походы, какъ суетное земное предпріятіе, отвлекающее людей отъ подвиговъ созерцательной жизни. Св. Бернаръ не находитъ словъ, чтобы выразить свою радость, когда ему удастся привлечь въ монастырь новаго адепта. Когда же родители или родственники удерживаютъ въ мірѣ молодыхъ фанатиковъ, тогда гнѣву св. Бернара нѣтъ предѣловъ. «Вы мнѣ не родители, пишеть онъ отъ имени одного юноши, вы — мои враги. Что я имѣю отъ васъ, кромѣ грѣха и бѣдствія?—Вамъ мало того, что вы, несчастные, бросили несчастнаго въ эту жизнь несчастья; вамъ мало того, что вы, грѣшники, родили грѣшника во грѣхѣ; вы еще хотите изъ зависти отнять у меня божественную благодать, которая спасаетъ меня отъ смерти; вы стремитесь превратить меня въ добычу геенны». Когда же мірское вліяніе родителей одержало верхъ, тогда Бернаръ раздражался проклятіями противъ самого юноши, покидающаго монастырское убѣжище. «Богъ призвалъ тебя къ себѣ, писалъ онъ, и вдругъ ты покидаешь его, чтобы идти вслѣдъ за дьяволомъ. Твои родители ввергаютъ тебя въ пасть льва; они погружаютъ тебя въ бездну смерти; черти караулятъ тебя и готовы тотчасъ схватить свою добычу».

Люди XII вѣка были вообще очень невѣжественны, но фанатики даже въ то время находили возможность проклинать зловредную науку. «Монахи, говоритъ кардиналъ Даміанъ, оставляютъ духовныя упражненія, чтобы знакомиться съ глупостями земной науки. Не значить ли это покидать цѣломудренную супругу, чтобы связываться съ блудницами театра?» — «Они называютъ себя философами, говоритъ Бернаръ, а мы гораздо справедливѣе можемъ назвать ихъ любопытными и вздорными людьми; наука вѣка сего обьяняетъ, но не даетъ милосердія; она наполняетъ, но не питаетъ; она раздуваетъ, но не поучаетъ; она засоряетъ умъ, но не укрѣпляетъ». Такимъ же тономъ говорить о наукѣ и всѣ другіе клерикалы, и въ числѣ этихъ другихъ мы встрѣчаемъ даже Петра Достопочтеннаго, того самого, который учился въ магометанской Испаніи, переводилъ коранъ и укрылъ въ своемъ аббатствѣ несчастнаго Абеяра, гонимаго соборами, папою и св. Бернаромъ. Наконецъ, въ XIII вѣкѣ, Доминикъ и Францискъ проклинали собственность и трудъ. Чтобы достигнуть совершенства, человѣкъ долженъ, по ихъ мнѣнію, нищенствовать, молиться, голодать и стегать себя почаще роз-

гами или плетью. Противъ этого опаснаго обоготворенія нищенства и праздности возсталъ, въ томъ же XIII вѣкѣ, парижскій университетъ, и во главѣ его, ученый и здравомыслящій богословъ, Вильгельмъ de Sancto Amore, написавшій противъ нищенствующихъ монаховъ книгу подъ заглавiемъ: «De Periculis Ecclesiae» (Объ опасностяхъ церкви). «Трудъ, говоритъ Вильгельмъ, есть назначенiе человѣка; это законъ, который далъ ему Богъ, создавая его въ состоянiи нравственнаго совершенства; это обязанность, возложенная на него послѣ его грѣхопаденiя. Мы естественнымъ образомъ обязаны дѣлать то, что необходимо для существованiя человѣчества; безъ труда человѣчество погибнетъ; стало быть, мы рождены для того, чтобы трудиться». — «Жизнь, продолжаетъ онъ, налагаетъ на насъ обязанности; мы должны дѣйствовать, развертывать по всѣмъ направленiямъ наши человѣческiя способности; трудъ на пользу общества стоитъ выше подвиговъ созерцательной жизни». Съ точки зрѣнiя политической экономiи, разсужденiя Вильгельма безукоризненны, но средневѣковыхъ клириковъ подобныя разсужденiя могли только привести въ негодованiе. Вильгельмъ говорилъ, что человѣчество погибнетъ, если никто не будетъ трудиться. А что за дѣло было клирикамъ до гибели человѣчества? По мнѣнiю св Бернара, сынъ обязанъ проклинать своихъ родителей за то, что они грѣшники, родили его, грѣшника, на свѣтъ во грѣхѣ. Такiя проклятiя направлены, очевидно, противъ самаго существованiя человѣчества и, слѣдовательно, противъ всего того, что, такъ или иначе, поддерживаетъ это грѣховное существованiе. Поэтому, нищенствующiе монахи утверждали совершенно послѣдовательно, что «трудъ есть преступленiе». Но, не рѣшаясь высказать прямо ту мысль, что они хотятъ истребить человѣчество, они призывали себѣ на помощь логику супернатурализма и сулили своимъ слушателямъ, «что земля будетъ приносить плоды въ безпредѣльномъ изобилiи, когда всѣ люди, оставивъ полевыя работы, посвятятъ всѣ свои силы молитвѣ».

Эти проповѣди были, однако, неопасны для Вильгельма, потому что народъ плохо вѣрилъ подобнымъ обѣщанiямъ и смотрѣлъ на нищенствующихъ монаховъ не столько съ сочувствiемъ, сколько съ недоумѣнiемъ. Бѣлое духовенство враждовало съ новыми орденами; народные поэты, напримѣръ, Rutebeuf и авторъ романа *о розѣ* (Roman de la Rose) относился къ доминиканцамъ и францисканцамъ недружелюбно и насмѣшливо. Словомъ, общественное мнѣнiе было на сторонѣ Вильгельма; его поддерживалъ парижскій университетъ; ему сочувствовало все умное сословіе тогдашней Францiи; но противъ него выступили два опасные противника, два знаменитые писателя XIII вѣка; за доминиканцевъ заговорилъ Фома Аквинскій, а за францисканцевъ—генераль ихъ ордена, Бонавентура. Надо сказать правду, эти діалектики, оставаясь на чисто

теологической почвѣ, своими аргументами и цитатами разбили въ прахъ всю политическую экономію Вильгельма de Sancto Amore. Они даже не стали разбирать вопроса о томъ, что вредно и что полезно для человѣчества. Этотъ вопросъ не имѣлъ для нихъ ни малѣйшаго смысла. Они доказали только ссылками на высшіе авторитеты, что абсолютная бѣдность возведена уже очень давно въ идеаль нравственнаго совершенства. Утвердивши эту мысль на неизблемыхъ основаніяхъ, они совершенно справедливо назвали еретикомъ и врагомъ религіи того дерзкаго человѣка, который осмѣливался осуждать нищенство монаховъ, какъ преступленіе противъ естественныхъ законовъ общества. Противники ихъ говорили, что міръ созданъ Богомъ, и что, вслѣдствіе этого, человѣкъ не обязанъ ненавидѣть міръ. «Не вещи, созданныя Богомъ, разсуждали они, производятъ несовершенство, а производитъ его слабость человѣка, неумѣющаго пользоваться благами жизни.» Этотъ аргументъ былъ пущенъ въ ходъ противъ нищенства, то есть, противъ абсолютнаго презрѣнія къ земнымъ благамъ и къ физическому труду. Бонавентура доказалъ неопровержимо, что надо сдѣлать одно изъ двухъ, или признать это разсужденіе несостоятельнымъ и противнымъ религіи, или же приложить его ко всѣмъ проявленіямъ католической нравственности. Такъ какъ земныя блага созданы Богомъ, говоритъ Бонавентура, такъ какъ женщины созданы Богомъ, такъ какъ бракъ учрежденъ Богомъ, такъ какъ свободная воля дарована Богомъ, — то совершенство, стало быть, состоитъ въ томъ, чтобы жить въ роскоши, жениться, пользоваться свободною волею.» — Противникамъ нищенствующихъ орденовъ поставлена такимъ образомъ безвыходная дилемма: или они должны оправдать нищенство, какъ стремленіе къ идеалу, или же они должны осудить всѣ монашескіе обѣты, какъ дерзкія попытки человѣка навсегда отречься отъ того, что создано для него Богомъ.

Не смотря на сочувствіе общества, Вильгельмъ de Sancto Amore потерпѣлъ въ официальномъ мірѣ полнѣйшее пораженіе. Папа осудилъ книгу «De Periculis», какъ «нечестивое, гнусное, отвратительное» сочиненіе. Онъ приказалъ ее сжечь и объявилъ врагами церкви тѣхъ людей, которые осмѣлятся защищать ее такъ или иначе. Онъ написалъ множество писемъ къ французскому королю, къ архіепископамъ и епископамъ для того, чтобы добиться строжайшаго исполненія этого приказанія. Парижскій университетъ струсилъ и попятился назадъ; доктора, поддерживавшіе идеи Вильгельма, отказались отъ своихъ заблужденій, для того, чтобы сохранить свои должности. Но самъ Вильгельмъ остался непоколебимымъ и говорилъ даже не разъ — какъ свидѣлствуютъ его враги, — что онъ готовъ идти на смерть за свои вѣрованія. Тѣ же враги обвиняютъ Вильгельма въ томъ, что онъ убѣждалъ своихъ слушателей твердо стоять за правое дѣло. Эти ужасныя обвиненія очень правдопо-

добны; Вильгельма отрѣшили отъ должности, Вильгельма выгнали изъ Парижа, а Вильгельмъ все-таки не изъявилъ ни малѣйшаго желанія раскаяться. Папа то грозилъ ему разными ужасами, то старался обратить его на путь истины кроткими совѣтами и обольстительными обѣщаніями, но Вильгельмъ былъ такъ грубъ и непочтителенъ, что не обращалъ никакого вниманія на всѣ эти начальственные демонстраціи. Тогда папа, съ сокрушеніемъ сердца, объявилъ во всеуслышанье, что Вильгельмъ повергнутъ дьяволомъ въ «бездну упрямства». А Вильгельмъ заупрямился еще сильнѣе, и даже осмѣлился апеллировать на рѣшеніе папы къ вселенскому собору. Апелляція эта осталась, разумѣется, безплодною тратою словъ, потому что вселенскаго собора въ то время не было, и неисправимый Вильгельмъ остался, до самой своей смерти, въ крайности, въ изгнаніи и въ «безднѣ упрямства». Вильгельмъ de Sancto Amore, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, считался очень опаснымъ писателемъ. Въ XVIII столѣтіи, его сочиненія были напечатаны, но французское правительство, по просьбѣ доминиканцевъ, запретило продавать эти сочиненія, *подъ ст. ахомъ смертной казни.*

Побѣда схоластиковъ надъ представителемъ утилитарнаго направленія была блистательна, но безплодна. Можно было согнать профессора съ кафедры, можно было сжечь его сочиненія, не мудро было даже и самого автора взвалить на костеръ, но уничтожить радикальное противорѣчіе между аскетическимъ идеаломъ и стремленіями живой дѣйствительности было совершенно невозможно. Жизнь не подчинилась католическому уставу; напротивъ того, она сама проникла въ монастыри и своимъ неотразимымъ вліяніемъ превратила въ мертвую букву самыя строгіе уставы. Монахи бѣли много, монахи развратничали, монахи занимались учеными изслѣдованіями и судебными процессами, монахи вели торговлю и наживали себѣ капиталы — ясное дѣло, что дѣйствительная жизнь одерживала побѣду надъ требованіями идеала. Столкновенія между живыми инстинктами человѣческой природы и монастырскими понятіями о нравственномъ совершенствѣ описаны очень наглядно и остроумно во многихъ произведеніяхъ средневѣковой поэзіи. — Утомившись шумомъ лагерной жизни и чувствуя приближеніе старости, герои рыцарскихъ романовъ часто удаляются въ монастырь, но они и въ монастырѣ хотятъ жить по своему, заявляя тамъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, всю свою феодальную необузданность. Одинъ изъ такихъ героевъ, Ренуаръ, никогда въ жизни своей не бывалъ въ церкви; по какому-то особенному случаю, онъ рѣшается поступить въ монастырь; его брѣютъ, постригаютъ, одѣваютъ въ монашеское платье; онъ ко всему этому церемоніалу присматривается и молчитъ; превративши рыцаря въ монаха, аббатъ приказываетъ своему новому подчиненному поститься по четыре дня въ недѣлю, носить на голомъ тѣлѣ власяницу и каждую ночь читать положенныя молитвы.

Тутъ бывшій рыцарь выходитъ изъ себя; онъ кричитъ на весь монастырь, что аббать вретъ чепуху; потомъ онъ клянется самыми страшными клятвами, что онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ ѣсть жирныхъ каплуновъ и отличную дичь, будетъ пѣть когда ему вздумается, и все, что ему будетъ угодно. — Другой рыцарь, Вильгельмъ Курносый, поступивши въ монахи, нагоняетъ страхъ на весь монастырь. Онъ ѣсть за шестерыхъ, пьетъ во все свое удовольствіе, и въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ всѣмъ своимъ товарищамъ самыя чувствительныя непріятности. Однажды аббать посылаетъ его за рыбою и предупреждаетъ его, что ему придется идти черезъ лѣсъ и что тамъ водятся мошенники, которые, по всей вѣроятности, постараются отнять у него деньги или сѣбстныя припасы, закупленные для монастыря. — Хорошо, отвѣчаетъ Вильгельмъ. Со мной не сладятъ. Я возьму свое оружіе. — Нѣтъ, возражаетъ аббать, уставъ св. Бенедикта положительно запрещаетъ намъ употребленіе меча. — А если они на меня нападутъ? — Ты ихъ попросишь, сынъ мой, именемъ Бога, оставить тебя въ покоѣ. — А если они захотятъ взять у меня шубу, рубашку, сапоги, чулки? — Надо все отдать имъ, сынъ мой, отвѣчаетъ аббать. — Правила рыцарства, по моему, гораздо лучше, оретъ Вильгельмъ; рыцари сражаются съ Турками и часто проливаютъ свою кровь, а вы только и дѣлаете, что пьете да ѣдите, и спите!

Уже съ XIII вѣка, поэты стали относиться враждебно не только къ клерикальнымъ злоупотребленіямъ но даже къ основнымъ принципамъ католицизма. Одинъ нѣмецкій *миннезингеръ* въ пѣснѣ о возвращеніи Фридриха Барбароссы говорить, что императоръ уничтожить всѣ монастыри, что монахи женятся на монахиняхъ и что всѣ они вмѣстѣ примутся пахать землю и обрабатывать виноградники. Когда, въ началѣ XIV вѣка, папа Климентъ V уничтожилъ орденъ тамплиеровъ, одинъ англійскій поэтъ написалъ пѣсню о будущемъ уничтоженіи всѣхъ остальныхъ орденовъ. Какъ бы мы ни относились къ этому историческому факту — благосклонно или недоброжелательно, — во всякомъ случаѣ, самое существованіе факта не подлежитъ сомнѣнію: общество отталкивало прочь схоластическій идеаль.

XV.

Разладъ между католическою доктриною и свѣтскимъ обществомъ выразился съ особенною рѣзкостью въ ихъ взглядахъ на женщину. Трудно представить себѣ болѣе рѣшительную противоположность. Средневѣковые богословы постоянно стараются отзываться о женщинѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ. «Женщина, пишетъ *Gyro de Sancto Victore*, есть причина зла, начало заблужденія, источникъ грѣха; она соблазнила че-

ловѣка въ рай, она продолжаетъ соблазнять его на землѣ, и она же увлечетъ его въ бездну ада.» — «Женщина, говоритъ Винцентій изъ Бове, есть сладкій ядъ, дающій вѣчную смерть; это факель сатаны, дверь, чрезъ которую входитъ дьяволъ.» — Специалистъ по части демонологіи, епископъ Вильгельмъ Овернскій, утверждаетъ, что черти являются всегда подъ видомъ женщины. — Аристотель смотритъ на женщину презрительнѣе всѣхъ остальныхъ философовъ древности. «Природа, говоритъ онъ, всегда стремится создать мужчинъ; женщинъ же она создаетъ только по беспілю или случайно.» Фома Аквинскій, цитируя эти слова, совершенно соглашается съ ними и прибавляетъ отъ себя то замѣчаніе, что мужчина есть типъ совершенства, а женщина — типъ несовершенства. «Даже безъ грѣхопаденія, продолжаетъ онъ, женщина была бы подчинена мужчинѣ, потому что у мужчины, естественнымъ образомъ, имѣется больше разсудка.» Повторяя мнѣнія Августина, Фома утверждаетъ, что женщина создана только для того, чтобы рождать дѣтей, «подобно тому, какъ земля необходима для того, чтобы сѣмена производили растенія.» «Въ самомъ дѣлѣ, разсуждаютъ Августинъ и Фома, женщина очевидно создана не за тѣмъ, чтобы помогать мужчинѣ въ его трудахъ, потому что, разумѣется, мужчина могъ бы быть для мужчины болѣе полезнымъ помощникомъ. И конечно, не за тѣмъ она создана, чтобы утѣшать мужчину: развѣ два друга мужескаго пола не были бы счастливѣе вмѣстѣ, чѣмъ мужчина и женщина?»

При такомъ взглядѣ на женщину, бракъ, безъ сомнѣнія, долженъ казаться зломъ. Такъ оно и было дѣйствительно. — Презрѣнными людьми оказываются, такимъ образомъ, по приговору Вантадура, всѣ искренніе аскеты, потому что всѣ они отплевывались отъ любви, какъ отъ самаго лютаго изъ дьявольскихъ искушеній. Тутъ можно сдѣлать два предположенія, и оба они приводятъ насъ къ тому результату, что внутренняя, умственная связь между средневѣковымъ идеаломъ и обществомъ была чрезвычайно слаба даже въ то время, когда церковь господствовала надъ государствомъ. Одно изъ двухъ: или Вантадуръ сознательно направилъ свои слова противъ этого идеала, или же онъ написалъ эти слова безъ особеннаго умысла, увлекаясь воспѣваніемъ любви и стараясь, какъ можно ярче, выразить свое благоговѣніе къ этому чувству. Въ первомъ случаѣ, мы видимъ смѣлую оппозицію; во второмъ — еще того хуже; во второмъ мы видимъ, что поэтъ можетъ совершенно забывать, игнорировать и оставлять безъ вниманія тѣ идеи, которыми живутъ лучшіе представители его религіи. — Поэты были, большею частью, безукоризненными католиками, и сами считали себя даже вѣрующими и ревностными католиками, но все ихъ міросозерцаніе, всѣ ихъ симпатіи и тенденціи были радикально противоположны тѣмъ мыслямъ, чувствамъ и стремленіямъ, которыя выработывались въ настоящихъ твердыхъ католицизма луч-

шиви представителями его. Значить, католицизмъ былъ всегда, для огромнаго числа западныхъ европейцевъ, собраніемъ догматовъ, формулъ и обрядовъ, которымъ они придавали очень важное значеніе, но изъ которыхъ они не извлекали никакихъ руководящихъ началъ для своей вседневной, практической и умственной жизни. Жизнь развивалась по своимъ собственнымъ, внутреннимъ законамъ, совершенно независимо отъ неподвижнаго принципа, и когда она дошла въ своемъ развитіи до яснаго самосознанія, тогда она начала разрывать даже ту, чисто-внѣшнюю связь, которая соединяла ее съ католицизмомъ. Католическіе богословы утверждаютъ, что даже бракъ не оправдываетъ собою любви къ женщинѣ; поэты, напротивъ того, оказались такими пакиостниками, что возвеличили и обоготворили свободную любовь. Это, разумѣется, было съ ихъ стороны очень дурно и безнравственно, но тутъ дѣло не въ томъ. Поэты высказывали только то, что въ данную минуту чувствовало и думало большинство ихъ современниковъ. Поэзія отражала въ себѣ дѣйствительную жизнь. Въ дѣйствительной жизни рыцарь становился на колѣни передъ женщиною, съ которою онъ не былъ связанъ брачнымъ союзомъ. Эта женщина брала его руки въ свои руки, подобно тому, какъ дѣлалъ это сюзеренъ, принимая отъ своего вассала присягу въ вѣрности. И рыцарь, стоя такимъ образомъ на колѣняхъ передъ постороннею женщиною, давалъ ей торжественную клятву обожать ее вѣчно и служить ей вѣрно до самой смерти. Дама принимала эту клятву, давала рыцарю кольцо и, поднимая его съ колѣвъ, цѣловала его въ губы. И рыцари были твердо убѣждены въ томъ, что «супругъ нарушилъ бы законы чести, если бы вздумалъ обращаться съ своею законною супругою, какъ съ дамою своего сердца». Дамою сердца непремѣнно должна была быть посторонняя женщина, потому, какъ говорили поэты и рыцари, что жена зависитъ отъ мужа и ни въ чемъ не можетъ отказать ему, а любовь должна быть совершенно свободна.

Все это очень непохвально, но я совѣмъ не для того и распространяюсь объ этихъ обычаяхъ, чтобы восхвалять ихъ. Я хочу только обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что всѣ эти обычаи и понятія сформировались и окрѣпли именно въ то время, когда католическая церковь полновластно господствовала надъ обществомъ. Всѣ эти обычаи и понятія діаметрально-противоположны католическимъ принципамъ, а между тѣмъ католическіе принципы позволяли имъ развернуться и не могли ихъ подавить даже тогда, когда они, католическіе принципы, находились въ самой цвѣтущей порѣ своего могущества.

XVI.

Католическое духовенство было испорчено; притязанія католической іерархіи были несомвѣстимы съ существованіемъ государства; догматы католицизма были изуродованы, поддѣланы и перетолкованы, сообразно съ узкими житейскими выгодами клерикальной корпораціи; наконецъ, все католическое міросозерцаніе, какъ понимали его лучшіе представители католицизма, находилось въ непримиримомъ противорѣчьи съ инстинктами и стремленіями свѣтскаго общества. Всѣ эти причины, взятія вмѣстѣ, объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно полное историческое банкротство католическихъ идей. Равнодушіе къ нимъ стало обнаруживаться очень рано: уже въ половинѣ XII столѣтія одинъ соборъ говоритъ съ укоризною о такихъ людяхъ, которые презираютъ церковныя церемоніи. Съ XIII вѣка индифферентизмъ становится уже хроническою болѣзнію католическихъ народовъ и постепенно превращается даже въ сознательное невѣріе. Соборы постоянно принимаютъ разные карательныя мѣры противъ тѣхъ людей, которые по воскресеньямъ не ходятъ въ церковь. Латеранскій соборъ, въ 1214 году, приказываетъ каждому католику причащаться по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. Это приказаніе было вызвано тѣмъ фактомъ, что очень многіе католики не причащались совсѣмъ никогда. Простой народъ, по словамъ Альберта Великаго, жившаго въ XIII вѣкѣ, скучалъ въ церкви и считалъ для себя болѣе удобнымъ проводить воскресные дни въ кабакахъ. Во времена Альберта Великаго число индифферентистовъ было такъ значительно, что Альбертъ находилъ возможнымъ раздѣлить ихъ на нѣсколько разрядовъ. Одни, *невѣрующіе*, — ослѣплены руководствомъ дьявола и отвергаютъ спасительную силу религіи. Другіе, *равнодушные*, — заняты житейскими дѣлами, увлечены денежными оборотами и совсѣмъ не думаютъ о религіи. Третьи, *нечестивые*, — заняты преступленіями и, привязавшись къ своему гнусному образу жизни, не хотятъ очищать свою совѣсть молитвою и покаяніемъ.

Духовенство, разумѣется, было очень недовольно охлажденіемъ католической паствы; принимались противъ религіознаго равнодушія самыя разнообразныя мѣры, но дѣло съ каждымъ десятилѣтіемъ шло все хуже да хуже. Въ XIV вѣкѣ одинъ авиньонскій епископъ погрозилъ церковнымъ проклятіемъ тѣмъ авиньонскимъ католикамъ, которые отлынивали отъ богослуженія; но врядъ ли проклятіе могло быть особенно страшно для тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые были равнодушны къ религіи. Многіе соборы XIV вѣка, пытались устроить особаго рода инквизицію для выслѣживанія тѣхъ людей, которые не испо-

вѣдывались и не причащались. Другіе соборы, не зная, что дѣлать съ этими безчувственными людьми, запретили имъ входить въ церкви. Потому противъ индифферентистовъ была пущена въ ходъ система денежныхъ штрафовъ. Всѣ эти мѣры только раздражали общество, плодили доносчиковъ и лицемѣровъ, превращали равнодушныхъ людей въ ненавистниковъ католицизма и, вообще, постоянно расширяли ту бездну, которая отдѣляла католическую церковь отъ католическихъ народовъ. Люди, отлученные отъ церкви, говорили открыто, что они по прежнему ѣдятъ и пьютъ съ великимъ удовольствіемъ, и что поля ихъ не перестаютъ приносить имъ обильныя жатвы. А иногда дѣло доходило до того, что отлученные міряне произвольно присвоивали себѣ духовныя должности и, со всею надлежащею серьезностью, слѣжили обѣдни, какъ настоящіе священники.

Иерархія сама, въ теченіи многихъ столѣтій, заботилась о томъ, чтобы превратить католицизмъ въ собраніе внѣшнихъ обрядовъ, на которые народъ долженъ былъ смотрѣть съ благоговѣніемъ. Иерархія сама мѣшала народу слушать или читать священное писаніе на родномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого католикъ считалъ себя католикомъ единственно потому, что въ извѣстные дни ходилъ въ церковь и въ извѣстныя времена года отказывался отъ мясной пищи. Когда католикъ выучивался презирать пьяныхъ и развратныхъ монаховъ, когда онъ начиналъ относиться равнодушно и насмѣшливо къ соблюденію внѣшнихъ формальностей, тогда разрывалась всякая связь между католическою партіею и его частною жизнью, тогда ему ровно ничего не стоило жить и умирать со всѣмъ безъ религіи. Отрѣшившись отъ раболѣпнаго уваженія къ духовенству, католикъ, какъ ученикъ, вырвавшійся на свободу, не зналъ границъ своей шаловливой радости, осмѣивалъ сплошь, безъ всякаго дальнѣйшаго разбора все, что онъ недавно уважалъ по приказанію строгаго учителя. *Le Roman du Renard* представляетъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, очень яркій образчикъ такого сплошнаго осмѣянія; и этотъ образчикъ такого сплошнаго осмѣянія; и этотъ образчикъ тѣмъ болѣе замѣчательнень, что «Романъ о Лисицѣ» былъ, какъ я замѣтилъ выше, любимую умственной пищею средневѣковыхъ читателей. — Осмѣивал испорченность духовенства, авторъ этого романа осмѣиваетъ за одно католическую религію, во всѣхъ ея обрядахъ. Такъ, наприимѣръ, преступную лисицу отлучаютъ; эту церемонію исполняетъ осель. При этомъ описываются во всѣхъ подробностяхъ — но, разумѣется, въ каррикатурномъ видѣ, — всѣ обряды экскоммуникаціи. Но лисица не унываетъ. «Что мнѣ дѣлать? восклицаетъ она съ насмѣшкою. Меня отлучаютъ отъ церкви. Теперь мнѣ придется отъ пищи до тѣхъ поръ, пока я не почувствую голода или аппетита. Теперь супъ мой не будетъ кипѣть до тѣхъ поръ, пока подъ нимъ не разложатъ огня». Словомъ лисица находитъ,

что сокрушаться не о чемъ, потому что все пойдеть по прежнему. Надѣлавши множество грѣховъ, лисица отправляется на исповѣдь, перечисляетъ всѣ свои преступленія, объявляетъ прямо, что совсѣмъ не желаетъ исправляться, и получаетъ торжественное прощеніе. — Вся католическая обѣдня осмѣивается самымъ циническимъ образомъ. — Ложась спать, лисица молится Богу, просить себѣ заступничества, произноситъ двѣнадцать разъ *Pater noster* и поминаетъ въ своихъ молитвахъ «всѣхъ воровъ, всѣхъ мошенниковъ, всѣхъ подлецовъ и всѣхъ развратниковъ».

И все это читалось съ величайшимъ увлеченіемъ современниками Людовика Святого. Массу вели къ невѣрію чисто-отрицательныя причины, то есть, несовершенства господствующей религіи. Но у мыслящихъ людей тогдашняго общества были и положительныя причины: на этихъ мыслящихъ людей дѣйствовали, съ неотразимою и постоянно возрастающею силою, два вліянія, въ высшей степени враждебныя католическимъ идеямъ, — вліяніе древней Греціи и вліяніе Арабовъ. — Греція проникла даже въ тотъ лагерь, къ которому принадлежали самые ревностные защитники католицизма; вся схоластика была построена на диалектикѣ Аристотеля, и случалось не разъ, что Аристотель, неотразимымъ обаяніемъ своей логической послѣдовательности, увлекалъ какого нибудь добросовѣстнаго католическаго богослова къ такимъ умозаключеніямъ, которыя никакъ не могли быть одобрены папою и соборами. Средневѣковые ученики Аристотеля страстно любили своего учителя и видѣли въ его книгахъ высшее проявленіе человѣческой мудрости. *Нравственная философія* Аристотеля читалась на ряду съ евангеліемъ, или, точнѣе, *Нравственная философія* пользовалась предпочтеніемъ». (*La Réforme* р. 338). Эта преступная любовь католиковъ къ язычнику повела за собою самыя гибельныя послѣдствія. Ученикамъ захотѣлось, во что бы то ни стало, спасти обожаемаго учителя отъ адскихъ мученій. Богословы написали нѣсколько книгъ «о спасеніи Аристотеля». Въ схоластическомъ мірѣ появилась та опасная мысль, что языческие философы получили вѣчное блаженство за чистоту своей нравственности и за благотворное вліяніе на развитіе человѣческой мысли. Дерзкіе умы стали разрабатывать эту идею: «если, разсуждали они, Платонъ и Аристотель попали въ рай, то, значитъ, вообще люди могутъ спастись во всякой религіи; индифферентизмъ былъ, такимъ образомъ, возведенъ на степень философской доктрины.

Этому систематизированію индифферентизма содѣйствовало въ значительной степени вліяніе арабскихъ скентиковъ и преимущественно Аверроэса, который не только презиралъ все, но даже отвергалъ безсмертіе души и, вмѣсто личнаго Бога, признавалъ только безличную совокупность вѣчныхъ законовъ природы. Средневѣковые католики называютъ Аверроэса «бѣшеною собакою, которая, увлекаясь отвратительною яростью,

лаеть постоянно противъ Христа и противъ католической религіи». Въ XIII столѣтіи, эта бѣшеная собака нашла себѣ многихъ послѣдователей въ парижскомъ университетѣ и во всей католической Европѣ. Парижскій епископъ нѣсколько разъ предавалъ проклятiю эти вредныя идеи; Альбертъ Великій и Фома Аквинскій писали противъ нихъ ученые трактаты; но аверроизмъ продолжалъ дѣйствовать на умы и подрывать авторитетъ католицизма. Въ половинѣ XIII вѣка, одинъ папскій легатъ запретилъ діалектикамъ заниматься богословіемъ, а богословамъ пускаться въ богословскія изслѣдованія, говоря, что смѣшеніе богословія съ философіею ежедневно порождаетъ новыя заблужденія. Всѣ лукавыя вольнодумцы съ радостью ухватились за это запрещеніе; они объявили, что не смѣютъ углубляться въ непостижимыя тайны богословія, и стали развивать такія философскія доктрины, которыя были совершенно противоположны установленнымъ догматамъ. Папа и парижскій соборъ съ величайшимъ негодованіемъ возстали противъ этой коварной тактики. «Нѣкоторые люди утверждаютъ, писалъ папа, что есть вещи истинныя по философіи, но не истинныя по религіи, точно будто могутъ существовать двѣ противоположныя истины, и точно будто истина, находясь въ противорѣчii съ Священнымъ Писаніемъ, можетъ заключаться въ книгахъ тѣхъ проклятыхъ язычниковъ, о которыхъ сказано: «я погублю мудрость мудрецовъ».

Запрещенныя мысли хитрили, виляли, принимали на себя различныя маски и все-таки прокладывали себѣ дорогу въ общество. Въ XIV вѣкѣ Петрарка говоритъ о множествѣ людей, систематически презиравшихъ католическую религію: «Если бы казни уголовного правосудія не пугали ихъ гораздо больше, чѣмъ наказанія божьи, пишетъ онъ, они осмѣлились бы нападать не только на ученіе о сотвореніи міра, но даже на католическую религію и на священный догматъ Христа. Въ своихъ официальныхъ рѣчахъ, они клянутся, что ихъ разсужденія не затрагиваютъ религіи; но въ частныхъ бесѣдахъ они позволяютъ себѣ всевозможныя богохульства, шутки и сарказмы, которые вызываютъ, со стороны ихъ слушателей, восторженныя рукоплесканія. Разумѣется, эти преступныя насмѣшки не могли долго удовлетворять человѣческую мысль; отвергнувъ религію, дойдя до атеизма и до полного матеріализма, мыслители XV вѣка стали искать себѣ новой работы; богословіе уже потеряло для нихъ всякую занимательность; они не считали его больше за науку, и, вслѣдствіе этого, они принялись съ величайшимъ увлеченіемъ за изученіе природы и классической литературы. Паденіе Константинополя, переселеніе многихъ ученыхъ грековъ въ Италію, великія морскія открытія и изобрѣтеніе книгопечатанія были тѣми внѣшними историческими событіями, которыя дали могущественное развитіе

новому направленію умственной дѣятельности, одержавшему рѣшительную побѣду надъ средневѣковою схоластикою.

Въ XV столѣтіи побѣда была уже одержана: католическій богословъ, Петръ д'Алльи, жалуется, что богословіе забыто и что богословы занимаются исключительно свѣтскими науками. Правда, реформація снова, на цѣлыя два столѣтія, выдвинула впередъ безъисходныя теологическія диспуты, но въ то время, когда Лютеръ и Кальвинъ диспутировали, было уже много мыслящихъ людей, занимавшихся серьезными научными изслѣдованіями. Математика, астрономія, физика, механика и анатомія развивались втихомолку въ то самое время, когда вся западная Европа была наполнена шумомъ протестантскихъ сектъ, интригами іезуитовъ и кровопролитными сектами религиозныхъ войнъ.—Положительная наука росла и укрѣплялась....

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Когда мы разсматриваемъ какой-нибудь отдѣльный поступокъ, тогда мы обыкновенно, по человѣческой слабости, вдаемся въ лиризмъ, и, смотря по свойствамъ даннаго поступка, чувствуемъ приливы негодованія или благоговѣнія, ужаса или восторга, огорченія или удовольствія. Всѣ эти чувства въ значительной степени ослабѣваютъ, когда мы начинаемъ принимать въ соображеніе, кромѣ голаго факта, ту ближайшую причину, изъ которой развился этотъ фактъ. Если отъ ближайшихъ причинъ мы станемъ переходить къ причинамъ болѣе отдаленнымъ, то лирическіе порывы наши постоянно будутъ остывать болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, взволновавшій насъ фактъ будетъ интересовать насъ только какъ предметъ изученія.

Человѣкъ А, въ извѣстномъ случаѣ, поступилъ хорошо или дурно. Спрашивается, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе? Потому, конечно, что ему иначе нельзя было поступить. Во-первыхъ, случай былъ именно тотъ, а не другой, а во-вторыхъ, дѣйствующимъ лицомъ былъ именно А, а не В и не С. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ поступокъ, надо разсмотрѣть, во-первыхъ, обстоятельства даннаго случая, а во-вторыхъ, характеръ дѣйствующаго лица. Видя, что наши лирическія изліянія неумѣстны въ отношеніи къ отдѣльному поступку, мы обыкновенно переносимъ ихъ на характеръ самаго человѣка. Но и въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ неосмотрительно. Если извѣстный поступокъ есть неизвѣстный результатъ извѣстнаго характера, поставленнаго въ извѣстное положеніе, то характеръ въ свою очередь есть такой же

неизвѣстный результатъ многихъ физиологическихъ, климатическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ данныхъ. Если бы мы могли прослѣдить жизнь человѣка съ минуты его рожденія до того времени, когда характеръ оказался совершенно сформированнымъ, то мы увидѣли бы передъ собою непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Спрашивается, на какое же звѣно этой цѣпи мы имѣемъ разумное основаніе изливать нашъ гнѣвъ или наше благоговѣніе? Намъ приходится или воздерживаться отъ лирическихъ увлеченій, или обращать ихъ на первое звѣно цѣпи, т. е. на новорожденного младенца. Но если даже мы способны дойти въ своемъ лиризмѣ до такой нелѣпости, то намъ все-таки и здѣсь предстоитъ разочарованіе. Новорожденный ребенокъ совсѣмъ не первое звѣно; онъ въ свою очередь слѣдствіе безчисленнаго множества причинъ. Перваго звѣна мы никогда не найдемъ. Метафизики были терпѣливѣе насъ, однако ничего не нашли, и принуждены были кое-что выдумать. Слѣдовательно лиризму нашему окончательно приходится улетучиваться въ пространство. Въ житейской практикѣ не всегда удобно и часто бесполезно бываетъ прогонять лиризмъ серьезнымъ размышленіемъ и основательнымъ изученіемъ причинъ. Во-первыхъ, на это занятіе пришлось бы тратить очень много времени, а во-вторыхъ біографіи окружающихъ насъ людей очень рѣдко представляютъ что-либо интересное. Но когда мы беремъ за изученіе историческихъ явленій, тогда всякій лиризмъ долженъ быть устраненъ съ неумолимою строгостью. Присутствіе лиризма всегда, какъ въ практической жизни, такъ и въ теоретическомъ размышленіи, служить вѣрнѣйшимъ признакомъ недостатчнаго знакомства съ предметомъ. Когда мы понимаемъ вполне какое-нибудь явленіе, тогда мы не можемъ ни негодовать противъ него, ни благоговѣть передъ нимъ.

Для потребностей практической жизни намъ достаточно знать окружающіе предметы на столько, на сколько эти предметы могутъ обуславливать собою наши поступки. Если я имѣю съ г. А денежныя дѣла, то мнѣ необходимо знать, мошенникъ ли онъ, или не мошенникъ; но мнѣ нѣтъ никакой практической надобности размышлять о томъ, что именно сдѣлало его мошенникомъ, или помогло ему остаться честнымъ человѣкомъ.

Когда же я пускаюсь въ теоретическія размышленія, тогда мнѣ необходимо вести изслѣдованіе такъ далеко, какъ только позволяютъ наличные матеріалы и мои собственные умственные силы. Кто въ теоретическихъ размышленіяхъ останавливается на половинѣ дороги, удовлетворяясь полужнаниемъ и полупониманіемъ, тому, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности заниматься такими размышленіями. Кто въ области мысли обрекаетъ себя на ту узкость и поверхностность сужденій, которая господствуетъ въ нашей вседневной жизни, тому незачѣмъ и

абираться въ область мысли. Кто разбираетъ историческія событія съ тѣмъ близорукимъ пристрастіемъ, съ которымъ онъ разсуждаетъ о своихъ добрыхъ знакомыхъ, тому было-бы лучше вовсе не заниматься исторіею. Исторія обогащаетъ насъ новыми идеями, и расширяетъ нашъ умственный горизонтъ только въ томъ случаѣ, когда мы изучаемъ какое нибудь событіе въ его естественной связи съ его причинами и съ его послѣдствіями. Если мы вырвемъ изъ исторіи отдѣльный эпизодъ, то мы увидимъ передъ собою борьбу партій, игру страстей, фигуры добродѣтельныхъ и порочныхъ людей; однимъ мы станемъ сочувствовать, противъ другихъ будемъ негодовать; но сочувствіе и негодованіе будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не поставимъ вырваннаго эпизода на его настоящее мѣсто, пока мы не поймемъ той простой истины, что весь этотъ эпизодъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ совершенно логично и неизбѣжно вытекаетъ изъ предшествующихъ обстоятельствъ.

Какъ ни проста эта истина, однако многіе писатели, разсуждающіе объ исторіи, и многіе историки, пользующіеся очень громкою извѣстностью, совершенно теряютъ ее изъ виду въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Раскройте, напримѣръ, Маколея, и вы увидите, что онъ на каждой страницѣ кого-нибудь оправдываетъ или кого нибудь обвиняетъ, кому нибудь свидѣтельствуемъ свое почтеніе или кому нибудь дѣлаетъ строжайшій выговоръ. Всѣ эти оправданія или обвиненія, почтенія или выговоры служатъ только признаками неяснаго или неполнаго пониманія событій. Моралистъ вытѣсняетъ историка, потому что у историка не хватаетъ матеріаловъ, или не достааетъ проницательности. Въ приговорахъ Маколея заключается такой смыслъ: я, говоритъ онъ, умнѣе такого-то; я понимаю политику лучше такого-то; я бы не сдѣлалъ такой-то ошибки и т. д. На это читатель имѣетъ полное право возразить, что ему нѣтъ дѣла до тѣхъ прекрасныхъ свойствъ ума и сердца, которыми обладаетъ Маколей; ему нѣтъ дѣла до того, какъ поступилъ бы историкъ, находясь въ такомъ или въ другомъ положеніи; ему любопытно было знать, какъ поступила дѣйствительная историческая личность, почему она поступила такъ, а не иначе, и почему ея поступки имѣли важное значеніе для ея современниковъ. Дѣло историка разсказать и объяснить; дѣло читателя передумать и понять предлагаемое объясненіе; когда историкъ и читатель, каждый съ своей стороны, исполняютъ свое дѣло, тогда уже не останется мѣста ни для оправданія, ни для обвиненія. Мыслящій изслѣдователь вглядывается въ памятники прошедшаго для того, чтобы найти въ этомъ прошедшемъ матеріалы для изученія человѣка вообще, а не для того, чтобы погрозить кулакомъ покойнику Сидору или погладить по головкѣ покойника Антона. Исторія до сихъ поръ не сдѣлалась наукою, но, между тѣмъ, только въ исторіи мы мо-

жемъ найти матеріалы для рѣшенія многихъ вопросовъ первостепенной важности. Только исторія знакомить насъ съ массами; только вѣковые опыты прошедшаго даютъ намъ возможность понять, какъ эти массы чувствуютъ и мыслятъ, какъ онѣ измѣняются, при какихъ условіяхъ развиваются ихъ умственныя и экономическія силы, въ какихъ формахъ выражаются ихъ страсти, и до какихъ предѣловъ доходить ихъ терпѣніе. Исторія должна быть осмысленнымъ и правдивымъ рассказомъ о жизни массы; отдѣльныя личности и частныя событія должны находить въ ней мѣсто на столько, на сколько они дѣйствуютъ на жизнь массы или служатъ къ ея объясненію. Только такая исторія заслуживаетъ вниманія мыслящаго человѣка, а въ такой исторіи очевидно нѣтъ мѣста ни для похвалы, ни для порицанія, потому что хвалить или порицать массу все равно, что хвалить березу за бѣлый цвѣтъ коры, или полемизировать противъ дождливой погоды. Масса есть стихія, а стихію, конечно, нельзя ни любить, ни ненавидѣть; ее можно только разсматривать и изучать. До сихъ поръ масса была всегда заперта и забита въ дѣйствительной жизни; точно также затерта и забита она была и въ исторіи. На первомъ планѣ стояла въ исторіи біографія и нравственная философія. Вся колоссальная знаменитость Маколея и всѣ успѣхи его безчисленныхъ подражателей основаны на рисованіи историческихъ портретовъ и на торжественномъ произнесеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Эти портреты и приговоры мѣшаютъ читателю додуматься до настоящаго назначенія исторіи, и, слѣдовательно, положительно вредятъ успѣхамъ разумнаго и плодотворнаго историческаго изученія. Нравственная философія также мало относится къ исторіи, какъ, напримеръ, къ органической химіи или къ сравнительной анатоміи. Что же касается до біографіи, то она должна занимать въ исторіи очень скромное мѣсто. Частная жизнь только тогда интересна для историка, когда она выражаетъ въ себѣ особенности той коллективной жизни массы, которая составляетъ единственный предметъ, вполне достойный историческаго изученія.

Собираясь говорить съ читателями о томъ переворотѣ, который, въ концѣ прошедшаго столѣтія, опрокинулъ во Франціи всѣ средневѣковыя учрежденія, я счелъ нелишнимъ высказать сначала нѣсколько общихъ мыслей объ историческомъ изученіи. Познакомившись съ этими мыслями, читатель пойметъ заранее, какъ я намѣренъ вести мой рассказъ. Онъ увидитъ, что я не хочу произносить никакихъ приговоровъ, потому что всякій приговоръ надъ историческимъ событіемъ — и считаю вопіюще нецѣлесообразнымъ; онъ увидитъ далѣе, что я вовсе нерасположенъ впутываться въ біографическія подробности, и разрывать груды тѣхъ придворныхъ и городскихъ скандаловъ, слуховъ и интригъ, которыми такъ богата эта тревожная эпоха. Меня занимаетъ исключительно общая, бытовая, все-

мірно-историческая сторона французскаго переворота. Я не буду ни ужасаться передъ нимъ, ни оправдывать его, потому что я твердо убѣжденъ въ томъ, что всякое отдѣльное событіе, какъ бы оно ни было ужасно или величественно, есть только неизбѣжное и очень простое слѣдствіе такихъ же неизбѣжныхъ и простыхъ причинъ. Разсматривая французскій переворотъ, какъ логически-необходимый результатъ всей средневѣковой исторіи французскаго королевства, я не могу питать къ этому перевороту ни грѣховной симпатіи, ни добродѣтельнаго отвращенія. Я могу только разбирать его причины, разсматривать его развитіе, и указывать на ту связь, въ которой находится самая катастрофа со всѣмъ историческимъ прошедшимъ французской націи. Мое дѣло объяснять и рассказывать, а не усыпать страницы восклицательными знаками. Руководителемъ моимъ на трудномъ и скользкомъ пути будетъ Генрихъ Зибель, опытный и серьезный историкъ, у котораго, однако, не смотря на всю его серьезность, прорываются изрѣдка стремленіе къ приговорамъ и желаніе заявить добродѣтельное отвращеніе. Я постараюсь быть серьезнѣе самаго Зибеля, и объективнѣе самаго г. Гончарова. Постараюсь, однимъ словомъ, приблизиться къ величественному спокойствію гомеровскаго эпоса. Читатель понимаетъ, что на трудномъ и скользкомъ пути безъ гомеровскаго спокойствія нѣтъ спасенія.

II.

Всѣ французскіе короли изъ династіи Гуго Капета съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремились къ тому, чтобы подчинить своей верховной власти крупныхъ и мелкихъ феодальныхъ владѣтелей, господствовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, и старавшихся съ своей стороны отстоять и упрочить за собою полную самостоятельность. Писанное право было на сторонѣ феодальныхъ владѣтелей; матеріальная сила также склонялась часто на ихъ сторону; но притязанія центральной королевской власти пользовались полнымъ сочувствіемъ задавленныхъ массъ, которыхъ жизнь ежеминутно отравлялась придиричивымъ и хищнымъ деспотизмомъ безчисленнаго множества герцоговъ, графовъ, маркизовъ, рыцарей и разныхъ другихъ доблестныхъ и породистыхъ грабителей. Массы видѣли въ королѣ своего заступника и покровителя, и короли, понимавшіе свою выгоду, дѣйствительно часто принимали сторону городскихъ общинъ, возмущавшихся противъ феодальныхъ владѣтелей. Политика королей обыкновенно сообразовалась съ ближайшими требованіями обстоятельствъ; имъ хотѣлось пріобрѣсти какъ можно больше власти, а для этого надо было содержать на свой счетъ такое войско, которое не зависело бы отъ произвола феодаловъ; на содержаніе войска были необхо-

димы деньги, и къ деньгамъ стремились съ незапамятныхъ временъ всѣ помыслы французскихъ королей. Имъ случалось иногда продавать за значительную сумму какому-нибудь городу льготную грамоту, предоставлявшую городской общинѣ право самоуправления и независимость отъ феодальнаго владѣтеля; вслѣдъ за тѣмъ, владѣтель съ своей стороны вносилъ убѣдительную сумму, и тогда льготная грамота немедленно уничтожалась, къ величайшему изумленію добродушныхъ горожанъ. Филиппъ IV Красивый сжегъ Тамплиеровъ единственно для того, чтобы конфисковать ихъ имѣнія; тотъ же самый Филиппъ по нѣскольку разъ въ годъ перечеканивалъ монету, портилъ ее неумѣренною примѣсью мѣди, и извлекалъ изъ этихъ операций значительныя выгоды для королевской казны. Продолжительныя войны съ Англіею, раззорившія обѣ страны и подвергнувшія страшной опасности политическую самостоятельность Франціи, содѣйствовали укрѣпленію королевской власти. Собраніе государственныхъ чиновъ предоставило Карлу VII право взимать ежегодно во всемъ королевствѣ опредѣленную подать, предназначавшуюся для содержанія постоянной и правильно организованной арміи. Королевскіе чиновники получили такимъ образомъ возможность проникать въ земли владѣтельныхъ дворянъ, и по немногу стали упрочивать въ нихъ свое вліяніе, клонившееся впрочемъ исключительно къ обогащенію королевской казны, а вовсе не къ облегченію работающихъ и платящихъ сословій. Къ прямымъ налогамъ присоединились косвенные, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ былъ своею непопулярностію налогъ на соль.

Королевская власть стала укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ увеличивались и упрочивались источники ея доходовъ. Со временъ Франциска I, она успѣла пріобрѣсти уже неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными общественными силами феодальнаго государства. Дворяне оставили свои замки, и стали искать себѣ придворныхъ должностей. Всѣ попытки феодальной аристократіи возвратить себѣ прежнюю самостоятельность оканчивались полнѣйшими неудачами. Волненіе Лиги и Фронды были послѣдними проблесками средневѣковой строптивости. Твердыя и крутыя мѣры Генриха IV, Ришелье и Мазарини положили конецъ всѣмъ этимъ волненіямъ, и приготовили собою эпоху Людовика XIV. Въ дѣйствительности Людовикъ XIV былъ деспотомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ въ дѣлахъ управленія руководствовался только своими собственными соображеніями или фантазіями; ему иногда приходили въ голову такія мысли, которыя, по выраженію Зибеля, выходятъ изъ границъ европейскаго пониманія. Однажды онъ предложилъ своимъ совѣтникамъ вопросъ: не долженъ ли онъ, подобно магометанскимъ властителямъ востока, пользоваться правомъ собственности надъ пахатною землею своего королевства? Въ другой разъ онъ запретилъ подъ страхомъ наказаній всякую частную благотворительность, на томъ снованіи, что никто кромѣ

короля не имѣть права быть во Франціи заступникомъ и покровителемъ бѣдныхъ людей. Не смотря на то, Людовикъ XIV по праву оставался все таки королемъ феодальнаго государства, въ которомъ, какъ извѣстно, центральная власть на каждомъ шагу встрѣчала себѣ препятствія и противодѣйствія со стороны разныхъ сословныхъ и корпоративныхъ учреждений и привилегій. Вся средневѣковая путаница властей продолжала существовать при Людовикѣ XIV, и оставалась неотмѣненной до самой революціи. Духовенство завѣдывало своими дѣлами почти совершенно независимо отъ короля; колоссальныя помѣстья, принадлежавшія церкви, не платили никакой подати, кромѣ такъ называемаго *don gratuit*, назначавшагося въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по расположенію духовенства къ правительству. Въ рукахъ духовенства находилось народное обученіе, въ которое вовсе не вмѣшивалась королевская власть. Дворянство имѣло свои провинціальныя собранія, въ которыхъ оно об-суживало мѣстныя потребности края, занималось раскладкою податей, и иногда выдвигало противъ королевскихъ чиновниковъ упорную оппозицію. Въ отправленіи правосудія не было ни единства, ни цѣлесообразности; въ каждой провинціи было свое обычное право (*droit coutumier*); каждый землевладѣлецъ и каждая городская община имѣли свой судъ и расправу; апеллировать на ихъ рѣшенія можно было въ королевскіе президіальные суды, но кругъ дѣятельности этихъ судовъ оставался до такой степени неопредѣленнымъ, что у нихъ на каждомъ шагу происходили столкновенія съ другими инстанціями. Высшая судебная власть сосредоточивалась въ парламентахъ; ихъ было прежде девять, а потомъ пятнадцать, и всѣ они въ своемъ судебномъ округѣ были верховными судилищами; всѣ они гордо опирались на вѣковыя права, и постоянно спорили за нихъ между собою, съ низшими инстанціями, вырывавшимися изъ подъ ихъ контроля, и наконецъ съ королевскими министрами, старавшимися ограничить ихъ притязанія. Парламенты, и особенно важнѣйшій изъ нихъ, Парижскій, утверждали постоянно, что никакое распоряженіе короля не имѣетъ законной силы, пока оно не внесено въ парламентскіе реестры; иногда, находя королевскія распоряженія несогласными съ требованіями права, или опасными для блага государства, парламенты отказывались вносить эти распоряженія въ реестръ. Иногда парламенты собственной властью отдавали приказанія по важнѣйшимъ отраслямъ полицейскаго управленія; иногда они призывали къ суду королевскихъ чиновниковъ за превышеніе власти или за какое нибудь другое нарушеніе закона. Правительство упорно сопротивлялось притязаніямъ парламентовъ. Отвергнутое распоряженіе короля записывалось въ реестръ насильно; приказаніе парламента по полицейскому управленію въ случаѣ надобности отмѣнялось; обвиненные чиновники освобождались отъ судебныхъ преслѣдованій; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ парламенты при-

нуждены были покоряться, но, какъ только представлялся случай, такъ они тотчасъ начинали и съ невозмутимою стокоюстойю выдерживали до конца ту легальную борьбу, которая всегда кончалась торжествомъ вооруженной силы надъ вѣковымъ документальнымъ правомъ.

Стойкость парламентовъ основывалась преимущественно на томъ обстоятельстве, что назначеніе парламентскихъ совѣтниковъ не зависѣло отъ короля. Всѣ мѣста въ парламентахъ передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, короли продавали различныя должности не только въ пожизненное, но и въ наслѣдственное владѣніе. Такимъ образомъ были проданы всѣ мѣста въ парламентахъ. Такимъ же образомъ продавались мѣста при дворѣ, въ арміи, въ лѣсномъ управленіи, въ вѣдомствѣ податныхъ сборовъ, въ городскихъ и цеховыхъ управленіяхъ. Многія должности создавались единственно для продажи; чтобы выручить за нихъ болѣе значительную сумму денегъ, правительство давало покупателямъ дворянское достоинство, и уже во всякомъ случаѣ освобождало ихъ отъ многихъ тягостныхъ повинностей. Королевская власть была такимъ образомъ окружена при Людовикѣ XIV легиономъ несмѣняемыхъ чиновниковъ и цѣлыми тысячами старинныхъ правъ, замкнутыхъ корпорацій, неприкосновенныхъ привилегій и разныхъ другихъ, на половину обезсмысленныхъ остатковъ и призраковъ отдаленнаго прошедшаго. Людовикъ XIV не уничтожалъ этихъ реликвій; онъ чувствовалъ, что, если тронуть этотъ старый порядокъ, то придется перестраивать заново все общественное зданіе. Такая титаническая работа была ему не по силамъ и не по вкусу; не отличаясь шириною общихъ взглядовъ, и не чувствуя въ себѣ призванія быть радикальнымъ реформаторомъ, онъ совершенно удовлетворялся тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старое документальное право уступало напору его державной воли. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изворачивался мелкими средствами; онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, и какъ человѣкъ практической, вовсе не заботился о томъ, почему исполняется его воля, — потому-ли, что эта воля совпадаетъ съ принципомъ существующаго закона, или потому, что она опирается на матеріальную силу. На тѣхъ людей, которые находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ дѣйствовалъ непосредственнымъ вліяніемъ своей личности; онъ привлекалъ ихъ своею неотразимою любезностью, или внушалъ имъ почтеніе своею поразительною величавостью; для достиженія своихъ цѣлей онъ пускалъ въ ходъ всѣ чувствительныя струны человѣческой души. Онъ эксплуатировалъ въ свою пользу тщеславіе дворянства, властолюбіе чиновничества, нетерпимость духовенства, и, наконецъ, стремленіе къ пріобрѣтенію, въ одинаковой степени свойственное аристократамъ, бюрократамъ и церковникамъ. На кого не дѣйствовали кроткія ласки, на того можно было навести спасительный страхъ, и наконецъ, оставались

еще въ запасѣ насильственныхъ мѣръ. Если въ какой-нибудь провинціи слышался ропотъ, то ропотъ этотъ умолкалъ при вступленіи въ провинцію военнаго отряда; если какой-нибудь городской магистратъ не во время воспоминалъ о своихъ неотчужденныхъ правахъ, то въ городѣ ставились на постой войска, и магистратъ убѣждался въ томъ, что права его составляютъ анахронизмъ; наконецъ, парламентскіе совѣтники и чиновники, получившіе свои должности по наслѣдству, не могли быть замѣщены другими лицами, но за то для нихъ и вообще для всякаго человѣка, изъяслявшаго притязаніе на самостоятельность, были всегда готовы въ неограниченномъ количествѣ гостепримныя каморки Бастилии, Венсенскаго замка и разныхъ другихъ общепользныхъ учреждений.

Всѣми этими и многими другими средствами Людовикъ XIV пользовался съ замѣчательнымъ искусствомъ. Его положенію завидовали, и его примѣру безуспѣшно подражали всѣ современные ему государи Европы. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ стоялъ на такой недостижимой высотѣ, на которой слухъ его не могъ быть возмущенъ ни тихою жалобою, ни робкимъ противорѣчіемъ. Всѣ силы Франціи были въ его рукѣ, и онъ расходовалъ эти силы по своему благоусмотрѣнію, не отдавая никому отчета въ своихъ распоряженіяхъ. Одна война быстро слѣдовала за другою; деньги и рабочія руки тратились на завоевательныя попытки, имѣвшія чисто династическій интересъ, поднимавшія на Францію оружіе почти всей остальной Европы, и, вслѣдствіе этого, оканчивавшіяся обыкновенно неудачами и унижительными мирными трактатами. Королевская казна постоянно нуждалась въ деньгахъ, а между тѣмъ народъ постоянно платилъ такъ много, что самый изобрѣтательный финансовый геній не находилъ возможности увеличивать массу налоговъ. Чтобы добывать деньги, приходилось выдумывать новыя должности и продавать ихъ частнымъ лицамъ, приходилось отдавать на откупъ всѣ отрасли частной промышленности, приходилось вводить монополии и привилегіи во всѣ отправления народной жизни. Дошло до того, что ремесло перевозчиковъ, факельщиковъ и носильщиковъ было продано въ исключительную собственность нѣсколькимъ семействамъ. Само собою разумѣется, что монополисты выручали затраченные капиталы, вытягивая ихъ изъ народа; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, всѣ войны Людовика XIV, всѣ его Версальскіе дворцы, фонтаны и праздники всею своею тяжестью лежали на плечахъ французскихъ крестьянъ и французскихъ работниковъ, которымъ уже не на кого было сложить эту тяжесть. Голодъ и заразительныя болѣзни опустошали цѣлыя провинціи; сотни тысячъ жителей питались желудями и древесною корою, причемъ конечно умственное и нравственное состояніе ихъ совершенно соответствовало высотѣ ихъ матеріальнаго довольства. Въ концѣ царствованія Людовика XIV ему окончательно измѣнила даже та военная слава, ко-

торая съ незапамятныхъ временъ составляла для французовъ необходимое утѣшеніе во время неурожаевъ и тяжелыхъ налоговъ. Когда исчезло это послѣднее утѣшеніе, тогда народъ понялъ, что положеніе его дѣйствительно тяжело.

III.

При такихъ обстоятельствахъ началось царствованіе Людовика XV и регенство Филиппа Орлеанскаго. Регентъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ веселый и беззаботный, а король, когда выросъ и возмужалъ, сдѣлался еще веселѣе и беззаботнѣе регента. Дворъ и высшія сословія государства, подражая властелину, дышали веселостью и беззаботностью. Король былъ человѣкъ очень остроумный, и приближенные его были также, по большей части, люди не глупые и не лишенные образованія; всѣ они понимали или, по крайней мѣрѣ, чувствовали, что государственная машина трещитъ и расклеивается, что старому обществу приходитъ конецъ, и что въ воздухѣ эпохи носятся идеи, радикально враждебныя всѣмъ средневѣковымъ учрежденіямъ и авторитетамъ. Всѣ чувствовали непрочность своего положенія, но такъ какъ положеніе само по себѣ, въ данную минуту, было все-таки пріятно, то они и спѣшили имъ наслаждаться, подражая мудрымъ эпикурейцамъ древности, и съ полнымъ успѣхомъ прогоняя всякія назойливыя мысли о завтешнемъ днѣ или о будущемъ финансовомъ дефицитѣ. Въ эту веселую эпоху практической мудрости возникла извѣстная поговорка: *«après moi le déluge»*; въ эту же эпоху король говорилъ съ лукавою улыбкою, что на его вѣкъ хватить, а ужъ наслѣдникъ пускай выплутывается, какъ самъ знаетъ.

Все это было очень остроумно, но все это нисколько не нравилось среднему сословію, которое постоянно посматривало то вверхъ, на аристократію, то внизъ, на народъ, и при этомъ все о чемъ-то размышляло, и весьма неодобрительно покачивало головами. Это сословіе, имѣвшее матеріальное обезпеченіе и свободное время для умственныхъ занятій, было насквозь проникнуто идеями XVIII столѣтія, отвергавшими въ основныхъ принципахъ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ все міросозерцаніе средневѣковой эпохи. Средневѣковой человѣкъ за предѣлами церковнаго догмата не видѣлъ ничего, кромѣ мірской суеты, грѣховной лжи и дьявольскаго искушенія; на землю онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто изгнанія и заточенія; на всей природѣ онъ видѣлъ печать первобытнаго проклятія; себя самаго онъ считалъ мерзкимъ сосудомъ всякой нечистоты; къ уму своему онъ чувствовалъ недовѣріе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока авторитетъ католи-

пизма оставался на высотѣ, недоступной для критической мысли. Но когда стали появляться попытки свести его съ этой высоты, и когда эти попытки стали повторяться все чаще и чаще, когда, наконецъ, сумма нѣсколькихъ счастливыхъ попытокъ образовала собою реформацію, тогда самые вѣрующіе католики принуждены были сознаться въ томъ, что элементъ грѣховной лжи проникъ даже въ истолкованіе перковнаго догмата; тогда исчезла граница между областью истины и областью лжи, эту границу каждому отдѣльному человѣку пришлось отыскивать силами собственнаго ума; и проклятому еретіку, и спасающемуся католику поневолѣ пришлось размышлять, сначала для того, чтобы поражать другъ друга полемическими аргументами, а черезъ нѣсколько времени уже просто потому, что размышленіе вошло въ привычку и сдѣлалось потребностью. Люди начали открывать истины тамъ, гдѣ ихъ вовсе не предполагали. Земля завертѣлась подъ ногами такихъ людей, которые готовы были присягать и божиться, что она всегда стояла и до сихъ поръ стоитъ на одномъ мѣстѣ. Солнце, которое каждый день всходитъ и садится на нашихъ глазахъ, вдругъ остановилось, или, по крайней мѣрѣ, было объявлено неподвижнымъ свѣтиломъ. Каждый благомыслящій человѣкъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ стоитъ на землѣ къ низу ногами и вверхъ головою, но вдругъ обнаружилось, что земля есть шарообразное тѣло, по которому намъ или нашимъ антиподамъ приходится ходить къ верху ногами, такъ, какъ мухи ходятъ по потолку. Уже однихъ этихъ открытій было совершенно достаточно для того, чтобы поставить въ тупикъ всякаго порядочнаго человѣка. Если земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, то что же послѣ этого твердо и неизблемо? Если я самъ не знаю, какъ я хожу по землѣ, къ верху головою, или къ верху ногами, то что же я знаю? Гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Гдѣ голова, гдѣ ноги? Если меня обманываютъ зрѣніе и осязаніе, то что же меня не обманываетъ? Существуетъ-ли вокругъ меня что-нибудь? Существуютъ-ли я самъ? И какъ, и зачѣмъ, и почему?

Всѣ эти вопросы кажутся намъ странными теперь, потому что мы уже привыкли къ той мысли, что мы многого не знаемъ, и что многое навсегда останется намъ неизвѣстнымъ. Мы теперь выучились терпѣливо ждать отвѣта на наши вопросы со стороны опыта, и выучились, вмѣстѣ съ тѣмъ, не задавать такихъ вопросовъ, которыхъ не можетъ разрѣшить никакой опытъ. Но средневѣковые люди впродолженіи многихъ столѣтій знали рѣшительно все, и вдругъ имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они не знаютъ рѣшительно ничего; они рѣшили всѣ вопросы, и въ одинъ прекрасный день оказалось, что всѣ ихъ рѣшенія никуда не годятся. Сотрясеніе произошло, конечно, такое сильное, что мыслителямъ пришлось оцупывать самихъ себя, и вовсе не на шутку сомнѣваться въ собственномъ существованіи. И скептицизмъ Юма, и идеа-

лизм Берклея, и трансцендентальный идеализм Канта были неизбежным логическим слѣдствіемъ того общаго движенія мысли, которое разрушило и стерло въ порошокъ всѣ колоссальныя построенія среднихъ вѣковъ. Проникая съ неудержимою силою во всѣ отрасли умственной дѣятельности, прокладывая себѣ новыя пути по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, духъ критики и изслѣдованія создавалъ или передѣлывалъ за-ново философію, естествознаніе и политику. Любовь къ природѣ, уваженіе къ человѣческой личности, и признаніе безусловной диктатуры человѣческаго ума сдѣлались основными элементами и руководящими принципами новаго умственнаго движенія. Во имя этихъ принциповъ стало отвергаться съ неумолимою строгостью все, что унижало и порабощало человѣческую личность, и все, что оказывалось несостоятельнымъ передъ судомъ человѣческаго разума.

Когда государство Людовика XV въ цѣломъ составѣ своемъ и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ было подвергнуто такому анализу, который не щадилъ ни исторической давности, ни документальной законности, тогда все это государство передъ лицомъ анализирующей мысли оказалось безвозвратно осужденнымъ на неминуемое разрушеніе. Приговоръ теоретическаго мышленія имѣлъ въ этомъ случаѣ неотразимую силу, потому что мыслители приводили только въ научную систему или облакали въ стройную литературную форму тѣ разрозненныя идеи отрицанія, которыя возбуждались въ каждомъ отдѣльномъ членѣ общества ежедневными столкновеніями съ живою дѣйствительностью. Политическая тактика самаго Людовика XV открывала этимъ идеямъ доступъ во всѣ сферы тогдашняго общества. Король не могъ удерживать за собою постоянный перевѣсъ надъ всѣми силами своего феодальнаго государства; у него не было ни того искусства, ни той настойчивости, которыя обнаруживалъ во все продолженіе своего царствованія его прадѣдъ, Людовикъ XIV; не обладая этими личными качествами, Людовикъ XV поочередно боролся и вступалъ въ союзъ съ различными общественными силами тогдашней Франціи; сначала онъ соединился съ іезуитами противъ парламентовъ, потомъ, при помощи парламентовъ, вступилъ въ борьбу съ вліяніемъ духовенства, а потомъ опять сдѣлался клерикаломъ для того, чтобы смирить парламенты. Когда одно изъ привилегированныхъ сословій находилось такимъ образомъ въ королевской милости, тогда другое было въ опалѣ и составляло оппозицію. Первое проникалось веселостью и беззаботностью, свойственною королю и его придворнымъ, а второе въ это время пропитывалось идеями отрицанія, и, чувствуя себя обиженнымъ, старалось распространить неудовольствіе въ обществѣ. Когда первое дѣлалось вторымъ, а второе первымъ, тогда веселость и беззаботность перваго помрачались оппозиціонными идеями отрицанія, а идеи отрицанія втораго мгновенно прояснились въ лучахъ

веселости и беззаботности. Въ результатѣ оказывалось что правительственныя сословія въ совершенствѣ вѣчили наслаждаться жизнью, и въ то же время потеряли всякое довѣріе къ своей собственной дѣятельности. Великія слова: «après moi le déluge» — сдѣлались девизомъ всѣхъ людей, когда либо приближавшихся къ вѣнценосной особѣ Людовика XV. Но тѣ сословія, которымъ постоянно суждено было составлять молчаливую оппозицію, не поняли великаго значенія этихъ сакраментальныхъ словъ; имъ не нравилась ни веселость, ни беззаботность, ни политическая тактика короля, ни періодическая оппозиція привилегированныхъ классовъ. Имъ особенно не нравилось то, что на сторонѣ королевской власти была вся матеріальная сила, а на сторонѣ феодальныхъ сословій все документальное право. Они спрашивали себя, на чью сторону склоняется разумъ? — и отвѣчали себѣ на этотъ вопросъ, что разумъ отвергаетъ и то, и другое, и требуетъ чего-нибудь совершенно непохожаго на существующій порядокъ. Что же касается до массы простаго народа, то онъ, конечно, не занимался теоретическими выкладками, но между тѣмъ не чувствовалъ также преобладающей наклонности къ веселости и къ беззаботному наслажденію. Ему казалось особенно обиднымъ то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ приходится больше работать для того, чтобы сильнѣе голодать; его смущала также та простая мысль, что въ будущемъ не предвидится ни уменьшенія налоговъ, ни увеличенія годовыхъ заработковъ. Представлялся гамлетовскій вопросъ: быть иль не быть? А если «быть», то какъ сводить концы съ концами? Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ представлялся людямъ, никогда не читавшимъ Шекспира, и даже незнакомымъ съ французскою азбукою. Можно было ожидать, что они когда-нибудь рѣшатъ этотъ вопросъ довольно круто, и во всякомъ случаѣ очень прямолинейно.

IV.

Важнѣйшею отраслью народнаго хозяйства во Франціи прошлаго столѣтія было земледѣліе. Изъ 25 милліоновъ жителей имъ занимались 21 милліонъ; изъ 51 милліона гектаровъ земли, составлявшихъ всю площадь королевства, было распахано 35 милліонавъ. Двѣ трети этого распаханнаго пространства принадлежали крупнымъ собственникамъ, то есть церкви, дворянству и богатымъ финансистамъ и законовѣдамъ. Остальная треть составляла собственность крестьянъ, и была раздроблена на такіе мелкіе кусочки, которые не могли прокормить своихъ владѣльцевъ, и приносили имъ очень мало пользы. Въ сельскомъ быту встрѣчались такимъ образомъ двѣ крайности, рядомъ съ обладателями

сотенъ и тысячь гектаровъ стояли владѣльцы десяти или пяти квадратныхъ сажень земли; между этими крайностями не существовало середины, не было совсѣмъ такихъ землевладѣльцевъ, которыхъ существованіе было бы обезпечено продуктами земли, и которые, между тѣмъ, находились бы въ необходимости постоянно трудиться и собственноручно заниматься своимъ хозяйствомъ. Для крупнаго собственника такія занятія были немислимы, а счастливому обладателю пяти квадратныхъ сажень надо было искать заработковъ на сторонѣ, потому что въ собственныхъ помѣстьяхъ ему не къ чему было приложить свой трудъ. Богатые землевладѣльцы перестали жить въ своихъ имѣньяхъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ феодальное рыцарство превратилось въ блестящую толпу придворныхъ. Они переселились въ столицу, сгруппировались вокругъ особы короля; и появлялись въ своихъ замкахъ только тогда, когда, прожито было слишкомъ много денегъ, и только затѣмъ, чтобы набить потуже кошелькъ, и снова ѣхать въ Парижъ, и снова платить обычную дань прелестямъ цивилизованной жизни. Земли, изъ которыхъ извлекалось содержаніе дворянскихъ кошельковъ, были раздѣлены на мелкіе участки въ 10 или въ 15 гектаровъ, и отдавались въ аренду крестьянамъ, которые были обязаны выплачивать владѣльцу половину сыраго земледѣльческаго продукта. За это имъ давался отъ хозяина зерновой хлѣбъ на первое обмененіе полей; кромѣ того они получали также отъ хозяина рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Самому владѣльцу было конечно скучно возиться и расчитываться съ мужиками, и потому онъ обыкновенно отдавалъ гуртомъ свои доходы на откупъ какому нибудь адвокату или нотариусу, который, какъ человекъ практической, всегда умѣлъ съ большимъ избыткомъ выручить откупную сумму, и собрать обильную дань и съ земли, и съ крестьянъ, и съ самаго хозяина. Крестьяне знали, что половина ихъ хлѣба неминуемо должна пойдти къ владѣльцу или къ откупщику; имъ не было никакого расчета заботиться объ улучшеніи земли, и они постоянно вели спустя рукава свое земледѣльческое хозяйство; когда надо было пахать, они нанимались въ извозъ, потому что изъ посторонняго заработка имъ ничего не приходилось отдавать хозяину; они загоняли гусей въ свои пшеничныя поля, потому что пшеница была на половину хозяйская, а гуси цѣликомъ принадлежали крестьянину *); наконецъ они старались оставлять какъ можно больше земли подъ паромъ, потому что на этой землѣ можно было

*) Этотъ фактъ, цѣликомъ заимствованный мною у Зибеля (*Geschichte der Revolutions Zeit*, Band, J. 21), доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что гуси и пшеница составляли яблоко раздора между землевладѣльцами и крестьянами задолго до рожденія гг. Фета и Семена. При этомъ должно замѣтить, что гуси постоянно являются представителями демократическихъ интересовъ.

кормить скотину, которая также составляла нераздѣльную собственность крестьянина.

Земледѣліе велось такимъ образомъ безъ усердія, безъ знанія, и совершенно безъ капитала. Хорошіе урожаи были невозможны; пшеница рождалась самъ-пять и самъ-шесть, а въ Англіи въ тоже самое время она давала самъ-двѣнадцать. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ то время самая высокая рента въ Англіи не превышала одной четвертой доли сыраго продукта. Кромѣ того, англійскіе землевладѣльцы изъ этой ренты платили церковную десятину и налогъ для бѣдныхъ, а французскіе оптиматы, отбирая въ свою пользу половину продукта, оставляли въ пользу бѣдныхъ только общественныя тягости и разнородныя повинности, отъ которыхъ высшія сословія были совершенно освобождены. Крестьяне должны были исправлять разныя обязательныя работы на господскомъ дворѣ, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *corvées*; они должны были выплачивать церковную десятину, и они же безъ всякаго вознагражденія должны были мостить и чинить большія и проселочныя дороги. За вычетомъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей оказывалось, что крестьянинъ, бравшій на аренду 10 гектаровъ, только въ счастливый годъ могъ прокормить свою семью продуктомъ своего поля. О продажѣ хлѣба и объ удобствахъ жизни нечего было и думать. Крестьянинъ тупѣлъ отъ постоянной нужды, и хозяйство съ каждымъ годомъ велось небрежнѣе. Большія полосы пахатной земли оставались заброшенными, и поростали бурьяномъ; къ 1750 году, по словамъ Кене, около четвертой доли пахатной земли было запущено и заброшено; пространство этихъ оставленныхъ полей постоянно увеличивалось, такъ что въ 1790 году больше 9 милліоновъ гектаровъ удобной земли было превращено въ пустыню. Милліоны крестьянскихъ хижинъ стояли безъ оконъ, въ цѣлыхъ провинціяхъ народъ ходилъ босикомъ; во всякомъ случаѣ не было никакой обуви, кромѣ деревянныхъ башмаковъ. Пища состояла изъ хлѣба, изъ мучной похлебки, и иногда изъ свиного сала; мясо и вино были почти неизвѣстны; не слѣдуетъ также обольщаться словомъ «хлѣбъ»; то что французскій крестьянинъ называлъ хлѣбомъ, представляло мало сходства съ тѣмъ, что принято называть хлѣбомъ въ образованномъ обществѣ; крестьянскій хлѣбъ относился къ цивилизованному хлѣбу такъ, какъ крестьянское *patois* относилось къ языку Вольтера и Руссо; въ этотъ такъ называемый хлѣбъ входили и отруби, и мякина, и каштаны, и желуди, и, въ случаѣ надобности, древесная кора. Кто набиваетъ себѣ желудокъ такимъ хлѣбомъ, у того нѣтъ ни охоты, ни матеріальной возможности думать объ украшеніи ума. Грамотность не существовала во французскихъ деревняхъ; книги или газеты были въ нихъ совершенно неизвѣстны. Проповѣдь приходскаго священника замѣняла крестьянамъ всѣ остальные источники просвѣ-

щенія. Но сельское духовенство было почти также бѣдно, и вслѣдствіе этого, почти такъ же необразованно, какъ и масса прихожанъ. Религіозныя понятія крестьянъ представляли самую своеобразную мозаику, составленную изъ христіанскихъ представленій и изъ остатковъ друидизма. Пламенная и слѣпая ненависть крестьянъ къ протестантамъ представляется главнымъ и почти единственнымъ результатомъ того вліянія, которымъ сельское духовенство пользовалось въ своихъ приходдахъ. Въ южной Франціи, крестьяне, благодаря своимъ пастырямъ, видѣли въ каждомъ протестантѣ опаснаго колдуна, котораго слѣдуетъ бить и убивать изъ любви къ Богу и для спасенія собственно души. О томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, за предѣлами села или прихода, крестьяне не знали ничего. Поѣздка на базаръ въ ближайшій городъ считалась путешествіемъ труднымъ и не безопаснымъ, потому что дороги находились въ первобытномъ состояніи, и бродяжничество существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Если кому нибудь изъ крестьянъ случалось отправиться въ дальній городъ на заработки, или если ему приходилось пойти въ солдаты, то онъ обыкновенно уже не возвращался на родину и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій, такъ что земляки его нисколько не могли воспользоваться его житейскою опытностью.

При ограниченности своихъ понятій, крестьянинъ видѣлъ въ помѣщикѣ и въ его повѣренномъ не только ближайшую, но даже единственную причину того голода и той неблагоприятной работы, изъ которыхъ состояла вся его жизнь. Крестьянинъ замѣчалъ, что помѣщикъ пріѣзжаетъ въ свой замокъ только затѣмъ, чтобы собрать побольше денегъ; пріѣздъ владѣльца сопровождался обыкновенно усиленною строгостью въ требованіи запущенныхъ недоимокъ. Ни самъ владѣлецъ, ни его повѣренный не отличались мягкостью и любезностью въ обращеніи съ простымъ народомъ. Экономическіе интересы обоихъ классовъ населенія были діаметрально противоположны между собою; случаи мелкихъ столкновеній представлялись на каждомъ шагу; въ понятіяхъ, въ потребностяхъ и во вкусахъ не могло быть ничего общаго; люди замка смотрѣли на хижинны съ презрѣніемъ, а люди хижинъ смотрѣли на замокъ съ ненавистью и со страхомъ. «Когда крестьянину, говоритъ Зибель, случилось взглянуть на башни господскаго дома, то любимую мечтою его было когда нибудь сжечь этотъ замокъ, въ которомъ былъ записанъ счетъ его недоимокъ.»

Провинція Анжу составляла счастливое исключеніе изъ общаго правила; въ этой провинціи крестьяне не умирали съ голоду, и дворяне не были предметомъ ненависти для простаго народа. Анжуйское дворянство не увлеклось прелестями придворной жизни, не покинуло своихъ родовыхъ помѣстій, и вслѣдствіе этого удержало за собою уваженіе

своихъ поселенъ. Въ этой провинціи дворяне и крестьяне росли вмѣстѣ и знали другъ друга съ дѣтства; фермы переходили отъ отца къ сыну, и помѣщикъ, крестившій всѣхъ дѣтей у своихъ фермеровъ, никогда не рѣшался за неаккуратность въ платежѣ или въ исполненіи повинностей прогнать съ своей земли крестьянина, выросшаго на его глазахъ и не отличавагося особенно дурнымъ поведеніемъ. Помѣщикъ жилъ круглый годъ въ своемъ замкѣ, самъ управлялъ имѣніемъ, самъ ходилъ въ поле наблюдать за ходомъ работъ, самъ вникалъ въ нужды своихъ фермеровъ, потому что разоренный фермеръ былъ бы плохимъ плательщикомъ, самъ выскидывалъ съ нихъ за неисправности, и самъ подавалъ имъ примѣръ дѣятельности. По праздничнымъ днямъ онъ вмѣстѣ съ крестьянами ѣздилъ на базаръ, и отстаивалъ своихъ вассаловъ, когда ихъ тѣснили мелкіе чиновники. Эта патриархальная простота неизбѣжно соединялась съ патриархальною грубостью, но крестьяне ею не обижались и были очень довольны тѣмъ, что на нихъ не наваливаютъ тяжести, превышающей человѣческія силы.

Сѣверныя провинціи королевства, Фландрія, Артуа, Пикардія, Нормандія и Иль-де-Франсъ во многихъ отношеніяхъ отличались отъ другихъ частей Франціи; въ этихъ провинціяхъ крестьяне брали земли на аренду по многолѣтнимъ контрактамъ, и вносили арендную плату не зерномъ, а деньгами, причемъ, конечно, сумма арендной платы оставалась неизмѣнною на весь срокъ контракта. Земля обрабатывалась тщательно, съ знаніемъ дѣла и съ приложеніемъ капитала. Урожай были вдвое лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ государства, и крестьяне, живя безбѣдно, стояли въ умственномъ отношеніи гораздо выше своихъ прочихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ тому же сословію. Но число этихъ сравнительно счастливыхъ и просвѣщенныхъ земледѣльцевъ совершенно исчезало въ общей грудѣ непроницаемаго невѣжества и безвыходной нищеты.

V.

Въ городахъ старой французской монархіи господствовала замкнутая денежная аристократія. Городскія должности, замѣщавшіяся во время среднихъ вѣковъ посредствомъ выборовъ, съ XVII столѣтія стали въ непосредственную зависимость отъ воли короля и, подобно многимъ другимъ государственнымъ должностямъ, были проданы разнымъ богатымъ людямъ въ потомственное владѣніе. Семейства, въ которыхъ такимъ образомъ попало наследственное обладаніе важными должностями, стали во главѣ городской аристократіи. Къ нимъ примкнули члены большихъ финансовыхъ компаній, откупщики косвенныхъ налоговъ, сборщи-

ки прямых податей, важнейшие банкиры и главные акционеры торговых обществ, пользовавшихся различными монополиями. Этот кружок, в который можно было попасть только по рождению или по особому разрешению правительства, с полным самовластием господствовал на биржах и управлял движением капиталов во всей стране. Центром биржевых спекуляций и ареною самого роскошного ажиотажа был Париж. Джон Ло, как известно, на вѣчныя времена обезсмертил свое имя тою акционерною горячкою, которую ему удалось возбудить в Парижѣ, и чрезъ Парижъ во цѣлой Франціи во время регентства веселаго и беззаботнаго Филиппа Орлеанскаго. Тысячи колоссальныхъ состояній возникали и исчезали въ одинъ день; бумаги переходили изъ рукъ въ руки съ невѣроятною быстротою; за приливами безграничнаго восторга слѣдовали припадки паническаго страха, и, хотя дѣло кончилось тѣмъ, что Ло принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа, чтобы не сдѣлаться жертвою разоренныхъ акционеровъ, однако страсть къ биржевой игрѣ не унялась, и продолжала по прежнему отвлекать капиталы отъ производительнаго приложенія, и практическіе умы — отъ полезной дѣятельности. Прелесть игры понимали и король, и министры, и придворныя дамы, и дворянство, и духовенство, и парламенты; вѣчный финансовый дефицитъ и постоянное возрастаніе государственнаго долга наполняли и переполняли биржу бумажными цѣнностями; членамъ правительства каждый день представлялась возможность эксплуатировать въ свою пользу потребности государства и довѣріе частныхъ лицъ; и члены правительства, отличавшіеся въ то время изумительною эластичностью нравственныхъ убѣжденій, съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовались выгодами своего положенія. Парижъ до революціи не былъ фабричнымъ городомъ и оптовая торговля его была незначительна, такъ что все его промышленное движеніе было основано на мелкой ремесленной дѣятельности и на крупной биржевой игрѣ.

Для характеристики того времени любопытно замѣтить, что тогдашніе богачи съ особеннымъ удовольствіемъ покупали пожизненныя ренты, то есть они заранее отнимали у своихъ наслѣдниковъ капиталъ, и за то, въ теченіе своей жизни, получали съ этого капитала большіе проценты. Въ этомъ обстоятельствѣ чувствуется еще разъ вліяніе господствовавшей принципа «*argès moi le déluge*». Тогдашніе богачи, подобно птицамъ небеснымъ, не собирали въ житницы и не заботились о завтрашнемъ днѣ, потому что завтрашній день казался имъ весьма ненадежнымъ.

Торговля и ремесленная дѣятельность во всемъ королевствѣ была подчинена строжайшему цеховому устройству. Генрихъ III произнесъ то замѣчательное сужденіе, что только король даруетъ право труда, и эти слова сдѣлались руководящимъ принципомъ французскаго прави-

тельства въ отношеніи къ ремесленному населенію королевства. Заниматься ремесломъ позволялось только тому, кто принадлежалъ къ ремесленному цеху; каждый цехъ управлялся мастерами, которые одни имѣли право принимать въ цехъ постороннія лица, а постороннее лицо, поступавшее въ цехъ, подвергалось испытанію со стороны мастеровъ, и кромѣ того должно было платить за свое принятіе и государству, и цеху, и мастерамъ. Выгода мастеровъ состояла въ томъ, чтобы удерживать за собою и за своими семействами монополію своего ремесла, потому они старались не принимать въ цехъ ни одного постороннаго лица, что имъ и удавалось въ болѣе части случаевъ. Часто самыя статуты цеха ограждали ихъ отъ всякихъ пришельцевъ, опредѣляя положительно, что мастерами могутъ быть только сыновья мастеровъ или вторые мужья овдовѣвшихъ мастерицъ. Такимъ образомъ столяры, булочники или портные составляли такую же замѣнутую аристократію, какую образовали изъ себя наслѣдственные чиновники, парламентскіе совѣтники или банкиры. Вся Франція была покрыта громадною сѣтью различныхъ аристократій, и кому не удавалось родиться въ томъ или другомъ изъ этихъ счастливыхъ кружковъ, тому почти нечего было дѣлать на земномъ шарѣ, и почти нечѣмъ было отбиваться отъ голодной смерти. Ему надо было идти въ услуженіе, наниматься въ поденьщики, или отдаваться въ безусловное распоряженіе мастера, который зналъ его безвыходное положеніе, и слѣдовательно бралъ его въ кабалу на произвольно назначаемихъ условіяхъ. Мужикъ, голодавшій въ деревнѣ, не находилъ себѣ облегченія и въ городѣ.

Изъ всѣхъ аристократій, отравлявшихъ жизнь французскаго пролетарія, ремесленная аристократія была, по всей вѣроятности, самую тяжелую; ея существованіе связывало простаго человѣка по рукамъ и по ногамъ, и, кромѣ того, самымъ радикальнымъ образомъ извращало глубочайшія основы народнаго характера. Пролетарію приходилось чувствовать зависть и ненависть не только къ тому, кто былъ богатъ и знатенъ, но и къ своему брату бѣдняку, если только этотъ бѣднякъ имѣлъ право заниматься такою работою, которая для простаго пролетарія составляла запрещенный плодъ. Съ богатымъ и знатнымъ пролетарій встрѣчался рѣдко; богатаго и знатнаго онъ видалъ издали; напротивъ того, привилегированнаго бѣдняка онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ, и каждая такая встрѣча растравляла его раны и подогрѣвала его враждебныя чувства. Пока пролетарій стоялъ въ тѣни, до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на его чувства и на весь складъ его характера; злоба была смѣшна, и страданія его возбуждали только презрѣніе; но когда пролетарій подъ знаменательнымъ именемъ *санкюлота* въ свою очередь сдѣлался важнымъ лицомъ, тогда всплыли на верхъ всѣ чувства, посѣянныя въ его душѣ вѣками порабощенія, тогда систе-

матически искаженный характер его сдѣлался двигателемъ мировыхъ событій, и тогда историкамъ пришлось ужасаться передъ тѣми результатами, которыя выработала исторія въ своемъ вѣковомъ теченіи. Пролетарій явился тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его весь средневѣковой порядокъ вещей. Превращенный историческими обстоятельствами въ голоднаго волка, пролетарій не обнаружилъ голубиной кротости, и историки изумились и ужаснулись.

Ремесленная аристократія была, подобно чиновной аристократіи, созданиемъ королевскаго правительства; постоянно нуждаясь въ деньгахъ, короли продавали цеховыя привилегіи точно такъ же, какъ они продавали общественныя должности; французскіе правители въ этомъ случаѣ дѣйствовали какъ покупатели пожизненныхъ рентъ или вообще какъ люди, проживающіе капиталъ. Они брали съ своего государства большіе проценты въ настоящемъ, и чрезъ это готовили въ будущемъ ему и кому нибудь изъ своихъ наслѣдниковъ неизбежную катастрофу.

Различныя аристократіи, выработанныя историческою жизнью, или учрежденныя волею королей, глубоко сознавали свою взаимную солидарность и ту роковую связь, въ которой находились между собою различные камни стараго общественнаго зданія. Когда Тюрго въ 1776 году уничтожилъ замѣнутые цехи, тогда со всѣхъ сторонъ поднялись яростныя вопли: парижскій парламентъ, принцы, перы, доктора правъ объявили въ одинъ голосъ, что всѣ французы, начиная отъ ступеней трона и кончая бѣднѣйшею мастерскою, составляютъ и всегда должны составлять непрерывную цѣпь твердо организованныхъ корпорацій, которыхъ неприкосновенность совершенно необходима для существованія государства, и которыхъ разрушеніе неминуемо повлечетъ за собою окончательную гибель всего общественнаго порядка. Противъ такихъ предвѣщаній не могъ устоять Людовикъ XVI; опасный Тюрго потерялъ министерскій портфель, и цехи были восстановлены въ прежнемъ своемъ величіи.

Фабричная промышленность со временъ Кольбера пользовалась постояннымъ покровительствомъ и находилась подъ постоянною опекою центральной власти. До Кольбера Франція не производила ни тонкаго сукна, ни шелковыхъ матерій ни стеклянныхъ издѣлій, ни мыла, ни дегтя; фабричное производство почти не существовало, такъ что Кольберу пришлось выписывать мастеровыхъ изъ Германіи, изъ Швеціи и изъ Италіи. Чтобы эти иноземцы сѣмьяна принялись на французской почвѣ, Кольберъ взялъ на себя трудъ обезпечивать сбытъ фабрикуемыхъ товаровъ и защищать новорожденные фабрики отъ иностранной конкуренціи; всѣ товары должны были производиться по назначеннымъ образцамъ; заграничныя товары подвергались огромнымъ пошлинамъ; отступленіе отъ назначенныхъ образцовъ влекло за собою денежныя штрафы, сож-

женіе изготовленныхъ товаровъ незаконной формы, и часто позорныя наказанія провинившагося фабриканта. Техническія усовершенствованія сдѣлались невозможными, потому что изобрѣтательность считалась уголовнымъ преступленіемъ. При такихъ условіяхъ, все развитіе мануфактурной промышленности приняло искусственное и чисто аристократическое направленіе. При Кольберѣ фабрикацію шерстяныхъ тканей занимались 60,400 работниковъ, а выдѣлкою кружева 17,300 человѣкъ. Такимъ образомъ на 100 работниковъ, приготовлявшихъ необходимыя вещи, приходится больше 20 человѣкъ, удовлетворявшихъ требованіямъ роскоши. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кольбера мы встрѣчаемъ фактъ гораздо болѣе любопытный: оказывается, что фабрикація мыла приносила въ годъ 18 милліоновъ дохода, а производство нудры доставляло до 24 милліоновъ. Если, какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, французскій пролетарій никогда въ жизни не имѣлъ въ рукахъ куска мыла, то уже по одному этому факту можно составить себѣ понятіе объ общей высотѣ его эстетическаго развитія. Обстоятельства принуждали его быть грязнымъ циникомъ, и этотъ грязный цинизмъ въ свое время далъ себя знать всему французскому обществу и всей феодальной Европѣ. Если бы французскій пролетарій могъ умываться, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, то навѣрное не было бы ни террора 1793 г., ни завоевательныхъ шалостей великаго Наполеона.

Это можетъ показаться парадоксомъ и неумѣстною шуткою, но стоитъ повнимательнѣе взглянуть на дѣло, чтобы убѣдиться въ томъ, что тутъ парадоксальна только внѣшняя форма выраженія. А шутки тутъ и въ виду не имѣется. Кто сколько нибудь имѣетъ понятіе о смыслѣ событій, совершающихся во всемірной исторіи, тотъ знаетъ, что каждый голодный день пролетарія, каждая прорѣха на его рубищѣ, каждая болячка на его истомленномъ тѣлѣ составляютъ общественныя явленія колоссальной важности, и ведутъ за собою такія послѣдствія, которыхъ «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Покровительствуя фабричной промышленности, французское правительство стѣсняло развитіе земледѣлія. Высокія таможенныя пошлины возвышали цѣну на земледѣльческія орудія и, слѣдовательно, принуждали массу крестьянъ работать плохими и неудобными инструментами. Сверхъ того, правительство, желая искусственными средствами поддерживать въ странѣ дешевыя цѣны на хлѣбъ, для того, чтобы городскіе работники не терпѣли недостатка въ продовольствіи, запрещало вывозъ земледѣльческаго продукта за границу. Хлѣбъ былъ дѣйствительно дешевъ вслѣдствіе этихъ распоряженій, но сельское хозяйство не имѣло возможности совершенствоваться, количество производимаго хлѣба не увеличивалось, и, слѣдовательно, въ общей массѣ народнаго богатства не замѣчалось никакого приращенія. Хлѣбъ былъ дешевъ, но трудъ былъ еще де-

шевле, такъ что рабочій человѣкъ все-таки продолжалъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи. За годъ до революціи, въ 1788 году, городской работникъ получалъ въ день около 26 су, а работница около 15-ти; въ 1853 году городской работникъ получалъ не менѣе 42 су, а работница не менѣе 26-ти. Въ деревнѣ рабочій день въ 1788 году стоилъ 15 су, а 1853 году онъ возвысился до 25 су. До революціи было въ году по крайней мѣрѣ тридцатью праздничными днями больше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то мы увидимъ, что фабричный работникъ стараго времени получалъ въ годъ около 350 ливровъ, между тѣмъ какъ теперь такой же работникъ добываетъ до 630 франковъ (1 франкъ = 1 ливру). Годовой заработокъ сельскаго поденщика составлялъ до революціи около 160 ливровъ, а въ наше время онъ доходитъ до 300 франковъ. Фунтъ печенаго хлѣба до 1789 года, при всѣхъ усиліяхъ правительства понизить его цѣну искусственными средствами, стоилъ въ самое дешевое время 3 су; такая цѣна держалась только въ Парижѣ, благодаря особеннымъ стараніямъ правительства и городскихъ властей, а въ провинціяхъ хлѣбъ обыкновенно стоилъ дороже; въ нынѣшнемъ столѣтій, съ 1820 по 1840 годъ, средняя цѣна печенаго хлѣба была 17 сантимовъ за фунтъ, что равняется 3 су; а въ 1851 году фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ Парижѣ 14 сантимовъ, т. е. 2 су. Печеный хлѣбъ въ наше время такимъ образомъ оказывается дешевле, чѣмъ въ прошломъ столѣтій, а между тѣмъ пшеница повысилась въ цѣнѣ. Около 1780 года гектолитръ пшеницы стоилъ отъ 12 до 13 франковъ, а около 1840 года онъ стоилъ отъ 19 до 20 франковъ.

Пониженіе цѣны на печеный хлѣбъ при возвышеніи цѣнъ зерноваго хлѣба объясняется тѣмъ, что превращеніе зерна въ муку и муки въ хлѣбъ, испытало въ новѣйшее время очень значительныя усовершенствованія; теперь опредѣленное количество зерноваго хлѣба даетъ почти въ полтора раза больше печенаго хлѣба, чѣмъ сколько оно давало въ прошломъ столѣтій. То количество питательнаго вещества, которое тогда терялось вслѣдствіе несовершенства снарядовъ и неискусства рабочихъ рукъ, теперь сохраняется и приноситъ непосредственную пользу. Можно сказать безъ преувеличенія, что такого рода усовершенствованіе обогатило страну сильнѣе, чѣмъ могло бы обогатить ее открытіе неисчерпаемой золотой руды; но такія усовершенствованія возможны только тогда и тамъ, гдѣ и когда личная изобрѣтательность и промышленная дѣятельность развиваются въ массахъ вмѣстѣ съ сознаниемъ собственнаго достоинства. Полезныя изобрѣтенія не возникаютъ среди подавленнаго и притупленнаго народа, или, если имъ даже случается возникнуть, то они не прививаются къ обыденной жизни, и не приносятъ существенной пользы.

Сопоставляя цифры заработной платы съ цифрами хлѣбныхъ цѣнъ, мы видимъ, что теперешній работникъ можетъ купить почти вдвое больше хлѣба, чѣмъ могъ купить работникъ времянь Людовика XVI. Точно такой же результатъ получился бы, если бы стали разсматривать цѣны другихъ съѣстныхъ припасовъ; въ отношеніи къ одеждѣ, перевѣсъ настоящаго времени надъ прошедшимъ оказался бы еще значительнѣе, потому что въ фабрикаціи тканей произведено въ послѣднее полустолѣтіе больше усовершенствованій, чѣмъ въ какой либо другой отрасли промышленности. До революціи, Франція во всѣхъ отношеніяхъ была гораздо бѣднѣе, чѣмъ теперь, а правительство ея было гораздо расточительнѣе, чѣмъ всѣ правительства, смѣнившія другъ друга въ этой странѣ въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Въ отношеніи къ торговлѣ, Франція, по вывозу и ввозу товаровъ, была въ прошломъ столѣтіи вдвое бѣднѣе, въ отношеніи къ сельскому хозяйству втрое бѣднѣе, въ отношеніи къ фабричному и ремесленному производству вчетверо бѣднѣе, чѣмъ въ настоящее время. Соображая эти обстоятельства, Зибель выводитъ заключеніе, что бюджетъ въ 500 милліоновъ составлялъ для страны въ XVIII столѣтіи такую тяжесть, какую теперь составилъ бы бюджетъ въ 1400 милліоновъ. Финансовый дефицитъ долженъ измѣряться такимъ же масштабомъ. Сто милліоновъ дефицита въ старой монархіи равняются 300 милліоновъ дефицита нашего времени. Встрѣчаясь съ такимъ ежегоднымъ дефицитомъ, правительство поневолѣ должно было придти въ недоумѣніе. Государственная машина отказывалась служить и потому поневолѣ надо было приняться за пересмотръ ея цѣлаго состава и всѣхъ отдѣльныхъ частей.

VI.

За четыре года до революціи, въ 1785 году, французское правительство собирало съ своихъ подданныхъ, прямыми и косвенными налогами, на текущіе государственные расходы, 558 милліоновъ ливровъ. Кромѣ того, на мѣстныя управленія провинцій собиралось 41 милліонъ; эта сумма расходовалась на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ она взималась, и не поступала въ государственное казначейство. Далѣе, церковь, содержащая себя до революціи совершенно независимо отъ общаго бюджета, получала 133 милліона десятинной подати и 16 милліоновъ разныхъ другихъ сборовъ. Въ пользу судебного сословія собиралось 29 милліоновъ; землевладѣльцы, имѣвшіе право устраивать въ своихъ земляхъ заставы, собирали на этихъ заставахъ 2½ милліона; каждая торговая сдѣлка, совершавшаяся въ помѣстьѣ, приносила землевладѣльцу опредѣленную пошлину, и сумма всѣхъ этихъ пошлинъ, на всемъ простран-

ствѣ королевства, доходила въ теченіи года до 37 милліоновъ. Изобрѣтательные рыцари и остроумное ихъ потомство располагали еще множествомъ другихъ замисловатыхъ способовъ эксплуатаціи. Всѣ эти способы были дозволены закономъ или, по крайней мѣрѣ, освящены обычаемъ; каждый изъ нихъ имѣлъ за себя неисчерпаемое количество юридическихъ и историческихъ аргументовъ, изъ которыхъ самымъ древнимъ и однакоже самымъ свѣжимъ по своей убѣдительности былъ фактъ, или было право, — называйте какъ хотите, — вооруженнаго насилія. Всѣ эти способы съ блестящимъ успѣхомъ прилагались къ жизни французскаго народа до 1789 года. Вслѣдствіе этого, въ общемъ результатѣ оказывалось, что кромѣ 600 милліоновъ, поступавшихъ въ государственное казначейство и въ различныя провинціальныя управленія, французскій народъ платилъ въ разныя стороны, разнымъ почтеннымъ людямъ до 280 милліоновъ. Итого получается 880 милліоновъ, что, по масштабу представленному въ концѣ предыдущей главы, равняется, для настоящаго времени, суммѣ въ 2400 милліоновъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что правительство Людовика Филиппа никогда не издерживало въ годъ больше 1500 милліоновъ, и что, не смотря на то, оппозиція въ палатѣ депутатовъ и самостоятельная политическая пресса постоянно твердили министерству, вплоть до февраля 1848 года, о необходимости убавить расходы и сложить съ народа часть налоговъ.

Старый порядокъ въ финансовомъ отношеніи былъ для народа слишкомъ въ полтора раза тяжелѣе администраціи іюльской монархіи, не говоря уже о томъ, что этотъ старый порядокъ парализировалъ всѣ производительныя силы народа сѣтью привилегій, монополій и запрещеній. Для народа вовсе не составляло облегченія то обстоятельство, что только двѣ трети собираемыхъ съ него денегъ шли на издержки правительства; народу было бы легче платить правительству всѣ 880 милліоновъ, и за то избавиться разъ навсегда отъ всѣхъ внутреннихъ заставъ, десятинъ, пошлинъ за продажу и покупку, и отъ всѣхъ изобрѣтеній остроумнаго рыцарства. Народъ понималъ это, и потому неудовольствіе его направлялось преимущественно не на центральное правительство, а на привилегированныя сословія. Народъ чувствовалъ, что его постоянно приносятъ въ жертву привилегированнымъ классамъ, какъ при распредѣленіи налоговъ, такъ и при расходованіи государственныхъ суммъ. Во-первыхъ, цѣлая треть платимыхъ повинностей (280 милліоновъ) прямымъ путемъ переходила изъ рукъ работающаго пролетарія въ руки веселящагося аристократа. Во-вторыхъ, аристократы платили сполна только косвенные налоги, падающіе на предметы потребленія; отъ остальныхъ налоговъ ихъ избавляло или сословное преимущество, или занимаемая должность, или какая-нибудь другая основательная причина, которую пролетарій никакъ не могъ привести въ свою пользу. Въ

отношеніи къ аристократу всякій сборщикъ податей могъ быть только смиреннымъ просителемъ, а въ отношеніи къ пролетарію та же особа была начальствомъ, которое приходилось умпlostивлять посильными и непосильными жертвоприношеніями. Сборщикъ податей, или откупщикъ косвенныхъ налоговъ въ старой Франціи, наживалъ себѣ обыкновенно значительное состояніе, а такъ какъ всѣ эти состоянія получались все-таки изъ трудовыхъ денегъ народа, то легко сообразить, что, кромѣ 880 милліоновъ, французскій народъ платилъ еще ежегодно разными негласными путями довольно значительныя суммы, которыхъ величину нельзя опредѣлить даже круглыми цифрами. Эти сборщики и откупщики обыкновенно давали правительству взаимы значительныя суммы въ счетъ доходовъ будущихъ лѣтъ; забирая такимъ образомъ свои доходы впередъ, правительство платило за нихъ большіе проценты, такъ что сборщики и откупщики, служившіе посредниками между народомъ и казначействомъ, тинули деньги и изъ народа и изъ казначейства, раззоряли по мѣрѣ силъ обѣ стороны и доводили свое собственное благосостояніе до самыхъ почетныхъ размѣровъ. Отношенія между казначействомъ и сборщиками были до такой степени сложны, что, напримѣръ, въ бюджетѣ 1785 года ставятся на счетъ долги за 1781 годъ и суммы, забранныя впередъ за 1787 годъ. По всѣмъ этимъ счетамъ подводится итогъ въ 850 милліоновъ, а чистыхъ денегъ оказывается въ казначействѣ 327 милліоновъ. Я не берусь объяснить читателю, изъ какихъ именно элементовъ состоитъ общій итогъ въ 850 милліоновъ; этого не объясняетъ и Зибель, и вообще вопросъ этотъ имѣетъ интересъ очень спеціальнй; привожу я эту цифру только для того, чтобы показать, какъ запутаны были расчеты между казначействомъ и его ближайшими агентами; вся эта запутанность, конечно, обращалась въ пользу сборщиковъ, которыхъ усилія постоянно направлялись къ той общей цѣли, чтобы народъ платилъ какъ можно больше, а казначейство получало какъ можно меньше.

На сколько хороша была система собиранія доходовъ, на столько же сообразно съ общественною пользою было расходованіе собранныхъ денегъ. На содержаніе двора по бюджету 35 милліоновъ, но тратилось до сорока, и въ эту сумму не входили расходы на королевскія охоты и путешествія, на жалованье высшихъ придворныхъ чиновниковъ, и на ремонтъ королевскихъ замковъ. Военное министерство по бюджету должно было получать 114 милліоновъ, а получало 131 милліонъ; изъ этихъ денегъ 39 милліоновъ расходовалось на административную часть, 44 милліона на содержаніе солдатъ, и 46 милліоновъ на жалованье офицерамъ. Въ совершенной независимости отъ соображеній министра находились личныя распоряженія короля, израсходовавшаго въ 1785 году 136 милліоновъ на «подарки придворнымъ, министру финансовъ и парламентскимъ совѣтникамъ, на уплату постороннихъ займовъ,

на проценты и учеты чиновникамъ казначейства, на отпушеніе разныхъ личныхъ повинностей, и на непредвидѣнныя издержки всякаго рода». Въ этомъ же году на мосты и дороги истрчено 4 милліона, на общественныя зданія меньше 2-хъ милліоновъ, и на ученія и учебныя заведенія съ небольшимъ 1 милліонъ. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на эти предметы тратилось ежегодно по 59 милліоновъ, т. е. слишкомъ въ восемь разъ больше, чѣмъ въ 1785 году. Больницы и воспитательныя дома получали въ 1785 году 6 милліоновъ отъ государства, 6 милліоновъ отъ церкви, и 24 милліона собственныхъ доходовъ; въ современной Франціи благотворительныя заведенія получаютъ въ годъ до 119 милліоновъ.

Изъ всего этого видно, что старая монархія сохраняла неизмѣнную вѣрность своему феодальному происхожденію; каковы-бы ни были внутреннія противорѣчія между отдѣльными ея учрежденіями, но всѣ они съ непобѣдимой силою стремились къ тому, чтобы разорить массу и обогатить то меньшинство, для котораго существовала вся государственная машина. Но когда эта цѣль была достигнута, когда масса была разворена до послѣдней крайности, тогда стали съ ужасающею быстротою исчезать самыя источники доходовъ. Начались огромныя недоимки; пришлось дѣлать займы, платить большіе проценты, увеличивать платежѣмъ процентовъ дефицитъ, а потомъ замазывать дефицитъ новымъ займомъ, требовавшимъ новаго платежа процентовъ. Долгъ увеличивался вмѣстѣ съ дефицитомъ, а кредитъ уменьшался вмѣстѣ съ производительною силою страны. Министры предпринимали разныя финансовыя операціи, но такъ какъ нѣтъ такой финансовой операціи, которая изъ франка могла-бы сдѣлать лундоръ, или взять что-нибудь съ крестьянина, не имѣющаго ровно ничего, то все глубокомысліе министровъ оказывалось безсильнымъ передъ сокрушительными цифрами долговъ и ежегодныхъ дефицитовъ. Все царствованіе Людовика XVI состоитъ изъ длиннаго ряда разнообразныхъ попытокъ выпутаться изъ отчаяннаго положенія финансовъ.

Изъ всѣхъ совѣтниковъ Людовика XVI одинъ Тюрго понялъ вполне, что финансовую болѣзнь нельзя лечить финансовыми мѣрами, что необходимо увеличить производительную дѣятельность народа, и что причины, парализующія эту дѣятельность, заключаются въ самыхъ основаніяхъ феодальнаго государства. Распоряженія Тюрго посыпались на всѣ отрасли народной жизни. Онъ разрѣшилъ вывозъ хлѣба за границу и снялъ съ крестьянъ дорожныя повинности; онъ уничтожилъ цехи и основалъ кредитное учрежденіе, подъ названіемъ учетной кассы; онъ измѣнилъ податную систему и сталъ готовить всѣхъ собственниковъ государства къ участию въ политическихъ правахъ; онъ хотѣлъ произвести сверху и постепенно тѣ реформы, которыя революціонныя собра-

нія произвели снизу и мгновенно; но постепенность Тюрго показалась всѣмъ привилегированнымъ классамъ бурною и сумасбродною заносчивостью. Братъ короля, графъ Карль Артуа, тотъ самый, по милости котораго старшая линия Бурбоновъ въ 1830 году была окончательно лишена французскаго престола, сталъ во главѣ недовольныхъ, а недовольныя распоряженіями Тюрго были и дворъ, и вся аристократія, и духовенство, и парламенты, и цеховые мастера, и всѣ, кромѣ крестьянъ и пролетаріевъ, которые въ то время еще не имѣли своего сужденія въ государственныхъ вопросахъ. Карль и придворные стали дѣйствовать на короля ежедневными воздыханіями о гибельныхъ преобразованіяхъ неосторожнаго министра, а другіе недовольные аристократы въ это время стали волновать народъ, чтобы показать королю, насколько дѣятельность Тюрго противна желаніямъ націи и опасна для общественнаго спокойствія. Народъ, по своей безграничной наивности, дѣйствительно сталъ шумѣть на улицахъ Парижа, въ пользу тѣхъ самыхъ привилегій, которыя морили его голодомъ. Людовику надоѣла вся эта тревога, и министерство Тюрго продержалось всего полтора года; какъ только Тюрго вышелъ въ отставку, такъ воцарилась старая система управленія во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей величественной неподвижности. Неккеръ сталъ поправлять финансы займами, Калоннъ сталъ поощрять своими совѣтами придворную роскошь, говоря, что только роскошь поддерживаетъ кредитъ, а что кредитъ необходимъ для существованія государства. Неккеръ, во время своего перваго министерства, занялъ въ разныхъ мѣстахъ до 50 милліоновъ, и наконецъ сталъ въ тупикъ. Калоннъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что всякій кредитъ имѣетъ границы. Въ 1787 году онъ увидѣлъ передъ собою дефицитъ въ 198 милліоновъ, что составляетъ по масштабу нашего времени, почти 600 милліоновъ. Покрыть этотъ дефицитъ было необходимо, а покрыть было нечѣмъ; увеличить подати не было никакой возможности; кредитъ былъ истощенъ до-чиста. Тогда Калоннъ вдругъ перемѣнилъ политику, и пошелъ по слѣдамъ Тюрго; начался опять скрежетъ зубовъ; противъ короля и противъ министерства зашумѣли придворные, провинціальныя дворяне, сборщики податей, суды, полицейскіе чиновники, общинныя совѣты и цеховые мастера.

Въ ряды оппозиціи попали, какъ мы видимъ, такія лица, которыя во всякомъ благоустроенномъ государствѣ имѣютъ значеніе только, какъ послушныя орудія центральной власти. Государство видимо разлагалось, потому что перестало удовлетворять существеннымъ потребностямъ общества, и во всѣхъ частяхъ своихъ оказалось несостоятельнымъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе было въ то время уже такъ сильно, что къ нему, какъ къ высшей аппеляціонной инстанціи, обратились за разрѣшеніемъ своего спора, съ одной стороны министерство, поневолѣ ударившееся въ прогрессъ, съ другой стороны, ари-

стократическая оппозиція, ухватившаяся за старину со всею страстью инстинктивнаго сомохраненія, и съ полнымъ сознаниемъ своего вѣковаго права. Само министерство освободило прессу для того, чтобы она заклеила въ глазахъ цѣлой націи упорныхъ защитниковъ привиллегій и феодальнаго быта. Парижскій парламентъ, защищавшій, подобно цеховымъ юристамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, формальную легальность аристократическихъ притязаній, потребовалъ съ своей стороны, въ пику министерству, чтобы собраны были государственные чины (*états généraux*), которыхъ Франція не видала въ продолженіи двухъ столѣтій. Собраніе аристократическихъ нотаблей, попытавшихъ произвести реформы, не осилило этого дѣла, и повторило требованіе парижскаго парламента. Между тѣмъ Калонна замѣнилъ уже Бриенъ, а Бриенна Неккеръ, но отъ этой перемѣны лицъ не перемѣнилось положеніе финансовъ, и Неккеръ, съ удовольствіемъ изображая собою либеральнаго и просвѣщеннаго министра, ввелъ французское королевство въ новую эпоху его существованія: государственные чины были созваны къ 27 апрѣля 1789 года.

VII.

Приступая къ изложенію событій, совершившихся во Франціи отъ 1789 до 1795 года, я заранѣе долженъ предупредить читателя, что онъ не найдетъ у меня описанія тѣхъ сценъ, величественныхъ или ужасныхъ, которыя происходили въ это тревожное время на площадяхъ, на улицахъ или въ залахъ національныхъ собраній. Чтобы изобразить эти сцены, надо, во-первыхъ, обладать такимъ художественнымъ талантомъ, котораго я въ себѣ не чувствую; а во-вторыхъ, надо написать очень большую книгу, что совершенно неудобно по многимъ причинамъ. На этомъ основаніи, я постараюсь, по возможности, совершенно уклониться отъ рисованія историческихъ картинъ, а въ началѣ моей статьи я уже обѣщаль читателю уклоняться отъ біографическихъ подробностей и отъ судебныхъ приговоровъ надъ личностями и событіями. Стало быть, мнѣ остается только слѣдить за главными фазами того общественнаго движенія, о которомъ мы говоримъ; мнѣ остается выводить одну фазу изъ другой, показывать, почему движеніе приняло одно направленіе, а не другое, разсматривать общія причины, скрывающіяся за личностями выступающихъ дѣятелей, и придающія этимъ личностямъ всю ихъ дѣйствительную силу; я желалъ бы представить читателю не рядъ картинъ изъ разсматриваемой нами исторической эпохи, а ландкарту, по которой онъ могъ бы познаться съ мѣсными условіями, вызвавшими переворотъ и сообщавшими ему импульсъ и направленіе. Таковую ландкарту

или такой анатомическій рисунокъ можно было бы считать излишнимъ, если бы читающая часть нашего общества обладала большимъ запасомъ продуманныхъ и осмысленныхъ историческихъ свѣдѣній; но такъ какъ, по правдѣ сказать, подобныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, ни въ большомъ, ни въ маломъ количествѣ, то я позволяю себѣ думать, что моя статья не будетъ совершенно бесполезна, и постараюсь устроить такъ, чтобы эту ландкарту особаго устройства можно было разсматривать, не проклиная составителя за сухость изложенія. Теперь мы можемъ обратиться къ Собранію государственныхъ чиновъ.

Собраніе государственныхъ чиновъ или сословія состояло въ старой Франціи изъ представителей дворянства, духовенства и третьяго сословія (*tiers-état*) или городскихъ общинъ. Это собраніе созывалось королемъ въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда центральная власть нуждалась въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, и безъ этой поддержки не рѣшалась требовать отъ націи какихъ нибудь необыкновенныхъ пожертвованій или чрезвычайныхъ усилій. При ближайшихъ предшественникахъ Людовика XVI, государственные чины не созывались ни разу, потому что Людовикъ XVI и Людовикъ XV хозяйничали въ своемъ королевствѣ совершенно безцеремонно, и находили, что никакое пожертвованіе націи не можетъ быть необыкновеннымъ, и никакое усиліе не можетъ быть чрезвычайнымъ.

Когда государственные чины созывались въ бывшее время, тогда они разсуждали о предлагавшихся вопросахъ въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ; сообразно съ духомъ всѣхъ средневѣковыхъ учреждений, сословія оставались разъединенными даже тогда, когда обсуживали дѣла, относящіяся къ интересамъ всего государства. Въ 1789 году сословія созывались затѣмъ, чтобы спасти государство отъ банкротства; спасти государство можно было только самыми обширными реформами, и именно такихъ реформъ ожидала отъ собранія вся здоровая часть общественнаго мнѣнія; на собраніе это смотрѣла вся Франція; отъ него цѣлый народъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ждалъ хлѣба насущнаго, то есть избавленія отъ тѣхъ феодальныхъ учреждений, которыя разоряли земледѣльца и ремесленника, парализируя ихъ производительный трудъ. Желанія правительства въ этомъ случаѣ не могли расходиться съ желаніями народа; правительству были необходимы реформы, потому что безъ реформъ, нельзя было выпутаться изъ долговъ; безъ реформъ не на что было жить, и невозможно было управлять. Реформы не нравились только духовенству, дворянству, парламентамъ, цеховымъ мастерамъ, то есть, тѣмъ людямъ которыхъ питали и грѣли монополіи и всѣ средневѣковые порядки; только съ ихъ стороны можно было ожидать оппозиціи; эта оппозиція могла производить много шума въ залѣ Тюльерійскаго дворца, или въ аристократическомъ салонѣ, но въ общемъ голосѣ народа она совершенно тери-

лась и переходила въ едва замѣтный ропоть, которому нельзя было придавать никакого серьезнаго значенія. Эта оппозиція только въ томъ случаѣ могла бы сдѣлаться препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованій, когда бы она получила въ собраніи свой отдѣльный органъ. Если бы государственные чины, по старому обычаю, открыли свои засѣданія по сословіямъ, въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ, тогда можно было бы предвидѣть, что всѣ предложенія и рѣшенія третьяго сословія будутъ задерживаться, искажаться или отвергаться духовенствомъ и дворянствомъ. Слѣдовательно, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ: какъ будутъ засѣдать государственные чины? Въ одномъ ли общемъ національномъ собраніи, или въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ? Нельзя сказать, чтобы съ этимъ вопросомъ была связана судьба ожидаемыхъ преобразованій; преобразования эти были уже неизбежны, потому что ихъ необходимость сознавалась и чувствовалась всею націею; ихъ не могли уже отсрочить, ни исказить никакіе дебаты и никакіе отрицательные результаты въ подачѣ голосовъ. Но оставалось узнать, какъ произойдутъ реформы? Путемъ ли мирныхъ преній и легальныхъ постановленій собранія, или какънибудь совѣмъ иначе, безъ всякой легальности и безъ малѣйшаго благообразія?

Можно было предвидѣть, что система трехъ палатъ надѣляетъ народу и правительству много хлопотъ, и что при этой системѣ мудрено будетъ удержаться на путяхъ добродѣтели и легальности. Общественное мнѣніе безусловно отвергало эту систему, но правительство, отъ котораго зависѣло рѣшеніе капитальнаго вопроса, церемонилось съ аристократіею, и, созывая государственные чины, не сказало ничего о томъ, какъ будутъ происходить ихъ совѣщанія. Оно опредѣлило только, что третье сословіе выставитъ вдвое больше представителей, чѣмъ выставяло два столѣтія тому назадъ. Это нововведеніе могло быть чрезвычайно важно въ случаѣ общаго собранія, потому что тогда оно упрочивало за третьимъ сословіемъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ голосовъ; но при системѣ трехъ палатъ, двойное число представителей не имѣло никакого значенія, и третье сословіе оставалось совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ легальною оппозиціею духовенства и дворянства.

5-го мая 1789 года, король открылъ въ Версали засѣданіе государственныхъ чиновъ; онъ произнесъ рѣчь; послѣ него заговорилъ хранитель большой печати, Барантенъ, и наконецъ министръ финансовъ Неккеръ; во всѣхъ этихъ рѣчахъ было много добродушія, много благихъ желаній, и еще больше внушительныхъ совѣтовъ, но о важнѣйшемъ вопросѣ, о томъ, какъ засѣдать государственнымъ чинамъ, не сказано ни слова. Неккеръ говорилъ три часа, и отличился тѣмъ, что торжественно солгалъ передъ представителями націи насчетъ положенія финансовъ онъ показалъ годовой дефицитъ въ 56 милліоновъ, между тѣмъ, какъ

со времени собранія нотаблей, общество постоянно слышало о дефицитѣ въ 120 или въ 140 милліоновъ. Ложь Неккера дала ему возможность сказать, что король созвалъ государственные чины, не потому, что онъ нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому, что онъ хочетъ оказать націи всякую милость. Ложь Неккера и молчаніе о существенномъ вопросѣ выходили изъ одного общаго источника, — изъ двусмысленнаго и нерѣшительнаго отношенія правительства къ націи вообще, и къ представителямъ ея въ особенности. Правительство нуждалось въ деньгахъ, и слѣдовательно, въ реформахъ, и слѣдовательно въ томъ собраніи, при содѣйствіи котораго возможно было произвести реформы; но если съ одной стороны, оно нуждалось въ томъ собраніи, то, съ другой стороны, оно еще больше боялось его. Хорошо, если собраніе придумаетъ такія реформы, которыя дадутъ много денегъ, и затѣмъ оставить все въ должномъ порядкѣ; а что если оно заговоритъ о такихъ реформахъ, которыя съ должнымъ порядкомъ совѣмъ не уживаются? Что тогда дѣлать съ этимъ собраніемъ, на которое смотритъ вся Франція? И гдѣ останутся его реформаторскіе подвиги? И что оно считаетъ должнымъ порядкомъ? И что, если его должный порядокъ совѣмъ не похожъ на настоящій должный порядокъ? Все это были такіе вопросы, которые не могли не придти въ голову совѣтникамъ короны; и людямъ, находящимся въ ихъ положеніи, надъ этими вопросами очень стоило задуматься. Они дѣйствительно задумались, и въ этой задумчивости захватилъ ихъ день, назначенный для открытія засѣданій. Они явились передъ представителями націи, не рѣшивши въ умѣ своемъ, гдѣ заключается для нихъ настоящая опасность, въ финансовомъ дефицитѣ, или въ ожидаемомъ всемогуществѣ созваннаго собранія. Когда Неккеръ сидѣлъ передъ пустою кассою и передъ печальными итогами предстоящихъ расходовъ, тогда онъ думалъ, что собраніе лучше дефицита; когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ собраніемъ въ 1,200 человекъ, и когда онъ слышалъ, какими криками восторга встрѣчаетъ и провожаетъ народъ представителей третьяго сословія, тогда онъ навѣрное подумалъ, что ужъ лучше жить съ дефицитомъ, чѣмъ съ собраніемъ. — Думалъ или не думалъ Неккеръ такимъ образомъ, объ этомъ исторія молчитъ, но достовѣрно извѣстно то, что правительство Людовика XVI при самыхъ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ государственными чинами начало бояться могущества собранія, совершенно упуская изъ виду, что именно это могущество необходимо для короля и для его министровъ, какъ единственное средство произвести реформы, и реформами поправить отчаянное положеніе финансовъ.

Выслушавъ назидательныя рѣчи, и не найдя въ нихъ ожидаемаго рѣшенія, сословія стали рѣшать основной вопросъ силами собственныхъ умовъ; три недѣли продолжались между ними переговоры о томъ, какъ

повѣрять выборы; переговоры эти ни къ чему не повели. Неккеръ по-пробовалъ явиться посредникомъ между высшими сословіями, настаивавшими на отдѣльной повѣркѣ выборовъ, и депутатами общинъ, не допускавшими ничего такого, что могло бы привести къ утверженію трехъ-палатной системы. Но посредничество Неккера осталось безуспѣшнымъ; дворянство объявило рѣшительно, что оно само провѣрило свои выборы, и уже образовало изъ себя отдѣльную палату. Увидѣвъ бесполезность переговоровъ, третье сословіе, избѣгавшее до той минуты окончательнаго разрыва съ бытовыми формами прошедшаго, сдѣлало съ своей стороны смѣлый шагъ впередъ. Къ 14 іюня оно окончило у себя провѣрку выборовъ, и въ тотъ же день начались въ его палатѣ разсужденія о томъ, подъ какимъ именемъ оно приступитъ къ своей дѣятельности. Назвать себя представителями третьяго сословія было вполне легально, потому что такъ всегда дѣлалось въ старой Франціи, но поступить такимъ образомъ значило бы отдать интересы народа въ руки дворянства и духовенства; это значило бы подвергнуть всю Францію страшному разочарованію, и поднять такую бурю народнаго гнѣва, противъ которой не устояло бы ни собраніе государственныхъ сословій, ни верховное правительство. Объ этомъ нечего было и думать; большинство депутатовъ всѣми силами души ненавидѣло старый порядокъ, а тѣ немногія единицы, которыя чувствовали робкое желаніе щадить остатки прошедшаго, не имѣли въ собраніи никакого вѣса и боялись обнаруживать свои тайныя влеченія. Мирабо предложилъ, чтобы депутаты третьяго сословія назвали себя представителями народа въ національномъ собраніи; эта формула давала чувствовать, что депутаты третьяго сословія не составляютъ собою полнаго національнаго собранія, но во всякомъ случаѣ служатъ представителями самой многочисленной и самой важной части націи. Сійэсъ пошелъ дальше: онъ предложилъ, чтобы третье сословіе просто и прямо объявило себя національнымъ собраніемъ. 17-го числа это предположеніе было принято, и депутаты духовенства и дворянства, вслѣдствіе рѣшенія третьяго сословія оказались просто отсутствующими членами національнаго собранія. Они могли отсутствовать, сколько имъ было угодно; никто не интересовался знать причины ихъ отсутствія, и никто не считалъ этого отсутствія препятствіемъ для начала работъ.

Если мы примемъ въ соображеніе, что Мирабо былъ неизмѣримо краснорѣчивѣе Сійэса, и что Французы всегда были способны подкупаться краснорѣчіемъ, то побѣда Сійэса должна показаться намъ фактомъ очень выразительнымъ. Сійэсъ побѣдилъ именно потому, что предположеніе его было смѣлѣе и крайнѣе всѣхъ остальныхъ. По этому предположенію третье сословіе не только утверждало свое преобладаніе надъ остальными сословіями, но оно рѣшительно поглощало ихъ въ себя, и

въ сознаниі своего полновластія, объявляло, что будетъ игнорировать всѣ тѣ элементы, которые осмѣлятся присвоивать себѣ отдѣльное существованіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что это первое собраніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ учредителенаго *) (*assemblée constituante*) было самымъ умѣреннымъ и консервативнымъ изъ всѣхъ революціонныхъ собраній; кромѣ того, оно было созвано всего шесть недѣль тому назадъ; оно еще не знало, какъ велико его могущество и вліяніе на народъ, члены его были мало знакомы между собою; обаяніе королевской власти было еще сильно; Бастилія напоминала еще о необходимости быть осторожнымъ, и не смотря на все это, предложеніе Сійэса было принято съ восторгомъ единственно потому, что оно соответствовало простымъ требованіямъ разума, и противорѣчило старой легальности.

Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, то изъ одного этого факта, встрѣчающагося намъ на самомъ порогѣ французской революціи, будемъ въ состояніи понять, какіе неистощимые запасы пламеннаго, безстрашнаго и беспощаднаго отрицанія накопились въ сознаниіи и въ чувствѣ всего французскаго народа во время долгихъ вѣковъ безгласности и страданія. Народъ не оставался въ бездѣйствіи въ то время, когда сословія вели между собою переговоры; газеты, печатныя объявленія на стѣнахъ, рѣчи подъ открытымъ небомъ, на улицахъ и въ садахъ Пале-Рояля знакомили Парижанъ съ событіями дня и скрѣпляли связь ихъ съ представителями третьяго сословія; 9-го и 10-го іюля въ залу засѣданій являлись депутаціи отъ различныхъ торговыхъ, и благодарили третье сословіе за то, что оно поддерживаетъ «*les intérêts du peuple*». А третье сословіе соображало, что, если безо всякой надобности являются десятки торговыхъ, то, въ случаѣ надобности, могутъ явиться тысячи работниковъ; конечно, такія соображенія не оставались безъ вліянія на ходъ совѣщаній, и значительно ослабили заслуженный авторитетъ Бастиліи.

Первый декретъ національнаго собранія, постановленный имъ въ тотъ самый день, когда оно приняло предложеніе Сійэса, показываетъ ясно, какое понятіе составляло себѣ третье сословіе о предѣлахъ своей власти. Собраніе объявило, что всѣ взимавшіяся до сихъ поръ подати незаконны, потому что ихъ установило правительство безъ согласія націи; къ этому рѣшенію была прибавлена оговорка, что собраніе позволяетъ

*) Его часто называютъ по русски конституціоннымъ, но это названіе, во первыхъ, ничего не выражаетъ, потому что всякій парламентъ есть конституціонное собраніе, а во-вторыхъ, оно и невѣрно. Конституціонный по-французски—*constitutionnel*, а *constituant*— тотъ, кто организуетъ, учреждаетъ, создаетъ конституцію.

продолжать взиманіе прежнихъ податей только до тѣхъ поръ, пока представители націи будутъ заниматься пересмотромъ государственныхъ учреждений; если же собраніе, какимъ бы то ни было образомъ, будетъ распущено, то взиманіе податей прекратится. Этотъ декретъ былъ разосланъ ко всѣ провинціи, такъ что распущеніе собранія дѣйствіемъ королевской власти могло отнять у правительства всѣ денежные средства, или, въ случаѣ собранія налоговъ вооруженною силою, могло повести за собою междоусобную войну и распаденіе королевства. Чѣмъ наступательнѣе дѣйствовало національное собраніе, за которымъ правительство еще не признавало этого титула, тѣмъ громче и восторженнѣе аплодировали посторонніе зрители и слушатели, наполнявшіе густыми толпами галереи или трибуны въ залѣ засѣданій; а чѣмъ сильнѣе шумѣли галереи, тѣмъ смѣлѣе чувствовало себя собраніе, и тѣмъ несбыточнѣе казались всякія печальныя размышленія о Бастиліи.

VIII.

Невозможно было ожидать, чтобы храброе французское дворянство отступило безъ борьбы передъ завоевательными тенденціями національнаго собранія; негодованіе дворянства было очень значительно и особенно очень шумно; министры съ своей стороны находили, что депутаты третьяго сословія посягаютъ на достоинство короны, но когда зашла рѣчь о томъ, какъ поступать съ нарушителями должнаго порядка, тогда въ совѣтѣ министровъ обнаружился расколъ, и отщепенцемъ оказался тотъ самый Неккеръ, который при открытіи собранія, 5-го мая, для соблюденія интересовъ короны, отважно солгалъ передъ депутатами насчетъ цифры годоваго дефицита. Теперь онъ заговорилъ иначе. Какъ министръ финансовъ, удрученный безденежьемъ, какъ платоническій обожатель англійской конституціи, и особенно, какъ большой любитель дешевой популярности, онъ рѣшился превозмочь въ себѣ антипатію къ могуществу національнаго собранія, и подалъ королю совѣтъ освятить своимъ королевскимъ словомъ совершившійся фактъ, то есть, признать существованіе національнаго собранія, и приказать дворянству и духовенству соединиться съ депутатами третьяго сословія. Неккеръ былъ увѣренъ, что національное собраніе во всякомъ случаѣ дастъ правительству много денегъ, и устроитъ для французской націи очаровательную конституцію съ двумя палатами; имѣя въ виду такую привлекательную перспективу, можно было помириться съ тѣмъ, что на первый разъ будетъ работать только одна палата и что, такимъ образомъ, не будетъ соблюдена та *pondération des pouvoirs* (уравновѣшеніе властей), которая до сихъ поръ составляетъ для доктринеровъ всѣхъ націй за-

дачу, подобную философскому камню и жизненному элексиру. Кроме того, Неккеръ разсудилъ, что если собраніе очень сильно, то съ нимъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ ссориться, и тѣмъ болѣе необходимо уступать ему съ привѣтливою улыбкою такія вещи, которое оно, по своей грубости, способно взять насильно. Но остальные совѣтники короны, официальные и неофициальные, въ это время почувствовали особенно живо свое кровное родство со всѣми умиравшими привилегіями; уступка третьему сословію казалась имъ государственною измѣною, и король, въ которомъ всегда легко было возбудить сознание долга, убѣдился въ томъ, что онъ долженъ противодѣйствовать распоряженіямъ новорожденнаго національнаго собранія. Начались приготовленія къ королевскому заѣданію и 20 іюня, депутаты третьяго сословія, собравшіеся для своихъ обыкновенныхъ занятій, увидѣли, что зала ихъ заперта, потому что въ ней производились эти приготовленія. Они знали по слухамъ, что королевское засѣданіе будетъ направлено противъ ихъ послѣднихъ распоряженій и рѣшились заранѣе обязать себя къ самому энергическому сопротивленію. Отъ запертыхъ дверей залы они длинною процессіею отправились по улицамъ Версаля къ пустому дому, служившему для игры въ мячъ (*jeu de raime*) и тамъ дали клятву и подписку «не расходиться и не допускать распущенія собранія, а собираться тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока будетъ составлена и утверждена на прочномъ основаніи новая конституція государства». 22 числа, депутатовъ, по распоряженію графа Артуа, не пустили въ *jeu de raime* тогда они отправились засѣдать въ церковь Св. Людовика, и въ этотъ день къ нимъ присоединилось 148 представителей духовенства, такъ что духовныя лица, противившіяся соединенію, остались въ меньшинствѣ. 23 числа произошло королевское засѣданіе. Король обѣщаль самыя либеральныя реформы; завѣдываніе финансами предоставлялось сословіямъ; обременительныя подати отмѣнялись; въ юстиціи и въ военномъ вѣдомствѣ предполагалось произвести преобразование; устраивались провинціальныя собранія, уничтожались произвольныя аресты и упразднилась цензура. Обсудить всѣ эти вопросы и привести ихъ къ окончательному разрѣшенію король предоставлялъ государственнымъ сословіямъ. Разсужденія сословій должны были происходить въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ.

Рѣшительное слово королевской власти было такимъ образомъ произнесено; національному собранію приходилось существовать не только помимо королевской власти, но даже прямо наперекоръ этой волѣ. Дѣйствіе королевской рѣчи обнаружилось немедленно, какъ только Людовикъ XVI успѣлъ выдти изъ залы. Когда оберъ-церемоніймейстеръ, исполняя приказаніе короля, пригласилъ депутатовъ третьяго сословія разойтись, тогда Мирабо отвѣчалъ на это приглашеніе короткою, но

очень непочитительною рѣчью, которая кончалась такъ: «идите, скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа, и что насъ можно сдвинуть отсюда только штыками». Эти слова нарушали и легальность, и этикетъ, и даже парламентскіе обычаи, потому что отъ лица собранія имѣлъ право отвѣчать только президентъ, а президентомъ былъ членъ академіи Балби, которому конечно въ голову не пришло бы сказать важному придворному чиновнику грубость, цѣликомъ сохранившуюся въ исторіи. Но на этомъ безчинствѣ дѣло не остановилось. Собраніе тотчасъ приняло свои мѣры для того, чтобы сдвиганіе штыками, рекомендованное графомъ Мирабо, сдѣлалось совершенно невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, особенно затруднительнымъ. Не выходя изъ залы, оно, по предложенію Барнава, постановило рѣшеніе, что «личность каждаго изъ депутатовъ неприкосновенна», и что «всякое лицо, всякая корпорація, судъ, административное мѣсто или коммиссія», которые будутъ подвергать депутата аресту, слѣдствію или суду за предложенія, совѣты, мнѣнія или рѣчи въ собраніи государственныхъ сословій, «должны признаваться за людей безчестныхъ, измѣнниковъ націи и преступниковъ». Это рѣшеніе осталось бы мертвою буквою, если бы королевская власть располагала такою преданною военною силою, какая находилась въ распоряженіи генерала Бонапарте въ день 18 брюмера; и это рѣшеніе было не нужно въ томъ случаѣ, когда собраніе было увѣрено въ поддержкѣ народа и даже въ сочувствіи солдатъ, которые, въ это время, по словамъ Камилла Демулена, всѣ сдѣлались философами. Но, какъ бы то ни было, это рѣшеніе, какъ громогласное выраженіе собственной храбрости, значительно возвысило энергію всего собранія. Объявивъ себя неприкосновеннымъ, оно въ самомъ дѣлѣ подумало, что ему всѣ повѣрятъ на слово, и что до него никто не посмѣетъ дотронуться.

Ходъ событій разбилъ въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ много подобныхъ иллюзій, но учредительное собраніе дѣйствительно не потерпѣло ни малѣйшей обиды, хотя защищало его, конечно, не декретъ о неприкосновенности депутатовъ. Защищало его преимущественно глубокое разстройство королевской арміи; каждый отдѣльный полкъ представлялъ миниатюрный портретъ феодальнаго общества; офицеры, назначавшіеся исключительно изъ дворянъ, играли роль привилегированныхъ классовъ, а солдаты изображали безправную массу народа; между офицерами и солдатами не было никакой связи, на долю первыхъ выпадали удовольствія жизни и лавры военной славы; вторымъ доставались только труды службы, палки отъ начальства, раны отъ непріятелей и подстарость вынужденное нищенство и бродяжничество. Надежды на повышеніе по службѣ у солдата не было; привязанности къ своему дѣлу у него не могло быть и ненависть къ старому порядку, вслѣдствіе этихъ

обстоятельствъ, была въ немъ, по крайней мѣрѣ, такъ же сильна, какъ и во всѣхъ другихъ непривилегированныхъ гражданахъ французскаго государства. Кромѣ того, народные ораторы говорили такъ громко и такимъ простымъ языкомъ, что солдатъ слушалъ и понималъ ихъ рѣчи, и приучался смотрѣть на приближающійся переворотъ, какъ на единственное спасеніе отъ палокъ, отъ офицерскаго высокомѣрія и отъ безнадёжно тяжелой службъ. Чѣмъ ближе стоялъ полкъ къ Парижу, тѣмъ менѣе могло на него положиться ближайшее начальство и королевское правительство. Къ этому можно прибавить, что даже многіе изъ офицеровъ, не смотря на свое аристократическое происхожденіе, были увлечены идеями своего времени и считали вооруженное нападеніе на гражданъ совершенно непозволительнымъ преступленіемъ.

Соображая эти обстоятельства, читатель придетъ, вѣроятно, къ тому заключенію, что армія, составленная изъ подобныхъ элементовъ, была гораздо опаснѣе для короля и для его министровъ, чѣмъ для непослушныхъ членовъ національнаго собранія. Въ Парижѣ народъ былъ не спокоенъ; его тревожила участь депутатовъ, и каждый день распространялись самыя преувеличенные слухи о намѣреніяхъ двора и аристократіи разогнать представителей третьяго сословія и задушить всякую попытку преобразованій; считая архіепископа парижскаго однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ національнаго собранія, народъ ворвался 25 іюня въ его домъ, и отрядъ французской гвардіи, призванный для усмиренія мятежа, отказался дѣйствовать противъ народа. По случаю дороговизны хлѣба, голодный народъ ежедневно производилъ беспорядки передъ булочными и солдаты постоянно оставались нейтральными, не смотря на приказанія и угрозы своихъ начальниковъ. Аристократическая партія при дворѣ не отказывалась однако отъ надежды направить національное собраніе на путь добродѣтели и легальности; она убѣдила короля сдѣлать еще одну энергическую попытку. Рѣшено было:—призвать изъ провинцій нѣсколько свѣжихъ полковъ, не успѣвшихъ еще превратиться въ философскія школы; назначить главнокомандующимъ стараго маршала Броули, котораго подвиги во время семилѣтней войны должны были наполнять сердца солдатъ похвальными чувствами, несомѣстными съ философіею; уволить отъ службы Неккера за его любовь къ популярности; составить министерство изъ элементовъ строго консервативныхъ; и, наконецъ, поговорить тогда внушительнымъ образомъ съ версальскимъ собраніемъ и съ парижскими демагогами.

Все это было приведено въ исполненіе, за исключеніемъ послѣдней статьи: поговорить внушительнымъ образомъ не удалось ни въ Версали, ни въ Парижѣ, потому что, какъ только парижане узнали 12 іюля объ отставкѣ Неккера и трехъ другихъ министровъ, такъ они тотчасъ сами начали разговоръ; въ тотъ же день тысячи ремесленниковъ разграбили

нѣсколько оружейныхъ лавокъ и сожгли таможенные дома у городскихъ заставъ; войска почти вездѣ отказались сражаться противъ народа; начальники принуждены были выдти съ ними изъ города и поставить ихъ на марсовомъ полѣ для того, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не перешли на сторону возмущившихся гражданъ.

13 юля, весь Парижъ былъ во власти инсургентовъ и, для обезпеченія частной собственности, въ этотъ же день была организована національная гвардія, въ которую, кромѣ горожанъ, поступили сотни солдатъ французской гвардіи, рѣшительно отложившихся отъ своихъ начальниковъ и объявившихъ себя открыто друзьями народа и врагами стараго порядка. Ратушу заняли избиратели третьяго сословія, которые уже съ первыхъ чиселъ мая постоянно собирались для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Они смѣнили городовыя власти, назначенныя самимъ королемъ, и сами составили городской совѣтъ и комитетъ безопасности, который тотчасъ дѣятельно занялся вооруженіемъ и организованіемъ національной гвардіи. Между тѣмъ, движеніе въ городѣ продолжалось и усиливалось; 14 юля народъ взялъ инвалидный домъ, нашель въ немъ 20 пушекъ и 28,000 ружей и, усиливши этою находкою свое вооруженіе, пошелъ на Бастилію. Она была взята приступомъ, комендантъ и офицеры перебиты, а солдаты гарнизона спасены съ большимъ трудомъ отрядомъ французской гвардіи, дѣйствовавшей заодно съ инсургентами. 15-го, король явился въ національное собраніе, сказалъ, что войска отозваны изъ Парижа, общалъ тотчасъ пригласить Неккера въ министерство и просилъ представителей націи успокоить волненіе въ столицѣ. 16-го, депутація отъ національнаго собранія отправилась въ Парижъ, была принята съ восторгомъ и передала гражданамъ намѣренія короля; парижане такъ воодушевились, что тотчасъ, безъ всякихъ формальностей, въ одинъ голосъ назначили президента національнаго собранія, Балли — своимъ перомъ, а генерала Лафайета — начальникомъ національной гвардіи. Въ ночь съ 16-го на 17-е число, цвѣтъ аристократической партіи, подъ предводительствомъ графа Артуа и принца Конде, отправился за границу, подавая такимъ образомъ первый сигналъ къ открытію длиннаго ряда эмиграцій. 17-го Юля, король причастился святыхъ таинъ, сдѣлалъ свое завѣщаніе и поѣхалъ въ Парижъ, подъ покровительствомъ Балли и другихъ популярныхъ депутатовъ. Поѣздка обошлась благополучно; между королемъ и парижанами состоялось полное примиреніе, но верховная власть оказалась для короля безвозвратно потерянною. Она перешла въ руки національнаго собранія, которое однако въ значительной степени должно было раздѣлить ее съ городovýmъ управленіемъ Парижа и съ національною гвардіею.

Парижскія событія отозвались съ изумительною быстротою и съ не-

отразимою силою во всѣхъ концахъ французскаго королевства. Въ теченіи нѣсколькихъ дней исчезло съ лица земли все, что поддерживало старое государство. Во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія поднялись сословія, городовые магистраты, горожане, крестьяне, пролетаріи, всѣ, кто могъ найти себѣ въ революціи средство воротить старое право, завоевать новое, или освободиться отъ обременительной повинности, или просто вымѣстить зло на богатыхъ и знатныхъ баловняхъ разрушавшагося порядка вещей. Въ Бретани всѣ города назначили себѣ новые муниципалитеты и изъ королевскихъ арсеналовъ взяли оружіе для національной гвардіи. Въ Канѣ народъ взялъ приступомъ цитадель и разорилъ домъ вѣдомства солянаго налога. Королевскіе индентанты не показывались нигдѣ; парламенты не подавали признака существованія; о низшихъ судилищахъ не было ни слуха, ни духа; все, что при старомъ порядкѣ имѣло официальный санъ и величественную походку, старалось теперь скрыться отъ глазъ толпы, и навсегда изгладить въ ея умѣ воспоминаніе о своемъ недавнемъ могуществѣ. Старый судъ, старая полиція, старое управленіе,—все исчезло; во всѣхъ городахъ образовались, для огражденія личной и имущественной безопасности гражданъ, постоянные комитеты, которые, при помощи національной гвардіи, формировавшейся и вооружавшейся вездѣ чрезвычайно быстро, старались и часто успѣвали предупреждать грабежи, убійства и разныя другія быстрыя проявленія народной расправы. Национальная гвардія вооружалась всякимъ оружіемъ, какое попадалось подъ руку; ружья, пики, кинжалы, сабли—все шло въ дѣло; такъ какъ столкновеніе съ войскомъ было невозможно, потому что войско отказалось дѣйствовать противъ гражданъ, то національная гвардія своимъ солиднымъ видомъ должна была только укрощать излишнюю пылкость пламенныхъ патриотовъ, а для этой цѣли ея пестрое вооруженіе было совершенно достаточно. Конечно дѣятельность комитетовъ и національной гвардіи не могли оградить вполне безопасность гражданъ; гдѣ народу попадался сборщикъ податей, таможенный чиновникъ, нелюбимый судья или офицеръ съ аристократическими понятіями, тамъ происходило насиліе и убійство; во многихъ городахъ народъ повѣсилъ нѣсколькихъ купцовъ, въ полной увѣренности, что они производятъ искусственную доровизну хлѣба. Все это было очень нелѣпо, несправедливо и безобразно; но благоразумія, справедливости или изящества могъ ожидать или требовать отъ тогдашняго французскаго народа только тотъ, кто не имѣлъ понятія о средневѣковой исторіи Франціи, и о томъ внутреннемъ положеніи, въ какомъ застала ее революція 1789 года. Еслибы невѣжество, нищета и угнетеніе дѣйствовали на человѣка въ ту минуту, когда онъ ихъ испытываетъ, тогда они приносили бы нашей породѣ только незначительную долю того зла, которое приносятъ на самомъ дѣлѣ. Въ томъ то и бѣда, что

невѣжество, нищета и угнетеніе отравляютъ не только настоящее, но и далекое будущее. Они не только причиняютъ человѣку страданіе, но они этими страданіями уродуютъ его умъ и характеръ: когда устранены обстоятельства, мѣшавшія развитію просвѣщенія, когда уничтожены учрежденія, стѣснявшія трудъ и разорявшія работника, когда человѣку даны человѣческія права, тогда сдѣлано великое и прекрасное дѣло, но все таки, было бы совершенно неблагоприятно ожидать, что тогда всѣ родители съ кроткою радостью пошлютъ дѣтей своихъ въ школы, что всѣ лежебоки тотчасъ примутся за работу, что всѣ пьяницы проникнутся отвращеніемъ къ кабаку и любовью къ отечеству и къ аккуратности, что, наконецъ, всѣ люди, не знавшіе до той минуты никакихъ правъ, въ одно мгновеніе поймутъ, что у нихъ есть свои права, и что, слѣдовательно, они должны уважать права своего сосѣда. Такихъ благодѣтельныхъ превращеній не производитъ никакая реформа, какъ бы она хорошо ни была задумана, и съ какою бы осторожною мудростью она ни вводилась въ жизнь. Превращеніе произойдетъ, если реформа соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ людей, но произойдетъ оно не скоро; плоды благодѣтельной реформы всегда лежатъ впереди, и тѣмъ дальше отодвигаются впередъ, чѣмъ важнѣе реформа и чѣмъ упорнѣе та борьба, которую ей приходится выдержать съ укоренившимся зломъ. Можно замѣтить здѣсь мимоходомъ, что наша извѣстная теорія постепенности основана на простомъ недоразумѣніи: введенная реформа приноситъ плоды постепенно—это правда, это говоритъ самая элементарная логика здраваго смысла; но наши публицисты и мыслители, не разобравши дѣла, увидѣли только, что слова *реформа* и *постепенно* стоятъ рядомъ; они и связали эти два слова по своему, и стали доказывать, что реформа должна вводиться въ жизнь постепенно, то есть не въ видѣ органическаго и осмысленнаго цѣлаго, а въ видѣ отдѣльныхъ кусочковъ, не имѣющихъ ровно никакого самостоятельнаго смысла. Зерно превращается въ растеніе не вдругъ, а постепенно; изъ этого общеизвѣстнаго факта вывели то своеобразное заключеніе, что слѣдуетъ класть въ землю не все зерно, а сначала одинъ кусочекъ зерна, потомъ, немного погодя, другой, потомъ третій до тѣхъ поръ, пока изъ кусочковъ не составитя цѣлое зерно. Можетъ быть, при такой методѣ сѣянія, рекомендуемой нашими публицистамъ, выростетъ дѣйствительно богатая жатва. Не знаю. Пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ компетентные спеціалисты.

IX.

Въ деревняхъ, гдѣ бѣдствія феодальнаго быта давали чувствовать себя всего сильнѣе, взятіе Бастиліи послужило знакомъ къ самому раз-

рушительному взрыву народныхъ страстей. На сѣверѣ Франціи, тамъ, гдѣ крестьяне платили за землю деньгами и жили въ довольствѣ, отрицаніе старины выразилось въ томъ, что тотчасъ прекратились всѣ обязательныя работы, всѣ платежи десятинъ и всякое отправленіе повинностей; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне отобрали въ свою пользу ту землю, которую помѣщикъ обрабатывалъ для себя, но вообще жизнь мѣстнаго дворянства осталась въ безопасности, замки уцѣлѣли; переворотъ совершился, такимъ образомъ, на сѣверѣ, довольно благообразно. Напротивъ того, въ центрѣ и на югѣ королевства, гдѣ народъ былъ разоренъ и голоденъ, разыгрались всѣ трагическія сцены, характеризующія собою крестьянскія войны. Мужикъ тутъ еще не думалъ улучшать свой бытъ; ему хотѣлось прежде потѣшиться; у него пробудилась потребность мстить и разрушать. Въ Оверни и въ Дофинѣ крестьяне собралась сначала въ горахъ и оттуда, вооруженные всякимъ дрекольемъ, толпами спустились въ долины; замки горѣли, монастыри разрушались, дворяне истреблялись съ утонченною жестокостью въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходила такая толпа. Въ Франшъ-Конте Везульская національная гвардія попробовала остановить дѣйствія мѣстныхъ поселянъ, но поселяне разбили гвардію, загнали ее въ городъ Везуль и даже взяли приступомъ самый городъ. Въ провинціи Маконне собралась толпа крестьянъ въ 6,000 человекъ; кто изъ мужиковъ не присоединялся къ этой толпѣ, у того сжигали дворъ; въ теченіи двухъ недѣль эти люди разграбили, разрушили и сожгли больше 70-ти дворянскихъ замковъ и убили 230 крестьянъ, не одобрившихъ ихъ движеніе. Кончилось тѣмъ, что собралась національная гвардія изъ нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ и разсѣяла эту толпу, разбивши ее въ настоящемъ сраженіи. Такіе же случаи, только, быть можетъ, не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, происходили съ половины юля почти на всемъ пространствѣ французской территоріи; въ однихъ мѣстахъ лилась кровь, въ другихъ дѣло обходилось безъ кровопролитія, но вездѣ феодальный порядокъ исчезъ совершенно, а такъ какъ новаго порядка еще не было, то общество, по выраженію Зибеля, вездѣ разложилось на свои естественные элементы.

Со времени взятія Бастиліи начинается во всей Франціи непосредственное господство народа. Національное собраніе издаетъ законы, но его дѣятельность имѣетъ значеніе только въ той степени, въ какой она выражаетъ собою народную волю; законы, не пользующіеся сочувствіемъ народа, остаются мертвою буквою; проводить въ національномъ собраніи идеи непопулярныя или консервативныя становится опаснымъ; пощада старины начнаетъ считаться измѣною передъ націею; всѣмъ ходомъ событій въ теченіи послѣдующихъ годовъ революціи управляютъ движенія народа, но отвѣтить на вопросъ: что такое народъ? становит-

ся довольно труднымъ. Если-бы въ половинѣ 1789 года мы могли спросить у каждаго взрослога француза отдѣльно — чего онъ хочетъ? и если-бы было возможно расположить общественныя дѣла сообразно съ тѣмъ отвѣтомъ, который дало-бы на нашъ вопросъ большинство французскихъ гражданъ, то, навѣрное, получились бы результаты, совершенно непохожіе на то, что произошло въ дѣйствительности. Навѣрное, большинство не захотѣло-бы ни смерти короля, ни террора, ни республики, ни императорскихъ войнъ. Невѣрное также, большинство захотѣло-бы быть сытымъ, здоровымъ и свободнымъ, т. е. не принужденнымъ дѣлать то, что ему не нравится. Но эти желанія всякому политику, обращающемуся къ народу посредствомъ *suffrage universel*, показались-бы наивными до нелѣпости, и для большинства совершенно неосуществимыми, хотя каждый человѣкъ отдѣльно, лично для себя считаетъ подобныя желанія въ высшей степени скромными. Всѣ практическіе люди вообще, а политики, обращающіеся къ *suffrage universel* въ особенности, знаютъ твердо, что облагодѣтельствовать можно только избранное меньшинство, и притомъ не иначе, какъ на счетъ кроткаго большинства. Большинство также знаетъ это; оно не можетъ доказать неизбежность этого факта экономическими выкладками и историческими примѣрами; но оно привыкло къ тому, что всегда такъ бываетъ; привычка терпѣть лишенія не заглушила въ немъ потребностей, вложенныхъ природою въ каждый живой организмъ, но довела большинство до того, что оно плохо вѣритъ въ возможность когда-нибудь удовлетворять этимъ потребностямъ вполне. Бываютъ минуты, когда это привычное недовѣріе къ будущему уступаетъ мѣсто страстному взрыву надежды; но надежда не осуществляется, потому что для осуществленія ея необходимъ не минутный взрывъ, а долговременная, напряженная и строго послѣдовательная дѣятельность. До сихъ поръ еще не было на свѣтѣ такого народа, въ которомъ большинство было бы способно къ сознательной коллективной дѣятельности. За минутою надежды всегда слѣдовало горькое разочарованіе, а потомъ прежнее апатическое недовѣріе. Но кромѣ кроткаго большинства, проникнутаго произвольнымъ скептицизмомъ, въ каждомъ народѣ существуетъ обыкновенно энергическое и безпокойное меньшинство, которое ни подъ какимъ видомъ не хочетъ, и даже, по складу своего ума, не можетъ помириться съ приговоромъ житейской мудрости, утверждающимъ, что «такъ всегда было, стало быть, такъ и быть должно». Почему должно? говорить это неугомонное меньшинство; совѣтъ не должно! Пустяки! Что люди сдѣлали, то люди могутъ передѣлать!

Когда большинство народа относится къ своему будущему съ холодною беззаботностью привычнаго отчаянія, тогда люди меньшинства не имѣютъ вліянія ни на массу своихъ соотечественниковъ, ни на общій ходъ событій; тогда событія опредѣляются въ своемъ развитіи такими

случайными и мелкими причинами, которыя не имѣють ничего общаго съ потребностями и стремленіями, съ хорошими свойствами или съ дурными страстями миллионовъ. Въ это время люди меньшинства много говорятъ и пишутъ, но на нихъ обращаютъ вниманіе только для того, чтобы преслѣдовать ихъ насмѣшками, или изъ этихъ людей вырабатываются въ такія времена неисправимые мечтатели, а въ низшихъ слояхъ общества люди такого типа легко превращаются въ энергическихъ преступниковъ, потому что неудовольствіе ихъ противъ несовершенствъ жизни выражается не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ конкретныхъ поступковъ. Когда въковая апатія большинства смѣняется минутнымъ пробужденіемъ лихорадочной энергіи и изступленной надежды, тогда люди меньшинства тотчасъ выдвигаются впередъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы; на нѣсколько недѣль или на иѣсколько дней они становятся оракулами и идолами толпы.

X.

Въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія съ 4 на 5 августа, дворянство, соединившееся съ духовенствомъ и съ третьимъ сословіемъ послѣ взятія Бастиліи, великодушно отказалось отъ своихъ феодальныхъ правъ, которыя въ то время опасно было предъявлять и которыми во всякомъ случаѣ невозможно было пользоваться. Декреты, изданныя національнымъ собраніемъ послѣ этого ночнаго засѣданія, отмѣнили множество денежныхъ и натуральныхъ повинностей, которыя фактически уже не существовали; законодательная власть записала только на бумагѣ то, что было совершено на французской территоріи общимъ движеніемъ народа въ концѣ іюля. Отмѣнивъ феодальныя права, собраніе стало разсматривать объявленіе о правахъ человѣка, представленное Ла-Файэтомъ 11-го іюля, и составившее введеніе къ новой конституціи. Идея о такомъ объявленіи была заимствована у американцевъ. Собраніе долго обсуживало прозекъ Ла-Файэта, разбирало каждый параграфъ отдѣльно, взвѣшивало каждое выраженіе, и, наконецъ, 27-го августа, утвердило окончательную редакцію, въ которой основная мысль автора осталась неизмѣненною.

Зибель, въ исторіи революціоннаго времени, и Шлоссеръ въ исторіи XVIII столѣтія, говорятъ оба, что объявленіе о правахъ человѣка было со стороны собранія дѣломъ очень неблагоразумнымъ, и что дѣйствіе этого объявленія оказалось впоследствии въ высшей степени разрушительнымъ. Читатель, безъ сомнѣнія, расположенъ скорѣе согласиться съ приговоромъ двухъ замѣчательныхъ историковъ, чѣмъ съ моимъ личнымъ мнѣніемъ, не имѣющимъ за себя никакого авторитета. Несмотря

на это расположение читателя, которое я съ своей стороны вполне понимаю и одобряю, я отважусь въ этомъ случаѣ не согласиться ни съ Зибелемъ, ни съ Шлоссеромъ. Мнѣ кажется, что оба они придаютъ слишкомъ много значенія бумажнымъ декретамъ національнаго собранія. То настроеніе умовъ, которое побуждало общество требовать объявленія о правахъ, и которое заставило это общество съ восторгомъ принять произведеніе Ла-Файэта и національнаго собранія, можетъ, конечно, быть названо разрушительнымъ. Но самое изданіе объявленія ничего не прибавило и не могло прибавить къ возбужденію умовъ. Оно не сказало рѣшительно ничего новаго тѣмъ французамъ, которые въ Парижѣ штурмовали Бастилію, а въ провинціяхъ разрушали феодальныя замки и средневѣковыя учрежденія. Было-бы странно думать, что печатная фраза, какаѣ-бы она ни была задорная, можетъ развратить невинныя умы тѣхъ людей, которые привыкли слушать на улицахъ такихъ ораторовъ, какъ Дантонъ и Камилъ Демуленъ, и которые, кромѣ того, привыкли исполнять немедленно то, о чемъ разсуждали съ ними эти господа. Политическая теорія, проведенная въ объявленіи о правахъ, была давно уже приложена къ дѣлу, и національное собраніе въ этомъ случаѣ, какъ въ отмѣненіи феодальныхъ учреждений, изложило только на бумагѣ то, что каждый уличный мальчишка въ Парижѣ зналъ изъ практической жизни. Объявленіе о правахъ было слѣдствіемъ и симптомомъ народнаго настроенія; пока продолжалось это народное настроеніе, сначала во всей массѣ населенія, а потомъ въ энергическомъ меньшинствѣ, до тѣхъ поръ принципы Ла-Файетовской деклараціи воплощались въ ежедневныхъ явленіяхъ жизни; когда горячій пароксизмъ прошелъ, тогда декларація со всѣми ядовитыми сѣменами, которыя усматриваютъ въ ней Зибель и Шлоссеръ, оказалась такимъ же старымъ доскуткомъ бумаги, какъ большая часть изъ 2500 законовъ, изданныхъ учредительнымъ собраніемъ, и какъ множество французскихъ конституцій, возникавшихъ и погибавшихъ одна за другою. Декларация правъ была издана въ 1789 году, а спустя пятнадцать лѣтъ, благополучно царствовалъ уже императоръ Наполеонъ I, который всякія деклараціи называлъ идеологіею, и который дѣйствительно имѣлъ полное основаніе презирать идеологію, потому, что она не мѣшала французамъ жертвовать за его фантазіи состояніемъ и жизнью.

Гдѣ же, послѣ этого, разрушительное дѣйствіе этой деклараціи? Наконецъ, стоитъ только сличить декларацію правъ съ любымъ номеромъ газетъ, читавшихся въ то время въ Парижѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что декларація, даже какъ кусокъ печатной бумаги, по содержанію и по формѣ выраженія, гораздо скромнѣе и невиннѣе тѣхъ произведеній, которыя составляли ежедневную умственную пищу французской публики. Но каждый разсудительный человѣкъ понимаетъ, что и газеты того вре-

мени только удовлетворяли существующимъ потребностямъ, а не создавали ихъ своимъ появленіемъ. Бриссо, Карра, Горса, Лустало, Демуленъ, Фреронъ, Мара были очень яркими значками своей эпохи, но не они создали эпоху, а напротивъ того, эпоха произвела на свѣтъ ихъ литературное и политическое направленіе.

Въ общемъ результатъ можно сказать, что объявленіе о правахъ человѣка было такою же вывѣскою революціи, какъ и знаменитая трехцвѣтная кокарда, которою Франція обязана тому же генералу Лафайету. Французы по складу своего ума и по особенностямъ своего національнаго характера чрезвычайно любятъ всякіе «вещественные знаки», и потому они ухватились обѣими руками и за декларацию, и за кокарду, и придали тому и другому какое-то мистическое значеніе; старые наполеоновскіе солдаты, какъ извѣстно, плакали и ругались, когда имъ приходилось снимать съ киверовъ трехцвѣтную кокарду и прикрѣплять бѣлую; они продолжали дорожить вывѣскою, когда идея давно уже улетучилась. Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности увѣрять читателя въ томъ, что ни пестрота кокарды, ни изящные періоды декларации не имѣли никакого вліянія на развитіе революціи. Агитаторы могли порою ссылаться на тотъ или другой параграфъ декларации, но если бы декларация вовсе не существовала, тогда бы эти агитаторы стали бы только подробно развивать въ своихъ рѣчахъ или статьяхъ тѣ принципы, на которые они, при существованіи декларации, могли просто указывать. Да и наконецъ надо помнить, что эти принципы были уже тогда общимъ умственнымъ достояніемъ массъ. Декларация повторила еще разъ то, что уже было всѣмъ извѣстно и затвержено наизусть. Народъ желалъ только, чтобы собраніе произнесло ту мысль, которая нравится ему, народу, точно такъ же, какъ онъ желалъ потомъ, чтобы собраніе принимало участіе въ той или другой патріотической процессіи. Это пристрастіе къ знаменательнымъ штучкамъ составляетъ очень любопытную черту французскаго національнаго характера, и историкъ, безъ сомнѣнія, долженъ ее отмѣтить и принять въ соображеніе. Но это пристрастіе дѣйствуетъ, разумѣется, только на декоративную сторону событій, а не на общее ихъ направленіе, которое всегда зависитъ отъ общихъ и великихъ причинъ.

Окончивъ обсужденіе декларации, національное собраніе стало разсматривать основныя положенія будущей конституціи. На очереди стояли слѣдующіе вопросы: будутъ ли законодательная власть принадлежать одной палатѣ, или нѣсколькимъ? будетъ ли промежутки между засѣданіями законодательнаго корпуса? будетъ ли король имѣть участіе въ законодательной власти? зависитъ ли отъ короля утвердить или отвергнуть статьи той конституціи, которая вырабатывается теперешнимъ національнымъ собраніемъ? Всѣ эти вопросы, послѣ болѣе или менѣе

продолжительныхъ и упорныхъ преній, были рѣшены въ такомъ смыслѣ, что надежды Неккера пересадить на французскую землю английскую конституцію оказались совершенно несбыточными мечтами. Законодательная власть была предоставлена одному собранію выборныхъ депутатовъ. Промежутковъ между его засѣданіями не допускалось. Король долженъ былъ безусловно принять составленную конституцію. Вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти послѣдующихъ собраній былъ рѣшенъ посредствомъ компромисса между требованіями лѣвой стороны и желаніями монархистовъ. Положили, что король можетъ отерочивать предлагаемый законъ, но что онъ обязанъ утвердить его, если два слѣдующія собранія также признаютъ отсроченный законъ необходимымъ.

Пока національное собраніе разсуждало въ Версалѣ о высшихъ вопросахъ философской политики и государственнаго права, простой народъ въ Парижѣ былъ одержимъ двумя такими заботами, которыхъ, конечно, не могла устранить въ данную минуту никакая конституціонная система. Во-первыхъ, народу мерещились вездѣ заговоры аристократовъ; во-вторыхъ, хлѣбъ былъ дорогъ, и народъ былъ увѣренъ, что дороговизну производить купцы, которыхъ слѣдуетъ перевѣшать. Каждый день разыгрывались на эти двѣ неистощимыя темы самыя разнообразныя трагикомедіи; общія основы этихъ эпизодовъ тогдашней уличной жизни проникнуты глубокимъ трагизмомъ: гнетущая бѣдность народа и непобѣдимое недовѣріе его ко всему, что держитъ въ рукахъ общественную власть, лежатъ въ основаніи ежедневныхъ парижскихъ событій; развязка этихъ событій была обыкновенно ужасна, но тотъ отдѣльный поводъ, который въ одну минуту поднималъ цѣлую бурю, та народная логика, которая обнаруживалась въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ толпы, были обыкновенно нелѣпы до крайнихъ предѣловъ смѣшнаго. Не было того слуха, не было той басни, которые не подхватывались бы массою, и не облетали бы въ одну минуту цѣлые кварталы, если только этотъ слухъ и эта басня попадали въ тонъ господствующему настроенію, то есть, если они говорили о коварствѣ двора и корыстолюбіи барышниковъ, или объ ошибкахъ городского управленія. Городское управленіе съ половины іюля находилось въ рукахъ избирателей, то есть имущихъ гражданъ столицы; они назначили посредствомъ выборовъ большой контролирующій совѣтъ изъ трехъ сотъ членовъ; а этотъ совѣтъ выбралъ изъ среды себя городской совѣтъ въ шестьдесятъ членовъ, который, подъ предсѣдательствомъ выборнаго мера, сталъ заниматься текущими дѣлами управленія. Меромъ былъ сдѣланъ, какъ я уже говорилъ, президентъ національнаго собранія Бальи, человекъ пользовавшійся популярностью и уваженіемъ. Избиратели и члены городского управленія дѣйствовали заодно съ народомъ при штурмѣ Бастиліи, и вообще при

борьбѣ съ старымъ правительствомъ; но когда третье сословіе одержало рѣшительную побѣду въ собраніи, въ столицѣ и во всемъ государствѣ, когда предводители вооруженной уличной оппозиціи, въ свою очередь, сдѣлались начальствомъ, тогда между новымъ начальствомъ и народомъ тотчасъ начались неудовольствія. Начальство, какъ начальство, старалось водворить порядокъ, но, такъ какъ порядокъ, при разгоряченномъ состояніи умовъ, при застоѣ всѣхъ работъ, и при всеобщей нищетѣ, былъ рѣшительно невозможенъ, то популярность новаго начальства утратилась въ первые же дни его господства, среди бесплодныхъ попытокъ укротить народную тревогу. Пролетарій увидѣлъ съ наивнымъ изумленіемъ и съ комическимъ, или вѣрнѣе, опять таки трагикомическимъ гнѣвомъ, что побѣда третьяго сословія къ нему, пролетарію, совсѣмъ не относится, и что всякія политическія права существуютъ и имѣютъ значеніе только для людей состоятельныхъ, то есть для тѣхъ людей, которымъ при всякомъ порядкѣ вещей живется не совсѣмъ плохо. Пролетарій, несмотря на свою неразвитость, или, какъ говорятъ другіе писатели, по причинѣ своей неразвитости, смекнулъ въ одну минуту, что кромѣ родовой аристократіи есть еще аристократія денежная, и что этой послѣдней аристократіи онъ, пролетарій, доставилъ надъ первой полную побѣду, отъ которой ему, пролетарію, не досталось ничего, кромѣ горячихъ подзатыльниковъ. Избиратели третьяго сословія, одержавшіе побѣду и овладѣвшіе городской властью, находили, что это превосходно, и Бальи говорилъ: «превосходно», и Лафайетъ съ національною гвардіею говорилъ — «превосходно», но пролетарій, опять таки по своей неразвитости, совсѣмъ не могъ взять въ толкъ, что тутъ превосходнаго? Но такъ какъ начальству толковать съ пролетаріемъ было некогда, и такъ какъ, кромѣ того, не было надежды, чтобы они до чего нибудь могли дотолковаться, то городскія власти и національная гвардія, состоявшая изъ имущихъ горожанъ, въ Августѣ и въ Сентябрѣ стали дѣйствовать противъ демократической прессы и противъ уличныхъ ораторовъ, которымъ они весьма горячо сочувствовали въ Іюнѣ и въ Юлѣ, то есть тогда, когда они еще не были городскими властями и національными гвардейцами. Начальственные распоряженія городскихъ властей повели только къ тому результату, что простой народъ, проклинавшій до того времени аристократовъ и барышниковъ, сталъ проклинать еще и буржуазію, и сталъ ненавидѣть послѣднюю тѣмъ сильнѣе, что до того времени онъ считалъ ее своею естественною союзницею и будущею спасительницею. Однимъ предметомъ ненависти у пролетарія стало больше, и это обстоятельство не содѣйствовало ни къ просвѣщенію его ума, ни къ смягченію его характера.

Положеніе буржуазіи вообще, и городскихъ властей въ особенности, было затруднительно и тяжело до послѣдней степени. Буржуазія могла

ежеминутно ожидать, что народъ обратится противъ собственности съ тою же разрушительною энергіею, съ какою буржуазія обратилась противъ аристократическихъ привиллегій породы. Городскимъ властямъ приходилось еще круче: имъ надо было во что бы то ни стало, добывать для Парижа достаточное количество продовольствія; годъ былъ неурожайный; провинціи и города удерживали свои запасы хлѣба для самихъ себя; надо было покупать большія партіи хлѣба за границею, по дорогой цѣнѣ, потомъ давать бѣднякамъ деньги, чтобы имъ было на что купить себѣ хлѣба. Послѣдняя часть программы была необходима, потому что при началѣ волненій большая часть ремесленныхъ заведеній Парижа закрылась; капиталы попрятались; роскошь сдѣлалась опасною, а такъ какъ промышленность Парижа была основана преимущественно на удовлетвореніи требованіямъ аристократической роскоши, то огромное число работниковъ осталось на улицѣ, безъ хлѣба и безъ занятій. Городскія власти придумали открыть общественныя мастерскія; тысячи пролетаріевъ стали стекаться въ нихъ въ тотъ день, когда раздавалась недѣльная плата, и только сотни приходили работать. Слухи о легкихъ заработкахъ разнеслись по окрестностямъ и Парижъ сталъ наполняться тысячами пришлаго населенія, такъ что чѣмъ больше городскія власти старались объ устраненіи голода, тѣмъ труднѣе становилась ихъ задача. Средства городской казны были совершенно недостаточны для того, чтобы кормить все бѣдное населеніе Парижа; но Балли объявилъ Неккеру, что, если въ Парижѣ хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ, то изъ этого получится новая революція; стало быть, пусть Неккеръ беретъ денегъ, откуда хочетъ, и пусть прокармливаетъ этими деньгами Парижъ. Дѣлать было нечего, Неккеръ доставалъ денегъ, и одинъ миллионъ за другимъ исчезалъ въ парижевскихъ желудкахъ. Новой революціи не произошло, но спокойствіе не восстанавлилось; пролетаріи хотѣли, чтобы имъ было хорошо, а имъ все-таки было дурно, хотя городъ и государство разорялись на покупку хлѣба для ихъ продовольствія; надежда на лучшее была пробуждена и нужно было много передрыгъ для того, чтобы надежда эта опять заглохла, и все-таки она можетъ заглохнуть только на время, и періодическія пробужденія ея всегда будутъ сопровождаться страшными потрясеніями, до тѣхъ поръ, пока люди не захотятъ и не счумѣютъ осуществить ее тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ началѣ октября, народъ вообразилъ себѣ, что дороговизна прекратится, и что всѣ его дѣла пойдутъ превосходно, если онъ убѣдитъ или заставитъ короля и національное собраніе переѣхать изъ Версаля въ Парижъ; какими соображеніями руководствовался тутъ самъ народъ, этого отгадать невозможно, потому что у него была своя собственная логика; но тѣ люди, которые натолкнули народъ на эту идею, имѣли свои причины желать присутствія короля въ Парижѣ. Городское управ-

*

леніе съ наслажденіемъ думало о королевскихъ суммахъ (liste civile), которыя король, послѣ прїѣзда въ Парижъ поневолѣ долженъ будетъ отдавать на продовольствіе города, для поддержанія спокойствія. Лафайетъ понималъ, что начальникъ парижской національной гвардіи будетъ господствовать надъ королемъ и надъ собраніемъ. Герцогъ Орлеанскій, котораго кліенты интриговали во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія, хотѣлъ, посредствомъ популярности, добыть себѣ регентство, а со временемъ, можетъ быть, и корону; ему не хотѣлось, чтобы король прїѣхалъ въ Парижъ, но онъ желалъ, чтобы народъ, отправившись за королемъ въ Версаль, заставилъ его бѣжать оттуда куда нибудь дальше; его бы не огорчило также то обстоятельство, если бы король и дофинъ погибли въ мятежѣ. Словомъ, съ разныхъ сторонъ и по разнымъ причинамъ обнаруживалось въ различныхъ коноводахъ желаніе натравить народъ на Версаль, а народъ, по своему обыкновенію, разыгралъ роль увѣснстаго орудія. 5-го октября совершилось нашествіе народа на королевскую резиденцію, а 6-го, короля и его семейство привезли въ Парижъ. Я говорю, что его привезли, потому что тутъ о свободномъ актѣ воли его не могло быть и рѣчи. Съ минуты своего отъѣзда изъ Версаля, до самой своей смерти, Людовикъ XVI постоянно находился въ плѣну и въ опасности. 19 октября національное собраніе также переѣхало въ Парижъ.

XI.

Ни побѣда третьяго сословія въ національномъ собраніи, ни волненія пролетаріевъ въ Парижѣ, ни возстанія крестьянъ во всѣхъ провинціяхъ государства не могли содѣйствовать поправленію финансовъ. Бѣдность французскаго народа и, вслѣдствіе этого, бѣдность государства, примымъ или косвеннымъ образомъ, составляетъ основу всѣхъ трагическихъ событій французской революціи. Непосредственная нужда въ денежныхъ средствахъ, нужда, не терпящая отлагательства, постоянно увлекала всѣ различныя министерства и законодательныя собранія революціонной эпохи въ такія финансовыя и политическія мѣры, которыя немедленно вели за собою безчисленныя затрудненія и complicаціи. Уничтоженіе феодальныхъ повинностей и эмансипація всѣхъ различныхъ отраслей труда непременно должны были со временемъ удвоить и утроить массу народнаго богатства, но послѣдствія этихъ преобразованій могли обозначиться не раньше, какъ черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, а между тѣмъ пролетарію хотѣлось ѣсть сегодня, а правительству необходимы были деньги на текущіе расходы; надо было дѣйствовать такъ или иначе, чтобы выпутываться изъ ежедневныхъ затрудненій.

10 октября епископъ отенскій, знаменитый Талейранъ, предложилъ въ національномъ собраніи воспользоваться церковными имуществами для потребностей государства. 12 октября Мирабо предложилъ объявить церковныя имущества собственностью націи. 2 ноября національное собраніе приняло предложеніе Мирабо. Отбирая въ свою пользу имѣнія духовенства, государство, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало на себя обязанность оплачивать расходы богослуженія и выдавать жалованье священникамъ. Вся эта операція казалась чрезвычайно выгодною по слѣдующему разсчету: имѣнія духовенства приносили ему до 70 милліоновъ годоваго дохода, а доходъ съ поземельной собственности въ то время равнялся обыкновенно во Франціи одной тридцать-третьей части продажной цѣны; слѣдовательно, помножая 70 на 33, мы получаемъ цифру 2310, и такимъ образомъ оказывается, что продажею церковныхъ имуществъ можно выручить сумму въ 2310 милліоновъ. Эту сумму слѣдуетъ употребить на выкупъ шести-процентныхъ и семи-процентныхъ государственныхъ бумагъ; когда этотъ выкупъ будетъ произведенъ, тогда государство освободится отъ 150 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; если изъ этихъ, остающихся въ экономіи, 150 милліоновъ государство будетъ употреблять на содержаніе церкви даже 100 милліоновъ, то все-таки государство будетъ имѣть каждый годъ 50 милліоновъ чистаго барыша.

Цифры были заманчивы, но расчетъ былъ невѣренъ въ основаніи. Во-первыхъ, въ общую сумму доходовъ, равняющуюся 70 милліонамъ, входили доходы съ имѣній мальтійскаго ордена, и съ имуществъ, принадлежавшихъ школамъ и госпиталямъ; за исключеніемъ этихъ имѣній и имуществъ, которыя, по мнѣнію всего собранія, должны были оставаться неприкосновенными, церковныя имущества давали не 70, а 50 милліоновъ дохода. Во-вторыхъ, не всѣ церковныя имущества состояли въ поземельныхъ владѣніяхъ; у духовенства было много городскихъ домовъ, государственныхъ бумагъ и частныхъ долговыхъ обязательствъ; всѣ эти предметы не могли принести при продажѣ сумму, равняющуюся тридцати тремъ годовымъ доходамъ. Кромѣ того продажа огромныхъ поземельныхъ владѣній неизбѣжно должна была понизить цѣну на земли, потому предложеніе непременно оказалось бы сильнѣе запроса. Стало быть, даже для земель духовенства нельзя было рассчитывать на ту продажную цѣну, которая въ то время давалась во Франціи при нормальныхъ условіяхъ продажи. На основаніи этихъ соображеній, надо было вмѣсто цифры 33 поставить цифру 25, а такъ какъ и другой множитель 70 понизился до 50, то и произведеніе окажется не 2310, а всего только 1250. Получивши такимъ образомъ отъ продажи церковныхъ имуществъ 1150 милліоновъ, можно было освободить государство только отъ 60 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; стало быть, чтобы получить отъ всей этой колоссальной операціи барышъ, надо было устроить такъ, чтобы содержа-

не церкви стояло въ годъ меньше 80 милліоновъ. Но устроить это, не измѣняя внутреннихъ учрежденій церковнаго управленія, было невозможно. Крайняя лѣвая сторона собранія и радикалы въ обществѣ и въ народѣ, радовались этой необходимости внести волю націи въ церковныя учрежденія. Но легко можно было предвидѣть, что столкновение законодательной власти съ древними статутами католической церкви приведетъ въ волненіе всѣ клерикальные инстинкты страны. Инстинкты эти не были достаточно сильны для того, чтобы одержать перевѣсъ надъ революціоннымъ движеніемъ, но, при крайней необразованности сельскаго населенія, они легко могли выразиться въ противуреволуціонныхъ возстаніяхъ, могли положить основаніе междоусобной войнѣ и послужить современемъ исходною точкою для будущей католической реакціи.

Надъ подобною перспективою государственные люди учредительнаго собранія могли бы задуматься, если бы вообще они имѣли возможность сдѣлать свободный выборъ; но именно свободнаго-то выбора у нихъ и не было; оставить государство безъ денегъ было невозможно; стало быть, надо было продавать церковныя имущества и утѣшать себя тѣмъ, что утро вечера мудренѣе, и что, когда представится затрудненіе, тогда можно будетъ придумать какую нибудь спасительную мѣру.

Поддѣрживая 12 октября свое предложеніе о церковныхъ имуществвахъ, Мирабо дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ особенныхъ расчетовъ, которыми онъ до поры до времени не считалъ нужнымъ дѣлиться съ остальными членами учредительнаго собранія. Онъ въ это время находился въ сношеніяхъ съ дворомъ, получалъ отъ него деньги, старался усилить правительство и имѣлъ въ виду стать во главѣ министерства, или, покрайней мѣрѣ, сдѣлаться его руководителемъ. Много и часто было говорено о томъ, что Мирабо продалъ свои убѣжденія, и измѣнилъ народному дѣлу; если негодующіе противъ него историки имѣютъ въ виду его личный характеръ, то я, конечно, не стану его оправдывать, и даже не возьму на себя труда объяснять его поступки, потому что мнѣ въ этой статьѣ до отдѣльныхъ личностей нѣтъ никакого дѣла. Принимая деньги отъ двора, Мирабо поступалъ, во всякомъ случаѣ, какъ взяточникъ, причемъ, конечно, величина взятки соотвѣтствовала силѣ его ораторскаго таланта и могуществу его популярности. Но о продажѣ убѣжденій и объ измѣнѣ народному дѣлу здѣсь не можетъ быть и рѣчи: Мирабо съ начала до конца своей дѣятельности оставался вѣренъ себѣ; онъ никогда не поворачивалъ назадъ, а онъ просто, дойдя до извѣстной точки, сказалъ, что дальше идти не слѣдуетъ; сказалъ не потому, что былъ подкупленъ, а потому что всегда считалъ эту извѣстную точку тѣмъ предѣломъ, на которомъ должно остановиться.

Этотъ фактъ важенъ и любопытенъ для насъ потому, что Мирабо является самымъ даровитымъ представителемъ и самымъ крупнымъ во-

площениемъ тѣхъ идей и стремленій, которыя, выдвинувшись впередъ въ самомъ началѣ революціи, скоро должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе яркимъ и рѣзко обозначеннымъ направленіямъ. Политическая программа Мирабо осталась невыполненною не потому, что его личность перестала пользоваться довѣріемъ честныхъ гражданъ, а потому что требованія партій и массъ, еще неутомленныхъ революціонною борьбою, были въ то время безпредѣльно широки; ихъ не могла ни примирить, ни удовлетворить никакая отдѣльная система. Въ перепискѣ своей съ графомъ Ламаркомъ, довѣреннымъ лицомъ королевы, Мирабо развиваетъ свои политическія убѣжденія, стараясь доказать королю и его приближеннымъ, что, только дѣйствуя сообразно съ этими убѣжденіями, можно спасти государство отъ окончательной катастрофы. Въ этихъ письмахъ, посредствомъ которыхъ Мирабо велъ свои переговоры съ дворомъ, очевидно должно было бы выразиться съ полною рельефностью отступничество Мирабо отъ интересовъ народа, если бы только это отступничество вообще когда-нибудь существовало. Но Мирабо разсуждаетъ здѣсь о государственныхъ дѣлахъ такъ, какъ разсуждалъ о нихъ всегда и вездѣ. Онъ конституціонную монархію считаетъ лучшею изъ всѣхъ извѣстныхъ политическихъ системъ, причѣмъ онъ однако придаетъ особенную важность не внѣшнимъ формамъ управленія, а тѣмъ основнымъ началамъ, которыхъ держится правительство въ своихъ отношеніяхъ къ народной жизни; онъ хочетъ, чтобы не было частныхъ привилегій, чтобы трудъ оставался свободнымъ отъ помѣщичьяго и цеховаго гнета, чтобы капиталъ былъ освобожденъ отъ монополіи столичной биржи, чтобы судопроизводство не находилось въ зависимости отъ землевладѣльцевъ и отъ парламентскихъ фамилій, чтобы государственные финансы не разстроивались придворными прихотями, чтобы національное единство не ослаблялось внутренними таможенными и провинціальными привилегіями. Словомъ, онъ хочетъ, чтобы правительство было сильно и популярно, то есть, чтобы оно пользовалось своею силою только для народнаго блага; для этого онъ находитъ необходимымъ, чтобы король былъ независимъ отъ фантазій парижскаго пролетаріата, но чтобы онъ дѣйствовалъ постоянно и добросовѣстно, заодно съ національнымъ собраніемъ, и чтобы онъ былъ связанъ съ этимъ собраніемъ самымъ неразрывнымъ союзомъ. Фактическую возможность такого союза Мирабо видитъ въ томъ, что совѣтниками короны должны быть постоянно самыя вліятельныя предводители парламентскаго большинства. Такъ какъ Мирабо никогда не стремился къ республикѣ, и такъ какъ онъ всегда пользовался волненіями пролетаріата только какъ орудіемъ противъ феодальной оппозиціи, то въ письмахъ своихъ къ графу Ламарку онъ остается совершенно вѣренъ политическимъ идеямъ всей жизни.

Чтобы привести эти идеи къ осуществленію, ему, дѣйствительно, не-

обходимо было быть министромъ. Задача, которую онъ себѣ ставилъ, въ то время была не исполнима даже для него, но уже всякому другому человѣку за нее нечего было и браться. Чтобы заранѣе избавить свое будущее министерство отъ гнетущаго безденежья, Мирабо, пустилъ въ ходъ предложеніе о церковныхъ имуществахъ. Какъ только предложеніе это было принято, такъ Мирабо тотчасъ двинулъ впередъ рядъ новыхъ проэктовъ. Онъ предложилъ обезпечить спокойствіе Парижа закупкою большихъ запасовъ хлѣба, поручить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому вѣдомству, независимому отъ министерства финансовъ, дозволить этому вѣдомству пустить въ обращеніе кредитные билеты, обезпеченные церковными имуществами, и, наконецъ, предоставить министрамъ короля совѣщательный голосъ въ національномъ собраніи. Последнее предложеніе, которое Мирабо дѣлалъ уже одинъ разъ въ концѣ Сентября, прямо клонилось къ министерской кандидатурѣ самаго оратора. Но въ собраніи господствовало такое настроеніе отдѣльныхъ партій, при которомъ составленіе сильнаго министерства было совершенно невозможно. Можетъ быть, такое министерство было бы чрезвычайно благодѣтельно для Франціи, если бы оно составилось и начало дѣйствовать, но вся бѣда заключалась въ томъ, что оно не могло, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, ни составиться, ни удержаться. Оппозиція противъ правительства была безконечно сильна и въ національномъ собраніи, и на улицахъ, и въ провинціяхъ; въ оппозиціи собранія соединялись самые разнородные элементы, которые только въ оппозиціи и могли соединиться между собою, потому что всѣ были недовольны настоящимъ, и, между тѣмъ, всѣ хотѣли совершенно различныхъ вещей въ будущемъ. Республиканцы крайней лѣвой стороны и аристократы крайней правой стороны сходились между собою на томъ пунктѣ, что Мирабо не долженъ быть министромъ; и тѣ и другіе хотѣли, чтобы правительство было слабо, потому что и тѣ и другіе хотѣли произвести переворотъ въ свою пользу, а между тѣмъ въ то время еще ни тѣ, ни другіе не были въ силахъ образовать правительство изъ самихъ себя. Что же касается до умѣренныхъ членовъ собранія, то между ними господствовало личное вліяніе Неккера и Лафайета, которые видѣли въ Мирабо опаснаго соперника, способнаго отнять у нихъ могущество, и затмить ихъ популярность.

Изъ всѣхъ этихъ немногочисленныхъ партій и кружковъ составлялось въ общей сложности огромное большинство, и собраніе отвѣчало на предложеніе Мирабо такимъ объявленіемъ, которое попало не въ бровь, а въ глазъ; оно объявило 7 ноября, что ни одинъ депутатъ не можетъ быть членомъ министерства. Весь политическій планъ Мирабо разрушился окончательно; остались только предложенія его насчетъ церковныхъ имуществъ и насчетъ покупки хлѣба для Парижа; и то, и другое было не-

обходимо во всякомъ случаѣ, и не зависѣло ни отъ какихъ политическихъ комбинацій. Въ теченіи всей зимы, съ 1789 на 1790 годъ, различные комитеты учредительнаго собранія изучали во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ. 19 Декабря собраніе рѣшило, что слѣдуетъ, на первый разъ, продать изъ нихъ на сумму 400 милліоновъ. 6 февраля, выслушавъ докладъ своего комитета, собраніе рѣшило, что, прежде всего, должно упразднить монастыри и продать ихъ земли. По этому случаю было произнесено насчетъ монашества много непочтительныхъ рѣчей, въ которыхъ присутствовавшіе аббаты и епископы съ ужасомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ усмотрѣли духъ Дидро и Вольтера. Епископъ нансійскій заблагодарилъ даже спросить, продолжаетъ ли католическое вѣроисповѣданіе считаться государственною религіею Франціи. Собраніе оставило этотъ язвительный вопросъ безъ отвѣта и настояло на упраздненіи монастырей. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы всѣ епископы и аббаты, сидѣвшіе въ собраніи, были подвержены приливамъ ужаса и сердечнаго сокрушенія. Въ числѣ епископовъ былъ Талейранъ, котораго ничто не сокрушало и не ужасало, и которому принадлежала даже инициатива въ дѣлѣ церковныхъ имуществъ; а въ числѣ аббатовъ сидѣли Сійесь, сдѣлавшій первый рѣшительный шагъ въ борьбѣ третьяго сословія съ привилегированными классами, и Грегуаръ, не уступившій въ радикализмъ своему другу, Робеспьеру.

Тлетворный духъ времени проникалъ такимъ образомъ даже въ ряды того сословія, которое было связано съ средневѣковымъ прошедшимъ всѣми своими воспоминаніями и всѣми интересами своего могущества. Стонали католическіе пастыри, сохранившіе чистоту сердца, содрогались великія тѣни Григорія VII, Иннокентія III, и Игнатія Лойолы, а монастырскія помѣстья все-таки пошли въ продажу, и пошли тѣмъ скорѣе, что въ дѣло вмѣшался парижскій городской совѣтъ, которому забота о насущномъ хлѣбѣ, по очень понятнымъ причинамъ, не оставляла ни минуты покоя. Балъи постоянно убѣждалъ Неккера однимъ и тѣмъ же разсужденіемъ, которое отъ повторенія не становилось избитымъ, и не теряло своей силы. — Если, говорилъ онъ, пролетаріямъ нечего будетъ ѣсть, они все поставятъ вверхъ дномъ; не хотите революціи, такъ давайте денегъ. — Въ первые два зимніе мѣсяца, у Неккера забрали на покупку хлѣба 17 милліоновъ, да, кромѣ того, на общественныя мастерскія ушло по 360,000 ливровъ въ мѣсяцъ. Для Парижа не было ничего завѣтнаго; со времени приѣзда короля, на продовольствіе столицы тратились и королевскія суммы, и все это поѣдалось съ восхитительною быстротою.

Когда въ національномъ собраніи покончилось дѣло о монастыряхъ, тогда городской совѣтъ рѣшился отломить для своихъ питомцевъ кусокъ предстоящей добычи. 10 марта Балъи явился къ рѣшеткѣ національнаго

собрания, изобразилъ бѣдственное состояніе государственнаго кредита, выразилъ необходимость поскорѣе продать церковныя помѣстья, и объявилъ собранію, что парижская коммуна готова взять на себя продажу своихъ монастырскихъ имуществъ, оцѣненныхъ въ 150 милліоновъ стѣмъ, чтобы ей за хлопоты уступили четвертую часть тѣхъ денегъ, которыя будутъ выручены. А за это, прибавилъ Бальи, городъ выстроитъ собранію прекрасный дворецъ *). Какъ ни оригинально то обстоятельство, что одно общественное учрежденіе публично предлагаетъ другому такому же учрежденію магарычъ, и какъ ни соблазнительна была для собранія, засѣдавшаго въ манежѣ, перспектива имѣть собственный «прекрасный дворецъ», однако представители націи устояли противъ искушеній лукаваго Бальи, и нашли, что заплатить за комиссію почти 40 милліоновъ будетъ чрезчуръ роскошно. Бальи смягчился, просилъ 16 милліоновъ. Собраніе согласилось.

Этотъ эпизодъ изображаетъ очень картинно то безвыходное отчаяніе, въ которое постоянное безденежье погружало всѣ общественныя вѣдомства. Понятно, что наивныя слова Бальи о прекрасномъ дворцѣ были просто судорожнымъ усиліемъ утопающаго схватиться за соломинку. Несчастнаго старика затормошили съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ меромъ. Городской совѣтъ дѣлалъ ему замѣчанія, большой контролирующей совѣтъ прислалъ ему выговоры; въ каждомъ парижскомъ кварталѣ былъ свой совѣтъ, который о дѣйствіяхъ мера отзывался неодобрительно; и всѣ требовали денегъ, и всѣмъ деньги были дѣйствительно необходимы, а Бальи, узнавъ это, сообщалъ свое знаніе Неккеру, и обонимъ имъ приходилось отчаяваться. Тутъ поневолѣ договорились до прекраснаго дворца.

17-го марта собраніе положило поручить продажу монастырскихъ имѣній городскимъ общинамъ королевства, и предоставить послѣднимъ опредѣленную долю чистой выручки. Затѣмъ опредѣлено было выпустить 400 милліоновъ ассигнацій, присвоить имъ внутри государства курсъ наравнѣ съ звонкою монетою, и потомъ принять ихъ обратно въ казну, какъ уплату отъ покупателейъ монастырскихъ имуществъ. Въ это самое время, комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ собранію докладъ, который окончательно озадачилъ все благочестивое духовенство. По проекту комитета, духовенство устранялось отъ управленія церковными имуществами, и управленіе передавалось свѣтскимъ вѣдомствамъ. Нація принимала на себя долги духовенства, доходившіе до 149 милліоновъ, и обязывалась выдавать на содержаніе церкви 133 милліона, вмѣсто прежнихъ 170, составлявшихся изъ десятинной подати и изъ доходовъ. Но такъ какъ и эта сумма, по мнѣнію нечестиваго комитета, была слишкомъ велика, то предлагалось дать церкви на будущее время со-

*) Sybel. Geschichte der Revolutions Zeit. Band I, s. 140.

вершено новое устройство, при которомъ она ежегодно обходилась бы государству въ 65 милліоновъ. Съ 170 милліоновъ перейти на 65 для всѣхъ благочестивыхъ людей было чрезвычайно обидно, и потому намъ совершенно понятны тѣ крики негодованія, которыми истинные столпы католичества встрѣтили мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи. Но собраніе не обратило вниманія на жалобы изнывающихъ пастырей и очень серьезно стало разсматривать и обсуживать проектъ комитета.

ХІІ.

Въ ту самую зиму, въ которую національное собраніе завоевало въ пользу націи церковныя имуществва, оно также положило основаніе новому административному раздѣленію и устройству французской территоріи. Старое историческое раздѣленіе на провинціи было отмѣнено, и вся Франція распалась на 83 департамента, которые подраздѣлялись на 574 округа, и 4730 кантоновъ. На всемъ пространствѣ французскаго королевства существовало въ то время около 44000 городскихъ и сельскихъ общинъ, которыя всѣ получили новое устройство по одному общему образцу. Каждая община должна была управляться выборнымъ совѣтомъ, и всѣ должности въ общинѣ должны были замѣщаться по непосредственнымъ выборамъ гражданъ, безо всякаго вмѣшательства или вліянія сверху. Округомъ управлялъ совѣтъ изъ 12 лицъ, а департаментомъ совѣтъ изъ 36 лицъ. Члены того и другаго совѣта выбирались на два года коллегіями избирателей, составлявшимися по непосредственнымъ выборамъ гражданъ каждаго отдѣльнаго кантона. Департаментскій совѣтъ раскладывалъ подати по округамъ и общинамъ, наблюдалъ за исправностью сбора, и препровождалъ собранныя суммы въ государственную казну. Онъ завѣдывалъ мѣстными путями сообщенія, и заботился о полицейскомъ благочиніи. Въ его распоряженіи находились департаментскія суммы; ему довѣренъ былъ надзоръ за общепольными учрежденіями, и ему принадлежало также начальство надъ мѣстнымъ отрядомъ жандармовъ. Округной совѣтъ подчинялся департаментскому, и завѣдывалъ тѣми мѣстными подробностями администраціи, въ которыя неудобно было вникать департаментскому начальству. Впрочемъ, окружные совѣты съ самаго своего происхожденія на свѣтъ считались совершенно излишнею инстанціею, которая только замедляла теченіе дѣлъ, не принося въ замѣтъ этого неудобства никакой осязательной пользы. Всѣ должностныя лица въ департаментѣ, въ округѣ и въ общинѣ, только по приговору суда могли быть отрѣшены отъ должности до истеченія того срока, на которой они были выбраны. Они были обязаны исполнять законныя приказанія короли, но король собственною властью

не могъ ни награждать, ни наказывать ихъ. Если какое нибудь изъ этихъ мѣстныхъ вѣдомствъ совершало противузаконный поступокъ, или обнаруживало небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, то вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли распустить это вѣдомство и предать его членовъ суду, разрѣшался въ національномъ собраніи. Королю представлялось впрочемъ право приостановить дѣятельность провинившагося вѣдомства на то время, пока національное собраніе будетъ разсматривать вопросъ о его виновности. Вся система была, какъ мы видимъ, основана на всеобщемъ приложеніи выборнаго начала. Въ выборахъ участвовали отъ 4 до 9 милліоновъ гражданъ, называвшихся полноправными или активными; они должны были быть совершеннолѣтними, должны были прожить по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ томъ округѣ, въ которомъ они подавали голосъ, и, наконецъ, должны были вносить сумму подати, равную поденной платѣ трехъ дней. Эти активные граждане не выбирали прямо депутатовъ національнаго собранія, а назначали посредствомъ выборовъ коллегіи избирателей, которыя выбирали какъ депутатовъ, такъ и членовъ департаментскихъ окружныхъ совѣтовъ. Чтобы быть избирателемъ, требовалось имѣть въ собственности или въ пользованіи землю, которая бы равнялась въ богатыхъ провинціяхъ цѣнѣ четырехсотъ, въ среднихъ — двухсотъ, а въ бѣдныхъ — ста пятидесяти рабочихъ дней. Депутатомъ могъ быть человекъ, не имѣющій никакой собственности.

Мнѣніе мое о томъ, что *декларация правъ человека и гражданина* не имѣла въ себѣ той разрушительной силы, которую приписываютъ ей Зибель и Шлоссеръ, находитъ себѣ довольно сильное подтвержденіе въ этомъ бѣгомъ очеркѣ выборной системы, установленной національнымъ собраніемъ. То самое собраніе, которое съ величайшимъ воодушевленіемъ пустило въ свѣтъ декларацию, отклонилось отъ основныхъ принциповъ этой декларации на первомъ же шагѣ своей законодательной дѣятельности. Декларация, составляющая введеніе въ конституцію, говорить, что всѣ граждане равны, а первыя страницы конституціи противорѣчатъ введенію, и говорятъ, что есть граждане активные и граждане пассивные, и что различіе между тѣми и другими основывается на различіи имущества. Потомъ оказывается, что есть избиратели и неизбиратели, которые опять таки различаются между собою по имуществу. Если сами творцы декларации такъ развязно уклоняются въ сторону отъ своего политическаго исповѣданія вѣры, то очевидно это исповѣданіе не имѣетъ въ себѣ такой чудодѣйственной силы, которая сама по себѣ могла бы покорять себѣ умы и направлять ихъ къ разрушенію красивыхъ политическихъ системъ.

Низшіе классы, не смотря на декларацию, увидѣли себя въ числѣ пассивныхъ гражданъ; тогда они нашли себѣ предводителей, и обнару-

жили вскорѣ очень значительную степень активности. Печать оставалась совершенно свободною; — національная гвардія срывала иногда со стѣн плакарды, а парижскій городской совѣтъ требовалъ иногда, чтобы каждый печатный листокъ выставлялъ имя отвѣтственнаго издателя, но подобныя распоряженія были совершенно случайны и произвольны, всегда вызвали противъ себя сильный отпоръ, и никогда не достигали своей общей цѣли, то есть, не могли ни запугать радикальныхъ писателей, ни ослабить ихъ вліянія на массу пролетаріата. Право ассоціаціи также не было ограничено никакимъ закономъ, и пассивные граждане, которымъ отказано было въ голосѣ на выборахъ, приобрѣли себѣ, благодаря праву ассоціаціи и указаніямъ радикальной прессы, такую организацію, которая въ скоромъ времени сдѣлалась сильнѣе всѣхъ официальныхъ властей государства.

При самомъ началѣ засѣданій національнаго собранія, нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны образовали клубъ, называвшійся бретанскимъ, и собиравшійся въ Пуасси. Сначала въ этотъ клубъ принимались только депутаты, а потомъ, когда собраніе, вслѣдъ за королемъ, переѣхало въ Парижъ, въ клубъ стали допускать всѣхъ людей подходящаго образа мыслей. Засѣданія клуба стали происходить въ якобинскомъ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ члены этого общества стали называться якобинцами. Число ихъ разрослось очень быстро, весною 1791 года ихъ было уже 1800 человекъ въ одномъ Парижѣ: во всѣхъ провинціяхъ сформировались якобинскіе клубы, находившіеся въ постоянной перепискѣ между собою и съ центральнымъ парижскимъ обществомъ. Въ концѣ 1790 года, всѣхъ якобинскихъ клубовъ во Франціи было до двухсотъ, и нѣкоторые изъ нихъ считали въ себѣ болѣе 1000 членовъ; конечно, очень многіе изъ этихъ членовъ не были ни фанатиками, ни демагогами; многіе записывались въ клубъ изъ подражанія другимъ, а впоследствии для того, чтобы оградить себя отъ подозрѣній въ недостаткѣ патриотизма, но ядро cadaго клуба состояло изъ горячихъ демократовъ, слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за парижскими событіями, и готовыхъ, по первому сигналу со стороны вождей центрального общества, произвести народное движеніе въ своемъ городѣ или въ своей провинціи. Эти ревностные якобинцы находились въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ массами пассивныхъ и вообще бѣднѣйшихъ гражданъ, которые вполне вѣрили этимъ вождямъ, и легко поднимались на ноги при первомъ востребованіи.

Когда на всю Францію раскинулась такимъ образомъ сѣть демократическихъ обществъ, проповѣдывавшихъ съ неукротимымъ жаромъ истребительную войну противъ королевской власти, противъ аристократовъ, противъ духовенства, противъ капиталистовъ, словомъ, противъ всего, что стояло выше пролетарія, когда въ каждой провинціи голод-

ная масса нашла себѣ коноводовъ, неразрывно связанныхъ съ нею и между собою единствомъ надеждъ и стремленій, тогда пассивные граждане сдѣлались неизмѣримо сильнѣе активныхъ.

Но здѣсь я опять долженъ повторить ту мысль, которая не разъ находила себѣ приложеніе въ предъидущихъ главахъ моей статьи. Не отдѣльныя единицы и не частныя явленія создаютъ общія положенія, а на оборотъ общія положенія сообщаютъ единицамъ и явленіямъ всю ихъ силу и весь ихъ смыслъ. Не клубы, не рѣчи ораторовъ, не газеты Демулена и Марата производили въ низшихъ слояхъ французскаго общества неумолимое озлобленіе, а напротивъ, существовавшее озлобленіе порождало и поддерживало и клубы, и яростныя рѣчи, и неистовыя газеты. Вожди и агитаторы давали существующей силѣ организацію и единство общаго направленія, но эта сила существовала совершенно независимо отъ нихъ, и часто толкала ихъ впередъ, тогда, когда они считали удобнымъ приостановиться. Ораторы и журналисты могли разрабатывать въ отдѣльныхъ приложеніяхъ общіе мотивы народнаго настроенія, но чуть только они пробовали уклониться отъ этихъ мотивовъ, — тотчасъ масса кричала имъ, что они измѣнники, и что ихъ немедленно потащатъ къ фонарному столбу. Исторія революціи переполнена трагическими эпизодами, въ которыхъ вчерашній любимецъ массы погибаетъ сегодня отъ рукъ этой массы, въ ту самую минуту, когда онъ, полагаясь на свою популярность, пробуетъ внести въ движеніе свои личные взгляды, несовмѣстныя съ общими стремленіями его недавнихъ восторженныхъ обожателей. Такъ погибли Жирондисты, но, чтобы не забѣгать впередъ, я приведу въ примѣръ Мирабо, который въ 1789 году казался французскому народу воплощеніемъ революціи, и котораго жизнь была однако въ опасности въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ того какъ онъ совѣтовалъ въ національномъ собраніи предоставить королю право безусловно отвергать проекты законовъ. Самая исторія парижскаго Якобинскаго клуба показываетъ, что не клубъ распалялъ страсти народа, а на оборотъ распаленное состояніе народныхъ страстей находило себѣ въ клубѣ одно изъ своихъ проявленій. Въ началѣ существованія Якобинскаго клуба, въ немъ господствовали своимъ краспорѣчіемъ жирондисты, поэты и романтики революціи, мечтавшіе объ античныхъ республиканскихъ добродѣтеляхъ, чувствовавшіе глубокое отвращеніе къ тѣмъ коммунистическимъ стремленіямъ, которые шевелились въ голодной толпѣ людей безъ панталонъ (*sans culottes*). Если бы можно было предположить, что раздраженіе массъ производится рѣчами ораторовъ и статьями журналистовъ, то надо было бы ожидать, что жирондисты, какъ люди превосходно владѣвшіе словомъ и перомъ, навсегда сохраняютъ за собою господство въ клубѣ, въ столицѣ и во Франціи; надо было бы ожидать, что они обратятъ пролетарія къ добру

и къ красотѣ, и наложить на всю общественную жизнь печать своего эстетическаго вліянія. На повѣрку же оказывается, напротивъ того, что реальный элементъ безпанталонности выгнать въ очень короткое время поэзію античной добродѣтели изъ клуба, изъ столицы и изъ Франціи. Стало быть, мы видимъ, что окружающіе элементы передѣлали на свой образецъ Якобинскій клубъ; слѣдовательно, дѣйствующая сила лежала и лежитъ всегда и вездѣ—не въ единицахъ, не въ кружкахъ, не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ общихъ, и преимущественно, въ экономическихъ условіяхъ существованія народныхъ массъ.

Покончивъ съ пассивными и активными гражданами, я могу сказать нѣсколько словъ о судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ для Франціи національнымъ собраніемъ, въ теченіи зимы 1789 года.

Господскіе суды, королевскіе трибуналы, парламенты, вообще всѣ судебныя учрежденія старой монархіи были уничтожены; послѣ іюльскихъ дней 1789 года, и послѣ ночнаго засѣданія съ 4 на 5 августа, эти учрежденія, тѣсно связанныя съ общимъ строемъ феодальнаго государства, потеряли всю свою силу, но, такъ какъ національное собраніе успѣло создать новую систему судоустройства и судопроизводства только въ октябрѣ 1790 года, то Франція больше года оставалась фактически безъ судовъ, и это обстоятельство, конечно, не могло содѣйствовать водворенію спокойствія и законности. Уничтоженіе парламентовъ и введеніе новыхъ, судовъ обременили государство новыми, значительными расходами и увеличили сумму государственнаго долга. Такъ какъ мѣста въ парламентахъ были проданы старою монархіею въ вѣчное и потомственное владѣніе, то, уничтожая парламенты, надо было выкупить эти мѣста, и сумма, которую приходилось уплатить по расчету парламентскимъ совѣтникамъ и владѣльцамъ наслѣдственныхъ мѣстъ въ другихъ судахъ, доходила до 350 милліоновъ. Кромѣ того, новые суды, по самой умѣренной смѣтѣ, должны были стоить дороже старыхъ; парламентскій совѣтникъ удовлетворялся очень незначительнымъ жалованьемъ, потому что онъ имѣлъ въ виду, во-первыхъ, наслѣдственность своей должности, во-вторыхъ, ея политическое вліяніе, и, въ третьихъ, тѣ значительныя суммы денегъ, которыя, по средневѣковымъ обычаямъ и законамъ, взымались въ пользу судей съ тяжущихся сторонъ. Новый судья не долженъ былъ пользоваться ни одною изъ этихъ трехъ выгодъ; слѣдовательно, за всѣ эти выгоды его надо было вознаграждать жалованьемъ; поэтому уничтоженіе старыхъ судовъ и устройство новыхъ прибавляло по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ къ суммѣ ежегодныхъ государственныхъ расходовъ.

Необходимость правосудія для развитія народнаго благосостоянія такъ очевидна и такъ значительна, что за полезную реформу въ судеб-

ныхъ учрежденійхъ можно, не колеблясь, платить ежегодно болѣе 20 милліоновъ; эти деньги не пропадаютъ, и соблюдать экономію въ ущербъ правосудію было бы, во всякомъ случаѣ, не позволительно и не расчетливо. Но любопытно замѣтить, что въ тогдашней Франціи всѣ отрасли общественной жизни требовали радикальныхъ реформъ, а всѣ реформы требовали затраты денегъ, и чѣмъ радикальнѣе и полезнѣе были реформы, чѣмъ больше онѣ могли обогатить государство въ будущемъ, тѣмъ дороже онѣ обходились въ настоящемъ. И всѣ онѣ скопились къ одному времени, такъ что не законодатели управляли ходомъ преобразованій, а напротивъ, общее положеніе дѣлъ увлекало за собою и постоянно насилывало волю законодателей. Старина падала отъ своей собственной ветхости, и падала разомъ повсемѣстно, не дожидаясь того, чтобы ее отмѣнили декретомъ, и не спрашивая о томъ, есть ли чѣмъ замѣнить ее. Но, такъ или иначе, замѣнять чѣмъ нибудь разрушившееся учрежденіе было необходимо, а на это требовались деньги, а средства государства были забраны впередъ и истрочены правительствами прежнихъ столѣтій, тѣми правительствами, которыя продавали общественныя должности, и оставили потомству въ знакъ памяти безсильную администрацію, слѣбую аристократію, развращенный судъ, неплатный государственный долгъ, и озлобленіе массъ, заглушающее въ нихъ всякое пониманіе своихъ собственныхъ выгодъ. Тѣ представительныя собранія, которымъ доброе старое время завѣщало такое роковое наслѣдство, находились въ самомъ трагическомъ положеніи. Дорога легальности и осторожной послѣдовательности въ пересмотрѣ и въ обновленіи отдѣльныхъ частей государственнаго механизма была имъ отрѣзана. Легальность была невозможна отчасти потому, что оппозиція привилегированныхъ классовъ уступала только дѣйствию силы, отчасти потому, что долги государства превышали его средства, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда дѣйствовали революціонныя собранія. Осторожная послѣдовательность была невозможна потому, что вся старина обрушивалась разомъ, такъ что надо было все отмѣнять и все создавать заново. Между тѣмъ, каждое нарушеніе легальности заключало въ себѣ зародышъ будущей борьбы, и необходимыхъ насилій; каждое отступленіе отъ осторожности и послѣдовательности вело къ ошибкамъ, и запутывало еще болѣе страшно запутанное положеніе дѣлъ.

«Какое управленіе, говорилъ однажды Мирабо, какая эпоха! Всего надо опасаться, и на все надо отваживаться. Создается возмущеніе тѣми средствами, которыя употребляются для его предупрежденія. Постоянно необходима умѣренность, и всякій разъ умѣренность кажется медлительностью и малодушіемъ. Постоянно необходима сила, и каждое приложеніе силы кажется тиранніею. Со всѣхъ сторонъ сыпятся совѣты, а довѣрять приходится только самому себѣ. Приходится бояться людей

благомыслящихъ, потому что ихъ безпокойство и увлеченіе опаснѣ-
всѣхъ заговоровъ. Изъ благоразумія приходится уступать; становиться
во главѣ волненія, чтобы умѣрять его; и при всѣхъ страшнѣйшихъ за-
трудненіяхъ надо еще сохранять на лицѣ веселое выраженіе».

Мирабо былъ достаточно уменъ и достаточно знакомъ съ положеніемъ дѣлъ и умовъ, чтобы предчувствовать въ будущемъ неизбѣжность государственнаго банкротства, произвольныхъ конфискацій, и длиннаго ряда насильственныхъ дѣйствій. Но самъ Мирабо, умершій весною 1791 года, и учредительное собраніе, отошедшее отъ дѣлъ правленія осенью того же года, были все таки гораздо счастливѣе національнаго конвента. Учредительному собранію досталось на долю провозгласить принципы революціи, а конвенту пришлось вбивать эти принципы въ жизнь, бороться съ тою реакціею, которую раздразило первое собраніе, расплачиваться по тѣмъ счетамъ, которые оставила старая монархія, покрывать тѣ издержки, которыхъ требовали новыя учрежденія, и наконецъ принимать на себя отвѣтственность за всѣ тѣ неизбѣжныя насилія, до которыхъ учредительному собранію удалось не дожить. Весь блескъ гражданскихъ доблестей, все благозвучіе либеральныхъ словъ остались собственностью учредительнаго собранія, а вся злокачественная грязь черной исполнительной работы, безъ которой всѣ либеральныя слова остались бы словами, великодушно предоставлены національному конвенту. Поэтому французскіе либералы до сихъ поръ съ пафосомъ превозносятъ «les grands principes de 1789» и вслѣдъ за тѣмъ казнятъ своимъ негодованіемъ «les excès de 1793».

Такъ какъ роль учредительнаго собранія состояла преимущественно въ томъ, чтобы провозглашать принципы революціи, то и на судебную реформу его слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія принципа, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя подробности должны были измѣниться, и дѣйствительно измѣнились со временемъ, сообразно съ указаніями опыта. Главныя основанія новаго судоустройства заключались въ томъ, что всѣ судьи выбирались активными гражданами изъ числа образованныхъ юристовъ; судьи присяжныхъ прилагался къ уголовнымъ дѣламъ; гражданскіе процессы рѣшались безъ участія присяжныхъ, не смотря на то, что демократы національнаго собранія сильно настаивали на введеніи присяжныхъ во всѣ отрасли судопроизводства. (Здѣсь можно замѣтить, что въ Америкѣ присяжные рѣшаютъ какъ уголовныя, такъ и гражданскіе процессы; Токвилль, котораго еще ни одинъ человекъ въ мірѣ не обвинялъ въ яростномъ демократизмѣ, находитъ, что участіе присяжныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ процессовъ очень сильно содѣйствуетъ развитію юридическаго смысла въ американскомъ народѣ).— Судьи выбирались гражданами на шесть лѣтъ; для гражданскаго процесса устраивался въ каждомъ округѣ трибуналь первой инстанціи, и одинъ изъ этихъ трибу-

наловъ долженъ былъ служить другому апелляціонноу инстанцію. Третью и послѣднюю инстанцію составлялъ высшій апелляціонный судъ; который долженъ былъ засѣдать въ Парижѣ. Для уголовныхъ дѣлъ учреждалось въ каждомъ департаментѣ судебное мѣсто, а въ Парижѣ кассационный судъ, изъ котораго по жребію должны были назначаться члены національнаго суда, чтобы судить преступленія противъ націи (*crimes de lèse-nation*). Когда въ національномъ собраніи разсматривался вопросъ объ учрежденіи этого національнаго суда, Казалесъ, одинъ изъ депутатовъ правой стороны, потребовалъ, чтобы были точно опредѣлены тѣ преступленія, которыя оскорбляютъ націю и подлежатъ вѣдѣнію исключительнаго трибунала. На это отвѣчалъ депутатъ крайней лѣвой стороны, адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса; онъ сказалъ, что національный судъ долженъ поражать знатныхъ вельможъ, враждебныхъ народу, и искажающихъ его нравственное развитие; главное дѣло, по его мнѣнію, состояло въ томъ, чтобы въ этомъ судѣ засѣдали искренніе друзья революціи.

Въ этихъ словахъ ясно заключался тотъ смыслъ, что революція, для своего самосохраненія и для своихъ дальнѣйшихъ побѣдъ надъ старымъ обществомъ, нуждается въ послушномъ орудіи и что право судьи должно подчиниться политикѣ. Не смотря на то, что Робеспьеръ не пользовался сильнымъ вліяніемъ въ учредительномъ собраніи, его мнѣніе было принято; предложеніе Казалеса оставлено безъ вниманія; и собраніе рѣшило, что члены національнаго суда будутъ назначаться не по жребію, какъ предполагалось прежде, а по выбору активныхъ гражданъ всѣхъ департаментовъ.

Чтобы покончить съ судебными реформами, достаточно будетъ упомянуть, что судопроизводство сдѣлалось гласнымъ, подсудимые получили защитниковъ, пытка и произвольные аресты отмѣнены; наконецъ учреждены мирные судьи, коммерческіе трибуналы, и семейные суды.

XIII.

Разговоры опечаленнаго духовенства о мученическихъ вѣнцахъ и хищныхъ посягательствахъ національнаго собранія стали обнаруживать свое вліяніе. Народъ, остававшійся единодушнымъ въ то время, когда шло дѣло о борьбѣ противъ феодализма, раздѣлился на партіи, когда идеи XVIII столѣтія коснулись церковной іерархіи, и вопіющія потребности государства принудили національное собраніе наложить руку на церковныя имущества. Католицизмъ, не имѣвшій уже для жителей Парижа ни малѣйшей прелести, оказался сильнымъ и живучимъ въ горо-

дахъ и селахъ отдаленныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, агитація въ пользу католическаго духовенства находила себѣ пищу не столько въ религиозныхъ чувствахъ народа, сколько въ его экономическихъ интересахъ; дѣло въ томъ, что духовенство содержало свои имѣнія въ большомъ порядкѣ, и не страдало тѣми спазматическими припадками безденежья, которые часто удручали храброе дворянство. Вслѣдствіе этого духовенство не отдавало своихъ доходовъ на откупъ разнымъ аферистамъ, не притѣсняло своихъ фермеровъ неумѣренными требованіями, и вообще вело свои денежные дѣла ровно, спокойно и правильно, такъ что крестьяне, находившіеся съ ними въ сношеніяхъ, благословляли свою судьбу, и очень дорожили своими арендами.

Когда разнесся слухъ о предстоящей продажѣ церковныхъ имуществъ, тогда всѣ арендаторы этихъ помѣстій, не бывшіе въ состояніи купить себѣ ту ферму, которую они нанимали, пришли въ смятеніе, боясь, что будущій владѣлецъ окажется притѣснителемъ, или сгонитъ ихъ прочь съ своей земли. Въ Эльзасѣ составилось за неприкосновенность католической религіи прошеніе, и въ три недѣли набралось 21,000 подписей; съ одинаковымъ усердіемъ подписывали католики, протестанты и евреи, потому что всѣ они были арендаторами церковныхъ имѣній, и, слѣдовательно, всѣ связаны между собою единствомъ интересовъ; въ Бретани начались противу-революціонныя движенія, во главѣ которыхъ появились католическіе священники. На югѣ королевства дѣло дошло до кровопролитныхъ схватокъ между патріотами и клерикалами. Въ Нимѣ національная гвардія и пролетаріи, принадлежавшіе къ католической партіи, поколотили армейскій полкъ, плывавшій патріотизмомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же городѣ составилось католическое общество изъ 4,000 человекъ, которые немедленно пригласили сосѣдніе департаменты соединиться съ ними въ братскій союзъ за христіанскую религію. Эта мысль нашла себѣ отголосокъ, и въ религиозное братство вступили немедленно города Перциньянь, Тарнь и Тулуза. Въ городѣ Але народъ прогналъ за городскія ворота войска, державшіяся революціонныхъ принциповъ; въ Монтбанѣ національная гвардія сразилась съ католическимъ пролетаріатомъ, который побѣдилъ и разогналъ нечестивыхъ друзей прогресса. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, учредительное собраніе усматривало, что *le peuple souverain* (властительный народъ) часто противорѣчитъ самому себѣ, и что его, въ большей части случаевъ, мудро урезонить. Во всей Франціи не было той деревни, въ которой народъ согласился бы платить десятину послѣ іюльскихъ событій 1789 года, а между тѣмъ, когда отсутствіе десятинной подати вело за собою необходимость преобразовать внутреннее устройство церкви, тогда *peuple souverain* во многихъ мѣстахъ переполнялся католическимъ восторгомъ, и не хотѣлъ слышать о преобразованіяхъ; я, говоритъ *peuple souverain* платить не желаю, а въ

церкви пускай остане все „по-старому; а откуда взять денег — это дѣло правительства; на то оно правительство. Такъ какъ не было возможности пригласить народъ къ разсмотрѣнію финансовыхъ отчетовъ, и убѣдить его цифрами и фактами въ неисполнимости его требованій, то національное собраніе рѣшилось поскорѣе окончить церковныя преобразования, и утвердить ихъ силою въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ зашевелится католическая реакція. Приступая къ такому образу дѣйствій, національное собраніе очевидно вступало въ борьбу съ проявленіемъ народной воли, но такъ какъ эта воля оказывалась раздвоенною, то законодателямъ поневолѣ надо было примкнуть рѣшительно къ одной изъ двухъ партій, и объявить другую партію толпою мятежниковъ, хотя разумѣется странно было ругать людей мятежниками въ такой странѣ, въ которой вся нація считала іюльскіе мятежи славнѣйшими подвигами своей исторіи.

Впрочемъ, въ революціяхъ дѣло обыкновенно идетъ не о томъ, чтобы убѣдить противника, а о томъ, чтобы побѣдить и уничтожить его; здѣсь, какъ и вообще въ практической дѣятельности, послѣдовательность часто становится невозможною, и отступаетъ далеко на задній планъ передъ неотразимою необходимостью. Собираясь дѣйствовать энергическими мѣрами противъ католическихъ реакцій, національное собраніе не нарушило однако принципа религіозной свободы; собраніе видѣло въ ожесточенныхъ аббатахъ и въ ихъ восторженныхъ послѣдователяхъ только политическихъ враговъ революціи, и всѣ позднѣйшія распоряженія его по этому предмету вытекали исключительно изъ этого основного взгляда.

29-го мая 1790 года, комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ учредительному собранію проектъ новаго устройства церкви. По этому проекту, избиратели каждаго округа назначаютъ себѣ приходскихъ священниковъ, а избиратели департамента — мѣстнаго епископа. Каждый избранный даетъ присягу въ вѣрности націи, королю и конституціи. Капитулы и духовное судопроизводство уничтожаются, потому что преступленія противъ религіи становятся невозможными съ той минуты, когда официально признанъ принципъ религіозной свободы со всѣми своими послѣдствіями. Папа теряетъ, по проекту комитета, право давать диспенсаціи и утверждать духовныхъ сановниковъ въ ихъ званіи. При этомъ должно замѣтить, что папа уже давно имѣлъ основаніе гнѣваться на свою галликанскую паству, потому что уже знаменитая ночь 4-го августа, уничтожая десятинную подать, отмѣнила декретомъ ежегодное препровожденіе денегъ въ Римъ.

Легко можно вообразить себѣ, что весь проектъ комитета долженъ былъ казаться истиннымъ католикамъ непрерывнымъ рядомъ святотатствъ; граждане, которые согласились бы войти въ эту перестроенную

церковь, должны были бы считаться еретиками, а духовные лица, которые дали бы требуемую присягу—богохульниками, безбожниками, и, хуже того, ересіархами.

Чѣмъ должны были бы считаться члены собранія и комитета—я и выразить не умѣю, но во всякомъ случаѣ, такъ какъ папа, очевидно, не могъ утвердить нововведенія, то религіозная война противъ нечестивыхъ соотечественниковъ становилась для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ во Франціи первѣйшею изъ священныхъ обязанностей. Видно было, что духовенство смотритъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія: когда въ собраніи происходили пренія о церковныхъ преобразованіяхъ, тогда вѣрующіе епископы и аббаты не говорили ни слова; отвергая весь проектъ отъ начала до конца, они не хотѣли разсматривать его въ подробностяхъ, и были намѣрены во всякомъ случаѣ рѣшительно отказаться отъ требуемой присяги. Споръ поддерживался центромъ собранія и лѣвою стороною; онъ относился къ частностямъ; шла рѣчь о величинѣ жалованья, о капитулахъ, о томъ, кому выбирать епископовъ,—народу или духовенству. Политики собранія были равнодушны къ этому спору, въ которомъ горячились и торжествовали одни яansenисты, видѣвшие наконецъ осуществленіе своей задушевной мысли о самостоятельности галликанской церкви и о побѣдѣ надъ ультрамонтанскими тенденціями. Робеспьеръ попробовалъ провести мысль объ уничтоженіи безбрачія духовенства, но собранію показалось, что это ужъ черезчуръ смѣло, и попытка эта осталась безуспѣшною.

15-го іюня, когда тянулись эти пренія, въ національное собраніе былъ представленъ отъ Нимскаго католическаго союза адрессъ, требовавшій повелительнымъ тономъ благоговѣнія передъ церковью и полнаго возстановленія королевской власти. Католичество шло такимъ образомъ объ руку съ роялизмомъ, и учредительное собраніе, враждовавшее съ послѣднимъ, рѣшилось разорвать всякія дружескія отношенія и съ первымъ. Адрессъ Нима былъ признанъ преступнымъ дѣйствіемъ митрежа. Въ это время на югѣ ежеминутно можно было ожидать сильнаго столкновенія между цѣлыми городами. Бордо выставилъ отрядъ патриотовъ противъ Монтобана, въ которомъ господствовали католики, и обѣ партіи долго стояли лагеремъ другъ противъ друга, но на этотъ разъ усилія министерства и національнаго собранія отклонили, или, вѣрнѣе, отсрочили кровопролитіе.

Разсужденія о церковныхъ преобразованіяхъ продолжались въ національномъ собраніи до 12 іюля и окончились тѣмъ, что проектъ комитета былъ утвержденъ, съ тѣми частными измѣненіями или дополненіями, которыя были внесены въ него во время преній. Духовенство, какъ отдѣльная корпорація, перестало существовать. Около того же времени прекратилось существованіе дворянства. 19-го іюня, прусскій

баронъ Клоотсъ, большой любитель либеральныхъ эффектовъ, ввелъ въ залу національнаго собранія толпу людей, наряженныхъ въ костюмы разныхъ народовъ, и, отъ имени всего человѣчества, произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ собраніе за его подвиги, и умолялъ Францію подать знакъ къ освобожденію всего земнаго шара. Президентъ отвѣчалъ на эту общечеловѣческую рѣчь серьезно и торжественно, а члены собранія воспользовались присутствіемъ человѣчества, чтобы уничтожить послѣдніе остатки аристократизма. Объ этомъ особенно усердно хлопотали либералы изъ дворянъ Ламетъ, Лафайетъ, Эгильонъ, Сень-Фарже, которые, не шутя, воображали себѣ, что, отрекаясь отъ своихъ титуловъ, они совершаютъ подвигъ самопожертвованія, и оказываютъ любезному отечеству безсмертную услугу. Правая сторона поспорила и пошумѣла, но, по обыкновенію, на ея оппозицію никто не обратилъ вниманія, и въ тотъ же день составленъ былъ декретъ объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ титуловъ и всѣхъ орденовъ.

Любопытно замѣтить, что эта законодательная мѣра, не заключавшая въ себѣ ничего осязательнаго и существеннаго, причинила храброму дворянству гораздо больше огорченія, чѣмъ тѣ декреты, которые, послѣ ночнаго засѣданія 4-го августа, уничтожили феодальныя привилегіи, и отняли у дворянства всѣ связанные съ ними доходы. Потерю денегъ можно было перенести изъ любви къ отечеству, но потеря дворянской чести была слишкомъ чувствительна, такъ, что эмиграція стала значительно усиливаться послѣ декрета объ уничтоженіи титуловъ. Если Лафайетъ, Ламетъ и другіе либералы того же сорта видѣли въ этомъ декретѣ великій подвигъ законодательной мудрости, то дворяне стараго закала видѣли въ немъ великое поруганіе родовой святини. Либералы и консерваторы изъ дворянъ сходились между собою на томъ, что тѣ и другіе придавали этой законодательной мѣрѣ міровое значеніе, а Мирабо отъ души смѣялся надъ обѣими сторонами, которыя, конечно, стояли другъ друга.

Долго ли еще придется Франціи, въ самыя серьезныя и торжественныя минуты своей исторіи, украшать себя сусальнымъ золотомъ ложно-классическихъ сценъ и театрално-героическихъ движеній, это такой вопросъ, на который можетъ отвѣтить только будущее; что же касается до первой революціи, то въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ, рядомъ съ потрясающею наготою дѣйствительности, встрѣчается много мишуры, и народъ восхищается этою мишурою, добродушно упуская изъ виду, что всѣ его бѣдствія ведутъ свое начало отъ мишурнаго блеска Людовиковъ, Генриховъ, Карловъ, Францисковъ, Филипповъ и многихъ другихъ свѣтилъ меньшихъ размѣровъ.

Потѣшивши себя остроумною интермедіею барона Клоотса и насладившись самоотверженіемъ либеральныхъ дворянъ, собраніе обратило

свое вниманіе на предметы серьезные. Надо было заняться преобразованіемъ арміи, въ которой, съ самаго начала революціи, офицеры и солдаты открыто враждовали между собою, и постоянно тянули въ разныя стороны. Чѣмъ полнѣе и шире развертывалась реформаторская дѣятельность учредительнаго собранія, тѣмъ сильнѣе становилось неудовольствіе офицеровъ, и тѣмъ страстнѣе выражалась привязанность солдатъ къ дѣлу революціи. Многіе изъ офицеровъ эмигрировали, а солдаты устроили себѣ во всѣхъ полкахъ клубы, и требовали, чтобы имъ увеличили жалованье, облегчили производство въ офицерскіе чины, предоставили контроль надъ полковыми суммами, и отмѣнили тѣлесныя наказанія. Полковые клубы отправляли свои депутаціи къ полковникамъ, а иногда и прямо къ военному министру или къ національному собранію. Депутаціи эти объявляли часто, что солдаты не желаютъ повиноваться аристократамъ и врагамъ свободы. Во многихъ провинціяхъ армейскіе полки соединялись съ національною гвардіею и праздновали вмѣстѣ союзы братства, давая клятву защищать общими силами націю, короля и конституцію. Национальное собраніе постоянно ободряло составленіе этихъ союзовъ, называвшихся федераціями, но, такъ какъ большинство офицеровъ вовсе не было расположено служить націи и защищать конституцію, то союзы эти увеличивали вражду между начальниками и подчиненными, вслѣдствіе чего необходимость преобразованій по арміи съ каждымъ днемъ становилась болѣе настоятельною.

Прежде всего національное собраніе опредѣлило, что на будущее время всѣ вопросы, относящіеся къ величинѣ и къ устройству арміи, къ порядку ея пополненія, къ употребленію ея въ государствѣ, къ жалованью всѣхъ чиновъ, къ принятію на службу иностранныхъ солдатъ, и къ военнымъ уголовнымъ и дисциплинарнымъ законамъ, — подлежатъ рѣшенію законодательныхъ собраній. Потомъ слѣдовали самыя преобразования: жалованье рядовыхъ увеличено, доступъ къ офицерскимъ чинамъ открытъ всѣмъ способнымъ людямъ, солдату предоставлены въ мирное время всѣ права гражданина. Но, здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ тогдашней государственной жизни, старина разваливалась сама собою прежде, чѣмъ можно было обновить, замѣнить или уничтожить ее мѣрами законодательства. Во всѣхъ полкахъ происходили уже частныя волненія, тѣмъ болѣе, что декретъ, уничтожившій дворянскіе титулы, превратилъ офицеровъ въ рѣшительныхъ враговъ революціи, и довелъ до крайнихъ предѣловъ недовѣріе солдатъ къ ихъ ближайшему начальству.

Въ началѣ августа Мирабо предложилъ собранію распустить всю армію и сформировать ее заново, но Маратъ, питавшій къ солдатамъ большую нѣжность за ихъ радикальный образъ мыслей, вслѣдъ за тѣмъ посовѣтовалъ въ своей газетѣ парижанамъ поставить восемь сотъ ви-

сѣлицъ, и на первую изъ нихъ повѣсить подлаго измѣнника Мирабо, а на остальныхъ—всѣхъ тѣхъ, кто подастъ голосъ за его предложеніе. Марать, какъ извѣстно, никогда не подавалъ другихъ совѣтовъ, и, что всего удивительнѣе, эти однообразные совѣты всегда приводили пролетаріевъ въ восторгъ, хотя, разумѣется, они почти никогда не исполнялись. Въ настоящемъ случаѣ, національное собраніе побоялось раздражить людей крайней партіи, и предложеніе Мирабо было отвергнуто.

Въ послѣднихъ числахъ августа произошла, наконецъ, серьезная тревога. Въ Нанси взбунтовались три полка, овладѣли городомъ, и соединились съ вооруженными пролетаріями; къ чему клонилось возстаніе нансійскихъ солдатъ—неизвѣстно, потому что это возстаніе очень скоро было задавлено; генераль Булье собралъ небольшой отрядъ надежнаго войска, пошелъ на Нанси, и произвелъ такое кровопролитіе, что въ одномъ изъ возмущившихся полковъ осталось всего 40 человѣкъ. Національное собраніе, серьезно перепуганное нансійскимъ бунтомъ, публично выразило генералу Булье свою признательность. Робеспьеръ возражалъ противъ этого рѣшенія, но его не послушали. Въ Парижѣ нансійскія событія отозвались сильнымъ раздраженіемъ умовъ противъ министровъ, которыхъ народъ считалъ первыми виновниками кровопролитія. Въ сентябрѣ собраніе опредѣлило для арміи порядокъ производства въ чины. Королю предоставлялось назначать только маршаловъ и отрядныхъ генераловъ; офицеры должны были производиться по старшинству службы; въ унтеръ-офицеры должны были производиться способнѣйшіе солдаты, по представленію старыхъ унтеръ-офицеровъ роты. Наконецъ, къ военному судопроизводству былъ примѣненъ институтъ присяжныхъ.

XVI.

Католическія волненія, дворянская эмиграція, солдатскіе мятежи—все это, конечно, тревожило и огорчало національное собраніе, но всѣ эти тревоги и огорченія были незначительны въ сравненіи съ гнетущею и неотвратимою заботою о финансахъ. Уходили дни и недѣли; пришла и прошла годовщина взятія Бастиліи; отпраздновали въ этотъ день на Марсовомъ полѣ торжество федераціи для всей Франціи; все это было красиво и трогательно; но вмѣстѣ съ днями и недѣлями, быстро, незамѣтно и неудержимо уходили изъ государственнаго казначейства недавно отпечатанныя ассигнаціи. Къ концу августа изъ 400 милліоновъ, выпущенныхъ въ апрѣлѣ, не оставалось уже ничего. Въ концѣ сентября, когда министерство Неккера упало, и когда на его мѣсто стало другое министерство, такое же неспособное, Мирабо предложилъ въ

собраніи—выпустить еще 800 милліоновъ ассигнацій и употребить ихъ на погашеніе государственнаго долга съ тѣмъ, чтобы въ обращеніи никогда не было болѣе 1200 милліоновъ бумажныхъ денегъ. За мнѣніе Мирабо стояли якобинцы; населеніе Парижа также желало новаго выпуска ассигнацій, потому что обиліе денежныхъ знаковъ облегчало процессъ обмѣна, и, на первое время, оживляло промышленность. Но, такъ какъ законодатели не могли смотрѣть на вопросы государственнаго хозяйства съ тою добродушною беззаботностью, которую обнаруживали въ этомъ случаѣ парижане, то члены національнаго собранія преимущественно утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что съ 1 января 1791 года начнется для финансовъ новый періодъ существованія. Поэтому рѣшено было—должное количество ассигнацій выпустить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно приняться за основательный пересмотръ государственнаго бюджета и за преобразование податной системы.

Устанавливая цифры бюджета, члены собранія усердно вели дѣло къ тому, чтобы доказать экономическую благодѣтельность революціи; если бы они имѣли въ виду только то обстоятельство, что декреты 4 августа 1789 года значительно увеличили народную производительность, то мнѣніе ихъ было бы безошибочно; но они думали, что народъ этого разсчета не пойметъ, и что, на этомъ основаніи, необходимо показать ему, какъ непосредственный результатъ революціи, прямое уменьшеніе въ общей суммѣ податей. Чтобы придти къ этому результату, члены собранія были принуждены прибѣгать ко многимъ смѣлымъ гипотезамъ, которыя, своею утѣшительностью, могли произвести пріятное впечатлѣніе на публику, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были на долго упрочить путаницу въ финансахъ. Во всѣхъ статьяхъ расхода были произведены значительныя сокращенія, но можно было опасаться того, что эти сокращенія, по необходимости, останутся только на бумагѣ. Такъ, на примѣръ, на расходы по сбору податей положено 8 милліоновъ, между тѣмъ какъ, по умѣренному разсчету, надо было бы положить на это дѣло около 30 милліоновъ. Церкви, стоившей 170 милліоновъ, отведено 67. Армія съ 99-ти посажена на 89-ть. На пенсіи вмѣсто 29-ти назначено 12 милліоновъ. Хорошо, если этого достанетъ; но достанетъ-ли?

При всѣхъ этихъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ сокращеніяхъ, получился общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ въ 580 милліоновъ для государства и въ 60 милліоновъ для мѣстныхъ потребностей департаментовъ. Кромѣ того предвидѣлось, въ 1791 году, экстраординарныхъ расходовъ на 76 милліоновъ. Эту послѣднюю статью бюджета оставили совсѣмъ въ сторонѣ. Теперь надо было ухитриться, чтобы какъ нибудь разложить эти 640 милліоновъ (580 и 60) на народъ. Какъ ихъ собрать? Какія преобразованія ввести въ податную систему? При опредѣленіи расходовъ, депутаты были расположены предполагать

ихъ неестественно скромными, а при вычисленіи доходовъ, они, по тому же самому побужденію, старались выводить цифры невѣроятно крупныя. Они рассчитывали, напримѣръ, что національныя имущества (бывшія церковныя) дадутъ 60 милліоновъ дохода; нѣкоторые пессимисты возражали имъ, что эти имущества управляются городскими общинами дурно, и что они, по приблизительному расчету, дадутъ не больше 40 милліоновъ. Пессимистовъ не слушали, и расчетъ продолжался въ томъ же идиллическомъ направленіи. Такимъ образомъ нашли, что государство можетъ получить 148 милліоновъ дохода, помимо податей — тутъ считались доходы съ національныхъ имуществъ, съ государственныхъ лѣсовъ, съ соляныхъ источниковъ и т. д. Стало быть, народъ долженъ былъ уплатить 492 милліона, то есть слишкомъ на 100 милліоновъ меньше, чѣмъ онъ платилъ въ послѣдній годъ стараго порядка, не считая десятинъ и феодальныхъ повинностей. Стало быть главная цѣль національнаго собранія была достигнута; пріятное впечатлѣніе было произведено, и дѣло революціи еще разъ было зарекомендовано народу съ самой привлекательной стороны. Но все-таки надо было разложить эти 492 милліона, и тутъ опять пошли затрудненія.

Народонаселеніе Парижа, имѣвшее ближайшее и сильнѣйшее вліяніе на всѣ распоряженія собранія, сурово отрицало большую часть косвенныхъ налоговъ. Замѣчено вообще, что косвенные налоги бываютъ особенно значительны въ тѣхъ странахъ и въ тѣ эпохи, гдѣ и когда преобладаетъ аристократическій элементъ. По мѣрѣ того, какъ низшіе и бѣднѣйшіе классы народа, живущіе трудомъ, приобрѣтаютъ себѣ значеніе въ общественномъ организмѣ, — косвенные налоги замѣняются прямыми; наконецъ, когда демократическій элементъ становится преобладающимъ, тогда прямые налоги дѣлаются прогрессивными, то есть, богатые граждане не только платятъ абсолютно большую сумму денегъ, но они даже платятъ большій процентъ съ своего большаго дохода, чѣмъ бѣдные — съ своего малаго дохода. Почему усиленіе демократіи ведетъ за собою систему прогрессивныхъ налоговъ — это понятно безъ объясненій; замѣненіе косвенныхъ налоговъ прямыми основано на той же общей причинѣ. Прямой налогъ падаетъ преимущественно на тотъ капиталъ, который легко опредѣлить; ему подвергаются землевладѣльцы, чиновники, получающіе опредѣленное жалованье, капиталисты, живущіе процентами съ государственныхъ бумагъ; люди, живущіе собственнымъ трудомъ, могутъ въ этомъ случаѣ платить только подушную подать, да еще пошлину за какойнибудь патентъ или билетъ; опредѣлить величину ихъ годового заработка и брать съ нихъ извѣстный процентъ этого заработка нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, прямой налогъ падаетъ больше на капиталъ, чѣмъ на трудъ. Косвенные налоги, напротивъ того, падаютъ съ одинаковою силою на всѣхъ людей, нуждаю-

щихся въ тѣхъ предметахъ, которые обложены пошлиною. А такъ какъ средневѣковыя правительства съ особенною изобрѣтательностью умѣли облагать пошлинами предметы первой необходимости, то косвенные налоги падали всею своею тяжестью на все населеніе страны, не разбирая ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Для бѣдныхъ они, разумѣется, были тяжелѣе, чѣмъ для богатыхъ. Человѣкъ, получающій въ годъ 100,000 рублей годоваго дохода, никакъ не съѣстъ въ 1,000 разъ больше соли, чѣмъ работникъ, добывающій себѣ въ годъ 100 рублей; первый не съѣстъ даже вдвое больше послѣдняго; оба они съѣдятъ одинаковое количество соли, и заплатятъ за нее одинаковую сумму налога, изъ чего прямо слѣдуетъ заключеніе, что работникъ, относительно, платитъ въ 1,000 разъ больше, чѣмъ миллионеръ. Если же работникъ не съѣстъ въ годъ того количества соли, которое необходимо для организма, то онъ разстроитъ свое здоровье. Поэтому ненависть народа противъ косвенныхъ налоговъ вообще и противъ солянаго налога въ особенности, объясняется очень удовлетворительно.

Послѣ июльскихъ дней 1789 года о взиманіи солянаго налога нечего было и думать. Въ августѣ того же года національное собраніе обѣщало уничтожить этотъ налогъ, но выразило ту мысль, что его необходимо взимать до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена на его мѣсто другая подать. Въ отвѣтъ на это мнѣніе, провинція Анжу объявила, что она противъ сборщиковъ солянаго налога выставитъ въ поле 60,000 вооруженныхъ людей; другія провинці обнаружили такія же воинственныя наклонности, и соляной налогъ исчезъ безъ слѣда. Изъ государственныхъ доходовъ вышло такимъ образомъ 60 миллионъ. Табачная регалія въ 27 миллионъ и питейный акцизъ въ 50 миллионъ отправились въ слѣдъ за солянымъ налогомъ. Налоги на пудру, кожу и желѣзо, всего на 9 миллионъ, пошли по тому же пути.

Въ старой Франціи, на городскихъ заставахъ, собирались, подъ названіемъ *octrois*, пошлины за ввозъ различныхъ припасовъ; эти пошлины, падавшія преимущественно на вино и мясо, давали въ годъ 70 миллионъ, изъ которыхъ 46 поступали въ государственное казначейство, а 24 шли въ пользу городовъ и мѣстныхъ больницъ. Въ одномъ Парижѣ *octrois* приносили въ годъ государству 24, а городу 13 миллионъ. Въ теченіи 1789 и 1790 годовъ эту пошлину продолжали собирать по прежнему, преимущественно потому, что парижскій городской совѣтъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ обойтись безъ этой статьи дохода; а національное собраніе всегда старалось поддержать хорошія отношенія съ городскимъ совѣтомъ и вовсе не желало посягать на его финансовыя средства, тѣмъ болѣе, что всякое денежное затрудненіе въ городской кассѣ всею своею тяжестью обрушивалось на государственное казначейство, которое, подъ страхомъ революціи, должно было вы-

давать деньги и кормить пролетаріевъ. Но весной 1791 года *octrois* должны были уничтожиться; народъ давно сообразилъ, что отъ этого *octroi* вино становится дороже, и требованія его по этому случаю сдѣлались до такой степени настоятельными, что городской совѣтъ и національное собраніе принуждены были уступить; *octrois* были отмѣнены во всей Франціи, и вслѣдствіе этого пришлось прибавить еще 46 милліоновъ къ той массѣ налоговъ, которая лежала на поземельной собственности; кромѣ того, государство стало платить городской кассѣ Парижа по 3 милліона въ годъ, чтобы хоть отчасти вознаградить городъ за потерю этой важной статьи дохода; эти 3 милліона, конечно, упали также на сельское хозяйство. Изъ косвенныхъ налоговъ удержались только тѣ, которые не отягощали рабочаго населенія; остались такимъ образомъ въ прежней силѣ почтовые доходы, дававшіе до 12 милліоновъ; пошлины за внесеніе процентовъ въ реестры были увеличены съ 40 милліоновъ на 51 милліонъ; введена новая пошлина въ 22 милліона за гербовую бумагу; удержаны таможенные доходы въ 22 милліона, хотя внутреннія таможи были уничтожены, а тарифъ заграничной торговли передѣланъ по новому плану; осталась въ прежней силѣ государственная лотерея, приносящая 10 милліоновъ; законодатели понимали, что это учрежденіе вовсе не полезно для общественной нравственности, но Парижъ, любившій дешевое вино, и требовавшій вслѣдствіе этого отмѣненія *octrois*, любилъ также сильныя ощущенія азартной игры и желалъ, на этомъ основаніи, удержать лотерею.

Когда въ продолженіи многихъ вѣковъ, прикладывались всѣ возможные старанія къ тому, чтобы развратить народъ до мозга костей, тогда всѣ Солоны и Конфуціи прошедшихъ и настоящихъ временъ, при всей добросовѣстности своихъ усилій, не сьумѣютъ въ два, три года исправить народную нравственность, точно также, какъ никакіе философы не сьумѣютъ вдругъ разсѣять густые, густые туманы народныхъ предрасудковъ. Что портилось вѣками, то поправляется, по меньшей мѣрѣ, десятилѣтіями. Поэтому, если благосклонному читателю не понравится что нибудь въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонныхъ событій, онъ твердо долженъ помнить—и я сто разъ готовъ повторять ему—что за все надо говорить спасибо старой французской монархіи. Члены конвента опустили только тотъ топоръ, который повѣсилъ надъ государствомъ старый порядокъ, и два послѣдніе Людовика въ особенности. Если виноватъ палачъ, то еще болѣе виноватъ судья, хотя, вообще, искать въ исторіи виноватыхъ — занятіе столько же наивное, сколько и безплодное.

Всѣ уцѣлѣвшіе косвенные налоги давали въ общей сложности 110 милліоновъ; оставалось набрать еще 382 милліона; для этого было опредѣлено, чтобы каждый ремесленникъ бралъ себѣ ежегодно патентъ; эта

мѣра дала 22 милліона; потомъ наложена подушная подать, и выручено 60 милліоновъ; затѣмъ, остальные 300 милліоновъ упали на поземельную собственность. — Расчеты по бюджету были окончены; на бумагѣ все обстояло красиво и благополучно; но въ дѣйствительности предвидѣлось мало отраднаго. — 76 милліоновъ экстраординарныхъ расходовъ можно было игнорировать при расчетѣ, но они отъ этого не теряли своей силы; смѣта обыкновенныхъ расходовъ была, по крайней мѣрѣ, на 50 милліоновъ ниже дѣйствительныхъ потребностей государства. Опытные и знающіе люди говорили, что, при собираніи прямыхъ налоговъ, окажется не менѣе 100 милліоновъ недоимки. $50 + 76 + 100 = 226$; такимъ образомъ, при бюджетѣ въ 716 милліоновъ (640 обыкновенныхъ и 76 экстраординарныхъ расходовъ) оказывается дефицитъ въ 226 милліоновъ; почти одна треть. — Только очень упорные оптимисты могли думать серьезно, что съ 1-го января 1791 года начинается для государственныхъ финансовъ періодъ благоденствія и порядка.

XV.

Государственный долгъ, переданный національному собранію старою монархіею оставался непогашеннымъ; революція была поставлена въ необходимость увеличить этотъ долгъ значительною суммою; реформируя всѣ отрасли управленія, надо было вездѣ уничтожить наслѣдственныя должности, а владѣльцамъ этихъ должностей надо было выдавать денежное вознагражденіе, потому что должности были, какъ намъ уже извѣстно, куплены у прежнихъ правительствъ на чистыя деньги. Весь капиталъ, который слѣдовало израсходовать на это исправленіе старыхъ шалостей, доходилъ до 1430 милліоновъ, и, слѣдовательно, равнялся суммѣ всѣхъ государственныхъ расходовъ за два года. Уплатить такой капиталъ было совершенно невозможно; оставалось только причислить его къ утвержденному государственному долгу, и платить за него вѣчные проценты; такъ и сдѣлали: къ суммѣ ежегодно платимыхъ процентовъ прибавилось, вслѣдствіе этого, еще 70 милліоновъ.

Ассигнаціи, которыя предположено было употребить на погашеніе государственнаго долга, составляли единственную поддержку казначейства, и, по горькой необходимости, тратились на текущіе расходы; въ іюнь 1791 года были издержаны всѣ 1200 милліоновъ первыхъ двухъ выпусковъ; изъ нихъ на уплату долговаго капитала употреблено 108 милліоновъ, на уплату запущенныхъ процентовъ и забранныхъ впередъ доходовъ — 416 милліоновъ; на текущіе расходы — 676 милліоновъ. Эти 676 милліоновъ были обезпечены національными имуществами; но продать эти имущества можно было только одинъ разъ, стало быть, и дер-

живая цѣну этихъ имуществъ на текущіе расходы, государство съѣдало свой капиталъ, а всякому извѣстно, что тратить на житье капиталъ, вмѣсто того, чтобы жить процентами съ капитала, значить быстрыми шагами идти къ раззоренію. Въ сентябрѣ 1790 года, національное собраніе опредѣлило декретомъ, что въ обращеніи никогда не должно быть болѣе 1200 милліоновъ ассигнацій; въ іюнѣ 1791 года тому же самому собранію пришлось нарушить свое собственное приказаніе, и выпустить еще 600 милліоновъ. Тутъ уже и не пробовали опредѣлить заранѣе ту цифру бумажныхъ милліоновъ, на которой слѣдуетъ остановиться; всѣ знали въ національномъ собраніи, и всѣ предчувствовали въ обществѣ, что остановиться не возможно и что, за неимѣніемъ настоящихъ милліоновъ, государство будетъ постоянно создавать бумажные. А что будетъ дальше, того никто не могъ рѣшить опредѣленно. Послѣ новаго выпуска, ассигнаціи потеряли въ своемъ курсѣ отъ 8 до 10 процентовъ. Чтобы облегчить мелкія операціи обмѣна, правительство выпустило 100 милліоновъ пятилировыми билетами (1 руб. 25 коп. с.), между тѣмъ, какъ въ первыхъ двухъ выпускахъ не было билетовъ мельче 50 ливровъ. Ассигнаціи проникли такимъ образомъ въ бѣднѣйшіе классы народа, и вовлекли въ ажіотажъ работниковъ и крестьянъ. Принимая какой нибудь заказъ, ремесленникъ долженъ былъ рассчитывать на предстоящее пониженіе курса; продавая возъ хлѣба, крестьянинъ могъ ожидать, что въ ближайшей лавкѣ у него примутъ вырученныя деньги не иначе, какъ съ значительнымъ учетомъ.

Можно себѣ представить, сколько тревоги вносили подобныя обстоятельства во всѣ крупныя и мелкія сдѣлки; не трудно также понять, какого рода вліяніе эта промышленная тревога должна была оказывать на общее настроеніе умовъ въ народныхъ массахъ. Гдѣ богатый чловѣкъ рисковалъ частью своего капитала, тамъ поденщикъ поневолѣ рисковалъ кускомъ своего обѣда; когда богачъ раззорялся, тогда бѣднякъ страдалъ отъ голода; а между тѣмъ, новые выпуски ассигнацій были неизбѣжны, и, дѣйствительно, быстро слѣдовали одинъ за другимъ; съ каждымъ новымъ выпускомъ увеличивалось колебаніе въ курсѣ; вмѣстѣ съ колебаніемъ въ курсѣ возрастало безпокойство и неудовольствіе массъ; отвращеніе къ правильному и постоянному труду увеличивалось, потому что правильный и постоянный трудъ возможенъ только тогда, когда онъ можетъ рассчитывать на правильное и постоянное вознагражденіе.

Безпокойство, неудовольствіе, шаткость ежедневныхъ расчетовъ, отсутствіе правильныхъ заработковъ, отвращеніе къ труду—всѣ эти моменты составляли ту общую канву, на которой революціонное движеніе могло разсыпать щедрою рукою самыя роскошныя и причудливыя узоры. Все дѣйствовало за одно съ революціею, и все предвѣщало ей въ будущемъ

много фазъ тревожнаго и неудержимо-стремительнаго развитія. Усилія правительства и національнаго собранія останавить революцію не могли имѣть ни малѣйшаго успѣха, потому что и правительство и собраніе, стараясь одною рукою обезоружить народныя страсти, другою рукою, сами того незамѣчая, увеличивали раздраженіе умовъ, и заготовляли матеріалы для новаго взрыва. И новая революція дѣйствительно приближалась съ неумолимою быстротою, приближалась независимо отъ единичныхъ желаній или опасеній, приближалась, какъ громадное и неизбежное явленіе природы, вытекающее изъ данныхъ условій, по слѣпымъ и безжалостнымъ законамъ необходимости. Средневѣковое ярмо было разбито и сброшено; не смотря на это, въ сельскомъ и городскомъ населеніи Франціи лежали еще неистощимые запасы матеріаловъ для самыхъ всеобъемлющихъ переворотовъ.

Посмотримъ, что дѣлалось въ деревняхъ. Въ іюлѣ и въ августѣ 1789 года, крестьяне почти во всѣхъ провинціяхъ королевства принудили бывшихъ феодаловъ спасаться бѣгствомъ; вмѣстѣ съ феодалами бѣжали и укрылись въ городахъ или за границею капиталы; это обстоятельство могло-бы принести сельскому хозяйству много вреда, еслибы капиталы въ прежнее время были прилагаемы къ улучшенію почвы и земледѣльческихъ приемовъ; но, такъ какъ этого, въ большей части случаевъ, не бывало, то отсутствіе господъ и ихъ капиталовъ выразилось для крестьянъ только въ томъ, что они, крестьяне, избавились отъ многихъ неприятныхъ столкновеній. Законъ отмѣнилъ десятинные подати. Тогда крестьянинъ вспомнилъ, что многія пашни были превращены у него въ луга, собственно потому, что лугъ былъ обложенъ менѣе значительною десятинною податью; вспомнивъ это, онъ тотчасъ распахалъ и засѣялъ лугъ, чтобы выручить хорошій денежный кушъ за пшеницу, бывшую въ то время въ цѣнѣ. — Отмѣнили питейную подать. Французскій крестьянинъ, любящій вообще заниматься винодѣліемъ, насадилъ тогда виноградныхъ лозъ во многія такія земли, которыя были несомнѣно удобны для такого рода обработки. Превращеніе луговъ въ пашни должно было ослабить скотоводство; превращеніе пахатныхъ земель въ виноградники должно было ослабить земледѣліе; въ томъ и въ другомъ случаѣ, прочное благосостояніе хозяйства приносилось въ жертву болѣе прибыльному, но болѣе рискованному промыслу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, въ которыхъ неудача происходить отъ непривычки пользоваться свободою въ сферѣ своего труда, крестьянинъ, не стѣсняемый внѣшними препятствіями, счумѣеть скоро освободиться отъ своихъ убыточныхъ предразсудковъ, и поведетъ свое хозяйство расчетливо и благоразумно; колебанія и неудачи не пропадутъ даромъ; но, такъ какъ эти первыя попытки совпадаютъ съ началомъ революціи, и, такъ какъ онѣ вносятъ тревогу и волненіе почти

въ каждую крестьянскую хижину, то мы видимъ, что и здѣсь существуютъ задатки, изъ которыхъ можетъ развиться симпатія къ дальнѣйшему общественному движенію. Французское крестьянство укрѣпилось и разбогатѣло, не смотря на всю тягость общественнаго кризиса; многіе изъ беспорядковъ тревожной эпохи послужили ему въ пользу; государство бѣднѣло, потому что не было въ состояніи собрать необходимое количество податей, но такъ какъ подати эти оставались въ домѣ крестьянина, то хозяйство его могло совершенствоваться и развиваться. Въ первыя времена революціи, въ рукахъ крестьянъ оставалось ежегодно около 170 милліоновъ податей, и это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало успѣхамъ французскаго земледѣлія. Немногіе крестьяне во Франціи владѣли землею, и то, что я говорилъ до сихъ поръ, относится только къ этимъ немногимъ. Для того большинства, которое пробавлялось фермерствомъ, и, по недостатку средствъ, нанимало себѣ крошечныя кусочки земли, отдавая за наемъ половину сыраго продукта для этого большинства, составляющаго сельскій пролетаріатъ, устраненіе феодальныхъ повинностей оказалось незначительнымъ облегченіемъ. Съ этихъ неимущихъ людей нельзя было ничего взять, кромѣ повинности трудомъ; когда обязательный трудъ былъ уничтоженъ, тогда у этихъ людей остался досугъ, но съ этимъ досугомъ нечего было дѣлать; при низкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, при бѣдности крестьянъ-собственниковъ, при отсутствіи всякой сельской промышленности, крестьяне-пролетаріи рѣдко могли пристроить себя къ какому-нибудь производительному занятію; конечно, свобода труда не можетъ на вѣчныя времена остаться мертвымъ капиталомъ; но не можетъ она также въ одно мгновеніе устранить ту глубокую нищету и ту вынужденную праздность, которыя обыкновенно тяготѣютъ надъ рабами, только что выпущенными на волю.

Крестьяне-пролетаріи были друзьями того общественнаго движенія, которое уничтожило барщину, но они, по своей простотѣ, воображали себѣ, что настоящее движеніе еще впереди; они видѣли, что ихъ сосѣди, крестьяне-собственники, извлекли изъ движенія такія выгоды, которыя имъ, крестьянамъ-пролетаріямъ, остались недоступными; тогда они, опять-таки по своей простотѣ, стали воображать, что и имъ надо же когда-нибудь попользоваться этими выгодами, и что къ этому пользованію должно привести неизбѣжно дальнѣйшее развитіе революціи. Каждый просвѣщенный либераль могъ-бы поразить этихъ глупыхъ крестьянъ безчисленнымъ множествомъ аргументовъ, взятыхъ изъ всѣхъ областей права, исторіи, нравственной философіи и политической экономіи. Онъ могъ-бы сказать имъ въ общемъ результатѣ: «глупые друзья мои! Какъ вы этого не понимаете? Они—собственники, а вы—не собственники. У васъ нѣтъ совсѣмъ ничего, и потому вы никакъ не можете получить

отъ революціи тѣ удовольствія, которыя пріобрѣли отъ нея люди, имѣющіе что-нибудь. Революція можетъ измѣнить законы и учрежденія, но если она посягнетъ на священную собственность, тогда это будетъ уже не революція, а одно безобразіе».

Национальное собраніе подумало, что продажа церковныхъ имуществъ можетъ принести французской націи двойную пользу: во-первыхъ, дать казначейству золотыя горы, а во-вторыхъ, превратить глупыхъ пролетаріевъ въ счастливыхъ собственниковъ, и, слѣдовательно, въ просвѣщенныхъ либераловъ, противъ которыхъ не нужно будетъ употреблять никакихъ героическихъ лекарствъ. Поэтому, когда въ половинѣ іюня 1790 года рѣшено было пустить въ продажу всю массу церковныхъ имуществъ, тогда національное собраніе приказало продавать ихъ мелкими кусками. Мѣра была превосходная, но на землѣ не бываетъ полного совершенства. И не можетъ его быть, прибавляетъ солидный читатель *). У глупаго пролетарія совсѣмъ ничего не было, такъ что если бы землю продавали не десятинами, а цвѣточными горшками, то и тутъ онъ могъ-бы только украсть себѣ такой горшокъ земли, а никакъ не купить его. Если-бы государство захотѣло подарить землю своему убогому дѣтищу, то и тогда этотъ блудный сынъ могъ-бы пахать эту землю только собственными ногтями, потому что у него не было даже своей лопаты; я говорилъ уже въ одной изъ предъидущихъ главъ, что большая часть фермеровъ работали хозяйскими орудіями и хозяйскимъ рабочимъ скотомъ; стало быть, сдѣлавшись собственникомъ, такой фермеръ все еще не превращался въ просвѣщеннаго либерала, и все еще искалъ себѣ въ революціи недозволенныхъ удовольствій.

Ну, однако, спрашиваетъ наконецъ раздосадованный читатель, что же вы съ нимъ прикажете дѣлать? И какъ же его наконецъ пристроить такъ, чтобы онъ не кричалъ и не лѣзъ на стѣны? И чѣмъ же тутъ виновато національное собраніе?

Ахъ вы, мой читатель! ахъ вы, мой гнѣвный читатель! неужели вы не знаете, что въ жизни бываютъ такія положенія, въ которыхъ рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь и рѣшительно ничего нельзя сдѣлать пугнаго? Куда ни кинь, все клинь. Въ подобныхъ случаяхъ частной жизни, русскій человѣкъ утѣшается пословицею: «перемелется, мука будетъ». Перемелется-то оно точно, и мука будетъ непременно; но ужъ за то не взыщите: что попадетъ подъ жерновъ, и изъ чего выдѣлается мука—этого никто не знаетъ заранѣе. Вотъ въ такомъ-то положеніи и находились дѣла во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. И если-бы они находились не въ такомъ положеніи, тогда во Франціи не было-бы

*) И даже совсѣмъ не должно быть, прибавляю я, и оказываюсь такимъ образомъ солиднѣе всякаго читателя.

революціи, а совершилось-бы полюбобное размежеваніе заинтересованныхъ сторонъ. Но ни одна попытка подобнаго размежеванія въ тогдашней Франціи не удалась, и между заинтересованными сторонами не оказалось ни малѣйшей полюбобности; обнаружилось, что всѣ интересы противорѣчатъ другъ другу, и всѣ перепутаны между собою до послѣдней крайности. Со всѣхъ сторонъ заговорили страсти, и каждая изъ этихъ страстей сама по себѣ была вполне естественна, а между тѣмъ каждая изъ нихъ для своего удовлетворенія должна была тѣснить и истреблять другія страсти. Люди разгнѣвались другъ противъ друга, и сначала стали шумѣть, а потомъ передрались. И больно передрались. И долго продолжалась ихъ драка. И все это вовсе не хорошо. И вовсе не нравится ни мнѣ, ни моему читателю. Но мало-ли что намъ не нравится. Многое, другъ Горацио, очень многое дѣлается въ этомъ мірѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы съ тобою того желаемъ. Этимъ печальнымъ размышленіемъ, изумительнымъ по своей новизнѣ, я заканчиваю эту XV главу, которая, по какому-то необъяснимому капризу судьбы, пропиталась небывалымъ легкомысліемъ изложенія. Въ оправданіе этого легкомыслія, я могу впрочемъ поставить на видъ читателю, что я все-таки, тѣмъ или другимъ тономъ, выразилъ все то, и только то, что я хотѣлъ выразить, а это, во всякомъ случаѣ, заслуга немаловажная, за которую многое можетъ мнѣ быть прощено.

XVI.

Въ странѣ, населенной полудикими пролетаріями, каждый неурожай производитъ такія страданія, о которыхъ не имѣютъ понятія жители богатыхъ и промышленныхъ земель. Каждый неурожай во Франціи XVIII столѣтія приводилъ за собою голодъ и общественныя волненія, потому что большинство сельскаго населенія не имѣло никогда никакихъ запасовъ, и, живя со дня на день, тотчасъ встрѣчалось лицомъ къ лицу съ голодною смертью, какъ только погода въ какомъ нибудь отношеніи переставала благоприятствовать успѣшному созрѣванію жатвы. Въ историческихъ сочиненіяхъ упоминается часто о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, которыя, совпадая съ общественною нескладицею, увеличиваютъ тревожное настроеніе умовъ и усиливаютъ разнообразныя беспорядки. Говоря о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, историки обыкновенно смотрятъ на нихъ какъ на явленіе совершенно самостоятельное, и неимѣющее ни малѣйшей связи съ общественнымъ положеніемъ той страны, надъ которою они разражаются. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, историки обнаруживаютъ трогательное отсутствіе обобщающаго пониманія.

Объяснить и доказать это вовсе не трудно. Представьте себѣ, что васъ застигаетъ въ дорогѣ наша отечественная мятель, украшенная 20-ти градуснымъ морозомъ; вы, какъ человѣкъ, одаренный еноговою шубою, остаетесь здравы и невредимы, а ямщикъ вашъ, благодаря своему зипуну, *) отмороживаетъ себѣ руки и ноги, приобретаетъ антоновъ огонь, **) и умираетъ. Мятель для васъ обонхъ была одна и таже, и морозъ одинъ и тотъ же, но оборонительное оружіе противъ того и другого было у васъ различное, а потому и результаты получились совершенно несходные.

Размѣры моей притчи о мятели и ея послѣдствіяхъ могутъ быть увеличены въ миллионы разъ, и притча не потеряетъ отъ этого своей вѣрности. Мы увидимъ тогда, что богатый, промышленный и образованный народъ, счастливый по условіямъ своего гражданскаго быта ***) , переноситъ естественныя бѣдствія совѣмъ не такъ, какъ переноситъ его народъ бѣдный, производящій мало земледѣльческихъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій, погруженный въ невѣжество, и доведенный своими историческими несчастіями до неизбѣжной и подавляющей апатіи. *Вопервыхъ*, многія, если не всѣ, естественныя бѣдствія поражаютъ бѣдный и невѣжественный народъ гораздо чаще, чѣмъ богатый и образованный. Понятно также, что это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго совершенства предохранительныхъ мѣръ, а количество и качество этихъ мѣръ, очевидно, обуславливается общимъ положеніемъ народа. Голодъ также посѣщаетъ всего чаще тѣ мѣста, въ которыхъ искусство человѣка слабо, и въ которыхъ хлѣбныя зерна совершенно предоставляются на волю естественныхъ силъ земли и атмосферы; чѣмъ безобразнѣе земледѣльческія орудія, чѣмъ допотопнѣе системы хозяйства, тѣмъ хуже родится хлѣбъ, и тѣмъ чаще происходятъ неурожаи. Моровая язва и разныя другія повальныя болѣзни идутъ обыкновенно вслѣдъ за голодомъ, и разражаются съ особенною силою въ военныхъ лагеряхъ или въ городахъ, въ которыхъ чистый воздухъ составляетъ роскошь, доступную только для самаго ограниченнаго меньшинства. Извѣстно, что холера, лихорадки, тифы появляются сначала въ самыхъ бѣдныхъ и грязныхъ кварталахъ, а потомъ изъ лачугъ переходятъ въ роскошные отели, напоминая обитателямъ послѣднихъ, что въ лачугахъ прозябаютъ и дышатъ животныя совершенно одинаковой

*) «Зипунъ одежда честная» и т. т. (Объявленіе объ изданіи «Времени» въ 1863 году).

**) Его должно утѣшить, что, благодаря тому же зипуну, онъ, кромѣ антонова огня, приобрѣлъ себѣ еще сочувствіе либеральныхъ журналистовъ.

***) Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти привлекательные эпитеты имѣютъ только относительное значеніе. Англичане счастливы и т. д. въ сравненіи съ Индусами, но абсолютно счастливыхъ народовъ до сихъ поръ еще не бывало.

съ ними организаціи, и что когда забыта всякая солидарность между различными частями большой человѣческой семьи, тогда общія болѣзни образуютъ между ними единственную, и въ тоже время неразрывно—крѣпкую связь. Извѣстно, что голодъ и язва постоянно работаютъ на Востокѣ, гдѣ массы подавлены нищетою и рабствомъ; извѣстно, что Англичане своимъ управленіемъ производятъ въ Остѣ-Индіи голодъ и повальныя болѣзни, которыя не были извѣстны тамошнимъ жителямъ до тѣхъ поръ, пока Остѣ-Индская кампанія не приняла на себя чело-вѣколюбивый трудъ обирать Индуса до послѣдней нитки, и называть это обираніе распространеніемъ европейской цивилизаціи между грубыми варварами. Все это во-первыхъ. А *во-вторыхъ*, надо взять въ расчетъ, что если надъ богатымъ и образованнымъ народомъ стряется такая бѣда, которую нельзя отвратить никакими предосторожностями, то богатство, образованность и вытекающая изъ нихъ неутомимая дѣятельность даютъ народу возможность перенести это бѣдствіе безъ большихъ потерь, и потомъ съ изумительною быстротою исправить понесенныя убытки. Случилось, положимъ, землетрясеніе или наводненіе; тотчасъ появляются со всѣхъ сторонъ вспомошествованія и пожертвованія; но они даже и ненужны, потому что всѣ погибшія зданія были застрахо-ваны; кто изъ жителей разорился, тотъ можетъ найти себѣ работу, и находить ее въ промышленной странѣ несравненно легче, чѣмъ могъ бы сдѣлать это въ такомъ мѣстѣ, гдѣ царствуетъ невозмутимый застой.

Все это отступленіе отъ главнаго предмета клонилось къ тому, чтобы показать, что отношенія челоѣка къ явленіямъ природы подчинены тѣмъ отношеніямъ, которыя установились въ теченіи вѣковъ между челоѣкомъ и челоѣкомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что счастье челоѣка зависитъ *исключительно* отъ особенностей его общественной жизни. Когда каждый челоѣкъ будетъ относиться къ каждому другому челоѣку совершенно разумно, тогда изъ этихъ разумныхъ отношеній вырабатывается такая сила, которая побѣдитъ навсегда всякія враждебныя вліянія природы. Въ подтвержденіе этой мысли достаточно будетъ привести одинъ крупный примѣръ. Сравните южныя части Европы съ сѣверными, и вы увидите, на какой сторонѣ находится перевѣсъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Народъ счастливѣе на Скандинавскомъ полуостровѣ, чѣмъ на Пиринейскомъ; счастливѣе въ Даніи, чѣмъ въ Италіи; въ Англіи, чѣмъ въ Турціи; и именно во столько разъ счастливѣе въ первыхъ странахъ, чѣмъ во вторыхъ, во сколько разъ климатическія условія благопріятнѣе во вторыхъ, чѣмъ въ первыхъ.

Окончательный выводъ нашъ, парадоксальный по своей формѣ, будетъ тотъ, что не природа, а исторія производитъ неурожаи, пожары и повальныя болѣзни. Этотъ выводъ уже прямо относится къ нашему главному предмету. Во Франціи, въ 1788 году былъ неурожаи, и по-

слѣдствія этого неурожая во многихъ отношеніяхъ содѣйствовали усиленію революціи. Для насъ вовсе не интересно то обстоятельство, что солнечные и дождливые дни слѣдовали въ этомъ году одни за другими въ томъ или въ другомъ порядкѣ; но для насъ уже интересно и важно то, что неблагоприятная погода испортила жатву на значительномъ пространствѣ французской территоріи. Для насъ еще важнѣе и еще интереснѣе то, что одна испорченная жатва произвела во Франціи сильныя народныя страданія и такія волненія, которыя заняли свое мѣсто въ исторіи. Конечно, всѣ прежніе правители Франціи своими совокупными усиліями не могли навлечь на свою родину градовую тучу, или отклонить отъ ея засыхающихъ полей благотворное дождевое облоко; однако не подлежитъ сомнѣнію, что самый климатъ страны можетъ быть испорченъ, напримѣръ, нерасчетливымъ вырубаніемъ лѣсовъ, — или улучшенъ, напримѣръ, осушкою болотъ. Если прежніе правители Франціи, по незнанію или по небрежности, упускали изъ виду лѣса и болота, то даже въ дѣлѣ погоды эти прежніе правители являются виновниками позднѣйшихъ бѣдствій.

Если мы перейдемъ къ вопросу о томъ, почему люди подѣйствовали разрушительно на жатву, то тутъ участіе прежнихъ правительствъ въ бѣдствіяхъ настоящей эпохи сдѣлается еще ошутительнѣе; еслибы поля были вспаханы глубже, еслибы они были орошены каналами, еслибы между нивами были разсажены расчетливымъ образомъ деревья, то вліяніе засухи было бы ослаблено въ значительной степени. А почему земля была дурно вспахана, почему не было каналовъ, почему не было аллей? Да потому, что у крестьянъ, не было ни хорошихъ орудій, ни рациональныхъ познаній; а этого не было потому, что народъ вообще былъ бѣденъ до послѣдней степени и задавленъ самымъ глубокимъ невѣжествомъ. А почему одна испорченная жатва производила въ тогдашней Франціи голодъ, опасный для самой жизни цѣлыхъ милліоновъ людей? Очевидно потому, что народъ жилъ почти такъ, какъ живутъ теперь Остяки, не оставляя ничего про запасъ, сѣдая въ одинъ годъ все, что не отнято изъ ихъ рукъ сборщиками податей и господскихъ повинностей, и находясь такимъ образомъ постоянно въ безусловной зависимости отъ ежегодныхъ щедротъ земли и благоприятной погоды. А если земля ничего не даетъ, и если погода окажется неблагоприятною, тогда дѣлать нечего, хоть съ голоду умирай.

Такимъ образомъ, милліоны французскаго народа до минуты собирація жатвы находились каждый годъ въ положеніи игрока, поставившаго на карту свою жизнь и жизнь своего семейства, и обязавшагося въ случаѣ проигрыша, умерить голодную смертью себя и своихъ домашнихъ. Въ случаѣ же выигрыша, счастливому игроку дается отерочка, и ему позволено быть увѣреннымъ, что онъ не умретъ съ голода раньше

будущаго года. Этою годовою отсрочкою исчерпываются всѣ счастливые шансы, которые могъ извлечь французскій крестьянинъ—пролетарій изъ блистательнѣйшаго выигрыша. И каждый годъ возобновляется таже игра, съ тѣми же пріятными шансами. Хочешь не хочешь, а играй, пока тебя таскаютъ ноги, и пока дѣйствуютъ у тебя руки.

Я говорилъ, въ одной изъ предъидущихъ главъ, объ ажіотажѣ, проникнувшемъ въ народныя массы вслѣдствіе выпуска мелкихъ ассигнацій, постоянно колебавшихся въ своемъ курсѣ. Я выставлялъ вредныя послѣдствія этого ажіотажа, но спрашивается, какой же ажіотажъ, по своему потрясающему дѣйствию на человѣческія нервы и по своему вредному вліянію на общественную нравственность, можетъ сравниться, хотя въ самой отдаленной степени, съ этою колоссальною и вѣчною игрою, составлявшею собою всю жизнь огромнаго большинства французскихъ крестьянъ? Эта колоссальная и вѣчная игра выдумана и привита къ жизни французскаго народа старою монархіею. Въ эту игру входятъ самые разнообразныя ингредиенты: тутъ занимаетъ первое мѣсто громкая слава французскаго оружія; тутъ бросается въ глаза блескъ французскаго двора; тутъ сіяютъ великолѣпныя любезности (*galantries*) Франциска I, Людовика XIV и Людовика XV; тутъ ласкаютъ зрѣніе парки, дворцы и фонтаны разныхъ королевскихъ резиденцій; тутъ мы съ глубокимъ уваженіемъ преклоняемся передъ картинными галереями и мраморными статуями, свидѣтельствующими о просвѣщенномъ вкусѣ и о весьма понятной щедрости прежнихъ правителей; тутъ придворные поэты, придворные костюмы, придворные лакеи, придворные шуты и придворныя животныя; тутъ рябитъ въ глазахъ отъ золота и пестроты; тутъ, однимъ словомъ, собрано все, что довело государственныя финансы Франціи до неотразимой катастрофы; тутъ все, что, впродолженіи тысячелѣтія, увлекало въ свой широкій и глубокій потокъ трудовыя копѣйки всякой негодной и оборванной сволочи; и это все,—этотъ блескъ, этотъ потокъ, эта причина финансовой катастрофы, — лишивъ земледѣльца всякой собственности, уничтожило, наконецъ, самую возможность труда, и засушило такимъ образомъ послѣдній источникъ, изъ котораго простой человѣкъ могъ извлекать себѣ средства къ существованію.

Я говорю, что уничтожена была самая возможность труда, и говорю это потому, что трудъ и азартная игра—двѣ вещи совершенно различныя. Трудомъ можетъ называться только тотъ процессъ, въ которомъ извѣстному напряженію мускуловъ и нервовъ соотвѣтствуютъ извѣстные, то есть, точно опредѣленные результаты. Чѣмъ болѣе это соотвѣтствіе между напряженіемъ и результатами подвержено колебаніямъ, тѣмъ сильнѣе самая сущность труда отравляется элементомъ риска. Мы видѣли, какъ силенъ былъ элементъ риска въ жизни и ежедневной дѣятельности французскаго крестьянина прошлаго столѣтія; поэтому насъ

не должно изумлять то выраженіе, что хозяйство старой монархіи уничтожило для огромной массы французскихъ гражданъ самую возможность труда. Крестьянинъ работаетъ одинъ годъ и сытъ; работаетъ другой годъ точно также усердно и умираетъ съ голода. На что же это похоже? Вѣдь это вотъ что значить: я ставлю одну карту, — мнѣ ее даютъ, я ставлю другую — ее бьютъ; а для того, чтобы не умереть съ голода, мнѣ необходимо, чтобы мнѣ дали подрядъ пятьдесятъ или шестьдесятъ картъ; сколько лѣтъ я проживу, столько картъ; каждый годъ по картѣ. Спрашивается, трудъ ли это, или игра? Спрашивается кромѣ того: что составляетъ, при подобныхъ условіяхъ, нормальный уровень моего благосостоянія? Для того, чтобы я былъ постоянно сытъ, мнѣ необходимъ невозможный рядъ постоянныхъ удачъ. По теоріи вѣроятностей, я могу только ожидать, что количество счастливыхъ картъ будетъ равняться количеству несчастныхъ. Стало быть, одинъ годъ я сытъ, а другой годъ умираю съ голода, потомъ опять сытъ, и опять голодаю; въ среднемъ выводѣ оказывается, что я постоянно нахожусь впроголодь, потому что занимаюсь не трудомъ, а игрою.

Мы встрѣчаемъ въ числѣ многихъ другихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ французскаго революціоннаго движенія, дороговизну хлѣба, произведенную неурожаемъ 1788 года. Встрѣчаясь съ этимъ фактомъ, мы сначала можемъ подумать, что революція произведена отчасти средне-вѣковымъ прошедшимъ, а отчасти неодолевыми силами природы. Мы можемъ отнести голодъ и дороговизну къ такому порядку фактовъ, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствіями и ошибками людей. Но все это мы сдѣлаемъ только сначала. Вглядѣвшись внимательно въ причинную связь событій, мы тотчасъ сообразимъ, что рабская зависимость сильнаго и даровитаго народа отъ переменъ погоды составляетъ, быть можетъ, самое замѣчательное проявленіе той безпомощности и искусственной хилости, до которой этотъ народъ былъ доведенъ блестящими подвигами своихъ предводителей. «*Quand un français a la colique, il dit que c'est la faute du gouvernement*». (Когда у француза болитъ животъ, онъ говоритъ, что въ этомъ виновато правительство) — этими словами сами французы превосходно характеризуютъ свою привычку сваливать на правительство всякую заботу, и упрекать правительство за всѣ несовершенства жизни. Эта привычка сама по себѣ вовсе не полезна, но она не даромъ укоренилась во французскомъ народѣ; она составляетъ неизбѣжный выводъ изъ безконечно-длиннаго ряда пережитыхъ опытовъ; правительство старой монархіи особенно сильно содѣйствовало развитію этой привычки; мѣшая всякой инициативѣ, путаясь во все, извлекая деньги изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ источниковъ, не дѣлая на эти деньги ничего полезнаго для общества, правительство старыхъ королей должно было нести ужасную

отвѣтственность за все зло, которое совершалось на французской территории, и за всѣ препятствія, которыя, сознательно или безсознательно, подавляли возникновеніе и развитіе всякаго добра. Когда у французскаго мужика въ прошломъ столѣтіи болѣлъ животъ отъ древесной коры, и отъ разныхъ другихъ изящныхъ веществъ, исправляющихъ должность муки, тогда этотъ французъ имѣлъ полное основаніе сказать, «что въ этомъ виновато правительство». *Ancien régime*, державшійся по милости этихъ правительствъ впродолженіи многихъ столѣтій, испортилъ во Франціи все, начиная отъ народной логики и кончая народными желудками, начиная отъ государственныхъ финансовъ и кончая погодою, начиная отъ междулическихъ отношеній и кончая формою костюмовъ. Все было перевернуто исторіею, и всѣ результаты этого хроническаго коверканія обрушились на людей старой монархіи тогда, когда имъ пришлось сводить счеты за себя и за своихъ великолѣпныхъ предшественниковъ. Природа тутъ не при чемъ. Неурожай, голодъ, волненіе — все это произведено не природою, а исторіею. Вездѣ и на всемъ лежала во Франціи мертвящая рука старой монархіи; нѣтъ того климата, котораго бы она не испортила, нѣтъ той почвы, которой бы она не истощила.

XVII.

Неурожай 1788 года произвелъ дороговизну хлѣба во время 1789 года; различныя провинціальныя и городскія управленія, заботясь о продовольствіи своихъ жителей, перебывали другъ у друга существующіе запасы, и своимъ соперничествомъ еще болѣе поднимали цѣны, которыя и безъ того были очень высоки. Эти торговыя операціи городскихъ и провинціальныхъ управленій были вызваны необходимостью, и конечно не заключали въ себѣ ни малѣйшаго лукаваго умысла; но народъ страдалъ; его тревожили разные зловѣщія слухи, ему было неудобно и невозможно разсуждать благоразумно и спокойно о причинахъ дороговизны; онъ зналъ, что ему въ прошедшемъ дѣлали много зла аристократы и купцы; понятіе объ этихъ двухъ классахъ людей, присвоивавшихъ себѣ силою или хитростью продукты его труда, тѣсно связывалось въ его умѣ съ ощущеніемъ боли; народу было больно; значитъ, разсуждалъ народъ, тутъ дѣйствуютъ купцы и аристократы; не трудно было найти, какъ они дѣйствуютъ. Аристократы, думалъ народъ, скупаютъ хлѣбъ изъ злости, чтобы отомстить мужикамъ за низверженіе феодализма, а купцы дѣлаютъ тоже самое изъ корыстолюбія, чтобы набить себѣ карманы, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. А правитель-

ство слабо, правительство этого не знает, правительство обмануто врагами народа.

Рядъ подобныхъ разсужденій, вытекающихъ прямо и непосредственно изъ чувства страданія, долженъ былъ неизбѣжно привести къ тому практическому выводу, что народу слѣдуетъ самому взяться за свое дѣло, самому расправиться съ своими обидчиками, самому прекратить гнетущую дороговизну. Примѣры народной расправы встрѣчаются въ это время вездѣ, гдѣ только встревоженному народу попадаетъ подозрительное лицо, а кого именно народъ считалъ подозрительнымъ, это было такъ же трудно опредѣлить, какъ и то, кого именно онъ считалъ ненаподозрительнымъ. Народъ дѣйствовалъ по вдохновенію, и порывы этого вдохновенія были всегда довольно разрушительны, и часто попадали туда, куда имъ совсѣмъ не резонъ было попадать. Случалось не рѣдко, что какой нибудь несчастный агентъ городского или провинціального вѣдомства, отправленный своимъ начальствомъ для закупки хлѣба, попался въ руки вдохновенной толпы патріотовъ, которые, не выслушивая никакихъ оправданій, вѣшали усерднаго чиновника, какъ злонамѣреннаго барышника, производящаго искусственную дороговизну хлѣба. Всякій хлѣбный торговецъ находился въ постоянной опасности, всякій булочникъ могъ ежеминутно ожидать, что лавка его будетъ разграблена голоднымъ народомъ; въ городахъ мѣстное начальство принимало свои мѣры для того, чтобы хлѣбъ постоянно оставался доступнымъ по своей цѣнѣ бѣднѣйшему классу жителей; но въ деревняхъ дороговизна была такъ обременительна, что толпы крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ предпринимали нашествіе на сосѣдніе города, грабили амбары и булочные, сталкивались съ отрядами національной гвардіи, и не рѣдко побуждали блюстителей порядка и защитниковъ собственности.

Лѣтомъ 1790 года, эти крестьянскія волненія стали принимать очень серьезныя размѣры. Тѣ провинціи, которыя въ прошломъ 1789 году отличались особенною яростью въ возстаніи противъ дворянскихъ правъ, отпраздновали годовщину этого перваго возстанія новымъ движеніемъ, направленнымъ сначала противъ дороговизны хлѣба, а потомъ противъ привилегій богатства вообще. Центральныя провинціи королевства: Бурбонне, Берри, Ниверне, Шароле, покрылись вооруженными толпами сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ требованія стали дѣлаться обширнѣе и настоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ они сами стали чувствовать свою силу и свою многочисленность. Сначала поднявшіеся крестьяне требовали отъ правительства, чтобы оно установило таксу на хлѣбъ, и прекратило, дѣйствіемъ своей власти, преступныя продѣлки аристократовъ и барышниковъ, скупающихъ хлѣбъ и производящихъ искусственный голодъ; это требованіе было совершенно неисполнимо, потому что преступ-

нии продѣлки существовали только въ воображеніи народа; но на этомъ дѣло не остановилось. Крестьяне взяли приступомъ городъ Десизъ, и потребовали себѣ общаго пониженія арендной платы; вслѣдъ за тѣмъ явилась идея, что арендную плату можно совершенно отмѣнить; пролетаріи захотѣли сдѣлаться собственниками, и по волнующимся провинціямъ пробѣжала съ изумительною быстротою мысль объ поземельномъ законѣ, то есть, о такомъ раздѣлѣ полей, при которомъ уничтожились бы, какъ сельскій пролетаріатъ, такъ и колоссальная поземельная собственность.

Аграрный законъ составляетъ краеугольный камень всякой коммунистической системы; это любимый конекъ всѣхъ коммунистовъ со временъ Ликурга, а пожалуй, и раньше. Каждый разъ, когда въ теченіи вѣковъ, произносились серьезно эти два слова: «аграрный законъ,»—они дѣлались сигналомъ самой неумолимой борьбы между достаточными гражданами и оборванною сволочью, между правами собственности и посягательствами коммунизма, между практикою и заразительною утопіею. До сихъ поръ, побѣда постоянно оставалась на сторонѣ историческаго права; такъ точно случилось и въ 1790 году. Въ національномъ собраніи партія коммунистовъ почти не существовала; напротивъ того, собственники пользовались въ немъ всесильнымъ вліяніемъ; поэтому, тенденціи сельскихъ пролетаріевъ произвели въ собраніи величайшій ужасъ и возбудили противъ себя сильнѣйшее отвращеніе. Рѣшено было всякія подобныя тенденціи подавлять вооруженною силою, и всякую мысль объ аграрномъ законѣ считать возмутительнымъ преступленіемъ. Национальная гвардія съ удвоенною энергіею стала дѣйствовать противъ самородныхъ коммунистовъ, и къ зимѣ 1790 года, движеніе пролетаріевъ противъ собственности совершенно утратило свой грозный характеръ, и опять раздробилось на разъединенные и отрывочные акты народной расправы съ амбарами, булочными и такъ называемыми барышниками. Но, всякій разъ, какъ собраніе начинало разсуждать о необходимости строгихъ мѣръ, — адвокат Робеспьеръ изъ Арраса вставалъ съ своего мѣста, отправлялся на трибуну, и начиналъ говорить; краснорѣчіе этого оратора не поражало слушателей; тема его рѣчей въ подобныхъ случаяхъ была постоянно одна и таже; но именно это однообразіе составляло силу этого человѣка, и постепенно, неизгладимыми чертами, врѣзывало его образъ и весь строй его идей въ умъ тѣхъ слушателей, которые толпились на галлереяхъ. Робеспьеръ постоянно говорилъ о страданіяхъ народа, постоянно выводилъ изъ этихъ страданій всѣ безпорядки и постоянно, всѣми силами, сопротивлялся приложенію строгихъ мѣръ. Ему рѣдко удавалось доставить своему мнѣнію побѣду въ собраніи, но народъ твердо помнилъ имя, наружность и идеи своего неумоимаго защитника. Въ собраніи Робеспьеръ оставался дюжиннымъ ораторомъ, но

въ Парижѣ и во Франціи онъ былъ уже сильнымъ человѣкомъ. Въ характерѣ своихъ рѣчей, Робеспьеръ примѣнялся къ требованіямъ обстоятельствъ и къ понятіямъ своихъ товарищей — депутатовъ, на которыхъ онъ старался дѣйствовать; ни республиканскихъ, ни коммунистическихъ идей не встрѣчалось въ его разсужденіяхъ; единственнымъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго выводились всѣ варіаціи, было для Робеспьера уваженіе къ народу, сочувствіе къ его страданіямъ, стремленіе возвысить его благосостояніе кроткими и гуманными распоряженіями. Такія тенденціи не могли никого озадачить въ національномъ собраніи, а между тѣмъ, когда другіе депутаты говорили о необузданномъ своеволіи крестьянъ, о ихъ жестокой дикости и необходимости дѣйствовать противъ нихъ штыками національной гвардіи, тогда практическое различіе между рѣчами Робеспьера и произведеніями другихъ ораторовъ обозначалось очень явственно, и народъ въ Парижѣ и въ департаментахъ, вѣроятно по извѣстной уже намъ простотѣ своей, находилъ, что одинъ Робеспьеръ говоритъ настоящее дѣло.

Другой любимецъ французскаго пролетаріата, Марать не умѣлъ или не хотѣлъ держаться осторожной и выжидательной политики Робеспьера; пренебрегая всякими приличіями, отбрасывая въ сторону всякую дипломатическую мягкость выраженій, Марать неутомимо проповѣдывалъ въ своей газетѣ: «*Ami du peuple*» истребительную войну немущихъ гражданъ противъ аристократовъ, противъ купцовъ, противъ богачей, противъ собственниковъ, противъ національной гвардіи, противъ учредительнаго собранія, противъ всѣхъ и противъ всего, кто и что отдѣляло пролетаріевъ отъ верховной власти въ государствѣ, и отъ полнаго наслажденія благами жизни. Марать не смущался даже тою мыслью, что пролетаріи, быть можетъ, не останутся побѣдителями въ этой борьбѣ со всѣми властями и высшими классами общества; Марать не хотѣлъ и не могъ сообразить, что на сторонѣ высшихъ классовъ находится, въ данную минуту, несомнѣнный перевѣсъ вооруженія и организаціи; онъ не хотѣлъ понять, что собственникъ будетъ сражаться за свою собственность съ мужествомъ отчаянія.

Былъ ли Марать въ полномъ умѣ, или страдалъ онъ разстройствомъ мозга, это такой вопросъ, который можетъ быть очень интересенъ для спеціалиста по части душевныхъ болѣзней; я замѣчу только, что его пламенный протестъ неотразимо увлекалъ толпу. Масса пошла за людьми, подобными Марату и Робеспьеру; прежніе кумиры, Балли, Лафайетъ, Мирабо, стали казаться массѣ измѣнниками и врагами; тѣ классы общества, которые группировались вокругъ этихъ бывшихъ кумировъ, стали также считаться притѣснителями народа, и прямыми преступниками уничтоженныхъ аристократовъ. Между буржуазією и низшими слоями народа произошло окончательный разрывъ, который продол-

жается до сихъ поръ, и котораго послѣдствія далеко еще неисчерпаны событіями нашей эпохи. Этотъ разрывъ обнаружился въ самомъ Парижѣ тотчасъ послѣ побѣды третьяго сословія, послѣ взятія Бастиліи и послѣ сформированія національной гвардіи. Буржуазія хотѣла водворить порядокъ, а народъ хотѣлъ продолжать беспорядки; буржуазія хотѣла охранять собственность, а народъ, которому нечего болѣе охранять, хотѣлъ завоевать собственность; на сторонѣ буржуазіи находились всѣ кроткія добродѣтели человѣка и гражданина; на сторонѣ народа—всѣ буйные пороки голодной собаки и отверженнаго каторжника. Все это прекрасно! Честь и слава буржуазіи, штыки и позоръ народу! Но, именно потому, что буржуазія сіяла красотою и честностью, а народъ поражалъ зрѣніе безобразіемъ и гнусностью,—и именно потому, между народомъ и буржуазіею не могло быть ни союза, ни примиренія. Борьба между ними была такъ же неизбежна, какъ борьба между свѣтомъ и тьмою, между Ормуздомъ и Ариманомъ. Парижане давно поняли это, но провинціалы, которымъ всегда суждено получать и носить парижскіе моды годомъ позднѣе, сообразили это обстоятельство только во время крестьянскихъ волненій 1790 года.

Тутъ, дѣйствительно, мудро было не сообразить. Единственная вооруженная сила, которую встрѣчали сельскіе пролетаріи, называлась національною гвардіею, и состояла изъ горожанъ, обязавшихся защищать конституцію, и охранять тишину и спокойствіе. При каждой встрѣчѣ національной гвардіи съ крестьянами, штыкъ національнаго гвардейца попадалъ крестьянину либо въ животъ, либо въ грудь, и такъ какъ эти опыты въ теченіи лѣта 1790 года производились, во многихъ мѣстностяхъ Франціи, чуть ли не каждый день, то самая упорная вѣра въ единодушіе французской націи должна была наконецъ поколебаться, совершенно независимо отъ декламации демократическихъ ораторовъ и отъ газетныхъ статей демократическихъ журналовъ. Каждая старуха и каждый ребенокъ увидѣли и поняли наконецъ, что люди, хорошо одѣтые и хорошо вооруженные, враждуютъ съ оборванною сволочью, вооруженною разнымъ дрекольемъ; и враждуютъ эти двѣ партіи не въ одномъ мѣстѣ, и не при какомънибудь отдѣльномъ случаѣ, а враждуютъ вездѣ, и при каждой встрѣчѣ; стало быть, одни хотятъ такъ, а другіе совсѣмъ иначе; чтобы дойти до такого заключенія, надо было только видѣть и слышать то, что дѣлалось въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селеніи тогдашней Франціи; можно было не слыхать ни одной рѣчи Робеспьера, и не читать ни одной статьи Марата, и все-таки понимать, что буржуазія и пролетаріатъ не ладятъ между собою, и что примиреніе между ними совершенно не въ порядкѣ вещей. Проявленіе этого рѣшительнаго разлада между приличными гражданами съ одной и людьми безъ панталонъ съ другой стороны, составляетъ самый важный, и можетъ

быть, единственный важный результат крестьянских волнений 1790 года. Аграрный законъ, конечно, остался неосуществленною мечтою сельскихъ пролетаріевъ, но за то ненависть къ буржуазіи, таившаяся до сихъ поръ въ парижскихъ предмѣстьяхъ, разлилась по всѣмъ департаментамъ, и просочилась въ самый темный и грубый классъ пассивныхъ гражданъ. Эта ненависть положила широкое основаніе будущему господству санкюлотизма.

ХVIII.

Продажа церковныхъ имуществъ, которая, по соображеніямъ добродушныхъ законодателей, должна была уничтожить пролетаріатъ и осчастливить бывшихъ пролетаріевъ, начала обнаруживать свое вліяніе въ концѣ 1790 и въ началѣ 1791 года. Продажею завѣдывали мѣстные муниципалитеты, которымъ предоставлена была за хлопоты шестнадцатая доля выручки; продавать велѣно было мелкими кусками; формальная сторона дѣлопроизводства была упрощена до послѣдней возможности; задатки были назначены самыя умѣренныя, остальная часть суммы разсрочивалась на долгіе сроки; уплата принималась не только звонкою монетою и ассигнаціями, но и разными другими государственными бумагами. Словомъ, были приняты всѣ мѣры для того, чтобы привлечь покупателей и сдѣлать приобрѣтеніе земель доступнымъ для простыхъ и бѣдныхъ людей. Покупателей, дѣйствительно, явилось очень много, такъ что, въ концѣ сентября 1791 года, цѣнность проданныхъ имуществъ доходила уже до 964 милліоновъ. Общій результатъ былъ утѣшительный, и подробности отличались также самою пріятною наружностью, потому что покупателями являлись, большею частью, крестьяне, которые, приобрѣтая себѣ недвижимую собственность, навсегда должны были разстаться съ гибельными тенденціями, свойственными пролетарію и самородному коммунисту. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать. Но здѣсь случилось то, что случается почти вездѣ и почти всегда. Вся выгода операціи досталась не государству, и не трудящемуся классу гражданъ, а разнымъ крупнымъ и мелкимъ аферистамъ и спекуляторамъ. Спекулировать въ тогдашней Франціи было, конечно, все равно, что курить сигару, сидя на раскрытой бочкѣ пороха; взрывъ народныхъ страстей могъ ежеминутно разнести въ дребезги всякую спекуляцію и стереть въ порошокъ самого спекулятора; каждая спекуляція могла показаться подозрительною какой нибудь группѣ патриотовъ, и тогда никто не могъ бы поручиться за безопасность предприимчиваго гражданина; но такъ какъ неразборчивый гнѣвъ патриотовъ поражалъ одинаково часто и одинаково сильно и честныхъ людей, и безсовѣстныхъ мо-

шениковъ, то для человѣка, любящаго пускаться въ рискованныя и не совѣмъ чистыя предпріятія, не было побудительныхъ причинъ обуздать свои размахистыя наклонности. А если оставить въ сторонѣ опасность, которая, впрочемъ, была одинаково сильна для спекуляторовъ и для неспекуляторовъ, то, конечно, придется сознаться, что тогдашняя Франція представляла необъятно широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ проявленій финансовой гениальности со стороны отдѣльныхъ гражданъ. Политическое и соціальное броженіе, колеблющійся курсъ ассигнацій, продажа огромной массы имуществъ, неопытность огромнаго количества крестьянъ, стремившихся къ быстрому обогащенію, безсиліе судебной власти, равнодушіе общественнаго мнѣнія къ гражданскимъ и коммерческимъ процессамъ, и вообще ко всему, что не входило въ сферу животрепещущихъ политическихъ вопросовъ — все это, вмѣстѣ со многими другими мѣстными и временными условіями, создавало въ тогдашней Франціи такой океанъ мутной воды, въ которомъ каждый опытный и смѣлый рыбакъ могъ наловить себѣ пропасть крупной и мелкой рыбы. Продажа церковныхъ имуществъ подала поводъ къ устройству очень простаго рыболовнаго снаряда, который, не смотря на свою простоту, дѣйствовалъ въ этихъ департаментахъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

Рыбакъ, или иначе, спекуляторъ, давалъ подставному лицу изъ крестьянъ небольшую сумму денегъ; подставное лицо это являлось на торги, покупало на свое имя участокъ земли, и отдавало врученную ему сумму въ задатокъ; тогда спекуляторъ въ купленномъ имѣніи начиналъ хозяйничать по своему; лѣсъ вырубался, строенія продавались на сломъ, и вообще изъ имѣнія выжималось на скорую руку возможно большее количество денегъ; данный задатокъ, конечно, возвращался въ карманъ спекулятора съ тройною или четверною прибылью; затѣмъ, никто не думалъ о томъ, чтобы вносить въ положенные сроки остальные доли покупной суммы; когда всѣ сроки были такимъ образомъ пропущены, тогда муниципалитеты, конечно, объявляли продажу недействительною и отбирали имѣнія у несостоятельныхъ покупателей, но въ это время дѣло уже было сдѣлано, и пойманная рыба находилась въ полной сохранности. Государство получало обратно только то, что спекуляторъ не могъ унести въ своемъ бумажникѣ; прежнее число гектаровъ оставалось на мѣстѣ, но въ какомъ положеніи были эти гектары, объ этомъ уже лучше было и не спрашивать; имѣніе было превращено въ пустыню, и едва стоило половины прежней своей цѣны; отвѣтственнымъ лицомъ за произведенное опустошеніе оказывался безграмотный и нищій крестьянинъ, съ котораго нечего было взять, а настоящій рыболовъ со всею собранною добычею былъ въ это время уже далеко, и прилагалъ свои

капиталы и свое искусство къ какому нибудь другому общепольному предпріятію.

Кромѣ такихъ подвиговъ чистаго мошенничества, во время продажи церковныхъ имуществъ совершались многія другія спекуляціи гораздо болѣе невинныя, возникавшія единственно потому, что финансовая предпріимчивость носилась въ воздухѣ эпохи. Обильный поводъ къ разнообразнѣйшимъ биржевымъ фокусамъ и продѣлкамъ подавали ассигнаціи, которыя правительство обязалось принимать въ уплату за продаваемые имуществы, наравнѣ съ звонкою монетою. Тогдашнія ассигнаціи, какъ извѣстно, не имѣли обязательнаго курса; ихъ принимало по нарицательной цѣнѣ только правительство, связанное своими обѣщаніями; при всѣхъ сдѣлкахъ между частными людьми, ассигнаціи всегда стояли ниже звонкой монеты и курсъ ихъ колебался, сообразно съ биржевыми извѣстіями, и смотря по общей фізіономіи политическихъ обстоятельствъ. При каждомъ новомъ выпускѣ, ассигнаціи падали въ цѣнѣ; такое же пониженіе происходило при каждомъ слухѣ о войнѣ, о реакціи, о грозныхъ замыслахъ эмигрантовъ, и вообще при каждомъ вѣрномъ или выдуманномъ извѣстіи о такомъ событіи, которое, угрожая всему дѣлу революціи, могло превратить всѣ ассигнаціи революціоннаго правительства въ негодныя и бессмысленныя лоскутки бумаги. Каждое чувствительное пониженіе въ курсѣ ассигнацій было жестокимъ и раззорительнымъ ударомъ для государственнаго казначейства; при каждомъ такомъ положеніи оно теряло миллионы; вознаградить эту потерю можно было только новымъ выпускомъ ассигнацій, а новый выпускъ неизбѣжно велъ за собою новое пониженіе, новую потерю, опять новый выпускъ, и т. д. до безконечности, въ родѣ того, какъ въ періодической дробѣ первая цифра періода неизбѣжно ведетъ за собою всѣ остальные.

Искреннимъ друзьямъ революціи слѣдовало желать, чтобы ассигнаціи возвышались въ цѣнѣ и сравнивались бы наконецъ съ звонкою монетою, потому что только при этомъ условіи могли поправиться государственныя финансы, составляющіе важнѣйшую опору возникшаго общественнаго зданія. Но, послѣ продажи церковныхъ имуществъ, оказалось, что у многихъ искреннихъ друзей революціи частный экономическій интересъ совершенно расходится съ общимъ политическимъ, и что, при этомъ разладѣ между интересами, близорукое стремленіе къ личной выгодѣ одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дальновидною политическою тенденціею. Покупатели церковныхъ имуществъ, изъ чувства личнаго самосохраненія, должны были всѣми силами защищать дѣло революціи, потому что всякая реакція непременно возстановила бы старое устройство церкви, отобрала бы назадъ всѣ проданныя помѣстья, и, быть можетъ, уничтожая совершившуюся продажу, не возвратила бы даже покупателямъ заплаченныхъ денегъ на томъ основаніи, что поку-

пять церковныя земли свойственно только нечестивымъ негодьямъ, которые должны быть наказаны за свою революціонную безнравственность. Это вѣроятіе не было упущено изъ вида покупателями, которые вообще ожидали отъ всякой реакціи еще гораздо больше ужасовъ и недѣлностей, чѣмъ сколько она могла натворить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, не только всѣ симпатіи покупателей были на сторонѣ революціи, но даже и правильное пониманіе собственныхъ выгодъ обязывало ихъ поддерживать горячо и добросовѣстно общее дѣло всего французскаго народа. Они были искренними друзьями революціи, но, подобно многимъ искреннимъ друзьямъ, они при случаѣ, по простотѣ или по практической сметливости, были вовсе не прочь попользоваться на счетъ возлюбленнаго друга, и съ большимъ удовольствіемъ наносили громадныя убытки государственнымъ финансамъ, чтобы увеличить свое частное благосостояніе копѣечною поживою. Такъ какъ правительство принимало въ уплату ассигнаціи по нарицательной цѣнѣ, то покупателю имущество было очень выгодно, чтобы ассигнаціи понижались; при пониженіи курса, покупатель имущество могъ пріобрѣсти ассигнаціи дешево, отдать ихъ правительству не по своей цѣнѣ, а по нарицательной, получить такимъ образомъ приличный барышъ и оставить за собой имѣніе за половинную цѣну. Но покупателей было очень много; желанія ихъ всѣ клонились къ тому, чтобы понизить курсъ ассигнацій; въ числѣ покупателей были такіе ловкіе люди, которые, не ограничиваясь одними желаніями, умѣли и старались дѣйствовать въ этомъ направленіи; усилія однихъ и желанія другихъ оказывали чувствительное давленіе на общественное мнѣніе, и ассигнаціи падали, и казначейство теряло милліоны, и тревога распространялась въ обществѣ, и биржевая игра окончательно сбивала съ толку все населеніе французскаго королевства, начиная отъ банкира, властвующаго на биржѣ, и кончая сельскимъ пролетаріемъ, для котораго удачная спекуляція воплощалась въ лишней луковицѣ, прибавленной къ обѣду.

При такомъ положеніи дѣлъ, продажа церковныхъ имуществъ не могла принести чувствительной пользы классу безземельныхъ крестьянъ. Эти люди, привыкшіе смотрѣть на поземельную собственность какъ на магическій талисманъ, открывающій доступъ ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни, стали напрягать всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти себѣ при продажѣ уголокъ земли. Уступая ихъ пламеннымъ желаніямъ, муниципалитеты крошили помѣстья на мельчайшіе участки, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что такая мелочная продажа давала въ общей суммѣ самца значительныя выгоды, далеко превышающія тотъ результатъ, котораго можно было бы ожидать отъ продажи гуртомъ. Крестьяне были также въ восторгѣ, и, стремясь къ великому званію собственниковъ, обирали себя до послѣдней нитки, чтобы внести требуемый зада-

токъ. А потомъ? Потомъ крестьянинъ оказывался самъ другъ съ землею, безъ орудій, безъ рабочаго скота, безъ денегъ, и даже иногда безъ хозяйственныхъ построекъ, потому что муниципалитеты крошили участки безъ милосердія, и въ однѣ руки продавали усадьбу съ огородомъ, а въ другія кусокъ полевой земли. Могло-ли изъ всего этого произойти въ ближайшемъ будущемъ какое нибудь дѣйствительное улучшение въ матеріальномъ благосостояніи французскихъ поселянъ? Не обладая особою дальновидностью, можно было предвидѣть и предсказать заранѣе, что пролетаріи, ухлопавшіе свою послѣднюю копѣйку на уплату задатка, не получаютъ отъ своей возлюбленной собственности никакого удовольствія, и ни за что не приобрѣтутъ въ ближайшемъ будущемъ тѣхъ утонченныхъ инстинктовъ консерватизма, которыми кроткій собственникъ отличается отъ буйнаго коммуниста.

Надежды національнаго собранія на продажу церковныхъ имуществъ, какъ на средство поправить финансы и умиротворить безземельныхъ крестьянъ, не осуществились; желаніе остановить революціонное движеніе оказалось не исполнимымъ; стремленіе успокоить народъ и утвердить на прочныхъ основаніяхъ господство буржуазнаго либерализма находилось въ явномъ противорѣчій съ матеріальнымъ положеніемъ и съ умственнымъ настроеніемъ народныхъ массъ. Единственную силу буржуазной политики составляли штыки національной гвардіи и рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ національномъ собраніи. Рѣчи были убѣдительны, а штыки были еще убѣдительнѣе; но съ одной стороны, у эмигрантовъ и у католиковъ, а съ другой стороны, у якобинцевъ и у пролетаріевъ не было тоже недостатка ни въ рѣчахъ, ни въ оружіи. Если мы вспомнимъ, что перевѣсъ числа и отчаянной энергіи былъ на сторонѣ пролетаріата, то намъ не трудно будетъ сообразить, кому изъ трехъ партій принадлежало ближайшее будущее.

XIX.

Со времени взятія Бастиліи, городское управленіе Парижа находилось въ рукахъ революціонныхъ властей, установившихся въ день возстанія; положительный законъ о городскомъ управленіи состоялся дѣтмъ 1790 года, и обсужденіе этого закона въ національномъ собраніи подало поводъ къ горячимъ столкновеніямъ между двумя главными лагерями политиковъ. Либералы изъ буржуазіи хотѣли, чтобы исполнительная власть принадлежала меру и его комитету, а законодательныя распоряженія и контроль были раздѣлены между большимъ и малымъ совѣтомъ. Чистымъ демократамъ это не понравилось: они хотѣли, чтобы собранія секцій засѣдали постоянно, чтобы эти собранія обсуждали

каждый день текущие вопросы, и чтобы мерь приводилъ рѣ исполненіе приказанія, отданныя въ секціяхъ большинствомъ голосовъ.

Нѣ трудно понять, какіе послѣдствія должны были выдти изъ такого устройства: въ постоянныхъ собраніяхъ секцій могли бы участвовать только тѣ граждане, которые дѣлали изъ текущей политики занятіе всей своей жизни; кто имѣлъ хозяйство, свои торговля дѣла, свою промышленность, тотъ не могъ просиживать цѣлые дни и повторять эти засѣданія каждый день. Такимъ образомъ, предводителями и главными членами секціонныхъ собраній должны были сдѣлаться самые заклятые агитаторы, для которыхъ революція только что начиналась, и которые считали измѣнникомъ каждаго гражданина, способнаго утомиться тревогами общественной дѣятельности. Планъ чистыхъ демократовъ не могъ послужить основаніемъ для прочнаго и постояннаго устройства городского управленія; было бы нелѣпо устраивать управленіе такъ, чтобы въ немъ не могли принимать участія полезные и трудящіеся граждане, которые по всѣмъ вопросамъ городского благосостоянія были заинтересованы гораздо сильнѣе, и были гораздо болѣе компетентными судьями, чѣмъ политическіе ораторы всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Демократы понимали это не хуже своихъ противниковъ, и именно потому-то они и настаивали на примѣненіи своего плана, что видѣли его непрочность. Самое существенное различіе между умѣренными либералами и чистыми демократами заключалось, въ то время, именно въ томъ, что первые хотѣли *уже* строить и утверждать прочный порядокъ, а вторые хотѣли *еще* разрушать и покуда увеличивать беспорядокъ.

Смѣшно было бы предположить въ чистыхъ демократахъ безпричинную любовь къ беспорядку ради самаго беспорядка; они тоже хотѣли въ будущемъ и спокойствія, и тишины, и личной безопасности, и порядка, но они думали, что всѣ эти прекрасныя вещи будутъ дѣйствительно прекрасны для всѣхъ французскихъ гражданъ только тогда, когда не только государство, но и общество будетъ сначала разобрано по кусочкамъ, до самаго основанія, а потомъ опять сложено по совершенно новому рисунку. Трудно сказать, чтобы для кого нибудь изъ тогдашнихъ демократовъ этотъ новый рисунокъ былъ ясенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; они не знали хорошенько, къ чему именно они придутъ, но они безгранично вѣрили въ народъ, и надѣялись, что его живыя силы выработаютъ что нибудь превосходное, если только силы эти будутъ взволнованы во всей своей глубинѣ, и если броженіе, необходимое для этого народнаго творчества, будетъ постоянно поддерживаться въ полномъ своемъ могуществѣ. Но если народъ обнаруживалъ какія нибудь консервативныя наклонности или реставраціонныя стремленія, тогда демократы смѣло противодѣйствовали народу, говорили съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ сбивается съ дороги, и объясняли себѣ

это заблужденіе народа именно тѣмъ, что силы его еще не довольно глубоко взволнованы, и что броженіе начинаетъ ослабѣвать, вслѣдствіе преступныхъ происковъ двора, аристократіи, собранія, буржуазіи, клерикаловъ или какихъ нибудь другихъ измѣнниковъ и оскорбителей народной святыни. Значитъ, демократамъ въ тогдашнее время надо было во всякомъ случаѣ усиливать броженіе, и особенно всѣми мѣрами противодействовать всякой попыткѣ прочной организаціи.

Добиваясь постоянныхъ собраній въ парижскихъ секціяхъ, демократы, конечно, заботились не о томъ, чтобы произвести какія нибудь улучшения въ городскомъ хозяйствѣ; имъ до городского хозяйства не было рѣшительно никакого дѣла; они хотѣли только имѣть въ секціонныхъ собраніяхъ надежное орудіе, которымъ, въ случаѣ надобности, можно было въ нѣсколько часовъ взволновать весь Парижъ, и, слѣдовательно, произвести переворотъ въ цѣлой Франціи. Предводители буржуазіи хорошо понимали, къ чему клонилось дѣло, и разумѣется, употребили всѣ усилія, чтобы не дать демократамъ этого орудія, и чтобы сдѣлать всякій дальнѣйшій переворотъ совершенно невозможнымъ. За постоянныя засѣданія секцій стоялъ въ національномъ собраніи Робеспьеръ; въ городѣ агитировалъ въ томъ же направленіи Дантонъ, пользовавшійся уже сильнымъ вліяніемъ въ клубѣ кордельеровъ, въ которомъ засѣдали самые крайніе якобинцы. Марать, по своему обыкновенію, разсыпалъ по этому поводу въ своей газетѣ проклятія и угрозы. Но и между демократами начали обнаруживаться несогласія. Бриссо, бывшій въ то время членомъ общиннаго совѣта, и сдѣлавшійся впоследствии однимъ изъ предводителей жиронды, сталъ говорить и писать противъ постоянныхъ засѣданій секцій. Это перессорило его съ чистыми демократами, и, съ тѣхъ поръ, демократы рѣшительно перестали считать его своимъ союзникомъ. На этотъ разъ буржуазія одержала полную побѣду, потому что въ національномъ собраніи демократическая партія была очень слаба, а въ городѣ агитаторы еще не успѣли придать своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ единство организаціи, необходимое для успѣха насильственнаго переворота. Городское управленіе было расположено по плану либераловъ *), и постоянныя засѣданія въ секціяхъ были устранены. Выборы городскихъ властей также доставили полное торжество либераламъ: Балли былъ снова выбранъ меромъ, а Лафайетъ начальникомъ національной гвардіи; но популярность того и другого клонилась къ упадку по мѣрѣ того, какъ низшіе

*) Слово либераль въ концѣ прошлаго столѣтія не было употребительно, но я позволю себѣ называть такимъ образомъ политиковъ буржуазіи, чтобы отличать ихъ отъ якобинцевъ, кордельеровъ и другихъ предводителей пролетаріата, которыхъ я буду называть демократами.

классы столичнаго населенія отдѣлялись отъ буржуазіи, и начинали смотрѣть съ недовѣріемъ и ненавистью на красивые мундиры и блестящія штыки національныхъ гвардейцевъ.

Въ Парижѣ движеніе народныхъ умовъ противъ богатства и собственности было чрезвычайно сильно, такъ что окончательный разрывъ между національною гвардіею и пролетаріатомъ былъ неизбеженъ и недалекъ. На это было много мѣстныхъ причинъ. При старой монархіи, Парижъ, какъ мѣстопробываніе богатаго и расточительнаго двора, кормилъ свое промышленное населеніе почти исключительно тою работою, которую задавало ему удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ капризовъ и фантазій аристократической роскоши. Парижъ былъ переполненъ такими ремесленниками, которые работали и могли работать только для богатыхъ господъ, потому что среднему сословію, и тѣмъ болѣе простому народу, чудеса ихъ техническаго искусства были, во-первыхъ, не доступны по цѣнѣ, а во-вторыхъ, совершенно бесполезны. Когда аристократы потянулись за границу, и когда капиталисты, напуганные уличнымъ шумомъ, стали съезживаться, прятать деньги въ иностранныя банки, и, во избѣжаніе грѣха, умѣрять свою обыденную роскошь, тогда тысячи рафинированныхъ ремесленниковъ остались безъ работы, и тогда послышался въ Парижѣ плачь и скрежетъ зубовъ, который не остался безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ событій.

По здоровой экономической теоріи слѣдуетъ, конечно, считать благодѣтельною такую перемѣну, которая насильно перебрасываетъ тысячи людей изъ бесполезныхъ отраслей производства въ полезныя, но при этомъ надо помнить, что въ дѣйствительной жизни никакія благодѣтельныя перемѣны не обходятся даромъ, и не совершаются въ одно мгновеніе ока, безъ ломки, безъ борьбы, и безъ индивидуальныхъ страданій. Франція несомнѣнно осталась бы въ барышахъ, если бы всѣ парикмахеры, украшавшіе въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ очаровательныя головы графовъ и графинь, маркизовъ и маркизъ, во все это время пахали бы землю или вырывали бы каналы для осушенія болотъ или для орошенія полей; но когда сотни парикмахеровъ остались безъ работы, тогда ихъ довольно мудро было повернуть къ земледѣлію; прошу покорно приучить къ сохѣ и къ заступу, и къ тогдашней деревенской жизни такого артиста *en cheveux*, у котораго были совершенно дворянскія руки, совершенно утонченныя манеры, и совершенно эпикурейскія привычки. Всякая аристократія, родовая или денежная, всегда создаетъ вокругъ себя и подъ собою очень многочисленный классъ паразитовъ. Къ числу такихъ паразитовъ надо причислить не только приживальцевъ и нахлѣбниковъ, не только лакеевъ, но и тѣхъ ремесленниковъ, которые живутъ по милости барскихъ прихотей, — и тѣхъ художниковъ, которыхъ произведенія сбываются въ барскія гостинныя и

галереи, — и тѣхъ сочинителей стиховъ и прозы, которыхъ читають, хвалять и кормятъ богатые и вельможные меценаты. Всѣ эти люди, цѣною самыхъ незначительныхъ усилій, добываютъ себѣ такія удобства жизни, которыя навсегда остаются недоступными крестьянину и фабричному работнику. Всѣ эти люди питаются подачками аристократовъ, и въ тоже время обыкновенно ненавидятъ аристократію.

Старая французская аристократія въ отношеніи къ паразитамъ вела себя вполне исправно: во-первыхъ, размножила ихъ цѣлыя легіоны, а во-вторыхъ, всѣмъ имъ внушила къ себѣ чувство глубочайшей ненависти. Вышло то, что паразиты съ величайшимъ усердіемъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ стали рубить тотъ сукъ, на которомъ сами сидѣли; съ самаго начала революціи, паразиты постоянно составляли главную силу уличной арміи, слѣдовавшей за агитаторами; парикмахеры участвовали во всѣхъ волненіяхъ; да и наконецъ, намъ не зачѣмъ называть отдѣльныя профессіи, потому что большая часть тогдашнихъ парижскихъ ремесленниковъ въ большей или меньшей степени могутъ быть отнесены къ разряду паразитовъ. Когда сукъ, надъ которымъ трудились паразиты, упалъ подъ ихъ ударами, тогда и сами паразиты, падая вмѣстѣ съ этимъ сукомъ, потерпѣли при своемъ паденіи болѣе или менѣе значительные ушибы.

Оставляя въ сторонѣ метафоры, я могу сказать, что большая часть парижскихъ ремесленниковъ, послѣ паденія аристократіи и послѣ исчезновенія прежней роскоши, осталась безъ работы, то есть, безъ крова и безъ хлѣба. Въ Парижѣ вдругъ оказались десятки тысячъ нищихъ, о которыхъ въ прежнее время никто не имѣлъ понятія, потому что прежде революціи они и не были нищими. Они питались грѣхами старой монархіи; когда грѣхи эти исчезли, тогда для нихъ прекратились источники продовольствія, и революціи, здѣсь, какъ и вездѣ, пришлось расплачиваться за старыя шалости, въ которыхъ она, революція, была совершенно неповинна. Начало революціи оставило этихъ людей безъ хлѣба: теперь имъ хотѣлось, и имъ было необходимо продолжать революцію, чтобы, такъ или иначе, добыть себѣ и хлѣба, и денегъ, и власти, и всякихъ другихъ удовольствій, которыхъ жаждетъ натура всякаго человѣка вообще, и впечатлительнаго француза въ особенности. Отказаться отъ продолженія революціи эти обнищавшіе паразиты не хотѣли и не могли ни подъ какимъ видомъ; но такъ какъ каждый намекъ о продолженіи революціи для властвующей и богатой буржуазіи былъ личнымъ оскорбленіемъ и прямою угрозою, то городскія власти и національное собраніе истощили все свое административное и законодательное искусство, чтобы сдѣлать это непріятное продолженіе невозможнымъ и бесполезнымъ.

Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ, принимавшихся собраніемъ и

городскими властями, занимаетъ особенно видное мѣсто кормленіе пролетаріевъ, производившееся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ общественныхъ мастерскихъ, заведенныхъ единственно для того, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ давать пролетаріямъ деньги на покупку хлѣба, государство платило ежедневно каждому работнику по 20 су, за какія-то земляныя работы, въ которыхъ никто не нуждался. Число работниковъ, посѣщавшихъ эти мастерскія, постоянно доходило до 12,000, и понизить эту цифру не было никакой надежды, тѣмъ болѣе, что надзоръ за работами былъ чисто-формальный, и что пролетарію представлялось, такимъ образомъ, привлекательная возможность получать, за совершенное бездѣйствіе, высшую поденную плату тогдашняго французскаго работника. Хорошо еще, если-бы бездѣйствіе пролетарія было дѣйствительно прочно и надежно; за это бездѣйствіе правительство съ удовольствіемъ соглашалось платить ежедневно по 20 су на человѣка; но лукавый пролетарій на эту штуку не поддавался; сегодня онъ смиренно получалъ свою плату въ общественной мастерской, а на другой день онъ, по условленному сигналу, выходилъ на улицу, и кричалъ, и махалъ пиквою, и дѣлалъ всякое безобразіе, и готовъ былъ чувствительнѣйшимъ образомъ огорчить то самое правительство, которое, на свою бѣду, кормило его даровымъ хлѣбомъ во время антрактовъ между отдѣльными сценами длинной революціонной трагедіи.

Пролетарій очень хорошо понималъ, почему его такъ заботливо лелѣетъ правительство; о благодарности съ его стороны не было и рѣчи; онъ принималъ даровой хлѣбъ за немѣнѣемъ лучшаго, и пользовался имъ только въ ожиданіи тѣхъ будущихъ благъ, которыя должно было принести ему неизбежное продолженіе начавшейся революціи. А правительство, между тѣмъ, кромѣ расходовъ на мастерскія, тратило еще милліоны на огромныя закупки зерноваго хлѣба, который потомъ, въ видѣ муки, продавался булочникамъ за половинную цѣну, для того, чтобы парижане не гнѣвались на дороговизну продовольствія. Къ концу 1790 года оказалось, что на закупки хлѣба для Парижа истрачено 75 милліоновъ, а если вычислить всѣ суммы, которыя израсходовало государство для поддержанія спокойствія въ столицѣ, въ первые двадцать мѣсяцевъ революціи, то получится въ итогѣ болѣе 100 милліоновъ. Эти 100 милліоновъ были съѣдены, и въ замѣнъ ихъ не было произведено ничего, и даже спокойствіе не было упрочено.

Громадность и бесполезность этихъ издержекъ объясняется преимущественно тѣмъ, что Парижъ былъ биткомъ набитъ отставными паразитами, негодными ни на какую производительную работу. Вѣрность этого объясненія сдѣлается совершенно несомнѣнною, какъ только мы взглянемъ на общее состояніе французской промышленности въ первые годы революціи. Промышленность не только не находилась въ застоѣ,

но она, напротивъ того, была приведена въ состояніе лихорадочнаго возбужденія. Это состояніе не могло быть продолжительнымъ, и должно было повести за собою промышленный кризисъ, но пока оно продолжалось, до тѣхъ поръ могли жаловаться на недостатокъ работы только парикмахеры и другіе, подобные имъ, артисты, созданные барскими прихотями, и неспособные къ настоящему труду. Фабрики работали во всю силу на всей французской территоріи, и едва успѣвали удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ заказчиковъ; промышленныя предпріятія возникали сотнями, съ изумительною быстротою; строенія, машины, товары изготовлялись вновь и переходили изъ рукъ въ руки; промышленная горячка находилась въ полномъ развитіи, и существованіе этой горячки объясняется тремя главными причинами.

Во-первыхъ, благодаря выпускамъ ассигнацій, рынокъ былъ переполненъ денежными знаками, и притомъ, такими знаками, къ которымъ никто не чувствовалъ безусловнаго довѣрія. У кого было въ рукахъ много бумажныхъ денегъ, тотъ старался, какъ можно скорѣе, спустить ихъ съ рукъ на какое-нибудь предпріятіе, чтобы не потерять убытка при пониженіи курса. Расчетъ былъ простой и вѣрный. Домъ, фабрика, партія товаровъ всегда сохраняютъ какую-нибудь цѣнность, а ассигнаціи сегодня могутъ быть денежными знаками, а завтра — простыми лоскутками бумаги. При такихъ условіяхъ, очень осторожные люди могли пускаться въ довольно рискованныя предпріятія, отъ которыхъ они навѣрное воздержались-бы въ обыкновенное время. Рискъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинаково великъ въ обоихъ случаяхъ: если опасно было пустить капиталъ въ предпріятіе, то оставить его въ шкатулкѣ было также опасно; кромѣ того, самое рискованное предпріятіе все-таки, въ случаѣ успѣха, давало барышъ, а ужъ ассигнаціи, въ самомъ счастливомъ случаѣ, не могли дать ничего, кромѣ медленнаго пониженія.

Во-вторыхъ, при торговыхъ сношеніяхъ съ чужими краями, вексельный курсъ, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, былъ въ то время неблагоприятенъ для Франціи. Если, на примѣръ, французъ былъ долженъ англичанину 30 фунтовъ стерлинговъ, то при переводѣ денегъ на Лондонъ, французу приходилось платить въ Парижѣ не 740 франковъ, а 880. И наоборотъ, когда англичанину надо было заплатить своему парижскому кредитору 880 франковъ, то англичанинъ въ Лондонѣ вынималъ изъ своего бумажника 30 фунтовъ стерлинговъ, а не 34, какъ слѣдовало-бы по нарицательной цѣнѣ, при равновѣсіи вексельнаго курса. Вслѣдствіе этого, иностраннымъ купцамъ выгодно было дѣлать французскимъ фабрикамъ большіе заказы, за которые имъ приходилось платить дешевле, чѣмъ сколько они заплатили-бы у себя дома. И заказовъ, дѣйствительно, дѣлалось чрезвычайно много, такъ что фабриканты едва управлялись съ ними, но, разумѣется, такой приливъ работы могъ про-

должаться только до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлено равновѣсіе вексельнаго курса.

Въ-третьихъ, ночное засѣданіе 4 августа 1789 года уничтожило цехи, и освободило такимъ образомъ ремесленный трудъ. Съ этого дня каждый французъ занимался, чѣмъ ему было угодно, не выпрашивая себѣ никакого позволенія у замкнутыхъ корпорацій, и не руководствуясь въ процессѣ своей работы ничѣмъ, кромѣ своего личнаго вкуса и требованій своихъ покупателей. Эта радикальная реформа въ области ремесленнаго производства особенно сильно содѣйствовала оживленію промышленности, и эта третья причина отличалась отъ двухъ первыхъ въ томъ отношеніи, что только отъ этой третьей причины можно было ожидать въ будущемъ прочныхъ и дѣйствительно благодѣтельныхъ результатовъ. Въ мартѣ 1791 года, національное собраніе закрѣпило дѣло 4 августа положительнымъ закономъ, по которому каждому французу предоставлялось право заниматься любымъ ремесломъ, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно платилъ государству опредѣленную подать за патентъ.

По поводу этого закона, Марать съ горькою укоризною замѣтилъ въ своей газетѣ, что свободная конкуренція поведетъ за собою промышленную анархію, систематическое плутовство и всеобщее раззореніе. Предсказанія эти не сбылись во всемъ своемъ объемѣ, потому что уничтоженіе цеховъ было, во всякомъ случаѣ, значительнымъ шагомъ впередъ, но темныя стороны свободной конкуренціи были дѣйствительно подмѣчены вѣрно, и надъ устраненіемъ этихъ темныхъ сторонъ до нашего времени безуспѣшно хлопочуть многіе передовые мыслители, которыхъ идеи долго еще будутъ стоять выше казеннаго уровня общественнаго пониманія. Свободная конкуренція вела за собою деспотическое господство капитала надъ трудомъ; это положеніе дѣлъ можно было назвать прогрессомъ, если сравнивать его съ прежнимъ господствомъ привилегій и монополій, но участь работниковъ все-таки осталась очень тяжелою. Началась безконечная борьба между хозяевами и мастеравыми, по вопросамъ о числѣ рабочихъ часовъ и о задѣльной платѣ. Работники скоро поняли, что, дѣйствуя въ разсыпную, они всегда будутъ терпѣть пораженія отъ капиталистовъ, и никогда не выбьются изъ своей новой крѣпостной зависимости. Необходимость научила работниковъ составлять общества и товарищества для улучшенія своей участи. Прежде другихъ составилось въ Парижѣ общество плотниковъ, принявшее названіе общества обязанностей. Важнѣйшею изъ обязанностей, лежавшихъ на этомъ обществѣ, была обязанность воздерживаться, по взаимному согласію, отъ работы, для того, чтобы, прекращеніемъ работъ, склонять хозяина или подрядчика къ возвышенію задѣльной платы. Такимъ образомъ, парижскіе плотники подчинили правильной организаціи тѣ случайныя и раз-

розненныя явленія, которыя называются обыкновенно стачками рабочихъ, и часто сопровождаются, во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Европы, сценами административнаго произвола и военнаго насилія. Примѣру плотниковъ послѣдовали наборщики и печатники; число обществъ увеличилось; изъ Парижа они распространились по департаментамъ, и завели между собою правильную переписку, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать другъ друга, и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ. Главная цѣль этихъ рабочихъ ассоціацій оставалась, однако, недостигнутою, потому что хозяева и подрядчики находили себѣ работниковъ на сторонѣ, изъ людей, не признававшихъ обязанностей, и соглашавшихся продавать свой трудъ за такую цѣну, которую общества рѣшили не принимать. Тогда ассоціаціи попробовали дѣйствовать на этихъ индипендентовъ сначала увѣщаніями, а потомъ угрозами; вѣроятно, дѣло дошло-бы и до насилій, потому что членамъ ассоціацій было, разумѣется, очень обидно, какъ всѣ ихъ старанія пропадаютъ даромъ, и какъ отдѣльные работники, измѣняя интересамъ всего своего сословія, доставляютъ побѣду капиталистамъ. Но тутъ вступилосъ національное собраніе, которое никакъ не могло допустить, чтобы безнравственные работники прижимали бѣдныхъ капиталистовъ; какъ только послышались со стороны рабочихъ ассоціацій первыя угрозы противъ постороннихъ работниковъ, ладившихъ съ хозяевами, такъ законодатели тотчасъ воспользовались этими угрозами, какъ превосходнымъ оружіемъ противъ самаго принципа рабочихъ ассоціацій. 14 іюня 1791 года, національное собраніе закономъ запретило всѣмъ работникамъ одного ремесла составлять между собою общества, заводить списки членовъ, устраивать кассы, и вообще предпринимать какія-бы то ни было попытки организаціи. Все это запрещалось на томъ основаніи, что подобныя попытки клонятся къ возстановленію уничтоженныхъ цеховъ и къ стѣсненію промышленной дѣятельности.

Здѣсь я еще разъ попрошу читателя вспомнить то, что, я говорилъ о деклараціи правъ человѣка и гражданина. Большинство почтенныхъ членовъ знаменитаго учредительнаго собранія, провозгласившаго на всю Францію «les grands principes de 1789», было самымъ надежнымъ образомъ застраховано противъ того разрушительнаго дѣйствія, которое добродушные нѣмецкіе историки стараются увидать въ параграфахъ деклараціи. Великіе законодатели Франціи были прежде всего представителями дворянства, духовенства, и особенно, особенно—буржуазіи. Обожая священные кошельки и бумажники этого послѣдняго, кроткаго и почтеннаго сословія, члены собранія готовы были совершать, и дѣйствительно совершали во имя своихъ кумировъ высокіе и удивительные подвиги гражданской доблести и законодательнаго героизма. Они отдавали своихъ соотечественниковъ въ кабалу капиталистамъ, и съ полнымъ

жаромъ убѣжденія говорили объ истинной свободѣ и о благоденствіи великой французской націи. Виданное ли дѣло, чтобы такіе титаны законодательной мудрости и ораторской діалектики когда нибудь стали въ тупикъ надъ какимъ нибудь параграфомъ своего политическаго исповѣданія вѣры? Развѣ есть на бѣломъ свѣтѣ хоть одинъ такой параграфъ, черезъ который титанъ не сможетъ перешагнуть,—котораго діалектикъ не ухитрится обойти,—о которомъ разогорченный патріотъ не сдумаетъ искусно забыть, въ минуту своего горестнаго волненія? Къ тому же, параграфы деклараціи были написаны такъ давно, почти два года тому назадъ, и помѣщены во введеніи къ той конституціи, которая уже приближалась къ своему окончанію.

Поставьте себя, мой читатель, на мѣсто французскихъ законодателей. Неужели вы, дочитывая какую нибудь книгу, помните отъ слова до слова первую страницу? Когда вы пишете длинную статью, вы навѣрно забываете подъ конецъ тѣ обороты, и даже тѣ отдѣльныя мысли, которыя вы помѣстили въ самомъ началѣ. Отчего же и національному собранію было не забыть той первой страницы, которая возбудила во французскомъ народѣ столько надеждъ и столько восторга? Национальное собраніе забыло, и этотъ фактъ забвенія послужилъ французскому народу полезнымъ и необходимымъ урокомъ житейской мудрости. Такіе уроки сильно подвигаютъ впередъ политическое воспитаніе неопытныхъ націй. Французы, въ 1789 году, вообразили себѣ, по своей политической незрѣлости, что они уже, въ самомъ дѣлѣ, *люди и граждане*, и что у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть какія-то естественныя и неотъемлемыя права. Теперь имъ и показали, что неотъемлемымъ называется только такое право, котораго нельзя отнять, а естественнымъ считается только то, чего нельзя запретить закономъ. Французы, какъ народъ незрѣлый, но догадливый, разсудили тогда по своему. Значитъ, подумали они, надо устроить такъ, чтобы нельзя было отнимать и запрещать. А если отнимать и запрещать національное собраніе, то оно дѣлается врагомъ націи, перестаетъ существовать. Дѣйствительно, этотъ процессъ мысли съ каждымъ днемъ глубже и глубже проникалъ въ массы и обрывалъ послѣднія нити, связывавшія національное собраніе и его возлюбленную буржуазію съ огромнымъ большинствомъ французской націи. Закономъ 14 іюня представители навлекли на себя ненависть всѣхъ производительныхъ работниковъ. Черезъ два дня, собраніе приказало къ 1 іюлю закрыть въ Парижѣ всѣ общественныя мастерскія. Этимъ распоряженіемъ оно привело въ отчаяніе всѣхъ бывшихъ паразитовъ и всѣхъ вообще безпріютныхъ пролетаріевъ. Всѣ эти мѣры превосходнѣйшимъ образомъ выполняли самыя задушевныя желанія чистыхъ демократовъ. Все, что инстинктивно или сознательно негодовало противъ политики буржуазнаго либерализма, все, что было раздражено и озлоблено зако-

нодательными подвигами собранія, сдвигалось въ тѣсныя и рѣшительныя группы, для которыхъ бѣшенныя выходки Марата казались простымъ и очень естественнымъ выраженіемъ патриотическихъ чувствъ, обязательныхъ для каждаго порядочнаго гражданина. Буржуазія довершала такимъ образомъ дѣло народнаго воспитанія, начатое феодальными властями. Старый порядокъ вмѣстѣ съ аристократіею раззорилъ и развратилъ французскаго пролетарія. Буржуазія употребляла теперь всѣ усилія, чтобы довести его до послѣдней степени озлобленія. Усилія буржуазіи увѣнчались, въ свою очередь, такимъ же блестящимъ успѣхомъ, какого достигли въ свое время старанія аристократіи и феодальной власти. Пролетарій воспользовался всѣми уроками, и развернулъ всѣ свои благопріобрѣтенныя качества и способности. Воспитатели его до сихъ поръ не моугъ понять, что все это ихъ собственная работа. Понять не трудно, но иногда бываетъ расчетливо и выгодно не понимать и сваливать вину на людей постороннихъ. Виновыне розысканы, историкъ удовлетворень, и читатель погружается въ размышленія о суетѣ мірской премудрости.

XX.

Въ апрѣлѣ 1791 года умеръ Мирабо. Однимъ великимъ ораторомъ на свѣтѣ стало меньше. Блескъ и красота засѣданій національнаго собранія поубавились. Съ эстетической точки зрѣнія, потеря была не замѣнима, и французы, всегда расположенные къ эстетическимъ взглядамъ на вещи, вообразили себѣ, что они, дѣйствительно, осиротѣли. Но міровыя событія развиваются всегда изъ такихъ общихъ и великихъ причинъ, передъ которыми совершенно ступовываются и исчезаютъ не только отдѣльныя личности, но даже эстетическіе взгляды цѣлаго народа. На дальнѣйшее развитіе революціи не подѣйствовали ни смерть Мирабо, ни даже то обстоятельство, что тогдашніе французы преувеличивали политическое значеніе это крупной и эффектой личности. Смерть Мирабо, о которомъ горевала вся Франція, была утратою только для королевскаго семейства, и произвела вліяніе только на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Мирабо, въ послѣдній годъ своей жизни, игралъ трудную и неблагодарную роль: съ одной стороны, онъ постоянно изъ расчета поддерживалъ свою популярность громовыми рѣчами противъ различныхъ остатковъ старины; съ другой, — онъ, келейно, употреблялъ всѣ усилія, чтобы изъ этихъ самыхъ остатковъ склеить прочную плотину, которая остановила бы дальнѣйшія завоеванія революціи. Онъ господствовалъ въ національномъ собраніи силою своего краснорѣчія, но ему плохо довѣряли тѣ самые люди, которые

съ восторгомъ слушали его рѣчи; король и придворная партія также не исполнѣ вѣрили ему; потому что ихъ пугали эти самыя рѣчи, служившія въ это время ширкою для его настоящихъ намѣреній. Мирабо думалъ, что онъ сьумѣетъ совершенно приковать къ своей личности любовь народа, и что потомъ, когда онъ, Мирабо, прямо вступить въ борьбу съ чистою демократією,—народъ пойдетъ за нимъ противъ демократовъ. Смерть отняла у него возможность произвести этотъ опытъ, и избавила его такимъ образомъ отъ тяжелаго разочарованія. Впрочемъ, такъ какъ Мирабо не былъ ни фантазеромъ, ни оптимистомъ, такъ какъ онъ умѣлъ смотрѣть на вещи трезвыми и непредубѣжденными глазами и такъ какъ, наконецъ, онъ вовсе не былъ способенъ дѣйствовать въ важныхъ и серьезныхъ дѣлахъ, очертя голову, — то, по всей вѣроятности, онъ обнаруживалъ бы свои настояція намѣренія только въ томъ случаѣ, когда можно было бы рассчитывать на успѣхъ. Въ ожиданіи этихъ благоприятныхъ шансовъ и симптомовъ, онъ безъ сомнѣнія продолжалъ бы вести рядомъ двѣ политики, одну — напоказъ народу, для поддержанія популярности, составлявшей въ то время во Франціи единственную силу государственнаго человѣка;—другую—въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ приближенными короля, для спасенія королевской власти, и для утвержденія такой конституціи, въ которой либеральная буржуазія видѣла и философскій камень, и жизненный эликсиръ и пожалуй даже, *perpetuum mobile*. Эта двойственная политика — для революціи была бы безвредна, а королю могла бы принести много пользы; она, во всякомъ случаѣ, не возвратила бы королю ни одного изъ потерянныхъ правъ, но она, по крайней мѣрѣ, могла бы предохранить короля отъ всѣхъ безплодныхъ поштытокъ, возбуждавшихъ въ народѣ подозрѣнія и ненависть; она могла бы устранить множество политическихъ ошибокъ, и осторожно, шагъ за шагомъ, свести Людовика XVI съ того престола, съ котораго такъ грубо и безжалостно сбросило его совокупное дѣйствіе революціонныхъ страстей и анти-революціонныхъ интригъ.

Мирабо могъ бы быть очень полезнымъ совѣтникомъ для Людовика XVI, не потому, что онъ, Мирабо, успѣлъ бы осуществить свои намѣренія, а потому, что онъ умѣлъ бы всегда отличать возможное отъ невозможнаго и, слѣдовательно, не впутывалъ бы короля въ такія предпріятія, которыя компрометировали его, не представляя ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но все это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы Людовикъ былъ способенъ, во-первыхъ, оцѣнить умственное превосходство Мирабо, и во-вторыхъ, подчинившись этому превосходству, держаться неуклонно той политической программы, которую предписывалъ ему великій ораторъ. Къ сожалѣнію, у Людовика не было ни сильнаго ума, ни твердой воли; у него было только очень искреннее желаніе исполнить свои обязанности, и уклониться отъ грѣховныхъ поступковъ.

Но люди, въ теченіи своей исторической жизни, такъ отуманили себя искусственными понятіями, и довели свою логику до такой изумительной гибкости, что въ распознаваніи обязанности и грѣховъ могутъ сбиться съ толку и запутаться въ противорѣчіяхъ даже умы довольно сильные и самостоятельныя. Людовикъ XVI, поставленный судьбою въ самое исключительное положеніе, и жившій въ такое время, въ которомъ всё трудности этого исключительнаго положенія сдѣлались неизмѣрими, — Людовикъ XVI, окруженный множествомъ совѣтниковъ, вѣчно блуждалъ въ безконечномъ хаосѣ неизвѣстныхъ величинъ, по поводу которыхъ одни голоса громко выговаривали слово «обязанность», между тѣмъ, какъ другіе голоса, то отчаяннымъ крикомъ, то повелительнымъ шопотомъ, произносили слово «грѣхъ». Людовикъ XVI постоянно находился въ трагическомъ положеніи гоголевскаго почтмейстера; если одинъ голосъ говорилъ: «нераспечатывай», то другой непременно твердилъ: «распечатай», и притомъ ни одинъ изъ этихъ двухъ голосовъ не былъ для Людовика голосомъ личнаго искушенія, а оба выдавали себя за чистѣйшее выраженіе нравственнаго закона. И Людовикъ обыкновенно устранивалъ такъ, что обѣ стороны оставались имъ недовольны и укоряли его то за небрежное исполненіе обязанности, то за совершеніе какаго нибудь грѣха. И Людовикъ недоумѣвалъ, и мучился, и еще болѣе сбивался съ толку. Онъ выслушивалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ, и съ каждымъ изъ нихъ отъ души соглашался, но, такъ какъ для дѣйствія надо было выбрать только какой нибудь одинъ планъ, то и выбирался обыкновенно самый послѣдній по времени, то есть тотъ, который былъ всего свѣжѣе въ умѣ короля.

Именно такимъ процессомъ мысли и воли объясняются поступки Людовика XVI въ отношеніи къ собранію государственныхъ сословій, тѣ поступки, которые повели за собою штурмъ Бастиліи, и которые могутъ быть названы первымъ шагомъ Короля съ престола къ гильотинѣ. Если бы такъ поступили Карль I Стюартъ или Карль X французскій, то тутъ не было бы ничего удивительнаго; оба они были одарены широкими натурами, неспособными ужиться съ какими бы то ни было уступками. Но Людовикъ всегда съ удовольствіемъ подчинялся вліянію своихъ министровъ, всегда радъ былъ оставлять имъ всю славу и всю отвѣтственность управленія, и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ желалъ, чтобы подданные его устроили себѣ такое счастье, какаго они сами желаютъ или могутъ достигнуть. И вдругъ, такой честный, мягкій и добродушный человѣкъ ни съ того, ни съ сего, затѣваетъ ссору съ тѣмъ самымъ собраніемъ, которое онъ созвалъ, и которое именно ему самому совершенно необходимо. Этотъ человѣкъ вдругъ начинаетъ поступать совершенно противно собственнымъ выгодамъ, собственному характеру и собственнымъ желаніямъ. И все это происходитъ отъ того,

что его, въ эту минуту, окружаетъ со всѣхъ сторонъ аристократическая партія; ему жужжать, и кричать, и шепчуть въ уши, что слѣдуетъ «распечатать,» онъ и самъ знаетъ, что ему не слѣдуетъ этого дѣлать, и ему самому не хочется такъ распоряжаться, и онъ даже не чувствуетъ особенной привязанности къ тѣмъ аристократическимъ личностямъ, которыя суетятся въ его дворцѣ; а между тѣмъ сознание его начинаетъ колебаться отъ шума фразъ и аргументовъ, воля слабѣетъ, и рѣшительный шагъ дѣлается медленно, съ неохотою, но все-таки дѣлается, и всѣ послѣдствія, связанныя съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, развиваются изъ него такъ же неизбежно, и въ такомъ же полномъ комплектѣ, какъ будто бы этотъ шагъ былъ сдѣланъ съ величайшимъ желаніемъ, и съ самымъ лукавымъ умысломъ. Даже хуже. При желаніи и при умислѣ, человѣкъ обыкновенно принимаетъ уже всѣ мѣры и всѣ предосторожности, которыя могутъ обезпечить успѣхъ предпріятія, или, въ случаѣ неудачи, прикрыть отступленіе. Когда же человѣкъ поступаетъ противъ своего желанія, повинувшись постороннему внушенію, тогда онъ дѣйствуетъ спустя рукава, не надѣясь на успѣхъ, и не заботясь о послѣдствіяхъ; онъ производитъ опытъ, и самъ относится къ своему дѣлу равнодушно и недовѣрчиво. Кромѣ того, поступки такого человѣка всегда непослѣдовательны; но, такъ какъ нашъ умъ настойчиво ищетъ въ человѣческихъ поступкахъ послѣдовательности и руководящей идеи, то мы, глядя со стороны на вереницу этихъ безсвязныхъ поступковъ, бываемъ часто расположены видѣть въ нихъ скрытую связь, и затаенную тенденцію. Человѣкъ колеблется, а намъ кажется, что онъ хитритъ; человѣкъ вчера говорилъ такъ, а сегодня поступаетъ иначе, просто потому, что у него въ головѣ плохо вяжутся мысли, но мы думаемъ, что онъ дѣйствуетъ не съ проста, что онъ и вчера и сегодня руководствовался обдуманномъ планомъ, и что онъ играетъ свою роль съ искусствомъ замѣчательнаго актера. Мы начинаемъ бояться и ненавидѣть такого человѣка, котораго даже не за что презирать.

Такія недоразумѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу, даже при сношеніяхъ между частными лицами, которыя могутъ видѣть другъ друга вблизи, во всякое время, и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ отношеніи къ лицу, мало доступному, и облеченному въ ослѣпительный блескъ официальности, такое недоразумѣніе становится совершенно неизбежнымъ. Для историка характеръ Людовика XVI совершенно понятенъ; историкъ не увидитъ въ этомъ характерѣ ни глубокаго коварства, ни затаенныхъ стремленій къ деспотизму; историкъ съумѣетъ распутать ту сложную сеть разнородныхъ вліяній, которая тяготѣла надъ всѣми намѣреніями и поступками этого человѣка; историкъ оцѣнитъ честность его побужденій и слабость воли; такимъ образомъ, человѣческая личность Людовика XVI получитъ въ исторіи свои на-

стоящіе размѣры и свой дѣйствительный колоритъ. Но то, что возможно для историка, то было совершенно невозможно для подданныхъ и современниковъ Людовика XVI, еслибы даже эти подданные и современники имѣли твердое намѣреніе и искреннее желаніе отложить въ сторону всякое личное увлеченіе и всякое политическое пристрастіе. Подданные и современники Людовика XVI видѣли только внѣшнюю и официальную сторону его дѣятельности; они не имѣли возможности донскиваться до тѣхъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось рѣшеніе короля; они не имѣли возможности пускаться въ психологическій анализъ, потому что во-первыхъ, для этого анализа не было достаточныхъ матеріаловъ; а во-вторыхъ, каждое рѣшеніе Людовика могло быть опаснымъ для такихъ вещей, которыя тогдашнимъ французамъ были очень дороги и совершенно необходимы; стало быть, тутъ некогда было думать о психологическихъ анализахъ. Каждое колебаніе въ политикѣ Людовика XVI казалось тогдашнимъ французамъ разсчитанною измѣною; каждое внутреннее противорѣчіе въ этой политикѣ объяснялось глубокимъ коварствомъ короля или его совѣтниковъ. Когда король утверждалъ такое предложеніе національнаго собранія, которое пользовалось сочувствіемъ народа, тогда народъ былъ расположенъ думать, что король хитритъ, и старается выиграть время; когда король отказывалъ какому нибудь популярному декрету въ своемъ утвержденіи, тогда народъ былъ увѣренъ, что король сбрасываетъ маску и что начинается выполненіе обширнаго заговора, составленнаго противъ французской свободы дворомъ, эмигрантами и иностранными правительствами; тогда народъ готовился къ борьбѣ на жизнь и на смерть, и хотя борьбы не оказывалось въ дѣйствительности, однако всѣ горькія чувства, возбужденныя постояннымъ ожиданіемъ рѣшительной катастрофы, естественнымъ образомъ направлялись противъ короля, и направлялись противъ него за то, что онъ не могъ и не умѣлъ внушить народу довѣріе въ честность своихъ намѣреній и въ твердость своего личнаго характера.

Историкъ можетъ считать Людовика XVI за очень честнаго человѣка, но судъ историка не имѣетъ никакого вліянія на жизнь исторической личности; Людовикъ дѣйствительно былъ очень честенъ и добродушенъ, но онъ не казался такимъ человѣкомъ; современники не могли считать его честнымъ, и не могли чувствовать къ нему довѣріе; но такъ какъ Людовикъ дѣйствовалъ въ исторіи революціи только тѣмъ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ, которое его личность производила на умы его народа, то для исторіи, въ обширномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, личныя добродѣтели Людовика имѣютъ также мало значенія, какъ напримѣръ, его замѣчательное искусство въ дѣлѣ слесарной работы. Людовикъ былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ слесаремъ

но современники его не оцѣнили ни того, ни другого. Для нихъ существовала только одна черта въ характерѣ Людовика, именно, его нерѣшительность, выражавшаяся въ непоследовательности поступковъ, и постоянно принимавшаяся современниками за проявленіе глубокаго коварства. Когда Мирабо сталъ хлопотать о томъ, чтобы помирить короля съ народомъ, то всѣ старанія знаменитаго оратора направились къ тому, чтобы внести въ политику Людовика твердость и последовательность; но личный характеръ короля и разнокалиберность его обстановки дѣлали эту задачу неисполнимою; Людовикъ слушалъ и Мирабо и королеву, и Бретейля и Булье, и императора Леопольда, и своего духовника, и всякаго, кто только имѣлъ возможность и охоту разсуждать въ тюльерійскомъ дворцѣ или писать изъ прекраснаго далека о вопросахъ текущей политики; при такихъ условіяхъ, вліяніе Мирабо было совершенно парализовано; Мирабо, какъ единственный совѣтникъ, былъ почти бесполезенъ, потому что его совѣты имѣли свою цѣну только въ общей связи, только тогда, когда они исполнялись всѣ вмѣстѣ, и когда они такимъ образомъ составляли руководящую политическую программу. Но все-таки, смерть Мирабо была утратою для королевскаго семейства, потому что Мирабо зналъ свою эпоху, не смотрѣлъ на нее глазами придворнаго, умѣлъ выпутываться изъ затрудненій, и слѣдовательно, въ минуту опасности, могъ бы подать Людовику такой совѣтъ, до котораго никогда бы не додумались остальные совѣтники короны.

XXI.

Смерть Мирабо подѣйствовала на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Нѣкоторые изъ предводителей лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, подумали, что теперь настало ихъ время, что они должны сдѣлаться руководителями исполнительной власти, и что министерскія мѣста должны быть заняты ихъ приверженцами и друзьями; они стали сближаться съ правительствомъ, и съ ними произошло то, что до сихъ поръ происходило вездѣ съ каждою оппозиціонною партіею, овладѣвающею господствомъ. Всякая оппозиція говоритъ очень много о существующихъ злоупотребленіяхъ, и о настоятельной необходимости преобразованій; когда эта оппозиція становится правительствомъ, тогда обыкновенно лиры настраиваются на другой тонъ: тѣже самые ораторы начинаютъ доказывать, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что злоупотребленія, по большей части, составляютъ просто оптическій обманъ, что въ стремленіи къ преобразованіямъ есть много опасныхъ и разрушительныхъ элементовъ, и что осторожная медленность должна быть первою обязанностью государственнаго человѣка.

Въ тогдашней Франціи, конечно, нельзя было говорить о злоупотребленіяхъ и преобразованіяхъ, потому что все было преобразовано, и потому что злоупотребленія не могли еще завестись въ новыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ такою конституціею, которая еще не была даже закончена. Но во Франціи, оппозиція говорила о свободѣ, а правительственная партія о порядкѣ, и этотъ именно переходъ отъ защищенія свободы къ отстаиванію порядка совершили, послѣ смерти Мирабо, предводители лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, и ихъ ближайшіе друзья. Это сдѣлалось послѣ смерти Мирабо потому, что, при жизни этого оратора, никто изъ членовъ національнаго собранія не могъ перевѣсить его вліянія на дѣла правленія. Смерть крупной личности очистила мѣсто, на которое тотчасъ нашлись претенденты. Приближаясь къ правительственнымъ сферамъ, вожди лѣвой стороны произвели расколъ въ своей собственной партіи, и чрезъ это потеряли значительную долю своего прежняго вліянія; отъ нихъ совершенно отдѣлилась крайняя лѣвая сторона, къ которой принадлежали, между прочими, Петіонъ и Робеспьеръ, и которая ни подъ какимъ видомъ, ни на какихъ условіяхъ, не соглашалась перемѣнить наступательное положеніе оппозиціи на оборонительную роль правительственной партіи. вмѣстѣ съ крайнею лѣвою стороною отдѣлился отъ Барнава и компанія якобинскій клубъ, который былъ основанъ именно Дюпоромъ и Ламетомъ, но въ скоромъ времени далеко обогналъ своихъ основателей на пути къ радикализму и къ демократіи. Когда якобинцы стали въ скептическія отношенія къ бывшимъ вождямъ лѣвой стороны, тогда и массы народа охладѣли къ нимъ, и перенесли все свое довѣріе и всю свою любовь на ораторовъ крайней лѣвой, и въ особенности на Робеспьера. Это обстоятельство произвело полный разладъ между національнымъ собраніемъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ національномъ собраніи партія Робеспьера была очень слаба по числу своихъ членовъ, и ничтожна по своему вліянію; въ столицѣ, въ клубахъ, и, чрезъ посредство клубовъ, во всей Франціи одна только крайняя сторона, партія Робеспьера, партія непреклонной оппозиціи, — пользовалась силою и вліяніемъ. Движеніе зашло такъ далеко и развивалось такъ быстро, что національное собраніе уже не успѣвало за нимъ, и служило ему тормазомъ въ то время, когда нація желала имѣть въ собраніи органъ для выраженія своихъ потребностей. Ясно было, что тѣ люди, которые были достойными представителями третьяго сословія въ 1789 году, уже не могли быть представителями французскаго народа въ 1791 году. Самъ народъ понялъ это вполне, и Робеспьеръ, выражая это общее мнѣніе, предложилъ въ половинѣ мая 1791 года, чтобы ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не могъ баллотироваться въ депутаты на слѣдующихъ выборахъ.

На первый взгляд может показаться, что это предложеніе не представляло особенной важности, и что оно должно было имѣть вліяніе только на личный составъ слѣдующаго собранія, а не на расположеніе и сравнительную силу политическихъ партій въ этомъ слѣдующемъ собраніи. Если нельзя будетъ выбрать Барнава, Ламета, Дюпора, Робеспьера, Лафайета, Ланжюине, Бюзо, Грегуара, то выберутъ когонибудь изъ друзей и приверженцевъ этихъ господъ, выберутъ такихъ людей, которые держатся одинаковыхъ съ ними политическихъ мнѣній, и новое собраніе представитъ, слѣдовательно, ту же группировку и ту же сравнительную силу партій, которую можно было видѣть въ старомъ собраніи. Если же политическія мнѣнія той или другой стороны учредительнаго собранія не пользуются сочувствіемъ избирателей, тогда все равно не выберутъ вновь членовъ этой стороны, хотя бы они и имѣли право баллотироваться.

Противъ такого разсужденія въ области чистой теоріи нельзя представить никакого уважительнаго возраженія. Но Робеспьеръ зналъ, что выборы будутъ происходить не въ области чистой теоріи, а на почвѣ практической дѣятельности, гдѣ вопросы ставятся и рѣшаются совсѣмъ не такъ просто. Примѣняясь къ особенностямъ этой практической дѣятельности, Робеспьеръ понималъ, что его предложеніе измѣнить радикально не только личный составъ, но и политическій цвѣтъ національнаго собранія. Къ этой именно цѣли онъ и стремился. Дѣло въ томъ, что многіе изъ членовъ учредительнаго собранія, въ теченіе своей двухлѣтней дѣятельности, составили себѣ очень громкую извѣстность, которая, во всякомъ случаѣ, была для нихъ сильною рекомендаціею передъ каждою коллегіею избирателей. Только для членовъ крайней правой стороны громкая извѣстность могла быть помѣхою, потому что извѣстность эта была приобрѣтена ими въ безплодной борьбѣ съ желаніями націи; что же касается до представителей буржуазнаго либерализма, содѣйствовавшихъ побѣдѣ третьяго сословія и опрокинувшихъ феодальныя учрежденія, то ихъ извѣстность составляла въ то время гордость французской націи, и открывала имъ широкую дорогу къ депутатскому мѣсту въ будущемъ національномъ собраніи. Но эта извѣстность открыла дорогу имъ самимъ, а вовсе не ихъ приверженцамъ, и не ихъ идеямъ. Еслибы передъ коллегіею избирателей явился съ одной стороны знаменитый ораторъ, подобный Дюпору или Барнаву, а съ другой стороны, неизвѣстный юноша, отличающійся самымъ пылкимъ радикализмомъ, то первый, по всей вѣроятности, побѣдилъ бы послѣдняго. Когда же всѣ знаменитые ораторы будутъ устранены отъ выборовъ, тогда избиратели, имѣя дѣло съ простыми смертными, обратятъ все свое вниманія на убѣжденія кандидатовъ, и выберутъ тѣхъ людей, которые, не успѣвши прославиться на всю Францію, выразили однако, въ кругу сво-

ихъ ближайшихъ соотечественниковъ, искреннюю и горячую привязанность къ свободѣ и къ революціи. Почти въ каждомъ городѣ существовали якобинскіе клубы; а въ каждомъ клубѣ было нѣсколько личностей, пользовавшихся въ цѣломъ околѣдѣ репутаціею отличныхъ патриотовъ и дѣльныхъ людей; эти провинціальныя свѣтила гражданской доблести и политической мудрости непремѣнно должны были восторжествовать на выборахъ, послѣ устраненія парижскихъ и общецѣнтъскихъ знаменитостей. Но всѣ провинціальныя якобинцы питали глубочайшее благоговѣніе къ парижскому клубу, а въ этомъ парижскомъ клубѣ уже господствовалъ въ это время Робеспьеръ; стало быть, Робеспьеръ могъ рассчитывать, что онъ, съ трибуны якобинскаго клуба, будетъ управлять дѣйствіями новаго собранія; имѣя въ виду такую заманчивую диктатуру, онъ съ удовольствіемъ могъ отказаться за себя и за своихъ ближайшихъ друзей отъ всякихъ притязаній на мѣсто депутата; эта ожидаемая диктатура должна была сдѣлаться особенно обширною вслѣдствіе того обстоятельства, что въ новомъ собраніи будутъ засѣдать совершенно новые люди, незнакомые ни съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, ни съ закулисными тайнами различныхъ партій, ни съ внѣшнею стороною парламентской процедуры. Если бы въ это новое и неопытное собраніе могли проникнуть нѣсколько старыхъ депутатовъ, то эти депутаты сразу приобрѣли бы себѣ авторитетъ, сдѣлались бы центрами и предводителями кружковъ, и захватили бы въ свои руки управление дѣлами. Но предложеніе Робеспьера исключало всѣхъ старыхъ депутатовъ; какъ только эти старые депутаты переставали быть членами официальнаго собранія, такъ они тотчасъ теряли всякое значеніе, и всякую возможность управлять общественнымъ мнѣніемъ; только люди крайней лѣвой стороны, и, больше всѣхъ другихъ, самъ Робеспьеръ, имѣли вѣсь сами по себѣ, независимо отъ своей официальной должности; только эти люди, опираясь на якобинскій клубъ и на парижское населеніе, могли сохранять и увеличивать свою силу, послѣ выхода своего изъ учредительнаго собранія.

Новое собраніе должно было подчиниться центральному свѣтилу якобинскаго клуба, во-первыхъ, потому, что оно должно было составиться преимущественно изъ провинціальныя якобинцевъ, а во-вторыхъ, потому, что оно непремѣнно должно было, на первыхъ порахъ, отличаться неопытностью; искать совѣта старшихъ и не встрѣчать вокругъ себя никого изъ старшихъ, кромѣ Робеспьера и его партіи. Была еще третья причина. Можно было предполагать, что Франція выслала въ учредительное собраніе всю свою науку, весь свой умъ, всѣ свои таланты; когда этотъ верхній слой знанія, ума и таланта будетъ снятъ и отложенъ въ сторону, тогда окажутся на поверхности второстепенныя умы и посредственныя дарованія; новое собраніе составится, такимъ обра-

зомъ, изъ людей средняго разбора, и это отсутствіе сильныхъ талантовъ положить самое прочное основаніе предполагаемой диктатурѣ. Къ этому послѣднему соображенію Робеспьеръ, какъ человѣкъ очень самолюбивый и чрезвычайно тщеславный, не могъ быть равнодушнѣ, тѣмъ болѣе, что въ первые полтора года своей дѣятельности, онъ былъ совершенно задавленъ ораторскими талантами учредительнаго собранія; его долго не слушали, и надъ нимъ перестали смѣяться только тогда, когда начали его бояться; теперь онъ съ удовольствіемъ могъ сказать себѣ, что такихъ оскорбительныхъ сценъ для него, по всей вѣроятности, уже не будетъ.

Однако надежды на безцвѣтность будущаго собранія не оправдались. Въ собраніи явилась горячая молодежь, составившая партію Жиронды; талантливыя ораторы этой партіи Верный, Инаръ, Гюаде стали бороться съ Робеспьеромъ въ самомъ центрѣ его могущества, въ собраніи якобинскаго клуба. Впрочемъ, эта борьба не входитъ уже въ предѣлы теперешней моей статьи. Вполнѣ ли сбылись расчеты Робеспьера, или осталась часть этихъ расчетовъ неосуществленною, во всякомъ случаѣ Робеспьеру выгодно было представить собранію свое предложеніе, выгодно было уже потому, что онъ, такимъ образомъ, являлся еще разъ, въ очень важномъ вопросѣ, проводникомъ народныхъ желаній. Но если Робеспьеру выгодно было представить это предложеніе, то всѣмъ значительнымъ членамъ собранія не очень выгодно было принять его и совершить такимъ образомъ надъ собою политическое самоубійство. Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламеты стали горячо возражать, и ничего не успѣли сдѣлать своими возраженіями, потому что предложеніе Робеспьера пришлось по душѣ не только народу, но и большинству депутатовъ. Въ учредительномъ собраніи, какъ вообще во всѣхъ собраніяхъ, большинство состояло изъ людей безгласныхъ и безцвѣтныхъ; этимъ людямъ мудрено было рассчитывать на вторичный выборъ, потому что помолчать, какъ выражается Фамусовъ, не велика услуга, и на избирателей такая услуга не могла подѣйствовать; слѣдовательно, этой массѣ сомнительныхъ кандидатовъ пріятно было отказаться красиво и великодушно отъ такой чести, которую у нихъ и безъ того бы отняли. Это обстоятельство тогда же было подмѣчено Камилемъ Демуленомъ, который, съ свойственною ему веселостью и откровенностью, тотчасъ тиснулъ по этому поводу статью въ своей газетѣ. Кромѣ того, предложеніе Робеспьера очень понравилось аристократамъ и реакціонерамъ правой стороны; эти господа особенно сильно боялись и ненавидѣли людей умѣренныхъ партій; они думали, что умѣренныя партіи могутъ основать прочный порядокъ, который навсегда положить конецъ господству привиллегій; а на крайнихъ якобинцевъ аристократы смотрѣли какъ на невозможныхъ людей, которые пошумяютъ, покричатъ, подура-

чатся, и потомъ будутъ оставлены народомъ, что ихъ съ полнымъ удобствомъ можно будетъ, въ урочное время, перевѣшать и переколесовать, по всѣмъ правиламъ старой уголовной техники. Руководствуясь этими привлекательными соображеніями, правая сторона всегда готова была поддерживать чистыхъ демократовъ противъ либераловъ, всегда радовалась каждой ссорѣ между тѣми и другими, и горячо сочувствовала каждой побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними. Это настроеніе усилилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у абсолютистовъ и аристократовъ были личные враги между либералами, а между крайними якобинцами у нихъ не было и не могло быть враговъ, потому что эти два класса людей слишкомъ далеко отстояли другъ отъ друга по своему общественному положенію.

Всѣ эти причины привели къ тому результату, что Дюпоръ, Ламеты и Барнавъ оказались почти единственными противниками Робеспьера. Предложеніе его было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Его защищали даже нѣкоторыя знаменитости собранія; видно было, что всѣ утомлены напряженною дѣятельностью, всѣ тяготятся своими натянутыми отношеніями къ народу, и всѣ, кромѣ немногихъ неугомонныхъ честолюбцевъ, хотѣтъ отдохнуть и сложить на другія плеча отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Такимъ образомъ, за четыре мѣсяца до закрытія своихъ засѣданій, учредительное собраніе признало себя устарѣлымъ, и рѣшилось передать новымъ людямъ судьбы Франціи, конституціи и всѣхъ революціонныхъ пріобрѣтеній, оторванныхъ народомъ отъ королевской власти и отъ аристократическихъ привилегій.—Но послѣднія недѣли учредительнаго собранія были ознаменованы еще двумя чрезвычайно важными событіями; первымъ изъ нихъ было неудавшееся бѣгство короля, вторымъ — кровопролитное столкновеніе народа съ національною гвардіею.

XXII.

Между Франціею и всею монархическою Европою не могло быть искреннаго и прочнаго мира съ той самой минуты, какъ парижскій народъ взялъ штурмомъ Бастилію, и передалъ верховную власть въ руки своихъ представителей. Не могло быть мира по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, всѣ европейскіе государи и всѣ европейскія аристократіи чувствовали свою солидарность съ Людовикомъ XVI, съ французскимъ дворянствомъ; во-вторыхъ, революція съ своей стороны, вовсе не заботилась о томъ, чтобы уснокоить и смягчить своихъ взволнованныхъ враговъ; она вовсе не хотѣла замыкаться въ предѣлы своего отечества; ея ораторы, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, говорили о ми-

ровой задачѣ революціи, о ея космополитическомъ значеніи, объ освобожденіи всѣхъ народовъ, о естественномъ братствѣ всѣхъ людей, и о разныхъ другихъ вещахъ, которыя всякій благоразумный человѣкъ могъ бы теперь назвать нелѣпостями, потому что со времени французской революціи прошло слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ, всѣ эти либеральныя шалости такъ и остались ораторскими фіоритурами, и притомъ фіоритурами не только для Европы, но и для самой Франціи. Но тогда, въ эти либеральныя шалости крѣпко вѣрили сами шалуны. Революціонеры угрожали, консерваторы хмурились; ясно было, что рано или поздно дойдетъ до драки, и что перевѣсъ будетъ на той сторонѣ, которая лучше выберетъ время для того, чтобы нанести первый ударъ.

Это воинственное расположеніе, господствовавшее естественнымъ образомъ въ обихъ политическихъ лагеряхъ Европы, усиливалось въ аристократическомъ лагерѣ криками и жалобами французскихъ эмигрантовъ, передававшихъ всѣмъ европейскимъ дворамъ такія подробности о революціи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ; сообщая эти подробности, французскіе эмигранты обнаруживали щедрость, достойную ихъ высокаго званія; они, не запинаясь ни на одномъ словѣ, пересыпали чистую правду поэтическими украшеніями и чистѣйшею ложью. И имъ вѣрили, во-первыхъ потому, что пріятно и полезно было вѣрить; а во-вторыхъ потому, что нестоимые импровизаторы были несчастными мучениками, пострадавшими за правду, испытавшими на себѣ тяжесть людской неблагодарности и слѣдовательно достойными всякаго сочувствія, уваженія и, разумѣется, довѣрія. Благодаря своимъ изобрѣтательнымъ мученикамъ, далеко превосходившимъ Павла Ивановича Чичикова въ любви къ добру и къ истинѣ, Франція превратилась въ страну легендъ, въ родину мифическихъ чудовищъ, способныхъ въ одну минуту разнести свое заразительное безобразіе по всѣмъ городамъ и селамъ Европы и солиднаго земнаго шара. Надо было, прежде всего, посадить Францію въ каратниинъ, оцѣнить ее санитарнымъ кордономъ, отрѣзать ей всякое сообщеніе съ незараженною частью человѣчества. Потомъ надо было употребить въ дѣло увѣщанія, потомъ пустить въ ходъ угрозы, и наконецъ, обуздать неукротимое безуміе мѣрами кротости.

Все это въ порядкѣ вещей, и все это, безъ сомнѣнія, превосходно, но любопытно было бы спросить, каково дѣйствовали подобныя демонстраціи на судьбу Людовика XVI и его семейства, желавшаго сохранить феодальную власть, какъ зеницу ока. Положеніе короля было въ высшей степени оригинально; во всей всемірной исторіи врядъ ли найдется другое такое положеніе. Людовикъ былъ въ плѣну, въ той самой фантастической странѣ чудовищъ, о которой трубили эмигранты. Но это еще ничего, что онъ былъ въ плѣну. Своеобразность положенія заключалась въ томъ, что онъ не могъ признать себя плѣнникомъ; ему надо

было прикидываться патриотическимъ вождемъ пылаго народа и заклятымъ врагомъ тѣхъ элементовъ и тѣхъ людей, къ которымъ онъ чувствовалъ полнѣйшую симпатію, и въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ будущихъ избавителей; какъ только французскій народъ замѣчалъ, что король тяготится своею неестественною ролью, такъ показывались немедленно всѣ признаки приближающейся бури, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ неприяностей, Людовикъ XVI поневолѣ долженъ былъ поспѣшно прижимать къ своему лицу ту ненавистную маску, которая мѣшала ему дышать, но въ тоже время представляла единственную возможность отсрочивать неизбѣжную катастрофу. Катастрофа была неизбѣжна, и политическій маскарадъ въ сущности былъ бесполезенъ, во-первыхъ потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ король не могъ выдержать его до конца, а во-вторыхъ потому, что мифическія чудовища, населявшія Францію, нисколько не были расположены къ довѣрчивости, и очень хорошо знали, что такое лицо, и что такое—маска.

Король старался выиграть время, надѣясь на реакцію внутри государства, и на помощь со стороны Европы; народъ, съ своей стороны, смутно чувствовалъ неискренность короля, и постоянно тревожился неопредѣленными слухами объ австрійскомъ комитетѣ, который будто-бы работаетъ въ тюльерійскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ королевы Маріи Антуанеты и замышляетъ предать Францію въ руки иностранцевъ и эмигрантовъ. Война между Франціею и Европою казалась неизбѣжною; и точно также неизбѣжнымъ казался рѣшительный и окончательный разрывъ между идеями революціи и принципомъ королевской власти. Самъ Людовикъ увидѣлъ и понялъ наконецъ неизбѣжность этого разрыва тогда, когда національное собраніе принялось за преобразованія въ устройствѣ церкви. Разрушеніе Бастиліи, уничтоженіе дворянства, ограниченіе монархической власти, учрежденіе національной гвардіи, свобода печати—все это было грустно и тиготно, но, скрѣпя сердце, можно было еще, кое-какъ, перенести всѣ эти страданія; когда же зашла рѣчь о духовенствѣ, о монастыряхъ, о церковныхъ помѣстьяхъ, о назначеніи священниковъ по выбору прихожанъ, тогда истощилось дипломатическое терпѣніе плѣннаго короля. Людовикъ былъ, прежде всего, католикъ; надъ нимъ господствовали его духовники, и съ той минуты, какъ революція коснулась церковной іерархіи, Людовикъ XVI съ мужествомъ отчаянія рѣшился, во что бы то ни стало, сбросить маску и бѣжать въ тотъ лагерь, въ которомъ были всѣ его друзья.

Я оставляю въ сторонѣ фактическія подробности: какъ было задумано бѣгство, какъ измѣнялся планъ этого бѣгства, какія сношенія поддерживала по этому поводу королева Марія-Антуанета съ своимъ братомъ, Леопольдомъ Австрійскимъ, какъ королевское семейство тронулось въ путь, какъ происходило это опасное путешествіе — все это имѣетъ

анекдотическій и біографическій интересъ, и все это совсѣмъ не относится къ историческому развитію революціи. Достаточно замѣтить, что король съ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Парижа въ ночь на 21 іюня, а въ тотъ же день, поздно вечеромъ, его задержали въ провинціальномъ городкѣ Вареннѣ. Тамошнія городскія власти тотчасъ дали знать объ этомъ національному собранію. Национальное собраніе прислало въ Вареннѣ своихъ комиссаровъ, и короля съ семействомъ привезли обратно въ Парижъ. Эта неудавшаяся поѣздка короля нанесла послѣдній ударъ монархическому принципу во Франціи. Его убили не нападенія его враговъ, а ошибки представителей и защитниковъ.

Первая причина революціи заключалась, какъ мы видѣли, въ экономическомъ истощеніи народа и государства; это истощеніе, разумѣется, было произведено не философами XVIII вѣка, а администраторами, любившими старыи порядокъ вещей всѣми силами своего организма. Первый поводъ къ вооруженному возстанію былъ поданъ, какъ мы также видѣли, попыткою короля парализировать съ самаго начала дѣятельность національнаго собранія; эта попытка, очевидно, была сдѣлана друзьями стараго порядка, а не агитаторами народа и не фанатиками революціи. Теперь мы опять встрѣчаемся съ такимъ же фактомъ. Въ теченіи 1789 и 1790 года, республиканскихъ стремленій нельзя было замѣтить ни въ народѣ, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національномъ собраніи, ни въ яacobинскомъ клубѣ. Народъ хотѣлъ только прочнаго уничтоженія феодальныхъ повинностей, а къ вопросамъ высшей политики оставался совершенно равнодушнымъ, полагаясь въ этомъ отношеніи на своихъ возлюбленныхъ представителей и законодателей. Образованное общество и національное собраніе состояли изъ чистыхъ роялистовъ, обожавшихъ старыи порядокъ, и изъ конституціоналистовъ, разбигрывавшихъ разныя варіаціи, болѣе или менѣе смѣлыя, на одну основную тему англійскаго самоуправленія. Яacobинцы сами называли свой клубъ — обществомъ друзей конституціи, и не терпѣли на своей трибунѣ ни одного слова противъ монархическаго начала. Необходимость королевской власти для всѣхъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей того времени составляла неприкосновенный догматъ политическаго вѣроисповѣданія. Та мысль, что республиканское правленіе годится только для отдѣльныхъ городовъ и мелкихъ областей, находилась тогда въ общемъ ходу, и считалась неопровержимою истиною, не требующею доказательствъ. Ввести республиканское правленіе во Францію значило-бы превратить ее въ федерацію, состоящую изъ множества отдѣльныхъ, мелкихъ республикъ; о федераціи такого рода никто не хотѣлъ слышать, потому что привилегіи отдѣльныхъ провинцій только что были уничтожены, внутреннія заставы и таможи были сняты и отмѣнены, единство было основано, и все что могло мѣшать укрѣпленію этого

единства и водворенію сильной централизаціи, казалось всѣмъ тогдашнимъ публицистамъ тяжелымъ преступленіемъ противъ націи и отечества. Ни Робеспьеръ, ни Дантонъ, ни Маратъ, никто изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ обыкновенно опаснѣйшими демократами и злѣйшими революціонерами, не заикались о республикѣ въ теченіи 1789 и 1790 года. Одинъ только Демуленъ написалъ въ то время политическій памфлетъ съ республиканскими тенденціями, но Демуленъ въ началѣ революціи такъ часто кидался изъ стороны въ сторону, отъ Лафайета къ Робеспьеру, отъ Мирабо къ Дантону, что всѣ партіи считали его талантиливымъ и остроумнымъ повѣсою, котораго съ удовольствіемъ можно читать и слушать, но на котораго не стоитъ обращать вниманія въ серьезномъ дѣлѣ. Республиканскій памфлетъ Демулена остался безъ вліянія, и тоже самое произошло-бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто Демулена заговорилъ въ то время о республикѣ какой-нибудь сильный предводитель политической партіи. Республиканцы, конечно, существовали и тогда; но одни молчали, другіе притворялись приверженцами конституціи; всѣ считали себя мечтателями, далеко опередившими свой вѣкъ; всѣ были увѣрены въ неспособности французскаго народа къ самоуправленію, и всѣ любили восхищаться античными доблестями Грековъ и Римлянъ, которые были извѣстны тогдашнему обществу по трагедіямъ Корнелия и Расина, да еще по жизнеописаніямъ Плутарха и Корнелия Непота, переведеннымъ на французскій языкъ.

Всѣ эти безвредныя занятія тогдашнихъ республиканцевъ могли-бы продолжаться въ теченіи неопредѣлимо-долгаго времени, и могли-бы кончиться ничѣмъ, могли-бы не дойти до свѣдѣнія французскаго народа, еслибы только представитель и защитники стараго порядка имѣли возможность удержаться отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Но обстоятельства были расположены такимъ образомъ, что каждое дѣйствіе Людовика XVI превращалось въ ошибку, и, подрывая монархію, закладывало основанія будущей республики. Когда по городамъ и селамъ королевства разнесся слухъ, что король попробовалъ убѣжать за границу, тогда во всей Франціи произошелъ такой единодушный взрывъ народнаго негодованія, что, послѣ этого взрыва, всякое примиреніе между королемъ и народомъ сдѣлалось невозможнымъ. Король дѣйствуетъ заодно съ иностранцами! Король дѣйствуетъ за одно съ эмигрантами! Эти двѣ мысли были бессильны и безвредны, пока онѣ встрѣчались только на столбцахъ демократическихъ газетъ, и въ декламаціяхъ яростныхъ ораторовъ; но когда каждый горожанинъ, каждый мужикъ и каждый поденщикъ самъ додумался до этихъ двухъ мыслей, самъ разобралъ ихъ значеніе, самъ взволновался ихъ возможными послѣдствіями, и наконецъ самъ громко произнесъ ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ, тогда эти двѣ мысли разорвали всякую связь между королемъ и народомъ, и съ неудержимою силою бросили всю

массу народа въ руки крайней демократической и республиканской партіи, которая тотчасъ ободрилась, отложила въ сторону Плутарха и Корненія Непота, и съ восхищеніемъ принялась хозяйничать въ дѣлахъ современной дѣйствительности.

Король дѣйствуетъ за одно съ иностранцами, думаль народъ, услышавъ о побѣдѣ въ Вареннѣ,—стало быть онъ продаетъ иностранцамъ честь и благосостояніе Франціи; онъ хочетъ привести во Францію нѣмецкія арміи, онъ хочетъ выжечь города и села, вытоптать поля, обломать виноградники, опустошить цѣлыя провинціи голодомъ и моровою язвою. Король дѣйствуетъ за одно съ эмигрантами, разсуждали всѣ классы народа, воспользовавшіеся различными выгодами революціи. Въ теченіи своей двухлѣтней дѣятельности, революція пустила въ народную жизнь такіе глубокіе корни, произвела такія радикальныя и разнообразныя измѣненія во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ и заинтересовала въ свою пользу такое неизмѣримое большинство французскихъ гражданъ, что при первомъ намекѣ на возможность реакціи, вся Франція снизу и до верху, отъ одной границы до другой, встрепенулась отъ ужаса и негодованія. Въ это время революція была уже непобѣдимо сильна, именно потому, что она успѣла уже дать всѣмъ классамъ народа осязательныя доказательства своего существованія и своей дѣятельности. Пока революція была чистою идеею, отвлеченнымъ приговоромъ мыслителей надъ существующими бытовыми формами, до тѣхъ поръ ее можно было задержать, отсрочить или поворотить назадъ; но, когда она проложила себѣ дорогу въ міръ матеріальныхъ интересовъ, когда она передѣлала по своему весь строй экономическихъ отношеній, тогда возвращеніе стараго порядка вещей сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Тогда дѣло революціи стали защищать не одни мыслители, писатели, ораторы и утописты; вмѣстѣ съ идеологами поднялись за общее дѣло и городскіе собственники, и крестьяне, и солдаты, и ремесленники. Всѣ неопредѣленныя декламации объ австрійскомъ комитетѣ, о вѣроломствѣ двора, о кровожадныхъ замыслахъ аристократовъ, о враждебныхъ тенденціяхъ самаго короля, всѣ журнальныя утки и ораторскія импровизации превратились передъ глазами испуганнаго народа въ самую осязательную, неопровержимую и сокрушительную истину. Творцы утокъ и импровизаций сдѣлались мудрецами и пророками; отъ нихъ народъ сталъ ожидать спасенія; за ними онъ готовъ былъ идти всюду, куда они захотятъ повести его; отъ нихъ зависѣло произнести слово «республика», и еслибы это слово не тотчасъ перешло въ дѣло, то, по крайней мѣрѣ, послѣ Вареннскаго путешествія, никто не подумалъ бы назвать адвокатовъ республики мечтателями и утопистами. Словомъ, до побѣдки короля въ Вареннѣ народъ подозрѣвалъ короля въ неискренности и чувствовалъ неопредѣленное безпокойство; послѣ

этой поѣздки не осталось никакихъ подозрѣній, и неопредѣленное безпокойство смѣнилось твердою увѣренностью. Весь народъ пережилъ въ нѣсколько часовъ цѣлыя дѣсятилѣтя исторической опытности; онъ увидѣлъ, что надо выбирать одно изъ двухъ: или революцію, или старый порядокъ. Рубиконъ былъ перейденъ, и Людовикъ XVI, привезенный изъ Варенна въ Парижъ, сдѣлался, во всѣхъ отношеніяхъ, плѣнникомъ своихъ политическихъ противниковъ.

XXIII.

Короля привезли въ Парижъ 25 Юня 1791 года, а королевская власть была уничтожена во Франціи 10 Августа 1792 года. Между этими двумя событіями прошло больше года, и королемъ считался въ этотъ промежутокъ времени тотъ же Людовикъ XVI, который уже однажды попробовалъ убѣжать съ своего престола. На первый взглядъ, иному недогадливому читателю могутъ показаться непонятными двѣ вещи: почему Людовикъ XVI самъ не отказался въ это время отъ своего престола, на которомъ онъ, съ минуты своего бѣгства, могъ ожидать только непріятностей и оскорбленій? И далѣе, почему національное собраніе не объявило престола вакантнымъ, и не созвало національнаго конвента, то есть, почему оно, послѣ Вареннской исторіи, не поступило такъ, какъ поступило законодательное собраніе послѣ возмущенія 10 Августа 1792?

Отвѣта на эти два вопроса надо искать въ характерѣ Людовика XVI, и въ характерѣ коллективной личности, называвшейся національнымъ учредительнымъ собраніемъ. Во-первыхъ Людовикъ, по своему темпераменту, не былъ способенъ на энергическіе поступки; онъ могъ, съ христіанскимъ терпѣніемъ, переносить оскорбительныя непріятности своего положенія, но выйдти изъ этого положенія рѣшительнымъ и необычнымъ шагомъ онъ былъ не въ состояніи. Только уступая вліянію королевы, онъ попробовалъ бѣжать за границу, и эта попытка, удавшаяся такъ плохо, надолго истощила въ немъ запасъ дѣятельной энергіи; онъ подумалъ, что всего лучше съ полнымъ смиреніемъ ожидать, что будетъ. Во-вторыхъ Людовикъ XVI былъ воспитанъ своими наставниками и своею вседневною версальскою жизнью такъ, что онъ не зналъ о существованіи и не понималъ значенія тѣхъ живыхъ силъ, которыя копошились подъ его престоломъ: что такое народъ, чего онъ хочетъ, сытъ-ли онъ, голоденъ-ли и что такое значитъ быть голоднымъ, — все это, и многое другое въ томъ же родѣ, были такіе вопросы, которыхъ даже не могли задавать себѣ обитатели версальскаго дворца. О правильномъ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ смѣшно было бы и ду-

мать. Всей версальской публикѣ революція казалась интригою какихъ нибудь мошенниковъ, которые сегодня въ модѣ, а завтра будутъ заброшены и забыты вмѣстѣ съ своими задорными фразами. Революцію дѣлаетъ герцогъ орлеанскій, или Мирабо, или Лафайетъ, или Барнавъ, или Дантонъ, или всѣ они вмѣстѣ, или каждый изъ нихъ порознь, по своему особенному разсчету, но непременно кто нибудь да дѣлаетъ революцію: не можетъ же быть, чтобы революція сама себя дѣлала *).

Никто изъ роялистовъ не могъ разсуждать иначе, а разсуждая такимъ образомъ, Людовикъ XVI, который конечно былъ самъ роялистомъ, не могъ отказаться отъ престола. Онъ такъ мало считалъ свое положеніе отчаяннымъ, что даже послѣ Вареннской исторіи, продолжалъ бояться успѣха эмигрантовъ больше, чѣмъ успѣха демократовъ. Онъ боялся, что его братья, графъ Прованскій и графъ Артуа, задавятъ революцію, возьмутъ его, Людовика, подъ свою опеку, а королеву подвергнутъ скандальному процессу и заточенію. Людовику въ голову не приходило бояться за свою жизнь, и онъ до послѣдней минуты своего царствованія былъ увѣренъ, что Франція не можетъ и никогда не захочетъ быть республикою. Стало быть, отказываться отъ престола значило бы открывать дорогу принцамъ-эмигрантамъ. Вообще, можно сказать одно: если бы Людовикъ XVI былъ способенъ отказаться отъ престола, то есть, если бы онъ понималъ глубину и обширность революціоннаго движенія, если бы онъ предвидѣлъ, какъ она разыграется, если бы онъ, понимая и предвидя все это, могъ поступать твердо и рѣшительно, то онъ, еще гораздо раньше 1789 года, отыскалъ и поддерживалъ бы людей, подобныхъ Тюрго, и повелъ бы необходимыя реформы мирнымъ путемъ, осторожно, послѣдовательно, но безъ уклончивости, безъ уступокъ старинѣ, и безъ боязни передъ новыми идеями. Реформа была необходима и неизбежна, но самъ Людовикъ, смотря по особенностямъ своего характера и умственнаго развитія, могъ примкнуть къ той или другой сторонѣ; если бы онъ примкнулъ къ партіи будущаго, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ партіи прошедшаго, тогда его личная судьба во многомъ бы измѣнилась, и внѣшнія формы французской революціи также испытали бы многія измѣненія, но прочные результаты всего движенія оказались бы совершенно такими же, какими мы ихъ видимъ теперь. Читатель вѣроятно знаетъ уже, что прочными результатами я называю въ этомъ случаѣ экономическія и социальныя преобразованія.

— Национальное собраніе, по своимъ отношеніямъ къ массѣ народа,

*) Это только унтеръ-офицерская жена сама себя высъкла; да и то показаніе Сквозника-Дмухановскаго въ этомъ случаѣ можетъ удовлетворить только Хлестакова.

было заранѣе осуждено на бездѣйствіе. Съ одной стороны, оно не могло принять рѣшительную инициативу, и объявить престоль вакантнымъ; съ другой стороны, если бы оно захотѣло защитить и прикрыть Людовика XVI своимъ авторитетомъ, защита эта оказалась бы очень недостаточною, потому что авторитетъ собранія былъ уже въ значительной степени подорванъ. При началѣ своихъ засѣданій, національное собраніе было составлено на половину изъ депутатовъ отъ дворянства и отъ духовенства. Эти депутаты, которыхъ народъ не хотѣлъ и не могъ считать своими представителями, составили правую сторону собранія, и почти всѣ держали себя, во все время засѣданій, какъ явные враги революціи, и какъ безусловные приверженцы стараго порядка. Многіе изъ этихъ депутатовъ уѣхали за границу, когда эмиграція стала усиливаться и вошла въ моду. Когда дворянство и духовенство были уничтожены, какъ отдѣльныя сословія, тогда депутаты отъ этихъ несуществующихъ сословій, очевидно, потеряли всякій смыслъ, и превратились въ ходячій анахронизмъ. Не смотря на это, анахронизмъ продолжалъ засѣдать въ собраніи, произносить рѣчи, и подавать голоса. Въ половинѣ 1791 года правая сторона собранія состояла еще изъ трехъ сотъ человѣкъ, которые, производя много шума, заявляя торжественные протесты, и безпристрастнѣйшимъ образомъ балансируя между различными оттѣнками центральной партіи и лѣвой стороны, развлекали силы собранія, и отнимали у него возможность дѣйствовать рѣшительно. Впрочемъ, центръ и лѣвая сторона сами по себѣ находились въ постоянномъ колебаніи. Если они боялись эмигрантовъ и чистыхъ роялистовъ, которые до того времени были ихъ постоянными врагами, то еще сильнѣе боялись они чистыхъ демократовъ и революціонеровъ, которые до того времени были ихъ постоянными союзниками. Чтобы сдержать въ границахъ благопристойности этихъ опасныхъ союзниковъ, они готовы были пойти на мировую сдѣлку съ своими врагами, но враги ни на какую сдѣлку не поддавались, имѣя въ виду соблазнительную надежду, что революція погибнетъ въ ближайшемъ будущемъ отъ собственныхъ своихъ ошибокъ и увлеченій.

Конституціонная партія, сжатая такимъ образомъ между слишкомъ извѣстными людьми прошедшаго и страшными по своей неизвѣстности силами будущаго, чувствовала шаткость своего положенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняла за собою численный перевѣсъ въ національномъ собраніи. Отъ нея зависѣло рѣшить вопросъ: какъ выпутать короля и собраніе изъ неприятныхъ послѣдствій Вареннской исторіи? При рѣшеніи этого вопроса, она, конечно, постаралась сохранить золотую середину, и устроило дѣло такъ, что не удовлетворила ни роялистовъ, ни революціонеровъ. Роялисты смотрѣли на Варенское дѣло, какъ на законный протестъ угнетеннаго короля противъ посягательствъ зазнав-

шихся подданныхъ; въ этомъ дѣлѣ для нихъ не могло быть и рѣчи о преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ; виновными они считали только тѣхъ людей, которыхъ неслыханная дерзость понудила короля искать себѣ безопасности внѣ Парижа, и, можетъ быть, внѣ Франціи; для роялистовъ эмиграція принцевъ и дворянства была дѣломъ совершенно законнымъ, а такъ какъ король, по ихъ мнѣнію, былъ первымъ принцемъ и первымъ дворяниномъ во Франціи, то онъ также могъ эмигрировать, если находилъ это удобнымъ для сохраненія своего достоинства, и необходимымъ для своей личной безопасности. Но гдѣ король, тамъ и отечество, говорили далѣе роялисты; поэтому всѣ честные французы, не желающіе оставить свое отечество, должны слѣдовать за королемъ на край свѣта; слѣдовательно, генераль Булье, приготовившій бѣгство короля, и офицеры, отправившіеся въ путь вмѣстѣ съ королемъ, оказываются лучшими патриотами во всей Франціи, и достойны полного уваженія со стороны всѣхъ благомыслящихъ гражданъ.

Такъ думали роялисты, хотя, конечно на трибунѣ національнаго собранія они уже не могли высказываться вполне откровенно; общество XVIII вѣка было уже слишкомъ развращено для того, чтобы понимать идеи и цѣнить чувства временъ Людовика XIV, Генриха IV, или Франциска I. На трибунѣ эти тенденціи выражались осторожно и уклончиво, съ различными примѣненіями къ языку и понятіямъ испорченной эпохи. Но во всякомъ случаѣ, у роялистовъ былъ свой взглядъ на вещи, очень опредѣленный и вполне послѣдовательный, то есть, вполне вѣрный основной идеѣ.

У революціонеровъ былъ также свой взглядъ не менѣе опредѣленный, и не менѣе послѣдовательный. Они думали и говорили, что король и всѣ соучастники Вареннской экспедиціи виновны въ измѣнѣ противъ націи; короля слѣдуетъ объявить лишеннымъ престола, а всѣхъ остальныхъ предать суду, и наказать по всей строгости законовъ. Конституціоналисты попались въ тиски между этими двумя противоположными взглядами; они стали лавировать изъ стороны въ сторону, избрѣгать несуществующіе факты, и соглашать несогласимыя понятія. Уѣзжая изъ Парижа, король оставилъ письменный протестъ противъ всѣхъ узаконеній, выработанныхъ національнымъ собраніемъ, и получившихъ уже королевское утвержденіе; въ этомъ протестѣ король очень подробно излагаетъ свои жалобы противъ французовъ вообще, и парижанъ въ особенности; онъ объясняетъ очень обстоятельно причины своего бѣгства; національное собраніе получило эту бумагу въ тотъ самый день, въ который оно узнало о бѣгствѣ короля. Но, не смотря на положительныя увѣренія самаго Людовика XVI, собраніе, слѣдуя внушенію конституціонной партіи, выдумало, что король не бѣжалъ, а сдѣлался жертвою насильственнаго или коварнаго похищенія. Эта выдумка отодви-

гала самага короля въ сторону, а всю отвѣтственность обрушивала на его коварныхъ и злоумышленныхъ похитителей.

Такое замысловатое рѣшеніе не могло удовлетворить ни роялистовъ, ни демократовъ; кромѣ того, оно оскорбляло здравый смыслъ и нравственное чувство всѣхъ честныхъ людей, безъ различія политическихъ партій. Никто не могъ обмануться выдумкою національнаго собранія; всѣ знали, что бѣгство короля было вполнѣ добровольно и преднамѣренно. Если это бѣгство составляетъ преступленіе, то всѣ участники этого предпріятія преступны; если же не существуетъ преступленія, то не за что губить тѣхъ людей, которые были простыми исполнителями и вѣрными слугами. Такъ говорилъ здравый смыслъ, но конституціонная теорія, сплетенная изъ множества политическихъ и юридическихъ фикцій, находилась на такомъ неизмѣримомъ разстояніи отъ простаго и скромнаго здраваго смысла, что не могла обращать на его совѣты ни малѣйшаго вниманія. Впрочемъ, конституціонная партія не ограничилась тѣмъ, что взяла себѣ исходною точкою произвольную импровизацію; она, кромѣ того, стужѣла поставить себя въ противорѣчіе съ этою самою импровизаціею; предполагая, что король былъ похищенъ, она, однако, ухитрилась наложить на него исправительную эпитимію; собраніе рѣшило, что верховная исполнительная власть отнимается у короля и сосредоточивается въ національномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока конституція не будетъ окончена, и пока король не приметъ и неутвердитъ ее своею торжественною клятвою.

Все это зданіе выдумокъ и противорѣчій было воздвигнуто трудами Дюпора, Барнава, Ламетовъ и многихъ другихъ сотрудниковъ ихъ, въ теченіи трехъ недѣль. Къ 16 іюля пренія о Вареннской исторіи окончились въ собраніи, но тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись представители, вовсе не понравились народу. Клубъ кордельеровъ весь объявилъ себя противъ королевской власти; Марать въ своей газетѣ совѣтовалъ народу выбрать себѣ диктатора или военнаго трибуна. Бриссо сталъ издавать газету «le Républicain»; Кондорсе написалъ республиканскій памфлетъ; Робеспьеръ, въ клубѣ якобинцевъ, говорилъ объ осторожности и уваженіи къ конституціи; но въ національномъ собраніи настаивалъ на томъ, что король слѣдуетъ судить. Якобинцы старались соблюдать конституціонное благоразуміе, но когда Бриссо заговорилъ въ ихъ клубѣ противъ неприкосновенности королевской особы, тогда раздались крики неистоваго и чисто республиканскаго восторга. Бывшіе хозяева якобинскаго клуба, — Ламеты, Дюпоръ и Барнавъ — увидѣли по многимъ признакамъ, что твореніе ихъ рукъ уходитъ окончательно изъ подъ ихъ вліянія. Они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку; 16 іюля, они перешли вмѣстѣ съ своими друзьями изъ монастыря якобинцевъ въ монастырь Фельяновъ; за ними послѣдовали почти

всѣ депутаты, бывшіе членами якобинскаго клуба; этотъ новый клубъ Фельяновъ объявилъ всѣмъ провинціальнымъ якобинцамъ, что съ этого дня онъ будетъ составлять настоящее общество друзей конституціи; но большая часть провинціальныхъ клубовъ не признали этого, настоящаго «общества», и по прежнему продолжали переписываться съ якобинцами, оставшимися въ якобинскомъ монастырѣ. Ни Робеспьеръ, ни Петіонъ, ни Бриссо не пошли въ новое помѣщеніе клуба. У Фельяновъ стали собираться депутаты и конституціонный *beau-monde*, но это изысканное общество, существовавшее всего одинъ годъ, постоянно оставалось совершенно безсильнымъ.

Руководители національнаго собранія принуждены были наконецъ убѣдиться въ томъ, что ихъ время прошло, и что выдвигаются впередъ новыя стремленія, которыхъ они не понимаютъ, и новые люди, въ отношеніи къ которымъ они становятся уже людьми прошедшаго. Анти-роялистское движеніе въ клубахъ и въ газетахъ служило вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго настроенія народныхъ массъ. Въ національное собраніе приходили изъ разныхъ городовъ и департаментовъ адреса, совершенно враждебные Людовику XVI, и нескромное направленіе этихъ адресовъ ставило иногда почтенныхъ законодателей въ очень неловкое и затруднительное положеніе.

Но затрудненія сдѣлались еще гораздо существеннѣе и значительнѣе, когда рѣшеніе собранія по дѣлу короля возбудило сильное неудовольствіе въ самомъ Парижѣ. Пока продолжались еще пренія о Вареннской исторіи, происходили разныя частныя демонстраціи; когда пренія закончились, тогда составился планъ подать собранію петицію; подписанную многими тысячами именъ, и выражающую желаніе парижскаго народа, чтобы король былъ низложенъ съ престола. Утромъ 17 іюля, нѣсколько гражданъ, принадлежащихъ къ клубу кордельеровъ, собрались на Марсовомъ полѣ, и положили свою петицію на алтарь отечества, построенный въ 1790 году, для праздника федераціи. Кто проходилъ мимо, тотъ читалъ и подписывалъ. Слухъ о прошеніи распространился очень быстро; люди, желающіе прочесть и подписать петицію, стали стекаться на Марсово поле со всѣхъ сторонъ; толпа привлекала толпу, и часамъ къ четыремъ по полудни, вокругъ алтаря отечества, собрались десятки тысячъ народа; устроилось что-то въ родѣ общественнаго гулянья; тутъ были женщины и дѣти, люди всякаго званія и всякаго образа мыслей; были и сумазброды, совѣтывавшіе публикѣ взять штурмомъ собраніе, и разогнать недостойныхъ представителей великаго французскаго народа; но публика, разумѣется смотрѣла на этихъ бѣсноватыхъ проповѣдниковъ, какъ на забавный аксессуаръ лѣтней прогулки; между тѣмъ на петиціи набралось уже очень много подписей, и національное собраніе, знавшее непріятное направленіе этой бумаги, поже-

лало уничтожить ее, и задавить все движеніе мѣрами спасительной строгости. Собраніе приказало парижскому меру разогнать толпу бунтовщиковъ и злодѣевъ, собравшихся вокругъ алтаря отечества; Балби и Лафайетъ объявили военный законъ противъ возмущенія, выставили въ огнѣ ратуши красное знамя, и пошли на Марсово поле, съ пѣхотою, кавалерією и артиллерією національной гвардіи; пѣхота дала залпъ, храбрая кавалерія бросилась въ атаку и только артиллеріи не удалось принять участіе въ пораженіи враговъ. Бунтовщики и злодѣи обращены въ позорное бѣгство; на ступеняхъ алтаря отечества осталось больше сотни убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и стариковъ. Собраніе изъявило свою благодарность городскимъ властямъ за ихъ энергію и распорядительность. Затѣмъ дѣла пошли прежнимъ порядкомъ.

Собраніе было такъ великодушно, что не воспользовалось своею побѣдою надъ злоумышленниками. Нѣкоторые депутаты совѣтовали закрыть клубы и пугнуть журналистовъ, но собраніе на это не согласилось. Якобинцы, смущенные воинственнымъ шумомъ, скоро оправились, и совершенно пересилили Фильяновъ, въ пользу которыхъ была одержана такая блистательная побѣда. Робеспьеръ, Марать, Дантонъ, Бриссо, Демуленъ, Фреронъ продолжали господствовать надъ умами народа рѣчами, брошюрами и газетами. Популярность Лафайета и Балби осталась убитою на Марсовомъ полѣ. 13 сентября король принялъ конституцію; 30 сентября, учредительное собраніе окончило свою дѣятельность и разошлось. Изъ 1800 милльоновъ ассигнацій было издержано 1323. Финансы остались въ прежнемъ положеніи.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦИИ.

I.

При Наполеонѣ I.

«Для управленія необходимы сапоги и шпоры, сказалъ генераль Бонапарте, принимая званіе перваго консула французской республики. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго правительства было слѣдующее циркулярное предписаніе:

«Консулы республики убѣдились въ томъ, что часть журналовъ, печатающихся въ департаментѣ Сены, составляютъ орудія враговъ республики. Вслѣдствіе этого, министерство полиціи во все время войны будетъ запрещать печатаніе и разсылку всѣхъ журналовъ, кромѣ *Moniteur universel*, *Journal des Débats*, *Journal de Paris*, *le Bien informé*, *le Publiciste*, *l'Ami des Lois*, *la Clef des cabinets*, *le Citoyen français*, *la Gazette de France*, *le Journal des hommes libres*, *le Journal du soir*, *le Journal des Défenseurs de la Patrie*, *la Décade philosophique*, и тѣхъ журналовъ, которые занимаются исключительно науками, искусствами и литературою.»

Издателямъ и редакторамъ велѣно было явиться въ полицію и тамъ съ нихъ взяли письменное обязательство не писать и не печатать ничего противъ конституціи. Имъ запретили точно также перепечатывать изъ иностранныхъ газетъ какія бы то ни было статьи, говорившія противъ верховнаго владычества французскаго народа, противъ славы французскаго оружія или противъ правительствъ и націй, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ или въ союзѣ съ республикою. За нарушеніе этихъ правилъ журналъ подвергался немедленному закрытію.

Когда первый консулъ Бонапарте превратился въ императора Наполеона, тогда изъ семи сенаторовъ была образована особая коммиссія, которой было поручено охранять свободу печати отъ стѣснительныхъ распоряженій администраціи. Во все время царствованія Наполеона, эта коммиссія оставалась въ совершенномъ бѣздѣйствіи; самъ Наполеонъ не жаловалъ литераторовъ вообще и журналистовъ въ особенности, и коммиссія никогда не рѣшалась за нихъ заступаться: «Я добился власти, говорилъ самъ императоръ, потому что умѣю ея распорядиться, я художникъ въ дѣлѣ управленія... Чтобы управлять большимъ государствомъ, надо завести много судей, много чиновниковъ, много жандармовъ, много солдатъ... Сколько мнѣ пришлось выслушать объясненій и возраженій, когда я подчинилъ вѣдомству полиціи ежедневныя газеты. Чтобы убѣдить метафизиковъ, мнѣ самому пришлось пускаться въ метафизику; государственный человѣкъ долженъ говорить на всѣхъ языкахъ и принимать на себя всевозможныя роли. Поручая полиціи наблюдать за печатью, я хочу разсѣять опасныя ассоціаціи и зажать ротъ безпкойнымъ ораторамъ. Журналистъ ничего иного, какъ говорунъ, а его подписчики составляютъ вокругъ него клубъ. То, что онъ печатаетъ, читается ими, а потомъ каждый изъ нихъ составляетъ вокругъ себя кружки и ораторствуетъ въ свою очередь».

При Наполеонѣ остались въ живыхъ только четыре политическія газеты: *Moniteur*, *Journal des Débats*, *Gazette de France*, и *Journal de Paris*.

Moniteur былъ органомъ самаго императора, который довольно часто помѣщалъ въ немъ свои собственныя статьи.

Journal des Débats, принадлежавшій Бертену-де-Во, возбуждалъ недобѣріе правительства, не смотря на то, что одинъ изъ сотрудниковъ этой газеты, Жоффруа, въ своихъ фельетонахъ постоянно льстилъ особѣ императора и его распоряженіямъ. Наполеонъ подозрѣвалъ издателя этой газеты въ сношеніяхъ съ Англією и съ эмигрантами; носились даже слухи, будто Бертенъ получаетъ изъ Англіи денежныя субсидіи; по настоянію министра полиціи Фуше, къ этому журналу приставили цензора, но выборъ палъ на одного изъ друзей редактора, Фіеве, который не удовлетворилъ требованіямъ полицейскаго начальства, не смотря на то, что ему предписано было читать съ особеннымъ вниманіемъ эту газету, пользовавшуюся значительнымъ сочувствіемъ публики, и имѣвшую по словамъ правительственной инструкціи, въ десять разъ больше подписчиковъ, чѣмъ остальные періодическія изданія. Проходя черезъ руки цензора, политическая часть журнала приняла такую официальную фізіономію, которая опять-таки не понравилась императору; «болтовня журналовъ, замѣтилъ онъ, при многихъ неудобствахъ имѣетъ также свои хорошія стороны». Было рѣшено отставить цензора, но вмѣстѣ съ тѣмъ

смѣнить редактора, не смотря на то, что журналъ составлялъ его собственность. Журналъ, отнятый у Бертена, былъ отданъ тому самому Фиеве, который былъ цензоромъ этого журнала; вмѣстѣ съ тѣмъ было измѣнено названіе журнала, связывавшееся съ воспоминаніями о революціи; Journal des Débats преобразился въ Journal de l'Empire. Но и Фиеве показался неудовлетворительнымъ, и его смѣнилъ Этьенъ, человекъ, преданный интересамъ правительства, но, не смотря на то, неспособный служить ему слѣпымъ орудіемъ. Однажды Наполеонъ сторяча написалъ противъ Австріи статью, наполненную ругательствъ и послалъ ее къ Этьену для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ. Этьенъ пришелъ въ недоумѣніе, читая рукопись, и отправился попросить совѣта у герцога Бассано.—Это воля императора, отвѣчалъ ему герцогъ. Этьенъ отдалъ статью въ типографію, но читая корректуру, еще разъ задумался надъ нею, и наконецъ рѣшился вовсе не печатать ея. На другой день императоръ беретъ журналъ, удивляется тому, что въ немъ нѣтъ его статьи и распекаетъ герцога Бассано, который въ свою очередь дѣлаетъ строгій выговоръ Этьену и приказываетъ ему непременно помѣстить статью въ завтрашнемъ номерѣ газеты. Но Этьенъ выдержалъ характеръ, и на этотъ разъ даже не послалъ статью въ типографію.—Что же моя статья? спрашиваетъ Наполеонъ у герцога Бассано.— Ваше Величество, она не помѣщена.—Да кто же осмѣливается не исполнять моихъ приказаній?—Этьенъ утверждаетъ, что эта статья недостойна васъ, и отказывается ее печатать.—А! Онъ осмѣлился... впрочемъ, прибавилъ Наполеонъ, вдругъ успокоиваясь, онъ правъ.

Книги проходили чрезъ руки цензоровъ, и, не смотря на то, часто конфисковались послѣ поступленія въ продажу. Г-жа Сталь принуждена была уѣхать изъ Франціи за свою книгу о Германіи. Изданіе книги было отобрано въ полицію и лавка издателя обыскана. Въ историческихъ сочиненіяхъ, описывавшихъ далекое прошлое, администрація искала намековъ и преслѣдовала за нихъ авторовъ и издателей. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Шатобріанъ пишетъ: «благоденствіе Нерона пепрочно, Тацитъ родился въ его имперіи, выросъ возлѣ праха Германика и правосудное Провидѣніе вручило неизвѣстному юношѣ славу владыки міра». Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отношеніяхъ Серторія къ правительству Суллы, онъ выказываетъ слѣдующую мысль: «безъ сомнѣнія, во времена Серторія, робкія души, принимавшія свою низость за благородіе, находили безумнымъ то, что простой гражданинъ рѣшился вызвать на бой все могущество Суллы». Наполеонъ самъ замѣтилъ эти два мѣста и прогнѣвался на автора. Шатобріанъ, кажется, считаетъ меня идиотомъ; онъ думаетъ, я его не понимаю? Я велю его изрубить саблями на ступеняхъ моего дворца.

До этого дѣло не дошло, но журналъ *Mercur de France*, купленный Шатобрианомъ у де-Фонтана, былъ запрещенъ.

Одинъ литераторъ, Мерсанъ, безо-всякаго особеннаго умысла напечаталъ сборникъ мыслей Бальзака, стариннаго писателя, жившаго въ XVII столѣтїи. Чиновникъ, имѣвшій специальную обязанность слѣдить за нѣкоторыми отраслями литературы и доносить объ упущенїяхъ предварительной цензуры, довелъ до свѣдѣнїя императора, что нѣкоторыя фразы этого сборника направлены противъ его особы. Наполеонъ вспылилъ и тотчасъ же отдалъ приказанїе посадить де-Мерсана въ тюрьму. Приближенные государя задержали это приказанїе и умоляли разобрать дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Это очень ясно, говорилъ разгнѣванный императоръ, меня называютъ бичемъ Бога, пагубнымъ челоуѣкомъ. Полюбуйтесь этими дерзостями. Завтра мы поговоримъ объ этомъ.

Изданїе де-Мерсана сличили съ книгами Бальзака и оказалось, что фразы, взволновавшїя Наполеона, были цѣликомъ направлены противъ кардинала Ришилье, который однако въ свое время не принялъ ихъ на свой счетъ.

Читая подлинный текстъ Бальзака, Наполеонъ убѣдился въ своей ошибкѣ и разорвалъ свой приказъ.

— Что за идїоты, говорилъ онъ, разбирая преступную фразу по частямъ. Развѣ эти эпитеты, *карликъ, свнухъ*, могутъ относиться ко мнѣ? Эта официальная цензура рѣшительно ни на что не годится!

Но мѣрѣ того, какъ политическія дѣла Наполеона запутывались, распоряженїя его касательно печати становились строже. Въ 1810 году онъ учредилъ должность генеральнаго директора книжной торговли и предоставилъ ему неограниченную власть надъ изданїями, т. е. право запрещать книгу раньше ея напечатанїя, и отбирать ее у книгопродавцевъ, если она уже дозволена. Въ томъ же году онъ сдѣлалъ распоряженїе, чтобы въ каждомъ департаментѣ (кроме Сены) издавался только одинъ журналъ, состоящїй изъ казенныхъ и частныхъ объявленїй и увѣдомленїй и чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлялъ форматъ этихъ изданїй и цѣну за строчку объявленїй. Въ томъ же году онъ обратилъ въ казенную собственность два журнала: *Journal de l'Empire* и *Journal de Paris*. Каждый изъ этихъ журналовъ онъ раздѣлилъ на двадцать четыре пая; восемь паевъ были отданы въ распоряженїе полицїи, которая изъ этихъ денегъ производила литераторамъ пенсїи, по благоусмотрѣнїю правительства; шестнадцать остальныхъ паевъ императоръ предполагалъ раздать въ видѣ награды надежнымъ людямъ, заявившимъ ему свою преданность.

Въ минуты раздумья и откровенности, Наполеонъ самъ тяготился этимъ натянутымъ положенїемъ дѣлъ. «Пресса, сказалъ онъ однажды

въ государственномъ совѣтѣ, пресса, которую величаютъ свободною, находится въ полнѣйшемъ рабствѣ. Полиція самовластно урѣзываетъ и запрещаетъ книги и статьи; эти дѣла судить даже не самъ министръ, онъ принужденъ полагаться на мелкихъ чиновниковъ. Что за безпорядокъ, что за произволъ!»

Паденіе Наполеона мгновенно отразилось въ тонѣ періодической литературы. Газеты 30-го марта 1814 года описываютъ современныя событія въ духѣ империализмовъ и наполнены изъявленіями глубочайшей преданности къ особѣ и правительству великаго императора.

31-го марта *Journal de l'Empire* не выходитъ въ свѣтъ, а съ перваго апрѣля всѣ періодическія изданія разражаются ругательствами и проклятіями противъ Наполеона, называютъ его тираномъ, узурпаторомъ, Робеспьеромъ на конѣ, призываютъ Бурбоновъ для спасенія Франціи и превозносятъ великодушіе союзныхъ государей. Въ маѣ того же года, братья Бертени и Ру-Лабори овладѣваютъ изданіемъ *Journal de l'Empire*, оставленнымъ разсѣянными империалистами, и снова переименовываютъ его въ *Journal des Débats*.

Третьяго апрѣля того же года сенатъ признаетъ императора лишеннымъ престола и, перечисляя въ своей прокламаціи его противозаконныя поступки, говоритъ между прочимъ, что «свобода печати, учрежденная и освященная, какъ одно изъ правъ французской націи, постоянно стѣснялась самовластною цензурою полиціи, и что онъ (Наполеонъ) постоянно пользовался печатью, чтобы наполнять Европу и Францію искаженными извѣстіями, превратными идеями, доктринами, благоприятствовавшими деспотизму и ругательствами противъ иностранныхъ правительствъ».

Это говорить на всю Европу тотъ самый сенатъ, который повергалъ къ стопамъ императора послѣдняго человѣка и послѣдній эку французской націи. Это говорить тотъ самый сенатъ, котораго коммиссія, назначенная для охраненія свободы печати, во все время царствованія Наполеона ни разу не заявляло о своемъ существованіи, ни разу не прерывала благоразумнаго молчанія.

Подавая проектъ конституціи, сенатъ говоритъ въ 23 статьѣ, что «свобода печати будетъ полная, за исключеніемъ законнаго преслѣдованія тѣхъ преступленій, къ которымъ можетъ повести злоупотребленіе этой свободы. Сенатскія коммисіи, охраняющія свободу печати и личную свободу гражданъ, остаются въ прежней силѣ».

Въ то же время были приведены во всеобщую извѣстность слѣдующія два постановленія временно-учрежденнаго правительства:

1) Запрещается выставлять на улицу афиши и плакарды, безъ предварительнаго рассмотрѣнія префекта полиціи.

2) Запрещается продавать или раздавать на улицѣ памфлеты или листки, не разрѣшенные предварительно полицейскою префектурою.

II.

При Людовикѣ XVIII.

Хартія, на основаніи которой Людовикъ XVIII обѣщаль управлять своимъ государствомъ, говоритъ въ 8-мъ пунктѣ: «Французы имѣютъ право обнародовать и печатать свои мнѣнія, соображаясь съ тѣми законами, которые должны подавлять (*réprimer*) злоупотребленія этимъ правомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, аббатъ Монтескье, въ юль 1814 года представилъ проектъ закона объ учрежденіи предварительной цензуры. Этотъ проектъ былъ составленъ по идеямъ Гизо и Ройе-Коллара; слово «подавлять», употребленное въ хартіи, въ этомъ проектѣ признавалось равносильнымъ слову «предупреждать» (*prévenir*); палата депутатовъ разсмотрѣла предложеніе Монтескье; противъ него были произнесены горячія рѣчи; двѣ пятыхъ собранія объявили себя противъ него; въ палатѣ перовъ половина членовъ подали противъ него голоса, но, не смотря на все это, 21 октября 1814 года, состоялся законъ о печати, по которому всѣ сочиненія, заключающія въ себѣ менѣе двадцати печатныхъ листовъ, должны были подчиняться предварительной цензурѣ; кромѣ того, журналы и другія періодическія изданія могутъ выходить въ свѣтъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію короля; типографщики и книгопродавцы должны брать отъ правительства разрѣшеніе и давать присягу, чтобы имѣть право заниматься своею профессією. Этотъ законъ долженъ былъ имѣть только временное значеніе, до конца засѣданій 1816 года; послѣ этого срока дѣло печати подлежало новому разсмотрѣнію.

1-го марта, 1815 г., Наполеонъ высадился на французскій берегъ; 20-го марта онъ явился въ Парижъ и 25-го уничтожилъ цензуру вмѣстѣ съ дирекціей книгопечатанія и книжной торговли; министръ полиціи, Фуше, пригласилъ къ себѣ журналистовъ, просилъ ихъ не возбуждать общественнаго мнѣнія противъ правительства и отъ имени императора обѣщаль, что новая имперія не будетъ похожа на старую, и что въ ней будетъ мѣсто для свободы и для либеральныхъ учреждений. Не всѣ журналисты повѣрили этимъ увѣреніямъ; журналъ «*Censeur Eur péen*» продолжалъ относиться скептически къ дѣйствіямъ и къ тенденціямъ императорскаго правительства; полиція попробовала остановить раздачу одной изъ книжекъ этого журнала, но публика такъ громко выразила

свое негодованіе, что Фуше не рѣшился вести дальше свои энергическія мѣры.

Статья 64-я дополнительнаго акта конституціи имперіи говоритъ, что «каждый гражданинъ имѣетъ право печатать и доводить до свѣдѣнія публики свои мысли, подписывая подъ ними свое имя, не подвергаясь никакой предварительной цензурѣ и принимая на себя законную отвѣтственность, послѣ напечатанія, передъ судомъ присяжныхъ, даже въ томъ случаѣ, если проступокъ заслуживаетъ по закону только исправительнаго наказанія.

7-го іюня, въ засѣданіи государственнаго совѣта, самъ императоръ говорилъ объ отношеніяхъ между литературою и правительствомъ. Свобода печати, замѣтилъ онъ, составляетъ необходимую часть теперешней конституціи; ея нельзя стѣснить, не искажая всей нашей политической системы; но намъ необходимы карательные законы, особенно при теперешнемъ настроеніи націи; я предоставляю вамъ обдумать этотъ важный предметъ».

22-го іюня, императоръ отказался отъ престола и правительство Людовика XVIII принялось за прежнюю систему.

До 1819 года законодательство печати остается неопредѣленнымъ и возбуждаетъ самыя горячія пренія въ обѣихъ палатахъ; въ процессахъ, возникавшихъ вслѣдствіе литературныхъ преступленій, судьи не имѣли прочныхъ основаній, которыми они могли-бы руководствоваться; ихъ рѣшенія зависѣли отъ личныхъ соображеній и отъ настроенія общественнаго мнѣнія въ данную минуту. Крайніе роялисты, смотрѣвшіе съ величайшимъ предубѣжденіемъ на свободу печати, какъ на несчастный остатокъ зловредной революціи, не допускали въ пользу обвиняемыхъ никакихъ гарантій. Они говорили, что можно перетолковывать фразы писателя и осуждать его на основаніи этого толкованія, хотя-бы самъ онъ протестовалъ противъ смысла, придаваемого его словамъ; порицать дѣйствія министровъ значило, по ихъ мнѣнію, оскорблять особу короля; противъ обвиняемаго можно было, по ихъ мнѣнію, приводить въ дѣйствіе тѣ законы, которые уже замѣнены новыми или отмѣнены обычаемъ судебной практики; обвиненный, по ихъ мнѣнію, могъ усилить свою вину или совершить новое преступленіе, если, защищаясь передъ судомъ, онъ обнаруживалъ въ своей защитительной рѣчи либеральное направленіе идей; типографщикъ, исполнившій всѣ законныя формальности, могъ, по ихъ мнѣнію, оказаться виновнымъ, если напечатанное имъ сочиненіе вызывало преслѣдованія правительства.

Въ 1819 году цензура была уничтожена, и вмѣшательство общей полиціи въ литературныя преступленія устранено; положено, что наказанія за литературныя преступленія приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по приговору суда присяжныхъ. Денежные штрафы, тюремныя за-

ключенія, запрещенія журналовъ на время или навсегда становятся рѣже, потому что присяжные, какъ люди, не имѣющіе личнаго интереса въ сужденіи обвиняемыхъ, рассматриваютъ поручаемыя имъ дѣла безпристрастнѣе коронныхъ судей. Журналы становятся живѣе и дѣльнѣе; писатели начинаютъ обсуживать серьезно и спокойно вопросы и недостатки, потребности и болѣзни современнаго общества; крайніе роялисты, недовольные новыми законами и не имѣющіе возможности подавлять выраженіе ненавистныхъ имъ идей, вступили въ ожесточенную полемику съ тѣми людьми, которыхъ они подозрѣвали въ либерализмѣ. Они осмѣивали ихъ, осыпали ихъ ругательствами, обращали вниманіе правительства на опасное направленіе ихъ литературныхъ и политическихъ мнѣній, словомъ, воевали противъ нихъ всѣми силами своего существа и пускали въ ходъ самое разнообразное оружіе.

Журналъ «Drapeau Blanc» отличался особеннымъ жаромъ и крайнею неутомимостью на поприщѣ этой полемики. «Этотъ либерализмъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ номеровъ, составляетъ, какъ извѣстно, религію людей, коротко знакомыхъ съ галерами. На дняхъ мы слышали, что одинъ изъ этихъ честныхъ гражданъ, убѣжавшихъ съ каторги послѣ ордонакса 5-го сентября, запустилъ руку въ карманъ своего сосѣда; когда у него спросили причину этой ошибки, онъ отвѣчалъ, что всѣ носы равны, и что, слѣдовательно, всѣ люди должны сморкаться въ одинъ платокъ». Остроумныя нападенія «Drapeau Blanc» на либераловъ во всякомъ случаѣ казались имъ сноснѣе судебныхъ преслѣдованій, тюремныхъ заключеній и конфискацій; поэтому, они были довольны законами 1819 года и готовы были защищать ихъ словесно и печатно, въ палатѣ депутатовъ, и на столбцахъ періодическихъ изданій. Но законы эти продержались недолго.

13-го февраля 1820 года, герцогъ Беррійскій былъ зарѣзанъ при выходѣ изъ театра; крайніе роялисты обвинили либеральную партію въ этомъ преступленіи, которое тотчасъ же возбудило сильную реакцію; враги свободной журналистики заговорили громче, и настоятельнѣе прежняго потребовали, чтобы печать была подчинена значительнымъ ограниченіямъ; нашлись люди, которые пустили въ ходъ выразительную фразу, что герцога Беррійскаго зарѣзала либеральная идея. Наконецъ, 31-го марта 1820 года былъ изданъ новый законъ слѣдующаго содержания: «Безпрепятственный выпускъ періодическихъ изданій на время останавливается; ни одинъ журналъ не можетъ выходить безъ предварительнаго разрѣшенія короля; до напечатанія, каждая рукопись должна быть рассмотрѣна и одобрена. Каждый листъ или каждая статья, не показанные цензору до напечатанія или напечатанные безъ его разрѣшенія, подвергаются виновниковъ исправительному наказанію. Въ этомъ случаѣ правительство предоставляетъ себѣ право останавливать выходъ

журнала впредь до судебного рѣшенія. Въ случаѣ осужденія обвиненныхъ, задержаніе журнала можетъ быть продолжено въ теченіи шести мѣсяцевъ; въ случаѣ повторенія проступка, правительство можетъ запретить журналъ.

Приказъ 1-го апрѣля того же года дополняетъ эти узаконенія:

«Журналы должны объявить, что они будутъ соображаться съ новымъ закономъ.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается коммиссія цензуры, состоящая изъ двѣнадцати членовъ. Каждая журнальная статья до напечатанія должна быть подписана цензоромъ. Чтобы рѣшать спорное дѣло, должны быть на лицо по крайней мѣрѣ пять цензоровъ. Наблюденіе за дѣйствіями цензуры поручается совѣту, состоящему изъ девяти чиновниковъ. Этотъ совѣтъ опредѣляетъ запрещеніе журнала на время или навсегда».

Было предположено сначала, чтобы совѣтъ, наблюдающій за дѣйствіями цензуры, былъ составленъ изъ трехъ перовъ, трехъ депутатовъ и трехъ коронныхъ чиновниковъ, но это предположеніе оказалось неосуществимымъ, потому что члены обѣихъ палатъ рѣшительно не согласились принять эту должность.

Въ обѣихъ палатахъ послышались со всѣхъ сторонъ сильныя, рѣзкія и справедливыя нападенія противъ новыхъ постановленій, противъ обязанности цензора и противъ личности тѣхъ людей, которые согласились принять эту должность.

Тогдашняя молодежь также заявила свое неудовольствіе....,

Роялисты съ своей стороны защищали цензуру и ея распоряженія.

«Жалобы на цензуру несправедливы, говорилъ государственный канцлеръ де-Серръ въ палатѣ перовъ; слѣдуя своимъ инструкціямъ, она устраняетъ изъ журналовъ все то, что можетъ нарушить общественное спокойствіе. Выполнить такую задачу, не возбуждая неудовольствія въ отдѣльныхъ партіяхъ или личностяхъ, невозможно; цензуру могутъ обвинять съ одной стороны за то, что она позволяетъ высказывать, а съ другой за то, что она запрещаетъ говорить».

«Конечно, прибавилъ съ своей стороны, министръ Паскье, цензура будетъ пристрастна къ монархическимъ доктринамъ».

Въ 1822 году въ палатѣ депутатовъ завязалась самая упорная борьба. Дѣло шло о законахъ печати. Приверженцы законовъ 1819 года изобразили положеніе дѣлъ въ настоящемъ, объяснили его неудобства и потребовали многочисленныхъ измѣненій.

Бонжаменъ Констанъ, ревностный защитникъ свободы печати, одиннадцать разъ въ одно засѣданіе всходилъ на трибуну, опровергая возраженія своихъ оппонентовъ и подробнѣе развивая свои идеи. Министерство съ своей стороны также требовало измѣненій въ существую-

щемъ порядкѣ вещей; оно хотѣло уничтожить судъ присяжныхъ въ процессахъ по литературнымъ преступленіямъ. «Законы 1819 года, говорили защитники этого мнѣнія, предоставляютъ виновнымъ непоправимую безнаказанность. Наказанія за проступки журналовъ слишкомъ недостаточны. Журналистъ, осужденный на тюремное заключеніе, сажаетъ за себя въ тюрьму подставное лицо, точно также, какъ-бы онъ поставилъ за себя наемщика, чтобы не идти въ армію. Осужденіе журналиста увеличиваетъ число подписчиковъ на журналъ. Судья не долженъ поддаваться состраданію. Ядъ, послужившій злодѣю для совершенія преступленія, долженъ быть истребленъ. Журналъ—желтая лихорадка. Если запрещеніе журнала разоряетъ цѣлыя семейства, то въ этомъ должно видѣть законное наказаніе за то, что они употребили свои капиталы на дурное дѣло».

Всѣ эти идеи съ вариациями и распространеніями составляли тему для министерскихъ рѣчей, и вызвали болѣе или менѣе энергическія возраженія. Однажды, въ палатѣ депутатовъ серьезное и ожесточенное преніе объ этомъ важномъ предметѣ подало поводъ къ невинной шуткѣ. Министръ финансовъ, Виллель, высказалъ свое мнѣніе, клонившееся къ стѣсненію печати; депутатъ Станиславъ Жирарденъ послѣ него взошелъ на трибуну, и, запинаясь и путаясь, прочелъ возраженія противъ этого мнѣнія; правая сторона собранія, т. е. министерская партія постоянно прерывала его насмѣшливымъ ропотомъ; высказавъ свои замѣчанія, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Осмѣливаюсь думать, что доводы мои кажутся вамъ неопровержимыми (ропотъ на правой сторонѣ усиливается), скажу даже, что я выражался краснорѣчиво (ропотъ переходитъ въ ироническій смѣхъ); но справедливость требуетъ, чтобы я воздалъ Кесарево Кесареви, и потому я объявляю, что, если мои слова удостоивались вашего сочувствія, то вся честь принадлежитъ не мнѣ, а г. Виллелю (взрывъ хохота на лѣво; Виллель проситъ слова). Это мнѣніе было цѣликомъ высказано г. Виллелемъ въ 1817 году, по поводу проекта, подобнаго тому, который теперь предложенъ на разсмотрѣніе». (Хохотъ на лѣвой сторонѣ усиливается; правая сторона изумлена и молчитъ). Виллель, блѣдный отъ гнѣва, бросается къ трибунѣ и начинаетъ свою рѣчь словами: «*ça va bien, qui riga le dernier*»; но этотъ смѣлый приступъ не вяжется съ продолженіемъ; онъ путается, возражаетъ и оправдывается слабо и наконецъ возвращается на свое мѣсто, уличенный въ безысходномъ противорѣчій съ самимъ собою.

Результатъ всѣхъ этихъ преній былъ въ высшей степени невыгоденъ для свободы печати: судъ присяжныхъ былъ уничтоженъ въ процессахъ о литературныхъ преступленіяхъ.

Кромѣ того, законы 1822 года создали новый родъ литературныхъ преступленій; они постановили, что, если статьи журнала, пропущенныя

по одиначкѣ цензурою, въ общей связи своей обнаруживаютъ непопозволительный образъ мыслей, то судъ въ торжественномъ засѣданіи опредѣляетъ за первую вину закрытіе журнала на одинъ мѣсяць, за вторую—на три мѣсяца, за третью—окончательное запрещеніе.

Когда новые законы получили свою силу, то процессы и осужденія градомъ посыпались на тѣ журналы, къ которымъ не благоволило правительство. Перечислять отдѣльные случаи не стоить, они всѣ похожи другъ на друга, всѣ начинаются или съ придирки къ отдѣльному выраженію, или съ обвиненія въ незаконномъ направленіи; затѣмъ идетъ процессъ, въ которомъ судьи почти всегда сочувствуютъ обвинителю; потомъ произносится приговоръ, взыскивается опредѣленный штрафъ или происходитъ арестованіе виновнаго и запрещеніе журнала на нѣкоторое время или навсегда.

Впрочемъ, даже коронные судьи не всегда умѣли угодить требованіямъ правительства. Когда журналъ «*Courrier Français*» былъ обвиненъ въ зловредныхъ тенденціяхъ, проявляющихся въ общемъ подборѣ и въ группировкѣ статей, тогда голоса судей раздѣлились пополамъ и, слѣдовательно, дѣло оставалось нерѣшеннымъ и журналъ былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

Министры увидѣли, что дѣйствія правительства возбуждаютъ неудовольствіе въ обществѣ, что постоянные процессы только озлобляютъ литераторовъ и что борьба между администраціею и оппозиціонною прессою продолжается, подъ различными формами, съ постоянно возрастающимъ ожесточеніемъ. Они попробовали пустить въ ходъ новое средство—подкупъ; имъ дѣйствительно удалось купить девять журналовъ и обратить ихъ въ панегиристовъ правительства. Изъ секретныхъ фондовъ было истрачено на эту операцію до 2,000,000 франковъ.

Во время дебатовъ, клонившихся къ рѣшенію вопросовъ о печати, цензура потеряла свое вліяніе и дѣйствія ея были приостановлены впредь до исхода парламентскихъ совѣщаній. 15-го августа 1824 года цензуру возстановили въ прежнемъ ея значеніи и журналамъ было отдано приказаніе подчиниться новымъ правиламъ черезъ 12 часовъ послѣ напечатанія ихъ въ «*Мониторѣ*». Чиновники, назначенные въ цензора, пожелали, чтобы имена ихъ оставались неизвѣстными публикѣ. Раздраженіе публики противъ этихъ чиновниковъ было очень сильно, и Бенжамень Констанъ говоритъ, что во Франціи въ то время не нашлось-бы ни одного человѣка, который рѣшился-бы выйти на улицу, признавъ себя цензоромъ.

III.

При Карлѣ X.

Людовикъ XVIII умеръ 16 сентября 1824 года, а 29 сентября того же года преемникъ его, Карлъ X, отмѣнилъ указъ отъ 15 августа и такимъ образомъ уничтожилъ цензуру. При дворѣ усилилась партія піетистовъ и іезуитовъ, пользовавшихся личнымъ сочувствіемъ короля; эта партія начала преслѣдовать либеральную прессу, которая съ своей стороны пошла войною противъ клерикаловъ.

Въ концѣ 1825 года *Constitutionnel* и *Courrier Franais* были призваны къ суду; въ первомъ нашлось 34, во второмъ—25 статей, клонившихся, по мнѣнію генеральнаго прокурора Беллара, къ тому, чтобы уронить духовенство въ глазахъ общества. Являясь обвинителемъ, генеральный прокуроръ потребовалъ, чтобы эти журналы были закрыты на нѣсколько мѣсяцевъ, но судьи оправдали подсудимыхъ и ограничились тѣмъ, что посовѣтовали редакторамъ быть осторожнѣе на будущее время. Либеральные журналы съ восторгомъ извѣстили своихъ подписчиковъ о благополучномъ исходѣ этого процесса, но за то клерикальные журналы громко выразили свое неудовольствіе.

Въ теченіи 1826 года число процессовъ по дѣламъ печати увеличилось; сорокъ три различныя изданія подверглись преслѣдованію; возникло сто шестьдесятъ девять процессовъ; въ нихъ было замѣшано сто восемьдесятъ четыре человѣка; изъ нихъ пятьдесятъ три человѣка заплатили штрафы; сорокъ шесть человѣкъ кромѣ того посажены въ тюрьму и восемьдесятъ пять признаны виновными.

Въ 1827 году, 24 іюня, правительство возстановило предварительную цензуру и учредило комиссію наблюденія за цензурою, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго піетиста Бональда. Эта цензура довела строгость свою до послѣднихъ предѣловъ; такъ какъ цензура была обязательна только для періодическихъ изданій, то люди, преданные интересамъ литературы, составили общество съ цѣлью печатать отдѣльными брошюрами статьи, запрещенныя цензурою въ журналахъ; въ этихъ же брошюрахъ обнаружовались цензурныя распоряженія. Нѣкоторыя ежедневныя газеты, ненавистныя министерству Виллеля, часто по распоряженіямъ цензуры бывали поставлены въ безвыходное положеніе; случилось такъ, что корректура цѣлаго номера, посланная утромъ въ цензуру, возвращалась въ одиннадцать часовъ вечера; главная статья оказывалась запрещенною; выпустить номеръ съ пробѣломъ не позволялось; тогда отправляли въ цензуру другую статью, взамѣнъ запрещенной; но

эту статью никто не прочитывалъ, потому что цензоръ уже спалъ. Что же оставалось дѣлать редактору? Выпустить номеръ безъ главной статьи значило лишить его всякаго интереса; оставить пробѣлъ, значило возстановить противъ себя всѣхъ цензоровъ до такой степени, что они могли отказаться читать и подписывать корректурные листы; напечатать статью, непросмотрѣнную цензоромъ, было невозможно, потому что это вело за собою запрещеніе журнала; дѣло часто кончалось тѣмъ, что номеръ газеты не могъ выйти въ срокъ; это раздражало подписчиковъ и вредило интересамъ редакціи, потому что запоздалый номеръ не находилъ себѣ покупателей.

Чтобы сколько-нибудь помириться съ общественнымъ мнѣніемъ, правительство опять уничтожило предварительную цензуру 5 ноября 1827 года; въ то же время палата депутатовъ была распущена и либеральная партія рѣшительно восторжествовала на новыхъ выборахъ; попытки министерства подчинить выборы своему вліянію рѣшительно не удались и повели къ серьезнымъ схваткамъ между народомъ и жандармами; кое-гдѣ появились баррикады, и наконецъ, 4 января 1828 года, министерство Виллеля пало. Съ нимъ вмѣстѣ пала цензура, которую Вилдель снова хотѣлъ утвердить надъ періодическими изданиями. Клерикалы и ультра-роялисты составили оппозицію противъ новаго министерства, во главѣ котораго стоялъ Мартиньякъ, опиравшійся на либеральную партію. Но Мартиньякъ продержался всего полтора года; его смѣнилъ князь Полиньякъ, и съ августа 1829 года между либеральною журналистскою и министерствомъ завязалась ожесточенная борьба.

Полиньякъ истощилъ всѣ возможные средства, чтобы заставить замолчать ненавистную журналистику; процессы и строгія наказанія сыпались на писателей и редакторовъ за малѣйшую попытку отнестись критически къ дѣйствіямъ министерства, за фразы, написанныя безъ умысла и перетолкованныя обвинителями. Наконецъ, 26 іюля 1830 года, приказъ короля еще разъ возстановилъ цензуру и вмѣнилъ въ обязанность журналистамъ, какъ редакторамъ, такъ и писателямъ, испрашивать черезъ каждые три мѣсяца разрѣшеніе у правительства для изданія журнала и для писанія статей. Вслучаѣ неудовольствія со стороны правительства, журналъ не получаетъ разрѣшенія и писатели теряютъ право писать. Нарушители этого правила подвергаются наказаніямъ; журналы конфискуются, типографіи запечатываются, станки и шрифтъ уносятся въ полицію или ломаются и приводятся въ негодность.

Содержатели типографій заперли свои мастерскія, наборщики и печатники очутились на улицѣ, безъ работы; коронные судьи объявили приказъ 26 іюля незаконнымъ и противнымъ конституціи; президентъ Беллеймъ приказалъ продолжать печатаніе «Journal de Commerce» вопреки новымъ правиламъ; сорокъ пять извѣстныхъ писателей, сотруд-

ники одинадцати журналовъ составили протестъ; и за своими подписями напечатали его въ «National» и въ «Temps»; полиція ворвалась въ типографіи этихъ журналовъ, выломала двери, разбила станки, изорвала бумаги; работники пошли на драку; первая капля крови, пролитая полицейскими солдатами, привела въ неистовство собравшуюся толпу; свалка передъ дверьми типографіи перешла въ бунтъ; изъ бунта вышла революція и черезъ три дня послѣ этого незначительнаго событія старшая линія Бурбоновъ лишилась престола.

Изъ всего этого запутаннаго перечня сухихъ и однообразныхъ фактовъ, которые я старался рассказать какъ можно короче, можно вывести очень простое заключеніе: правительство постоянно обращалось къ предварительной цензурѣ, какъ къ средству, имѣющему несомнѣнное свойство сдерживать строптивую часть литературы. Общественное мнѣніе постоянно къ этому послѣднему средству относилось съ непріязнью. Никакія судебныя преслѣдованія, никакіе процессы и наказанія не вызвали такого негодованія, какое обнаруживалось при введеніи цензуры и часто тяжелымъ бременемъ падало на личности самихъ цензоровъ. Правительство постоянно тянуло на сторону предварительной цензуры, толковало въ такомъ смыслѣ букву хартіи и въ теченіи шестнадцати лѣтъ (1814—1830) семь разъ возстановляло и подновляло это учрежденіе. Общество постоянно предпочитало карательную систему и съ возрастающимъ раздраженіемъ подчинялось попыткамъ правительства.

Разладъ между правительствомъ и обществомъ поддерживался тѣмъ, что общество не имѣло возможности откровенно заявить свои желанія и обсудить свои потребности; разладъ этотъ повелъ къ печальному столкновенію и наконецъ разрѣшился кровопролитнымъ переворотомъ 1830 года.

IV.

При Людовикѣ Филиппѣ.

Іюльская революція доставила престолъ герцогу Орлеанскому, который, превратившись въ короля Людовика Филиппа, въ первые дни своего царствованія былъ поставленъ въ необходимость сообразоваться до нѣкоторой степени съ желаніями своего народа. Надо было показать виновникамъ іюльской революціи, что удаленіе Бурбоновъ произвело существенныя измѣненія въ политикѣ правительства и въ духѣ административныхъ распоряженій. Новая хартія предоставляетъ Французамъ право обнародовать и печатать свои мысли, соображаясь съ государственными законами; цензура уничтожается на вѣчныя времена; преступленія

и проступки, совершенные путем печати, причисляются къ политическимъ преступленіямъ, и, подобно послѣднимъ, судятся судомъ присяжныхъ. Эти существенныя черты законодательства не были измѣнены во все время царствованія Людовика Филиппа; цензура не возстановлялась, и судъ присяжныхъ попрежнему рѣшалъ процессы печати. Нарушить эти два условія, въ которыхъ Французы видѣли драгоцѣнныя гарантіи свободы мысли, казалось слишкомъ опаснымъ; примѣръ Карла X былъ памятенъ Людовику Филиппу, и онъ не рѣшался идти по его слѣдамъ; но, оставляя неприкосновенными внѣшнія формы, новое правительство вовсе не хотѣло, чтобы Французы съ полною откровенностью сообщали другъ другу свои мысли и желанія въ журнальныхъ статьяхъ и политическихъ обзорѣніяхъ. Въ этихъ мысляхъ и желаніяхъ новое правительство постоянно встрѣчало вещи не лестныя для его самолюбія и далеко не успокоительныя. Оно видѣло, что приверженцы республики, Наполеона и Бурбоновъ попрежнему держатся своего знамени и смотрять на орлеанскую династію, какъ на политическую партію, овладѣвшую на короткое время дѣлами правленія. Оно видѣло, что приверженцы Бурбоновъ опираются на принципъ законности и божественнаго права, на вѣковыя преданія королевской Франціи, что бонапартисты прельщаютъ націю блескомъ военной славы, и что республиканцы имѣютъ за себя надежды и симпатіи страждущихъ пролетаріевъ и тѣхъ людей, которые заботятся объ улучшеніи ихъ участи. Оно видѣло вмѣстѣ съ тѣмъ, что не могло выдвинуть противъ своихъ враговъ никакого принципа; у Орлеанистовъ не было ни историческаго знамени, ни политическихъ убѣжденій; они не могли защищаться доводами, потому что самое сооружеііе престола Людовика Филиппа, самое происхожденіе новой монархіи изъ іюльскаго революціи было громадною логическою ошибкою со стороны представителей французскаго націи и громаднымъ проявленіемъ двоедушія со стороны Людовика Филиппа. Герцогъ Орлеанскій жилъ въ ладу съ своими родственниками, Бурбонами, до той самой минуты, пока ихъ не выгнали изъ Франціи; въ то же самое время онъ поддерживалъ сношенія съ умѣренными предводителями оппозиціи, съ представителями богатой буржуазіи, съ людьми, подобными Казмиру Перрье и Жаку Лафиту; когда Карлъ X выѣхалъ изъ Парижа, тогда эти сношенія сдѣлались живѣе и официальнѣе; богатая буржуазія рада была низверженію Бурбоновъ, начавшихъ стремиться къ абсолютизму, но въ то же время она боялась простаго народа и потому поторопилась остановить движеніе, какъ только оно опрокинуло престолъ Карла X. Богатая буржуазія успѣшила объявить народу, что цѣль достигнута, и что желанное рѣшеніе великаго соціальной задачи состоитъ именно въ томъ, чтобы на мѣсто Карла поставить Людовика Филиппа. Очутившись такимъ образомъ во главѣ взволнованнаго народа, родственникъ Бурбоновъ почув-

ствоваль свое двусмысленное положеніе и понималъ, что двусмысленность этого положенія замѣчаютъ и другіе. Легитимисты считали его измѣнникомъ и похитителемъ престола, а республиканцы смотрѣли на него, какъ на бесполезное подставное лицо, котораго содержаніе дорого стоило націи. Людовику Филиппу приходилось балансировать между этими двумя враждебными лагерями, не имѣя возможности помириться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Чтобъ удовлетворить легитимистовъ, надо было воротить Бурбоновъ и присягнуть имъ въ вѣрности, а самому Людовику Филиппу отправиться въ ссылку по приговору королевскаго ассизнаго суда; чтобъ удовлетворить республиканцевъ, надо было отказаться отъ *liste civile*, отдать корону со всеми брилліантами въ распоряженіе націи и удовольствоваться скромною ролью французскаго гражданина. Въ томъ и въ другомъ случаѣ Людовику Филиппу предстояло выѣхать изъ тюльерійскаго дворца, а этого ему вовсе не хотѣлось. Конечно, у него была возможность удержаться на престолѣ помимо всевозможныхъ политическихъ партій, потому что всякая партія, какъ бы ни была она многочисленна, все-таки составляетъ въ общей массѣ народа очень незначительное меньшинство. Это меньшинство только тогда становится опаснымъ, когда ему начинаетъ сочувствовать равнодушная толпа, а эта равнодушная толпа только тогда выходитъ изъ своего равнодушія, когда она чувствуетъ дѣйствительное страданіе. Людовикъ Филиппъ могъ, не обращая вниманія на ненависть партій, доставлять своему народу матеріальное благосостояніе, заслужить его признательность благоразумными распоряженіями и упрочить свое шаткое господство.

Но такая задача была не по силамъ новаго короля; человекъ, которому она была бы по силамъ, по всей вѣроятности, съ самаго начала не принялъ бы той унижительно-двусмысленной роли, которую игралъ герцогъ Орлеанскій во время іюльской революціи. Людовикъ Филиппъ предпочелъ держаться другаго образа дѣйствій. Окруживши себя личными друзьями или людьми, связанными съ нимъ въ интересахъ, онъ сдѣлалъ свое правительство партіею и сталъ обращаться съ легитимистами и съ республиканцами, какъ съ опасными врагами. Крутыхъ мѣръ онъ боялся, но, гдѣ можно было учинить притѣсненіе, не отходя отъ буквы закона, тамъ онъ не упустилъ удобнаго случая. Преслѣдуя своихъ заклятыхъ недоброжелателей, онъ постоянно создавалъ себѣ новыхъ враговъ, потому что очевидная непріязнь правительства къ разнороднымъ проявленіямъ свободной мысли, непріязнь, соединенная съ вышшею осторожностью дѣйствій, возмущала всехъ честныхъ гражданъ Франціи, хотя бы эти граждане не имѣли никакихъ ясно обозначенныхъ симпатій ни къ изгнанной династіи Бурбоновъ, ни къ республиканскимъ формамъ правленія. Когда правительство преслѣдовало прессу—это приписывалось его недоброжелательству; когда оно оставляло ее въ покоѣ,

тогда это приписывалось его робости; во всякомъ случаѣ, въ правительствѣ предполагались враждебныя намѣренія, и никто не чувствовалъ къ нему признательности, если оно, вслѣдствіе своего безсилія, не осуществляло ихъ на дѣлѣ. Извѣстный въ то время политическій писатель, членъ палаты депутатовъ, Кормененъ, писалъ уже въ 1830 году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ іюльскихъ событій: «Демократическіе журналы умрутъ. Противъ нихъ гремитъ гнѣвный голосъ министровъ, и этому голосу вторить эхо изъ *Palais-Bourbon* и изъ *Luxembourg*. Еще нѣсколько дней—и народная журналистика отживетъ свой вѣкъ». Если эти зловѣщія предсказанія, слышавшіяся почти тотчасъ послѣ воцаренія Людовика Филиппа, не осуществились во всемъ своемъ объемѣ, то во всякомъ случаѣ прессѣ пришлось испытать много мелкихъ и крупныхъ передрягъ и притѣсненій.

Въ 1831 году правительство затѣяло нѣсколько процессовъ по дѣламъ печати, но судъ присяжныхъ сдѣлалъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, и большая часть обвиненныхъ журналистовъ и литераторовъ были объявлены невинными и освобождены отъ преслѣдованій. Впрочемъ, не смотря на безпристрастіе присяжныхъ, нѣкоторые журналы пострадали за излишнюю откровенность. Журналъ «*Révolution*» три раза былъ признанъ виновнымъ: во-первыхъ за то, что заподозрилъ палату депутатовъ въ излишней покорности правительству, во-вторыхъ за то, что пожелалъ обратиться къ народу и узнать, кого онъ захочетъ видѣть на престолѣ, въ-третьихъ за то, что перепечаталъ изъ журнала *National* одну статью Карреля. За эту статью Карреля также потянули въ судъ, но случилось такъ, что судьи Карреля оправдали его, автора преслѣдуемой статьи, а судьи журнала *Révolution* подвергли этотъ журналъ отвѣтственности за простую перепечатку.

Это противорѣчіе между приговорами двухъ *jury* даетъ поводъ думать, что административное вліяніе можетъ прокрадываться въ самыя лучшія судебныя учрежденія, и что люди остаются слабыми смертными даже въ ту торжественную минуту, когда, украшенные титуломъ присяжныхъ, они произносятъ приговоръ надъ участью ближняго. Статья Карреля была вызвана распоряженіемъ министерства; рѣшившагося подвергнуть предварительному аресту журналистовъ и авторовъ тѣхъ статей, которыя были обвинены передъ судомъ.

Каррель, въ своемъ журналѣ *National*, протестовалъ противъ системы предварительныхъ арестовъ, объявилъ ихъ противозаконными и общалъ сопротивляться открытою силою въ томъ случаѣ, если бы правительство посягнуло безъ суда на его личную свободу. Эта статья Карреля была перепечатана въ двухъ журналахъ, *Mouvement* и *Révolution*. Всѣ три журнала, *National*, *Mouvement* и *Révolution*, призваны къ суду; два первые оправданы, а послѣдній подвергнутъ взысканію.

Военное министерство черезъ одного изъ своихъ агентовъ, Жиске, закупило въ Англии огромное количество ружей, которыя оказались никуда негодными. Это плачевное событіе надѣлало много шума, и журналъ *Tribune* напечаталъ статью, въ которой самымъ спокойнымъ образомъ предлагался вопросъ: «правда-ли, что гг. Казиміръ Перрье и Сультъ получили при закупкѣ ружей и суконъ больше милліона на свою долю?» Этотъ щекотливый вопросъ показался очень обиднымъ первому министру, маршалу Сульту; они пожаловались на непрошеннаго обличителя, и Мараста, главнаго редактора *Tribune*, призвали къ суду и признали виновнымъ въ обезславленіе правительственныхъ лицъ. Марастъ для своей защиты могъ только просить, чтобы дѣло о закупкѣ ружей было подвергнуто тщательному изслѣдованію, но такого рода просьба, конечно, была оставлена безъ вниманія, потому что посадить въ тюрьму литератора и взять штрафъ съ журнала было легче и пріятнѣе, чѣмъ отдать подъ судъ двухъ министровъ. Впрочемъ Перрье и Сультъ также были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ; они требовали себѣ за безчестіе и за убытки 10,000 франковъ съ оскорбившаго ихъ журнала; судъ нашелъ это требованіе неумѣреннымъ и предложилъ имъ 25 франковъ. Неизвѣстно, на сколько удовлетворило ихъ подобное предложеніе.

Откровенно выраженные ихъ мнѣнія объ особѣ короля всегда вели за собою процессы, которые постоянно кончались осужденіемъ обвиненныхъ. Не смотря на то, нерасположеніе общества и литературы къ правительству было такъ сильно, что нападенія на Людовика Филиппа повторялись довольно часто. Журналъ *Caricature* нарисовалъ его портретъ въ смѣшномъ видѣ, *Tribune* разсмотрѣлъ критически его прошедшее, *Gazette de France* объявила, что французскій престолъ принадлежитъ Генриху V, а не Людовику Филиппу, *Gazette de France*, *Renovateur* и *Quotidienne* обвинили короля, какъ соучастика въ умерщвленіи принца Конде, *Charivari* пустилъ въ ходъ карикатуру короля, окруженную трупами съ подписью: «Олицетвореніе самой мягкой и чловѣколюбивой системы». Всѣ эти журналы были осуждены и наказаны, но, къ сожалѣнію, благотворный примѣръ не подѣйствовалъ, и французскіе журналисты оказались неисправимыми, не смотря на штрафы и тюремныя заключенія. Должно также замѣтить, что масса общества въ большей части случаевъ только тогда бросалась читать эти выходки и нападенія, когда онѣ вызывали противъ себя преслѣдованія, такъ что правительство своимъ вмѣшательствомъ постоянно содѣйствовало успѣху либеральныхъ періодическихъ изданій. Дѣйствительно, если бы преслѣдованія со стороны правительства не усиливали подписки и продажи гонимыхъ журналовъ, то существованіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій во время царствованія Людовика Филиппа оказалось бы фактомъ, совершенно необъяснимымъ. Журналъ *Tribune* въ теченіи четырехъ лѣтъ

(1830—1834) выдержалъ сто два процесса; изъ нихъ онъ проигралъ семнадцать; вслѣдствіе этого онъ принужденъ былъ заплатить 120,000 франковъ штрафа и просидѣть въ тюрьмѣ, въ лицѣ своихъ редакторовъ, семнадцать лѣтъ. Восемь редакторовъ этого журнала принуждены были совокупными силами отбывать эту повинность, такъ что на каждого изъ нихъ приходилось больше двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Если принять въ соображеніе, что даже тѣ восемьдесятъ пять процессовъ, въ которыхъ журналъ *Tribune* былъ оправданъ, отнимали у посудимыхъ много времени, вели за собою хлопоты и были сопряжены съ болѣе или менѣе значительными издержками, если взвѣсить далѣе, что при заключеніи въ тюрьму одного изъ редакторовъ, журналъ разомъ лишался одной изъ своихъ дѣйствующихъ силъ, и что въ то время, о которомъ я говорю теперь, восемь редакторовъ сидѣли, сложа руки, въ разныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, если взять въ разчетъ огромный матеріальный подрывъ, который наносили фонду журнала штрафы, равнявшіеся въ своей совокупности 120,000 франковъ, и если вспомнить, что при всемъ томъ журналъ *Tribune* продолжалъ выходить въ свѣтъ и изумлять правительство смѣлостью своихъ осужденій, то, дѣйствительно, надо будетъ отдать полную дань уваженія непоколебимой стойкости либеральной прессы. Эта стойкость была бы бесплодною и недѣлюю трагю героизма, если бы она не опиралась на сочувствіе умной и развитой публики; кромѣ того, такая стойкость была бы невозможна въ матеріальномъ отношеніи, если бы публика не выражала своего сочувствія, подписываясь на преслѣдуемый журналъ и покупая на расхватъ тѣ номера, за которые редакторовъ призывали къ суду и сажали подъ арестъ. У издателей не хватало бы ни денегъ для того, чтобы оплачивать штрафы, ни живыхъ силъ для того, чтобы ими замѣнять дѣятелей, выходящихъ въ тюрьму. Не мѣшаетъ замѣтить, что штрафы, налагаемые на *Tribune*, были особенно крупны; сроки тюремныхъ заключеній были также очень значительны; такъ напримѣръ, за одну статью, обвинявшую палату депутатовъ въ продажности, отвѣтственный редакторъ былъ осужденъ на три года тюремнаго заключенія; кромѣ того, съ журнала взыскано 10,000 франковъ; въ другой разъ *Tribune*, рассказывая о пистолетномъ выстрѣлѣ, данномъ по королю, замѣтила, что это, по всей вѣроятности, полицейская комедія; смыслъ этихъ словъ былъ очевидно тотъ, что полиція, желая усилить въ глазахъ правительства свою собственную важность, подстрекаетъ легковѣрныхъ людей и затѣваетъ разные смуты, для того чтобы потомъ одерживать надъ ними легкія, но тѣмъ не менѣе блестящія побѣды. Правительство по какому-то необъяснимому процессу мысли приняло слова *Tribune* за оскорбленіе, нанесенное особѣ короля. Отвѣтственному редактору снова прописали годъ тюремнаго заключенія, а съ журнала взыскали штрафъ въ 24,000 фр.

Кромѣ штрафа и тюрьмы существовало еще одно, довольно замысловатое наказаніе: когда какой нибудь журналъ, отдавая отчетъ о судебныхъ преніяхъ, высказывалъ какія нибудь замѣчанія, не нравившіяся тому или другому члену правительства, тогда недовольные представители власти обыкновенно обвиняли провинившіяся журналъ въ невѣрности показаній и на нѣсколько времени отнимали у него право говорить о судебныхъ засѣданіяхъ; когда надъ журналомъ былъ произнесенъ такой приговоръ, тогда каждое, самое невинное слово, сказанное имъ о судебномъ дѣлѣ, раньше истеченія назначеннаго срока, считалось нарушеніемъ закона и преслѣдовалось, какъ проступокъ. Очень понятно, что наказанный журналъ терялъ часть своей занимательности, и что конкуренты легко могли переманить къ себѣ читающую публику. Вынужденное молчаніе о такомъ важномъ предметѣ, представлявшемъ постоянно живой и вѣчно современный интересъ, было чрезвычайно тяжело для живаго и талантливаго журналиста. Журналъ Карреля, *National*, испыталъ эту горькую участь за то, что, помнѣнію версальскаго ассизнаго суда, представилъ невѣрный отчетъ о дѣлѣ пистолетнаго выстрѣла; ему запретили въ продолженіи двухъ лѣтъ говорить о судебныхъ преніяхъ; Каррель не выдержалъ и къ 1834 году объявилъ правительству, что журналъ *National* прекращаетъ свое существованіе, и что открывается новый журналъ *National de 1834*; правительство, конечно, осталось равнодушно къ этой незначительной перемѣнѣ заглавія, и Каррель въ новомъ журналѣ своемъ началъ говорить о судебныхъ засѣданіяхъ, какъ будто бы прежняго приговора не существовало. Правительство выразило свое неудовольствіе, но такъ какъ законъ не предвидѣлъ этого случая, то Каррель оказался невиннымъ, и администрація принуждена была убѣдиться въ томъ, что мелкія преслѣдованія всегда вызываютъ со стороны притѣсненныхъ мелкія хитрости и уловки.

Иногда заключеніе въ тюрьму и штрафъ соединялись еще съ потерю гражданскихъ правъ на извѣстный промежутокъ времени. Гражданскія права, отнимавшіяся такимъ образомъ у виновнаго, заключались въ слѣдующемъ: 1) право голоса на выборахъ; 2) право быть избираемымъ; 3) право быть назначеннымъ въ званіе присяжнаго или исполнять другія общественныя должности; 4) право носить оружіе; 5) право участвовать и подавать голосъ въ семейномъ совѣтѣ; 6) право быть опекуномъ или попечителемъ; 7) право быть экспертомъ или свидѣтелемъ въ актахъ; 8) право быть свидѣтелемъ въ судѣ. Депутатъ Кабе, редакторъ журнала *Populaire*, на два года былъ лишенъ гражданскихъ правъ за двѣ статьи, говорившія въ пользу республики и повѣствовавшія о преступленіяхъ коронованныхъ особъ противъ челоѣчества. Кромѣ того его посадили на два года въ тюрьму и журналъ заплатилъ значительный штрафъ. Возможность отнимать такимъ образомъ гражданскія права

у писателя, обнаруживающаго предосудительный образъ мыслей, могла сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ конституціоннаго правительства. Отстранить отъ выборовъ нѣсколько десятковъ умныхъ головъ значило лишить оппозицію нѣсколькихъ талантливыхъ бойцевъ и предводителей. Журналистика и адвокатура были для свободно-мыслящаго человѣка лучшими средствами заявить себя передъ публикою и пробить себѣ дорогу въ парламентъ, къ гражданской дѣятельности въ полномъ и обширномъ смыслѣ этого слова. Но журнальная извѣстность доставалась не легко, и лишеніе гражданскихъ правъ на нѣсколько лѣтъ передъ самими выборами не разъ поражало людей, успѣвшихъ зарекомендовать себя статьями политическаго содержанія, и сосредоточившихъ на себя надежды своихъ единомышленниковъ.

Когда журналъ обвинялся въ оскорбленіи палаты перовъ или депутатовъ, тогда обвиненнаго призывали къ суду въ самую палату, и такимъ образомъ оскорбленное собраніе становилось судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Въ апрѣлѣ 1834 года правительство напало на слѣдъ обширнаго республиканскаго заговора; арестованныя лица были отданы подъ судъ въ палату перовъ; разсматривая это событіе, *National* замѣтилъ, что это распоряженіе правительства составляетъ нарушеніе конституціи, потому что, по закону 8 октября 1830 года, политическія преступленія подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ, а вовсе не въ палатѣ перовъ. Почтенное собраніе, котораго судебная дѣятельность объявлялась такимъ образомъ незаконною, возмутилось и потребовало *National* къ суду въ ту самую палату, у которой этотъ журналъ, опираясь на букву хартіи, отнималъ право судить, какъ политическія преступленія вообще, такъ и преступленія, совершенныя путемъ печати въ особенности. Каррель, въ своей защитительной рѣчи, продолжалъ поддерживать идею своего журнала; перебралъ тѣ случаи, въ которыхъ палата перовъ произносила несправедливые приговоры, и напомнилъ почтенному собранію казнь маршала Нея, называя ее *отвратительнымъ убійствомъ*. Эти слова возбуждали волненіе; президентъ перебилъ оратора и приказалъ ему соразмѣрять выраженія съ достоинствомъ присутствующихъ особъ. Но тутъ оказалось, что слова Карреля находятъ себѣ сочувствіе въ членахъ собранія; одинъ изъ перовъ, генераль Эксельманъ поднялся съ своего мѣста. «Я раздѣляю мнѣніе отвѣтчика, сказалъ онъ громко. Да, осужденіе маршала Нея было юридическимъ убійствомъ. Я говорю это!» Оправданый такимъ образомъ голосомъ одного изъ судей, Каррель могъ продолжать свою защитительную рѣчь, но *National* тѣмъ не менѣе былъ рпзнанъ виновнымъ, высидѣлъ два года въ тюрьмѣ и заплатилъ 10,000 франковъ штрафа.

Во время процесса апрѣльскихъ заговорщиковъ, обвиненные выбрали

себѣ защитниками нѣсколько лицъ, не принадлежавшихъ къ сословію адвокатовъ. Этимъ лицамъ правительство не позволило видѣться съ ихъ будущими кліентами. Тогда эти лица напечатали въ двухъ журналахъ *Tribune* и *Réformateur* протестъ противъ этихъ распоряженій, отнимавшихъ у подсудимыхъ возможность говорить въ свое оправданіе то, что они считали наиболѣе убѣдительнымъ.

Вслѣдъ за этимъ протестомъ въ тѣхъ же журналахъ было помѣщено письмо къ подсудимымъ, написанное на ту же тему и подписанное двумя депутатами, Кормененомъ и Одри-де-Пюираво. Палата перовъ нашла это письмо оскорбительнымъ для своего достоинства и потребовало къ суду Корменена и Пюираво. Въ палатѣ депутатовъ возникъ тогда вопросъ: давать ли своимъ членовъ въ обиду, или отказать требованію перовъ. У Корменена и у Пюираво потребовали предварительныхъ объясненій; Кормененъ объявилъ, что не подписывалъ никакого письма, а Пюираво сказалъ на отрѣзъ, что никакихъ объясненій давать не желаетъ. Тогда, послѣ бурнаго засѣданія, было рѣшено предать депутата Пюираво въ руки перовъ. Это рѣшеніе взволновало всю залу; поднялся шумъ, и нѣкоторые депутаты замѣтили, что съ трибуны журналистовъ раздавались крики и бранныя слова; предсѣдатель собранія приказалъ ихъ вывести; потомъ, когда черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ возстановилась приличная тишина, президентъ пригласилъ ихъ занять прежнее мѣсто, но они отказались, и засѣданіе палаты закрылось. На дворѣ и на улицѣ произошли непріятныя объясненія и столкновенія между изгнанными журналистами и депутатами министерской партіи; на другой день журналы заговорили объ этихъ своеобразныхъ событіяхъ; *Réformateur* напечаталъ противъ депутатовъ статью подъ заглавіемъ: «*assomeurs legislatifs*» (законодательные разбойники) эта статья пришлась не по вкусу французскому парламенту: *Réformateur* былъ призванъ къ суду въ палату депутатовъ и заплатилъ за свой не совсѣмъ лестный отзывъ мѣсячнымъ заключеніемъ и штрафомъ въ 10,000 франковъ.

Легитимисты и республиканцы находились въ постоянной оппозиціи съ правительствомъ, но, сходясь между собою въ одномъ этомъ отрицательномъ пунктѣ, они діаметрально расходились между собою во всѣхъ положительныхъ возрѣніяхъ и стремленіяхъ. Взаимная непріязнь между этими двумя рѣзко разграниченными партіями обозначалась при каждомъ удобномъ случаѣ. Однимъ изъ такихъ случаевъ была неудачная попытка вдовы герцога Беррійскаго возмутить населеніе Бретани противъ существующаго правительства. Герцогиня, высадившаяся во Францію въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ друзей, попала въ

плѣнъ; во время ея плѣна обнаружались симптомы болѣзненнаго разстройства, которые были приняты приставленными къ ней медиками за признаки беременности. Это извѣстіе мгновенно огласилось по всей Франціи и привело легитимистовъ въ сильное смущеніе. Незная, какъ оправдать герцогиню, они вздумали утверждать, что орлеанисты и республиканцы клеветаютъ на нее, съ цѣлью парализовать политическое вліяніе ея имени на массу французскаго населенія. Журналы легитимистовъ постоянно говорили о болѣзни герцогини, между тѣмъ какъ правительственные и либеральные органы постоянно называли эту болѣзнь ея настоящимъ именемъ. Дѣло не остановилось на одномъ различіи показаній. Легитимисты рѣшились во чтобы то ни стало зажать ротъ обвинителямъ плѣнной герцогини и начали съ того, что послали вызовъ редактору одного либеральнаго журнала *Corsaire*. Узнавъ о грозныхъ приготовленіяхъ легитимистовъ, *Tribune* и *National* объявили рыцарямъ, рѣшившимся проливать свою кровь за честь герцогини Беррійской, что журналисты либеральной партіи не отказываются отъ выраженныхъ ими мнѣній и готовы довести дѣло до дуэли. Тогда двѣнадцать легитимистовъ прислали вызовъ въ контору *National*; Каррель выбралъ одного изъ нихъ, Ру-Лабори, и былъ опасно раненъ. Въ это время обмѣнъ вызововъ между враждебными журналами продолжался, но въ палатѣ депутатовъ легитимистъ Беррье объяснился отъ лица своей партіи съ представителемъ либеральной оппозиціи, Гарнье-Пажесомъ, и печальные раздоры между журналистами прекратились. Какъ извѣстно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этихъ событій, герцогиня дѣйствительно разрѣшилась отъ бремени и тогда легитимисты съ изумленіемъ узнали о тайномъ бракѣ ея съ итальянскимъ дворяниномъ, графомъ Лукези-Пали. Оказалось, что весь рыцарскій жаръ ихъ былъ потраченъ даромъ.

Правительство Людовика Филиппа чувствовало, что его ненавидятъ съ разныхъ сторонъ и по разнымъ побужденіямъ. Министерства возвышались и падали одно за другимъ, не удовлетворяя требованіямъ общества, не успѣвая разсѣять недовѣріе и постоянно встрѣчая въ палатѣ депутатовъ и въ журналистикѣ дѣятельную, даровитую и бдительную оппозицію. Между тѣмъ, случайныя событія, не имѣвшія никакой связи съ дѣйствіями этой оппозиціи, усиливали враждебныя отношенія правительства къ проявленіямъ свободной мысли. Въ короля стрѣляли чуть ли не каждый годъ; стрѣлковъ этихъ схватывали, судили обыкновеннымъ порядкомъ, и одна голова за другую скатывалась съ эшафота. Но этимъ дѣло не кончилось; король начиналъ ненавидѣть своихъ подданныхъ, начиналъ чувствовать къ нимъ полное недовѣріе и за преступленія отдѣльныхъ лицъ мстилъ цѣлому королевству, усиливая административныя и юридическія притѣсненія. Людовикъ Филиппъ не пони-

малъ того, что открытая оппозиція, высказывающая свои мѣнія съ парламентской трибуны или въ столбцахъ либеральной газеты, по самой сущности своей не можетъ имѣть ничего общаго съ заговоромъ, съ покушеніемъ на жизнь правительственнаго лица или вообще съ такимъ предпріятіемъ, которое для своего успѣха требуетъ непроницаемой тайны. Вслѣдствіе этого, каждый пистолетный выстрѣлъ, сдѣланный по королю, подавалъ поводъ къ такимъ правительственнымъ распоряженіямъ, которыя падали на невинную оппозицію и слѣдовательно увеличивали раздраженіе общества и литературы.

28 іюля 1837 года итальянецъ Фіески выстрѣлилъ въ короля изъ цѣлой батареи ружей, прилаженныхъ въ окнѣ одного дома, мимо котораго проѣзжалъ Людовикъ Филиппъ съ своею свитою. Свита пострадала, но король остался невредимъ; въ сентябрѣ того же года появились нѣкоторые дополнительные законы о печати, законы, которые, конечно, не облегчили положенія журналистики. Основные черты прежняго законоположенія, освященныя буквою хартіи, остались нетронутыми, но масштабъ наказаній увеличился, и число стѣсненій и препятствій сдѣлалось значительнѣе.

Особенное вниманіе правительства было обращено на журналистику, какъ на средство возбуждать легковѣрныхъ людей къ разнымъ противозаконнымъ поступкамъ. Правительство думало, что журналисты только о томъ и хлопочутъ, какъ бы взбунтовать народъ, подослать тайнаго убійцу или сдѣлать какой нибудь общественный скандалъ; потому оно прежде всего повторило законъ 17 мая 1819 года, по которому чловѣкъ, возбудившій другаго къ совершенію преступленія, наказывается наравнѣ съ преступникомъ, если только возбужденіе повело за собою попытку; если же возбужденіе останется безо всякихъ послѣдствій, тогда возбудитель по закону 1819 года наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 50 до 6.000 франковъ.

Стало бытъ, къ какому бы важному преступленію вы не подстрекали вашихъ слушателей или читателей, вы, по буквѣ закона 1819 года, должны были заплатить только 6,000 франковъ и просидѣть въ тюрьмѣ только 5 лѣтъ, въ томъ случаѣ, если слова ваши оставались безъ всякаго послѣдствія.

Эта статья закона, удовлетворявшая требованіямъ реставраціоннаго правительства, показалось чрезвычайно слабою чловѣколюбивому правительству Людовика Филиппа. Оказалось, что за возбужденіе къ особенно важнымъ преступленіямъ слѣдуетъ платить отъ 10,000 до 50,000 франковъ и высиживать въ крѣпости отъ 5 до 20 лѣтъ, опять-таки только въ томъ случаѣ, когда возбужденіе не произвело никакого вліянія.

Въ случаѣ оскорбленія общественной или религіозной нравственности, или въ случаѣ публичнаго заявленія мнѣній, несогласныхъ съ конституціею 1830 года, судилища, по закону 10 сентября 1835 года, получили право, смотря по обстоятельствамъ, увеличивать вдвое высшую степень наказанія, назначеннаго прежними законами.

Во всѣхъ случаяхъ обезславленія, предусмотрѣнныхъ законами, допущены также, смотря по важности обстоятельствъ, удвоенныя наказанія.

Такимъ образомъ, журналъ *Tribune*, заплатившій раньше этихъ законодательныхъ усовершенствованій 120,000 франковъ штрафа и высидѣвшій въ лицѣ своихъ редакторовъ 17 лѣтъ въ тюрьмѣ, могъ послѣ 1835 года рассчитывать, что въ слѣдующее пятилѣтіе ему придется истратить на штрафы отъ 300 до 400 тысячъ франковъ и высидѣть въ тюрьмѣ по крайней мѣрѣ лѣтъ 50. Тутъ, конечно, было трудно соблюсти строгаго математическаго расчета; дѣло въ томъ, что за одни преступленія судилищамъ позволялось только удваивать мѣру наказанія, а за другія, которыя правительство особенно близко принимало къ сердцу, *maximum* штрафа возвысился слишкомъ въ восемь разъ; вмѣсто 6,000 явилось 50,000 франковъ; а *maximum* тюремнаго заключенія увеличился вчетверо; вмѣсто 5 лѣтъ оказалось 20 лѣтъ, не говоря уже о томъ, что простая тюрьма замѣнилась крѣпостью. Если бы каждое пятилѣтіе приносило съ собою такого рода законодательное усовершенствованіе, то можно было бы надѣяться, что современемъ штрафный сборъ съ оппозиціонной журналистики составитъ одну изъ важнѣйшихъ статей дохода въ государственномъ бюджетѣ Франціи.

Законъ 10 сентября запретилъ кромѣ того отерывать публичныя подписки для вознагражденія штрафовъ и убытковъ, наложенныхъ судебными приговорами. Нарушеніе этой статьи подвергаетъ виновнаго штрафу, который въ важныхъ случаяхъ можетъ быть доведенъ до 5,000 франковъ, т. е. почти до той цифры, до которой, при Людовикѣ XVIII доходилъ штрафъ за возбужденіе къ важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ. Штрафъ, конечно — самъ по себѣ, а тюрьма сама по себѣ; наибольшій срокъ въ этомъ случаѣ — одинъ годъ.

Если журналъ въ теченіе одного года два раза подвергается осужденію за преступленіе, то судилища имѣютъ право приостанавливать изданіе на время до 4-хъ мѣсяцевъ. Значитъ, журналъ заплатитъ огромный штрафъ, потеряетъ года на два двоихъ редакторовъ, и всего этого, по мнѣнію правительства, мало; къ двумъ наказаніямъ, поражающимъ личность и собственность, надо еще присоединить третье, прибавочное, парализирующее проявленіе идеи.

Такова та часть сентябрьскихъ законовъ, которая имѣетъ цѣлью запугать либеральную журналистику. Есть еще другая часть, стремящаяся къ тому, чтобы затруднить для большей части французскихъ

гражданъ доступъ къ журнальной дѣятельности. Издатель ежедневной газеты долженъ былъ по сентябрьскимъ законамъ представить въ государственное казначейство залогъ въ 100,000 франковъ; газета, выходящая два раза въ недѣлю — 75,000 франковъ; еженедѣльная газета — 50,000 франковъ; журналъ, выходящій два или три раза въ мѣсяць, 25,000 франковъ; журналы, выходящіе разъ въ мѣсяць, остаются по прежнему избавленными отъ залога. Отвѣтственный редакторъ каждаго журнала долженъ владѣть самъ по крайней мѣрѣ третьею частью залога. Если эта третья часть уменьшается вслѣдствіе частной сдѣлки или взысканнаго штрафа, тогда отвѣтственный редакторъ въ теченіи 15 дней обязанъ пополнить ее, или уступить свое мѣсто другому лицу; въ случаѣ неисполненія этого условія, изданіе останавливается. Если отвѣтственный редакторъ не подпишетъ одного нумера своего изданія, съ него взыскивается штрафъ до 3,000 франковъ. Если отвѣтственный редакторъ сидитъ въ тюрьмѣ, то на его мѣсто долженъ стать другой отвѣтственный редакторъ, удовлетворяющій всѣмъ вышепоказаннымъ требованіямъ закона. Если же такого лица не отыщется, то изданіе останавливается на все время тюремнаго заключенія отвѣтственнаго редактора.

Правительство требовало такимъ образомъ, чтобы каждый издатель ежедневной газеты былъ человѣкъ, обеспеченный въ денежномъ отношеніи. Надо было, чтобы онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ 200,000 франковъ свободнаго капитала; половина этихъ денегъ должна была отправиться въ казначейство, а другая половина, конечно, была необходима для того, чтобы на первыхъ порахъ обезпечить изданіе, еще неизвѣстное читающей публикѣ. Образованный пролетарій, обладающій твердыми сознанными и прочувствованными убѣжденіями, готовый за эти убѣжденія идти въ тюрьму и въ ссылку, не могъ, по сентябрьскимъ законамъ, являться отвѣтственнымъ лицомъ; чтобы быть отвѣтственнымъ редакторомъ ежедневной газеты, т. е. чтобы имѣть пріятную перспективу сидѣть въ тюрьмѣ за невинную фразу, перетолкованную обвинителями и судьями; надо было владѣть суммою въ 33,333¹/₃ франка. Какъ только изъ этой кабалистической суммы убывалъ одинъ франкъ, такъ отвѣтственный редакторъ долженъ былъ закладывать вещи, занимать деньги у друзей или родственниковъ и пополнять роковое число; въ противномъ случаѣ всѣ прежніе труды и пожертвованія пропадали даромъ; журналъ останавливался, а между тѣмъ событія шли, и несчастный редакторъ терпѣлъ казнь Тантала; онъ видѣлъ желанную нищу для своей критики, для своего анализа, а правительство зажимало ему ротъ и говорило: вноси деньги, плати за право думать, писать и печатать твои же мысли на твоей же бумагѣ.

Посидѣть въ тюрьмѣ мѣсяца два, три—не важность; человѣкъ, рѣ-

шающійся посвятить свои силы журнальной дѣятельности, не могъ бо-
яться подобнаго наказанія и отступать передъ такими ничтожными опа-
сностями; но, покуда редакторъ сидитъ въ тюрьмѣ, что дѣлается съ
журналомъ? Правительство велитъ закрыть его, если не найдется дру-
гаго отвѣтственнаго редактора, имѣющаго за душою опредѣленные за-
кономъ 33,333 $\frac{1}{3}$ франка. А какое же значеніе и вліяніе можетъ имѣть
журналъ, если онъ будетъ прерываться и по нѣскольку разъ въ годъ
поневолѣ обманывать ожиданіе публики. Оказывается такимъ образомъ,
что одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, какъ бы онъ ни
былъ готовъ жертвовать своею личностью и своимъ состояніемъ, не мо-
жетъ издавать ежедневную газету, пользующуюся сочувствіемъ публики.
Необходимо, чтобы цѣлая ассоціація людей, любящихъ одну идею, сое-
динила свои силы и капиталы; необходимо, чтобы выбывающія деньги
исполнялись изъ фондовъ общества, и чтобы выбывающіе дѣятели не-
медленно смѣнялись другими, готовыми въ свою очередь платить штра-
фы и сидѣть въ тюрьмѣ. Доведи законы о печати до послѣднихъ пре-
дѣловъ строгости, правительство надѣялось разорить въ конецъ жур-
налы оппозиціи и довести либеральную прессу до состоянія вынужден-
наго молчанія; расчетъ оказался невѣрнымъ.

Нѣкоторые демократическія изданія дѣйствительно погибли насиль-
ственной смертью, но издававшіе ихъ люди на бѣду остались живы, и
не смотря на отеческія увѣщанія правительства, не рѣшились сложить
руки; потерявъ возможность поддерживать журналъ собственными си-
лами, они протянули руки своимъ братьямъ по идеѣ, сблизились съ
ними, не смотря на нѣкоторые отгѣнки въ образѣ мыслей, и заключили
между собою тѣсный оборонительный союзъ противъ общаго притѣсни-
теля. Такъ напр. Марастъ прекратилъ изданіе своей многострадальной
Tribune, Луи Бланъ закрылъ свой журналъ *Bon sens*, Кабе отказался
отъ *Populaire* и мало-по-малу вся оппозиціонная пресса сосредоточилась
въ двухъ періодическихъ изданіяхъ — *National* и *Réforme*. Сознаніе об-
щей опасности сблизило между собою всѣхъ радикаловъ и демократовъ,
всѣхъ тѣхъ честныхъ дѣятелей, которые съ надеждою смотрѣли впе-
редъ и ожидали для націи лучшаго будущаго. Думая раздавить оппози-
цію, правительство оказало ей существенную услугу, заставило ее орга-
низоваться и окрѣпнуть; журналисты поняли, что время остроумныхъ
выходокъ и язвительныхъ шутокъ прошло; они поняли, что публика съ
безпокойствомъ смотритъ на положеніе страны и на распоряженія пра-
вительства, что она ждетъ отъ прессы серьезныхъ указаній и руково-
дящихъ идей, вмѣсто того, чтобы по прежнему искать въ журналахъ
удачныхъ выраженій и колкихъ намековъ. Факты начали говорить сами
за себя; чтобы поддерживать и питать въ публикѣ господствующее на-
строеніе, достаточно было съ точки зрѣнія честнаго человѣка отдавать

отчетъ о текущихъ явленіяхъ государственной жизни. Отраднаго было такъ мало, опасности надвигались со всѣхъ сторонъ въ такихъ явственно очерченныхъ фигурахъ, ошибки правительства и полный разладъ его съ общественнымъ мнѣніемъ націи были до такой степени очевидны, что только записные панегиристы, умышленно искажавшіе факты, извѣстные всѣмъ и каждому, разсыпали свою дешевую лезть въ министерскихъ журналахъ, расходившихся въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Преслѣдовать либеральную прессу за то, что она спокойно говорила правду, было невозможно; мудрено было найти такихъ присяжныхъ, которые, на глазахъ у цѣлой Франціи, рѣшились бы сознательно осудить невиннаго или по убѣжденію признать виновнымъ человека за то, что онъ не лжетъ въ угоду тому или другому министру; что же касается до того, чтобы измѣнить форму судопроизводства, или вмѣсто судебныхъ преслѣдованій пустить въ ходъ противъ литературы административныя распоряженія, то правительство Людовика Филиппа, при всемъ своемъ расположеніи къ подобнымъ мѣрамъ, находило ихъ слишкомъ опасными. Надо было, во чтобы то ни стало, соблюдать приличія, чтобы не давать возможности представителямъ оппозиціи проводить опасныя параллели между дѣйствіями изгнанныхъ Бурбоновъ и властвующихъ Орлеановъ.

Послѣ 1835 года процессы и осужденія по дѣламъ печати становятся довольно рѣдки, но за то каждый ударъ, который правительство наносило оппозиціонной прессѣ былъ такъ чувствителенъ, что пораженный журналъ рѣдко могъ оправиться и собраться съ силами. Но, взыскивая штрафы, разсаживая писателей въ тюрьмы, закрывая журналы, правительство рубило головы лернейской гидры; головы эти выростали и размножались, не смотря ни на какія близорукія усилія; мысль не можетъ быть убита судебными приговорами; настроеніе умовъ, господствующее въ цѣлой націи, не есть выдумка двухъ или трехъ десятковъ пишущихъ людей, и не зависитъ ни отъ ихъ статей, ни отъ взгляда министерства на эти статьи. Периодическая литература, дошедшая до высшей степени своего процвѣтанія, можетъ быть только выраженіемъ этого господствующаго настроенія. Это выраженіе можно подавить или исказить, потому что, дѣло извѣстное, бумага терпитъ все, что вы на ней соглаволите написать или напечатать. Но развѣ же подавить проявленіе мысли значитъ искоренить самую мысль? Даровитые представители французской журналистики, люди, подобные Блану, Маррасту, Кабе, Ледрю-Рленю скоро поняли тактику правительства и нашли возможность говорить съ кругомъ своихъ читателей, не возбуждая противъ себя постоянныхъ преслѣдованій, и не навлекая себѣ за каждую статью хлопотливыхъ и разорительныхъ процессовъ. То обстоятельство, что процессы по дѣламъ печати становятся рѣдкими послѣ 1835 года, ни

какъ не можетъ быть приписано ни приращенію милосердія въ правительствѣ, ни цѣлебному дѣйствию сентябрьскихъ законовъ. Ни Людовикъ Филиппъ, ни его министры никогда не отличались великодушіемъ и до конца своего господства считали своими естественными врагами тѣхъ людей, которые, въ угоду правительству, не могли или не хотѣли отказаться отъ своихъ личныхъ убѣжденій. Французскіе журналисты съ своей стороны были слишкомъ закалены въ борьбѣ съ администраціею, чтобы испугаться сентябрьскихъ законовъ и оставить свое знамя ради того, что возвысились штрафы и увеличились сроки тюремнаго заключенія. Правительство и журналистика просто поняли, что они тратятъ порохъ на холостые заряды; министры Людовика Филиппа убѣдились въ томъ, что осужденіе цѣлой сотни литераторовъ не доставляетъ имъ самой незначительной побѣды въ парламентѣ; и, возмущая общественное мнѣніе, ни на волосъ не увеличиваетъ ихъ политическаго могущества.

Министры сдѣлались равнодушнѣе къ тенденціямъ прессы, а пресса, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, сдѣлалась серьезнѣе и направилась къ болѣе опредѣленной цѣли. Правительство и оппозиція стали другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу, и, отложивъ въ сторону мелкія схватки, завязали между собою борьбу на жизнь и на смерть. Консервативное начало, воплотившееся въ особѣ перваго министра Гизо, сосредоточило всѣ свои силы, и въ теченіи восьми лѣтъ (1840—1848) имѣло на своей сторонѣ большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ. Прогрессисты разныхъ оттѣнковъ сходились между собою въ стремленіи произвести реформу въ механизмѣ выборовъ и въ самомъ составѣ парламента. Они хотѣли, чтобы вся масса націи или по крайней мѣрѣ значительная часть ея заявляла свои желанія на выборахъ и пользовалась правомъ подавать голосъ и назначать депутатовъ. Они хотѣли, кромѣ того, чтобы палата депутатовъ была независима въ своихъ дѣйствіяхъ и чтобы правительство не имѣло возможности подкупать ея членовъ деньгами или теплыми мѣстами. Ослабить такимъ образомъ преобладаніе правительства въ парламентѣ значило лишить его возможности проводить утѣснительные законы. Если бы оппозиція успѣла сдѣлать палату депутатовъ дѣйствительнымъ выраженіемъ воли всей французской націи, тогда литература была бы навсегда ограждена отъ несправедливыхъ преслѣдованій, тогда всѣ честные граждане Франціи получили бы полную возможность пересматривать, оцѣнивать и обсуживать болячки общества и народа. За свободою мысли неминуемо и неизбѣжно послѣдовало бы обновленіе общественной жизни. Чтобы издавать хорошіе законы, необходимо было исправить самое законодательное орудіе, самое собраніе, которое принимало или отвергало проекты, представлявшіеся на его разсмотрѣніе. Очищеніе парламента отъ постороннихъ элементовъ, которыми запрудило его министерство, обновленіе и усиле-

ніе связи между парламентомъ и живою частью націи должно было вести за собою самыя благотворныя и рѣшительныя измѣненія въ законодательствѣ и въ администраціи. Поэтому всѣ силы оппозиціи сосредоточились на томъ, чтобы добиться избирательной и парламентской реформы; потребность реформы глубоко сознавалась или по крайней мѣрѣ чувствовалась всѣми классами общества: литераторы и журналисты находились въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ депутатами оппозиціи, постоянно совѣщались съ ними, присутствовали вмѣстѣ съ ними на объѣздахъ, имѣвшихъ политическое значеніе, произносили рѣчи на этихъ застольныхъ митингахъ и въ своихъ изданіяхъ постоянно поддерживали тѣ предложенія, въ пользу которыхъ депутаты оппозиціи говорили съ парламентской трибуны. Національная гвардія, составленная, какъ извѣстно, изъ городскихъ обывателей, желала реформы; учащаяся молодежь, имѣвшая доступъ въ политическіе кружки либеральной партіи, была проникнута стремленіемъ къ реформѣ; за реформу стояли ремесленники и пролетаріи. На сколько это единодушное требованіе преобразованій было сознательно—это другой вопросъ. Навѣрное, три четверти тѣхъ людей, которые кричали «Vive la reforme!» не отдавали себѣ яснаго отчета въ неудобствахъ той правительственной комбинаціи, которую они хотѣли устранить, но всѣ они, увлекаясь общимъ теченіемъ идей и чувствуя себя не хорошо въ настоящемъ, желали отъ всей души новаго, лучшаго порядка вещей, хотя, можетъ быть, никто не могъ себѣ представить, какія бытовныя формы выработаетъ завтрашній день или будущій годъ.

Старый король и старый министръ не видали и не хотѣли видѣть этого броженія умовъ; они смотрѣли съ улыбкою презрѣнія на усилія парламентской оппозиціи и, имѣя за собою большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ, считали себя полновластными хозяевами страны. Открывая засѣданіе палаты депутатовъ въ началѣ 1848 года, Людовикъ Филиппъ въ своей тронной рѣчи упомянулъ мимоходомъ о нѣкоторыхъ беспорядочныхъ проявленіяхъ «враждебныхъ или слѣпыхъ страстей»; бросая этотъ укоръ въ глаза оппозиціи, онъ показалъ публично, что считаетъ ее безсильною и ничтожною; оппозиція обратилась тогда къ націи, чтобы узнать ея мнѣніе, и нація отвѣтила ей февральскою революціею, начавшеюся при крикахъ «Vive la reforme! A bas Guizot».

Оппозиція въ парламентѣ и въ журналистикѣ слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Партія Тьера и Одилона Барро, располагавшая журналами *Siccle* и *Constitutionnelle*, стояла на чисто конституціонной почвѣ, осуждала дѣйствія министерства и протестовала противъ попытокъ короля основать свое личное господство. Династію Людовика

Филиппа они считали священной и неприкосновенною; конституція 1830 года казалась имъ удовлетворительною въ своихъ основныхъ чертахъ; предводители этой оппозиціи были не прочь отъ министерскаго портфеля и въ борьбѣ своей съ кабинетомъ Гизо руководствовались до нѣкоторой степени личными побужденіями. Крайняя лѣвая сторона палаты депутатовъ, или радикальная оппозиція, владѣвшая журналами *National* и *Réforme*, смотрѣла довольно равнодушно на парламентскую борьбу, мирилась съ конституціонною монархіею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, и признавала ее только какъ переходную форму; она желала республики, надѣялась на инстинкты и силы народа, и за политическими реформами угадывала необходимость радикальныхъ бытовыхъ преобразованій. Болѣе умѣренные представители этой партіи, напр. Карно, Франсуа Араго, Гарнье-Пажесъ, рѣшались дѣйствовать за одно съ конституціоналистами и до поры до времени бороться на парламентской аренѣ; они видѣли впереди ближайшую цѣль — низверженіе консервативнаго министерства, и соединялись со всѣми противниками Гизо, не заботясь о томъ, какъ далеко идутъ стремленія ихъ временныхъ союзниковъ. Крайніе радикалы не хотѣли или не могли даже на время сблизиться съ приверженцами конституціонной монархіи; только одинъ членъ этого кружка, Ледрю-Ролленъ, засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ; остальные исключительные радикалы примыкали къ комитету журнала *Réforme* и съ худо скрытымъ презрѣніемъ смотрѣли какъ на дѣйствія министерства, такъ и на усилія парламентской оппозиціи. Личности этихъ людей пользовались значительною популярностію; ихъ знали и любили парижскіе блузники, но журналъ *Réforme*, по видимому, не встрѣчалъ себѣ достаточнаго сочувствія въ читающихъ классахъ и истощался въ тяжелой борьбѣ съ издержками и процессами. 20-го февраля 1848 года, главный редакторъ этого журнала, Флоконъ, объявилъ членамъ комитета редакціи, что средства ихъ истощены и что онъ считаетъ необходимымъ закрыть изданіе до болѣе благоприятнаго времени. Предполагалось издать еще два или три номера, описать въ нихъ демонстрацію, приготовленную на 22-е февраля и покончить такимъ образомъ журналъ повѣствованіемъ о побѣдѣ прогрессивнаго начала. Чтобы выпустить въ свѣтъ номера 22-го и 23-го февраля, редакція журнала *Réforme* была принуждена продать мебель изъ своей квартиры. Это бѣдственное положеніе радикальной газеты объясняется тѣмъ, что мнѣнія людей «реформы» шли слишкомъ далеко, такъ далеко, что за ними не могли слѣдовать методичные буржуа, боявшіеся за свои ренты и биржевыя спекуляціи. Большая часть журналовъ читалась и раскупалась буржуазіею, слѣдовательно періодическое изданіе, пугающее парижскихъ мѣщанъ яркостью своего знамени, не могло имѣть значительнаго успѣха, не смотря на извѣстность и популярность своихъ редакторовъ. При всемъ своемъ уваженіи къ лич-

ностямъ Флокона, Ледрю-Роллена, Луи Блана, парижскіе ремесленники и поденщики не могли покупать и читать ихъ журнала, и только изрѣдка взглядывали на его столбцы, когда ожидалось особенно важное извѣстіе или обращеніе къ народу.

National выражалъ собою мнѣнія болѣе уступчивыхъ радикаловъ и на этомъ основаніи находилъ себѣ большее число подписчиковъ и покупателей.

Парламентское засѣданіе 1847 года кончилось совершеннымъ пораженіемъ оппозиціи; ни одно ея предложеніе не было принято, ни одно ея требованіе не было исполнено; авторитетъ министерства также колебался во время этого засѣданія; возникъ рядъ скандальныхъ процессовъ, которыхъ совокупность доказала, что злоупотребленія проникли во всѣ отрасли администраціи, и, не безъ вѣдома министровъ, пустили въ ней глубокіе корни. Финансы угрожали банкротствомъ; армія и флотъ страдали отъ дурнаго качества провизіи, на закупку которой тратились огромныя суммы; мелкіе и крупныя чиновники грабили и обогащались; министры оставляли ихъ безнаказанными и не обращали вниманія на получаемые доносы; всѣ эти безпорядки выступили другъ за другомъ на свѣтъ и подали поводъ къ упорнымъ и ожесточеннымъ состязаніямъ въ палатѣ депутатовъ; оппозиція хотѣла навалить всю отвѣтственность на министровъ, но большинство депутатовъ, связанныхъ съ членами кабинета интересами и личными отношеніями, отстояло Гизо и его товарищей; многія должностныя лица были осуждены и наказаны, даже трое министровъ, пострадавшихъ въ общественномъ мнѣніи отъ парламентскихъ дебатовъ, были принуждены выдти въ отставку, но Гизо и Дюшатель, стоявшіе фактически во главѣ администраціи и дававшіе ей тонъ и направленіе, остались первенствующими членами кабинета. Министерская пресса прославила побѣду правительства надъ враждебными и слѣпными страстями, правительство порадовалось многочисленности своихъ приверженцевъ въ палатѣ депутатовъ и засѣданія 1848 года закрылись, не измѣнивъ ни одной существенной черты во внѣшней и внутренней политикѣ кабинета, не подвинувъ ни на шагъ впередъ вопроса объ избирательной и парламентской реформѣ. Оппозиція почувствовала необходимость опереться на желанія всей страны и необыденными мѣрами шевельнуть общественное мнѣніе, которое оставалось нечувствительнымъ къ парламентскимъ' дебатамъ и къ газетнымъ статьямъ оппозиціонныхъ литераторовъ. Съ 9 іюля 1847 года начинается по всей Франціи рядъ обѣдовъ по подпискѣ; избиратели разныхъ департаментовъ приглашаютъ на эти обѣды депутатовъ, боровшихся въ парламентахъ за реформу; на этихъ обѣдахъ предлагаются тосты и произносятся рѣчи; журналисты даютъ своимъ читателямъ воодушевленные описанія этихъ мирныхъ политическихъ манифестацій; депутаты оппозиціи пе-

реѣзжаютъ изъ города въ городъ, чтобы придти въ соприкосновеніе и обмѣняться идеями со всѣми свѣжими людьми Франціи, и наконецъ въ Руанѣ, въ декабрѣ, былъ данъ послѣдній обѣдъ, на которомъ присутствовало 1800 человекъ и въ томъ числѣ двадцать депутатовъ. На первомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Парижѣ, былъ предложенъ рядъ тостовъ, показывающій тогдашнее настроеніе умовъ: 1) За національное господство! 2) За революцію 1830 года! 3) За избирательную и парламентскую реформу! 4) За процвѣтаніе города! 5) За улучшеніе участи рабочаго класса! 6) За благоденствіе печати! 7) За депутатовъ оппозиціи и 8) въ честь центрального комитета избирателей Сены. Рѣчи, сопровождавшія собою эти тосты, были положительно враждебны политикѣ кабинета, и, при всей мягкости официальныхъ выраженій, обнаруживали глубоко вкоренившееся недовѣріе къ правительству Людовика Филиппа. «Не будемъ сваливать на славную іюльскую революцію, говорилъ Одилонъ Барро, предводитель конституціонной оппозиціи, отвѣтственность за грѣхи теперешней политики. Постыдное зрѣлище, которое мы видимъ теперь, порождено управленіемъ, діаметрально противоположнымъ принципу этой революціи, обманувшимъ ожиданія націи, нарушившимъ всѣ свои обѣщанія.... Нарушенія законной свободы могутъ быть заглажены! Одинъ день побѣды общественнаго мнѣнія можетъ снести прочь всѣ ретроградныя мѣры, всѣ утѣснительныя распоряженія, которыми обременили эту страну.... Но удары, нанесенные общественной нравственностію, развращеніе должностныхъ лицъ, презрѣніе народа къ правительству и къ достаточнымъ классамъ общества, недовѣріе между сословіями—вотъ въ чемъ состоитъ существенное зло, и я считаю его непоправимымъ.... Да! честь и слава іюльской революціи! Пусть ея великое знамя соберетъ насъ всѣхъ вокругъ себя, пусть передъ нимъ замолкнутъ мелочные раздоры личностей и словъ, ослабляющіе насъ въ виду общаго непріятели, и пусть Франція, подъ этимъ славнымъ знаменемъ, довершитъ то, чего она не успѣла сдѣлать въ 1830 году!» Подобныя слова, произнесенныя такимъ человекомъ, который считалъ самого себя приверженцемъ царствующей династіи, и встрѣченныя дружными знаками сочувствія въ такомъ собраніи, которое вовсе не считало себя радикальнымъ, даютъ намъ понятіе о томъ, насколько тогдашнее общество было расположено подчиниться личному господству Людовика Филиппа. Крайніе радикалы большею частью не произносили никакихъ рѣчей и даже въ большей части случаевъ не присутствовали на политическихъ обѣдахъ, находя, что ихъ время еще не пришло, и что общество врядъ-ли будетъ расположено выслушать все то, что они желали ему высказать.

А что же дѣлала въ это время журналистика? Министерская пресса старалась осмѣять всѣ эти демонстраціи, пользовалась раздорами, слу-

чайно возникавшими между различными партиями прогрессистовъ, превеличивала эти раздоры и, при всемъ томъ, тратила на вѣтеръ свое остроуміе и глубокомысліе, потому что имѣла дѣло съ самымъ малочисленнымъ кругомъ читателей. Другіе журналы ограничивались вѣрною передачею фактовъ; они понимали, что въ эпохи усиленнаго политическаго волненія дѣятельность прессы усиливается, но роль ея становится второстепенною и зависимою. Самая умная и живая журнальная статья въ такое время блѣднѣетъ передъ совершающимся событіемъ, передъ произносимымъ словомъ, передъ дѣйствительною борьбою личностей и партій. Всѣ живыя силы страны устремляются къ той практической работѣ, въ которой заключается насущный интересъ минуты; всѣ живые люди становятся ораторами, борцами, гражданами; прессѣ остается только быть электрическимъ телеграфомъ, передающимъ всей странѣ съ возможною быстрою извѣстія о совершающихся событіяхъ. Политическое движеніе, подобное тому, которое овладѣло Франціею въ концѣ 1847 и которое продолжалось въ 1848 году, бываетъ плодомъ созрѣвшей мысли и долгихъ страданій; когда начинается такое движеніе, тогда уже поздно выработывать общественныя теоріи и управлять умами посредствомъ печатнаго слова; мыслители, теоретики, кабинетные критики общественной жизни, имѣвшіе, можетъ быть, рѣшительное вліяніе на формированіе убѣжденій въ молодомъ поколѣніи, теряютъ всякую силу надъ ходомъ событий, если не могутъ превратиться въ людей дѣла и заговорить съ массами языкомъ практической жизни или взволнованной страсти; изъ журналистовъ того времени многіе сдѣлались практическими дѣятелями; но они приняли участіе въ политическихъ событіяхъ, какъ отдѣльныя личности; они дѣйствовали живымъ словомъ и поступками, а не статьями. Когда вся страна въ тревогѣ ожидаетъ разрѣшенія надвинувшихся вопросовъ и недоразумѣній, тогда она ищетъ въ газетахъ и журналахъ голаго факта и не читаетъ личныхъ размышленій публициста. Умный журналистъ понимаетъ это и превращаетъ свои статьи въ подробные перечни, въ постоянно измѣняющіяся картины текущихъ событий, въ эскизы, не имѣющіе никакого другого значенія, кромѣ животрепещущей современности. Периодическая литература совершенно перестаетъ быть роскошью ума и становится дѣломъ жизни, превращается въ сборникъ необходимыхъ справокъ, воззваній, отчетовъ, извѣстій и указаній. Такую дѣловую литературу правительство не можетъ преслѣдовать, во-первыхъ потому, что ему въ эти минуты не до литературы, во-вторыхъ потому, что литература перестаетъ быть самостоятельною, и, слѣдовательно, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ оппозиціею въ парламентѣ и въ общественномъ мнѣніи страны, испытавъ парламентскую борьбу во время засѣданія 1847 года и увидавъ длинный рядъ политическихъ демон-

страцій выразившихся во всѣхъ значительныхъ городахъ Франціи въ формѣ объѣздовъ съ тостами и рѣчами» правительство перестало обращать вниманіе на политическую прессу; оно увидѣло, что пропаганда нашла себѣ другіе пути, другіе способы, болѣе опасные по своей новизнѣ, по своей торжественности и по своему непосредственному дѣйствию на воображеніе. Оно рѣшилось положить конецъ этимъ манифестаціямъ и такимъ образомъ опять впало въ свою обычную ошибку. Стараясь помѣшать этимъ проявленіямъ общественной жизни, оно увеличило ихъ значеніе въ глазахъ маэсы; какъ только правительство рѣшилось принять мѣры противъ объѣда, замышлявшагося въ 12 округѣ Парижа, такъ общество употребило съ своей стороны всѣ усилія, чтобы привести его въ исполненіе; правительство призвало къ себѣ на помощь законъ противъ сборищъ, общество съ своей стороны оперлось на право собранія (*droit de reunion*); правительство, въ лицѣ государственнаго канцлера Геберта, выразило мысль, что все то должно считаться запрещеннымъ, на что законъ не даетъ положительнаго разрѣшенія, что нѣтъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя формально записаны въ хартіи.

— А право дышать? спросилъ тогда одинъ изъ депутатовъ. Заявлено преніе. Это замѣчательное преніе происходило въ палатѣ депутатовъ 7 февраля 1848 года, вскорѣ послѣ открытія парламентскихъ засѣданій. Раздраженные стойкостью оппозиціи, министры, не смотря на свои лѣта, не смотря на свою политическую опытность, увлекались за предѣлы всякаго благоразумія, съ ожесточеніемъ поддерживали очевидныя нелѣпости и запальчивою рѣзкостью выраженій старались замѣнить недостатокъ состоятельныхъ доводовъ. Но люди оппозиціи не убѣждались софизмами и не боялись гнѣвныхъ восклицаній. Софизмы они разбивали силою діалектики, а на гнѣвныя восклицанія они отвѣчали рѣзко и рѣшительно. Преніе разгаралось. Одилонъ Барро и Ледрю-Ролленъ разбивали теоріи Дюшателя и Геберта; Дюшатель и Гебертъ по нѣскольку разъ всходили на трибуну и въ рѣчахъ своихъ доходили до угрозы противъ членовъ оппозиціи. Наконецъ засѣданіе совершенно потеряло свой официально приличный характеръ; со всѣхъ сторонъ полетѣли наперекрестъ страшныя возраженія, перемѣшанныя съ отрывочными возгласами негодованія.

— Они идутъ дальше реставраціи! крикнулъ Одилонъ Барро.

— Это контръ-революція! подхватилъ Гарнье Пажесь.

— Ни Полиньякъ, ни Пейроне никогда не говорили такихъ вещей!

— Это просто ругательства! Это начало насилія!

Всѣ депутаты оппозиціи поднялись съ своихъ мѣстъ; поднялся шумъ, въ которомъ затерялись слова отдѣльныхъ членовъ.

Гебертъ, стоявшій на трибунѣ, закричалъ, что Одилонъ Барро оскорбляетъ его сравненіемъ съ министрами реставраціи; легитимисты, сидѣв-

шіе въ собраніи, въ свою очередь сочли себя обиженными этимъ выраженіемъ министра; словомъ, всѣ разнородныя и разноцвѣтныя политическія страсти, шевелившіяся въ налатѣ, вырвались наружу и разыгрались съ небывалою силою. Наконецъ Одилонъ Барро обратился къ Геберту, требовавшему отъ него объясненія: «Да, заговорилъ онъ, вы, министры популярной іюльской революціи, вы, люди, за которыхъ лилась кровь мучениковъ свободы, вы хотите отнять у насъ такое право, которое уважали и признавали министры реставраціи въ ту минуту, когда готовилось ея паденіе! Вотъ что я говорю — и это фактъ, фактъ неопровержимый! Вы нарушаете то, что уважалъ даже Полиньякъ!»

Собраніе пришло въ полное смятеніе; нѣкоторые члены потребовали, чтобы президентъ возстановилъ нарушенный порядокъ, но оказалось, что президента уже не было въ залѣ. Засѣданіе закрылось и депутаты разошлись въ сильномъ волненіи. Газеты описали происшедшую сцену, и жители Парижа на другой же день съ недоумѣніемъ и съ негодованіемъ узнали о наступательныхъ дѣйствіяхъ министерства противъ оппозиціи. Даже министры увидали, что они зашли слишкомъ далеко. Вечеромъ, 9 февраля, Гизо получилъ отъ Дюшателя записку слѣдующаго содержанія:

«Засѣданіе произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Гебертъ былъ подъ конецъ слишкомъ крутъ. Это общее мнѣніе тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случилось видѣть съ тѣхъ поръ. Надо успокоить палату. Мы прямо накликаемъ возмущеніе; впрочемъ, я на этотъ случай принялъ мѣры».

По всему ходу парламентскихъ дебатовъ, по страстному характеру произносимыхъ рѣчей, по рѣзкости столкновеній между министерствомъ и оппозиціею и наконецъ по тому тревожному вниманію, съ которымъ парижане слѣдили за преніями, можно было сказать заранѣе, что дѣло не можетъ разрѣшиться парламентскою борьбою. Гизо объявилъ рѣшительно, что ни на одинъ шагъ не отступитъ отъ строго консервативной политики; большинство голосовъ въ палатѣ депутатовъ было постоянно на его сторонѣ; чтобы не тратить силъ на бесплодныя декламации, оппозиція было необходимо продолжать свои сношенія съ обществомъ, будить и поддерживать въ немъ стремленіе къ реформѣ, а между тѣмъ министерство хотѣло отрѣзать у нея путь мирной агитаціи и собиралось вмѣшательствомъ полицейской власти разстроивать политическіе обѣды. Оппозиція съ радостью ухватила за эту ошибку министерства, которое такимъ образомъ давало ей поводъ на наглядномъ примѣрѣ, на живомъ фактѣ показать народу безцеремонное обращеніе правительства съ самыми простыми и необходимыми правами свободныхъ гражданъ конституціонной монархіи. Полицейскій чиновникъ долженъ былъ разогнать мирныхъ гражданъ, собравшихся въ обѣден-

ную залу съ преступнымъ намѣреніемъ пообѣдать на свои деньги—это было бы зрѣлище въ высшей степени поучительное для жителей Парижа, и депутаты оппозиціи рѣшились дѣйствовать такъ, чтобы довести министерство до этой пріятной необходимости. Они не обратили никакого вниманія на слова Геберта и Дюшателя, и приготовленія къ обѣду 12 округа продолжались попрежнему. 14 февраля всѣ журналы оппозиціи напечатали слѣдующее категорическое объявленіе.

«Сегодня утромъ больше 100 депутатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ оппозиціи собрались для того, чтобы условиться насчетъ образа дѣйствій, котораго имъ слѣдуетъ держаться послѣ того, какъ палата утвердила послѣдній параграфъ адреса.

«Собраніе разсматривало сначала то политическое положеніе, въ которое оппозиція поставлена этимъ параграфомъ. Оно замѣтило, что адресъ въ настоящемъ своемъ видѣ — ничто иное, какъ насильственное и дерзкое посягательство большинства на право меньшинства, и что министерство, подстрекнувшее свою партію къ такому неслыханному поступку, нарушило одинъ изъ самыхъ священнѣйшихъ принциповъ конституціи, оскорбило право гражданъ въ лицѣ ихъ представителей и, чтобы упрочить свое господство, бросило въ націю сѣмена раздора и безпорядка. Оппозиція думаетъ, что эти обстоятельства увеличиваютъ важность и торжественность ея обязанностей, и что среди тѣхъ событій, которыя волнуютъ Европу и занимаютъ Францію, она ни на одну минуту не должна оставлять борьбу за національные интересы. Оппозиція останется на своемъ мѣстѣ и постоянно будетъ контролировать и обуздывать реакціонную политику, возмущающую спокойствіе цѣлой страны.

«Что касается до права собранія гражданъ, до того права, которое министръ думаетъ подчинить своему благоусмотрѣнію и конфисковать въ свою пользу, то собраніе депутатовъ, убѣжденное въ томъ, что это право составляетъ необходимое условіе всякой свободной конституціи и кромѣ того формально утверждено нашими законами, рѣшилось отстаивать его всѣми легальными и конституціонными средствами; на этомъ основаніи, собраніе назначило изъ себя комиссію для совѣщаній съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей и для того, чтобы опредѣлить участіе депутатовъ въ томъ обѣдѣ, который готовится быть протестомъ противъ посягательствъ произвола.

«Это рѣшеніе не помѣшаетъ членамъ оппозиціи обратиться, для заявленія протеста, какъ къ сословію избирателей, такъ и къ общественному мнѣнію страны.

«Собраніе думаетъ также, что кабинетъ искажилъ истинный характеръ тронной рѣчи и адреса, чтобы оскорбить достоинство депутатовъ, и что, вслѣдствіе этого, оппозиція поставлена въ необходимость постоянно заявлять свое неодобреніе противъ такого злоупотребленія власти; по-

этому она рѣшила единогласно, что ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ присутствовать при подачѣ адреса, хотя бы даже на него упалъ жребій».

Этотъ подлинный документъ показываетъ намъ, какъ важны были вопросы, занимавшіе политическую прессу, и какъ смѣло и откровенно она къ нимъ относилась.

Это уже не памфлетъ противъ министерства, не сатирическая выходка противъ его распоряженій, а открытое и рѣшительное заявленіе неудовольствія, соединенное съ категорическимъ объясненіемъ того плана дѣйствій, который оппозиція предписываетъ себѣ на будущее время. Оппозиція была поставлена въ исключительное положеніе; палата депутатовъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь короля, по обыкновенію, представила адресъ, въ которомъ выразились, въ общихъ чертахъ, намѣренія и убѣжденія представительнаго собранія или, по крайней мѣрѣ, его большинства. Я уже замѣтилъ, что въ тронной рѣчи короля заключались слѣдующія слова, направленные противъ дѣйствій парламентской оппозиціи.

«Посреди волненія, возбужденнаго враждебными или слѣпными страстями, меня воодушевляетъ и поддерживаетъ одно убѣжденіе; я увѣренъ, что въ конституціонной монархіи, въ единодушій великихъ государственныхъ силъ, мы имѣемъ вѣрныя средства побѣдить всѣ пренятствія и удовлетворить всѣмъ матеріальнымъ интересамъ нашего дорогаго отечества». На эти слова короля, палата отвѣчала въ своемъ адресѣ: «Волненія, возбуждаемыя враждебными страстями и слѣпными увлеченіями, утихнутъ передъ общественнымъ сознаніемъ, просвѣщеннымъ нашими свободными преніями. Такимъ образомъ король указывалъ на людей оппозиціи, какъ на представителей «слѣпныхъ и враждебныхъ страстей»; а палата выдавала своихъ товарищей, какъ людей, одержимыхъ слѣпными увлеченіями и враждебными страстями; политическія убѣжденія, высказываемыя публично съ парламентской трибуны, предавались такимъ образомъ на общественное осужденіе; два официальные документа, тронная рѣчь короля и адресъ палаты депутатовъ, т. е. голосъ центральной власти и голосъ представителей націи, называли эти политическія убѣжденія преступными и опасными для общеннаго спокойствія; члены оппозиціи видѣли, что парламентское большинство давитъ и унижаетъ ихъ, увлекаясь въ своей побѣдѣ за предѣлы той политической умѣренности, которую предписываютъ самыя обыкновенныя приличія. Имъ оставалось только, когда выписанныя мною слова адреса были утверждены большинствомъ голосовъ, или признать себя побѣжденными и выдти въ отставку, или, обращаясь къ націи, спросить у нея, дѣйствительно ли она сочувствуетъ поступкамъ своихъ такъ называемыхъ представителей. Марастъ, редакторъ жур-

нала *National*, предлагалъ депутатамъ оппозиціи пойдти по первому пути, т. е. оставить палату всею массою и такимъ образомъ подать поводъ къ новымъ выборамъ. Это мнѣніе не было принято на томъ основаніи, что новые выборы могли быть выгодны для министерства и что классъ избирателей въ своихъ мнѣніяхъ можетъ расходиться съ мнѣніями и потребностями націи. Поэтому оппозиція рѣшилась оставаться въ парламентѣ до послѣдней крайности, заявлять свое несочувствіе къ административнымъ распоряженіямъ при всякомъ удобномъ случаѣ и продолжать мирную агитацію всеми законными средствами, не обращая никакого вниманія на репрессивныя мѣры министерскаго произвола. Борьба была начата, и выписанная мною декларация, появившаяся 14 февраля въ журналахъ оппозиціи, можетъ быть названа публичнымъ и торжественнымъ объявленіемъ войны между прогрессивною оппозиціею и упорно-консервативнымъ министерствомъ Гизо.

Рѣшено было устроить по подпискѣ обѣдъ на 1000 человекъ, отправиться къ сборному мѣсту процессіею, не позволять себѣ во время шествія по улицамъ никакого возбуждающаго крика, потомъ за обѣдомъ предложить тосты за право собранія и за парламентскую реформу и наконецъ разойдтись въ совершенномъ порядкѣ, не нарушая ничѣмъ спокойствія города и не давая полиціи никакого повода вмѣшиваться въ эту гражданскую демонстрацію.

18 февраля коммиссія, составленная изъ трехъ депутатовъ, трехъ членовъ центрального комитета и трехъ членовъ комитета 12 округа, опредѣлила всѣ подробности будущаго обѣда и назначила день—вторникъ, 22 февраля.

19 февраля депутаты оппозиціи собрались еще разъ, взвѣсили свое положеніе, обсудили свои обязанности въ отношеніи къ своимъ избирателямъ и къ французской націи, разочли возможныя послѣдствія предположенной демонстраціи и опредѣлили окончательно свой образъ дѣйствій на ближайшее будущее время.

20 февраля всѣ журналы оппозиціи напечатали статью, извѣщавшую читателей о результатахъ сходки 19 февраля; въ этой статьѣ было сказано, что депутаты рѣшились протестовать «великимъ актомъ легальнаго сопротивленія, противъ мѣры, нарушающей принципы конституціи и самую букву закона». Этотъ актъ легальнаго сопротивленія будетъ состоять въ томъ, что 22 февраля всѣ члены оппозиціи массою отправятся къ мѣсту, назначенному для обѣда. «Парижъ, говоритъ дальше эта статья, часто предпринималъ героическія усилія и производилъ великія революціи. Ему предстоитъ теперь дать народамъ другой примѣръ; ему предстоитъ показать, что въ свободныхъ странахъ

спокойствіе и твердость гражданина, уважающаго законъ и защищающаго свое право, составляютъ самую непобѣдимую и самую величественную силу націи». Далѣе, «депутаты разсчитываютъ слѣдовательно на сочувствіе и на содѣйствіе всѣхъ добрыхъ гражданъ, которые съ своей стороны могутъ разсчитывать на неутомимую преданность и непоколебимую рѣшимость депутатовъ». Наконецъ статья эта объявляетъ, что уже 80 депутатовъ подписали приглашеніе комиссаровъ 12 округа.

Министры, выразившіеся такъ рѣзко противъ права собранія, были поставлены въ затруднительное положеніе. Допустить обѣдъ 22 февраля — значило признать себя побѣжденными; помѣшать ему — было опасно: полицію могли не послушать и дѣло могло дойти до вмѣшательства войска и до серьезнаго кровопролитія. Король, Гизо и Гебертъ не отступали передъ этими крайними мѣрами; они полагали, что легкая побѣда надъ уличнымъ мятежемъ упрочитъ господство консервативной политики и окончательно сломитъ и разсѣетъ элементы оппозиціи какъ въ парламентѣ, такъ и въ націи вообще. Дюшатель и другіе члены кабинета не хотѣли доводить дѣла до драки и готовы были помириться съ оппозиціею на взаимныхъ уступкахъ. Последнее мнѣніе превозмогло, и министерство назначило двухъ преданныхъ депутатовъ, чтобы уладить дѣло переговорами, оппозиція согласилась на нѣкоторыя уступки и послѣ долгихъ совѣщаній обѣ стороны сошлись на слѣдующей программѣ дѣйствій. Рѣшено было, что депутаты и вся сопровождающая ихъ толпа дойдеть до назначеннаго мѣста, не нарушая спокойствія города; у дверей залы ихъ встрѣтитъ полицейскій комиссаръ, который именемъ закона запретитъ имъ входить; члены процессіи войдутъ, не смотря на запрещеніе, и займутъ свои мѣста. Комиссаръ на мѣстѣ засвидѣтельствуетъ нарушеніе, потребуетъ, чтобы собраніе разошлось, и скажетъ, что въ случаѣ надобности, онъ употребитъ силу. Одилонъ Барро произнесетъ рѣчь противъ злоупотребленія власти, объяснитъ цѣль всей демонстраціи и объявитъ наконецъ, что онъ покоряется силѣ и оставляетъ за собою право повести дѣло судебнымъ порядкомъ; тогда депутаты разойдутся и употребятъ свое вліяніе, чтобы убѣдить толпу разойтись безъ шума. Правительство поддержало бы такимъ образомъ свое достоинство, а оппозиція показала бы съ своей стороны свое значеніе, потому что по ея призыву граждане всѣхъ сословій произвели бы мирную демонстрацію. Это я говорю, становясь на точку зрѣнія правительства и парламентскихъ доктринеровъ; конечно, можно было бы замѣтить, что и тѣ, и другіе хлопочуть изъ за пустяковъ и гонятся за пустыми формальностями. Допуская процессію, правительство все таки обнаруживало свою слабость; соглашаясь разойтись по требованію полицейскаго комиссара, депутаты оппозиціи все-таки фактически отка-

звалась отъ права собранія и уходили домой безъ обѣда. Стало быть, это замысловатое примиреніе оставляло обѣ стороны неудовлетворенными; можно было предвидѣть заранѣе, что это примиреніе не состоится, что оно будетъ нарушено одною изъ примиряющихся сторонъ, или, всего вѣрнѣе, что народъ своимъ простымъ, здравымъ смысломъ не захочетъ понять хитрой казуистики парламентскихъ юристовъ. Правительство и оппозиція оказывались очень недалекими, не смотря на всю тонкость ума и на всю политическую опытность своихъ представителей. Предпринимая рѣшительный шагъ, ни правительство ни оппозиція не понимали его значенія; они вѣрили въ возможность полумѣръ и не знали того, что народъ, рѣшившійся защищать то, что онъ считаетъ своимъ правомъ, не остановится передъ запрещеніемъ полицейскаго комиссара и не обратитъ особеннаго вниманія на умѣренно либеральныя рѣчи краснорѣчиваго депутата. Впрочемъ, соглашеніе между правительствомъ и оппозиціею было нарушено даже безъ вмѣшательства народа. Опираясь на состоявшееся условіе, Маррасть отъ имени всей оппозиціи написалъ слѣдующее объявленіе, которое 21-го февраля было помѣщено во всѣхъ журналахъ оппозиціи. Я привожу его вполнѣ, потому что оно имѣло очень важныя послѣдствія.

«Генеральная коммисія, занимающаяся устройствомъ обѣда 12-го округа, считаетъ своею обязанностью напомнить, что демонстрація, назначенная на завтрашній день, во вторникъ, клонится къ тому, чтобы мирнымъ и легальнымъ путемъ отстоять конституціонное право политическихъ собраній, право, безъ котораго представительное правленіе было бы простою насмѣшкою.

«Министерство объявило и утверждало въ трибунѣ, что пользованіе этимъ правомъ зависитъ отъ благоусмотрѣнія полиціи; тогда депутаты оппозиціи, французскіе перы, отставные депутаты, члены генеральнаго совѣта, судьи, офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты національной гвардіи, члены центрального комитета, избиратели оппозиціи, редакторы парижскихъ журналовъ приняли сдѣланное имъ приглашеніе участвовать въ манифестаціи, чтобы во имя закона протестовать противъ незаконнаго и произвольнаго посягательства.

«Можно предвидѣть, что этотъ публичный протестъ привлечетъ значительное стеченіе гражданъ; должно также предполагать, что парижская національная гвардія, вѣрная исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей, присоединится къ манифестаціи, чтобы отстаивать свободу и своимъ присутствіемъ поддерживать порядокъ. Принимая въ соображеніе эти обстоятельства, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія для избѣжанія толкотни и шума.

«Коммиссія полагаетъ, что манифестація должна происходить въ та-

кой части города, въ которой ширина улицъ и площадей позволить жителямъ собраться, не производя тѣсноты.

«На этомъ основаніи, комиссія просить депутатовъ, перовъ и другихъ особъ, приглашенныхъ на обѣдъ, собраться завтра, въ одиннадцать часовъ, на обыкновенное сборное мѣсто парламентской оппозиціи, на площади Магдалины, № 2.

«Члены національной гвардіи, подписавшіеся на обѣдъ, приглашаются собраться передъ церковью Магдалины и образовать два параллельные ряда, между которыми разстановятся приглашенные.

«Во главѣ шествія будутъ находиться старшіе офицеры національной гвардіи, которые захотятъ присоединиться къ манифестаціи.

«За приглашенными и подписчиками будетъ находиться рядъ офицеровъ національной гвардіи.

«За ними построятся колоннами солдаты національной гвардіи, по номерамъ своихъ легионовъ.

«Между третьей и четвертою колонною — молодые люди училищъ, подъ предводительствомъ своихъ комиссаровъ.

«Далѣе—остальная часть національной гвардіи, въ означенномъ порядкѣ.

«Шествіе двинется съ мѣста въ 11^{1/2} часовъ и направится, черезъ площадь конкорды и черезъ Елисейскія поля, къ мѣсту обѣда.

«Комиссія убѣждена въ томъ, что эта манифестація будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ она будетъ спокойнѣе; тѣмъ величественнѣе, чѣмъ болѣе она будетъ избѣгать повода къ столкновеніямъ: поэтому она проситъ гражданъ не позволять себѣ громкихъ возгласовъ, не брать никакого знамени или внѣшняго знака; она проситъ членовъ національной гвардіи явиться безъ оружія: тутъ дѣло идетъ о легальномъ и мирномъ протестѣ, котораго сила будетъ состоять въ количествѣ гражданъ въ ихъ твердой и спокойной осанкѣ.

«Комиссія надѣется, что въ этомъ случаѣ каждый присутствующій человекъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на должностное лицо, обязанное охранять общественное спокойствіе; она надѣется на національную гвардію, она надѣется на чувства парижскаго населенія; которое стремится къ общественному спокойствію и къ свободѣ, и которое знаетъ, что для поддержанія своихъ правъ ему стоитъ только предпринять мирную демонстрацію, достойную разумной и просвѣщенной націи, сознающей неотразимое вліяніе своей нравственной силы, и увѣренной въ томъ, что легальное и спокойное выраженіе мнѣній поведетъ ее къ желанной цѣли».

Эта прокламація вовсе не замѣчательна въ литературномъ отношеніи она представляетъ голую программу церемоніала, но самая официальность изложенія составляетъ очень характерную особенность. Комиссія

относится къ жителямъ Парижа съ полною увѣренностью найти въ нихъ рѣшительное сочувствіе; она созываетъ національную гвардію, предвидитъ неизбежность огромнаго стеченія народа и считаетъ необходимымъ умѣрять своими совѣтами раздраженіе гражданъ. Очевидно, что эта коммиссія въ данную минуту считаетъ себя сильнѣе министерства Гизо; очевидно, что она чувствуетъ за собою поддержку общественнаго мнѣнія, которое окончательно измѣняетъ правительству; очевидно, что *de facto* временное правительство, водворившееся послѣ событій 24-го февраля, уже теперь, со времени изданія этой прокламаціи, начинаетъ вытѣснять Людовика Филиппа и его министровъ. По буквѣ законовъ 1835 года, напечатаніе подобной статьи было преступленіемъ и вело за собою штрафъ и тюрьму; судьи могли даже взглянуть на эту статью, какъ на возбужденіе къ возстанію противъ правительства; если бы манифестація 23-го февраля дѣйствительно состоялась, то они могли по буквѣ закона присудить редакторовъ оппозиціонныхъ журналовъ къ тѣмъ наказаніямъ, которыя постигли бы главныхъ предводителей возмущенія. Дѣйствительно, если бы правительство Людовика Филиппа силою задавило возмущеніе, возникшее изъ манифестаціи, то оно, по всей вѣроятности, поступило бы съ захваченными и причастными лицами безъ малѣйшаго милосердія. Стоитъ только припомнить тотъ фактъ, что это правительство, послѣ возмущенія, случившагося на похоронахъ генерала Ламарка, приказало всѣмъ медикамъ доносить въ полицію о тѣхъ раненныхъ, которые обратятся къ нимъ за медицинскою помощью. Очень ясно, что, задавивъ мятежь, правительство Людовика Филиппа не упустило бы случая прижать оппозиціонную прессу и припомнило бы всѣ тѣ статьи закона, которыми можно было воспользоваться; но теперь, въ ту минуту, когда выписанная мною прокламація появилась въ газетахъ оппозиціи, правительству было не до прессы. Прежде всего надо было бороться съ самою мыслью, а уже потомъ можно было наказывать ея орудія и проявленія. Министерству необходимо было помѣшать манифестаціи; оно рѣшилось сражаться тѣмъ же оружіемъ, которое было употреблено оппозиціею; оно пустило въ ходъ печатную гласность и помѣстило въ Мониторѣ прокламацію префекта полиціи къ жителямъ Парижа; эта прокламація требовала отъ всѣхъ добрыхъ гражданъ, чтобы они не присоединялись къ толпѣ, не составляли сборищъ и вообще не обращали вниманія на происки оппозиціи. Парижане видѣли такимъ образомъ, что имъ съ двухъ разныхъ сторонъ даютъ діаметрально противоположныя наставленія; во всякомъ случаѣ, они были мало расположены вѣрить на слово префекту полиціи; имя этого почтеннаго чиновника составляло очень слабый противовѣсъ тѣмъ любимымъ именамъ, которыя украшали собою парламентскую оппозицію. Правительство имѣло въ виду это настроеніе добрыхъ гражданъ и принимало свои мѣры, т. е.

разставляло вооруженные отряды возлѣ сборнаго мѣста и приказывало своимъ агентамъ съ депутатами обращаться почтительно, а добрыхъ гражданъ въ случаѣ надобности разогнать силою. Слѣдующія затѣмъ событія совершенно выходятъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя я предположилъ себѣ для моихъ очерковъ. Оказалось, что прокламація оппозиціи подѣйствовала такъ сильно, что ни предостереженія правительства, ни отступленіе депутатовъ отъ первоначальнаго плана не остановили движенія народа; увидя, что въ рѣшительную минуту депутаты пускаются опять въ юридическую аргументацію, народъ порѣшилъ, что они просто струсили, и сталъ дѣйствовать помимо ихъ, безъ особенной системы, но съ значительною дозою энергіи. Когда народъ сошелся на улицахъ безъ руководителей, тогда мирная манифестація скоро потеряла тотъ методически-величественный характеръ, которымъ заранѣе любовалась прокламація комиссіи; кровопролитіе началось 22 февраля, потомъ съ нѣкоторыми перерывами продолжалось 23-го, потомъ окончилось 24-го, паденіемъ монархіи и изгнаніемъ орлеанской династіи.

Постараюсь бросить бѣглый взглядъ, на положеніе печати при Людовикѣ Филиппѣ и на отношенія іюльской монархіи къ проявленіямъ свободной мысли. Сначала мы видимъ пышныя обѣщанія; вступая на престолъ, герцогъ Орлеанскій говоритъ, что больше не будетъ процесовъ по дѣламъ печати; потомъ король Людовикъ Филиппъ усаживается покрѣпче на своемъ недавно воздвигнутомъ тронѣ; укрѣпившись, онъ измѣняетъ мало-по-малу свою внѣшнюю и внутреннюю политику; измѣнивъ принципамъ іюльскихъ дней, онъ начинаетъ выслушивать съ неудовольствіемъ откровенные совѣты и строгія указанія либеральной прессы; министры начинаютъ обижаться еще чаще и еще сильнѣе самаго короля; начинаются преслѣдованія, потомъ, запуганное попытками отдѣльныхъ личностей убить короля, правительство усиливаетъ строгость самаго законодательства; потомъ оказывается, что законы такъ строги, что ихъ нельзя даже примѣнять во всемъ ихъ объемѣ, не возмущая общественнаго мнѣнія страны; потомъ оказывается, что раздраженіе націи такъ сильно, что оно не можетъ уже выразиться только въ печати; начинается упорная борьба въ парламентѣ, и печать дѣлается орудіемъ систематически-организованной оппозиціи; потомъ палата депутатовъ въ свою очередь становилась слишкомъ узкою ареною для ожесточенной борьбы между устарѣлымъ правительствомъ и живыми силами энергической націи; начинается сильное броженіе умовъ, подготовленное вліяніемъ обстоятельствъ, поддержанное ошибками и неспособностью правительства, направленное къ извѣстной цѣли умными и опытными вождями парламнтской оппозиціи; наконецъ, сами вожди оппозиціи теряютъ власть надъ раздраженнымъ народомъ, и кратковре-

менная, ожесточенная, междоусобная война въ улицахъ Парижа уничтожаетъ монархію Людовика Филиппа.

Карль X потерялъ престоль отъ того, что хотѣлъ произвольно отнять у народа право свободно мыслить и громко выражать свои идеи. Наученный примѣромъ своего родственника, Людовикъ Филиппъ рѣшился дѣйствовать хитрѣе; онъ не отнималъ существующихъ правъ неожиданнымъ указомъ; онъ хотѣлъ постепенно подкопать ихъ мелкими ухищреніями; онъ хотѣлъ медленно задушить ихъ постоянно усиливающимся давленіемъ, — но и эта штука не удалась.

Пораженный грубымъ поступкомъ Карла X, народъ поднялся вдругъ, тотчасъ послѣ изданія знаменитыхъ ордонансовъ; постоянно раздражаемый мелкими притѣсненіями и постоянною неискренностью Людовика Филиппа, народъ постепенно сознавалъ несостоятельность своего правительства; и мало-по-малу накоплялъ противъ него ненависть и презрѣніе. Въ концѣ концовъ, результатъ вышелъ одинъ и тотъ же, и Людовикъ Филиппъ собственнымъ печальнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, что во Франціи гнетъ всегда ведетъ за собою взрывъ, и что этотъ физическій законъ не измѣняется даже въ томъ случаѣ, если гнетъ будетъ производиться съ рассчитанною медленностью и если тяжести будутъ подкладываться самыми мелкими долями. Езуитская тактика правительства не обманула народа, и исполнѣ двинулъ плечомъ, когда почувствовалъ боль и стѣсненія.

V.

Республика.

Паденіе іюльской монархіи и основаніе республики развязало руки журналистамъ; появилось множество новыхъ изданій; воспоминанія 93 года воскресли, и люди временнаго правительства увидѣли, что потребности и стремленія общества далеко опередили ихъ собственныя, близорукія, доктрины. Журналистика постоянно заявляла новыя требованія общества, постоянно разрушала своею критикою нравственное вліяніе правительственныхъ распоряженій, и тѣ самые люди, которые при Людовикѣ Филиппѣ считали себя радикалами и лучшими защитниками народныхъ правъ, вскорѣ замѣтили, что, очутившись во главѣ правленія, они превращаются въ робкихъ доктринеровъ и тормозятъ собою свободное развитіе народной жизни. Люди временнаго правительства захотѣли узнать волю народа посредствомъ поголовной подачи голосовъ — имъ доказали, что результатъ пресловутаго *suffrage universel*

часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ желаніемъ націи; люди временнаго правительства захотѣли облегчить участь рабочаго класса учрежденіемъ мастерскихъ, раздачею орудій, назначеніемъ директоровъ, инспекторовъ и контролеровъ, — имъ доказали, что прежде всего необходимы заказы, запросъ на работу, сбытъ издѣлій; люди временнаго правительства захотѣли наложить подати на богачей, брать налоги съ капиталовъ и съ предметовъ роскоши — имъ доказали, что всякій налогъ въ концѣ концовъ всею тяжестью обрушивается все-таки на пролетаріевъ. Словомъ, люди временнаго правительства, искренно желая добра своему отечеству, видѣли, что кромѣ добрыхъ желаній, у нихъ нѣтъ ровно ничего: ни силъ, ни средствъ, ни практическихъ знаній, ни энергической воли. Члены временнаго правительства были люди честные, но честность — достоинство отрицательное, а разрѣшеніе той общественной задачи, которую поставила на очередь февральская революція, требовало положительныхъ, колоссальныхъ силъ. Надо было разрѣшить вѣковой споръ между трудомъ и капиталомъ, надо было спасти пролетарія отъ голодной смерти, надо было обезпечить его существованіе не филантропическими заведеніями, похожими на тюрьмы, а такимъ общественнымъ порядкомъ, который отнялъ бы у одного человѣка возможность эксплуатировать трудъ сотни другихъ людей. Какъ это сдѣлать?—въ этомъ заключался весь вопросъ. Но вопросъ этотъ былъ такъ важенъ, что его неудовлетворительное разрѣшеніе неминуемо должно было погубить плоды февральской революціи. Только сытые люди могутъ быть свободными гражданами; толпа голодныхъ и продрогшихъ бѣдняковъ всегда пойдетъ за тѣмъ чѣловѣкомъ, который покажетъ ей въ перспективѣ обезпеченный кусокъ хлѣба; диктатура Цезаря и имперія Августа вышли изъ римскаго пролетаріата; имперія Наполеона III также неизбѣжно должна была выдти изъ неудовлетворительнаго рѣшенія соціальной задачи. Члены временнаго правительства понимали важность предстоящаго дѣла, но дѣло это было имъ не по силамъ; всѣ ихъ попытки оказывались неудачными: они терялись и опускали руки, а время было горячее; размышлять было некогда, потому что каждый потерянный день усложнялъ и безъ того тяжелое положеніе страны; кредитъ падалъ, торговля шла вяло, мастерскія закрывались, капиталы прятались, ремесленники сидѣли безъ работы, безъ хлѣба, безъ пристанища. Надо было дѣйствовать, но какъ дѣйствовать, что предпринять? Положеніе временнаго правительства дѣлалось трагическимъ. Журналистика оглушала ихъ совѣтами, упреками, насмѣшками, теоретическими и практическими замѣчаніями всякаго рода, воззваніями къ народу, выходками противъ доктринеровъ, противъ коммунистовъ. Рядомъ съ дѣльными мыслями встрѣчались тысячи нелѣпостей и груды звонкихъ фразъ;

народъ имѣлъ свои экономическія причины къ неудовольствію; неудовольствіе это выражалось въ демонстраціяхъ и мѣстныхъ возстаніяхъ; правительство несправедливо винило въ этихъ возстаніяхъ задорную журналистику, которая сама по себѣ не имѣла бы никакого вліянія; явилось распоряженіе противъ свободы печати, и радикалы іюльской монархіи стали на точку зрѣнія тѣхъ людей, которыхъ они сами громили рѣчами съ парламентской трибуны и статьями въ журналахъ либеральной партіи. Уже 29 февраля было запрещено приклеивать на стѣны и распространять въ народѣ листки, на которыхъ не означено имя типографщика. Это запрещеніе предполагаетъ возможность преслѣдовать типографщика за напечатаніе такого сочиненія, которое не понравится правительству, состоящему изъ радикаловъ. Въ концѣ іюня 1848 года, диктаторъ, генералъ Кавеньякъ, распорядился съ журналами по-военному. Десять журналовъ было закрыто.

«Въ минуты общественныхъ кризисовъ, говорили члены правительства, можно и должно рѣшиться на все». Жирарденъ, главный редакторъ журнала *Presse* былъ подвергнутъ предварительному аресту; его продержали двѣ недѣли въ секретной, и національное собраніе изъявило Кавеньяку общественную признательность за энергическое служеніе истиннымъ интересамъ отечества.

Въ началѣ августа, реакція противъ своеволія прессы сдѣлалась систематическою; правительство не ограничилось наказаніями журналовъ и журналистовъ; оно потребовало гарантій и возстановило обязательные залогов; правительство, выражавшее теплую любовь къ пролетаріямъ, выказывало ту идею, что человекъ, не имѣющій возможности внести сумму въ 24,000 франковъ для обезпеченія своего добропорядочнаго поведенія въ печати, не имѣетъ права издавать журналъ.

«Мы требуемъ, говорилъ въ національномъ собраніи гражданинъ Сенаръ, гарантій противъ анархической прессы, противъ прессы социалистовъ, противъ той зловредной прессы, которая толкуетъ о правахъ труда, противъ журналовъ, которые продаются по 5 сантимовъ и обращаются къ бѣднякамъ, неимѣющимъ возможности абонироваться. Что касается до серьезной и важной журналистики, до тѣхъ органовъ, которые имѣютъ 500,000 франковъ основнаго капитала,—то мы не думаемъ ихъ беспокоить, потому что эта пресса отличается своей нравственною чистотою и просвѣщеннымъ патріотизмомъ».

Предлагаемая мѣра была одобрена, получила силу закона и немедленно принесла свои благодѣтельные плоды; нѣсколько журналовъ закрылось вслѣдствіе недостатка средствъ, и народъ лишился многихъ честныхъ органовъ, горячо стоявшихъ за его разумныя права. Въ концѣ 1848 года, Людовикъ Наполеонъ Бонапарте былъ избранъ пре-

зидентомъ французской республики и началъ исподволь, съ своею обыкновенною осторожностью, готовить вторую имперію. Въ маѣ 1849 года новый президентъ запретилъ шесть журналовъ и въ томъ числѣ знаменитую *Réforme*, игравшую такую важную роль въ агитаціи противъ министерства Гизо. Редакціи этихъ журналовъ были заняты вооруженными солдатами, типографскіе станки разбиты и приведены въ негодность.

Въ іюль 1849 года министръ Одилонъ-Барро, тотъ самый, который стоялъ такъ недавно во главѣ либеральной оппозиціи, объявилъ въ національномъ собраніи, что положеніе страны требуетъ усиленія законовъ противъ злоупотребленій печати. Ему возразили, что никогда еще законы противъ печати не спасали правительство и не восстанавливали спокойствія въ странѣ. Это возраженіе не смутило бывшаго предводителя оппозиціи: «это возможно, отвѣчалъ онъ очень откровенно, но во всякомъ случаѣ подобныя законы отсрочиваютъ паденіе правительства».

Несмотря на сопротивленіе либеральныхъ членовъ національнаго собранія, новые законы были приняты. Они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ собою законодательныя мѣры 1819, 1822, 1828 и даже 1835 года. Залогъ остался необходимымъ условіемъ для изданія журнала; сочиненія, касающіяся политики или политической экономіи и заключающія въ себѣ менѣе 20 печатныхъ листовъ, должны быть представляемы прокурору республики за двадцать четыре часа до публикаціи и поступления въ продажу. Эта статья новаго законодательства показываетъ, что правительство республики боится учредить предварительную цензуру, но на самомъ дѣлѣ вполне сочувствуетъ принципу этой цензуры.

Дѣйствительно, въ 24 часа очень не трудно прочесть брошюру листовъ въ десять; прочитавъ эту брошюру, прокуроръ можетъ начать преслѣдованіе противъ книги раньше поступления ея въ продажу, слѣдовательно, онъ можетъ предупредить ея выходъ въ свѣтъ. Такого рода система для писателя и издателя тяжелѣе чисто предупредительной цензуры; предупредительная цензура спасаетъ издателя отъ разорительныхъ издержекъ; она запрещаетъ или разрѣшаетъ сочиненіе въ рукописи или въ корректурѣ. Система, принятая законодательствомъ 1849 года, напротивъ того, допускаетъ печатаніе книги и потомъ предоставляетъ себѣ право остановить ея распространеніе. Издатель лишень такимъ образомъ всякой гарантіи и принужденъ принимать на себя роль цензора въ отношеніи къ писателю. Если бы издатель былъ даже человѣкомъ глубоко преданнымъ какой нибудь идеѣ, если бы онъ за распространеніе этой идеи въ обществѣ готовъ былъ подвергнуться самой тяжелой отвѣтственности, то новая статья закона помѣшала бы ему поступить такимъ образомъ; представляя экземпляръ вновь отпечатан-

ной книги къ прокурору; за двадцать четыре часа до публикаціи о ней, издатель можетъ быть увѣренъ, что все изданіе книги будетъ немедленно захвачено, если въ книгѣ заключаются какія нибудь идеи, не соответствующія вкусу правительства. Новое законодательство не ограничилось этими предосторожностями.

Оскорбленіе президента республики путемъ печати причислено къ преступленіямъ; при этомъ не оговорено, что именно можетъ считаться оскорбленіемъ, такъ что подъ категорію оскорбленій оказалось возможнымъ подводить всякое критическое замѣчаніе, всякое порицаніе дѣйствій правительства.

Чтобы сдѣлаться разнощикомъ книгъ, надо получить предварительное разрѣшеніе правительства; журналъ, навлекшій на себя неудовольствіе правительства и осужденный два раза въ теченіи одного года, можетъ быть запрещенъ на-время или навсегда; членъ національнаго собранія не можетъ быть отвѣтственнымъ редакторомъ журвала. Такимъ образомъ, послѣ двухъ революцій, Франція опять очутилась почти въ томъ же положеніи, въ которомъ она находилась при Карлѣ X; формы были приличнѣе, но фактическое положеніе писателей нисколько не улучшилось; тотъ же дамокловъ мечъ висѣлъ, если не надъ ихъ головами, то надъ ихъ карманами; залогъ, штемпельный сборъ, штрафы и тюремныя заключенія, задержаніе книги раньше ея поступленія въ продажу, запрещеніе журнала, замѣченного въ несприятномъ образѣ мыслей, — всѣ орудія гнета, всѣ способы стѣсненія снова были на лицо, снова въ полномъ собраніи находились въ рукахъ административной власти. Всѣ книги, кромѣ молитвенниковъ, азбукъ, грамматикъ и календарей, были подчинены штемпельному сбору и вслѣдствіе этого должны были сильно возвыситься въ цѣнѣ, такъ что французскимъ книгопродавцамъ становилось невозможнымъ бороться съ иностранною контръ-факціею.

Новая статья закона потребовала, чтобы каждая статья, напечатанная въ журналѣ и касающаяся политики, философіи или религіи, была подписана собственнымъ именемъ автора; за ложную подпись взыскивается штрафъ и опредѣляется шестимѣсячное тюремное заключеніе какъ автору статьи, такъ и отвѣтственному редактору журнала. Это нововведеніе распространяло отвѣтственность на автора и на редактора; таково было общее направленіе правительственныхъ распоряженій; правительство хотѣло, чтобы возможно большее число лицъ подвергалось отвѣтственности; оно рассчитывало, такъ: если не побоятся авторъ, то побоятся редакторъ; если не редакторъ, то издатель; если не издатель, то типографщикъ; не типографщикъ, такъ книгопродавецъ, — пусть всѣ боятся отвѣтственности, и тогда ненавистная идея, родившаяся въ мозгу безпокойнаго писателя, поневолѣ должна будетъ заглухнуть въ

неизвѣстности. Вплоть до нынѣшняго 1862 года, этотъ расчетъ оказывался вѣрнымъ, а что будетъ дальше—неизвѣстно.

Еще новое распоряженіе правительства обязало отвѣтственнаго редактора вносить положенные штрафы въ теченіи трехъ дней послѣ объявленія судебного приговора; неисполненіе этого правила вѣдетъ за собою прекращеніе журнала. Президентъ велъ дѣло такъ круто, что литераторамъ не разъ пришлось пожалѣть о королѣ Людовикѣ-Филиппѣ.

Такъ прозябала французская пресса до конца 1851 года. 2 декабря 1851 года президентъ республики распустилъ національное собраніе, распустилъ государственный совѣтъ, объявивъ Парижъ въ осадномъ положеніи и, обращаясь къ французскому народу, спросилъ у него, согласенъ ли онъ поручить ему, Людовику-Наполеону Бонапарту, составленіе новой конституціи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ былъ служить результатъ поголовной подачи голосовъ. Чтобы надлежащимъ образомъ направить эту *свободную* подачу голосовъ, Людовикъ-Наполеонъ принялъ свои мѣры. Подозрительныя типографіи и литографіи заняты военными отрядами; при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ устроена потихоньку цензурная коммиссія; двѣнадцать журналовъ, въ томъ числѣ *National* и *Siècle* запрещаются; редакторы этихъ журналовъ и множество непріятныхъ для правительства писателей высылаются за предѣлы Франціи. Оппозиція лишается такимъ образомъ лучшихъ своихъ предводителей; поголовная подача голосовъ происходитъ въ такое время, когда некому руководить общественнымъ мнѣніемъ и обличать дѣйствія президента; очень понятно, что результатъ оказывается благопріятенъ для Людовика-Наполеона. Комедія сыграна—французскій народъ уполномочилъ его создать новую конституцію.

VI.

При Наполсовѣ III.

Въ декабрѣ 1851 года президентъ республики издалъ декретъ, по которому вѣдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи. Пресса потеряла такимъ образомъ свою лучшую и послѣднюю гарантію—судъ присяжныхъ; прессу отдали въ руки коронныхъ судей; движеніе реакціи пошло такъ быстро, какъ не шло ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ.

Въ февралѣ 1852 года президентъ республики издалъ органическій декретъ о печати, который убилъ послѣдніе остатки свободы мысли и

открыто подчинилъ прессу безграничному произволу центральной власти. По этому декрету каждый издатель журнала обязанъ испрашивать у правительства предварительное разрѣшеніе. Каждый типографщикъ и литографщикъ, каждый книгопродавецъ обязанъ взять патентъ отъ министра полиціи, который, конечно, можетъ отказать въ этомъ патентѣ, если считаетъ просителя человѣкомъ неблагонадежнымъ. Если издатель журнала желаетъ продать свой журналъ, то покупатель долженъ также испрашивать разрѣшеніе правительства, чтобы имѣть право продолжать изданіе журнала. Если перемѣняется отвѣтственный или главный редакторъ, то эта перемѣна производится не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Политическіе или экономическіе журналы, издающіеся за-границею, могутъ быть ввозимы во Францію только съ разрѣшенія правительства. Если бы весь органическій декретъ не былъ очень печальною и серьезною дѣйствительностью, то эта статья его показала бы честнымъ гражданамъ Франціи смѣшною шуткою: Францію охраняютъ отъ вреднаго вліянія заграничныхъ идей, Францію, ту самую Францію, которая въ продолженіи шестидесяти лѣтъ была родиною и колыбелью социальныхъ и демократическихъ идей. Президентъ даетъ себѣ трудъ беречь умственную невинность такой страны, въ которой три революціи изломали въ конецъ сословныя грани, вѣковые авторитеты, рутину мысли и жизни. Къ сожалѣнію, до нашего времени, до нынѣшняго дня еще нельзя рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли г. президентъ давалъ себѣ въ этомъ случаѣ напрасный трудъ? Событія до сихъ поръ не отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, а между тѣмъ не хочется вѣрить, чтобы теперешнее *statu quo* уже рѣшило этотъ вопросъ отрицательно.

Органическій декретъ удвоилъ сумму залоговъ и довелъ его для ежедневныхъ газетъ до 50,000 франковъ; штемпельная пошлина увеличилась; плата за пересылку по почтѣ, сливавшаяся съ штемпельною пошлиною по закону 1850 года, была восстановлена.

Органическій декретъ запретилъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати, и, кромѣ того, предоставилъ всѣмъ трибуналамъ право запрещать, по своему благоусмотрѣнію, печатаніе отчетовъ о процессахъ исправительной полиціи, гражданскихъ и уголовныхъ. За журналами осталось только очень незавидное, но за то неотъемлемое право публиковать приговоръ, и то, вѣроятно потому, что приговоръ не можетъ ни въ какомъ случаѣ остаться государственною тайною.

Органическій декретъ запретилъ печатать статьи, написанныя такими лицами, которыя осуждены на карательное и безчестящее или только на безчестящее наказаніе. За нарушение этого правила издатели, отвѣтственные редакторы и типографщики подвергаются штрафу отъ 1000 до 5000 франковъ. Эта статья закона направлена противъ

политическихъ преступниковъ, противъ тѣхъ изгнанныхъ литераторовъ, въ которыхъ президентъ не могъ предполагать особенно дружелюбныхъ наклонностей къ своей особѣ и къ своему правительству. Президенту казалось необходимымъ застращать издателей и типографщиковъ, чтобы отрѣзать изгнанникамъ всякую возможность имѣть вліяніе на общественное мнѣніе страны.

Самое важное нововведеніе органическаго декрета заключается въ системѣ правительственныхъ распоряженій (avertissements). Министерство, замѣчая вредныя тенденціи журнала, имѣеть, по словамъ декрета, право послать издателю предостереженіе; вслѣдъ за вторымъ предостереженіемъ оно имѣеть право приостановить журналъ на два мѣсяца безъ приговора суда.

Высшее правительство имѣеть право приостановить журналъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ послѣ осужденія его за проступокъ противъ законовъ печати. Оно можетъ также, по своему благоусмотрѣнію запретить провинившееся изданіе.

Запрещеніе журнала неизбѣжно въ случаѣ осужденія его за преступленіе, совершенное путемъ печати, или въ случаѣ двукратнаго осужденія его за проступки, совершенные путемъ печати въ теченіи двухъ лѣтъ.

Кромѣ того журналъ можетъ также быть запрещенъ, въ видахъ общественной безопасности, особымъ декретомъ президента республики.

Положеніе прессы вслѣдствіе органическаго декрета дѣлалось до такой степени тяжелымъ, что знаменитые сентябрскіе законы 1835 года, изданные Людовикомъ-Филиппомъ вслѣдствіе постоянныхъ покушеній на его драгоценную жизнь, могли сравнительно показаться легкими и милосердыми. Сентябрьскіе законы оставили по крайней мѣрѣ судъ присяжныхъ и выгородили прессу отъ административныхъ распоряженій. При Людовикѣ-Филиппѣ даже за оскорбленіе королевской власти нельзя было безъ суда взять ни одной копѣйки штрафа, нельзя было подвергнуть издателя самому легкому аресту. При Людовикѣ-Наполеонѣ все сдѣлалось возможнымъ; самый законъ предвидитъ возможность крайнихъ мѣръ и незаконныхъ посягательствъ административной власти на частную собственность. Посягательствами административной власти на частную собственность могутъ быть названы по всей справедливости приостановка или запрещеніе журнала, производящіяся безъ суда, по декрету президента или по запрещенію министра. Приостановка или запрещеніе журнала наноситъ убытокъ издателю и владѣльцамъ; этотъ убытокъ наносится безъ суда, слѣдовательно онъ можетъ быть нанесенъ и правому, и виноватому; слѣдовательно, самымъ текстомъ своего органическаго декрета президентъ республики предоставляетъ себѣ и своимъ министрамъ право самовольно бить по карману свободныхъ граж-

данъ французской республики. Очевидно, что Людовикъ-Наполеонъ поставилъ прессу на военное положеніе и объявилъ себя диктаторомъ, имѣющимъ надъ журналами право жизни и смерти. Онъ не боялся именно той или другой идеи, тѣхъ или другихъ стремленій періодической литературы; онъ просто хотѣлъ парализовать энергію мысли, нагнать на пишущихъ людей робость и нерѣшительность, свести ихъ всѣхъ на уровень посредственности и такимъ образомъ, опошливъ литературу, ослабить нравственное вліяніе образованныхъ и передовыхъ людей на массу публики и народа. Все въ органическомъ декретѣ направлено прямо къ этой цѣли. Читая и перечитывая этотъ декретъ съ величайшимъ вниманіемъ, журналисты никакъ не могли сообразить, о чемъ и какъ можно писать, что именно составляетъ преступленіе и проступокъ, въ какихъ случаяхъ министерство будетъ дѣлать предостереженія, какія статьи могутъ вызвать противъ себя особый декретъ президента. Всѣ подробности были совершенно неясны; ясно было только одно, вовсе неутѣшительное обстоятельство—то, что правительство было неразборчиво въ средствахъ, и что оно отъ души ненавидѣло свободную журналистику. Что отъ этого правительства нельзя было ждать справедливости — въ этомъ сознавалось само правительство, предоставляя себѣ право дѣйствовать безъ суда. О милосердіи нечего было и толковать; къ тому же зависѣть отъ милосердія правительства въ сущности все равно, что зависѣть отъ его произвола. Органическій декретъ въ эффектной перспективѣ показывалъ литераторамъ цѣлый лабиринтъ препятствій и неприяностей. «Я васъ буду преслѣдовать», говорилъ президентъ. — За что? «Это уже мое дѣло; я васъ предупредилъ, будьте осторожны». Получая такое неопредѣленное предупрежденіе, похожее на таинственную угрозу, литераторы, конечно, должны были стать втупикъ и растеряться; Людовику-Наполеону только этого и хотѣлось. Очень естественно, что пресса, пробирающаяся ощупью между невѣдомыми опасностями, не можетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Гдѣ царствуетъ постоянный, неясный страхъ, тамъ не можетъ быть энергіи, а политическая литература безъ энергіи, безъ твердыхъ гарантій, безъ самостоятельности, неминуемо должна впасть въ совершенное ничтожество. Неопредѣленность органическаго декрета сдѣлала то, чего не могли бы сдѣлать самыя жестокія уголовныя наказанія. Весь 1852 годъ былъ ознаменованъ многочисленными предостереженіями; многіе журналы закрылись по собственному желанію, находя борьбу съ правительствомъ невозможною по неравенству силъ и оружія; административная система предостереженій, приостановокъ и запрещеній окончательно восторжествовала надъ системою судебныхъ преслѣдованій. Процессы по дѣламъ печати сдѣлались очень рѣдкими, и правительство стало поражать журналы, не выслушивая никакихъ оправданій, не при-

нимая никакихъ объясненій. Нѣкоторые журналы въ эту тяжелую эпоху рѣшились высказать правительству нѣсколько горькихъ истинъ. «Правительство, пишетъ *Presse*, видитъ въ періодической литературѣ орудіе безпорядковъ и смутъ; оно поступаетъ, сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, и мы надѣемся польстить его самолюбію, объявляя громко, что никогда еще ни одно законодательство не вооружалось противъ этого стараго врага такими страшными и многочисленными средствами угнетенія; мысль подобна воздуху и пару—она сильна и опасна только при давленіи; намъ жаль, что у насъ отнимаютъ судъ присяжныхъ и что насъ подчиняютъ приговору полицейскихъ судовъ. Мы помнимъ, впрочемъ, что во время реставраціи эти суды давали блестящія доказательства честности и самостоятельности».... «Надъ нами постоянно виситъ угроза запрещенія; одинъ декретъ можетъ зажать намъ ротъ и уничтожить нашъ органъ».... «Вступая въ новую, многотрудную карьеру, мы будемъ разсчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, единственной несокрушимой силы»....

«Всего серьезнѣе и опаснѣе для печати тѣ распоряженія, писала *Assemblée nationale*, въ силу которыхъ журналъ можетъ быть приостановленъ приказомъ министра или запрещенъ въ видахъ общественной безопасности... Эти распоряженія уничтожаютъ всѣ гарантіи, необходимыя для предпріятія, основаннаго на какомъ-нибудь капиталѣ; ужъ лучше было-бы оставить предупредительную цензуру, которой насъ подчинили со 2-го декабря, чѣмъ возвратитъ намъ такую *свободу*, которою мы, при всѣхъ предосторожностяхъ, не можемъ пользоваться, не навлекая на себя самыя гибельныя послѣдствія»... «Свобода печати проникла въ наши нравы и привычки; всякое правительство поневолѣ должно дать ей мѣсто. Если оно теперь уничтожаетъ ее не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, то публика будетъ искать въ другихъ мѣстахъ ту умственную пищу, которую она до сихъ поръ находила въ журналахъ». Нашлись, впрочемъ, и такіе литераторы, которые съ сочувствіемъ отнеслись къ новому законодательству. Веронъ, въ журналѣ «*Constitutionnel*», оправдалъ его такими-то высшими административными соображеніями. Журналистъ сошелся въ этомъ случаѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Персиньи, который въ одномъ изъ своихъ докладовъ императору, въ началѣ 1853 года, прославляетъ органическій декретъ, какъ одно изъ величайшихъ благодѣяній, оказанныхъ Франціи Наполеономъ III. Въ этомъ любопытномъ докладѣ встрѣчаются, напримѣръ, слѣдующіе лестные отзывы о періодической литературѣ. «Теперь пресса уже не можетъ измѣнить своей настоящей роли и сдѣлаться орудіемъ партій; теперь она не можетъ тревожить страну ложными извѣстіями о несуществующихъ опасностяхъ; такимъ образомъ устранено великое зло, а между тѣмъ свобода мысли осталась неприкосновенною. Никогда еще тонъ

прессы не отличался такимъ благородіемъ, такою скромностію, вполнею сообразною съ достоинствомъ писателей. Никогда еще она не обнаруживала такихъ патріотическихъ чувствъ». Что должны были чувствовать французскіе журналисты, когда Персинья гладилъ ихъ такимъ образомъ по головкѣ—это я предоставляю рѣшить самому читателю. Изъ доклада министра мы видимъ, что правительство Наполеона неусыпно заботилось о нравственномъ воспитаніи гражданъ. Благоразуміе, скромность, достоинство, патріотическія чувства—вотъ тѣ нравственныя качества, которыя оно стремилось путемъ пріостановокъ и запрещеній провести черезъ періодическую литературу въ общество. Воспитателями націи были назначены всѣ полицейскіе чиновники; въ департаментахъ журналы зависѣли отъ мѣстныхъ властей, отъ префектовъ и ихъ помощниковъ.

Добросовѣстно отправляя свои педагогическія обязанности, эти чиновники считали долгомъ вразумлять провинившихся литераторовъ, и потому, облекая свои предостереженія въ болѣе или менѣе литературную форму, они обыкновенно присоединяли къ нимъ назидательныя размышленія. Такъ напр. *Conciliateur de l'Indre* напечаталъ, что «новое законодательство о печати наноситъ рѣшительный ударъ самымъ элементарнымъ началамъ общественнаго права и свободы». За это *Conciliateur* получилъ предостереженіе, въ которомъ было сказано, что, говоря такимъ образомъ о правительственныхъ распоряженіяхъ, журналъ «отстываетъ отъ благородія и умѣренности, составляющихъ необходимое условіе періодической прессы». *Gazette du Midi* напечатала въ одной статьѣ курсивомъ слова *народъ* и *законный*; ей сдѣлали предостереженіе и замѣтили въ курсивѣ лукавое намѣреніе осмѣять примѣненіе этихъ словъ къ недавнимъ событіямъ. Въ *Ami de l'Ordre* попалась такая фраза: «исторія говоритъ намъ, что имя Бонапарта не всегда бываетъ спасительнымъ талисманомъ противъ паденій». Эта фраза подала поводъ къ предостереженію; правительство приняло ее за дерзость. Два журнала *Union bretonne* и *Esperance du Peuple* вели между собою ожесточенную полемику и обмѣнивались между собою колкостями и дерзостями, не касаясь правительственныхъ распоряженій. Префектъ послалъ предостереженія въ редакціи обоихъ журналовъ и замѣтилъ имъ, что въ ихъ статьяхъ встрѣчаются такія сильныя выраженія, которыя совершенно выходятъ изъ границъ дозволенной полемики. Такимъ образомъ заботливая администрація наблюдала не только за чистотою политическихъ мнѣній, но даже за изяществомъ манеръ и за мягкостью перебранокъ. Французы должны были во что бы то ни стало казаться счастливыми и довольными; добродушная улыбка не должна была сходиться съ ихъ губъ; журналистъ, раздраженный притѣсненіями правительства, не могъ даже на своихъ собратьевъ по ремеслу выливать избытокъ накопившейся желчи. Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ все было спокойно, чтобы

надо всю Францію царилъ мертвая тишина, чтобы даже въ частной ссорѣ между двумя журналистами не встрѣчалось ни одной рѣзкой идеи, ни одного энергическаго оборота рѣчи. Надо всю Францію раскинулась сѣть полицейскаго наблюденія; префекты и разныя мѣстныя власти съ особенною любовью взялись содѣйствовать видамъ центральнаго правительства и принялись преслѣдовать всякое гласное выраженіе непринятыхъ идей и стремленій. Нѣкоторые чиновники увлеклись такъ далеко въ дѣлѣ разыскиванія и преслѣдованія вредныхъ мыслей, что начали заглядывать въ частныя письма, отправлявшіяся за границу. За содержаніе этихъ писемъ нѣкоторые корреспонденты заграничныхъ газетъ были арестованы, бумаги ихъ опечатаны; на другой день послѣ этихъ арестовъ въ журналахъ *Pays* и *Moniteur* появились наивныя статьи, пояснявшія причину этихъ крутыхъ мѣръ; эти наивныя статьи показали, что усердіе чиновниковъ, вскрывающихъ чужія письма, не показалось высшему правительству ни преувеличеннымъ, ни предосудительнымъ. Оказалось, что Людовикъ-Наполеонъ находитъ такой образъ дѣйствій вполне естественнымъ и не краснѣя разсуждаетъ о тѣхъ фактахъ, которые ему пришлось узнать такимъ окольнымъ путемъ. «Въ Парижѣ, гласитъ статья въ *Moniteur*, подъ вліяніемъ старинныхъ партій уже давно составилось нѣсколько тайныхъ агентствъ и политическихъ корреспонденцій; изъ этихъ центровъ клеветы и анархіи выходили ежедневно, окольными путями, тѣ гнусныя и безсовѣстные пасквили, которые позорятъ собою нѣкоторые органы заграничной прессы, съ цѣлью навлечь презрѣніе Европы на правительство, добровольно принятое Францію; правительство, которому были извѣстны эти интриги, не могло долге терпѣть этой системы поруганія и опозориванія». Съ этою официальною статьею, написанною на основаніи совершенно неофициальныхъ документовъ, не мѣшаетъ сопоставить слѣдующій циркуляръ одного изъ министровъ Наполеона I. «Я узналъ, пишетъ Карно, министръ внутреннихъ дѣлъ, что во многихъ частяхъ имперіи тайна частныхъ переписокъ была нарушена агентами правительства. Кто могъ дозволить подобныя мѣры? Виновники скажутъ, можетъ быть, что они хотѣли услужить правительству и предупредить его желанія? Но вносить въ управленіе подобный образъ дѣйствій не значитъ служить императору, — это значитъ клеветать на его величество; государь съ презрѣніемъ отворачивается отъ такихъ доказательствъ преданности, которыя состоятъ въ нарушеніи законовъ. А законы говорятъ рѣшительно съ 1789 года, что тайна писемъ неприкосновенна. Всѣ наши несчастія въ различныя эпохи революцій происходили отъ нарушенія принциповъ. Пора взяться за умъ. Прошу васъ преслѣдовать, по всей строгости законовъ, это нарушеніе одного изъ священнѣйшихъ правъ цивилизованнаго человѣка, живущаго въ обществѣ. Мысль гражданина должна быть

также свободна, какъ и его личность». Сравнивая циркуляръ Карно, написанный въ 1815 году, съ статьею Монитера, напечатанною въ 1852 году, мы можемъ замѣтить, на сколько французское правительство въ теченіи 37 лѣтъ развилось въ своихъ понятіяхъ о чести. Надо сказать правду, что если правительство 1815 года было немного поделкатнѣе и поразборчивѣе въ средствахъ, то правительство 1852 года было гораздо послѣдовательнѣе. Въ глубинѣ души ни Наполеонъ I, ни Наполеонъ III не могли считать себя избранниками народа; и тотъ, и другой должны были помнить, что основаніе ихъ господства заключается въ насиліи. Позволивши себѣ крупную неправду, навязавшись въ вѣщносные благодѣтели Франціи, оба Наполеона должны были хорошо понимать, что мелкая совѣстливость въ ихъ положеніи смѣшна и приторна. Кто похитилъ корону, тому нелѣзно задумываться надъ кусочкомъ сургуча, скрывающимъ собою чужую тайну. Поэтому, деликатность Карно не можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ мысли Наполеона I; приведенный мною циркуляръ можетъ быть объясненъ или тѣмъ обстоятельствомъ, что въ распечатанныхъ письмахъ не нашлось ничего интереснаго для правительства, или же тѣмъ, что правительство нуждалось въ популярности и прикидывалось деликатнымъ, зная легковѣрность французской націи и ея привязанность къ вышнимъ формамъ вѣжливости. Въ поведеніи Наполеона III, напротивъ того, нѣтъ даже этой вышней уступки общественному мнѣнію; онъ равнодушенъ къ нему и презираетъ его вполне, не давая себѣ труда скрывать это презрѣніе; онъ не гонится ни за популярностью, ни за уваженіемъ націи; его господство—фактъ, а какъ смотреть на этотъ фактъ—до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Это откровенное презрѣніе къ цѣлой націи, сдѣлавшей три революціи, лежитъ въ основаніи всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ Наполеона III и само основывается на сознаніи рѣшительнаго перевѣса собственныхъ, матеріальныхъ силъ надъ оцѣпенѣвшими умственными и нравственными силами Франціи. Иностранные публицисты поняли и опредѣлили отношенія между императоромъ и народомъ такъ вѣрно и такъ рельефно, что *Moniteur* счелъ долгомъ обидѣться за Францію и съ укоромъ перепечатать на своихъ столбцахъ нѣкоторые отзывы англійскихъ газетъ. Вотъ, на примѣръ, что говорилъ 7-го января 1853 года *Morning-advertiser*: «На всей поверхности земнаго шара нѣтъ ничего подобнаго тому деспотизму, который тяготеетъ надъ Франціею, и тому униженію, въ которое погружена эта страна. Права народа находятся подъ каблуками Наполеона, котораго имя—синонимъ угнетенія и тиранинн. Искусство писать книги будетъ скоро совершенно оставлено у нашихъ сосѣдей. Литературные таланты преслѣдуются, какъ преступленіе; умы заключены въ оковы. Никто не смѣетъ разинуть ротъ на улицѣ, въ обществѣ, въ прессѣ. Еще нѣ-

сколько времени — и французы будут погружены въ такое варварство, которому нельзя будетъ найти подобіе въ исторіи націй». «Къ чему увеличивать число цитатъ, съ глубокою грустью присовокупляеть *Moniteur*. Довольно и этого, чтобы показать, въ какихъ выраженіяхъ нѣкоторые журналы отзываются о дружественной націи и о томъ государствѣ, котораго призвали на престоль ея восторженные клики». Надо было глубоко презирать французскую республику, чтобы въ официальномъ журналѣ перепечатывать отзывъ *Morning-advertiser'a*, заключающій въ себѣ такую горькую правду. Правительство Наполеона смотритъ на свой портретъ и, обращаясь къ публикѣ, которая очень хорошо знаетъ, что портретъ похожъ, какъ двѣ капли воды, говоритъ въ своемъ официальномъ журналѣ: посмотрите, добрые люди, какъ на насъ клеветуютъ; посмотрите, какая гнусная карриатура. Самъ императоръ, впрочемъ, не думалъ, что гражданская свобода процвѣтаетъ во Франціи; открывая въ 1853 году засѣданіе законодательнаго собранія, онъ въ своей рѣчи помѣстилъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Тѣмъ людямъ, которые пожалѣютъ о недостаткѣ свободы, я отвѣчу: свобода никогда не содѣйствовала основанію политическаго зданія, — она вѣнчаетъ его тогда, когда его скрѣпило время». Самъ Наполеонъ скромно сознается такимъ образомъ, что свобода Франціи еще впереди, и съ нимъ соглашаются въ этомъ отношеніи всѣ здравомыслящіе французы, хотя, конечно, они рисуютъ себѣ эту вождельщину свободу не совсѣмъ такъ, какъ обѣщаетъ ее императоръ. Приближенные Наполеона расходятся во мнѣніяхъ съ своимъ властелиномъ и прославляютъ свободу Франціи, какъ нѣчто дѣйствительно существующее въ настоящемъ. «Развѣ не свободна та страна, восклицаетъ Тролонъ въ Монитерѣ, въ которой можно, не имѣя дѣла съ цензурою, писать книги обо всѣхъ предметахъ религіи и философіи, политики и нравственности? Развѣ не свободна та страна, въ которой журналы имѣютъ право говорить, когда они должны были бы молчать, или молчать, когда они должны были бы говорить?» Особенно завидно послѣднее право, въ которомъ Тролонъ видитъ доказательство французской свободы, — право молчать. Презрѣніе Наполеона къ націи становится понятнымъ, когда приходится читать подобныя панегрики о свободѣ, написанные не дюжиннымъ продажнымъ писателемъ, а человекомъ, обезнеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и высоко поставленнымъ по своему общественному положенію. Читая ежедневно подобныя статьи въ *Moniteur*, въ *Pays*, въ *Constitutionnel*, выслушивая разныя торжественныя рѣчи въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ, Наполеонъ могъ на неопредѣленное время отсрочить обѣщанное вѣнчаніе политическаго зданія. «Зачѣмъ я буду расширять свободу этой страны, говорилъ онъ одному англійскому министру, съ нея

довольно; она большого не желаетъ, а представители ея и отъ этого готовы отказаться».

Journal des Débats возражалъ на статью Тролона, и редакторъ его Вертенъ удачно очертилъ положеніе журналистовъ послѣ обнародованія органическаго декрета. «Насъ, говоритъ онъ, не пугаетъ никакое законодательство, какъ бы ни было оно сурово; насъ пугаетъ то, что приходится писать впотьмахъ, думая при каждомъ словѣ, что, не смотря на всю благонамѣренность, мы выходимъ за предѣлы тѣхъ правъ, которыя намъ оставлены. Мы не просимъ своеволія, Боже сохрани! Мы всегда возставали противъ него; мы не просимъ даже такой свободы, которая, можетъ быть, несовмѣстна съ теперешними обстоятельствами и потребностями Франціи. Пусть авторъ (Тролонъ) скажетъ намъ только (такъ какъ онъ это знаетъ), въ какихъ случаяхъ мы имѣемъ право говорить, и когда мы должны были бы молчать; мы бы сочли себя совершенно счастливыми. Кто держится мнѣній г. Тролона, кто раздѣляетъ его политическія симпатіи и пользуется содѣйствіемъ Монитера, тотъ, конечно, можетъ считать себя совершенно свободнымъ и даже не понимать тѣхъ мучительныхъ затрудненій, въ которыя поставлены люди честные, уважающіе общественный порядокъ и желающіе только высказывать совершенно умѣренно свои идеи, не вполнѣ сходныя съ идеями г. Тролона».

Органическій декретъ принесъ свои плоды, и писатели поняли всю свою беззащитность.

Въ послѣдніе десять лѣтъ, т. е. со времени изданія органическаго декрета до нынѣшняго дня, въ судьбѣ французской прессы не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій. Правительство по прежнему смотритъ за журналистикою во всѣ глаза и по прежнему въ официальныхъ статьяхъ своихъ литературныхъ агентовъ и въ официальныхъ рѣчахъ своихъ чиновниковъ превозноситъ ту драгоценную свободу, которою пользуются французскіе писатели. Журналистика съ своей стороны тихо стонетъ о своихъ потерянныхъ правахъ и гарантіяхъ и, не смотря на свою осторожность, навлекаетъ себѣ предостереженія за предостереженіями.

Каждое политическое событіе отзывается на отношеніяхъ правительства къ прессѣ. Когда журналистика пытается разгадать тайну дипломатическихъ соображеній Наполеона, когда она высказываетъ свои догадки и предположенія, тогда ей замѣчаютъ сверху, что она вмѣшивается не въ свое дѣло и понапрасну тревожитъ націю своими попытками заглянуть за непроницаемую завѣсу будущаго. Переговоры съ Австріею, предшествовавшіе началу итальянской войны, подали газетамъ

поводъ предвидѣть приближеніе важнаго событія; въ началѣ февраля 1859 года *Presse* въ статьѣ объ итальянскомъ кризисѣ заявила сочувствіе Франціи къ страданіямъ угнетенной Итали; въ этой статьѣ было выражено желаніе, чтобы Франція остановила посягательства Австріи. За эту статью *Presse* получила предостереженіе, въ которомъ было сказано, что «подобныя выходы могутъ возбуждать въ умахъ неосновательное безпокойство». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого предостереженія въ продажѣ появилась брошюра, подъ заглавіемъ «Napoléon III et l'Italie», не подписанная авторомъ; нѣкоторыя французскія и заграничныя газеты приписывали эту брошюру самому императору; какъ бы то ни было, эта брошюра выражала тѣ самыя мысли, за которыя *Presse* получила предостереженіе; она приглашала дипломатію сдѣлать «наканунѣ битвы то, что поневолѣ придется сдѣлать на другой день послѣ побѣды». Не смотря на эти ясныя намеки, брошюра не подверглась преслѣдованію, и даже тѣ журналы, которые видѣли въ ней произведеніе самаго императора, не получили за свои догадки никакихъ предостереженій. Журналистика, видя, что брошюра остается безнаказанною, опять заговорила о приближеніи войны; тогда официальная газета *Moniteur* въ началѣ марта замѣтила, что «все это бредъ, воображеніе и ложь, и что пора оставить безъ вниманія неясныя слухи, распространяемые журналистикою по всѣмъ концамъ Европы». 5 марта была напечатана эта статья, а 3 мая въ томъ же Монитерѣ правительство извѣстило Францію о началѣ войны. Намѣренія правительства до послѣдней минуты остаются такимъ образомъ тайною; политическимъ газетамъ запрещается даже догадываться и предполагать; имъ остается такимъ образомъ только записывать совершившіяся событія, не выводя изъ нихъ смѣльныхъ заключеній; даже записать событіе позволяется только въ томъ случаѣ, если его нельзя утаить или не зачѣмъ утаивать. Когда началась итальянская война, то министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило журналамъ слѣдующее замѣчаніе: «Правительство уже нѣсколько разъ совѣтовало журналамъ публиковать съ крайнею осторожностью извѣстія и письма, относящіяся къ итальянской арміи. Правительство теперь еще разъ принуждено напомнить журналамъ обязанности, налагаемыя на нихъ текущими событіями. Они должны воздерживаться отъ печатанія подробностей, не имѣющихъ серьезнаго характера, распространяющихъ тревогу въ семействахъ или обманывающихъ общественное мнѣніе на счетъ положенія нашей арміи; тѣмъ болѣе они должны избѣгать сообщенія такихъ свѣдѣній, которыя могли бы приносить пользу неприятелю. Они поймутъ также, что не слѣдуетъ произвольно разсыпать похвалу или порицаніе и подрывать авторитетъ официальныхъ бюллетеней несправедливыми сужденіями или смѣшными объявленіями. Правительство надѣется, что это воззваніе къ просвѣщенному патріо-

тизму французской прессы предупредить дальнѣшнія уклоненія; находящіяся впрочемъ въ странномъ разладѣ съ единодушными проявленіями національнаго чувства, которое въ журналистикѣ должно находить себѣ достойное отраженіе». Первое свойство, бросающееся въ глаза при чтеніи подобныхъ документовъ—это фразистость и мягкость рѣчи; подумаешь, что министерство находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ литературою и пишетъ ей самыя пріятныя и любезныя замѣчанія; на самомъ же дѣлѣ выходитъ, что пилюля очень горька, не смотря на свою позолоту; практическій выводъ изъ бумаги министерства тотъ, что журналы не должны печатать объ итальянской арміи ничего, кромѣ официальныхъ бюллетеней, т. е. они должны, не мудрствуя лукаво, не толкуя вкривъ и вкосъ, съ вѣрою, надеждою и любовью идти по слѣдамъ Монитера и перепечатывать изъ него извѣстія объ итальянской арміи. Можетъ быть министерство не хотѣло придти къ этому суровому выводу, можетъ быть оно желало только, чтобы редакторы не пускали утокъ, но редакторамъ, получившимъ этотъ циркуляръ, надо было поневолѣ отказаться отъ печатанія частныхъ извѣстій. Получая письмо изъ Италіи, они никакъ не могли знать, что всё сообщаемыя въ немъ извѣстія совершенно вѣрны. Если даже эти извѣстія были вѣрны, то нельзя было знать, находитъ ли правительство полезнымъ ихъ обнародованіе. Правительство всегда имѣло предлогъ послать журналу предостереженіе за напечатаніе частнаго извѣстія; оно могло сказать, что такое-то извѣстіе способно встревожить общественное мнѣніе или же, что имъ можетъ воспользоваться непріятель. Приведенный мною циркуляръ министерства по своему общему характеру сходенъ съ органическимъ декретомъ; онъ, подобно послѣднему, грѣшитъ своею совершенною неопредѣленностью; общіе совѣты, которые правительство даетъ литераторамъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются совершенно неосязательными—они только сбиваютъ съ толку; что можно писать, чего нельзя писать—это все-таки остается неизвѣстнымъ; поэтому тотъ редакторъ, который желаетъ оградить себя отъ всякой отвѣтственности и чувствовать себя совершенно спокойнымъ, долженъ принимать самыя преувеличенныя, часто совершенно излишнія предосторожности. Вотъ на что и разсчитываетъ правительство; вотъ задняя мысль, побуждающая его издавать неопредѣленныя узаконенія и разсылать циркуляры, не имѣющіе осязательнаго смысла.

Послѣ окончанія итальянской компаніи, 16 августа 1859 года послѣдовали другъ за другомъ два милостивые декрета: во-первыхъ, объявлена полная амністія «всѣмъ лицамъ, осужденнымъ за политическія преступленія и проступки и изгнаннымъ изъ Франціи въ видахъ общественной безопасности», и во-вторыхъ, «всѣ предостереженія, данныя

журналамъ въ силу декрета 17 февраля 1852 года, объявлены недействительными».

Эти два милостивые декрета имѣютъ свою обратную сторону; правительству очень хотѣлось привлечь во Францію тѣхъ политическихъ изгнанныхъ, которые за границею были опаснѣе, чѣмъ въ отечествѣ, потому что за границею они могли писать и печатать такія вещи, которыя во Франціи не нашли бы себѣ ни издателя, ни типографщика. За личною великодушія кроется такимъ образомъ очень вѣрный политическій расчетъ. Второе милостивое распоряженіе, т. е. уничтоженіе уже давнихъ предостереженій, тоже объясняется довольно просто: многіе журналы имѣли уже по два предостереженія; запретить ихъ за третій поступокъ было неудобно, потому что провинившихся было слишкомъ много, а возбуждать безъ особенной необходимости вниманіе и неудовольствіе общества непріятно даже такому правительству, которое не придаетъ значенія расположенію гражданъ; если же третій поступокъ журналовъ не повелъ бы за собою запрещенія, тогда это обстоятельство могло ослабить нравственное вліяніе предостереженій; стало быть, запретить нѣсколько журналовъ разомъ было неудобно, оставить ихъ безнаказанными — также неудобно; оставалось только простить данныя *avertissemens* и придать этому акту прощенія какъ можно больше торжественности. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не удивить публику великодушіемъ и милосердіемъ, когда это великодушіе и милосердіе не стоитъ ни копейки и даже нисколько не уменьшаетъ силы правительства? Вѣдь любой изъ прощенныхъ журналовъ могъ быть закрытъ по распоряженію административной власти на другой же день послѣ милостиваго прощенія, если только онъ своимъ послѣдующимъ поведеніемъ показалъ бы недостатокъ признательности и благонадежности.

Въ сущности положеніе журналистики нисколько не улучшилось отъ этой милости; литераторы, конечно, поняли это и дали это замѣтить правительству.

Послѣ окончанія итальянской войны на очередь выдвинулся вопросъ о папствѣ; французскіе публицисты начали разработывать его въ брошюрахъ и въ журнальныхъ статьяхъ. Журналы клерикальной партіи старались обвинить Наполеона въ недостатокъ благочестія и въ неуваженіи къ правамъ папы; эти попытки побудили правительство обратить особенное вниманіе на статьи, писавшіяся подъ вліяніемъ духовенства; это особенное вниманіе выразилось въ томъ, что на клерикальнице журналы посыпались предостереженія; затѣмъ послѣдовали болѣе серьезныя мѣры. — *Univers* былъ запрещенъ.

«Религіозная журналистика, писавшая по этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ въ докладѣ императору, забыла, что ея дѣло — умѣрять страсти и мирить враждующія стороны. Журналъ *l'Univers* въ особен-

ности, не обращая вниманія на сообщаемыя ему предостереженія, каждый день доходить до послѣднихъ предѣловъ буйства; по его милости возникаютъ пылкія полемики; въ которыхъ, къ сожалѣнію, его выходки вызываютъ рѣзкія возраженія, служація соблазномъ и огорченіемъ для всѣхъ добрыхъ гражданъ». Терян *Univers*, французская пресса потеряла, конечно, очень немного, но тѣмъ не менѣе, въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ, правительство Наполеона осталось вѣрнымъ своему основному принципу, отвращенію къ рѣзко проведеннымъ идеямъ и къ крайнимъ выводамъ, сдѣланнымъ въ ту или въ другую сторону. Въ такой странѣ, какъ Франція, при томъ правительствѣ, которымъ она пользуется уже слишкомъ десять лѣтъ, преданность интересамъ католической религіи должна, конечно, считаться признакомъ благонамѣренности, потому что католицизмъ, какъ извѣстно, вовсе не поощряетъ развитія свободной мысли и вовсе не оправдываетъ возстанія человѣческаго разума противъ авторитета преданій и существующихъ учреждений. Не смотря на то, правительство Наполеона смотритъ недоброжелательно на ревностныхъ католиковъ; ревностный католицизмъ есть все-таки сильное убѣжденіе, не смотря на всю свою ветхость и мертвенность; а сильное убѣжденіе всякаго рода не можетъ быть терпимо при томъ порядкѣ вещей, который господствуетъ въ современной Франціи; фанатики — все-таки люди безпокойные; они мѣшаютъ и противодѣйствуютъ развитію крайней централизаціи; какъ бы они ни были безтолковы, съ ними все-таки не такъ легко управляться, какъ съ людьми совершенно безличными и равнодушными вслѣдствіе своей посредственности. До свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ дошло извѣстіе, что въ департаментахъ распространяются стараніями духовенства разныя брошюры, агитирующія въ пользу папы; тотчасъ къ префектамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ напоминалось, что законъ запрещаетъ раздавать или продавать брошюры безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, и что нарушители этого правила подвергаются тюремному заключенію срокомъ отъ одного мѣсяца до полугода и денежному штрафу отъ 25 до 500 франковъ. Тонъ этого циркуляра даетъ замѣтить, что правительство не желаетъ давать спуска служителямъ церкви. «Въ этихъ случаяхъ, гласитъ окончаніе циркуляра, правительство должно будетъ на столько удалиться отъ своего обычнаго милосердія, на сколько это будетъ необходимо для укрощенія взволнованныхъ умовъ; поэтому я требую отъ васъ въ одно и то же время умѣренности и твердости!»

Обуздывая такимъ образомъ излишнюю ревность пастырей и служителей церкви, правительство въ то же время не допускаетъ, чтобы частныя лица высказывали печатно критическія замѣчанія о религіи, о церкви и о духовенствѣ. Процессъ Прудона, происходившій въ 1858 году, показываетъ ясно, что философская мысль свободна во Франціи

на столько, на сколько она держится въ области чистыхъ отвлеченностей; вы можете разсуждать сколько вашей душѣ угодно о субъективности и объективности, объ идеальномъ и трансцендентальномъ, но если вы вздумаете съ философской точки зрѣнія посмотрѣть на существующую дѣйствительность, на осязательныя явленія и учрежденія, то вамъ тотчасъ же придется имѣть дѣло не съ литературными оппонентами, а съ императорскимъ прокуроромъ и мѣстнымъ трибуналомъ исправительной полиціи.

22 апрѣля 1858 года, въ Парижѣ, у братьевъ Гарнье поступила въ продажу книга Прудона: «О справедливости въ революціи и въ церкви», состоявшая изъ трехъ томовъ, и заключающая въ себѣ 1700 страницъ убористаго шрифта; 27 апрѣля полиція получила отъ императорскаго прокурора приказаніе остановить распространеніе этой книги; 28-го книга была захвачена въ полицію; 2 іюня судъ исправительной полиціи приговорилъ Прудона къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ уплатѣ штрафа въ 4000 франковъ; книгу его признали вредною и продажу ея запретили; издатель Гарнье и типографщикъ Бурдье также признаны виновными: перваго посадили въ тюрьму на одинъ мѣсяць, втораго — на 15 дней; съ того и съ другаго взыскали по 1000 франковъ штрафа. Но правительство этимъ не удовлетворилось; находя, что Гарнье недостаточно наказанъ, оно перенесло дѣло въ высшую инстанцію, которая приговорила подсудимаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію и къ штрафу въ 4000 франковъ.

Осужденные могли разсчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, которое вообще не расположено смотрѣть строго на политическія преступленія, и которое, по правдѣ сказать, не понимаетъ, чтобы та или другая мысль могла быть преступною; но правительство постаралось отрѣзать имъ удобнѣйшій путь къ сношенію съ обществомъ: органическій декретъ запретилъ журналамъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати; осужденнымъ оставался еще одинъ способъ: законъ 1819 года, не отмѣненный послѣдующими законодательствами, позволялъ подсудимому написать и напечатать защитительный мемуаръ. Текстъ закона говорилъ положительно, что напечатаніе этого мемуара не можетъ подать повода къ новымъ преслѣдованіямъ и нисколько не увеличиваетъ вины подсудимаго.

Прудонъ написалъ свою защиту, но парижскіе типографщики отказались печатать ее. «Правительство предупредило насъ, отвѣчали они ему, что все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, опасно. Мы ничего не будемъ печатать для васъ безъ разрѣшенія прокурора». Прудонъ обратился тогда къ генеральному прокурору; онъ напомнилъ ему, что статья 23 закона 17 мая 1819 года дозволяетъ печатаніе защиты безо всякихъ стѣсненій, и просилъ его дать формальное свидѣтельство, удо-

стѣвряющее типографщика въ томъ, что для него не можетъ быть никакой опасности. Чтобы показать прокурору умѣренность своихъ требованій, Прудонъ соглашался даже напечатать свой мемуаръ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Эта уступка не подвинула впередъ дѣла Прудона.

— Я вамъ не могу дать никакого свидѣтельства, отвѣчалъ ему прокуроръ; назначать вамъ количество экземпляровъ я также не имѣю права. У васъ есть ваше право, у насъ есть свое право. Поступайте, какъ знаете, принимая на себя рискъ и отвѣтственность.

Прудонъ готовъ былъ рисковать собою, но одной готовности было мало. Надо было найти типографщика, а въ Парижѣ не нашлось охотниковъ за чужое дѣло платить штрафъ и сидѣть въ тюрьмѣ.

Прудонъ напечаталъ свой мемуаръ въ Брюсселѣ, но это тоже не помогло. Его книжку не впустили во Францію, и приговоръ не былъ измѣненъ.

Дѣйствія французскаго правительства въ отношеніи къ Прудону находятся въ совершенной гармоніи съ порядкомъ вещей, водворившимся съ 1852 года. Удивляться нечему; негодовать смѣшно, потому что негодование ничего не разъясняетъ. Посмотримъ лучше, въ чемъ именно заключаются въ данномъ случаѣ отступленія правительства отъ законности. Два обстоятельства прежде всего бросаются въ глаза: во-первыхъ, книгу захватили черезъ пять дней послѣ ея поступленія въ продажу, во-вторыхъ, типографщикамъ запретили принимать отъ Прудона для напечатанія тотъ мемуаръ, который законъ положительно позволяетъ обнародовать каждому гражданину, обвиненному за преступленіе или проступокъ, совершенный путемъ печати. Первое обстоятельство доказываетъ, что книга была захвачена по подозрѣнію, или вѣрнѣе, по предубѣжденію правительства противъ личности автора. Въ пять дней невозможно прочесть 1700 страницъ серьезнаго сочиненія, особенно если читатель имѣетъ добросовѣстное желаніе отдать себѣ отчетъ въ основной идеѣ книги и обсудить вліяніе этой идеи на умы согражданъ и современниковъ. Если же приказаніе захватить книгу Прудона было отдано тогда, когда еще убѣжденіе въ дѣйствительности ея вреднаго вліянія не могло составиться въ умѣ коронныхъ чиновниковъ, то очевидно, что правительство поступало съ Прудонѣмъ не какъ съ гражданиномъ, заподозрѣннымъ въ преступленіи, а какъ съ личнымъ врагомъ.

Второе обстоятельство обнаруживаетъ намъ ту же самую непримиримую и притомъ трусливую ненависть правительства къ Прудону. У него отнимаютъ то средство, которое по закону предоставляется каждому подсудимому; всѣ мысли Прудона заранѣе объявляются опасными; правительство заранѣе предупреждаетъ типографщиковъ, чтобы потомъ, въ случаѣ появленія какой нибудь новой книги опаснаго писателя,

имѣть возможность взыскать съ провинившагося типографщика вдвое строже, какъ съ человѣка сознательно и преднамѣренно идущаго наперекоръ желаніямъ административной власти. Подвергая отвѣтственности типографщика, правительство фактически возстановляетъ предупредительную цензуру, и притомъ возстановляетъ ее въ самомъ тяжеломъ видѣ. Цензоръ, какъ чиновникъ отъ правительства, не имѣетъ права сказать писателю: я не хочу читать вашу рукопись, а типографщикъ всегда можетъ сказать: я не хочу печатать ваше сочиненіе, точно также, какъ всякій купецъ можетъ сказать, что не хочетъ продать вамъ тотъ или другой товаръ, точно также, какъ всякій домовладѣлецъ можетъ отказать вамъ въ квартирѣ. Конечно, съ другой стороны, цензоръ, поставленный отъ правительства, можетъ зачеркнуть всю представленную ему рукопись, но, поступая такимъ образомъ, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, найти объясненіе своему поступку; вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ, сказать автору: «я запрещаю вашу статью, потому что ваша фамилія—Прудонъ». Въ благоустроенномъ государствѣ можно жаловаться на самоуправство чиновника, но жаловаться на типографщика, не желающаго принять отъ васъ заказъ—это все равно, что жаловаться на купца, съ которымъ вы не сошлись въ цѣнѣ товара. При существованіи предупредительной цензуры, правительство Наполеона III могло бы значительно ослаблять дѣятельность Прудона; но совершенно запретить ему писать—это такой подвигъ, на который оно, можетъ быть, не рѣшилось бы, боясь громкаго и смѣшнаго скандала. Когда же будутъ запуганы типографщики, тогда правительство можетъ запретить вамъ писать, ни сколько не компрометируя себя дѣйствіями рѣзкаго произвола; стоитъ только оштрафовать двухъ, трехъ типографщиковъ—и ваши литературная дѣятельность окажется прерванною, потому что ни одинъ типографщикъ не захочетъ изъ за васъ разоряться и сидѣть въ тюрьмѣ. Вы, можетъ быть, захотите открыть свою собственную типографію? Но вы забываете, что для этого надо взять патентъ отъ правительства, которое можетъ отказать вамъ, не выходя изъ предѣловъ закона.

Словомъ, если сравнивать между собою двѣ системы законовъ о печати — карательную и предупредительную, то, безъ всякаго сомнѣнія, надо будетъ отдать предпочтеніе карательной, но при этомъ надо будетъ замѣтить, что французское законодательство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо карательнымъ.

Карательнымъ по настоящему можетъ быть названо только такое законодательство, которое предоставляетъ каждому гражданину полную возможность писать и печатать что ему угодно, и потомъ взыскиваетъ съ него за нарушеніе извѣстныхъ правилъ. Когда отвѣтственность ограничивается личностями писателя и издателя, тогда законодательство остается еще карательнымъ, потому что издатель, какъ человѣкъ, за-

трачивающій на книгу свой капиталъ и содѣйствующій такимъ образомъ предпріятію автора, можетъ быть признанъ его нравственнымъ соучастникомъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, станетъ тратить свои деньги на неизвѣстное ему дѣло? Если же издатель знаетъ автора и характеръ его книги, то онъ можетъ быть названъ его единомышленникомъ. Издатель можетъ получить отъ продажи книги выгоду, слѣдовательно, онъ можетъ дѣлать съ авторомъ опасности предпріятія. Взысканія съ издателей могутъ только уничтожить породу мелкихъ спекуляторовъ, издающихъ такіа книги, о которыхъ они сами не имѣютъ понятія. Слѣдовательно, налагая взысканія на издателей, законодательство не перестаетъ быть карательнымъ, потому что оно ничѣмъ не усложняетъ положеніе писателя, желающаго печатать свой трудъ. Если у писателя есть свободныя деньги, онъ самъ можетъ быть издателемъ; если у него нѣтъ денегъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ обратиться къ другому лицу и поставить себя въ нѣкоторую зависимость отъ него; это другое лицо, конечно, разочтетъ цѣну предпріятія и его возможныя выгоды; сдѣлавъ этотъ приблизительный расчетъ, оно рѣшится издавать или не издавать предлагаемую книгу; если это другое лицо откажетъ автору, то авторъ можетъ обратиться къ любому изъ своихъ знакомыхъ, имѣющихъ свободный капиталъ и сочувствующихъ его предпріятію; каждый изъ этихъ знакомыхъ можетъ быть издателемъ, потому что на это не надо ни особеннаго разрѣшенія правительства, ни особеннаго заведенія. Но если бы, напримѣръ, только одни парижскіе трактирщики имѣли право издавать книги или, если бы человѣкъ, желающій издать книгу, долженъ былъ сначала попросить позволенія у правительства, тогда, конечно, законодательство перестало бы быть чисто карательнымъ, потому что тогда правительство имѣло бы возможность препятствовать обнародованію того или другаго сочиненія; оно могло бы сдѣлать это или запугивая извѣстнымъ образомъ парижскихъ трактирщиковъ, или же отказывая въ необходимомъ позволеніи тѣмъ людямъ, которые пожелаютъ сдѣлаться издателями. Именно такъ и поступаетъ правительство съ типографщиками. Оно знаетъ, что типографщикъ получаетъ просто деньги за работу и что онъ, слѣдовательно, не заинтересованъ лично въ успѣхѣ книги; если бы на немъ не лежала отвѣтственность, то онъ печаталъ бы безъ разбору все, что ему заказываютъ, точно также, какъ напримѣръ, оружейникъ продастъ вамъ ружье или пистолетъ, не освѣдомляясь о томъ, какъ вы намѣрены пользоваться этими орудіями. Типографщикъ есть содержатель мастерской; онъ — исполнитель, не заинтересованный въ успѣхѣ предпріятія; какъ бы хорошо ни пошла книга, онъ все-таки получитъ ту же условленную плату, которую получилъ бы въ случаѣ совершенной неудачи; спрашивается, ради чего же типографщикъ рѣшится подвергать себя малѣйшему риску?

Съ одной стороны, правительство представляетъ ему въ перспективѣ судъ, тюрьму и штрафъ; съ другой стороны, писатель и издатель предлагаютъ ему обыкновенную плату за трудъ. Всѣ выгоды типографщика побуждаютъ его рассмотреть очень внимательно, нѣтъ ли какойнибудь опасности? Если есть хоть тѣнь опасности, типографщикъ откажется отъ предлагаемой работы; такъ поступитъ и другой, и третій, и всѣ типографщики. Окажется, что писатель и издатель остаются съ своимъ отвлеченнымъ правомъ печатать все, что угодно. Книга остается непечатанною. А кто же помѣшалъ ея напечатанію? Конечно, не типографщики; типографщикамъ все равно, что ни печатать. Помѣшало правительство, которое грозитъ наказаніемъ не только писателю, не только людямъ, обнаруживающимъ нравственное сочувствіе его идеямъ, но и тѣмъ ремесленникамъ, которые приводятъ его идею въ исполненіе и работаютъ по его заказу. А если правительство мѣшаетъ напечатанію книги, то оно, очевидно, измѣняетъ чисто карательной системѣ.

Если подвергать взысканію типографщика, который ни душой, ни тѣломъ не участвуетъ въ идеѣ автора, то отчего же не наказывать фабриканта бумаги, на которой напечатана вредная книга? Отчего не взыскивать съ каждаго отдѣльнаго наборщика? Отчего не судить переплетчика, брошюрующаго сочиненіе, несогласное съ видами правительства? Существеннаго различія нѣтъ между типографщикомъ и остальными ремесленниками, содѣйствующими сооруженію книги. Если взыскивать съ типографщика, то нѣтъ причины ограничиваться имъ однимъ. Эта непоследовательность французскаго законодательства объясняется именно тѣмъ, что правительство старается замаскировать карательными формами предупредительный элементъ своихъ дѣйствій. Правительство ненавидитъ самую свободу мысли; его тревожитъ самое безвредное проявленіе этой свободы; оно боится простыхъ выводовъ здравой логики, потому что его существованіе, его происхожденіе, его дѣйствіе во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ этимъ простымъ выводамъ. Поэтому, правительство желаетъ обуздывать, а не наказывать. Ему важно, чтобы мысль не распространилась въ обществѣ, а не то, чтобы мыслитель посидѣлъ въ тюрьмѣ или заплатилъ штрафъ. Процессъ, тюрьма, штрафъ—все это лишняя огласка, все это нарушаетъ дремоту общества, которую правительство старается поддержать во что бы то ни стало. Поэтому карательная система не удовлетворяетъ требованіямъ французскаго правительства. Возвратиться къ предупредительной системѣ оно какъ-то совѣстится; вѣроятно ему памятно то впечатлѣніе, которое постоянно производило на французское общество учрежденіе предупредительной цензуры; памятно и то обстоятельство, что Людовикъ-Филиппъ, вступая на престолъ, торжественно обѣщалъ націю, что цензура никогда не будетъ восстановлена. Сочувствуя въ глубинѣ души

предупредительной системѣ и, между тѣмъ, не рѣшался привести ее въ дѣйствіе, правительство Наполеона III изобрѣло какую-то смѣшанную систему, чрезвычайно удобную для администраціи и невыносимо тяжелую для писателей. Выгоды чисто карательной системы заключаются для писателей въ томъ, что онѣ, рискуя или жертвуя собою, могутъ пустить въ ходъ самую смѣлую идею. Выгоды чисто предупредительной системы заключаются также для писателей въ томъ, что они, по настоящему, ни за что не отвѣчаютъ и ничѣмъ не рискуютъ. Система Наполеона отнимаетъ у писателей выгоды обѣихъ системъ; писатель за все отвѣчаетъ и, не смотря на то, ничего не можетъ провести въ общество помимо воли правительства. Было бы вовсе не удивительно, если бы французскіе писатели теперь попросили Наполеона учредить цензуру; тогда они по крайней мѣрѣ пользовались бы безнаказанностью и могли бы быть совершенно спокойны. Когда Прудонъ обратился къ генеральному прокурору съ просьбою о свидѣтельствѣ, удостоверяющемъ типографщика въ отсутствіи опасности, когда онъ, чтобы получить это свидѣтельство, соглашался ограничить количество экземпляровъ, смотря по желанію прокурора, тогда Прудонъ очевидно желалъ, чтобы прокуроръ, оберегая и успокаивая типографщика, принялъ на себя ту роль, которую при существованіи предупредительной цензуры играетъ цензоръ. Прокуроръ, какъ мы видѣли, отказался отъ этой роли; онъ сказалъ Прудону, что умываетъ руки въ его дѣлѣ, и сочиненіе Прудона осталось непечатаннымъ. Значить, цензура типографіи запретила книгу, а между тѣмъ и авторъ, и издатель, и прежній типографщикъ попали подъ судъ, подъ штрафъ и въ тюрьму.

Все это вовсе не доказываетъ превосходства предупредительной системы надъ карательною. Наша литература до сихъ поръ находилась въ невыгодныхъ условіяхъ; это сознавали всѣ наши честные писатели; въ этомъ убѣдилось и правительство, рѣшившееся сдѣлать существенныя преобразованія въ нашемъ законодательствѣ о печати. Занявшись составленіемъ новыхъ правилъ, правительство пригласило литературу заявить свое мнѣніе и освѣтить, по возможности, вопросъ историческимъ и сравнительнымъ обзоромъ законовъ о печати, существующихъ въ другихъ образованныхъ государствахъ Европы. Настоящій очеркъ былъ вызванъ этимъ приглашеніемъ. Историческая часть моего обзора окончена; читатель имѣетъ понятіе о положеніи французской прессы въ настоящее время; утомлять его вниманіе перечнемъ предостереженій, постановокъ, запрещеній — я считаю излишнимъ; это не усилитъ впечатлѣнія; теперь остается только сдѣлать практической выводъ; остается сказать, какъ я смотрю на исторію французскаго законодательства о печати, какимъ законамъ я сочувствую, какіе законы было бы пріятно видѣть у насъ въ Россіи и испытывать на самомъ себѣ.

Я очень хорошо знаю, что мой практический выводъ на самомъ дѣлѣ не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, но я думаю, что каждый мыслящій и пишущій человекъ имѣетъ право сказать свое искреннее слово, когда рѣшается такое дѣло, отъ котораго будетъ зависѣть во многихъ отношеніяхъ развитіе нашей литературы и движеніе нашей мысли. Поэтому, я буду говорить безъ утайки: изъ всѣхъ законовъ, смѣнившихся во Франціи со времени первой реставраціи до нынѣшняго дня, нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы не скрывалась задняя мысль правительства, враждебная дѣйствительнымъ интересамъ національной мысли. Истинная терпимость остается совершенно неизвѣстною всѣмъ французскимъ правительствамъ, быстро слѣдовавшимъ другъ за другомъ. Каждое правительство наказываетъ литератора за его мысль; каждое правительство принимаетъ предосторожности противъ журналистики, какъ противъ враждебной партіи. Залоги и штемпельный сборъ придумываются для того, чтобы уменьшить число журналовъ, чтобы возвысить ихъ цѣну и чтобы, по возможности, не пропустить ихъ въ низшіе слои націи.

Распределеніе отвѣтственности между авторомъ, издателемъ, типографщикомъ и отвѣтственнымъ редакторомъ (если дѣло идетъ о журналѣ) имѣетъ цѣлью запугать пишущихъ людей; въ основаніи всѣхъ этихъ учрежденій лежитъ глубокое недоувѣріе къ литературѣ, а недоувѣріе къ литературѣ равносильно недоувѣрію ко всей мыслящей части націи. Изъ этого основнаго чувства развиваются всѣ стѣснительныя ухищренія, всѣ замысловатыя изобрѣтенія, всѣ систематическія искаженія существовавшихъ законовъ. Если правительство смотритъ на литературу, какъ на своего естественнаго и непримиримаго врага, тогда оно, конечно, извратитъ самыя разумныя законы и сдумаетъ уничтожить самыя непоколебимыя гарантіи. Если же правительство чувствуетъ себя способнымъ довѣриться честности писателей, если оно знаетъ, что здравый смыслъ и нравственное чувство читающей публики представляетъ самый надежный оплотъ противъ преднамѣренной клеветы или противъ легкомысленной болтовни писателей менѣе честныхъ или менѣе развитыхъ, тогда это правительство не нуждается въ особомъ законодательствѣ противъ печати. Во Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи не было такого правительства; за то въ теченіи шестидесяти лѣтъ не было ни одного счастливаго года ни для народа, ни для правительства. Правительство и нація ненавидѣли и боялись другъ друга; вслѣдствіе этого техническая часть управленія доведена до виртуозности; въ законодательствѣ все предусмотрено и опредѣлено; всѣ лазейки тщательно законопачены; вотъ почему французскіе законы печати могутъ показаться очень совершенными по своей вышней Technikѣ. На самомъ же дѣлѣ это мнимое совершенство указываетъ только на крайнюю напря-

женность отношеній, господствовавшихъ между законодателями и націею. Правительство въ каждой частицѣ національной свободы видѣло только поводъ къ злоупотребленіямъ; нація въ каждомъ распоряженіи административной и законодательной власти видѣла только попытку отнять у нея какія нибудь права. Правительство съ боязливимъ вниманіемъ предусматривало и оговаривало всѣ возможные случаи нарушения закона; каждому изъ этихъ нарушеній была назначена своя такса, по возможности высокая; каждый законъ о печати заключалъ въ себѣ подробный преискурантъ преступленій и проступковъ. Нація поневолѣ должна была искать возможности ускользнуть отъ закона, вывернуться изъ частыхъ петель этой юридической сѣти. Законы были такъ составлены, что остаться правымъ передъ ними и быть въ то же время честнымъ и умнымъ писателемъ было невозможно; оставалось только грѣшнить и не попадаться, нарушать законъ и избѣгать наказанія.

Очень понятно, что такому неестественному положенію дѣлъ сочувствовать невозможно. Поэтому повторяю еще разъ, что насъ не удовлетворяетъ ни одна фаза французскаго законодательства по дѣламъ печати. Если же изъ многихъ золъ выбирать меньшее, тогда, конечно, придется отдать предпочтеніе законамъ 1819 года. По этимъ законамъ литературныя преступленія судились судомъ присяжныхъ; административныхъ мѣръ и вмѣшательства администраціи въ ходъ процесса не было; наказанія ограничивались штрафами и тюремными заключеніями; пріостановокъ и запрещеній не полагалось; залогъ считался необходимымъ для изданія журнала, и это обстоятельство было, конечно, важнымъ неудобствомъ и сильнымъ тормазомъ въ развитіи журналистики; требованіе залога оправдывается въ законѣ тѣмъ аргументомъ, что правительству необходимо обезпечить исправную уплату налагаемыхъ штрафовъ. Этотъ аргументъ оказывается несостоятельнымъ предлогомъ; обезпеченіемъ для правительства можетъ служить личность редактора и весь основной фондъ журнала; кто приступаетъ къ изданію журнала, тотъ, конечно, имѣетъ капиталъ и самъ вмѣстѣ съ этимъ капиталомъ находится въ рукахъ правительства. Зачѣмъ же еще ослаблять этотъ капиталъ, отбирая часть его въ государственное казначейство? Отвѣтъ не заставитъ себя ждать: затѣмъ, чтобы только богатые люди, которые по самому своему положенію расположены быть консерваторами, могли предпринимать изданіе журнала. Въ требованіи залога проглядываетъ та глубокая неискренность французскаго правительства, которая проходитъ чрезъ всѣ его законодательныя мѣры, касающіяся прессы. Въ законахъ 1819 года есть такія черты, которымъ невозможно сочувствовать, но при всемъ томъ они оказываются сноснѣе предъидущихъ и послѣдующихъ положеній.

Къ сожалѣнію, эти идеи не долго продержались въ полной чистотѣ

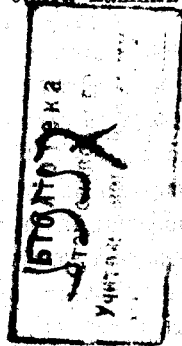
своей. Насильственная смерть герцога беррійскаго воскресила предупредительную цензуру, усилила мѣры строгости и увеличила количество преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Положеніе прессы сдѣлалось немного легче послѣ 1830 года; первое пятилѣтіе царствованія Людовика-Филиппа было, можетъ быть, самою свѣтлою эпохою въ исторіи французской журналистики нынѣшняго столѣтія. Предупредительныхъ мѣръ не было; литературныя преступленія судились присяжными; коронные чиновники отличались, правда, особенною ревностью въ преслѣдованіи отдѣльныхъ выраженій и непріязненныхъ тенденцій, но правительство не нарушало естественнаго хода правосудія: присяжные по совѣсти объявляли писателей виновными или невиновными; учрежденія были чисто карательныя, и правительство довольствовалось штрафами и тюремными заключеніями, не прибѣгая къ приостановкамъ и запрещеніямъ. 1835 годъ ознаменованъ усиленіемъ строгости; залоговъ значительно повысились; штрафы и тюремныя заключенія возросли до громадной цифры; кромѣ того, судилища получили право приостанавливать изданія на время до 4-хъ мѣсяцевъ. Какъ только явились приостановки, такъ законодательство перестало быть чисто карательнымъ. Цѣль приостановокъ заключается въ томъ, чтобы ослабить дѣйствіе журнала, который правительство признаетъ опаснымъ. Ослаблять дѣйствіе журнала, значитъ отнимать у его сотрудниковъ возможность высказывать передъ читающимъ обществомъ свои идеи; отнимать у кого бы то ни было возможность высказываться, значитъ предупреждать то преступленіе, которое онъ можетъ сдѣлать, а не наказывать преступленіе уже сдѣланное. Если правительство опредѣляетъ за литературное преступленіе огромный штрафъ, тяжелое тюремное заключеніе, даже смертную казнь, то оно все еще остается въ предѣлахъ карательной системы; если же оно старается отнять у гражданина возможность писать и печатать, тогда оно начинаетъ предупреждать, и косвеннымъ образомъ возстановляетъ цензуру.

Революція 1848 года принесла печати очень мало пользы; свобода журналистики была очень непродолжительна; уже съ августа 1848 года возстановлены залогов; потомъ стѣсненія идутъ постоянно *crescendo* и наконецъ достигаютъ своего апогея въ началѣ 1852 года, въ день изданія знаменитаго органическаго декрета. Съ этой минуты нечего и говорить о свободѣ печати во Франціи; пресса оказывается безусловно подчиненною благоусмотрѣнію полицейской власти; журналы приостанавливаются и запрещаются, книги захватываются и конфискуются безъ суда; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда правительство считаетъ нужнымъ, для виду, подвергнуть суду провинившагося литератора, — его судятъ не присяжные, а коронные судьи. Стало быть, о гарантіяхъ для личности и собственности писателя нечего и толковать. Съ мыслите-

лемъ, старающимся добраться до истины, обращаются во Франціи, по выраженію Прудона, какъ съ уличнымъ бунномъ, нарушающимъ общественный порядокъ. Его судятъ въ полицейскомъ судѣ, безъ присяжныхъ, безъ обнародованія процесса. Подвергаясь осужденію, онъ увлекаетъ за собою въ бѣду несчастнаго издателя и совершенно невиннаго типографщика. Терпя гоненіе за чужую мысль, издатель и типографщикъ по неволѣ начинаютъ присматривать за писателемъ и останавливать тѣ проявленія его идеи, которыя кажутся имъ черезъ-чуръ сильными для нашего извѣннаго вѣка. Знаменитый поэтъ, талантливый ученый, смѣлый публицистъ попадаютъ въ зависимость, подъ руководство двухъ лавочниковъ, неимѣющихъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ книгѣ. Читающая публика беретъ въ руки произведеніе Эрнеста Ренана, Жана Мишле, П. Ж. Прудона и не знаетъ, что эти извѣстные ученые имѣли каждый по два непрошенных и очень мало извѣстныхъ сотрудника. Это мѣсто надо смягчить, говорилъ какой нибудь книгопродавецъ Гарнье или Дидье; эта мысль слишкомъ смѣлая, замѣчалъ типографщикъ, котораго фамилію вѣроятно и не слыхала публика. Писатель пожимаетъ плечами, спорить, злиться, и все-таки уступаетъ; Ренанъ, Мишле, Прудонъ повинуются простому типографщику, и повинуются не въ выборѣ шрифта, а въ изложеніи своихъ любимыхъ идей, своихъ задушевныхъ убѣжденій.

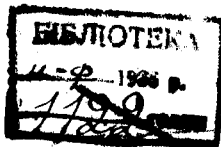
Да, намъ не въ чемъ позавидовать французскимъ писателямъ. Заимствовать намъ что нибудь изъ теперешнихъ французскихъ законовъ о печати значило бы убить въ самомъ зародышѣ нашу формирующуюся мысль, нашу пробуждающуюся энергію, наши молодныя силы, которыя мы съ радостью собираемся истратить для общаго блага нашихъ соотечественниковъ.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
I. Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы . . .	1
II. Историческіе эскизы	54
III. Очерки изъ исторіи печати во Франціи	94

НБ ПНУС

5557